

МАРІЯ РОМАНОВА

Ю доль Плачевная

Р О М А Н

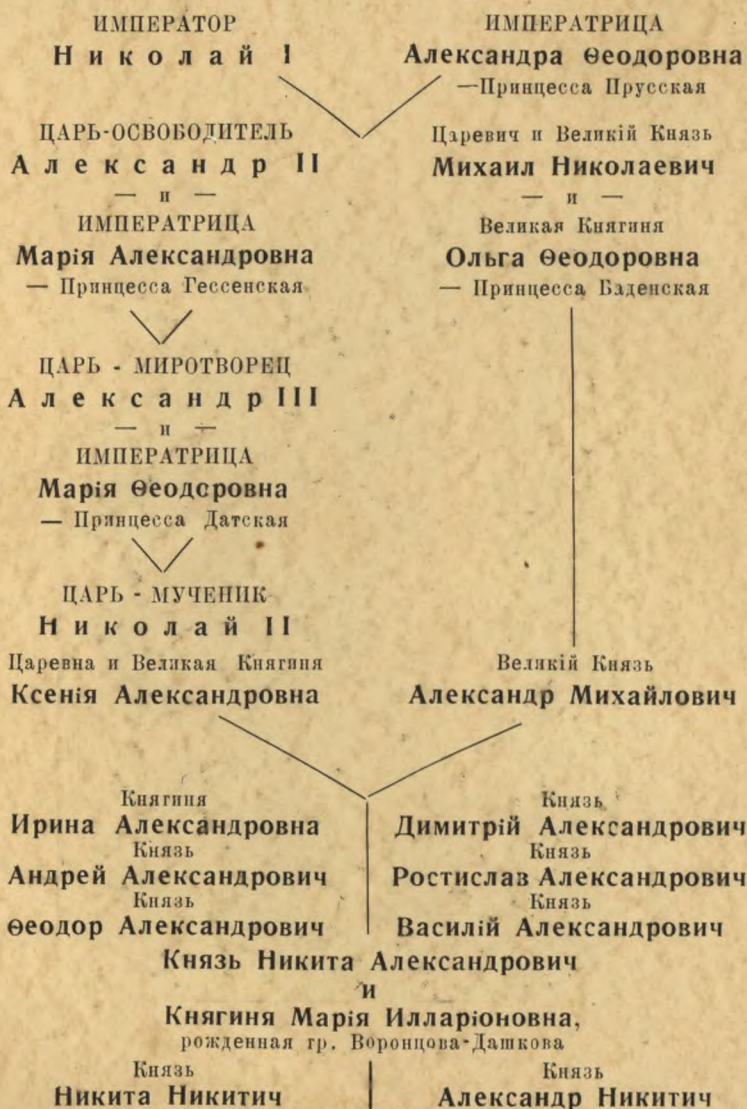

Автор с матерью

ИЗДАНИЕ «ЛУЧ» В. В. САПФЛКИНА

1956 — САН-ПАУЛО — БРАЗИЛИЯ — 1956

Краткая родословная
ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
КНЯЗЯ НИКИТЫ АЛЕКСАНДРОВИЧА

МАРІЯ РОМАНОВА

Ю доль Плачевная

Р О М А Н

ПОСВЯЩАЕТСЯ
РУССКОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Чистый доход от продажи книг идет в
благотворительный фонд
Отца Иоанна Кронштадтскаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛУЧ»

В. В. САПЪЛКИНА

1956

САН-ПАУЛО -- БРАЗИЛИЯ

1956

ВСѢ ПРАВА, В ТОМ ЧИСЛѢ И ПРАВО ПЕРЕВОДА
НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЗАКРѢПЛЕНЫ ЗА
АВТОРОМ.

*ALL RIGHTS RESERVED BY AUTHOR
INCLUDING TRANSLATIONS INTO FOREIGN LANGUAGES*

PRINTED IN BRAZIL

Княгиня Марія Илларионовна

ВВЕДЕНИЕ К РОМАНУ

„ЮДОЛЬ ПЛАЧЕВНАЯ“

В борьбѣ с воинствующим безбожіем, начавшейся в Россіи еще в 1917-ом году, никто из нас не может позволить себѣ старья или новья ошибки, ибо чelовѣчество стоит над бездонной пропастью, стоит у самаго края бездны, куда завели его лже-пророки и мнимые учителя нашего грознаго безвременія.

Для Америки, изучающей своего страшнаго врага, необходимо одновременно интересоваться и своими союзниками, главным из которых не может не быть сама Россія. И чтобы обезпечить себѣ помощь нашей Родины, борцы за Правду Божию должны заручиться довѣріем большей и лучшей части народов Россіи, находящихся не только в Совѣтском Союзѣ, но и в разбѣяніи по всему земному шару. Но думается мнѣ, если бойцы за Истину пойдут на славный подвиг без благословенія Церкви Христовой, то тщетны будут всѣ их усилія побѣдить зло, ярким воплощеніем котораго нынѣ является коммунизм.

Можно-ли назвать себя крестоносцем, не начертавъ на своем щиту знак Креста?!

Можно-ли без вѣры в Христа воевать с сатаною?!

Можно-ли без напутственной молитвы идти в Крестовый поход?!

Пониманіе и служеніе Россіи должно быть цѣлью національно-мыслящих русских. Но без перваго не может быть и втораго. Ввиду этого я взяла на себя смѣлость выразить в моей повѣсти устами бабушки и священника, Ольги и Вани существенные взгляды и чаянія тысячелѣтней Отчизны. — дорогой Отчизны, лишенной возможности поднять голос в свою защиту или сказать міру свое «Credo». «Вѣрую» нашей Матери — Россіи знают мои сверстники, и эти строки я пишу для младших поколѣній, получивших образованіе в Совѣтских или иностранных учебных заведеніях.

В 1943-44 годах мы жили с мужем и сыновьями в восточной Словакии, в православном монастыре, основанном в 1926-ом году Архиепископом Виталием, одним из самых выдающихся Святителей Зарубежной Церкви. В монастырской библиотеке было много замечательных книг, чтению которых мы предавались в досужее время. Однажды, читая жизнеописание отца Иоанна Кронштадтского, великаго чудотворца конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, я почувствовала сильное желаніе писать. Ничего подобнаго этому стремленію я никогда раньше не испытывала: я жила полной жизнью с дѣйствующими лицами моего воображенія; и настоящее, со своими неразрѣшенными вопросами и тревогами, уходило для меня на второй план. Я поставила себѣ цѣлью описать жизнь русской женщины, обреченной большевицкой революціей на скитаніе в чужих краях. Героиню моего романа—Ирину Невскую—я надѣлила красотой моей покойной матери, считавшейся в свое время одной из самых замѣчательных женщин столицы.

Удалось-ли мнѣ поймать сходство в своем литературном портретѣ, написанном не с оригинала, а лишь по памяти, с тою, которую я любила болѣе всего на свѣтѣ, станут судить тѣ, которые помнят мою мать.

Невскіе не отличались ни своими понятіями, ни мышленіями от лучшей части высшаго круга нашей сѣверной столицы. Ввиду этого, мнѣ хотѣлось-бы упомянуть вскользь о петербургском обществѣ, жизнь котораго отошла в исторію, и которое не было схоже с другими столичными кругами.

Это общество составлялось 200 лѣтъ из старых родов. Оно было в принципѣ монархическим, но не гонялось за почестями и наградами. Принадлежность к нему опредѣлялась рожденіем и личными достоинствами человека, а не титулом, чинами или положеніем при Дворѣ. Иными словами — внѣшнее дополнялось внутренней духовностью.

Богатство никогда не было ключем, отпирающим двери жилищъ высшихъ кругов общества; деньги просто не принимались в расчет. Столичное общество было широко культурным и, зная себѣ цѣну, держало себя с горделивой самостоятельностью, не преклоняясь передъ европейскимъ западом, с кото-

рым оно имѣло постоянное сношеніе. Его верхніе слои входили в состав международной аристократіи, общій языкъ которой, также как и, в дипломатическихъ сферахъ, былъ французскій. Общество было в массѣ своей религіозно, но не отличалось фанатизмомъ. Оно строго придерживалось своихъ правилъ, в основѣ которыхъ стояла христіанская добродѣтель. Общество принимало в свой кругъ поетовъ, писателей, музыкантовъ и ученыхъ, къ которымъ всегда относилось съ должнымъ уваженіемъ. Оно считало для себя возможнымъ лишь государственную службу: военную или гражданскую.

Петербургское общество было разборчиво в выборѣ друзей и осторожно открывало двери своихъ домовъ для новыхъ знакомствъ. И иностранцу было трудно проникнуть в его внутреннія сферы. Столичное общество жило, главнымъ образомъ, на доходы со своихъ имѣній.

Дѣйствующія лица моего произведенія являются плодомъ вымысла, но происшедшія с ними событія взяты мною изъ жизни.

И кончаю свое введеніе выраженіемъ глубокой признательности моимъ дорогимъ друзьямъ, которые помогли мнѣ осуществить свое давнишнее желаніе выпустить в свѣтъ «Юдоль Плачевную». Корректуръ была сдѣлана докторомъ русской филологіи; первые писательскіе уроки были мнѣ даны Ольгой Александровной Ильиной; глава о военной развѣдкѣ была написана при сотрудничествѣ поэта П. Р. Пѣтухова; готовили рукопись къ печати Нина Влад. Чебышева, Ольга Раф. Трембовельская и Людмила Георг. Келер. Преданный другъ нашей семьи—Игорь Александровичъ Яценко жертвенно взялъ на себя расходы по изданію книги.

МАРІЯ РОМАНОВА.

1956 годъ.

Г Л А В А I

БѢГСТВО С КАВКАЗА

Громадный англійскій корабль, бывший во время нѣмецкой войны плавучим госпиталем, отчалил от пристани кавказскаго порта. Был понедѣльник, тринадцатаго января. В умѣ Ирины Невской промелькнула мысль: число и день отъѣзда из Россіи — отрицательные, но два минуса в алгебрѣ дают плюс. В доме Невских никогда не садились за стол 13 человекъ, и поэтому, не будучи, по природѣ, суевѣрной, она, всетаки, считала это число несчастливым; понедѣльник же, по убѣжденію ея няни, был «тяжелым» днем, в который не слѣдовало бы предпринимать ничего важнаго, как напримѣр, — путешествіе, продажу и покупку недвижимаго имущества или баню.

Дѣвушка стояла на палубѣ, опираясь о борт судна и сосредоточенно смотрѣла на покрытый снѣгом, удаляющійся город, на мгlistые холмы и горы, замыкающіе его полу-кольцом с сѣвера и востока. Сильный вѣтер трепал темные локоны, выбивавшіеся из-под сѣрой папахи и брызгал водяною пылью в лицо; мороз неприятно колол застывшіе, в заштопанных перчатках, пальцы; он пощипывал зарумянившіяся щеки и порозовѣвшій кончик прямого носа. Ея широко-открытые, вдумчиво-грустные глаза наполнялись от холода слезами и легкая дрожь озноба пробѣгала по стройной фигурѣ.

Ирина была одна среди плачущей, плохо одѣтой толпы стариков, женщин и дѣтей, между которыми у нея не было ни родственников, ни друзей. Ея бабушка, младшій брат и няня, испугавшись холодной погоды, сидѣли внизу, в общей каютѣ третьяго класса.

«Скоро предполагается полная эвакуація Бѣлой арміи». — «Да. В Константинополѣ увидимся, даст Бог, с сыновьями», говорили возлѣ Ирины два старика. — «Спаси и сохрани, Царица Небесная, воинов: Петра, Михаила, Ивана», шептала, рядом с дѣвушкой, сестра милосердія, облокотившаяся на борт парохода и неподвижным взором слѣдившая за уменьшающейся береговою полосой

— «За что, Господи, такіа страданія? Потеряли все... Бѣжим от большевиков, сами не знаем куда? И на что будем существовать заграницей?»—жаловалась пожилая дама.

«На все воля Божія. Слава Богу, живы мы остались! В Россіи и умереть то по-христіански воспрещается, а жить-то приходится по наказу сатанинской власти,» отвѣчала первой женщинѣ ея сосѣдка — дряхлая старуха, сидѣвшая на ящикѣ около Ирины.

«На нашихъ глазахъ совершается вопіющая несправедливость! Европа празднуетъ побѣду, забывая своего вѣрнаго союзника — Царскую Россію... И пока побѣдители пируютъ, наши мужья, отцы, братья ведутъ безнадежную борьбу съ «Красными». Россія оставлена на произволъ судьбы своими прежними соратниками! — с горечью возмущалась миловидная женщина, державшая маленькую дѣвочку за руку.

«Неисповѣдимы пути Господни. С Божьей помощью вернемся на Родину; цѣлы и невредимы всѣ останемся... Великія испытанія посылаются великимъ народамъ», доносился до слуха Ирины отвѣтъ священника молодой матери, стоявшей поблизости отъ дѣвушки.

«За грѣхи наши Бог насъ покаралъ», охал одноногій инвалидъ, в грязной шинели, грузно налегая на свой костыль и ковыляя мимо Ирины.

Эти жалобы, оханья и молитвы бѣженцевъ, ихъ общее тоскливое настроеніе наводили дѣвушку на горькія думы; передъ ея мысленнымъ взоромъ вставали навязчивыя сцены изъ недавняго прошлаго: заплеванные, переполненные вагоны поѣзда, привезшаго ихъ къ Черному морю; прозрачная ледяная корочка в кувшинѣ с водою, в неотопленной комнатѣ на чердакѣ, гдѣ они с бабушкою, няней и Василиемъ ютились в продолженіе мѣсяца, в ожиданіи парохода; послѣдняя горсть муки на днѣ мѣшка; разбитая ею единственная цѣлая чашка, и черномазый пучеглазый торгашъ, приходившій к нимъ за кольцомъ с изумрудомъ, купленнымъ имъ за безцѣнокъ у старой княгини. Тогда душу Ирины охватывалъ смертельный ужасъ, ни во снѣ, ни наяву не покидавшій ее: ужасъ отъ сознанія неминуемой гибели для всѣхъ тѣхъ, кто своевременно не поспѣлъ бы бѣжать за границу. Красная Армія быстро продвигалась на Югъ, что ежедневно подтверждалось все увеличивающейся растерянностью начальства и беспорядочнымъ поведеніемъ населенія.

В то время паническій страхъ владѣлъ сердцами боль-

шинства людей и, как прилипчивая зараза, молниеносно распространялся между малодушными и маловѣрными, подкашивая послѣднюю крѣпость духа, отличающую человека от животнаго. И теперь, покидая Россію бѣдной бѣженкой, дѣвушка мечтала лишь о безопасности для себя и тѣх, кого любила или жалѣла; в своем слишком испуганном сердцѣ она не чувствовала ни сожалѣнія, ни грусти о покидаемой родинѣ. Чередующаяся вереница ея непрерывных воспоминаній остановилась на бабушкѣ, на попеченіи которой Ирина осталась со смерти своей матери, лѣтъ шесть тому назад.

«Как мнѣ жаль тебя... Ты всѣм внушаешь довѣріе и уваженіе, даже теперь, когда мы всего лишены... Ты добрая и нетребовательная. Ты никого не осуждаешь. Ты участливая и чуткая к чужому горю; тѣ, которые тебя хорошо знают, глубоко преданы тебѣ. Как люблю я тебя... Ты образованная и начитанная, от тебя вѣет мудростью. Дорогая моя бабушка...» Думы о старой княгинѣ Невской вызвали во внучкѣ желаніе быть с бабушкою; она с осторожностью, чтобы нечаянно не толкнуть кого-нибудь в толпѣ бѣженцев, начала пробираться по палубѣ к трапу.

Ирина нашла княгиню, сидѣвшую с вязаніем въ руках на складной скамейкѣ в трюмѣ, как называли бѣженцы общую каюту. У бабушки был грустный и утомленный вид.

— «Я безпокоилась о тебѣ, моя душка. Мороз на улицѣ», сказала княгиня, с привѣтливой улыбкою, своей внучкѣ.

«Мнѣ пріятно было подышать чистым воздухом. Шуба моя теплая», отвѣтила Ирина, цѣлуя руки бабушки.

«Бѣдняжку Василя укачало», продолжала княгиня, указывая головой на внука, лежавшаго рядом с нею на матраѣ.

«Свѣтопреставленіе», причитала няня, рывшаяся около них, в дорожном мѣшкѣ. —*) «Кавалерственная дама должна, как нищая, спать на соломѣ, под лѣстницей... Что мы потеряли, один Бог вѣдает... Прости, Господи, меня грѣшную. Как могло приключиться с нами такое несчастіе... спрашивала себя старуха, доставая полотенце и мыло со дна своего мѣшка. «Жили, никому не мѣшая; всѣм, кому могли, помогали. Теперь сами у

*) Орден св. Екатерины 2-ой степени.

других, даже у иностранцев, вынуждены просить помощи и терпеть оскорбления»... Няня недовольным взглядом окинула безалаберно толпившихся в каютѣ пассажиров.

«При жизни молодого князя, сам Царь в гости к нам жаловал... На балах наших бывали Императрицы, Великіе Князья, да Великія Княгини... Сами мы во Дворец ѣздили. А здѣсь, самое худшее мѣсто, в подвалѣ, угол получили»...

«Няня ворчит», шепнула внучка бабушкѣ.

«Она, бѣдная, устала», также шопотом отвѣтила ей княгиня.

«Тѣ, которые ничего не видѣли, никого не знали, выхлопотали себѣ лучшія каюты, а их Сіятельство и прилечь отдохнуть не могут»... Голос няни задрожал; она, украдкой, вытирала полотенцем горькія слезы.

«Няня, могу-ли я тебѣ помочь разложиться? В Константинополѣ будем дня через 3, не раньше», сказала Ирина, обнимая разстроенную старуху.

«Спасибо, моя добрая, сама справлюсь. Вѣдь вещей то у нас почти что нѣтъ... По одной смѣнѣ на каждого, пожалуйста, найдется-то всего» — со вздохом отвѣчала няня.

«Сестра», позвал брат, приподымаясь на матрацѣ, «виден-ли еще русскій берег?»

«Нѣтъ», тихо покачав головой, вымолвила Ирина. Печальная тѣнь скользнула по лицу бабушки и руки ея дрогнули.

«Что ты ершишься? Вот — непосѣда!», обратилась няня к Василю, который, запустив руку в ея чемодан, беспорядочно искал в нем флакон с одеколоном.

Г Л А В А II

АФИНЫ

Нѣсколько недѣль длилось путешествіе Невских из Россіи до Греціи, гдѣ старая княгиня рассчитывала найти временный пріют у своего троюроднаго брата — Виктора Петровича Польскаго.

Послѣ недѣльнаго пребыванія в домѣ Польскаго, Ирина начала замѣчать, что присутствіе молодежи, вносящее оживленіе, беспокоило ея внучатаго дядю! «Васильи его раздражает. Мы выбиваем дядю из опредѣленной колеи его жизни. Слава Богу, что он относится со вниманіем к бабушкѣ. Я подозреваю, что ему льстит

пробываніе в его домѣ княгини Невской. Конечно, дядя сноб и эгоист. Но, все-таки, добрый; он предложил бабушкѣ крупную сумму займа. Его изысканная учтивость к пожилым дамам хороший примѣръ для брата, который за послѣдніе годы распустился. И ничего удивительнаго в этом нѣтъ: сколько хамства видѣлъ он за это время, что мы сдѣлались бездомными странниками». Ирина вѣрила и своим убѣжденіем не отличалась от остальных бѣженцев, что коммунистическій режим, как крайность, не мог быть долговѣчным. К этому мнѣнію присоединился дядя Виктор. Польскій боялся всякаго риска, — чуть ли не болѣе всего на свѣтѣ, — был-ли этот риск в денежных операціях, в служебных дѣлах или просто в отношеніях между людьми. И поэтому старик радовался, что в помощи, оказанной им княгинѣ, не было повидимому ничего рискованнаго.

Дѣвушку не покидало хорошее настроеніе, так как жили они в удобной обстановкѣ и находились в полной безопасности от большевиков, а к брюзгливости дяди она привыкала, считая ее обычной склонностью стараго холостяка.

Однажды утром, поднимаясь с Василием по узкой каменной тропѣ, которая вела к Акрополю, Ирина повстрѣчалась с широкоплечим высоким мужчиною, быстро спускавшимся ей навстрѣчу. По привычкѣ смотря вперед, а не по сторонам, она нечаянно взглянула в его глаза и, смутившись своей невольной смѣлости, поспѣшила опустить взгляд и посторониться. Но человек, учтиво приподнявъ шляпу, сам сошел с пути. Удалявшаяся от незнакомца дѣвушка и не подозрѣвала, с каким интересом тот посмотрѣлъ ей вслѣд.

Возвращаясь с Акрополя, у подножія холма, она снова увидѣла того же самаго мужчину, повидимому, занятаго сниманіем видов.

Когда Ирина поравнялась с ним, он проворно щелкнулъ своим аппаратом. Дѣвушка услышала его движенія и втайнѣ порадовалась, что своим теперешним видом не смогла бы испортить фотографіи; она вспомнила, как они выглядѣли, когда пріѣхали в Афины нѣсколько недѣль тому назад.

«Стыдно было, когда прохожіе с любопытством на нас смотрѣли; нѣкоторые из них останавливались, чтобы лучше поглазѣть на «путешественников с Сѣвернаго полюса», какими, по всей вѣроятности, мы им представлялись. К счастью, дом дяди Польскаго был вблизи от вок-

зала... Помнишь-ли, Василий, наше первое шествіе по Афинам?» с веселой улыбкой, замедляя шаг и поворачиваясь к брату, спросила сестра. «На нас с тобой были папахи, на бабушкѣ и нянѣ—оренбургскіе платки, а на ногах надѣты были валенки и ботики!» «И на плечах у нас были истасканныя шубы», отвѣтил со смѣхом Василий. — «А погода тогда стояла весенняя», вслух продолжала она размышлять, «душистый теплый воздух, солнце, голубое небо и разноцвѣтные садовые цвѣты. Несмотря на тяжесть нашей одежды, причинявшей большое неудобство, с меня пот градом капал, я чувствовала себя вполне счастливой». Про себя она досказала: «Мір Божій вновь стал для меня прекрасным».

Мужчина пристально взглянул на дѣвушку в сѣром платьѣ и в недоумѣніи подумал: «на каком это языкѣ она говорит?».

Бабушка, по необходимости, позволяла внучкѣ ходить одной по Афинам; княгиня не подозрѣвала, сколько замѣчаній дѣлалось молодыми греками по адресу дѣвушки. Ирина не хотѣла догадываться, что она — причина выразительныхъ взглядовъ и задорныхъ восклицаній. Не понимая по гречески, дѣвушка всячески внушала себѣ, что ея никто на улицахъ не интересуется, и ни чужія женщины, ни незнакомые мужчины не обращаютъ на нее вниманія. Однако, ей вскорѣ, послѣ встрѣчи съ высокимъ незнакомцемъ в Акрополѣ, пришлось окончательно убѣдиться, что такое мнѣніе было ошибочно.

Ирина любовалась в городскомъ саду цвѣтами, когда ощутила сзади чье-то прикосновеніе; встревоженная, она быстро обернулась. Почти вплотную к ней, стоялъ юноша-грекъ, в великолѣпномъ національномъ нарядѣ, который своимъ живописнымъ и своеобразнымъ видомъ неизбѣжно обращалъ вниманіе гуляющей в саду публики. Нахально ухмыляясь, молодой человѣкъ ей говорилъ непонятныя слова: „я васъ не знаю и не понимаю по гречески“, торопливо отвѣтила дѣвушка по французски. Прочитавъ в его глазахъ намѣреніе ея поцѣловать, она в безпокойствѣ досказала: «Оставьте меня». И сдвинувъ строго свои густыя брови, Ирина спѣшнымъ шагомъ направилась в боковую темную аллею, в надеждѣ, что туда молодой человѣкъ не пойдетъ ея искать и отстанетъ отъ нея, безъ другой попытки познакомиться. Каково же было удивленіе дѣвушки, когда услышавъ за собою бѣгушіе шаги, она оглянулась: в своемъ преслѣдователѣ Ирина узнала назойливаго грека. С сильнымъ желаніемъ заплакать она побѣжала... Ирина спрята-

лась за широкий ствол высокой магнолии, и порывисто дыша от быстрого бѣга, слѣдила влажными глазами за юношей, который блуждающим взглядом искал пропавшую из вида дѣвушку. „Он идет по моему направлению“, тревожно подумала она, прижавшись к дереву. Его крадущіеся шаги приближались к ней; хруст сухих вѣток и листьев слышался уже у самой магнолии. Прошли секунды томящей неизвѣстности, когда, внезапно раздались тяжелые шаги человѣка, торопливо идущаго по садовой дорожке. Ирина замерла от ожиданія. Ее заставил взглянуть из-за листьев магнолии шум. „Гдѣ я видѣла этого высокаго мужчину? Помню... Я встрѣтилась с ним у Акрополя“, быстро соображала она, в то время, как широкоплечій чужестранец бил кулаками юношу-нахала. „Заслуженное наказаніе! Я надѣюсь, оно ему пойдет впрокъ“, подумала дѣвушка, когда ей стало жаль изби-таго грека.

Ея защитник, сбившій с ног своего противника, оглянулся на Ирину, которая застѣнчиво ему улыбалась. Он уже сдѣлал шаг на встрѣчу дѣвушкѣ, когда его остановил ея крик: „Берегитесь!“ Каріе глаза Ирины смотрѣли мимо него и выражали испуг. Незнакомец быстро обернулся в сторону грека, успѣвшаго подняться с земли: перед его взглядом блеснуло лезвіе ножа и, чтобы защититъ лицо от удара, он, инстинктивно, поднял руку. „Вы ранены!“... — сокрушенно воскликнула она, крайнѣ обезпокоенная видом крови, сочившейся из его лѣвой ладони. „Это пустяки“, отвѣчал по французски незнакомец, поднимая с земли нож. „Могли-бы Вы помочь мне перевязать рану, если Вас не пугает вид крови?“—спросил он, вынимая из кармана платок и подходя к дѣвушкѣ. Послѣднія слова мужчина добавил, замѣтив блѣдность ея лица и испуганные глаза, смотрѣвшіе с участіем на его окровавленную руку. Она, спохватившись, что требуется ея помощь, предложила ему сѣсть на садовую скамью; дрожащими пальцами дѣвушка стала перевязывать рану. Посмотрѣвъ на свои, испачканныя кровью руки, она не без застѣнчивости сказала: „Идем скорѣе в аптеку, я знаю одну, поблизости“. И торопливым шагом Ирина отправилась к выходу городского сада; незнакомец с Акрополя поспѣвши встать, как будто боясь потерять дѣвушку из вида и молча послѣдовал за нею. Нѣсколько минут ходьбы и они были на площади, гдѣ находилась аптека.

Покамѣст Ларошу, так назывался ей защитник, промывали рану и бинтовали ладонь, Ирина, дѣлая вид,

что интересуется витриною, украдкой поглядывала на него; она не знала, как поступить; ей не хотѣлось уходить, не поблагодарив добраго незнакомца, не узнав болит-ли его рука, но при людях дѣвушка стѣснялась это сдѣлать: она замѣчала любопытные взгляды аптекаря, бросаемые на них обоих. Эта странная, неожиданная встрѣча ее волновала; Ирина себя спрашивала: „Должна-ли я с ним разстаться, как со знакомым или, как с чужим человѣком, случайно мнѣ услужившим? Как поступила-бы бабушка?» На эти вопросы она себѣ отвѣчала: «Навѣрное позвала бы к себѣ в дом забинтовать руку. У нея в походной аптекѣ есть лѣкарства на всѣ случаи жизни. Бабушка непременно предложила бы кофе, папиросы и вино“, но подумав о своей гувернанткѣ, дѣвушка усмѣхнулась. „Благовоспитанныя барышни с чужими не разговаривают. По сторонам на улицѣ не смотрят; назад никогда не оборачиваются. И, конечно, не засматривают в лица прохожих... Этому меня учила Miss Newton. Но сегодня я нарушила всѣ эти правила приличія. Что-же мнѣ теперь дѣлать?» — мысленно разсуждала сама с собою Ирина.

„Я готов. Разрѣшите мнѣ довести вас до дома и простите меня за принесенное вам безпокойство“, раздался над ея головой голос Лароша. Ему в отвѣтъ Ирина улыбнулась смущенно и, вспыхнув, вышла с ним на залитую солнцем площадь. „Позвольте теперь Вам представиться, Андрей Ларош, канадец, французскаго происхожденія, по образованію - архитектор, по образу жизни — путешественник», говорил он, усмѣхаясь одними глазами. Ирина молчала, внимательно его слушая. Ларош с оживленіем продолжал: „Мнѣ кажется, что вы тоже иностранка, но я не могу еще опредѣлить вашу національность. Хотя ваш французскій язык и безупречен, я все же увѣрен, что вы не француженка... А гдѣ ваш маленький брат? Вы похожи друг на друга“.

Поборов свою стыдливость, Ирина стала разсказывать, кто она такая, откуда, с кѣм живет и почему Василія с ней в паркѣ не было. «Брат нездоров, это с ним, бѣдным, довольно часто случается. Я больше гулять без него не буду; предпочитаю сидѣть дома, чѣм нарываться на такія, как сегодня, непріятности“. Они шли, обмѣниваясь короткими фразами; фразами для нея — ничего не значащими, но для него — полными глубокаго смысла. И по словам и голосу дѣвушки он угадывал душевный ея облик. Ларош старался идти немного позади Ирины, чтобы незамѣтно для нея любоваться ея тонким

профілем и движеніями, привлекавшими его взор своей граціей и натуральностью. Он мысленно переносил ее в давно исчезнувшій мір, так красочно представленный греческой міѳологіей. И называя дѣвушку своим «Акропольским видѣніем», Андрей находил не подходящей для такого существа современную обстановку, лишенную всякой поэзіи. Боясь ее испугать, Ларош не выражал вслух своего восхищенія, он рѣшил пока умолчать о том, что переживал, и лишь говорил об отвлеченных предметах.

Когда на звонок открылась входная дверь в дом Польскаго, Андрей снял свою шляпу и первый протянул ей руку на прощаніе; от избытка чувств, он так крѣпко сжал пальцы Ирины, что она невольно должна была от боли поморщиться. Это заставило его поспѣшно выпустить ее руку и извиниться за свою неуклюжесть. Дѣвушка привѣтливо улыбнулась и скрылась за дверью, а Ларош, очарованный ею, не сразу ушел. Дом Ирины ему представлялся храмом цѣломудренной Діаны, с закрытыми вратами для непосвященных и нечистых.

Ирина, слегка опираясь на руку Польскаго, поднималась по мраморной лѣстницѣ мисси, разукрашенной цвѣтами и растеніями. Сердце ее нервно билось. Этот блеск, шум голосов, незнакомыя лица тревожили дѣвушку, непривычную к свѣтской жизни и отвыкшую от роскоши. Помимо ея желанія, яркія сравненія вставали перед ея глазами: там — ночные обыски и узаконенное грабительство, совершаемые красным правительством с перваго дня революціи, вѣчный страх за бабушку, которой, как вдовѣ генерал-губернатора, грозило тюремное заключеніе, боязнь за свою участь, так как подсознаніе, говорило ей, что в Совѣтской Россіи положеніе женщины безнадежно; здѣсь — веселье, богатство и вѣжливое обращеніе, свобода слова и дѣйствій, стремленіе быть красивѣе и лучше, намѣренное отбрасываніе от себя всего мрачнаго, уродливаго, грязнаго. Старый дядя был подчеркнута мил с нею, видимо гордясь своею дамой; он, как бывалый свѣтскій человѣкъ, когда-то любившій выѣзды, подтянулся, забыл в себѣ старика, оживленно и легко бесѣдуя со «слабым, но прекрасным полом», при этом не забывая представлять внучатой племянницѣ молодых людей, блистающих именами и положеніем. Его отношеніе к молодым женщинам всегда было снисходительное. Ирина рѣшила со свойственной юности опрометчивостью, что ничто другое, как эти черты характера, помѣшали дядѣ жениться. «Положеніе жены в домѣ мужа должно быть равное с ним, а не подчиненное. Я не

могла бы выйти замуж за человека, смотрящего на меня свысока», думала дѣвушка, когда слышала от Польскаго выраженія, вродѣ слѣдующих: «женщина не отвѣчает за свои поступки, она руководится чувствами, а не головой». И теперь, с шаловливой улыбкой слѣдя за дядей, любезничавшаго с красивыми дамами, она в душѣ добродушно подсмѣивалась над ним.

«Его лицо выражает удовольствіе, высокомерія и слѣда не осталось».

Посланница, окруженная разноплеменными дипломатами, впрочем, не разноязычными, так как общій язык для них всѣх был французскій, встрѣтила холодно-учтиво Ирину, но ея муж, заинтересовавшись прелестной дѣвушкой, довольно долго разспрашивал ее про их бѣгство из Россіи и хвалил ея выговор англійскаго языка, удивляясь, что она, никогда не посѣтившая Англии, так хорошо ему научилась. Ирина только что окончила краткое описаніе своих вынужденных передвиженій, когда к ним подошел мужчина, бросавшійся в глаза своим ростом. Поклонившись дѣвушкѣ, он привѣтствовал ее по англійски. Она сразу узнала его и, краснѣя, протянула ему руку. «Когда успѣли вы познакомиться с княжною Ириной Невскою?» — удивленно спросил новоприбывшаго гостя посланник и, с хитрою усмѣшкой, договорил, обращаясь к дѣвушкѣ: «Ларош избѣгает дамскаго общества и не любит свѣтскую жизнь. Мы его называем женоненавистником. В наказаніе я ему поручаю вами заняться». — «Какіе брилліанты!», — сказал Ларош, оставшись один с Ириною и обращая ея вниманіе на сидѣвшую недалеко от них старуху. До их слуха долетали ѣдкія замѣчанія старой дамы; эти замѣчанія относились к нарядной публикѣ их окружавшей. — «Как не походит она на бабушку», подумала дѣвушка и перевела свои глаза на собесѣдницу злоязычной старухи. «Она ея *dame de compagnie**) или бѣдная родственница; в ея позѣ и отвѣтах сквозит зависимость и приниженность. Несчастливая женщина!» В лучистом взглядѣ Ирины было столько участія и хороших пожеланій, что незнакомка его почувствовала и, в свою очередь, посмотрѣла на дѣвушку. Ея некрасивое, но симпатичное лицо озарилось свѣтлой улыбкой и стало привлекательным, почти красивым. «Не хотѣла-бы я быть на ея мѣстѣ», сказала Ирина Андрею. — «Вам не может грозить эта ужасная участь», шутли-

*) компаньонка. Зам. автора.

во отвѣтил он, сообразив о ком шла рѣчь. Она прочла в отвѣтѣ скрытую похвалу своей красотѣ и легкая крас-ка покрыла ея лицо. «Не хотите-ли Вы что-нибудь съѣсть или выпить?» — предложил Ларош и, отыскав свободный стул, повел к нему дѣвушку.

— «Гдѣ ваша бабушка?» — спросил он, когда она ѣла принесенное им мороженое.

— «Бабушка простудилась и не выходит. Меня привез дядя Польскій».

— «Знает-ли княгиня о нашем приключеніи?» — «Я ничего не говорила бабушкѣ, чтобы ее не разстроить», отвѣтила Ирина. «У Вас все еще забинтована рука», добавила она с участіем. — «Это пустяки». — «Я перестала одна гулять в паркѣ». — «Я полюбил там скамью у высокой магноліи. Запах ея цвѣтов для меня связан с Вами». — «Мои духи — ландыш, а бабушкины — фіалки». Дѣвушкѣ захотѣлось переменить тему разговора и она его спросила: «Удачны-ли Ваши снимки Акрополя?». — «Очень», отвѣтил Андрей, думая о ея фотографіи, снятой им у подножья извѣстнаго историческаго холма. «Если вы интересуетесь видами Греціи, то я с удовольствіем принесу показать вам мою коллекцію». — «Спасибо. Бабушка будет, я увѣрена, довольна посмотрѣть ваши фотографіи, бабушка слишком стара, чтобы ходить по музеям и окрестностям города, отыскивая древности, как дѣлаю я». — «Давно-ли вы пріѣхали в Аѣны и на долго-ли?», поинтересовался он. И не дождавшись ея отвѣта, Ларош продолжал: «Мнѣ кажется, вы появились из сказочнаго царства, до такой степени вы не похожи на дѣвушек, которых я встрѣчал здѣсь или в Канадѣ». Ирина, смущено усмѣхнувшись, замѣтила:

— «Россія и Сѣверная Америка далеко лежат друг от друга не только географически, но и духовно» — «*Les extrêmes se touchent*»,*) возразил он. «И моя страна схожа с Сибирью: наши лѣса немногим уступают вашей тайгѣ. Русскія безпредѣльные степи и широкія рѣки не удивят ни канадца, ни американца, привыкших к большим пространствам. Также много общаго и в характерѣ этих національностей: щедрость, храбрость, выносливость и широта во взглядах. У русских духовное благо цѣнится выше матеріальнаго благополучія; но цѣль у тѣх и у других — одна и та же — счастье людское. Одни его видят в постройкѣ церкви, другіе в устройствѣ госпиталя или спортивнаго клуба». — «Марія и Марфа», с застѣн-

*) крайности сходятся — Зам. автора.

чивой улыбкой вставила свои слова Ирина и, заинтересовавшись его мнѣніем, спросила: «Вы, навѣрно, читали Достоевскаго?» — «Да», согласился Андрей. «Нѣкоторыя его вещи перечитывал снова еще недавно. Достоевскій — один из моих любимѣйших писателей. Я нисколько не был удивлен узнать, что вы — русская».

— «Как интересна должна быть жизнь путешественника. Давно ли ваша семья покинула Европу?» — поторопилась она отвлечь от себя вниманіе собесѣдника. — «Мой предок — француз, de la Roche, жившій в 18-том столѣтіи, сдѣлал свое состояніе на мѣховой торговлѣ», охотно пояснил он. «Предок полюбил наш величественный и богатый край настолько, что не пожелал вернуться во Францію. Со временем пращур стал правителем цѣлой мѣстности, населенной дикими индѣйцами. Среди бѣлых и краснокожих он одинаково пользовался популярностью: в Канадѣ даже имѣются город, рѣка и озеро, названные в его честь.

De la Roche был колоссом суроваго вида, с крупными, мужественными чертами лица. Мой дѣд увѣрял, что я на него похож. Определенно это был «а he-man», добавил для поясненія Ларош и тотчас пожалѣл, что употребил такое сравненіе, опасаясь, что оно покажется грубым для нѣжнаго слуха скромной дѣвушки. Но Ирина не слышала послѣдней фразы, ее занимали контрасты в жизни людей: двор Людовика XV со всѣм его блеском неповторяемой роскоши и мрачные канадскіе лѣса; особняк бабушки на набережной Невы с красной, голубой, зеленой и сѣрой гостиными, залами, домовою церковью, и — бѣдное помѣщеніе, в котором они жили послѣ революціи, когда дом отобрали у них большевики.

«Вы — далеко отсюда! Я слѣдил за вашим лицом и почувствовал, что вы — в прошлом. Как много вы пережили за такой короткій срок! Мнѣ вас безконечно жаль!» — вырвалось у него признаніе. Она с благодарностью ему улыбнулась и тихо сказала: — «Мнѣ жаль бабушку. В ея годы тяжело отвыкать от комфорта и свободы в рѣшеніях, которые даются богатством. Если бы вы знали с каким достоинством и кротостью она переносила неудобства путешествія и всѣ лишенія, то оцѣнили бы бабушку».

Ларош смотрѣл на нее с восхищеніем; все в ней ему нравилось: рѣдкая красота, голос, простота и самоотверженная любовь к бабушкѣ. Послѣднее он замѣтил еще в первый день их неожиданнаго знакомства, и, впоследствии, сыграл на этом чувствѣ дѣвушки. Но, пока, в

его словах и дѣйствіях не было ни расчета ни хитрости. Ирина не могла прочесть то, что дѣлалось в его душѣ; лицо Андрея оставалось спокойным, а глаза умышленно щурились, чтобы притушить свой пламень. Молчаніе их длилось недолго; Ларош, увидѣвъ, что ея полныя губы складывались в веселую улыбку, удивленно спросил: — «неужели в ваших воспоминаніях имѣются пріятные эпизоды?» — «Скорѣе — забавные», усмѣхнулась она. «На Принцевых островах, гдѣ русских бѣженцев англичане помѣстили, за неимѣніем свободнаго помѣщенія, в недостроенный «Hotel Splendid», с одной моей подругой произошел слѣдующій случай. Какой-то богатый турок, услышав, что среди нас много барышень, пришел в нашу гостиницу искать себѣ невѣсту. Его выбор пал на моего друга — бѣлокурую дѣвушку с огромными голубыми глазами». Лицо рассказчицы стало серьезным. «Надо прибавить, что наше общее положеніе было трудное: неотапленная гостиница, на занесенном снѣгом островѣ, тѣснота — нас спало по нѣсколько человек в каждой комнатѣ на постелях, стульях и на полу, — безденежье, и для многих из нас — полная неизвѣстность будущаго. Самозванный жених, все это учитывая, навязчиво приставал к понравившейся ему дѣвушкѣ, уговаривая прийти к нему домой пить турецкій кофе, чтобы окончательно там рѣшить вопрос о свадьбѣ. Ея рѣшительный отказ удивил и даже обидѣл турка. «Вѣроятно он считал, что для русской бѣженки он — хорошая партія». Ея взгляд повеселѣлъ. „Мы всѣ много дразнили смущенную „невѣсту“, которая смотрѣла на предложеніе турка-магометанина, как на оскорбленіе. Несмотря на тогдашнюю тяжелую жизненную обстановку, наша молодежь была веселая, не унывала и пользовалась каждым случаем, чтобы пошутить и развлечься. Я объясняю это настроеніе чувством безопасности, освобожденіем от коммунистическаго гнета, который отравлял наши души ядом ненависти и страха“.

— „Ваша вѣра играет значительную роль для вас и ваших соотечественников. Не правда ли? — заинтересовавшись ея рассказом, осведомился Андрей.

— „Да“, коротко отвѣтила Ирина и, не желая с инославным говорить на эту тему, слишком близкую ея сердцу, перевела разговор на хозяев дома.

— „Они мои хорошіе знакомые; посланница жила в Канадѣ до своей свадьбы и была дружна с моей семьей“, сказал он. „В мой первый сюда пріѣзд я останавливался у них. Они милые люди. Ходят слухи, что его скоро пе-

реведут в Москву. Карьера дипломата имѣет много минусов“.

— „Неужели Христіанскія Державы признают правительство, составленное из одержимых и каторжников, совершающих кощунства и убійства?!“ — изумилась она.

— „Наша религія — деньги. И если мы торгуем с желтыми и черными, то будем торговать и с „красными“, с циничною усмѣшкой отвѣтил Ларош и, замѣтив ее возмущеніе, добавил шутливо: „Вы свалились на землю с другой планеты. Может быть вы жительница Марса или Венеры? Наши обычаи вам чужды“.

Дѣвушка с трудом сдержалась, чтобы не назвать его безпринципным человѣком, но каріе глаза ясно выразили ее настроеніе.

— „Я разсердил вас“, хладнокровно замѣтил он.

Она отвернулась от него молча. Тогда Андрей с чувством досказал:

— „Вы похожи сейчас на обиженного ребенка. Мнѣ очень жаль, что я вас огорчил“. Послѣ минутнаго молчанія он предложил ей осмотрѣть сад миссіи. В саду били фонтаны; журчаніе воды, щебетаніе птиц, жужжаніе насекомых сливались в симфонію звуков весенняго дня. Подойдя к бассейну, Ирина заглядѣлась на золотыя рыбки, всегда напоминавшими ей дѣтство: на Вербной недѣлѣ в Петербургѣ она ходила с няней на Конногвардейскій бульвар покупать „чертиков“, „американских жителей“, золотых рыбок и птичек; птички в Благовѣщеніе выпускались бабушкою на волю. Нить ее мысли прервал его голос: „Вы мнѣ напомнили сейчас Лигію из „Quo vadis“. Не без нѣкотораго замѣшательства, дѣвушка отвѣтила, что только-что прочла эту книгу и находится еще под ее впечатлѣніем.

«А вот — и мой дядя, который ищет меня, чтобы увезти домой», замѣтила она и договорила:—«прощайте! Очень надѣюсь, что ваша рана скоро заживет».

Быстро протянув ему руку, которую он пожал с осторожностью, Ирина легким и быстрым шагом, высоко держа свою маленькую голову, пошла навстрѣчу Польскому.

Г Л А В А III.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Не прошло и 24 часов со времени их разговора у бассейна с золотыми рыбками, как Андрей уже сидѣлъ с княгиней в гостиной, показывая ей виды Греціи. Он скоро сдѣлался своим человѣком в домѣ Виктора Петровича Польскаго. Ларош занимал бабушку разсказами о своих путешествіях, — оказалось, что он изъѣздил пол-свѣта, играл с дядей в бизик; новый друг также учил Василія проявлять фотографіи и сопровождал внуку во время ея прогулок. Его возраст — ему было тогда 35 лѣтъ, — характер и наружность внушали княгинѣ довѣріе. Андрей держался всегда таким серьезным, выдержанным и воспитанным человѣком, что княгиня находила возможным пускаться с ним днем Ирину, тѣм болѣе, когда он непрестанно проявлял перед бабушкою одинаковый интерес к ея внукам, ничѣм не отличая Ирину от Василія. С его слов княгиня, ѣскорѣ послѣ знакомства с ним, узнала многое из его прошлаго: дѣтство и отрочество он провел в имѣніи отца, наслаждаясь привольной жизнью, к четырнадцати годам, сдѣлавшись отличным стрѣлком и наѣздником, сын сопровождал старшаго Лароша во всѣх его этнографических экскурсіях по Канадѣ.

Отец настоялъ, несмотря на протесты матери, чтобы Андрей окончил свое образованіе в Парижѣ, гдѣ, живя в Латинском кварталѣ *), сын и провел годы, изучая зодчество. Очутившись в компаніи высоко-интеллектуальных молодых людей, он впервые стал увлекаться политическо-философскими и религіозными теоріями. С этого времени и началось его охлажденіе к католицизму — к вѣрѣ его семьи и предков. Незадолго до окончанія своего ученія, влюбившись в одну француженку-студентку, Андрей намѣревался жениться, но внезапная смерть отца помѣшала ему выполнить свое желаніе и заставила временно покинуть невѣсту. Хлопоты по принятію крупнаго наслѣдства и заботы о матери, задержавшія Лароша в Канадѣ долѣе, чѣм он рассчитывал, имѣли важныя для него послѣдствія; вернувшись в Париж, он узналъ от

*) Quartier latin. Зам. автора.

невѣсты, что за время его продолжительнаго отсутствія, она успѣла найти себѣ другого жениха. С этих пор Андрей стал избѣгать женское общество. Он чувствовал себя и тѣсно и душно на многолюдных свѣтских собраніях; любезно-пустые разговоры ему были скучны. Напрасно Андрей искалъ в своих собесѣдниках искренности или простоты в обращеніи с ним и другими. В этот період своей жизни Ларош пристрастился к путешествіям. Его можно было видѣть охотившимся на львов в Африкѣ, на тигров и кабанов в Индіи, осматривавшим азіатскія и европейскія древности, посѣщавшим музеи или встрѣтившим участвовавшим в спортивных состязаніях. Андрей заинтересовал княгиню своею незаурядной личностію. Будучи сама по природѣ правдивой и безхитростной, она не могла в нем заподозрить расчета прикинуться ей лучше, чѣм он был на самом дѣлѣ. Но нужно отдать справедливость Ларошу: его отношеніе к бабушкѣ оставалось неизмѣнно почтительным и доброжелательным до послѣдняго дня ея жизни. Не легко было бы объяснить княгинѣ, если бы даже он на это рѣшился, что нерѣдко им овладѣвало буйное настроеніе, толкавшее его на пьянство и разврат, которое не покидало его по цѣлым дням и, вмѣстѣ с тѣм упомянуть, хотя бы вскользь, что его домом в Канадѣ завѣдывала миловидная, веселая Эльза — вдова лѣсничаго, жившая с ним уже много лѣтъ.

Разочарованіе в женщинах или привлекательность Эльзы, но мысль о свадьбѣ давно не приходила ему на ум, и Андрей был доволен своею участію до тѣх пор, пока не повстрѣчался с Ириною. Эта случайная встрѣча в Акрополѣ нарушала его душевное довольство. Дѣвушка ему показалась в тот день ожившею статуею, сошедшей со своего пьедестала, из храма Аѳины-Палады, а ночью она ему пригрезилась в лунном сіяніи: прекрасная и холодная, как изваяніе Праксителя.

Послѣ этого сна началось его неодолимое влеченіе къ ней: он изучил часы ея прогулок, любимыя мѣста, узналъ гдѣ она жила и незамѣтно слѣдовалъ за нею, довольствуясь пока издалека слѣдить за дѣвушкою. Иногда Ларош думал, что помѣшался, что она сглазила, околдовала его, и тогда сердился сам на себя за свое сумасшедшее увлеченіе женщиной.

Фотографію, снятую им на Акрополѣ, он увеличил и держал на ночном столикѣ. На этом снимкѣ Ирина вышла в профиль: ея прямыя рѣсницы придавали точен-

ным чертам лица своеобразную таинственность и строгость.

К посланнику на прием Андрей отправился исключительно для того, чтобы увидеть дѣвушку. Дѣлал ли он теперь, сблизившись с Невскими, планы на будущее? Еще — нѣтъ! Ларош жил эти мѣсяцы беззаботно, не думая о завтрашнем днѣ и безотчетно принимая от судьбы сладкую чашу, охватившей его, любви.

Уже весна была на исходѣ и жара в полдень стояла невыносимая: улицы были раскалены и пыльны, а небо — безжалостно ясно и ярко! Если бы не Ирина, Андрей давно покинул бы Аѣны. К досадѣ Лароша его русскіе друзья медлили с отъѣздом из города. Он не догадывался, что нерѣшимость Невских основывалась на их затруднительном денежном положеніи. И было о чем им беспокоиться! Виктор Петрович, хотя и заботился о них, но денег в долг больше не давал: он жаловался на то, что, не получая доходов из Россіи, живет сверх своих средств, тратя капитал; Василій часто болѣл и доктора настаивали на продолжительном лѣченіи; из Крыма до них доходили печальныя вѣсти: «Бѣлая» армія доживала послѣдніе дни, славно, геройски защищаясь от во много раз сильнѣйшаго и беспощаднаго врага. Княгиня предчувствовала, что она, старая и слабая, не увидит болѣе родины и обречена до конца своих дней на скитаніе. Она с ужасом думала о „красном“ режимѣ и, своей истинно христіанской душою, считала его величайшим злом на землѣ. Внучка, всѣм своим существом любя и понимая бабушку, все чаще призадумывалась над их судьбою... В началѣ лѣта княгиня получила письмо от одной хорошей знакомой, живущей в Италіи, которая звала их в Рим, предоставляя там свой дом в их распоряженіе до осени, чтобы облегчить бабушкѣ поиски подходящаго для них помѣщенія. В тот же день за обѣдом всѣми обсуждалось предстоящее путешествіе, и княгиней была рѣшена продажа жемчужнаго ожерелья, послѣдняго ея цѣннаго имущества.

Вскорѣ послѣ этого, многозначащаго для них событія, Ларош, придя днем к Невским, застал Ирину задумчиво сидѣвшей, в ожиданіи бабушки, подлѣ чайнаго стола. Увидѣвъ входящаго Андрея, она привѣтливо улыбнулась и, привстав со стула, пригласила его сѣсть рядом с собою в креслѣ. „Угадайте новость!“ — тотчас обратилась она к нему с сіяющим лицом. Ларош начал перечислять все то, что по его понятію могло бы осчастливить этого «ребенка»: приглашеніе в театр, на свадьбу,

на бал; он неожиданно окончил свое перечисленіе предположеніем похорон богатаго родственника, не Польскаго, оставившаго ей наслѣдство. Первыя его слова были встрѣчены ею кратким отрицаніем, но когда Андрей дошел до смерти и завѣщанія в ее пользу неизвѣстнаго богача, то Ирина, смѣясь, вскочила со стула и, упрекая его в цинизмѣ, брызнула ему в лицо воду из хрустальнаго графина, стоявшаго возлѣ нея на полкѣ. «Вот вам и наказаніе! Обидно, но не опасно в такую жаркую погоду», весело проговорила она. Но, услышав шаги спускавшейся по лѣстницѣ бабушки, внучка поспѣшно добавила: «скорѣй вытирайте себѣ голову, только меня не выдавайте». — «Молодая женщина, вы плохо себя ведете», прошептал он с доброй усмѣшкой, неторопливо вынимая свой платок. Своею медлительностью Ларош вывел ее из терпѣнія, и она, проворно схватив первую попавшуюся салфетку, начала сама ему вытирать мокрое лицо. Его хитрость и месть вполнѣ удалась!... Весь этот день Ирина была в шаловливом настроеніи, забавляя всѣх своим оживленіем и болтовней. Она давно уже не стѣснялась Андрея и относилась к нему, как к вѣрному другу; и он, видя все увеличивавшееся к себѣ ея расположеніе, рѣшился на объясненіе с нею при первом удобном случаѣ, который и не замедлили представиться в скором времени.

Шел фильм «Камо Грядеши»*) и посмотрѣть его Ларош пригласил своих русских друзей. У бабушки болѣли глаза и она отказалась от приглашенія; дядя — предпочел провести вечер в клубѣ, а бѣдный Василій, будучи простуженным — был принужден послушаться совѣта няни остаться дома. Из-за всѣх этих совпаденій Ирина и Ларош должны были провести вдвоем, наединѣ цѣлый вечер. Он зашел за нею чудной вечерней порою, предвѣстницей лунной, лѣтней ночи.

Запад розовѣл от послѣдних лучей заката; птички, громко чирикаая, устраивались на ночлег; в окнах зажегся свѣтъ, спорившій с короткими афинскими сумерками; воздух становился свѣжѣе и ароматнѣе. Чтобы продлить удовольствіе быть с нею одним, Андрей предложил Иринѣ пройтись пѣшком до кинематографа. Княгиня, прощаясь с ними предупредила, что намѣрена ждать возвращенія внучки, а Польскій, пожав Ларошу руку и подмигнув ему, шепнул: «Не правда ли, как удачно вышло, что остальные с вами не пойдут?» — «Догадка или

*) Quo vadis — Зам. автора.

случайность?» — подумал Андрей, и лицо его сдѣлалось еще болѣе непроницаемым, чѣм по обыкновенію. Они шли по утихавшему городу, выбирая пустынные улицы, избѣгая сутолоку, обмѣниваясь краткими отрывочными фразами. Южный вечер спускался на жаркую землю; он нѣжно окутывал древнюю Аттику своею прозрачною дымкою, через нее таинственно бѣлѣли колонны, темнѣли кипарисы, мерцали первыя звѣзды. Лароша охватило сознание важности наступавшей рѣшающей минуты. Ирину — сладкое чувство удовольствія от разнообразной красоты, окружавшей их, и при мысли, что она увидит «Камо грядеши», который ей давно хотѣлось посмотреть. Андрей взял ложу, ревниво оберегая дѣвушку от посторонних взглядов. Когда потух свѣтъ и начался фильм, все ее вниманіе было обращено на освѣщенный экран, она порою забывала присутствіе Андрея; Ларош же, напротив, внимательно слѣдил за игрою впечатлѣній на выразительном лицѣ Ирины; красныя, темныя, свѣтлыя краски попеременно скользили по ее нѣжной кожѣ, то вызванныя смущеніем, то — огорченіем, то — умиленіем и радостью. Когда картина окончилась и нужно было уходить, она нѣсколько мгновений сидѣла недвижимо, молча переживая все только-что видѣнное ею. Учитывая ее романтическое настроеніе, он рѣшил, что для него пришло время дѣйствовать, что другой такой благоприятный момент может никогда не настать. Внутренне волнуясь, хотя наружно оставаясь спокойным, Андрей взял ее лѣвую руку — она сидѣла с его правой стороны — и быстро поднял к своим губам. Вздогнувъ и посмотрѣвъ на него с изумленіем, дѣвушка безуспѣшно старалась высвободить свои пальцы, сжатые в его рукѣ. Он снова поцѣловал ее ладонь и сказал негромко: «я вас люблю и прошу стать моей женою». Андрей еще многое хотѣлъ бы ей выразить, но это не удалось ему: Ирина, сообразив, что он дѣлает ей настоящее предложеніе, порывисто вскочила и выбѣжала из ложи. Теперь настало время ему удивляться: ни бѣгства, ни испуга он не ожидал от нея. Дѣвушка остановилась, когда на улицѣ нагнал ее Ларош; она прерывавшимся от волненія голосом, не смотря ему в глаза, скороговоркою сказала, как говорят заученный урок: «благодарю за честь; простите, если обидѣла вас; ваше предложеніе меня поразило своею неожиданностью». Потом, переводя дух, упавшим тоном, в котором слышалось сожалѣніе, Ирина продолжала: «Вы нам близки, почти на положеніи родственника; брат и я к вам привязаны болѣе, чѣм к дядѣ Польскому; но пой-

мите меня—без любви я не могу выйти замуж. Это—невозможно!.. Останемся прежними друзьями. Согласны ли вы? Прошу вас». Поборов в себѣ чувство отчаянія, он отвѣтил глухо, но ровным голосом: «Вы всегда должны считать меня своим преданным другом, готовым отдать жизнь за ваше счастье». Дѣвушка, по неопытности и наивности, повѣрила его словам и, повѣрив ему, она успокоилась и повеселѣла.

Г Л А В А IV

Р И М .

В сентябрѣ мѣсяцѣ, в небольшой квартирѣ на "Piazza del Popolo", поселились недавно прибывшіе в Рим Невскіе. Им посчастливилось найти хотя и скромное, но удобное свѣтлое помѣщеніе, с великолѣпной перспективой на площадь. По дорогѣ из Греціи в Италію они посѣтили Бари, гдѣ бабушка хотѣла поклониться мощам Св. Николая Угодника, котораго она глубоко чтילה, как и вся до-революціонная Россія.

Церковь XI вѣка, гдѣ покоятся нетлѣнные останки святого, вызывает паломников на душевное сосредоточеніе и молитву. Княгиня с няней, в теченіе недѣли их пребыванія в Бари, ежедневно посѣщали церковь. Они выливали свою душу перед ракой святителя; аристократка и крестьянка, несмотря на разницу в воспитаніи и в положеніи, молились одинаково горячо: сѣдя головы склонялись в земном поклонѣ, поблѣкшіе глаза роняли слезы. В эти минуты ничто их не разъединяло: онѣ были сестры и дочери великой и безгранично несчастной родины. Ирина и Василій тоже ходили в церковь, но молодость влекла их на берег моря, ярко-синяго Адриатическаго моря; там они проводили часы купаясь, играя с песком и раковинами. Оба загорѣли и поздоровѣли; Ирину оставили «черныя» думы, тревожившія ее неоднократно в Греціи.

Брат и сестра были религіозны, но не ощущали, как бабушка и няня, постоянной потребности в церковной жизни, которая обыкновенно лишь с годами приходит к вѣрующим. Наканунѣ своего отъѣзда Невскіе исповѣдывались и причастились в русской церкви.*) С тихой грустью они простились с Бари, «уголком Россіи», по выра-

*) Эта церковь была построена в началѣ столѣтія на средства почитателей Святого; в числѣ жертвователей был Царь-Мученик.

женію няни, отказывавшейся вѣрить, что Николай Чудотворец не был исконно-русскій, а родом грек. Чтобы убѣдить няню в обратном, Василій ей прочитал житіе святого; но старуха продолжала настаивать на своем; она упорно твердила: «он наш, родной молитвенник». Как будто греческое происхожденіе св. Николая дѣлало его менѣе доступным и близким русскому сердцу!

«Вѣчный город» произвел на Ирину сильное впечатлѣніе. Она, как очарованная, бродила по Риму. В нем ей все нравилось: ясность дня под сводом безоблачнаго неба, яркость ночи с лунным свѣтом и сгущенными тѣнями, красно-желтый цвѣтъ старинных зданій, сѣрый камень римских развалин, мрамор памятников древностей, бѣлизна многочисленных фонтанов,*) живописные открытые рынки, великолѣпіе дворцов, узкія, кривыя улицы, произведенія искусства и — великія святыни. Она находила гармонію в сліяніи двух различных эпох: языческой и христіанской — матеріи и духа, силы и любви. Старинныя римскія церкви нравились Иринѣ своим великолѣпіем, но, мало напоминая русскія, не располагали ее къ молитвѣ. Собор святого Павла болѣе всего поражал дѣвушку холодным величіем своих колонн, стройно уходящих в высь. Но все же, по мнѣнію Ирины, никакое другое зданіе не могло сравниться с внѣшним видом Св. Петра. Если стать при входѣ на площадь Ватикана, то перед человѣческим взором открывается грандіозная панорама: направо и налево расходятся каменные колоннады, впереди, на первом планѣ, стоит высокій обелиск, воздвигнутый по преданію на мѣстѣ казни апостола Петра, вдали, на втором планѣ, возвышается величайшій в мірѣ собор.

В ея прогулках, Ирину часто сопровождала Ольга Добрина, выѣхавшая за границу и прибывшая в Италію раньше Невских. Дѣвушки имѣли много общаго в своем характерѣ, хотя Ольга, будучи многими годами старше, была болѣе развита умственно и духовно, а также по своему характеру — разсудительнѣе и серьезнѣе Ирины. В ея симпатичной улыбкѣ, умных голубых глазах и медленных движеніях проглядывала нѣжная грусть. Ирина знала, что Ольга потеряла в гражданскую войну жениха, погибшаго героем при защитѣ Крыма, и усиленно старалась отвлечь ее от печальных воспоминаній. Они постоянно встрѣчались то дома у Ирины, то у родителей Оль-

*) Работы Бернини, Фонтана, Джаккомо делла Порта.

ги, с которыми та жила. Однажды, гуляя по Риму, они дошли до небольшой IV вѣка церкви Св. Анны и спустились в ея катакомбы. Проводник вел их по извилистым, тѣсным коридорам, тускло освѣщая путь свѣчею. Сыро и жутко было в подземельѣ: черепа и скелеты, густо разложенные по его земляным нарам, выступали из мрака блѣдно-сѣрыми и свѣтло-желтыми пятнами. Здѣсь были кости стариков и младенцев. При слабом мерцающем свѣтѣ они читали надгробныя надписи, трогательныя своими простотою и искренностью. У Ирины страх постепенно смѣнялся преклоненіем перед здѣсь нашедшими вѣчный покой. В эти минуты она их любила: взрослых и дѣтей, живших почти 2000 лѣтъ тому назад.

И когда дѣвушка неожиданно очутилась в низкой подземной церкви, тогда слезы умиленія сверкнули в ея глубоких глазах. Катакомбы произвели потрясающее впечатлѣніе на Ирину: эти хрупкіе и жалкіе останки, покрываясь мясом и кожей, оживали в ея воображеніи; они населяли сумрачное подземелье и, воскрешая образы из первых времен христіанства, вызывали в дѣвушкѣ стремленіе познать тайну их жизни, и она, ставя себя на мѣсто этих страдальцев за вѣру, испытывала силу своих убѣжденій. Какою слабою и ничтожною казалась она сама себѣ по сравненію с ними!

Их квартира имѣла террасу и, когда спадал дневной жар, все семейство Невских там проводило остаток дня: княгиня вязала, няня штопала, Василій возилсѣ с подобранным им на улицѣ бездомным котенком, Ирина читала вслух Толстого «Война и Мир». Изрѣдка они лѣниво перекидывались словами, ощущая душевное довольство, основанное на взаимных любви и пониманіи. Когда кто-нибудь из русских знакомых заходил их провѣдать, тогда темою разговора была далекая, но любимая Россія. По воскресеньям и большим праздникам Невскіе с няней ходили в русскую церковь, гдѣ встрѣчали всѣ слои общества, начиная с фрейлин Императриц и кончая нижними чинами Императорской арміи. Бѣженцы несли с достоинством крест политических эмигрантов, взаимно оказывая помощь, подбадривая друг друга. Когда кончалась церковная служба, они задерживались на паперти, перекидываясь послѣдними новостями, сговариваясь, назначая встрѣчи. В этой толпѣ скромно и бѣдно одѣтых была, своего рода, знаменитость: казак-кубанец, по-

ражавший итальянцев своею джигитовкою на, вывезенном из Крыма, боевом конѣ.

Осколки прежней Россіи! Видѣніе прошлаго! Сколько грусти было в старых воспоминаніях, возникавших в памяти бабушки при видѣ друзей и знакомых!

Но все же в этих встрѣчах была и отрада, укрѣп-лявшая силу нести бремя изгнанія. Внучка немного иначе воспринимала соприкосновеніе со всѣм тѣм, что на-поминало ей родину. Она смутно чувствовала, что для них, неподготовленных, жизнь за границей — борьба за существованіе. Не станут ли призраки прошедшаго, ка-завшіеся ей отошедшими в исторію, снова смущать ея сердце отрывками из чуждаго, почти позабытаго сна? Но была и другая причина, в которой Иринѣ не хотѣлось сознаваться: эгоистическое желаніе веселья и счастья! Но, чтобы быть веселой и счастливой, нужно было бы забыть весь ужас, царившій в Россіи, нѣмым укором му-чавшій дѣвушку в минуты дум о Родинѣ.

«Мы, без вины, виноватые!?» — проносилось в ея умѣ. Ирина жаждала отвѣта, но ея сердце его не давало.

Г Л А В А У.

ПЕРВЫЙ ВАЛ.

Ирина стояла перед зеркалом, любуясь своим пер-вым бальным платьем. Ввиду того, что Невским прихо-дилось бережливо расходовать деньги, оно было сшито маленькой портнихой, которая копировала модели боль-ших французских домов. Платье было из бѣлаго атласа: узкое — в талии, с четырехугольным вырѣзом на груди и спинѣ. Оно, оттѣняя темные волосы, глаза, рѣсницы, подчеркивало тонкость стана. Золотой обруч, придержи-вая мягкія кудри и выдѣляя строгія брови, тѣни крыль-ев парящей птицы, сверкал на ровном широком лбу. Ожерелье и кольца не украшали ея длинныя пальцы и шею, запястья не вились на ея тонких руках; лишь уз-кая цѣпочка крестильнаго креста скромно блестѣла на высокой груди. Матовая бѣлизна кожи была озарена внутренним свѣтом и, может-быть, художник, глядя на дѣвушку, сравнил бы ее с тончайшим фарфоровым со-судом, на днѣ котораго горѣл бѣлый огонь.

На всѣх примѣрках Ирины присутствовали ея до-машніе: няня критиковала новую моду, Василій дразнил

сестру, называя ее золушкой, собиравшейся на бал во дворец, гдѣ ей суждено повстрѣчаться со своим принцем, и только княгиня внимательно слѣдила за работою швеи, давая дѣльные совѣты, на которые восторженная южанка, поминутно, восклицала: «*che bella Signorina!*»

Бабушка жалѣла, что доходившіе до плеч волосы внучки нельзя было заплести в косы и уложить вѣнком на головѣ. — «Если бы мнѣ не сбрили на Кавказѣ голову, то я потеряла бы, послѣ сипного тифа, всѣ волосы. Но теперь они скоро отрастут, и я смогу носить твою любимую прическу», говорила дѣвушка старой княгинѣ.

У подъѣзда бабушку и внучку ждало парное ландо, нанятое на всю ночь, чтобы везти их на бал к герцогинѣ Сан-Микеле. Первый бал, далекое или недавнее событіе в жизни свѣтской женщины, тѣсно связан с концом ея отрочества и началом юности; он — желанный выход на жизненный путь, для одних долгій, для иных краткій, но для всѣх дѣвушек одинаково заманчивый и интересный, с туманной розовой далью.

«*Palazzo Barberini*», *) каменная громада с фасадом барокко, стояло ярко освѣщенное на одной из главных площадей Рима; в его саду не вмѣщались всѣ экипажи и автомобили гостей и поэтому боковая узкая улица была ими запружена и движеніе по ней было временно приостановлено. Широкая старинная лѣстница дворца, по случаю праздника, была покрыта красным сукном; мраморные, разноцвѣтнаго рисунка полы, в комнатах с высокими потолками, были частично застланы мягкими коврами; в уютных, тихих углах гостинных стояли ломберные столы для старшаго поколѣнія; в концѣ великолѣпной залы с узорчатым, сверкающим как зеркало паркетом, за ширмою душистых растений был спрятан оркестр.

Ирина, поднимаясь по лѣстницѣ, несмотря на подбадривающіе взгляды бабушки, чувствовала себя испуганной и потерянной среди веселых мужчин и нарядных женщин. Состояніе ея души вызывалось сознаніем, что до революціи, будучи еще подростком, она не успѣла «выѣзжать»: дѣвушка не была в себѣ увѣрена, хотя и училась танцам у моднаго тогда в столицѣ учителя француза Дюри. Но когда заиграла музыка, робость Ирины прошла, замѣнившись безпечным желаніем пріятно провести вечер, тѣм болѣе понятным, если принять во вниманіе, что это был ея первый бал.

*) Архитектура Карло Модерно. — Зам. автора.

Бабушка, одѣтая в черное кружевное платье старого покроя, обращала вниманіе величавой старческой красотой. Ея добрые глаза с нѣжностью слѣдили за внучкою и в ея памяти смутно вставали картины из ея далекой юности, когда она 18-тилѣтней фрейлиной танцевала на придворных балах в Зимнем Дворцѣ, и в Иринѣ бабушка снова переживала свою молодость; вѣрнѣе — видѣла ея отраженіе, ибо старое сердце уже не было в состояніи воспринимать тѣ ушедшія в вѣчность ощущенія, которые когда-то заставляли его усиленно и весело биться. Княгиня с улыбкою принимала похвалы, относившіяся к красавицѣ внучкѣ, напоминавшей бабушку настолько, что в их родствѣ нельзя было усумниться. Ирина, напротив, смущалась одобрителными отзывами о своей наружности: выраженія — «une beauté, très racée» или «elle est très bien»*) опредѣленно ее безпокоили и стѣсняли. Но успѣх не только тревожил скромную дѣвушку, но и приносил ей тайное удовольствіе. За ужином, за одним столом с нею, сидѣл молодой итальянец, Луиджи Салерни. Его забавная, немного рискованная, игра слов смѣшила Ирину. В ея глазах он выглядѣл балованным мальчиком и ей доставляло удовольствіе над ним добродушно подсмѣиваться и отвѣчать ему шутками. Дѣвушкѣ нравилось его лицо; приподнятые углы широкаго рта придавали ему сходство с фавном; это сходство усиливалось формою ушей, носа с горбинкою, а также — блеском черных глаз и бѣлых зубов. Салерни волновал Ирину своим восторженным взглядом. Ужин кончился; он потерял ее из виду в толпѣ и не сразу отыскал в одной из отдаленных от зала гостинной, гдѣ она сидѣла на подушкѣ у ног княгини. Облик милой дѣвушки, заинтересовавшей Луиджи, запечатлѣлся в его памяти и манил, легко увлекающагося юношу.

И в тѣ мгновенія, когда он издали слѣдил за нею, бабушка, со склоненной сѣдою головою, любовно смотрѣвшая на внучку, как-бы оберегая ее от злого вліянія, представляла для него мудрость старости, а сама дѣвушка с устремленным вверх взором, выражавшим ея желаніе скрасить дни закатывавшейся жизни бабушки — олицетворяла здоровую духом и тѣлом молодость. Салерни отвѣчал толково на разспросы княгини о его семьѣ и занятіях, хотя помышлял исключительно об Ирине, возлѣ коотрой он сидѣл на полу. Иногда его

*) «Какая красавица», «видна порода», «очень хороша». Зам. автора.

остроумныя слова вызывали у бабушки спокойную улыбку, а у внучки тихій грудной смѣх: этот жизнерадостный смѣх пріятно возбуждал юношу, и желаніе поцѣловать смѣющіяся губы, выглядѣвшія еще по-дѣтски полными и яркими, овладѣвало им все настойчивѣе и сильнѣе. Заглушенно доносившіеся до них звуки музыки не мѣшали их бесѣдѣ; напротив — то томные, то беззаботновеселые, зовущіе, манящіе, они вносили что-то волнующее, углубляя значеніе каждой фразы, придавая нѣжность и смысл простому безхитроственному выраженію. «Музыка на меня дѣйствует, как крѣпкое вино», мелькало в головѣ Ирины, пока она прислушивалась к голосу Луиджи. Уже не раз во время разговора, Салерни многозначительно посматривал на дѣвушку, с усиленіем сдерживая порыв увести ее танцовать; боязнь показаться княгинѣ неучтивым заставляла его бойко рассказывать о людях и предметах, в тот момент его совершенно не интересовавших. Когда оркестр заиграл «Голубой Дунай» Штрауса, томленіе юноши достигло высшей точки. «Я любила этот вальс», замѣтила бабушка. «Довольно вам занимать старуху; идите танцовать». Луиджи вальсировал отлично. Они были одного роста и танцор восхищенно вглядывался в бездонность ея глаз. — «Есть за что подержаться», шепнул Ирине ея кавалер, кружась в вальсѣ и указывая головою на очень полную женщину, вихрем пронесшуюся мимо них в объятіях своего кавалера и юноша подмигивая добавил: «Вам не приходится носить брошку как этой дамѣ». — «Почему?» — удивленно спросила его дѣвушка. — «По самой простой причинѣ: мужчина, приглашая Вас на танец, не может ошибиться!!» — «Ничего не понимаю», наивно отвѣтила она. Луиджи весело разсмѣялся и сказал ей на ухо: — «Сзади вы выглядите иначе, чѣм спереди. Но у этого гиппопотама в юбкѣ не различить спины от переда!» Ирина, от душившего ее смѣха, сбилась с такта и, потеряв равновѣсіе, наступила юношѣ на ногу. Нѣсколько секунд, поддерживая дѣвушку, он прижимал ее к своей груди. «Впервые удерживаю красивую женщину от паденія! Приличіе, вызванное необходимостью, взяло верх над человѣческими наклонностями». Она не поняла двусмысленности в его словах и выразила в своем взглядѣ недоумѣніе. «Наивная красавица! Вы еще — ребенок!» — воскликнул молодой человѣкъ. — «А Вы — фавн!», вспылила возмущенная Ирина, догадавшись, что смысл его фразы был неприличен.

В этот вечер Салерни влюбился в дѣвушку и, по его собственному выраженію, умирал от любви. И по-

этому слова княгини, которыми она их встрѣтила, когда они вернулись к ней, показались ему безжалостными «Пора домой. Простимся с герцогинею Сан-Микеле. Я рада, что ты не скучала, моя душка».

Ирина, с первого своего бала, сознала, что красота — притягательная сила, дѣйствующая помимо личной воли человѣка; это открытіе нѣсколько испугало застѣнчивую дѣвушку; но в испугѣ ея была и скрытая радость.

«Встрѣтила ли ты вчера своего «принца»?» С такими словами на слѣдующее утро Василій будил заспавшую сестру. Ирина, зѣвая, потягивалась и щуря глаза от лившагося в окно солнечнаго свѣта, ласково улыбалась брату. Не получив отвѣта на свой вопрос, Василій стал спрашивать сестру про бал: вкусное ли было угощеніе и были ли военные в формѣ, какіе танцы играл оркестр и много ли она танцевала. Весело болтая, они провели остаток утра и не слышали, как столовые часы пробили 12. Почти одновременно с их боем в прихожей раздался звонок и послышался звонкій голос молодого Салерни, невольно вызвавшій румянец на щеках дѣвушки и замѣчаніе у Василія: «Voici le Prince Charmant!»*) — «Я опаздываю к завтраку!» — в отвѣт воскликнула Ирина, соскакивая с постели, на которой сидѣл брат. «Я еще не вымылась!» — добавила она, надѣвая на ходу туфли, халат и убѣгая в ванную комнату. Полчаса спустя, дѣвушка входила в гостиную, гдѣ бабушка принимала гостя. Луиджи своей веселостью покорила старыя и молодыя сердца. Даже няня, относившаяся с подозрѣніем ко всѣм иностранцам (черта, нерѣдкая в простонародьи), в душѣ рѣшила, что итальянец симпатичен, хотя она и мало понимала, о чем Салерни говорит с княгиней и ея внуками, так как разговор велся на французском и англійском языках.

Визит Луиджи затянулся до самаго завтрака: этому виною было появленіе Ирины; прощаясь, юноша попросил у бабушки разрѣшенія пригласить ея внуков в «Casino della Rosa», посѣщаемое круглый год римской элегантною публикой. И молодые люди условились встрѣтиться на слѣдующій день в 11 часов дня.

Направляясь к мѣсту их встрѣчи, сестра и брат шли по саду Виллы Боргезе. Среди богатой растительности этого парка ничто так не бросается в глаза любителю природы, как вид зонтикообразных сосен на фонѣ синяго, южнаго неба.

*) Очаровательный принц, (выраженіе взятое из сказки).

Солнце жгло; в защищенных от вѣтра мѣстах было просто жарко в зимней одеждѣ, и Ирина, легко ступив по усыпанным бѣлым щебнем дорожкам, растегнула на груди свою бѣличью шубку.

Год прошел со дня бѣгства Невских из Россіи и всякій, даже мало наблюдательный человѣкъ, нашел бы в Иринѣ замѣтную перемѣну. И не только в ея одеждѣ, скромной, но хорошей, а также во всем ея обликѣ: пропапуг испуг в ея глазах, исчезли неуверенность в движеніях, нервная поспѣшность в рѣчи, часто сопровождавшаяся грустным молчаніем. И теперь, вмѣсто штопаных варежек, стоптанных валенок, и мужского головного убора, на дѣвушкѣ были новыя замшевыя перчатки и такіе же полуботинки и мѣховая шапочка с ярким пером. Она обращала на себя вниманіе прохожих; нѣкоторые из них даже провожали ее долгим внимательным взглядом. Блестящіе камешки отчетливо скрежетали под ея узкою, с высоким подъемом, ногою, и было много живости в ея граціозной походкѣ, а радостное стремленіе вперед сказывалось в ея движеніях.

Когда они подходили к ресторану, к ним навстрѣчу вышел Салерни, повидимому, нетерпѣливо и, может быть уже давно, их поджидавшій. Юноша, окинув Ирину горячим взглядом, быстро сказал: «Я задержал в саду столік. Я думаю, что вам не будет свѣжо. Для Василія я позвал мою маленькую сестру». По дорогѣ к тому мѣсту, гдѣ на садовой площадкѣ их ждала Марія Салерни, Луиджи говорил Иринѣ, разсматривая ее с головы до ног: «*Arbiter eleganterium!*» Мои товарищи мнѣ позавидуют, когда узнают, что вы сегодня были со мною... Я вижу знакомыя лица, выразительно на меня глядящія, но я глух ко всѣм мольбам, пока нахожусь с Вами... Буду тверд и никого Вам из них не представляю... Я хочу быть с Вами один», прибавил он полу-шопотом, увидя подходившую к ним сестру, «дѣти нам не помѣшают, напротив...» При послѣдних словах, на его лицѣ блеснула довольная и хитрая улыбка.

Когда они сѣли за стол, Салерни начал спрашивать Ирину о их жизни на родинѣ послѣ революціи; часто во время ея сбивчиваго разсказа, он повторял «бѣдная» и при этом нѣжно пожимал дѣвичью руку, лежавшую на столѣ. Фамиллярность молодого человѣка не нравилась дѣвушкѣ, и она старалась держаться от него

*) Метко называемых французами «les pins parasols».

подальше. В концѣ концов, Ирина спрятала руку к себѣ на колѣни.

Тѣм временем Василій вяло занимал Марию, ему много интереснѣе было прислушиваться к разговору сестры и «*le Prince Charmant*», как он в шутку прозвал Луиджи; но наблюдательный итальянец скоро замѣтил это праздное любопытство и предложил подросткам пойти покататься на ослax, стоявших невадалекѣ, на дѣтской площадкѣ.

Они остались одни, хотя вокруг них, спрятанные за гарляндами и растеніями невидимые люди, вели то тихую, то шумную бесѣду, а издалека до их слуха доносились дѣтскіе крики, юноша и дѣвушка чувствовали себя отдѣленными большим разстояніем от остальных посѣтителей «*Casino della Rosa*».

Он теперь подсѣл к ней вплотную и стал объясняться в любви. Она боязливо поглядывала по сторонам, опасаясь быть замѣченной кѣм-нибудь из их знакомых или прислугою ресторана. — «Я никого так не любил, а если бы был совершеннolѣтним, то просил бы вас стать моею женою. Мы, итальянцы, избалованы красивыми женщинами, но ни одна красавица не заставляла мое сердце так биться и замирать при встрѣчѣ с нею, как это дѣлает одно ваше появленіе вблизи меня». Ирина сознавала, что должна была бы прервать рѣчь влюбленнаго Луиджи, но боясь его огорчить, она молчала и, опустив голову, машинально теребила салфетку, лежавшую на ея колѣнях. — «Зачѣм он портит наши отношенія и удовольствіе быть с ним? Развѣ не понимает, что ставит меня в неловкое положеніе?» — «Любите ли вы меня хоть немного?» — внезапно спросил Салерни пресѣкая нить ея мыслей. От этих слов дѣвушка вздрогнула. — «Вы нам всѣм понравились», отвѣтила она, — «Но этого мнѣ мало!» — воскликнул он, крѣпко сжимая и хватая ея руки; но Ирина, успѣвши совладать со своим смущеніем, поспѣшно встала и с твердостью сказала: — «Пропустите меня, пожалуйста; брату и мнѣ нужно возвращаться к бабушкѣ». Кровь ударила в лицо молодому челоуѣку и обида заискрилась в его взглядѣ. «Могу ли я проводить вас до дома?» — рѣзко спросил он, поднимаясь со стула и пропуская дѣвушку. — «Да, но если вы будете говорить о погодѣ!» смѣясь ему отвѣтила она. Ей сразу сдѣлалось легко и захотѣлось шутить: чувство напряженія и неловкости прошло безслѣдно.

забавным и милым мальчиком показался ей Луиджи, котораго огорчать жаль и всерьез принимать не стоит; и, чтобы его утѣшить, Ирина, весело улыбаясь, прибавила: «Через недѣлю мое рожденіе; я Вас приглашаю на чай; кромѣ нас еще будут нѣсколько человѣкъ из моих русских друзей». — «Неужели Вы требуете от меня, чтобы я Вас цѣлую недѣлю не видѣл?!» воскликнул юноша. — «Да. Это даст Вам время успокоиться, и тогда мы станем друзьями». — «Вы разсуждаете, как ребенок! Любви нам не избѣжать... Может быть дружба и возможна на Вашем холодном сѣверѣ, но не у нас, в стране солнца и пѣнія». Послѣднюю фразу Салерни проговорил с очаровательной улыбкой. «А вот и наши “chaperons”,*) с хитрою усмѣшкою досказал он, указав на приближающихся Василю и Марию.

Вернувшись домой, Ирина была молчалива и сразу, послѣ обѣда, ушла к себѣ в спальню. Ей было тяжело имѣть секреты от бабушки, которую она не только горячо любила, но с мнѣніем которой она всегда привыкла считаться. Подѣлиться с княгиней своими сомнѣніями было бы для Ирины большим облегченіем, но так поступить ее оставляло чувство стыда. Несмотря на свои 17 лѣтъ, она признавала лишь товарищескія отношенія между дѣвушкою и юношею. Ей хотѣлось, чтобы в ней искали человѣка и забывали женщину. Ее корбило при мысли, что на нее могут посмотрѣть иначе; и это горделивое цѣломудріе вызывало ощущение брезгливости и гнѣва. С годами эти чувства потускнѣли; Ирина поняла, что ожидать от мужчины другого к себѣ отношенія и трудно и бесполезно. «Луиджи надоѣдлив, но все же он мнѣ нравится; он всѣх нас забавляет и мнѣ с ним пріятно встрѣчаться», неохотно созналась она себѣ. «Постараюсь охладить его увлеченіе и буду избѣгать оставаться с ним наединѣ. А бабушку я не хочу напрасно волновать». Придя к такому рѣшенію, дѣвушка перестала тревожиться.

Г Л А В А У І І . V I A A P P I A .

Она проснулась с радостным чувством, что сегодня день ея рожденія. Ирина знала, что утром придет священник отслужить молебен и к чаю будут гости. «Бабушка заказала торт с 18 свѣчами у Розатти. Няня со вчерашняго дня беспокоится, что кондитерская запоздает с

*) Сопровождающіе. — Зам. автора.

присылкой торта», подумала она. «Бабушка мнѣ подарит деньги, брат свой рисунок, а няня—шерстяную кофту своего вязанья, гости навѣрно принесут цвѣты и конфеты... Как всѣ добры ко мнѣ!» Мысли о вещах и людях отвлекли вниманіе дѣвушки от Бога и, становясь под иконами на колѣни, на утреннюю молитву, вмѣсто «во имя Отца и Сына и Святого Духа», она сказала: «Я надѣну новое платье».

Днем собрались не только подружки Ирины со своими братьями, но и хорошие знакомые бабушки. Луиджи и Марія быстро освоились в их кругу. Послѣ чая молодежь оставила старших в гостинной и собралась на террасѣ играть в «*petits jeux*»^{*)}). Луиджи держал себя по отношенію к дѣвушкѣ сдержанно, и только глаза юноши, подчас, выдавали его мысли о ней. Прощаясь с ними, он попросил у княгини позволенія покатать ея внуков на автомобилѣ, подчеркнув, что с ним также будет сестра. Василій был в восторгѣ от приглашенія, и Ирина, чтобы не лишать его удовольствія, принуждена была, посовѣтовавшись с бабушкою, назначить прогулку через нѣсколько дней. «Безсердечная», шепнул ей уходя Салерни: «я рассчитывал — на завтра».

В 9 часов утра, Ирина, высунувшись из окна, увидѣла новый синій фіат, в котором сидѣли Луиджи и Марія. «*Buon giorno*» весело крикнули они ей. — «Мы готовы и сейчас спускаемся к вам!» поспѣшно отвѣтила дѣвушка.

Бабушка, перед их отѣздом, дала внукам нѣсколько наставленій: не ѣздить быстро, не сидѣть на голой землѣ, вернуться засвѣтло; она, прощаясь с ними, перекрестила их и нѣжно поцѣловала в лоб. Луиджи, ожидавшій Ирину на подѣздѣ дома, попросил ее сѣсть с ним рядом спереди; сестрѣ и Василю он велѣл занять заднее сидѣніе. На пути они остановились возлѣ Колизея; Иринѣ и Василю захотѣлось осмотрѣть арену, ямы, гдѣ содержались хищные звѣри, а также и подземелья, в которых когда-то томились обреченные на жестокую смерть невинные плѣнники. Дѣвушка, вспоминая все прочитанное ею о первых христіанах, заточенных в сырых темницах Колизея, сравнивала мысленно этих ярких героев духа с новыми російскими мучениками, так незамѣтно совершающими величайшее служеніе Богу на землѣ.

^{*)} Игры — забавы.

Они выѣхали на «*Via Appia*» — древнюю римскую дорогу, проложенную через «*Campagna Romana*» и обсаженную высокими кипарисами. Справа и лѣва взор падал на надгробные памятники, поставленные еще во время императоров; эти мѣста были когда-то кладбищем. Римляне чтили память умерших и, боясь потревожить их покой, рѣдко нарушали тишину гробниц своими посѣщеніями; этот обычай давал сравнительную безопасность первым христіанам, скрывавшимся, по большею частью, в отдаленных от города языческих усыпальницах, соединенных подземными ходами, получившими название катакомб.

Прозрачный, чистый воздух, безоблачное небо, какая-то неземная тишь и печальное величіе окрестной мѣстности вызывали в Иринѣ приподнятое настроеніе. Мѣстность эта, тогда еще покрытая частыми болотами, была убѣжищем многочисленной водяной птицы и любимым мѣстом охотников. Ирина впитывала в себя своеобразную красоту «*Campagna Romana*», воспринимая ее живо и глубоко. Доѣхавши до высокаго кургана, Луиджи остановил автомобиль и предложил закусить на холмѣ. Дѣти весело соскочили на землю и, вперегонку, бросились подыматься на возвышеніе. Салерни помог дѣвушка сойти, хотя в этом не было никакой надобности и, взяв корзинку съ ѣстными припасами, пошел с нею по направленію, взятому Василіем и Маріей.

С кургана открывался все тот-же, но еще болѣе обширный, вид на ближніе и дальніе луга, болотныя заросли и невысокія, покрытыя растительностью горы. Эти горы, подернутыя голубою, нѣжною дымкою, окаймляли низменность и украшали край закругленными, мягкими очертаніями. Кое-гдѣ, то тут, то там, были разбросаны сосны, рельефно выдѣляющіяся темною зеленью на синевѣ неба; и привольно дышалось на просторѣ водных пространств и изумрудных долин. Эта прекрасная картина наполняла сердце и грустью и радостью; неясныя, навѣянные ею, думы остались невысказанными.

— «Что это за полуразрушенныя арки, виднѣющіяся там, вдали?» — неожиданно спросила Ирина, случайно бросивши взгляд на, привлекающія вниманіе, каменные постройки.

— «Как? Вы не узнали знаменитый «*aquedotto!*» — удивленно воскликнул Луиджи. «С ним связано многое в исторіи Рима. Вот — один примѣръ: извѣстный «Велизарій» взял город при его помощи в VI вѣкѣ. Отряд его воинов по водопроводу незамѣтно пробрался в Рим и.

открыв ворота, впустил войско Велизарія». Это происходило при императорѣ Юстиніане, котораго вы, навѣрно, очень почитаете, он был строителем знаменитой Ай-Софїи. Между нами, Юстиніан мнѣ тоже нравится, но по иной причинѣ, разсмѣявшись добавил легкомысленно юноша. „Он был женат на извѣстной блудницѣ и его наложницы славились красотой“. — „Как интересно“, разсѣянно согласилась она, — „Я начинаю примѣчать, что наши вкусы сходятся“, — с игривостью замѣтил Салерни.

— „Вы невѣрно меня поняли“, краснѣя и от сдерживаемаго смѣха и от возмущения, отвѣтила Ирина. „Я не хотѣла сказать, что вы подумали. Я тоже кое-что знаю из жизни Юстиніана и Феодоры, но в данный момент меня интересуют лишь римскіе водопроводы“, добавила она рѣшительно.

Дѣвушка и юноша сошли с кургана и пошли по направлению каменных развалин. Дѣти убѣжали вперед; они опять были одни. „Здѣсь очень красиво весною: луга густо покрываются цвѣтами; тогда в воздухѣ стоит аромат. Я всегда сюда прїѣзжаю, когда влюблен“, говорил с вызывающей и задорной улыбкой Луиджи. „Были ли вы, Ирина, когда-нибудь кѣм-нибудь увлечены?“ — „Никогда! Если не считать мою любовь к нашему старшему кучеру. Он был неотразим, когда сидѣл на козлах. Кучер носил шапку с павлиньими перьями, синюю суконную шубу, подбитую лисьим мѣхом и алый кушак. Важный и краснощекій, он походил на толстую куклу. Лѣтом наш кучер мнѣ меньше нравился; его толщина пропадала и он мнѣ казался общипанным пѣтухом“. — „У вас, безусловно, „отличный“ вкус“, насмѣшливо замѣтил Салерни, слегка уколотый ея шутливостью. — „Мнѣ было всего лишь 10 лѣт!“ — смотря на него смѣющимися глазами, оправдывалась дѣвушка.

По дорогѣ к древнему водопроводу она нашла полевой цвѣток и, осторожно сорвав его, понюхала.

— „Дайте и мнѣ“, сказал Луиджи, приблизив к ней свое лицо и вдыхая нѣжный аромат ея волос. Нѣсколько секунд оба не двигались, потом быстрым движеніем, вырвав растение из ея рук, он поцѣловал дѣвушку в щеку. Она слабо вскрикнула и повернулась к нему спиной. Ея молчаніе его удивило. „Неужели вы на меня сердитесь? В наш вѣкъ иначе не ухаживают. Посмотрите на меня, Ирина!“ Но дѣвушка упорно молчала; тогда, бросив на землю цвѣток, Луиджи взял ее за плечи и круто повернул лицом к себѣ. Ирину возмутило такое безцеремонное обращеніе и она не замедлила дать молодому

человѣку звонкую пощечину; эта пощечина произвела на него обратное и непредвидѣнное ея дѣйствіе: еще сильнѣе сжав в своих объятіях сопротивлявшуюся дѣвушку, он смѣло поцѣловал ее в губы. Глаза Ирины наполнились слезами обиды; оттолкнув от себя юношу, она молча пошла к автомобилю. На полпути дѣвушка, обернувшись, махнула платком Василию, помогавшему в ту минуту Маріи влѣзть на акведук. Подойдя к машинѣ первой, она сѣла на заднее сидѣніе. Всю обратную дорогу Ирина молчала. Луиджи, напротив, был особенно оживлен и болтал без умолку с Василием, нарочно не обращая вниманія на недовольную дѣвушку. Когда, прощаясь с ним, она холодно, и не смотря ему в глаза, сказала: «благодарю за прогулку», он с усмѣшкою и вполголоса отвѣтил: «Я вижу — послы отозваны. Какое вы еще дитя для своих 18 лѣтъ! В ваши годы я увлекался каждой красивой женщиной».

Поднявшись к бабушкѣ, Ирина попросила у нея позволенія не обѣдать, ссылаясь на свою усталость и отсутствіе всякаго аппетита; ей хотѣлось быть одной со своими тревожными, волнующими ее мыслями.

Г Л А В А VIII.

ССОРА МЕЖДУ ИРИНОЮ И ЛУИДЖИ.

Ирина рѣшила болѣе не видѣться с Луиджи, развязность котораго ее, не на шутку, пугала. Спустя нѣсколько дней послѣ прогулки, она привела в исполненіе свое рѣшеніе, отказавшись от приглашенія к Салерни, по случаю именин графини. Поводом для отказа было свиданіе с любимым другом Ольгою; Ирина намѣревалась пойти с нею в кинематограф, в день чая у матери Луиджи.

Сеанс окончился; при выходѣ на улицу, подружки простились; они жили в разных частях Рима. Ирина рѣшила вернуться домой пѣшком через «Piazza di Spagna», чтобы имѣть возможность лишній раз полюбоваться широкой мраморной лѣстницей, соединяющей площадь с церковью Святой Троицы; на нижних ступенях этой лѣстницы круглый год продаются цвѣты: розы, фіалки, лиліи... Здѣсь всевозможные цвѣта переливаются, как радуга на солнцѣ, восхищая взор и насыщая воздух своим благоуханіем. И было бы немислимо для цѣнителя красоты пройти мимо не остановившись, или, по крайней мѣрѣ, не замедлив шаг.

Подойдя к первому цвѣточному кіоску, Ирина замѣтила стоящаго возлѣ него Луиджи, в руках котораго был букет фіалок. «Что Вы тут дѣлаете?»—строго спросила она, внимательно на него посмотрѣвъ, как бы желая взглядом опредѣлить случайно ли он или намѣренно оказался на «Piazza di Spagna». — «Гуляю. Вышел освѣжиться. Эти фіалки предназначаются первой красивой женщинѣ. До Вашего прихода ни одна не походила на человѣка. Я думал, что попал в звѣринец; особенно преобладали попугай и обезьяны» — отвѣтил юноша, скорчив недовольную гримасу и протягивая ей цвѣты. Его ужимки и слова были ей смѣшны и, чтобы удержаться от смѣха, дѣвушка сжала губы. «Ваш небольшой рот стал совсѣм маленьким, как у херувимов, которых принято изображать в видѣ пухлых толстощеких дѣтей». Она взяла из рук Салерни букет и, пряча свое лицо во влажные лиловые лепестки, негромко разсмѣялась. «Неправда ли — великолѣпная погода?» — продолжал он, принимая серьезный вид. «Позвольте проводить вас домой. Предупреждаю, что отказ на меня не подѣйствует, ибо „НБТ“ в устах женщин не означает отрицаніе, а только нерѣшительность“. Ирина, вдыхая аромат душистых цвѣтов и не двигаясь с мѣста, с безпокойством смотрѣла на него. Взгляд молодого человѣка блестѣлъ веселіем. „Я сегодня буду в роли средневѣковаго рыцаря, сопровождающаго одинокую красавицу и оберегающаго ее от похищенія“. Она, мысленно рѣшив, что нужно не откладывать с ним объясненіе, тихо сказала: — „Вы хорошо сдѣлали, что пришли... мнѣ необходимо с Вами серьезно поговорить“. Теперь Ирина нисколько не сомнѣвалась, что Луиджи от Василія попытал мѣсто ея нахожденія, а поэтому и не замедлил здѣсь появиться, заблаговременно ее поджидая на пути к „Piazza del Popolo“. Не глядя на него, она пошла по направленію к своему дому. Он молча послѣдовал за нею, стараясь догадаться, о чем будет у них разговор. „Вы мнѣ еще на балу, гдѣ мы с Вами впервые встрѣтились, говорили, что преданы мнѣ всей душою, что исполните каждую мою прихоть... Докажите же теперь на дѣлѣ, что Ваши обѣщанія не — одни лишь пустые слова... Исполните мою просьбу“. Дѣвушка торопилась высказаться. Не подозревая о чем она будет просить, Луиджи, в знак согласія, кивнул головой и весело сказал: „Bene, cara mia“. — „Вы были правы, что просто друзьями мы не можем быть, но вина не моя!!! Оставьте меня в покоѣ... не ищите со мною больше встрѣч... не пишите мнѣ... За-

будьте меня!... Я сама Вам облегчу исполнить мою просьбу; я приму мѣры, чтобы никогда не видѣться с Вами...» Юноша, хмуря грозно брови, молча слушал, досадливо кусая губы. «Вот я и — дома! Прощайте!... От всего сердца желаю Вам всего хорошаго!» — сказала она с чувством и, не давая ему руки, легкой серной вбѣжала по лѣстницѣ к себѣ в квартиру.

Ирина ушла, а Луиджи стоял еще нѣсколько минут и, опустив голову, — обдумывал свое незавидное положеніе. — «Как мог я дать дѣвчонке провести себя за нос». Он внутренне горячился, злясь на нее и на себя; На ум юношѣ приходили слова проклятiя. «Она хитрая и странная!» — опредѣлил он характер Ирины и, посмотрѣвъ наверх на ея окно, выругался крѣпко вполголоса.

Сильно выпившим, молодой Салерни вернулся домой поздно вечером. На слѣдующее утро, проснувшись с головной болью и в ужасном настроеніи, он не преодолѣлъ желанiя остаться утро в постели и не пошел в университет. Луиджи был на третьем курсѣ юридическаго факультета и, несмотря на частые выѣзды и кутежи с товарищами, будучи способным, учился сносно и выдерживал экзамены. Его отец требовал серьезнаго отношенiя к занятiям, но не вмѣшивался в личныя дѣла сына, сквозь пальцы смотря на его увлеченiя и ухаживанiя, начавшіяся у Луиджи с шестнадцати лѣтъ. Его мать ни в чем ему не отказывала, потворствуя слабостям сына. Старый граф проводил большую часть дня в клубѣ; там он занимался дѣлами, развлекался бесѣдою с друзьями, чтенiем, игрою в карты и биллиард.

Старшій Салерни ежемѣсячно отпускалъ крупную сумму денег на домашнее хозяйство и частные расходы жены, дѣтей — он был щедрым человѣком. Своей семьѣ граф предоставлялъ свободу дѣйствiй. Это отношенiе к женѣ и дѣтям было основано не на безразличii или на стремленii сохранить свой покой, а на личных испытанiях, воспоминанiя о которых и послужили к установленiю существующих между ними и семьей взаимоотношенiй. Его переживанiя относились к отрочеству и ранней юности, когда он был предоставлен своими родителями на исключительное попеченiе iезуита-духовника и французавоспитателя, ссорившихся из-за своего воспитанника и старавшихся ему внушить совершенно противоположныя принципы и взгляды на жизнь.

С женою старый Салерни всегда был вѣжливо-заботлив; с сыном — товарищески мил, но лишь с дочерью

дѣлился впечатлѣніями истекшаго дня, отводя душу в ея комнату, забавляя Марію смѣшными разсказами, лаская ее нѣжно. Когда граф думал о женѣ, то невольно сопоставлял ее с той милою дѣвушкою, на которой он женился по любви. Куда дѣвались ея прежняя стройность стана и красота, бывшее добродушіе и нѣжность? Откуда взялись у нея раздраженіе, капризы и равнодушіе? Отчего черты любимаго лица поглубѣли, и вся его привлекательность исчезла? Он втайнѣ любил свою далекую невѣсту, отдѣленную от него 20-тилѣтним сроком; горечь сожалѣнія и жалость к женѣ его не покидали.

Графиня Салерни, по обыкновенію, поздно вставала; увидѣвъ входящаго к ней в спальню сына, она отбросила книгу, которую читала, и показала ему мѣсто рядом с собою на кровати. — «Разскажи мнѣ какую-нибудь забавную городскую сплетню; я скучаю, даже книга не развлекает». — «Мнѣ не до веселья! Я пришел к тебѣ за помощью», мрачно отвѣтил он. — «Я слушаю тебя, мой дорогой мальчик». Луиджи описал послѣднюю встрѣчу с Ириною и то, что вызвало ея рѣшеніе с ним болѣе не видѣться. «Я хочу на ней жениться, во чтобы то ни стало, когда сдѣлаюсь совершеннолѣтним! Ждать мнѣ придется не долго; всего нѣсколько мѣсяцев». Графиня молчала во время разсказа, лишь при упоминаніи о их ссорѣ на прогулкѣ в «*Campagne Romana*», замѣтила вполголоса: — «Какая дуручка!» Замолчав, сын пытливымъ посмотрѣлъ на мать, в ожиданіи ея мнѣнія. «На твоёмъ мѣстѣ, я оставила бы пока эту дѣвушку в покоѣ, чтобы не испортить все дѣло» и, замѣтив упрямое недовольство на лицѣ Луиджи, добавила увѣренно: «Она не выѣзжает и, будучи безприданницей, не скоро найдет себѣ жениха, или выйдет замуж». Он со вниманіем ее слушал. «У тебя скоро будет выпускной экзамен, чтобы хорошо подготовиться к нему, лучше о ней не вспоминать. Ты сам знаешь, что как только окончишь свое обученіе, отец устроит тебя в министерство иностранных дѣлъ и увеличит вдвое положенное им тебѣ жалованіе.

Тебя ожидает блестящая карьера; не дѣлай ничего такого, что может ей помѣшать!» — «Я согласен послѣдовать твоему совѣту. Я вижу теперь необходимость стать карьеристом: женщины, даже самыя хорошія, любят блеск и положеніе».

Он встал сумрачный, но рѣшительный, и подумал вслух: «4 мѣсяца до экзаменов — срок небольшой; потому полная самостоятельность и отдых от напряженнаго

усидчиваго труда... затѣмъ — награда!» Эта новая рѣшимость была вызвана увѣренностью, что он, справившись с учебным искусом, покорит сердце своенравной красавицы. И, может быть, Луиджи сознал в первый раз, что жизнь не вѣчный праздник! Он был общим любимцем. В нем цѣнили доброту, остроуміе и веселость, и даже его вѣтренность и непостоянство в любви нравились женщинам его «coterie»*) и одобрялись товарищами. И тѣм тяжѣе было ему теперь от нераздѣляемой любви, которая из обыкновеннаго увлеченія сдѣлалась сильной страстью, подчас ему самому тягостной и непостижимой...

Ирина, желая изучить что-нибудь полезное, и по примѣру Ольги, начала ходить на курсы Краснаго Креста. Одновременно она брала уроки итальянскаго языка, нравившагося ей своим благозвучіем. Дѣвушки увлекались своими занятіями: одна разсчитывая, другая мечтающая стать профессиональными сестрами. Родители Ольги дали на это согласіе; но княгиня, принадлежавшая к поколѣнію, в котором дочери выдавались замуж, но не работали, надѣялась, что ея внучкѣ никогда не придется служить и молилась о том, чтобы Бог послал ей хорошаго, подходящаго мужа. Под словом «подходящаго» бабушка подразумѣвала человѣка, обладающаго личными достоинствами, принадлежащаго к благовоспитанному обществу и могущаго содержать жену и дѣтей. По понятіям княгини качества пріобрѣтались воспитаніем и передавались хорошей породою. Она вѣрила в наслѣдственность, любила разсказывать внукам о дѣлах, совершенных их предками, и учила их чтить память дѣдов.

Ирина с утра до вечера была в жизнерадостном настроеніи и усердно готовилась к лѣтним экзаменам. О Луиджи она вспоминала и иногда ей хотѣлось знать, думает ли он о ней; но мысли о нем были спокойныя и ее не тянуло его видѣть. Дѣвушка считала, что на ея жизненном небосклонѣ он болѣе не появится. Обжевшись раз, она не искала знакомства с молодыми людьми и тѣх, которых знала, держала на разстояніи, довольствуясь своею дружбою с Ольгою и другими русскими подругами. Ольга на нее имѣла вліяніе.

— Возвращаясь с лекцій, онѣ часто поднимались на «Pincio», откуда любовались Римом; там дѣвушки вели тихія бесѣды на отдаленной аллеѣ, скрытой густотою деревьевъ от непрошенных взглядов прохожих. Ольга доказывала, обращая вниманіе Ирины на случаи из русской исторіи, что никто и ничто не в силах уничтожить

*) Компанія, — зам. автора.

крѣпость духа Россіи; непобѣдимой Россіи, пережившую 240 лѣтъ татарскаго ига, десятилѣтіе Смутнаго Времени и перенесшую многолѣтія нашествія шведов, поляков, турок и Наполеона. Благодаря своей дѣтской вѣрѣ в Бога и правильной оцѣнкѣ земных цѣнностей, она внушала Иринѣ, что жизнь изгнанников есть подвиг, что немыслимо порвать с прошлым, и невозможно отказаться от умственнаго и нравственнаго наслѣдія предков. Ольга указывала на то, что служеніе родинѣ должно продолжаться за границей и уклоняться от него — есть моральная слабость. Она понимала душевное состояніе Ирины, еще не примирившейся с судьбою бѣженцев и смотрѣвшей на недавнія событія, разыгравшіяся в Россіи, близоруким человѣческим зрѣніем. Ольга говорила ей: «это — наш путь; исполненіе долга приносит счастье». — «В чем заключается наше здѣсь служеніе?» — спрашивала Ирина, ища у своей подруги отвѣтъ на, порою возникавшій, вопрос: «Мы — без вины виноватые?» — «Быть вѣрными православію; объединиться вокруг церкви. Наша Зарубежная Церковь есть свободный голос Святой Руси, нынѣ обезглавленной и плѣненной безбожниками», вдохновенно звучал отвѣтъ Ольги. И глядя вдаль, гдѣ огнем сіял купол св. Петра, она мечтала вслух: «Разбросанные по свѣту среди льдов и песков, тропических зарослей и шумных городов, мы создадим церкви, богадѣльни и школы; нашу вѣру, обычаи и язык мы передадим дѣтям и сохраним для родины тѣ вѣчныя цѣнности, которыя теперь в ней попираются. Я вѣрю, что будущая миссія Россіи — доказать міру, что духовное благо выше, дороже матеріальнаго».

Слушая Ольгу и восхищаясь ею, Ирина признавала себя обыденной и малодушной. Дорога, указанная ей совѣстью, становилась в ея воображеніи кремнистым путем через африканскія дебри и бразильскія болота, альпійскія вершины и безводныя пустыни.

Они также обсуждали все то, что тогда волновало русскую эмиграцію: самодержавіе, легитимизм, конституція и республика, масонство и еврейскій вопрос и, беря исходной точкою христіанство, различали через его многогранную всеобъемлющую призму различные цвѣта и оттѣнки, невидимые для простого неопытнаго глаза.

Г Л А В А IX.

ПРІЅД АНДРЕЯ ЛАРОША.

Кончалась римская весна: щедрая, благовонная, солнечная; она украсила город красными, бѣлыми и желтыми розами. Наступало знойное лѣто; в садах и аллеях с закатом появлялись свѣтлячки, зеленовато-серебристыя звѣздочки, летающія среди деревьев, падающія на землю и поднимающіяся на небо. — «Души человѣческія: странствующія, опускающіяся и возносящіяся», думала Ирина, гуляя в вечернюю пору по «*Villa Borghese*». Солнце не ласкало, а жгло в теченіе всего дня, и лишь ночи были, пока еще, свѣжія; стоял іюнь мѣсяц.

Бабушка пила утренній кофе, подаваемый в 8 ч. и, одновременно, просматривала, принесенную ей, почту. «Угадайте, кто мнѣ пишет? — спросила она внуков, указывая им на большой конверт. Ирина, силясь припомнить, гдѣ она видѣла этот крупный почерк, медлила с отвѣтом, но Василій, замѣтив на маркѣ изображеніе англійскаго короля, воскликнул: «Георг V!» — «Я встрѣчалась заграницей на водах в Австріи и Франціи с Королем Эдуардом VII. Он был исключительно любезен с дамами. Короля Георга я никогда не видѣла», отвѣтила княгиня. — «Кажется, я догадалась. Это письмо от Лароша», не без смущенія сказала Ирина, послѣ краткаго раздумья... Андрей писал бабушкѣ, что проводив их из Аѳин, уѣхал в Канаду и, проскучав там цѣлый год, а также стосковавшись по Европѣ, предпринимает новое путешествіе и намѣревается быть в их краях. Всѣ, не исключая Ирины, обрадовались этому неожиданному извѣстію; им всѣм было пріятно снова увидѣть Лароша.

— о —

Торопливо открывая входную дверь, чтобы поскорѣе сообщить бабушкѣ о выдержанном экзаменѣ Краснаго Креста, Ирина невольно остановилась и прислушалась к громкому голосу, доносившемуся из гостиной. «Андрей пріѣхал, как — неожиданно!» — подумала дѣвушка.

Она подошла к нему с привѣтливой улыбкой на устах; ея глаза сіяли весельем и добротою. Ирина женским чутьем поняла, что должна ему помочь пережить первыя минуты свиданія; она крѣпко, по-мужски пожала его руку и быстро спросила: «Когда пріѣхали? Гдѣ остановились?» Не дав ему времени отвѣтить, дѣвушка сказала: «Рим чудный город и нам здѣсь жить больше нравится, чѣм в Аѣнах. Мы научились итальянскому языку. Сегодня я получила диплом сестры милосердія». Ея болтовня помогла Андрею собраться с мыслями и не показывать бабушкѣ свое волненіе, вызвавшее у него трепетное біеніе сердца и желаніе крѣпко сжать Ирину в своих объятіях. Широко улыбаясь, не интересуясь смыслом ея слов, лишь любуясь ею, он замѣтил просто: «Вы выросли».

—о—

С появленіем Андрея, жизнь Невских оживилась: он возил их кататься по окрестностям, приглашал в театр, на скачки и бѣга. Княгиня рѣдко пользовалась его автомобилем; передвиженіе ее утомляло, но она с благодарностью отпускала с ним внуков. Иногда Ольга, по просьбѣ Ирины, их сопровождала.

Іюнь был на исходѣ, когда Невскіе стали поговаривать о временном переѣздѣ в деревню. И было ими рѣшено поселиться в Фраскати, расположенном на невысокой возвышенности, отдѣленной от Рима Кампаньей Романа. Внуки и Ларош не безуспѣшно провели день в Фраскати в поисках дома; им посчастливилось найти на окраинѣ небольшую дачу с фруктовым садом, плотно обступившим одноэтажную постройку и предохранявшим стѣны дома от лѣтняго зноя. — Как тут чудесно! И цѣна подходящая!» — говорила довольная Ирина, сидя с Андреем на скамьѣ под развѣсистой дуплистѣй яблоней. Ея глубокіе глаза довѣрчиво ему улыбались; она не подозревала, что в эту минуту он представлял ее себѣ в совсѣм иной обстановкѣ: квадратный дом с башней и с внутренним двором, гдѣ по прихоти пращура был разбит французскій сад и за стѣнами замка парк, лѣс и озеро; — Андрей мысленно видѣл эту дѣвушку, такую близкую и такую далекую, бережно хранимую им в дѣдовской вотчинѣ.

Ларош находил Ирину, за этот год замѣтно похорошѣвшую, с движеніями, полными женственности, с глазами, говорящими о какой-то невѣдомой тайнѣ. И старыя надежды зарождались вновь, и любовь торжествуя-

ще ломала преграды, разставленные его твердой волею и трезвым умом. Горячее сердце побуждало холодный разум: он вѣрил, что будет счастлив.

Дул с запада прохладный вѣтерок, солнце садилось и жара спадала, когда Ирина, Василий и Андрей возвращались домой. По дорогѣ они рѣшили поужинать в одной загородной тракторіи, славившейся ѣдою и вином.

На верандѣ, на крышѣ которой вился дикій виноград, были разставлены столики; эти столики освѣщались лампами под темными абажурами, бросавшими свѣтовые пятна на бѣлыя скатерти. Так и вѣяло таинственностью от этой тракторіи, потонувшей среди пальм и кипарисов. В столовой, выходящей дверью и окнами на веранду, стоял большой круглый стол, заставленный бутылками, за которым сидѣла, сильно жестикулируя и оживленно болтая, компанія студентов. Возлѣ них валялись лиловые и зеленые, стариннаго покроя шляпы, цвѣта которых опредѣляли принадлежность юношей къ химическому или юридическому отдѣленіям. Видно было, что юноши кончили ужинать и допивали послѣднее вино. Раскраснѣвшіеся от напитков, с блестящими глазами и лоснившейся кожей, они старались перекричать друг друга, рассказывая о своих любовных похождениях. Красивый пьяный голос запѣлъ что-то грустное, но его сразу же перебили, и молодежь хором прокричала какую-то задорную университетскую пѣснь. Хотя полумрак мѣшал хорошо рассмотреть пирующих, Ирина была увѣрена, что узнала среди них Салерни; и сердце ея сжалось от непріятнаго предчувствія. Столы были заняты, кромѣ одного, стоявшаго возлѣ веселой компаніи. Ларош усадил Ирину подальше от студентов, но лицом к ним, сам занял стул вблизи большого стола. Он хмурился от шумнаго сосѣдства и недовольно поглядывал по сторонам, ища другое мѣсто, рассчитывая, что, рано или поздно, освободится болѣе удобный для них стол. В началѣ буйные сосѣди не обращали на них вниманія, и они успѣли съѣсть первое блюдо, когда неожиданно раздался голос одного из химиков: «Какая красавица! Лучше ея я еще не встрѣчал!» Это было сказано настолько громко, что всѣ, близко от него сидящіе, слышали и с нескрываемым любопытством посмотрѣли на дѣвушку. Густо покраснѣвъ до самых ушей, она замерла от смущенія. — «Я знаю одну, с которой никто не может сравниться... Я вам ее покажу, когда женюсь на ней!» — звонко сказал другой молодой голос и тот, которому он принадлежал,

обернулся в сторону Ирины... Довольный Луиджи праздновал окончание занятий в университетѣ. Он рассчитывал в день своего совершеннолѣтія, ожидаемаго им на этих днях, сдѣлать Ирину предложеніе. Юноша был в превосходном настроеніи, пока не встрѣтился с дѣвушкою в тракторіи; 4-хмѣсячная разлука с нею дѣлала это свиданіе особенно знаменательным. От сестры, продолжавшей видѣться с Василием, он знал, что она занята уроками и тоже готовится к экзамену. Но эти свѣдѣнія его не удовлетворяли и он ловил себя на стремленіи пройти мимо ея окна и — желаніи написать ей, хотя бы два слова любви и страсти.

Похваставшись, что его невѣста ни с кѣм не сравнима своею красотою, Салерни был потрясен, узнав Ирину в дѣвушкѣ, которую похвалил один из его университетских товарищей. Присутствіе высокаго незнакомца тоже смутило его; он не мог себѣ уяснить отношенія Ирины к этому мужчинѣ. И все это опредѣлило ход быстро разыгравшихся событій, получивших большое значеніе в жизни дѣвушки.

Молчаніе, напряженное и безпокойное для нѣкоторых участников разворачивающихся происшествій, было нарушено все тѣм же самым студентом-химиком: — «Виджу по твоему лицу, Салерни, что и ты — сражен! Сознайся, что твоя невѣста уступает этой синьоритѣ?» Луиджи встал, оперся, дрожащей от возбужденія рукою, на спинку своего стула и, метнув убійственный взгляд по направленію Лароша, сидѣвшаго спиною к пьяной компаніи, звенящим голосом отчетливо сказал: — «Эта дѣвушка — моя будущая жена! Я о ней и говорил!» — «Не вѣрим! Врешь! Докажи!» отовсюду раздались голоса студентов. — «Хорошо! Я ее поцѣлую!» — пылко объявил юноша. — «Ура! Молодец! принимаем поцѣлуй за неоспоримое доказательство!» — весело привѣтствовала пьяная компанія намѣреніе своего товарища.

Салерни, в глубинѣ души, сознавал, что поступает опрометчиво и нехорошо, но выпитое вино затемняло разум, а ревность толкала на такой поступок, который был бы отомщеніем ей за причиненную ему боль. Дрожащая от волненія дѣвушка сидѣла с опущенной головою, когда раздались над нею слова Луиджи: «Buona sera, Irina». Метнув на него испуганный взгляд, она прерывавшимся голосом прошептала: «я все слышала... Это — неправда. Вы — сумасшедшій». — «Ты свела меня с ума», отвѣтил ей негромко юноша и, быстро нагнувшись, порывисто обнялъ ее.

Очнулся он, лежащим на полу, около стѣны; кто-то из товарищей клал ему лед на голову, сильно болѣвшую от ушиба; при паденіи он стукнулся ею о каменный пол. Такой непредвидѣнный оборот дѣла протрезвил и напугал многих из находившихся на верандѣ и в столовой: публика стала поспѣшно покидать тракторію. Студенты, воинственно настроенные, шумѣли. Приняв оборонительную позу, они сердито посматривали на Лароша, браня его гнѣвными словами. Андрей, отбросив Салерни от Ирины, приказал Василию увести сестру и ждать его в автомобилѣ. Как только дѣвушка ушла со своим братом, на Лароша посыпались градом пустыя бутылки и посуда.

С сочившимися кровью порѣзами на лицѣ и руках, Андрей выглядѣлъ раненым Геркулесом, державшим стул взадѣн щита и ловко отражавшим, при его помощи, неисчислимые удары противников. На гвалт прибѣжали хозяин тракторіи, повар и лакеи; они общими усилиями, страшая полиціей, начали успокаивать разошедшуюся молодежь, требуя уплатить за попорченныя вещи. Ларош, которому надоѣли споры и расчеты хозяина со студентами, вынул из своего бумажника деньги и молча передал их недовольному владѣльцу; хозяин от щедрости иностранца быстро повеселѣлъ. Никѣм болѣе не задерживаемый, Андрей быстро пошел к своему автомобилю.

Они возвращались домой; каждый из них в отдѣльности заново переживал в душѣ только-что происшедшее неприятное приключеніе. «Луиджи ушиблен, Андрей изранен, я опозорена», думала тихо-плачущая Ирина, вытирая глаза носовым платком.

Чувство Василия двоилось: восторг перед силою Лароша и сожалѣніе о пораженіи Салерни. Сердце же Андрея пѣло свою любовь к русской дѣвушкѣ; скандал в тракторіи, ушибы, порѣзы, даже испуг и слезы Ирины были в глазах Лароша ничтожным огорченіем по сравненію с той поющей радостью, поднимающейся в его сердцѣ при мысли, что он снова выступил ея защитником.

Настойчивый звонок телефона разбудил Андрея в 7 часов утра. Контора гостиницы ему сообщала, что его хотят видѣть по важному дѣлу *Signori Sera u Salari*. Когда он вошел в гостиную, его уже поджидали вчерашніе враги, совсѣм еще юные студенты, неловко улыбаясь и виновато посматривая на изуродованное лицо Лароша,

которое за ночь распухло и посинѣло. Молодые люди, перебивая друг друга, объяснили Андрею, что являются секундантами графа Людовико Салерни. Это извѣстіе поразило Лароша, но он и вида не показал, что не ожидал вызова на дуэль. Этот обычай — пережиток рыцарских времен — был ему смѣшон своею траги-комедіей, но не принять вызова в Европѣ было бы неприлично; дуэли поощрялись военными сферами и практиковались среди высших слоев общества, хотя эта традиція и не соотвѣтствовала христіанской культурѣ, на основаніи которой была построена европейская цивилизація.

Скоро послѣ ухода студентов, в гостиную кто-то постучался и на приглашеніе Лароша войти, в дверях показался смуглолицый незнакомец, котораго он встрѣтил словами, сказанными по-французски: «Чѣм могу быть вам полезен?» — «Я сам собирался предложить вам свои услуги; вчера я был свидѣтелем происшествія, в котором вы принимали главное участіе, хотя и не были его причиною», отвѣтил вошедшій и с усмѣшкой добавил, показав два ряда ровных зубов, блеснувших на породистом лицѣ, с орлиным носом и гладкою нитью темных, как смоль, усов: «*Cherchez la femme*». Эта усмѣшка, начавшаяся с губ, перебросилась в умные черные глаза, вокруг которых появились легкія, как паутина, морщины. «По правдѣ сказать, вчерашнее событіе в тракторіи меня весьма развлекло: любовь, ревность, страсть и другія, болѣе мелкія, чувства, поочередно и одновременно, играли человѣком. Вы походили на льва, окруженного шакалами... Моя фамилія Альда и живу я в Асторіи», закончил гость, протягивая руку Андрею. — «Благодарю Вас и прошу быть моим секундатом», улыбаясь, сказал Ларош, почувствовавшій довѣріе к испанцу, національность котораго было нетрудно отгадать не только по его наружности; мужчина носил извѣстное испанское имя.

«Сдѣлайте мнѣ честь со мною позавтракать. Сегодня с моею рожею я никуда выходить не могу и буду затворником до тѣх пор, пока наружность моя не придет в болѣе нормальный вид, пригласил Андрей маркиза Альда, прощаясь с ним навремя.

Из своего разговора с гостем во время завтрака, Ларош узнал, что испанец был любитель верховой ѣзды, не раз участвовавшій в «*concours-épiques*», охотник, много пропутешествовавшій в поисках рѣдкой птицы и звѣря, стрѣлок, бравшій призы на международных состязаніях и частый посѣтитель извѣстных курортов, которые

его интересовали не одними игорными домами, но и веселым обществом, собиравшимся там со всех частей свѣта.

Дуэль была назначена в 5 ч. утра на «Monte Mario», лѣсистом холмѣ, в загородном мѣстѣ Рима. В пол-пятого Альда заѣхал за Ларошом на своем автомобилѣ и представил ему другого секунданта, выбраннаго им из среды своих соотечественников. Утро было дивное; дорога пустынная; вѣяло ночной прохладой, и недавно вставшее солнце пріятно грѣло. Андрея охватило желаніе продлить, как можно дольше, эту, возможно, для него послѣднюю поѣздку, но, признавъ свое состояніе слабостью, он посмотрѣлъ на часы и сказал: «надо поспѣшить, чтобы не явиться послѣдними».

Когда они прошли через густую рощу и вышли на небольшую поляну, то их уже ждали итальянцы. Салерни стоял рядом с молодым доктором и был блѣден; но наружно спокоен; зато на лицах Салари и Сера замѣтно было тревожное волненіе, а в движеніях—торопливость. Было рѣшено стрѣляться раз на разстояніи 20-ти шагов.

Когда секундантами был дан сигнал, то раздались, одновременно, два выстрѣла; и Луиджи, вскрикнувъ, упал навзничь. «He meant murder» *) подумал Ларош, прикладывая платок к своему окровавленному уху. Замѣтив испуганныя лица студентов, он подошел к ним и сказал, обращаясь к врачу: «Правда, ничего опаснаго? Пуля—на вылет, у правой ключицы; обморок — от шока». Молодой эскулап, опустившійся на колѣни перед неподвижным Салерни, удивленно на него посмотрѣлъ и отвѣтил, с недоумѣніем в голосѣ: «Вы правы. Невѣроятно метко стрѣляете. Моему пациенту повезло, но и вам, как я вижу, — тоже. Я осмотрю Ваше ухо, как только освобожусь. Вам придется немного подождать». — «Не беспокойтесь, доктор», раздался голос, подошедшаго к ним маркиза. «Я могу оказать первую помощь моему другу».

Ничего не подозрѣвавшая Ирина звонила Ларошу в день поединка, извѣщая его о своем переѣздѣ в Фраскати и прося прислать за бабушкою автомобиль. — «Вы скучаете в одиночествѣ и, навѣрно, меня ругаете. Мнѣ Вас очень жаль», голос ея оборвался, в нем слышались слезы; все случившееся с нами в тракторіи мнѣ ужасно непріятно. Я приношу несчастье... Это второй раз, что Вы из-за меня страдаете». — «Все это — пустяки, не стоящіе

*) Имѣлъ намѣреніе убить или замышляя убійство.—Зам. автора.

вашего вниманія. На днях я навѣщу всѣх вас на новом мѣстѣ», с весело бьющимся сердцем, отвѣчал Андрей. — «Я знала, что Вы не захотите показаться бабушкѣ, чтобы не обезпокоить ее своим видом и поэтому не звала Вас к нам, но я думала о Вас», как-будто извиняясь и нерѣшительно досказала дѣвушка.

— Почувствовав настроеніе Ирины, он сдержанно, коротко закончил: «Я был занят, приводил свои дѣла в порядок.»

Ея слова «мнѣ вас жаль» и «я думала о вас» имѣли на него дѣйствіе вина, выпитаго человѣком на пустой желудок, или смолы, брошенной на пылающій костер. Он говорил себе, что будет счастлив.

Г Л А В А Х.

РАНЕНЫЙ ЛУИДЖИ.

На слѣдующій день послѣ дуэли, раненый Салерни сильно страдал от физической боли и трудно было признать прежняго веселаго Луиджи в этом осунувшемся печальном юношѣ. От отца он утаил настоящую причину поединка, но от матери он ничего не скрыл и умолял ее повидать Ирину и просить от его имени ея руки. При видѣ волненія сына, боясь за его здоровье, графиня согласилась, не откладывая, поѣхать к княгинѣ Невской. Лѣвой рукою, неловко держа карандаш, Луиджи написал: «Cara mia»! Пріѣзжай скорѣе к умирающему от любви». Он не замѣтил, как вторично перешел с официального ВЫ на интимное ТЫ. Ему думалось теперь, что кровь, пролитая им из-за нея, обязывает дѣвушку принять его предложеніе, а, причиняющая страданіе, рана искупает его необдуманнныя слова и неприличный своею безцеремонностью поступок в тракторіи. Он считал добровольную отчужденность Ирины — капризом, построенном на извращенном понятіи о цѣломудріи и на опасеніи увлечься им. Послѣднее он рѣшил, вспоминая, что, объясняясь в любви, не думал серьезно о женитьбѣ и, ссылаясь на свое несовершеннолѣтіе, не дѣлал планов на будущее. «Тогда мнѣ хотѣлось ее видѣть и ласкать. Я сам не вѣрил в прочность моего к ней чувства. Она благоразумная дѣвушка, получившая строгое воспитаніе, видѣла во мнѣ лишь легкомысленнаго мальчика.

Странно, я узнал ревность лишь с момента нашей неожиданной встрѣчи. Помню, как смѣялся я прежде над этой страстью и дразнил тѣх, которые меня ревновали». Находя себя подходящей партіей для любой дочери римской знати и принадлежа к кругу «блестящей» молодежи, мог ли он сомнѣваться в том, что русская эмигрантка, потерявшая родину, богатство и положеніе, и сохранившая одно лишь славное имя, не примет его предложеніе с радостью или, по крайней мѣрѣ, с благодарностью.

Уже в Фраскати от Василя, которому Марія по секрету сообщила о болѣзни брата, Ирина узнала о дуэли. Она стала себя упрекать, что не предвидѣла эту возможность. Протелефонировав Ларошу, дѣвушка потребовала от него правдиваго отчета и упрекала его за то, что он принял вызов юноши, потерявшаго от ревности разсудок. Ее безпокоила мысль, что бабушка может услышать о случившемся скандалѣ и тогда придет в ужас от сознанія, что имя внучки связано с дуэлью, о которой, рано или поздно, будут всѣ говорить в Римѣ.

Луиджи вѣрно угадал; рана способствовала их примиренію; забыты были Ириною его навязчивая любовь и ея желаніе с ним не встрѣчаться. Из-за жалости к нему дѣвущкѣ казалось, что запретив ему видѣть ее, она поступила жестоко. «Развѣ не доказал он послушаніе и не трогательно ли его постоянство? Всѣ пьяные люди плохо себя ведут, но обижаться на них глупо». И в этом пріятном для Луиджи настроеніи, застала ее графиня Салерни. — «В какую глушь вы забрались; мой шоффер с трудом нашел вашу дачу». — «Нам здѣсь прохладно и спокойно», приглашая гостью сѣсть, отвѣтила ей Ирина. Послѣ краткаго молчанія, она спросила о здоровьи Луиджи. — «Пока ему не лучше. У него жар и ему необходимо полное спокойствіе, но он мучает себя предположеніем, что вы на него сердитесь. Мой сын просит у вас прощенія». — «Я давно простила», краснѣя, вполголоса сказала дѣвушка. — «Луиджи трудно узнать, он так перемѣнился характером и лицом... Вот записка от него. Он писал лѣвой рукою лежа; почерк неразборчивый.» Ирина подошла к окну и с озабоченным выраженіем прочла строки больного. В ней боролись два желанія: одно — посѣтить раненнаго поклонника, другое — не ѣхать к нему, чтобы не запутаться в сѣтях, разставленных, по ея мнѣнію, матерью и сыном; у нея зародилось подозрѣніе, что ее хотят связать необдуманнм, с ея

стороны, обѣщаніем, от котораго ей позднѣе не легко будет отдѣлаться. Подозрѣніе это было основано на словах Луиджи, сказанных студентам: «Эта дѣвушка — моя будущая жена».

Напускное безучастіе графини не мѣшало ей слѣдить за дѣвушкою; она угадала ея колебаніе и спросила скучающим голосом: «Дома ли ваша бабушка?» — «Я сейчас позову бабушку... Пожалуйста графиня, не упоминайте о дуэли... Я умолчала о ней», смущенно созналась в своей скрытности Ирина.

Хотя княгиня и не долюбливала графиню, но приняла гостью радушно и спрашивая про ея дѣтей; она пожалѣла, что давно их не видѣла. — «Марію я пришлю с гувернанткою, но Луиджи нескоро сможет вас навѣстить», отвѣтила итальянка, выразительно взглянув на дѣвушку. «Мой сын болен». — «Бѣдный, что с ним случилось?» — «Луиджи был замѣшан в дракѣ с каким-то иностранцем, оскорбившим его. Он праздновал окончаніе университетских занятій со своими товарищами-студентами. Всѣ выпили; много лишняго было сказано. Это происходило в одном загородном ресторанѣ, посѣщаемом приличною публикою... Моего сына привезли домой с расшибленной головою!» — обиженным тоном рассказывала графиня. — «Какой ужас! — Хорошо еще, что женщина не была замѣшана в этой непріятной исторіи», воскликнула княгиня, «а то ссора могла бы закончиться дуэлью... В мое время довольно часто бывали такіе печальные случаи. К счастью, этот жестокий обычай постепенно вымирает.» Прислушиваясь к разговору, Ирина молчала, с трудом сдерживая слезы стыда и огорченія. — «Мой муж просит Вас отпустить внуков к нам обѣдать. Я пришлю их обратно в автомобиль; и, если хотите, то заберу их сейчас с собою. Луиджи скучает, и я была бы благодарна вам, если бы вы позволили им поѣхать», вкрадчиво попросила гостя. — «Вы очень добры. Конечно. Прошу передать Луиджи мои сердечныя пожеланія скораго выздоровленія». — «Спасибо, княгиня», любезно улыбнулась итальянка. — «Как мило Вы одѣты. Я люблю простоту в одеждѣ барышни», замѣтила графиня, когда Ирина садилась рядом с нею в автомобиль; про себя подумала: „она исключитльно хороша! Как было не влюбиться в нее моему бѣдному мальчику! Но для такой жены он слишком молод; не справится с ней, пожалуй.» Выйдя замуж по расчету, графиня Салерни была убѣждена, что безприданная красавица не захочет отказаться от богатой свадьбы.

Ирина стояла перед цвѣточными лавками на *Piazza di Spagna*; ей захотѣлось выказать сочувствіе больному Луиджи, порадовать его своим вниманіем и ея выбор пал на любимые ею васильки. «Они пахнут ржаными полями моей родины; от их легкаго запаха не кружится голова, их можно на ночь оставить в спальнѣ...» Через закрытыя ставни высоких окон гостиной тускло проникал дневной свѣтъ. — «Какая душная погода! Вы, я вижу, не страдаете от жары; на вас нѣтъ слѣдов нашей поѣздки», обмахиваясь вѣером говорила хозяйка дома. Ирина ей скромно улыбалась. «Луиджи знает, что вы пріѣхали — готовится вас принять. Это даст нам время объясниться. Сын поручил мнѣ просить у княгини Невской вашей руки. Его просьбу я не исполнила, так как нахожу ее несвоевременной. Я прошу вас меня не выдавать и не огорчать бѣднаго мальчика... Мои слова взволновали вас. Успокойтесь! Я не препятствую Луиджи в его желаніи жениться, хотя и не толкаю вас на свадьбу. Но теперь прошу очень ему не перечить, иначе он заупрямится. А нам нельзя задерживаться в Римѣ; доктор торопит нас покинуть город». — «Если бы я знала, что вы назначили мнѣ играть роль неvěсты, то я бы не пріѣхала бы!» — воскликнула дѣвушка. «Мнѣ жалко его обманывать! Я не имѣю намѣренія выйти замуж за вашего сына. Развѣ нельзя было устроить мое с ним свиданіе при других условіях?» Возмущеніе, вызвавшее этот упрек, выражалось в пылавших щеках и сверкающих глазах Ирины. С удивленіем мать Луиджи посмотрѣла на дѣвушку. — «Мы, домашніе, исполняем малѣйшую прихоть больного, чтобы его не раздражать; и боясь за его здоровье, я согласилась ѣхать к вам. Я вижу, что вы далеки от мысли, с которой встает и ложится спать мой сын,» спокойно возразила она.

Этот непріятный для Ирины разговор с графиней Салерни был прерван стуком в дверь; женскій голос тихо сказал: «Граф Людовико ожидает княжну Ирину Невскую».

— „Она вас проводит“, сказала хозяйка дома, указывая глазами на стоявшую в дверях сестру милосердія. «Какое несчастье, что Луиджи влюбился серьезно в такую гордячку» — были ея мысли, пока взгляд слѣдовал за удалявшейся дѣвушкою.

Ирина слышала, как закрылась за нею дверь; она находилась одна с молодым человѣком. «*Carra mia*», раздался радостный, но слабый вопль, заставившій ее сдѣ-

латъ нѣсколько шаговъ по направленію старинной, под балдахинѣю, кровати. Сердце дѣвушки наполнилось жалостью при видѣ похудѣвшаго блѣднаго лица, и у нея невольно вырвались слова горячаго участія; — „Луиджи милый, зачѣмъ ты меня любишь?! мнѣ такъ грустно тебя видѣть больнымъ и несчастнымъ!“

Она сѣла в придвинутое къ постели кресло и уже спокойно сказала: „Я принесла цвѣты в знак нашей новой дружбы“. — „Какое счастье! Ты — со мной! Я радуюсь ранѣ, моимъ страданіямъ, которыя смягчили твое сердце!.. Зажги свѣтъ за тобой. Я хочу тебя лучше разсмотрѣть... Ирина — невѣста моя“.

Послѣднюю фразу Салерни прошепталъ, сжимая своею лѣвой рукой ея тонкіе пальцы.

Волненія его утомили, он опустил голову на подушку и, слѣдя за дѣвушкой лихорадочно-блестящимъ взоромъ, сказалъ еле слышно: „Какъ ты прекрасна! Еще лучше стала за эти мѣсяцы, что я тебя не видѣлъ! Поздоровѣла; загаръ тебѣ — к лицу.“

... Простила ли ты меня? Я приревновалъ тебя къ твоему Голиафу. Успокой меня! Скажи мнѣ, что онъ не мой соперникъ“.

— „Какія глупости! Андрей Ларошъ — другъ нашей семьи, мы с нимъ познакомились еще в Аѳинахъ“, краснѣя, улыбнулась Ирина. — „Но отчего ты смутилась?... Я догадался; онъ тебя любитъ! Твое лицо выдаетъ тебя“. На лобъ юноши легла складка недовольства, в его глазахъ промелькнула тѣнь подозрѣнія.

— „Волноваться тебѣ вредно! Если ты не станешь лежать смирно, то я позову сестру,“ отвѣтила она и добавила: „Лароша я люблю, какъ брата. Вѣрнѣе — почти.“ Дѣвушка лишь теперь замѣтила, что говоритъ Луиджи „ты“, но исправить это упущеніе было поздно. „Васильки безъ воды завянутъ“, закончила она, вставая. „Я поставлю цвѣты в воду“.

— „Какая ты душка“ — воскликнулъ онъ, снова повеселѣвшій от ея заботливости. Поздравь меня с окончаніемъ университета. Я полноправный юристъ и получаю съ осени службу в министерствѣ иностранныхъ дѣлъ“.

— „Я тоже выдержала экзаменъ и теперь сестра милосердія, но бабушка противъ того, чтобы я работала в госпиталѣ“.

— „Моя мать не успѣла рассказать мнѣ о результатахъ своего визита, а мнѣ такъ нужно знать твое рѣшеніе... Но твой прїѣздъ развѣ не означаетъ согласие?“ и, замѣтивъ умоляющій взглядъ Ирины, Салерни поторопился досказать: «Я готовъ сдѣлать уступку и ждать до зимы, но лишь съ условіемъ, что ты будешь на положеніи моей невѣсты... Какъ только я встану, мы станемъ искать квартиру; я хотѣлъ бы жить на „Via Veneto“: близко отъ всего и всѣхъ. У родителей въ складѣ стоитъ хорошая старинная мебель; мы воспользуемся ею для нашего помѣщенія... Но что съ тобой? Ты плачешь!», съ безпокойствомъ перебилъ онъ нить своихъ мыслей и, одновременно, дѣлая попытку приподняться съ подушекъ..

— «Не смѣй двигаться», глотая слезы проронила дѣвушка, «и — говорить». Она положила ему на ротъ свою нѣжно-пахнущую духами руку и начала оживленно рассказывать о своей жизни въ Фраскати, объ Ольгѣ и о курсахъ Краснаго Креста. Луиджи горячими губами прижался къ ея ладони. Ирину стало щекотно отъ его поцѣлуевъ и незнакомое доселѣ чувство истомы овладѣло ею отъ этихъ жгучихъ прикосновеній. Поймавъ на себѣ торжествующій взглядъ юноши, она растерялась и, отдернувъ поспѣшно свою руку отъ его рта, сказала голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе: «Скоро обѣдъ; я должна поправить прическу и вымыть руки. Какъ мнѣ пройти къ Маріи?»

— «Для этого тебѣ не нужно уходить. Ты можешь причесаться въ моей туалетной: мы не чужіе», съ возбужденіемъ отвѣтилъ онъ.

Появленіе графини въ дверяхъ спальни выручило Ирину, которая рѣшила впредь не оставаться наединѣ съ молодымъ человѣкомъ.

— «Надѣюсь Луиджи не надоѣлъ вамъ... Какъ ты себя чувствуешь, мой мальчикъ?» — «Отлично! Ирина лучшее для меня лекарство. Проси ее, мама, навѣщать меня почаще».

— «Съ удовольствіемъ. Я буду посылать за ней автомобиль... Согласны ли вы, милая Ирина, сдѣлать ему это удовольствіе?» „Если мое присутствіе способствуетъ его выздоровленію, то отказаться я не рѣшаюсь,» не могла не дать своего обѣщанія дѣвушка. «Я ужасно огорчена всѣмъ случившимся на «Monte Mario!» — съ поспѣшностью добавила она.

Мысли Ирины, убаюкиваемые мѣрнымъ покачиваніемъ автомобиля, путались, перескакивая съ одного предмета на другой: «Сегодня Луиджи меня до слезъ тронулъ... По

телефону Андрей сознался, что был легко ранен в ухо... Он завтра к нам приѣдет... Я запуталась окончательно... Ольга уѣхала в горы и мнѣ не с кѣм посоветоваться. Я ни за кого не хочу выходить замуж... Они мнѣ оба надоѣли!.. Мнѣ было тяжело притворяться невестою Луиджи. Я в него не влюблена; но мнѣ все же кажется я отчасти увлечена им... Легче переносить неприятности, чѣм видѣть безпокойство бабушки».

„*Sampagna*“, облитая лунным свѣтом, выглядѣла еще болѣе печальной и таинственной, чѣм днем; небесныя ночныя свѣтила тускло мерцали в ея беззвучных водах, и было в этой невозмутимой тишинѣ нѣчто особенное,— волнующее воображеніе, тѣнями из языческаго міра.

Насыщенная нѣгой ночь звала в свои темныя объятія, но сердце, не искушенное земной любовью, не слышало ея призыва, и легкій сон дѣвушки был безмятежен.

Г Л А В А Х I

П О В Ъ С Т Ъ Б А Б У Ш К И

— «Что с вами?» — спросила княгиня Лароша, замѣтив пластырь на его лѣвом ухѣ. — «Я расчесал прыщ и сдѣлался нарыв», отвѣтил спокойно Андрей. Василий, не удержавшись, фыркнул, но Ирина, строго посмотрѣвъ на брата, сказала: — «Со всяким может случиться, и если ты не отучишься ковырять в носу, то тебѣ грозит то же самое».

— «Фуй- фуй, укоризненно покачав головой, и обращаясь к внучкѣ, замѣтила бабушка.

Они завтракали в саду, в тѣни. Кругом пахло листьями, травой и землею, нагрѣтыми полуденным солнцем. Температура поднялась до 30° С.

Бабушка, затянутая в корсет, в темном, с высоким воротом, длинном платьѣ, казалась силуэтом из стараго петербургскаго журнала, чуждым деревенской идилліи. Тогда как внучка, обутая в сандалии на босу ногу, в коротком бѣлом платьѣ и алом платкѣ на вьющихся волосах, была воплощеніем этого лѣтняго дня.

— «Разскажите, пожалуйста, подробно о дуэли», попросила Ирина Андрея, когда княгиня ушла в дом подремать на кушеткѣ. Нѣсколько раз во время разсказа, дѣвушка его перебивала своими разспросами и, когда он

замолк, она не удержалась сказать: «какіе болваны! Развѣ можно рисковать жизнью из-за таких пустяков?! Зачѣмъ вы его ранили в плечо?»

«Я проучил нахала; хорошій для него урок». — «Из-за вашего поступка я должна была сдѣлаться сидѣлкой». И волнуясь, Ирина передала ему свой разговор с графиней Салерни.

Внимательно слушавшій Ларош, не мѣшал высказаться дѣвушкѣ, хотя и не помогал ей, когда она в замѣшательствѣ искала подходящихъ словъ для описанія своего ложнаго положенія.

Сдѣлавшись в началѣ хмурымъ, его лицо постепенно свѣтлѣло, и к концу ея разсказа стальные глаза весело блестя.

— „Я вижу единственный выход: послѣ выздоровленія Салерни вторично с ним драться на дуэли, чтобы выбить из его головы всякую охоту на вас жениться“, с бодростью замѣтил он.

— „Как можете вы шутить?“ — упрекнула Лароша Ирина. — „Я повторяю совсѣмъ серьезно, что исправлю свою оплошность и спасу вас от нежелательнаго брака; у меня имѣются подозрѣнія, что вы из жалости способны на такой рѣшительный шаг“. Она посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, первая опустила глаза и со смущеніемъ подумала: „вѣдь он любит, напрасно я была с ним откровенной“. Вслухъ дѣвушка сказала: „Послушайте, Андрей! Прошу вас ничего не предпринимать против Луиджи. Я сама с ним справлюсь, когда он поправится. Обѣщаю вам, что больше не буду поддаваться чужому вліянію“.

Когда сдѣлалось прохладнѣй, бабушка и няня вышли в сад. Ларош, будучи в хорошем настроеніи, что не часто с ним бывало, выбралъ Василія переводчикомъ и начал спорить с няней о достоинствахъ своей страны. — „В Россіи все лучше и крупнѣй, чѣмъ в Европѣ“, говорила старуха. — „Какъ вам не стыдно, няня, путать 5 частей свѣта?“ — смѣялся над ней Андрей, „пріѣзжайте ко мнѣ в Канаду и я угощу вас яблоками, величиной с дыню“.

— „Позвольте вас спросить, какихъ тогда размѣровъ ваши арбузы?“ — „Какъ этотъ стол, за которымъ мы сидимъ“, без запинки сочинялъ он. — „Вы меня с толку сбиваете своими разсказами.“ Звучавшее в ея отвѣтѣ сомнѣніе смѣшивалось с изумленіемъ.

— „Няня!“ — вмѣшивался в ихъ разговоръ Василій. „развѣ ты не вѣришь, что яблоки величиной в дыню и

арбузы — в стол — необходимая їда для великанов. Один из них — здѣсь на лицо“. — „Хоть ты не приставай ко мнѣ“, добродушно ворчала старуха, только наполовину не вѣря басням Андрея. И с явным интересом, она продолжала спрашивать: „Есть ли у вас царь, господин Ларош?“ — „Да, но он живет в Англии.“ — — „Значит не очень уж хороша ваша страна, если царь находится в ином государствѣ“.

Сдѣлав такой вывод, няня, сокрушенно покачав головой, вернулась в дом. Ея слова вызвали звонкій смѣх у внуков и замѣчаніе у бабушки: — «Поле битвы все же осталось за вами»...

Когда Ирина вторично посѣтила больного Луиджи, то он, цѣлуя руки своей гостыи, встрѣтил ее словами: «Мы — одни; никто нам не помѣшает. Я велѣл сюда подать чай. Ты не можешь себѣ представить, как я ждал тебя. Боялся, что что-нибудь помѣшает твоему приѣзду. Нам нужно о многом переговорить. Я высказался папѣ и он обрадовался моему желанію жениться, но совѣтует не торопиться со свадьбою. Ты ему очень понравилась... Он меня устроил в министерство иностранных дѣл. Хочешь ли имѣть мужа дипломата и современем быть посланницей?».

— «Луиджи дорогой, скажи мнѣ, как твое здоровье? Поправляйся скорѣй... Твое выздоровление необходимо для моего спокойствія. Это так важно для меня,» не отвѣчая на его вопрос, сказала дѣвушка.

— «У меня нѣтъ жара и на днях я встану. Доктор рекомендует мнѣ уѣхать из Рима, и моя мать торопится переѣхать в наше имѣніе на „Lago di Como“. Там чудно. Я попрошу родителей тебя пригласить. Будем вмѣстѣ купаться и кататься на лодкѣ. Любишь ли ты играть — в теннис?» — «В дѣтствѣ я недурно играла. Боюсь, что без практики разучилась. Я люблю этот спорт, но конечно ничего не могу сравнить с верховой їздой. Я теперь с завистью смотрю на наѣздниц в «Villa Borghese».

Ирина довольная собою, что ей удалось сдѣлать их разговор менѣе интимным, начала вспоминать приключенія, связанныя с верховой їздой». Мнѣ было 8 лѣтъ, когда меня понесла лошадь. Я рисковала разбиться в случаѣ паденія, так-как дорога была вымощена камнем. Моя полукровка на скаку брыкалась, вдобавок я потеряла одно стремя; и не понимаю, как усидѣла в сѣдлѣ, когда лошадь, на пути в конюшню, перепрыгнула через широкое корыто. Другой случай со мной не был опасен, но

смѣшон. Лошадь, на которой я ѣхала, легла в воду во время переправы через рѣку». Слѣдя за игрой ея лица, он думал: — «скоро ли настанет день, когда я не буду принужден отпускать ее?».

— «Ты думаешь о постороннем, это — невѣжливо», с улыбкой замѣтила она. — «Ты угадала, прости... Я мечтал о времени, когда нам не нужно будет разставаться».

Дѣвушка посмотрѣла на часы. «Не уходи... вот принесли чай... Пожалуйста, будь хозяйкой», попросил юноша, со счастливой улыбкой.

— «Скажи мнѣ, когда я могу видѣть твоего отца» — спросила она. — „У тебя секрет с папá?“ — „Нѣтъ, но мнѣ хочется с ним поговорить по душѣ“, не без смущенія отвѣтила Ирина,

— „Прошу, скажи мнѣ, что ты будешь обсуждать с ним?“ — „Не могу, но твой отец передаст тебѣ наш разговор.“ — „Я замѣтил, что ты уклоняешься говорить со мной о свадьбѣ; что это означает?“ В глазах у него загорѣлся укор, брови капризно нахмурились. — «Ты сейчас похож на фавна, и я тебя боюсь», полушутя, полусерьезно сказала дѣвушка. — „Чудесная нимфа имѣет основанія опасаться“, замѣтил юноша, но добавил ласково: „забудем наши разногласія, будем пить чай.“

Ирина сидѣла в „Grand Hotel“ с Ларошем и Альдою и чувствовала себя непринужденно. В поминѣ не было того безпокойства, которое ею овладѣвало в присутствіи Луиджи. Здѣсь никто ничего от дѣвушки не требовал и не смущал ее ни взглядом ни словом; она сама, зная это, была милаѣ и привѣтливаѣ с ними, чѣм с молодым итальянцем. Своим обаяніем Ирина плѣнила сердце маркиза, который изощрялся в изысканных любезностях и в красивых комплиментах.

— „Если бы я знал, что он — такой Дон-Жуан, то не пригласил бы его сегодня. Он меня затмил окончательно“, говорил, добродушно усмѣхаясь, Ларош. — „Сразу видно, что старая школа“, смѣялась Ирина. При прощаніи, низко склонясь над ея рукой, Альда сказал: „Когда выйдете замуж, то прошу сдѣлать мнѣ честь поѣхать с вашим будущим мужем мой родовой замок, находящійся в Астури.“ Замѣтив ея смущеніе, он добавил: „Такая дѣвушка, как вы, не останется в старых дѣвах. Поэтому я не медлю с приглашеніем“. От марки-

Фрейлина при Высочайшем Дворѣ

за не скрылось тайное обожаніе Лароша, и он предпо- лагал, что свадьба между ними состоится в скором вре- мени.

Было прохладно в открытом автомобилѣ; вѣтер, дув- шій с запада и усиливаемый быстрым движеніем маши- ны, освѣжал разгоряченное лицо Ирины и сушил легкія капли пота, выступившія на ея лбу. Она сняла шляпу и, с развѣвающимися волосами, отдавалась пріятному ощу- щенію свѣжести. Послѣ дневной жары в городѣ, это возвращеніе в Фраскати было для нея наслажденіем. Андрей мысленно искал подходящія слова, могущія раз- будить дѣвичье сердце. Он намѣревался вторично сдѣ- лать ей предложеніе и улыбался, вспоминая их объясне- ніе в Аоинах. — «Теперь убѣжать, как тогда, она не сможет».

— «Чему вы радуетесь, милый друг?» спросила ве- село Ирина. — «Мнѣ пришло на ум, как вы раз испуга- лись моего предложенія. Помните?» — усмѣхнулся Ла- рош. — «Я тогда вела себя, как глупый ребенок», призна- лась она, краснѣя и отворачиваясь от него.

— «Я сдѣлал ошибку, что не выбрал иного мѣста и времени, исключавших, как теперь, возможности бѣгства. С тѣх пор прошел год». Дѣвушка умоляюще на него взглянула и шепнула: — „Не дразните меня, пожалуйста“.

— „Неужели вы не видите, что я вас люблю по- прежнему и считаю вас идеалом жены для себя?“ — с чувством отвѣтил он, останавливая автомобиль и пово- рачиваясь к ней. „Я пріѣхал в Рим исключительно ради вас, не надѣясь ни на что; неодолимое желаніе ви- дѣть вас влекло меня сюда. Мой дом мнѣ опостыл, я бродил в нем как потерянный, выбирая для вас комна- ты, устраивая их в моем воображеніи так, как мнѣ ка- залось, вы захотѣли бы, если бы были со мною. Вы не можете представить, какія я муки претерпѣл, расстава- ясь с вами, думая, что теряю навсегда. Единственным моим утѣшеніем была увѣренность, что вы никого не любите. Салерни не остался бы жив, если бы я считал его серьезным соперником.“

Она была поражена открытіем, что сдержанный, спокойный Андрей способен на такую сильную, глубокую страсть. По сравненію с этой страстью, чувство Луиджи казалось лишь увлеченіем пылкой молодости, ярко горя- щим и быстро проходящим.

„Милая, довѣрьтесь мнѣ без опасеній за будущее. Я буду вас беречь; ни горе, ни заботы вас не коснутся; вам

не придется бороться с жизнью; тревоги останутся позади“. Так говорил Ларош, нѣжно обняв ее и цѣлуя склоненную голову дѣвушки, пока она думала: — „Как хорошо было бы имѣть такого брата. Как спокойно стало бы для нас всѣх... Как была бы я довольна сложить с себя отвѣтственность помогать в дѣлах бабушкѣ, такой безпомощной в теперешней нашей обстановкѣ, несмотря на всю свою мудрость“. Ирина закрыла глаза от напряженной мысли, любит ли она его больше чѣм в Аюинах“. И послѣ недолгаго раздумія, ею было принято рѣшеніе.

„Зачѣм я вас не люблю? У вас качества, которыя женщина ищет в мужчинѣ... Но дружба не замѣняет любовь... я не могу за вас выйти замуж.“ — „Вы скоро привыкнете, вѣдь у наших бабушек не спрашивали согласія на брак, но тѣм не менѣе, онѣ не были несчастными. Даже очень многія из них впоследствии дѣлались счастливыми,“ возразил он с убѣжденіем.

— „Все это вѣрно; бабушка рассказывала, что мало знала дѣдушку до свадьбы,“ согласилась, против своего желанія, прямая дѣвушка.

— „Вы сами подтверждаете мою теорію,“ с живостью откликнулся ея поклонник. — „Право, я не знаю, что вам отвѣтить, Подождите, я подумаю и завтра утром протелефонирую вам. Ёдем домой, чтобы не опоздать и не заставить бабушку нас ждать к обѣду“. Последнюю фразу Ирина сказала, освобождаясь от его объятій и надѣвая шляпу. Андрей понял, что настроеніе ея перемѣнилось, что не стоило настаивать на отвѣтѣ и не замедлил пустить в ход машину. Он хотѣл быстрой ѣздой унять бушующую кровь и освѣжить пылающее лицо. Вѣтер засвистал в ушах. Она одной рукой вцѣпилась в дверцу автомобиля, другой старалась безуспѣшно удерживать на головѣ шляпу. „Тише, тише, пожалуйста... *Mon chapeau!* Остановитесь!“ Ея восклицаніе было вызвано слетѣвшей с головы шляпой, сорванной порывом вѣтра. Ларош затормозил, а дѣвушка, встав на сидѣніе, тщетно искала глазами улетѣвшій головной убор. — „Садитесь, я пушу задній ход. Вы гораздо милѣе с непокрытой головой,“ сказал улыбаясь Андрей. „Женщина себя уродует, когда носит перевернутые вверх-дном горшки“. — „Что вы понимаете в дамском туалетѣ?“ — разсмѣялась она, выпрыгивая из автомобиля, остановившагося у лежащей в пыли шляпы; поднимая ее с земли, дѣвушка сказала: „Развѣ это не колокольчик? Правда, из голубого сдѣлавшійся сѣрым. Во всяком случае, моя шляпа никогда не походила на горшок“. И с шаловливой улыб-

кой она договорила: „Я вижу, что мнѣ придется ѣхать простоволосой. Только не подумайте, что я руковожусь желаніем доставить вам удовольствіе“.

Вечером того же дня Ирина спросила бабушку: «Можно-ли мнѣ с тобою поговорить о важном дѣлѣ, касающемся меня?» Она сидѣла на подоконникѣ в комнатѣ княгини.

— «Конечно, моя душка. Я тебя слушаю», с ласкою в голосѣ сказала старшая младшей.

— «Плохо-ли выходить замуж без любви?» — В словах дѣвушки слышалось волненіе.

— «Это — вопрос сложный... Я считаю, что нельзя вѣнчаться без уваженія к будущему мужу, любовь бывает разная», отвѣтила княгиня, внимательно посмотрѣвъ на внучку. «Быть влюбленной в своего жениха — большая радость, которая способствует удачному браку. Многие могут показаться невыносимым, если между мужем и женой нѣтъ настоящей любви». Бабушка умолкла и, задумавшись, смотрѣла в окно на сіяющее звѣздами небо. Ея руки перестали вязать и опустились на колѣни; временами легкая дрожь пробѣгала по ним, но лицо оставалось спокойным.

Соскочив с подоконника, Ирина быстро подошла к умолкнувшей княгинѣ и, став перед ней на колѣни, нѣжно прижалась к ея худому тѣлу. Необъяснимая жалость наполнила чуткую душу внучки, почувствовавшую печальную тайну в прошлом бабушки.

— «Андрей мнѣ сдѣлал предложеніе: я общала дать завтра отвѣт. Я хочу поступить так, как ты захочешь», проронила она.

— «Я ожидала. Он хороший и мнѣ нравится. Но вліять на твое рѣшеніе я не буду... Брак — таинство, неповоротный шаг в жизни человѣка. Неисполненіе общанія, даннаго Богу, разсматривается церковью так же строго, как и нарушеніе монахом обща цѣломудрія».

— «Бабуся...», вырвалось у дѣвушки ласковое названіе, которое она употребляла в дѣтствѣ. „Любила-ли ты дѣдушку?“

— „Бѣбуса“, отвѣтила княгиня, также называя внучку нѣжным прозвищем и цѣлуя в лоб. „Я его цѣнила, он был добр и заботлив“.

— „Тогда мнѣ остается послѣдовать твоему примѣру и выйти замуж за Андрея“. Уста Ирины не выражали желанія ея сердца.

Наступило молчаніе: одна умом стремилась познать будущее, другая сердцем вызывала прошедшее. Первая очнулася бабушка.

— «Я замѣняю тебе мать и должна для твоей пользы открыть то, что тщательно скрывала от всѣх. Садись поудобнѣй, мой рассказ длинен; вот сюда, возлѣ меня, на подушку», сказала она и, погладив внучку по головѣ, начала свою повѣсть: «Я была сиротою и воспитывалась не дома, а в Смольном; *) по окончаніи Института я поселилась у тети-опекуни, строгой статс-дамы.**) Не успѣла я оглядѣться хорошенько, как была уже помолвлена с пожилым отличенным генералом Свиты, царствовавшего тогда Императора Александра Второго. Меня сдѣлали фрейлиной. Балы, концерты, благотворительные базары и карусели ***) наполняли мое существованіе, смѣнив замкнутую жизнь в институтѣ и у тетки. Почет, исполненіе малѣйших моих желаній пріятно кружили голову, и я тогда не сомнѣвалась, что участь моя самая завидная.

Свадьба была торжественная в домово́й церкви дѣдушки; весь Петербург был на нее приглашен; как мнѣ говорили потом, всѣ очень веселились. Но я, в этот исключительный для меня день, чувствовала себя одинокой, особенно, когда осталась одна с мужем, в его большом особнякѣ... я ощущала холод в хорошо натопленных его покоях.

Я поняла слишком поздно, что для меня одного уваженія к мужу не было достаточно.

Недѣли, мѣсяцы проходили за выѣздами, пріемами, благотворительностью и любительскими спектаклями. Днем, рѣдко видя дѣдушку, я забывала порой, что замужем. Когда родился мой единственный сын, я ожила нравственно. Твоему отцу я отдала всю ласку и нѣжность, на какія только была способна. И сын сблизил родителей, я привязалась к мужу. С этого времени мы стали вмѣстѣ проводить часть дня дома: он, жертвуя клубом, я — друзьями. Итак прошло пять лѣтъ.

Мнѣ минуло 24 года, когда мужа назначили генерал-губернатором, и мы отправились к мѣсту его назначенія. Началась новая жизнь, которая мнѣ нравилась. Я

*) Закрытое учебное заведеніе для дѣвиц благороднаго происхожд.

**) Высокій придворный чин.

***) Полковыя состязанія, замѣнявшія в 17-ом вѣкѣ турнир, в котором принимали участіе и дамы. — Зам. автора.

увлеклась своими обязанностями губернаторши, и дѣдушка начал ко мнѣ относиться, как к взрослой. Часто он хвалил мою энергію и стараніе. Адъютантом к нему был назначен Иван Павлович; о фамилии его умолчу. Это был красивый мужчина, лѣтъ 30-ти, отличный танцор и чело-вѣкъ нашего круга. Я влюбилась в него по уши, как институтка, теряя самообладаніе и краснѣя в его присутствіи. Только та, которая любила и вынуждена была это скрывать, поняла бы мои муки и счастье, мою ревность и стыд. От его взора не скрылось мое душевное состояніе; он начал за мною ухаживать. Но обманывать дѣдушку и быть тайно любимой другим — не было в моем характерѣ; Иван Павлович ошибся в своем разсчетѣ. Мое упорство разжигало его увлеченіе, которое не замедлило обратиться в глубокое чувство. Борьба с самой собою отразилась на моем здоровьѣ: я нервничала, теряла сон, аппетит и лишь в дѣтской моего мальчика находила душевный покой. Дѣдушка, замѣтив мою худобу и блѣдность, забеспокоился. Меня начали лѣчить доктора от разных болѣзней. Муж был особенно ласков со мною. Бѣдный, мог-ли он думать, что от его нѣжной заботливости мнѣ становилось еще тяжелѣе?!... Прошло полгода; приближалась развязка. — Ваня, так я мысленно называла Ивана Павловича, тоже страдал не менѣе меня. Из самодовольнаго мужчины, цѣлью котораго была блестящая карьера, любителя свѣтской жизни, он стал чело-вѣком вдумчивым, тихим, много времени проводившим дома за серьезным чтеніем.

Однажды я сидѣла в глубинѣ сада, в бесѣдкѣ; книга лежала на колѣнях, я не могла сосредоточиться: необъяснимое безпокойство овладѣвало мною, сердце болѣзненно сжималось... Вдруг слух мой уловил быстрые шаги... Блѣдный, с сухими горящими глазами, дрожащій и жалкій, он стал передо мной... Это во всей моей жизни был самый большой соблазн... Он просил меня развестись, чтобы выйти за него замуж... Он был готов уйти в отставку и поселиться со мною в глуши, в далекой провинціи, гдѣ нас никто не знал бы. Для женщины нѣтъ ничего печальнѣе мужских слез... Он рѣшил, в случаѣ моего отказа, итти добровольцем на войну; говорил, что сходит с ума и не в силах оставаться на службѣ у генерал-губернатора. Я была в отчаніи, но все-таки просила подождать до утра моего рѣшенія.

Как провела я ночь?!... Я заперлась в спальнѣ; мои рыданія чередовались с молитвами и хожденіем из угла

в угол до тѣх пор, пока в полном изнеможеніи я не повалилась на постель, гдѣ и заснула сномъ, похожим на обморок.

Стук моей горничной в дверь разбудил меня. Призвав на помощь всю свою волю, я с трудом встала и, подойдя к письменному столу, написала слѣдующія слова: „Прощайте... Да хранит вас Бог...“ До сего дня я помню цвѣт бумаги и чернил, а также — другія мелкія подробности, связанныя с моей запиской Ванѣ... Потом на меня нашло какое-то оцѣпененіе: я пролежала в темнотѣ весь день, не отвѣчая на зов обезпokoеннаго мужа. Я выплакала всѣ слезы...

С Иваном Павловичем мы болѣе не встрѣчались... Он писал дѣдушкѣ и я знала из его писем, что он отличился, представленъ к Георгію и здоров. Эти утѣшительныя вѣсти давали мнѣ крѣпость переносить разлуку».

Старая княгиня умолкла и медленно вытирала набѣжавшія на глаза слезы. Внучка, прижавшись к ногам бабушки, цѣловала ея худощавыя руки.

«В ночь на 30-е августа 1877 года», продолжала свое повѣствованіе княгиня, «мнѣ приснился Иван Павлович... Он шел навстрѣчу мнѣ по ржаному полю, собирая ярко-красныя маки, и улыбался мнѣ ласково. — «Эти цвѣты — моя кровь», сказал Ваня, положив букет к моим ногам... Я потянулась к нему, чтобы обнять; мое сердце радостно и больно замирало, но он, как-будто сдѣланный из воска, стал медленно таять: его черты исчезали в призрачность. Одни маки алѣли, как кровь, на землѣ. Я проснулась, покрытая холодным потом; чуть брезжил разсвѣтъ. Предчувствіе надвигающагося тяжелаго испытанія сковало мою душу. Этот вѣщій сон приснился мнѣ в канун «Третьей Плевны».*)

Иван Павлович погиб во время ея штурма и был похоронен в братской могилѣ в далекой Болгаріи».

„Я впала в безпамятство, когда я узнала от дѣдушки о кончинѣ Вани; много дней пролежала я в горячкѣ, между жизнью и смертью. Твой дѣд свое свободное время проводил у моего изголовья. За этот срок мы оба очень измѣнились: он сильно постарѣлъ, я посѣдѣла и походила на тѣнь. Должно быть в бреду я открыла ему тайну... Он никогда не намекалъ мнѣ о том, что слу-

*) В Болгаріи. Во время Русско-Турецкой войны этот город выдержал долгую осаду. Послѣ больших потерь с обѣих сторон, он был взят русскими.

чайно узнал, но отношенія наши измѣнились: он держал себя отцом и перестал быть мужем. Как умѣла и могла, я старалась доказать ему свою благодарность. Он понимал меня... Нѣсколько мѣсяцев спустя, послѣ моего выздоровленія, дѣдушка, объѣзжая губернію, простудился и умер в дорогѣ еще не старымъ человѣкомъ: ему было всего 50 лѣтъ... Я была свободна и могла бы вторично выйти замуж; но того, кого я любила, не было уже в живых... Я отошла от «свѣта» и посвятила жизнь сыну».

Бабушка выглядѣла усталой и грустной. Ирина, дрожащим от плача голосом, прошептала: — «Пушкинская Татьяна и Тургеневская Лиза не поступили бы иначе, очутившись в твоёмъ положеніи. Мнѣ жаль васъ всѣхъ, не знаю, кто изъ троихъ больше страдал. Трудно было побороть искушеніе. Боюсь, что я не имѣла бы достаточно сил».

— Княгиня, подумавъ, отвѣтила: «Строгое воспитаніе и примѣръ, близко стоящихъ ко мнѣ людей, приучили меня с дѣтства къ самообладанію. В прошлом столѣтіи развод считался скандаломъ; женщина, идущая на это, дѣлалась «une déclassée» *). Помню, какъ-то, повстрѣчавъ в церкви одну разведенную знакомую, я подошла къ ней поздороваться. Впослѣдствіи она мнѣ созналась, что мой поступокъ ее удивилъ и растрогал». — «Но эта суровость къ согрѣшившимъ жестока!» — пылко воскликнула внучка.

— «Я согласна съ тобой, но строгость нужна для сохраненія семьи; доказывать необходимость послѣдней — излишне. Есть пословица: каковъ попъ, таковъ и приходъ; а я тебѣ скажу иначе: какава жена, такая и семья.»

— «Пожалуйста, поясни твои слова. Очень интересно! Мы никогда не говорили съ тобой о такихъ вещахъ», попросила дѣвушка.

— «Ты, моя душа, раньше многого изъ нашего разговора понять не могла бы... Исторію государствъ дѣлаютъ и пишутъ мужчины; и на страницахъ рѣдко встрѣчаешь имена женщинъ. Но это лишь офиціальная версія. Кто толкаетъ мужчинъ на подвиги, воодушевляетъ безразличныхъ укрѣпляетъ павшихъ духомъ, и требуетъ отъ нихъ геройскихъ поступковъ? Конечно мы: матери, жены, сестры, невѣсты и дочери, остающіяся незамѣтными двигательницами событий и вершительницами судебъ народовъ. Я послала на смерть Ивана Павловича не изъ боязни подвергнуться критикѣ или лишиться высокаго положенія... Нѣтъ! Мое влеченіе къ нему было настолькоъ велико, что я перешаг-

*) Въ обществѣ. Зам. автора.

нула бы не оглядываясь через эти препятствия. Меня остановили тогда чувство супружеского долга, жалость наказывать ни в чем неповинного мужа и опасение потерять сына. Для матери самый тяжелый крест лишиться уважения дѣтей, которыя почти всегда судят своих родителей строго, безжалостно». — «Долг сильнѣе любви». «Это звучит красиво и холодно», замѣтила внучка. — «Когда женщина сходилa с пьедестала, воздвигнутаго ей лучшими мужчинами из разных эпох, тогда начинался среди людей нравственный упадок», заключила бабушка.

Г Л А В А Х І І .

Н О Ч Н О Е П Р И К Л Ю Ч Е Н І Е .

Повѣсть княгини произвела огромное впечатлѣніе на дѣвушку и, лежа ночью в постели, Ирина взвѣшивала настроенія и чувства, опредѣляя состояніе своей души. В 18 лѣтъ она знала, что именно было тягостно бабушкѣ в замужней жизни и за что та была благодарна дѣду. «Как отказать Андрею, причинив ему как можно меньше боли? Хотя он и «сдѣлан из стали» и никто и ничто не могут его сокрушить, все же мнѣ его жаль; он сильно любит», мучила себя такими мыслями внучка. И зѣвнув, она сказала: «Он был бы для меня идеальным мужем, если бы мог стать братом».

Безсмысленность этих слов ее разсмѣшили; и, уже засыпая, она подумала: «Какая чепуха лѣзет в голову».

Безоблачныя небеса отражались в чистой водѣ маленькаго бассейна. Кое-гдѣ еще роса покрывала траву и птички оживленно щебетали, когда Ирина, полной грудью вдыхая утреннюю свѣжесть, высунулась в растворенное окно своей спальни. «Хочется простой жизни, ясной как это іюльское небо», подумала она. «Но без осложнений жизнь не бывает; научусь терпѣнію у бабушки».

— «Это я, Ирина. В интонаціях ея голоса слышалась неловкость.

«Простите меня за огорченіе». Держа телефонную трубку, Ларош молчал. «Я обдумывала отвѣтъ всю ночь». продолжала она, «дружескаго чувства к вам мнѣ не довольно... Мнѣ трудно выразиться яснѣе; постарайтесь меня понять и, пожалуйста, не обижайтесь».

— «Вы отказываете? Я догадываюсь, чего именно вы не договариваете. Вы разсуждаете, как ребенок. Вы не можете идти против законов природы. Это ненатурально!» В его упрекѣ было и боль и раздраженіе. «Ради Бога, прекратим тяжелый для нас обоих разговор!» — воскликнула дѣвушка нервно. Взяв себя в руки, он безстрашно спросил: — «Могу ли я вас попрежнему навѣщать?» — «Не знаю, что вам отвѣтить. Думаю, что лучше нам болѣе не видѣться; во всяком случаѣ, надо переждать нѣкоторое время», немного успокоившись, вымолвила она. — «Я все же не теряю надежды, что моя преданность и вѣрность восторжествуют над вашими опасеніями. У вас предвзятая мысль... Смотрите проще, не осложняйте жизнь,» отческим тоном заключил Андрей.

Дѣвушка повѣсила телефонную трубку и, облегченно вздохнув, сказала: «Гора с плеч свалилась. Слава Богу!»

Тѣм временем Ларош, погруженный в невеселыя думы, размышлял: «Новая неудача не измѣнит моего рѣшенія на ней жениться».

Старый Салерни угощал в своем клубѣ Ирину завтраком. Он привѣтливо встрѣтил ее словами: «Сын передал мнѣ ваше желаніе меня видѣть. Располагайте мной всегда, когда хотите». Дѣвушка рассказала ему о невольном недоразумѣніи, происшедшем между нею и Луиджи. «Они скрыли от меня многое. Мать балует сына. Мнѣ нужно у вас просить прощенія», сказал граф, дружески пожимая ея руку, игравшую на столѣ хлѣбным мякишем. «Я переговорю с женой и Луиджи; но принужден просить вас пойти на маленькій компромисс.»

— «Все, что вы ни посоветуете, будет хорошо,» довѣрчиво отвѣтила она.

— «Могу ли я от вашего имени сказать сыну, что вы хотите повременить с окончательным отвѣтом, чтобы провѣрить свое чувство и не связываете ни себя ни его никаким обѣщаніем? Он впечатлителен, своеволен и способен надѣлать глупостей, тѣм-болѣе, что не вполнѣ еще окрѣп послѣ болѣзни».

Ирина поняла безпокойство отца и, прямо посмотрѣвъ ему в глаза, сказала: «Если вы найдете необходимым, то передайте Луиджи, что я отказала его сопернику Голиафу и больше его не вижу.» — «Я все исполню в точности. Боюсь, что сын не согласится покинуть город, не простившись с вами.»

— «Пускай приѣзжает к нам. Бабушка часто о нем спрашивает». — «Мнѣ жаль, что вы не намѣрены стать моей belle fille *). Для меня тогда вы были бы второй дочерью. О лучшей женѣ для сына я не могу и мечтать.»

«Спасибо, вы меня очень тронули, граф. Я не найду никогда такого доброго свекра, каким вы для меня были бы, если-б я вышла замуж за вашего сына». Ея голос звучал тепло и в глазах свѣтилась искренность.

Луиджи был взбѣшен; он узнал, что в имѣніе они поѣдут без Ирины. И накануне их отъѣзда на Комо молодой человѣкъ посѣтил русских друзей; он намѣревался уговорить Ирину измѣнить свое рѣшеніе.

«Безсердечная дѣвчонка, как долго ты меня станешь мучить?!» — думал раздосадованный юноша, сидя в саду с Невскими. За весь день, проведенный в Фраскати, ему не удалось с ней объясниться; в своей неудачѣ он винил Ирину.

Когда настала пора уходить, Луиджи обратился к Василию: «Ты собирался мнѣ передать фотографіи для Маріи. Лучше дай мнѣ эти снимки сейчас, не откладывая до завтрашняго дня».

— «Сестра, можно ли нам к тебѣ войти?» спросил Василий немного времени спустя, постучавшись в спальню Ирины.

Когда обитатели дома разошлись по своим комнатам, — в приотворенную дверь она, позади брата, увидѣла Луиджи, на лицѣ котораго играла хорошо ей знакомая добродушно-лукавая улыбка. «Я докажу ему, что он меня нисколько не смущает» — подумала дѣвушка и, гордо подняв голову, сказала спокойно: «Войдите, но на короткій срок, так как поздно и нам всѣм пора спать».

— «Какая уютная комната!» — воскликнул молодой Салерни, «она походит на келью: свѣтлая мебель, бѣлыя занавѣски, лиліи в вазе, и образа над узкой, притом еще жесткой, постелью» — добавил он, ощупывая матрас. Единственное окно выходило в густую садовую заросль. Держась за косяк рамы, Луиджи перевѣсился туловищем вниз к землѣ: «Невысоко... и ты не боишься?» — спросил он Ирину. — «Никто не станет грабить русских бѣженцев!» — воскликнул Василий, отвѣчая ему вмѣсто сестры.

— „В такія лунныя ночи нимфы устраивали свои пляски. В греческом язычествѣ была поэзія. В тѣ древнія времена ты была бы служительницей цѣломудренной

*) Невѣстка. — Зам. автора.

Діаны; а я навѣрное — жрецом Діонисія-Бахуса, мистериі котораго пришились бы мнѣ по вкусу“, замѣтил юноша, подмигивая дѣвушкѣ. „До свиданія, желаю вам всѣм хорошо провести лѣто в этой дырѣ. Жалѣю, что вы не приѣдете на „Lago di Como“.*) Она, пожимая ему руку, отвѣтила: „Фраскати находится на возвышенности и дырой это мѣсто нельзя назвать“.

Про себя дѣвушка подумала: „Отчего он спокоен и даже доволен? Хотѣлось бы знать, что у него на умѣ?“

Оставшись одна, Ирина присѣла на подоконник и, любуясь ночью, думала о Луиджи. Дѣвушку удивляла, хотя и радовала, покорность пылкаго поклонника, который, без укора и жалоб, подчинился ея предписанію уѣхать и не видѣть ее до осени.

— „Ты еще не начала раздѣваться, прекрасная нимфа?“ — раздался из темноты кустов молодой звонкій голос. „Проходя мимо твоего окна, я увидѣл тебя и не удержался, чтобы не окликнуть... Сегодня ночь Пана“, прибавил он тихо послѣднюю фразу. И не успѣла Ирина отвѣтить, как до ея слуха донесся шум, быстро удалявшейся машины.

Ей грезилось, что в толпѣ обитательниц дубрав, в числѣ которых была Ольга, на освѣщенной мѣсяцем и звѣздами полянѣ, она плясала, еле касаясь почвы, воздушный неземной танец дріад. Но дѣвушка во снѣ не долго наслаждалась ощущеніем легкости: раздался рѣзкій звук флейты; лѣсныя подружки скрылись и на лужайкѣ появился Пан, с лицом похожим на Луиджи и, указав рукой в слѣд исчезнувшим дріадам, он сказал Ирине: „La terreur panique“. **) Ей стало жутко от его слов и, зовя Ольгу, она побѣжала к лѣсу, гдѣ разсчитывала спрятаться между деревьями, но ноги ея еле двигались, путаясь в высокой травѣ, цѣплявшейся за одежду, и задерживавшей бѣг. „Остановись, все равно тебѣ не уйти от меня!“ прогремѣл над самым ухом голос Пана — и она с криком проснулась...

Серебристая дорожка спускалась к ней на постель, малѣйшіе предметы выступили на ея пути. „Сколько раз говорила няня остерегаться луннаго сіянія. От него можно стать лунатиком... Что это?... Крадущіеся, приближающіеся шаги... Я боюсь“, подумала Ирина и соскочила с кровати, с намѣреніем позвать няню, спавшую недалеко от ея спальни. Но не успѣла она дойти до двери, как

*) Озеро на сѣверѣ Італіи: «Lago di Como».

**) Ужас, вызванный появленіем Пана. — Зам. автора.

послышался шорох у самого дома и в окнѣ показалась верхняя часть человѣческаго тѣла. В ночном посѣтителѣ она узнала Луиджи и сдержала крик, готовый вырваться у нея от страха. „Не бойся“, прозвучал нѣжный и знакомый шопот юноши. „Завтра я уѣзжаю на три мѣсяца, и буду томиться без тебя на „Lago di Como“. Ты выглядела сегодня равнодушной. Я не мог разстаться с тобой, не услышав от тебя хотя-бы одно ласковое слово. Я знаю, что мы не связаны общаніем, но все же считаю себя твоим женихом. Прости меня, что напугал тебя».

Какое-то шестое чувство проснулось в дѣвушкѣ, предупреждая об опасности и одновременно породившее в ней чисто женскую хитрость. Она начала торопливо надѣвать халат, ночныя туфли и повязывать растрепавшіеся волосы платком. Руки Ирины от волненія плохо повиновались; она подошла к умывальнику и выпила стакан холодной воды. Ея ум лихорадочно работал; дѣвушка собиралась отдѣлаться от надоедливаго юноши, не подымая на ноги весь дом. Она сознавалась себѣ, что его таинственное появленіе пріятно тревожило романтическую сторону ея характера и что-то отвѣтное на его любовь шевелилось в ея сердцѣ. Искры, отлетавшія от зажженнаго страстью пожара, падали на горючій матеріал.—«Поговорим... Но не здѣсь. Сойдем в сад, в фруктовую рощу. Там стоит заброшенная скамейка. Никто нам не помѣшает,» негромко сказала Ирина, подходя к окну, на подоконникѣ котораго сидѣл Салерни. Слушая дѣвушку, Луиджи думал: «Она безподобна. Даже лучше, чѣм я ее себѣ представлял!» — «Видишь ли в том направлении высокій кедр?... За ним сразу — фруктовый сад, гдѣ ты будешь меня ждать. Я непременно хочу рассказать тебѣ про мой сон, в котором ты участвовал в роли Пана». — «Ты меня не обманешь?» — вкрадчиво спросил он. — «Луиджи милый, если ты останешься здѣсь дольше, то мы разбудим весь дом. У няни легкій сон, она спит поблизости... Ни ты, ни я не хотѣли бы, чтобы нас застали одних ночью в моей спальнѣ.»

— «Я согласен с тобой», усмѣхнулся он. «Осторожность в дѣвушкѣ—необходимая черта».—«Я боюсь росы и принесу покрывало... Мнѣ пришла чудная мысль захватить с собой что нибудь съѣдобное,» шептали улыбающіяся уста Ирины; глаза ея шаловливо блестя.

— «Выпить за твое здоровье было бы очень пріятно», хитро подмигнув ей, усмѣхнулся юноша.

— «Хорошо, я достану бутылку вина и фрукты из столовой,» согласилась она, весело взглянув на него.

Близость дѣвушки возбуждала Луиджи; он потянул Ирину к себѣ за концы ея платка и крѣпко прижался губами к ея рту.

Это горячее прикосновение вызвало в дѣвушкѣ новое ощущение, никогда не испытанное ею прежде. От его поцѣлуя, который душил и дурманил, ей было жутко и весело. Секунды проходили; Иринѣ сдѣлалось совѣстно и, чтобы прекратить этот долгій поцѣлуй, она вцѣпилась в кудрявую голову Луиджи. Пальцы дѣвушки причиняли боль молодому человѣку, но он стоически переносил эту боль. Промелькнули мгновенья. Луиджи выпустил концы ея платка из своих рук и отшатнулся от Ирины.

— «Кто вошел? Ах! Это ты, моя дѣточка,» говорила няня, освобождая Иринѣ мѣсто, рядом с собой на постели. «Тебѣ мѣшает луна... Она свѣтит прямо в твое окно. Это не хорошо для здоровья. Засни спокойно, еще далеко до разсвѣта».

Одинокій юноша долго бродил по рошѣ, в ожиданіи дѣвушки. Постепенно блаженство замѣнялось отчаяніем, и подозрѣніе в том, что она его перехитрила и не придет на свиданіе, переходило в увѣренность.

Лунныя пятна ложились, как свѣтлыя облака, на темную землю и причудливо выступали стволы яблонь, груш, слив; их дупла зіяли открытыми пастьями, их вѣтви мерещились косматыми лапами.

Он вернулся к дому и заглянул в окно: ложе было пусто, но простыни и подушка хранили еще слѣды пропавшей красавицы. От обиды и горя он глухо зарыдал, пряча мокрое лицо в бѣлоснѣжныя лиліи, стоявшія на подоконникѣ и с той поры ставшія ему ненавистными на долгое время.

Было позднее утро, когда Ирина сидѣла на полу-сгнившей скамьѣ, запущенной части сада; она читала без особаго интереса Бальзака: «*Le lys de la Vallée*»; *) ея воображеніе было занято приключеніем прошедшей ночи.

Листва, нависшая над склоненной дѣвушкой, прятала ее от жгучих лучей. Теперь ясное солнце, а не таинственная луна, бросало тѣни на мшистую почву. Очарованіе лѣтней ночи прошло безслѣдно; Ирина корила себя за нескромность и безстыдство. «Бабушку никто, кромѣ дѣдушки, не цѣловал. «Они поцѣловались в пер-

*) Лиліи долины. — Зам. автора.

вый раз в церкви послѣ вѣнчанія», думала она и при воспоминаніи о поцѣлуѣ Луиджи, краска стыда набѣгала на ея лицо. Но нить мыслей внезапно прервалась; книга выскользнула из дрогнувших рук; она услышала свое имя. Тот, кто позвал Ирину, стоял перед нею и, радуясь замѣтному смущенію дѣвушки, ошибочно приписываемому им иной причинѣ, дразнил ее весело.—«Боязливой нимфѣ не понравились ночныя шалости Пана, и она жестоко его наказала. Глядя на тебя трудно себя представить, что ты столь коварна и мстительна.» Ночь прошла и унесла с собой его страданья; и он был в состояніи подмѣтить забавную сторону своих любовных проказ, находя в них указанія на близкое осуществленіе заманчивой мечты.

— «Ты вел себя как невоспитанный мальчик», порывисто вставая, сказала внучка, уже готовая уйти в дом к бабушкѣ.

— «И ты меня в этом упрекаешь? Развѣ благовоспитанныя барышни кусаются?» — засмѣялся юноша, нѣжно засматриваясь в ея глаза. Ирина в смущеніи отвернулась и молчала; ея пальцы перебирали листья фиговой вѣтки. «Было очень больно... В дѣтствѣ со мной случилась непрятная исторія, вродѣ вчерашняго случая,» продолжал он.

Ирина с явным любопытством на него взглянула. «Меня всегда притягивало все то, что было красиво, и однажды, когда я нюхал розу, меня ужалила в губу пчела». Его слова разсмѣшили дѣвушку и она, улыбнувшись, весело сказала: — «Я довольна, что сдѣлала тебѣ больно». Луиджи, скорчив гримасу, в которой читалось напускное удивленіе, отвѣтил со вздохом: — «А я надѣялся, что ты нечаянно меня укусила».

Ирина, сорвав большой фиговый лист, закрыла им свое пылающее лицо. «Подходящій наряд для ночных хороводов дріад, но не для скромных дѣвиц, не умѣющих, вдобавок, носить фиговый лист», бойко замѣтил юноша. — «Ты не исправим. Тебя нужно высѣчь,» строго заявила она.

— „С удовольствіем“, дѣлая радостное лицо, воскликнул он. „Я сорву гибкіе прутья, сниму рубашку и предоставляю в твое распоряженіе свою бѣдную спину“.

Его предложеніе быть ею высѣченным, им обоим показалось смѣшной нелѣпостью и нѣсколько секунд они

от души хохотали. От этого смѣха неловкость дѣвушки прошла, и она рассказала ему про странный сон, а также, гдѣ пряталась от него, пока он бродил по саду.

„Как здѣсь поэтично! Обидно, что мы не провели ночь на этой скамьѣ“, вздыхая, со смѣющимися глазами, пожалѣя Луиджи.

— „Ты говоришь вздор! — быстро отвѣтила Ирина. — «Ты читаешь „Le lys de la Vallée?“ подымая с земли книгу, спросил он. „Героиня прелестна и отчасти похожа нравом на тебя. Такая же безстрастная и разсудительная. Не бери ее в примѣръ, она погубила себя своею холодностью.“

— „Ты слишком молод, чтобы давать мнѣ совѣты!“ — запальчиво воскликнула дѣвушка. „И потом, тебѣ пора уѣзжать. Твои родители, навѣрно, беспокоятся; ты заставляешь себя ждать“. Она протянула свою руку на прощаніе. Барышням руку жмут, а не цѣлуют“, предупредила внучка молодого человѣка.

Когда ты был болен, мнѣ приходилось тебѣ уступать во всем, с улыбкою, добавила она. — „К моему огорченію, твои уступки были небольшія“, разсмѣялся Луиджи, и не без досады сказал:

«Если бы я был троглодитом, то...» Но не успѣлъ он окончить начатой фразы, как Ирина поспѣшно отошла от него, и юношѣ пришлось уже вслѣд ей крикнуть: «Если переѣдешь свое рѣшеніе, то пріѣзжай к нам. У нас будет весело: много молодежи; всѣ дѣлают, что хотят».

ГЛАВА XIII

ПОЛНОЕ РАЗОРЕНІЕ НЕВСКИХ

Ирина срѣзала розы, росшія перед домом, когда шум, подѣзжавшаго к садовой калиткѣ автомобиля, заставил ее поднять голову. «Вы нарушаете мое уединеніе», с улыбкой сказала она подошедшему к ней Ларошу. «Я — одна с бабушкой и няней. Василий гостит у Салерни». — «Мое затворничество длилось долго. Теперь я стою выше человѣческих страстей», пошутил он. Окинув его лучистым взглядом, дѣвушка отвѣтила: «Это хорошо». — «Как здоровье княгини? О вашем — совершенно лишнее справляться: вы цвѣтете как розы, которыя собираете».

— «Не говорите мнѣ комплиментов, иначе я не повѣрю в ваше ничѣм невозмутимое спокойствіе», весело усмѣхнулась Ирина. «Помогите мнѣ, пожалуйста, украсить комнаты», добавила она, направляясь к дому. В гостиной от закрытых ставень был полусвѣтъ; неясно различая черты дѣвушки, Андрей лил воду в вазы, а она разставляла в них цвѣты. — «Я нашел выход из тупика, в который попал», сказал он с напускным спокойствіем. «Я предлагаю вам *«un mariage blanc»*.*) Острые шипы укололи дрогнувшія руки Ирины и, жалобно вздохнув, она принялась высасывать кровь из расцарапанных пальцев. Полумрак комнаты скрыл от глаз Лароша быстрый румянец, вспыхнувшій на нѣжной кожѣ ея лица. Самолюбіе не позволяло дѣвушкѣ сознаться в том, что она не угадывала скрытый смысл простых слов. Но, чтобы не показать своего недоумѣнія, Ирина первая заговорила. «Мнѣ все равно какая свадьба: бѣлая, синяя или красная».

По старой привычкѣ, она, в правильном порядкѣ, повторила цвѣта императорскаго флага. «Замужество меня не притягивает. Мнѣ хорошо с бабушкой дома», заключила дѣвушка. — «Я не забыл о ваших близких. Я собирался взять их жить к себѣ и заботился бы о них». — «Мнѣ дорога свобода, а семья моя не нуждается в чьей-нибудь опеकѣ», она волновалась и ея слова звучали рѣзко.

Осенью в русской колоніи появился ловкій авантюрист, выдававшій себя за польскаго графа и сулившій довѣрчивым бѣженцам быструю и вѣрную наживу. Кто был в состояніи, тот вкладывал послѣднія сбереженія в «заманчивое» предпріятіе спекулянта. Ирина догадывалась, что они живут выше своих средств, но, успокаивая себя сознаніем, что на вѣкъ бабушки хватит, она не тревожилась особенно, необезпеченным положеніем своей семьи. Вѣсть об удачных финансовых оборотах мнимаго графа, называвшаго себя руссофилом и дававшего эмигрантам возможность заработать на его денежных операціях, долетѣла до Невских и зародила во внучкѣ желаніе быстро разбогатѣть. И ей казалось, что чудо, которое она безотчетно ожидала, должно было теперь совершиться; Невским оставалось лишь воспользоваться представившимся случаем поправить свои плачевныя дѣла. Довѣрчивость русских объяснялась их средой, состоявшей

*) Дословный перевод: «бѣлая свадьба». Означает—фиктивный брак.

в своем большинствѣ из «*ci-devants*»*) или «*nouveaux pauvres*»**), никогда прежде не занимавшихся спекуляціей. Не откладывая своего намѣренія, Ирина принялась уговаривать княгиню вынуть капитал из банка, чтобы купить «графскія акціи».

Бабушка долго колебалась, но в концѣ концов обѣщала внучкѣ посовѣтоваться с Ларошем, в здравый ум котораго она вѣрила.

Андрей все еще находился в Римѣ. — „Ирина считает меня своим другом, я могу ей еще пригодиться“, говорил он сам себѣ. „Я хочу быть поблизости от нея.“ Все другое, что не соприкасалось прямо или косвенно с дѣвушкой, давно потеряло всякій для него интерес и о возвращеніи в Канаду он перестал думать...

Бабушка и внучка ждали к чаю Лароша. Княгиня сидѣла в креслѣ и вязала, а Ирина разливала чай. Двѣ густыя косы обвивали ея голову; она выглядѣла строже и старше своих лѣтъ. — „Вы перемѣнили прическу и вас трудно узнать“, сказал Андрей, пожимая ея руку.

— „Я рада, что у нея отросли волосы“, отвѣтила бабушка. — „Я больше не похожу на мальчика. Нравится ли вам моя прическа?“ спросила внучка с довольной улыбкой. — „Теперь вы выглядите старой дѣвой“, усмѣхнулся Ларош. — „Ваше замѣчаніе мнѣ нравится“, весело объявила она...

— „Будьте покойны, княгиня“, часом позднѣе говорил гость, прощаясь с Невскими, „я наведу справки об интересующем вас дѣлѣ и не оставлю вас долго в неизвѣстности. Я вас не подведу легкомысленным совѣтом.“

Андрею через посольство удалось в точности выяснить, что „польскій граф“ был самозванцем неизвѣстнаго происхожденія. Он встрѣтился с авантюристом, под предлогом своего, якобы, намѣренія стать компаньоном послѣдняго, Ларош ловко разузнал все то, что требовалось для исполненія обѣщанія Невским и немедленно пришел к заключенію, что имѣет дѣло с ловким жуликом. С этого момента началось искушеніе... „Она мнѣ отказала 3 раза! Но если она окончательно разорится, то придет ко мнѣ сама. Иначе не может быть! Она не умѣет работать. И ради бабушки Ирина продаст себя, несмотря на свои строгія правила“.

Ночью ему снился пресловутый спекулянт, предлагавшій купить акціи, на которых была, в довольно лег-

*) Бывшія высокопоставленныя люди.

**) Новые бѣдные. Зам. автора.

ком одѣяніи, изображена Ирина, державшая „рог изобилия.“ Андрей проспал и был разбужен звонком телефона. — „Алло... алло! Наконец вы отвѣтили!“ говорила Ирина. — „Простите, я спросонья не сразу сообразил, что и гдѣ звонит.“ — „Жалѣю, что помѣшала вашему приятному сну,“ с добродушной насмѣшливостью продолжала она. — „У меня всю ночь были кошмары... Вы и наш поляк в нем фигурировали.“ — „Вот такіе комплименты я люблю!“ разсмѣялась в телефон дѣвушка. „Мы Вас ожидаем сегодня. Бабушка вас признает оракулом.“ „А вы?“ — спросил быстро Андрей. „Я послушаюсь вашего совѣта, даже в том случаѣ, если этот совѣт мнѣ не понравится,“ общала весело она.

Ларош шел к Невским с рѣшеніем поступить правильно. Тихо, уютно было у них; вѣяло миром и радостью от этих двух женщин, принадлежащих к разным эпохам, но крѣпче кровных уз, связанных общностью взглядов.

„По достовѣрным источникам поляк не имѣет права носить титул,“ говорил Андрей своим русским друзьям. — „Вот как! Вы, навѣрное, справлялись у его соотечественников?“ — спросила княгиня. — „Да, косвенно.“ — „Он руссофил и поэтому ему вредят поляки-патріоты, которые отличаются фанатизмом!“ воскликнула Ирина. „Помнишь, бабушка, как в Константинополѣ у греческаго консула тебя не замѣтил граф Загорскій, служившій в гвардіи с папѣ?“ — „Он мог меня не признать в толпѣ бѣженцев. Теперь он живет в своих владѣніях в Польшѣ; я получила от него поздравленіе на Новый Год,“ защищала княгиня полкового товарища своего сына. — „Один раз всякій может ошибиться, но два — нѣтъ!“ настаивала внучка. „Когда он был проѣздом в Афинах, то я встрѣтилась с ним на чаѣ у посланника. Он издали мнѣ поклонился, но поговорить нам не удалось, так-как он старался не попадаться мнѣ на глаза“.

— „Возможно, что граф Загорскій тебя принял за кого-то другого. Вѣдь ты измѣнилась за послѣдніе годы, моя душка“. — „Я остаюсь при своем мнѣніи,“ возразила бабушкѣ Ирина. — „Не правда-ли подло любить друзей с деньгами?“ — обратилась она к Ларошу. Княгиня наливала молоко в блюдо для кошки внука; ея вниманіе было отвлечено от гостя, который тихо отвѣчал на вопрос дѣвушки: „Теперь я понимаю, почему не пользуюсь вашей симпатіей.“ В его голосе звучала добродушная иронія. — „Надо угадывать мысли и не приди-

ратся,“ усмѣхнулась она, дружески коснувшись его руки. „Итак, что вы совѣтуете нам предпринять?“ Ирина не подозрѣвала, что своим вмѣшательством портит для них все дѣло. Ея прикосновеніе, улыбка, глаза и голос, то звонкій и высокій, то тихій и низкій, подымали цѣлую бурю чувств в душѣ его. Но Андрей и вида не показал, какія силы в нем бушевали.

— „Я позвал этого человѣка и, ознакомившись с его коммерческим предпріятіем, сдѣлал вывод, что этот ловкій дѣлец весьма толковый мужчина. Я сам намѣрен вложить нѣкоторую сумму в его интересное дѣло.“ Ла-рош встал и начал не торопясь ходить по гостиной.

— „Но порядочный человѣкъ не станет присваивать себѣ чужой титулъ,“ замѣтила бабушка. — „Эта точка зрѣнія лишь понятна для людей высшей среды,“ отчетливо, но не смотря на княгиню, отвѣтил Андрей...

Одно воскресенье навсегда осталось в памяти Ирины. На церковной паперти она встрѣтилась с Ольгой и, замѣтив ея разстроенный вид, быстро освѣдомилась о здоровьи подруги.

— „Мы всѣ, одни больше, другіе меньше, пострадали. Развѣ ты не знаешь, что пресловутый „граф“ оказался вором! Он скрылся из Рима, чтобы избѣжать тюрьмы. Его предпріятіе лопнуло! Оно дорого обошлось русской колоніи...“

Безысходное горе придавило Ирину. Прячась от бабушки в своей спальнѣ, она заливалась горькими слезами. — „Я отвѣтственна за наше окончательное разореніе! Бабушку может убить это извѣстіе! За послѣднее время, здоровье замѣтно сдало. Какое еще счастье, что она не поѣхала сегодня в церковь. Но завтра она уже будет знать о постигшем нас несчастьи. Что-же должна я сдѣлать, чтобы спасти бабушку!“

Княгиня лежала в постели с легкой простудой; она очень обрадовалась приходу внучки.

— „Надѣюсь, у тебя больше не болит голова,“ спросила Ирину бабушка. — „Мигрень прошла. Я попрошу няню никого не принимать, и мы уютно проведем день вмѣстѣ...“ отвѣтила внучка. „Хочешь-ли я тебѣ прочитаю «Петербургское дѣтство», графа Салиаса?“ — предложила она. — «Спасибо, моя душка, очень будет приятно». Старческая рѣчь звучала ласкою. — «Между прочим, я давно намѣревалась тебя спросить, что означает

„Un mariage blanc.“ Я слышала это выражение, но постѣснялась узнать о его значеніи. В голосѣ Ирины была торопливость, прикрывавшая ея смущеніе. — Барышни с посторонними о таких предметах не говорят. Хорошо дѣлаешь, что обращаешься ко мнѣ; я вкратцѣ тебѣ объясню,» медленно сказала старая княгиня. «Эти свадьбы не были рѣдким явленіем среди первых христіан. Супруги жили, как брат и сестра. Есть предположеніе, что нѣкоторые апостолы состояли в таком бракѣ. Наш чудотворец, отец Іоанн Кронштадтскій, тоже имѣлъ жену-сестру». — «Как хорошо!» невольно вырвалось у обрадованной внучки. — „Что тут хорошаго?“ — удивилась бабушка, но спохватившись, что выразилась неудачно, добавила: „для святых это понятно, но для нас грѣшных нельзя обойтись... без дѣтей. Они благословеніе Божіе; без них в брачной жизни нѣтъ полноты счастья.“

Г Л А В А X I V .

БАБУШКА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ИРИНУ

Ирина торопилась повидать Андрея. Обдумывая план своих дѣйствій, она шла пѣшком до гостиницы Лароша. Он встрѣтил ее в передней и хотѣлъ провести в общую гостиную, но, остановив его, дѣвушка порывисто сказала: „Пожалуйста, поднимаемся к вам. Я пришла по очень важному дѣлу.“ Ея блѣдное лицо, нетвердый голос и испуганные глаза вызвали в нем раскаяніе, но лейтмотивом его переживаній была, все-же, радость.

Она вышла на балкон его комнаты и, окинув тревожным взглядом открывавшуюся понораму на площадь, улицы и сады города, замѣтила негромко: „Прекрасный вид“. Ирина стояла в полу-оборот к Андрею, но послѣ краткаго безмолвія торопливо повернулась к нему спиной и, прислонившись к перилам, спросила: „угадаете ли вы зачѣм я здѣсь?“

Ларош еще наканунѣ знал о катастрофѣ, поразившей русскую колонію, но сознаться в своей осѣдомленности он не рѣшался и поэтому отвѣтил ей с доброй усмѣшкой: „Я только вижу, что „гора пришла к Магомету.“ Она не обратила вниманія на его шутку и прошептала: „Хотите ли взять меня в жены?“

Кровь бросилась ему в голову и, вмѣсто отвѣта, он сдѣлал движеніе, чтобы заключить дѣвушку в свои объятія, но она, повернувшись к нему лицом, остановила

его знаком руки и отчетливо сказала: „Вы по рыцарски поступили предлагая мнѣ „Un mariage blanc.“ Я с благодарностью принимаю... Если вы попрежнему согласны то завтра утром официально просите моей руки у бабушки.“

У Андрея готово было вырваться восклицание: „Я больше не иду на такія условія!“ Но замѣтив в глазах Ирины невыплаканныя слезы, а на губах боязливо-радостную улыбку, отвѣтил коротко: „Мои слова я не беру обратно. Я буду у княгини в 10 ч. утра.“

Родовая гордость не допустила честную дѣвушку открыть Ларошу, что стеченіе крайних обстоятельств принудило ее искать спасенія в чужом богатствѣ.

— „Какой рѣдкій друг Андрей. Из знакомых мужчин он мнѣ болѣе всѣх нравится,“ говорила вечером того-же дня Ирина своей бабушкѣ. „Считаешь ли ты разницу между нами в годах слишком большой, чтобы мнѣ за него выйти замуж?“

— „Если это единственное твое сомнѣніе, то я могу тебя успокоить. Возраст мужа не играет роли, лишь бы жена была моложе его.“

Княгиня внимательным взглядом окинула внучку. „Его постоянство в концѣ концов тебя тронуло,“ досказала она. Ирина пряча порозовѣвшее лицо в складках одѣяла и цѣлуя старческую руку, прошептала невнятно: „Да, бабуся. Благослови меня.“

Дѣлая над внучкой крестное знаменіе, княгиня сказала: „Да благословит тебя Господь и Божья Матерь!“ Онѣ прижались друг к другу и тихо заплакали. „Я отдаю тебя хорошему человѣку. Это сознаніе поможет мнѣ перенести разлуку с тобой. Ты всегда была любящей внучкой. Господь вознаградит тебя за твою ласку,“ вымолвила с трудом бабушка.

— „Мы не разстанемся! Как ты могла предположить, что я могу без тебя жить?“ — с волненіем воскликнула дѣвушка. — „Я не хотѣла бы вам помѣхой. Не всякій муж согласится имѣть в своем домѣ родню жены,“ кротко замѣтила княгиня.

— „Андрей не такой! И потом он мнѣ обѣщал. Он хорошо знает, что без тебя, Василія и няни я никуда не поѣду,“ снова обнимая бабушку, отвѣтила внучка.

Привѣтливо встрѣтив Лароша, Ирина застѣнчиво ему

шепнула на ухо: „Прошу ни под каким видом не открывать бабушкѣ правду. Она должна думать, что брак наш самый обыкновенный.“

Внучка за руку ввела жениха в спальню княгини, которая в чепцѣ, халатѣ и ночных туфлях, сидѣла прикрытая ватным одѣялом, в покойном креслѣ.

— «Простите, что принимаю вас в таком видѣ,» с улыбкой сказала бабушка Андрею, но — Ирина не хотѣла отложить ваш визит до моего выздоровленія».

Княгиня намѣревалась подождать со свадьбой до Нового Года, но Ларош так убѣдительно просил не откладывать ее на долгое время, что она согласилась выдать замуж внуку через мѣсяц.

Провожая жениха до двери, дѣвушка, заинаясь, спросила: «Слышали ли вы, что «наш поляк» пропал? Если это вѣрно, то очень прошу подготовить бабушку к этому извѣстію. Мы вложили деньги... Я боюсь разстроить бабушку... У нея слабое здоровье.»

— «К сожалѣнію, это правда. Он всѣх нас ограбил. Мнѣ это подѣлом; Я виноват перед Вами... Еще вчера вечером я собирался сообщить вам об этих слухах, но ваше неожиданное предложеніе меня до того поразило, что я забыл все на свѣтѣ.»

Не беспокойтесь! Я скажу княгинѣ, что мнѣ удалось спасти ея капитал, который, *entre nous*,*) я намѣрен ей возмѣстить. Ваша бабушка ничего не узнает». — «Как вы великодушны!» — со слезами в глазах, радостно воскликнула Ирина. — «Нисколько. Я исполняю свой долг».

Много лѣтъ спустя, послѣ тяжелых душевных переживаній, они сознались друг другу, что тогда она хитрила, а он — обманывал. Теперь же особенно хорошо сыграл Ларош, взятую на себя роль.

«Ничто болѣе не должно вас беспокоить. Ваши заботы — мои заботы. Я беру с сегодняшняго дня в свои руки всѣ ваши дѣла.»

Внучка, поднявъ на него сверкающіе благодарностью глаза, с чувством отвѣтила: «Я не забуду вашу доброту к бабушкѣ.» Он не вынес этого лучистаго взгляда и, порывисто обнявъ дѣвушку, поцѣловал ее в лоб.

В средѣ эмигрантов похороны, крестины, свадьбы были событіями, которыя отвлекали их от безпросвѣтнаго существованія и объединяли общностью переживаній.

*) Между нами. — Зам. автора.

Голос прошлаго порождал эхо; оно бесконечно повторялось, становилось невнятным; но эти слабые звуки будили в человѣкѣ забытыя воспоминанія, отгоняя уныніе и сохраняя от отчаянія,

И учитывая все, княгиня стояла за торжественную свадьбу своей единственной внучки. Ларош на всѣ предложенія соглашался, так-как они не замедляли намѣченный ход событій...

Мысль о Луиджи тревожила дѣвушку. Она собиралась ему писать, но как ни искала в своей головѣ слова утѣшенія, ей ничего подбадривающаго не приходило на ум. Тогда она рѣшила сообщить о своей помолвкѣ графу Салерни.

Мѣсяц прошел незамѣтно в хлопотах о свадьбѣ и приготовленіях к путешествію. Ирина торопилась теперь покинуть Европу и устроиться с семьей на постоянное жительство в Канадѣ. «Кто-нибудь, случайно, может возбудить в душѣ бабушки подозрѣніе или Луиджи, услышав о свадьбѣ, появится в Римѣ,» думала она с безпокойством. Ирина особенно боялась встрѣчи с молодым Салерни, чувствуя себя, даже в нѣкоторой степени, перед ним виноватой.

Г Л А В А X V .

С В А Д Ъ Б А .

«У меня не свадебное настроеніе. Жаль! Говорят, что это совершенно удивительное чувство, ни с чѣм не сравнимое...»—подумала Ирина, проснувшись рано в один октябрьскій день. «Это потому, что я не влюблена в Андрея. Бѣдный Луиджи! Он должен от меня узнать... Граф нарочно задержал сго на „Lago di Como.“ Они вернутся в Рим, когда меня здѣсь не будет.»

Она сѣла за стол и написала быстро: «Твой отец скажет тебѣ, что недоразумѣніе, происшедшее между нами и начавшееся с дуэли, меня мучило. Прости, что причиняю боль. Ты, вѣдь, не мальчик и должен перенести, как мужчина, свое горе. О тебѣ я сохраню память, как о милом другѣ моей ранней молодости. Мы покидаем навсегда Италію. Я выхожу замуж за Андрея Лароша. Сегодня — свадьба. Я грущу за тебя, Луиджи, дорогой».

Раздалось добродушное ворчаніе няни, веселый смѣх Василя и кашель княгини; дѣвушка, надписав адрес на

конвертъ, прошла в ванную умыться. Вскорѣ в комнатѣ Ирины появились няня, Ольга и другія подруги. Онѣ начали наряжать невѣсту в подвѣчное платье. На ея головѣ старинныя бабушкины кружева замѣняли фату. Что-то неясное щемило душу дѣвушки. Было ли это предчувствіе или невольное раскаяніе в неповоротном рѣшеніи, развѣявшем, на все четыре стороны, юныя мечты горячаго сердца. Она стояла на колѣнях перед княгиней; глаза бабушки и внучки наполнились слезами, когда дрожащей рукой, образом Божьей Матери, старуха перекрестила невѣсту. На серебряной пластинкѣ с обратной стороны иконы, были выгравированы слѣдующія слова: «Благославляю мою дорогую внучку Ирину. Бабушка. 2-15 октября 1921 года.»

Предшествуемая братом, несшим бабушкин образ, Ирина входила в церковь, густо наполненную толпой друзей и знакомых. Всѣ лица казались ей подернутыми дымкой; яснѣй других выступала широкоплечая спина жениха и вырисовывалась худенькая фигура іеромонаха, ожидавшаго невѣсту у аналоя. От волненія мелкая дрожь пробѣгала по ея суставам. В своем подвѣчном одѣяніи, в рамкѣ бѣлоснѣжных ландышей и лилій, аромат которых смѣшивался с запахом ладана, дѣвушка была поразительно красива и вызывала общее одобреніе. «Хороша! Совсѣм, как ея мать, на свадьбѣ которой я был шафером.» — «Позвольте! Невѣста — вылитый портрет старой княгини, с которой я танцевал полвѣка тому назад». — «Очень мила! Похожа на своего покойнаго отца. Я хорошо его помню — пажем.»

Ирина машинально разговаривала, улыбалась, благодарила и пила шампанское, но сердце ея не принимало участія в свадебном пирѣ. Андрей был безконечно счастлив: условія брака не омрачали его настроенія; он считал их временной необходимостью и воздержаніе ему было под силу.

Поѣзд тронулся; невѣста махала платком, пока Ольга и Василій не скрылись из вида. Жемчуга и брилліанты украшали ея шею и руки; великолѣпная черно-бурая ссѣдиной лисица лежала на ея прямых плечах и новый, „Tailleur“, сшитый лучшим портным в Римѣ, отлично сидѣлъ на ея молодой фигурѣ. Подарки жениха были богаты, невѣстѣ приходилось неоднократно останавливать его от напрасных, по ея мнѣнію, трат, от лишней роскоши.

— «Ну, вот. Мы теперь муж и жена. Чувствуете ли Вы себя болѣе серьезным и отдаете ли отчет в новой от-

вѣтственности?» — шутила Ирина, удобно устѣвшись в углу своего отдѣленія. Она сняла мѣх, шляпу и положила под голову подушку, а ноги вытянула вдоль кушетки.» *Wagon lits* не тряс, а мягко убаюкивал; чувство покоя охватило ее.

— «Я вполне удовлетворен моим неожиданным „бременем“, с довольной улыбкой отвѣчал Андрей.» Вы устали и ничего не ѣли с утра, навѣрно проголодались. Ужин нам сюда подадут. Вы захотите рано лечь. Завтра утром мы будем в Венеціи.» — «Я впервые буду там. Давно было моей мечтой — посѣтить Венецію.» — «Вам очень шло подвѣчное платье.» — «Надѣюсь, что свадебныя фотографіи выйдут удачно.» — «Какая милая ваша бабушка. Она меня сегодня тронула.» — «Да, с ней уютно, хорошо. Не утомит ли ее путешествіе в Канаду?» — «Было бы спокойнѣй плыть лѣтом, но я позабочусь, чтобы княгинѣ было удобно.» — «Вы добрый. Я не ошиблась в вас.» И карія очи внимательно и глубоко посмотрѣли на Лароша.

Она взяла его руку и прижалась щекой к ладони. Эта первая полудѣтская нѣжность его глубоко взволновала; он поднял ее на руки и крѣпко обнял. «Отпустите. Еще секунда и я обращусь в желе, и вы услышите хруст костей.» Но Андрей не внимал ея словам и покрывал лицо дѣвушки поцѣлуями. Ирина, сперва шутившая, потом испугавшаяся его бурной ласки, умоляюще на него посмотрѣла. «Ваши глаза краснорѣчивѣй языка. Ваш взгляд сильнѣй убѣжденій и просьб,» сказал он, бережно опуская ее на кушетку. Она поправила свои растрепавшіеся волосы и чуть внятно замѣтила: «Вы нарушили данное мнѣ обѣщаніе.» Радостно разсмѣявшись, муж отвѣтил: «Будьте покойны! Дѣти рождаются от поцѣлуев лишь в сказках.»

За ужином Ирина ободрилась и с удовольствіем ѣла вкусное кушаніе. «Мнѣ стыдно поглощать все то, что попадает на мою тарелку,» смѣялась она;—«но мнѣ сегодня было не до ѣды.» Подымая стакан с вином, новобрачная весело сказала: «я еще раз пью за ваше здоровье. Желаю вам покойной ночи!» Она встала, и одной рукой приподымая полу юбки, другой посылая ему воздушный поцѣлуй, граціозно присѣла. — «Я промѣнялъ бы с удовольствіем эти царскія почести на положеніе болѣе низкое и близкое к вам,» не без добродушной насмѣшки замѣтил Ларош.

Она была одна: синій свѣтъ ночной лампочки пріятно

пронизывал темноту, легкое покачивание койки усыпляло; колеса монотонно стучали; стѣны уютно поскрипывали, и думы возвращались к бабушкѣ: «Она безпокоится, завтра ей напишу.» Но послѣдняя мысль перед сном была об Андреѣ: „Мой медвѣдь, все же, „est un chevalier sans peur et sans reproche“*).

Венеція поразила Ирину своей оригинальной красотой. Все в этом сказочном городѣ, омываемом, скованным многочисленными сваями, морем, представлялось ей чудесным: каналы-улицы с перекинутыми через них мостами; гондолы-экипажи; зодчество церквей и дворцов; каменные и бронзовые издѣлія. Окна ея комнаты выходили на «Большой канал», и когда она садилась на подоконник, ей навстрѣчу глядѣли небеса: сверху—спокойныя и ясныя, снизу — волнующія и мгlistыя. «Как жизнь: блеклое, невѣрное отраженіе другой вѣчной,» думалось молодой женщинѣ. Лишь плеск волн, крик чаек и пѣвучій людской говор нарушали спокойствіе и, любясь плавучим городом, Ирина всѣм своим существом воспринимала красоту Венеціи.

Со стороны мужа не было повторенія насильственной нѣжности. Не желая настраивать жену против себя, он держался ласковым братом: прощаясь и здороваясь, цѣловал ее в лоб и не входил в ея спальню, если она одѣвалась или лежала в постели. Ирина относилась к нему мило, просто и его присутствіе было ей пріятно. Иногда он замѣчал, что она скучала по бабушкѣ или ей не хватало няни, Ольги и брата. Незамѣтно для нея Ларош часто задумывался о будущем и многое, что считал прежде натуральным и простым, дѣлалось в его глазах сложным и трудным.

«Ирина смотрит на меня, как на своего защитника и вѣрнаго друга. С ней нельзя дѣйствовать грубо — ее можно потерять. Насиліе возможно было бы совершить над другой, но оно непримѣнимо к ней... Я ошибался: она не способна себя продать. Мнѣ остается одно: заслужить ея любовь. Говорят — жалость у русской женщины часто замѣняет любовь. Но сомнѣваюсь, что существует человекъ, могущій меня пожалѣть.»

В одну из первых своих прогулок, Ирина очутилась на неизвѣстной площади, названной Наполеоном «le plus beau salon de l'Europe»**) она останавливалась в восхище-

*) Рыцарь без страха и упрека. Эти слова относились к французскому полководцу Байарду (Bayard 1473-1524).

**) Самый красивый салон в Европѣ, площадь перед собором Св. Марка. — Зам. автора.

ни перед храмом, византийский стиль которого был ближе ей сердцу, чем готический или романский. Андрей интересно объяснял ей архитектуру 1000-лѣтняго собора, указывая на вліяніе послѣдующих столѣтій. Вниманіе молодой женщины, при ея выходѣ из храма Св. Марка, было приковано стаями голубей. Особенно нравились Иринѣ бѣлые голуби; ручныя птицы клевали зерно из рук и садились на плечи, голову молодой женщины. Живописная картина начала собирать толпу, и когда защелкали фотографическіе аппараты, то, порозовѣвшая от смущенія, Ирина с сожалѣніем оторвалась от своего занятія.

Садясь с ней в гондолу, Ларош замѣтил весело: «Вам пора привыкать к успѣху.» — «Я ненавижу обращать на себя вниманіе!» — воскликнула она. — «Дѣвушка с голубями.» — «Если-бы я был художником, то нарисовал бы ваш портрет. Ваши фотографіи заказаны. Их пришлют в гостиницу.» — «Я отправлю эти фотографіи бабушкѣ, если онѣ хорошо выйдут,» улыбнулась молодая женщина.

Княгиня, в своем первом письмѣ к Иринѣ, писала: «Неожиданно явился Луиджи; я нашла, что у него скверный вид. Он разспрашивал про свадьбу и разсматривал твои фотографіи. Ничего не подозрѣвая, я рассказала ему о наших планах и гдѣ ты находишься теперь. Сперва он больше слушал, но потом начал жаловаться, что всѣ сговорились его обманывать, начиная с тебя и кончая его родителями. Сознался, что любит тебя и очень несчастен. Рассказал о дуэли и о сдѣланном тебѣ предложеніи. Мы оба старались не плакать. Скоро послѣ его ухода, пріѣхал граф Салерни и извинялся за сына. Он меня успокоил, объяснив твою настоящую роль в этой печальной исторіи. Меня это обрадовало, мнѣ было бы больно думать, что моя внучка могла бы поступить так опростчиво. Прощаясь, граф просил скрыть от сына твое возвращеніе в Рим. Я общалась с тобой посовѣтоваться.»

Ирина сразу показала письмо Ларошу. «Стоит ли печалиться из-за этого нахала? И прятаться от него? Я не понимаю, о чем хлопочет княгиня? Салерни не первый и не послѣдній, который в вас будет влюблен. Пускай попробует вам надоѣдать... Теперь я ваш муж и ваше положеніе иное,» сказал он рѣшительно. Ей не понравились ни смысл, ни тон его слов, которыя звучали твердо и властно. — «Я должна щадить чувства Луиджи: он еще не научился переносить несчастья и не умѣет

страдать,» подумала она, искренно жалѣя его. В ней шла борьба: согласиться с мужем или проявить самостоятельность в своих дѣйствіях. Молодая женщина выбрала послѣднее, так как была убѣждена, что Андрей не прав. И она рѣшительно объявила Ларошу:

— «Через нѣсколько дней вы поѣдете в Рим за семьей и багажом, а я поѣду прямым поѣздом в Геную и буду вас всѣх там ждать. Вѣдь мы там садимся на пароход?» — «Я никуда вас не пущу без себя,» строго отказал он женѣ. «Пожалуйста исполните мою первую просьбу. Извѣстите гостиницу; меня встрѣтят на вокзалѣ. Я обещаю вам, что буду ѣсть в своих комнатах; я там ни с кѣм знакомиться не собираюсь. Может быть, днем осматрю достопримѣчательности Генуи. Единственно в этом будет заключаться моя свобода.» Ирина сѣла на ручку его кресла и заглянула ему в глаза. Ея взгляд ласкал и смѣялся над ним.

«Если вы откажете, то я рѣшу, что вы мнѣ не довѣряете. В основѣ отношеній между мужем и женой должно лежать довѣріе.» Сказав послѣднюю фразу, она поцѣловала его в пробор рѣдѣющих волос. И, чувствуя, что побѣда за ней, молодая женщина весело соскочила на пол.

«Согласен,» отвѣтил Андрей, «если вы не станете ходить пѣшком по городу.» Разсмѣявшись, он добавил: «а также если вы будете носить черные очки.»

Г Л А В А X V I.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРѢЧА С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ

Генуа встрѣтила Ирину солнечным днем. На станціи ее ожидал автомобиль, присланный гостиницей, в которой Ларош задержал для нея лучшія комнаты. Все было предусмотрено заботливым мужем.

«Как весело быть взрослой и богатой,» поминутно думалось ей. «Я куплю всѣм подарки. Как пріятно их выбирать, когда не приходится думать о стоимости вещей!» У нея на руках никогда не было столько денег.

Вставая рано утром, она до завтрака выходила и, немного отдохнув днем, снова отправлялась кататься. Ей нравилась полная самостоятельность, но Ирина жалѣла, что не могла дѣлиться своими впечатлѣніями ни с ба-

бушкой, ни с Ольгой. Нѣсколько раз она заходила в церковь «Immacolata Concezione», куда ее притягивало взглянуть на извѣстную картину Николо Барабино: «Мадонна с младенцем». Что-то родное чудилось ей в ликѣ Пречистой Дѣвы, а младенец Христос был до того прекрасен, что своим видом будил в ней новыя чувства — чувства материнства.

«Какое счастье было бы имѣть ребенка,» вздыхала Ирина; «и от любимаго мужа,» добавляла грустно молодая жена. Красота природы больше говорила ей, чѣм замѣчательныя постройкы и издѣлія рук человѣческих. В природѣ она явственно видѣла величіе и мудрость Божіи; пробывъ долго в великолѣпных зданіях, ее неизмѣнно тянуло на воздух. И теперь, осмотрѣвъ «Palazzo Dogia» и «Palazzo dell'Universita», молодой женщинѣ захотѣлось отдохнуть взором на морском просторѣ.

Большой коммерческій корабль собирался выгружаться. По флагу можно было признать его за британское судно. Лязг цѣпей, треніе дерева о камень и желѣзо, громкіе ругань и смѣх долетали до Ирины, шедшей по набережной. Матросы, ловкіе, загорѣлые и веселые, отпускали похабныя прибаутки. Между ними были два человѣка, отличавшіеся от своих товарищей походкой и общим видом интеллигентных людей: старшій по годам, был высокій с усами брюнет, младшій — средняго роста, безусый блондин; у перваго шрам пересѣкалъ лоб, у втораго не хватало одного пальца на лѣвой рукѣ. Заинтересовавшись разгрузкой, Ирина подошла вплотную къ стѣнкѣ пристани и начала мысленно гадать о національности двух мужчин, выдѣлявшихся из общей толпы матросов. Она признала в них бывших военных; бѣлокураго причисляла къ славянской расѣ, а в темноволосом видѣла кавказскую породу.

— «Ей, Ваня! сколько дней простоим?» — „Дня три. Раньше не справимся. Будем еще грузиться,“ отвѣтил тот, который имѣлъ славянскій тип, своему старшему товарищу.

Шибко, от удовольствія, забилося сердце Ирины, когда услышала она русскій говор. „Интересно было бы знать, кто они и откуда?“ подумала молодая женщина, внимательно окинув медленным взглядом матросов. — „Сережа, смотри, какая хорошенькая!“ раздалось радостное восклицаніе бѣлокураго юноши. — „Красивая, безусловно,“ отвѣтил кавказец с важностью и увѣренностью знатока. „Посмотри только на что мы теперь похожи? Нам нечего засматриваться на дам. Стыдно показы-

ваться на людях: засаленные брюки, выцветшая гимнастерка. Хороши кавалеры!“ Чтобы скрыть улыбку, Ирина отвернулась. — „Кажется понимает?“ — с беспокойством замечтил тот, которого звали Ваней. — „Чепуха! Наш язык — китайская грамота для европейцев. Вёрный, она прочла „твоих очей нѣмыя рѣчи.“ Последняя слова матрос, называвшийся Сережей, сипло пропѣл. Молодая женщина, не выдержав своего комично-неловкого положенія, негромко разсмѣялась и весело проговорила: „Бог вам в помощь!“ Это русское привѣтствіе звучало отголоском родной старины.

Брюнет, быстро оправившись от удивленія, начал извиняться за их нескромный разговор. „Мы забываем, что всюду надо ожидать встрѣч с соотечественниками; распустились и продолжаем всегда и всюду говорить по-русски,“ пояснил он, виновато улыбаясь. Бѣлокурый юноша молчал и в смущеніи рассматривал свои босые, мозолистые ноги, Иринѣ захотѣлось успокоить молодых людей и, чтобы доказать им, что их замечанія ее не обидѣли, она привѣтливо сказала: „Я со своею семьей переѣзжаю из Европы в Канаду. Мы бѣжали с Кавказа во время второй эвакуации.“ — „Мы оба попали в Константинополь с арміей ген. Врангеля. Теперь мы нанялись матросами, чтобы заплатить за свой проѣзд в Квебек.“

Кто-то грубо окликнул матросов. Кавказец, вѣжливо поклонившись Иринѣ, промолвил тихо: «честь имѣем представиться — капитан Гарашвили, корнет Соколов. Сейчас мы должны работать. Но разрѣшите вас позвать на чашку чая. С вашего позволенія мы найдем за вами, когда освободимся. Пожалуйста, назовите ваш пансіон.» Она недолго боролась с понятіями, в нее внѣдренными воспитаніем и взглядами ея круга. — «Не все, что хорошо для одного случая в жизни, примѣнимо для другого; и то же самое дѣло, совершенное различными людьми, в разное время, может имѣть совершенно иное значеніе,» мысленно рѣшила молодая женщина и быстро отвѣтила: «Отлично! Благодарствуйте. Мы встрѣтимся здѣсь, завтра. Я сведу вас в одну уютную чайную, гдѣ нам будет спокойно.»

Она ушла, кивнув дружески молодым людям и ни разу не обернувшись, хоть чувствовала на себѣ их взгляд, провожавшій ее до тѣх пор, пока вторично не раздался оклик боцмана.

Всѣ трое сидѣли в дешевой чайной. Ирина, с плохо скрываемым интересом, рассматривала своих соотечест-

венников. Капитан Гарашвили имѣлъ привлекательное, подвижное лицо и был болтлив. Корнет Соколов, напротив, почти все время молчал; его синіе продолговатые глаза, прямой короткій нос, полныя губы и круглый подбородок дѣлали его красавцем. Пепельнаго цвѣта волоса и брови молодого офицера свѣтлѣли на его большом загорѣлом лбу; он выглядѣлъ моложе своих 23-х лѣтъ. Гарашвили оживленно повѣствовал о своих переживаниях въ Великую Войну и о жизни в Добровольческой Арміи. Когда он описал трагичную Крымскую эпопею, у Ирины в глазах заблестѣли слезы и она нетвердым голосом сказала: — «Мы тогда уже были в Греціи и Италіи. Теперь мнѣ стыдно подумать, что под вліяніем новых впечатлѣній, я иногда забывала несчастье нашей родины.

— «В ваши годы это естественно,» поторопился ей отвѣтить Гарашвили. — «Россія и Мать для меня одно и то же. Ни ту, ни другую я не могу перестать любить, в какія бы условія ни поставила меня судьба,» замѣтил Соколов. В его мягком и низком голосѣ слышался невольный упрек скромнаго и добраго сердца. — «Ты другое дѣло! Ты офицер Императорской Арміи, а не полуребенок, как *Mademoiselle*,» возразил ему Гарашвили. „Простите, пожалуйста,“ обратился он к молодой женщинѣ, „как Ваше имя-отчество?“ — „Ирина Васильевна. Мой отец Василій Григорьевич Невскій, был убит в началѣ Великой Войны.“ -- „Невскій!“ -- воскликнул капитан. „Извѣстная фамилія! В прошлом столѣтіи в нашем округѣ был губернатором князь Георгій Васильевич.“ -- „Это мой дѣд. Моя бабушка — его вдова; у меня, кромѣ брата, никого не осталось из близких родственников,“ застенчиво молвила она и поспѣшила добавить: „Мы отплываем через нѣсколько дней; завтра я встрѣчаю моих на вокзалѣ.“ — „Мы, навѣрно, отчаливаем через сутки. Наше путешествіе будет длиннѣй вашего. Мы заходим в Марсель, Барселону, Лиссабон.“ Разговор велся между молодой женщиной и Гарашвили; Соколов упорно молчал. — „Встрѣтимся в послѣдній раз в моей гостиницѣ, сегодня вечером в барѣ,“ пригласила соотечественников Ирина, чувствуя себя на положеніи замужней женщины, свободной в распредѣленіи своего дня и никому не обязанной давать в этом отчет. Молодая женщина забыла про свое обѣщаніе, данное Андрею. С нѣкоторым смущеніем, она назвала лучший отель в Генуѣ и поторопилась договорить, напирая на послѣдней фразѣ: „Я Вас угощу не чаем, а болѣе подходящим для мужчин напитком.“

— „Что же ты в рот воды набрал? Мнѣ пришлось одному занимать ее разговором,“ упрекнул капитан своего товарища, когда они остались вдвоем. „Вѣдь не только хороша, но и симпатична. Очень пріятно провели с ней время.“

— „Меня ошеломило это неожиданное знакомство, и было не по себѣ, когда я вспоминал, как неосторожно мы о ней выражались,“ виновато улыбнулся корнет.

— „Она не могла не оцѣнить наши чистосердечные комплименты. Я не думал, что она богатая аристократка. Одѣта она была скромно,“ продолжал Гарашвили, самодовольно усмѣхнувшись. — „Она это сдѣлала для нас, чтобы не ставить нас в неловкое положеніе,“ замѣтил Соколов. — „Ты прав, наши френчи поблекли, брюки плохо выглажены, сандалии стоптаны,“ согласился грузин со своим другом. „Слушай Ваня. Идем сейчас же покупать галстуки, носки и полуботинки,“ предложил он ему.

— „Стоит ли тратиться?“ нерѣшительно спросил младшій старшаго. — „Не бойся, не разоримся. Вынем из сундука наши приличные костюмы... Успѣешь к концу плаванія отложить деньги для матери. Ты говорил, что пока она не нуждается в твоей помощи.“ — „Да, я спокоен за маму. Она поступила учительницей в один зажиточный греческій дом.“ — „Как еще красива твоя мать! Выглядит она моих лѣтъ, а вѣдь ей уже за 40.“ — „Да, мамаша моложава, несмотря на многія испытанія. Ей 43 года.“ Счастливая улыбка заиграла на лицѣ Вани и вдумчивые глаза, устремившіеся к синему небосклону, заискрились лаской. „Даст Бог, скоро смогу ее выписать в Канаду,“ закончил он радостно.

„Мое невинное похожденіе меня занимает,“ думала Ирина, „они мнѣ нравятся своей воспитанностью.“ С Гарашвили она уже подружилась, узнала от него самого, что ему 30 лѣтъ, что он потомственный дворянин и получил высшее образованіе в Московском Университетѣ.

„Он честный и простой; все в нем слегка поверхностно, но забавно и привлекательно.“ Соколов оставался для нея загадкой. „Совсѣм красная дѣвица! Но в нем видна воля и глубина. Он скромнѣй своего товарища и правдивѣй. Он не постѣснялся косвенно упрекнуть меня в недостаточной любви к Родинѣ,“ разсуждала она, приговариваясь брать ванну. „Они теперь знают, что я богата, знатна и мнѣ не стоит прикидываться золушкой,“ заключила она, погружаясь в горячую, надушенную воду.

Ей стало весело, и приятное нервное возбуждение овладело ею при мысли, что она скоро опять их увидит. «Я угощу их шампанским и хорошим ужином. Это будет для них большим развлечением. Их жизнь тяжелая, будничная. Мне их жаль!»

Ирина тщательно одевалась и причесывалась. Когда она была готова, то зеркала отразили волшебное видение, смутившее молодую женщину своею красотой. Платье было из тонкой голубой ткани, покрытой серебряными блестками, тона которого переливались цветами бирюзы и аквамарины. «Я похожу на русалку,» подумала она. «Для мореплавателей, как раз платье подходит.» Но вдруг от одной мысли у нея защемило и сердце и, сдвинув брови, она сказала: «Я должна буду снять обручальное кольцо. Это нехорошо, но они думают, что я не замужем. Если я им объявлю, что мой муж иностранец, то испорчу общее настроение. У мужчин особый взгляд на вещи, особенно — у военных. Возможно — больше благородный, но, по моему, узкий. За моей спиной они стали бы меня жалеть и порицать. Гарашвили наверняка сказал бы: «Этот полу-ребенок продал себя за миллионы». Пожалуй, он меньше резко выразился бы, но Соколов, я уверена, сделал бы вывод, что я слабая, ничтожная и не-русская по духу. Они поняли бы меня, если бы я могла им открыть правду! Мне стыдно им признаться, что у меня богатый муж, но и тяжело это скрывать от них.»

Гарашвили и Соколов сидели в барѣ. В темно синих костюмах, с клетчатыми галстуками, в шелковых носках и новой кожаной обуви, они несколько не выделялись своим видом от обычной публики гостиницы. Молодые люди немного нервничали, и у капитана это было особенно заметно. «Непрежнно опоздает, заставит долго ждать. Привыкла к почету и к обществу почище нашего,» говорил он, посматривая на дверь, в которую должна была войти Ирина. — «Не думаю, она не выглядит избалованной, напротив, держит себя просто,» возражал ему корнет. «Мы заранее пришли. Надо еще минут пять подождать до ее прихода.» Но как только он успел проговорить эти слова, среди внезапно наступившей тишины, послышался легкий, быстрый шаг. Молодые люди поспешно встали. Ирина протянула им руку и, приветливо улыбаясь, сказала: «Как я рада, что вы смогли придти! Пойдем теперь ужинать; я хочу выпить шампанского за ваше здоровье и успех.» Ее появление в барѣ произ-

вело впечатлѣніе на всѣх там находившихся, и Гарашвили сознался потом Соколову, что он был потрясен ея видом до глубины души, но корнет Ваня не подѣлился со своим другом тѣм ощущеніем, которое охватило его при третьей встрѣче с молодой женщиной. Соколов больше молчал, но синіе глаза о ней мечтали вслух. Этот нѣмой восторг был Иринѣ слышнѣ громких слов его товарища. И не могла она замедлить шибкое бѣненіе своего сердца или согнать с лица яркій румянец, окрасившій не однѣ ея щеки, но даже — лоб и шею.

— «Я с Москвы так хорошо не проводил время,» болтал словоохотливый капитан. «Перед войной мы, студенты, очень там веселились. Балы, катанья с гор, бѣга и цыгане нас увлекали.» — «У меня были пластинки Вэри Паниной. Ея пѣніе было замѣчательное» — замѣтила Ирина. «Жаль, что вы не сможете послушать Ваню,» весело усмѣхнулся Гарашвили. «Он отлично поет. В Константинополѣ он выступал в одном ночном ресторанѣ.» — «Неужели?» — вырвалось у нея. В интонаціи голоса слышалось сожалѣніе. — «Моя мать тоже находила ту службу не подходящей для меня, но, чтобы прокормить ее и себя, пришлось на время сдѣлаться ресторанным пѣвцом», отвѣтил Соколов. «Работа и мнѣ была не по вкусу, но заработок был хороший, а это для меня было самое важное.»

В присутствіи Ирины он терялся, не умѣл высказаться и быть непринужденным, как его товарищ, который, слегка выпив, держал себя с ней свободно, забывая, что они лишь третьяго дня познакомились.

«Ваня сдѣлал бы себѣ состояніе, если бы не был скромн. Многія дамы приходили, исключительно, чтобы его видѣть и слышать. Одна богатая американка, влюбившись в Ваню по уши, сдѣлала ему предложеніе и, получив отказ, намѣревалась его похитить,» рассказывал смѣясь капитан. — «Энергичная женщина,» улыбнулась Ирина. «В Европѣ, пожалуй, другую такую не сыщешь.»

— «Не вѣрьте ему, Ирина Васильевна, он преувеличивает, на него подѣйствовало вино,» просил и объяснял смущенный Соколов. Ей тоже захотѣлось его подразнить и она сказала весело: «Я думаю Вас и в Канадѣ будут преслѣдовать женщины.» — «Я не буду больше пѣть; и поищу другой заработок.» — „Да, Ваня, это — темная страница твоей жизни,“ не унимался Гарашвили. “Мнѣ помнится, твоя мать говорила, что трудно было счищать пятна на твоём пиджакѣ от губной пома-

ды и пудры. Кажется, она особенно не любила находить женские волосы на одежде.“ — „Ирина Васильевна, прогоните его! Он разучился держать себя в дамском обществе“, уже с возмущением протестовал корнет. — „Красная девица, сам видел, как одна из твоих многочисленных поклонниц, напившись, положила голову на твои колени, а другая повисла на шею“, продолжал дразнить товарища расхोлившийся капитан. „Я сам тебя выручал, освобождая от их объятий.“

— „Порядочный человек, а несет такую чушь, что я готов провалиться сквозь землю“, краснея, не смея встречаться глазами с Ириной, возражал Ваня. — „Вам нечего стыдиться“, смеясь говорила молодая женщина, „а также избегать на меня смотреть...“ Она взглянула на часы и заметила с сожалением: „Поздно. Желаю вам во всем успеха. Может быть, и встретимся в Новом Свете.“

Соколов долгим взглядом прощался с ней. Она прочла в его глазах тоску разлуки. „Мы разошлись, как в море корабли“, вполголоса пропел Гарашвили, пока Ирина им крепко пожимала руки.

В эту ночь она долго не могла уснуть. Ее беспокоил муж. „Он на меня разсердится, когда узнает, что я познакомилась с совершенно чужими людьми. Бабушка поймет! Я ей расскажу первой, а потом, мы обещаем о моем приключении Андрею.“

Молодую жену неприятно поразило сознание, что она, отчасти, боится мужа. „Он всегда со мной добр“, уверяла она себя, сама удивляясь, отчего в ней зародилась боязнь.

Паровоз, окутанный парами, пронзительно свистя и разбрасывая вокруг себя брызги, плавно подходил к станции. Ирина, ища в окнах родные лица, бжала за спальными вагонами первого класса.—„Вот бабушка машет платком, а Василий шляпой. Как я счастлива снова увидать их!“ — Не успел поезд остановиться, как на платформу соскочил Ларош. Молодая женщина уже собирался протянуть ему руку, но он, взяв жену за плечи, быстро поцеловал ее в улыбающиеся губы. — „Все ли благополучно? Вы редко писали. Я жалел, что отпустил вас одну“, говорил он, внимательно осматривая Ирину с головы до ног.

— „Что же могло со мной произойти? Вы преувеличиваете. Я ведь не девочка“, с замешательством отвечала она, поворачиваясь в сторону бабушки, показавшейся на площадке вагона.

Вся семья собралась в гостиной: путешественники, вымывшись и переодѣвшись, оживленно разговаривали с Ириной. Василий, стоя на балконѣ, с интересом слѣдил за пароходами. „Спустимся к гавани,“ просил он Андрея и сестру. — „Полезнѣй для тебя было бы осмотрѣть город,“ замѣтила бабушка; но внук настаивал на своем и Ларош общал днем свезти их к пристани. — „Возможно, я их там встрѣчу,“ подумала молодая женщина и не знала радоваться ей возможности или сожалѣть о ней. Когда рѣшено было ѣхать кататься, Ирина прошла к себѣ, чтобы надѣть шляпу и захватить свой мѣх, так-как погода посвѣжѣла. — „Можно ли войти?“ послышался стук в дверь и голос Андрея. — „Конечно. Я уже готова. Мы можем ѣхать,“ нехотя отвѣтила она. — „Я никак не могу Вас застать одну: то Вы с княгиней, то с братом или няней,“ стал он жаловаться, входя в ея комнату. — „Я соскучилась по ним. Мы раньше никогда не разлучались,“ проронила молодая женщина. — „Я тоже тосковал без вас. Муж должен имѣть преимущество перед остальными членами семьи,“ возразил недовольно Ларош. — „Я не согласна. Наш брак особенный. Они мнѣ ближе. Простите меня за откровенность,“ волнуясь сказала она. — „Я сам знаю, что больше того, что Вы даете мнѣ, требовать не могу от Вас,“ с досадою согласился он. — „Вы мною как будто недовольны?“ — спросила Ирина с беспокойством. — „Вы ни в чем не виноваты,“ сухо усмѣхнулся муж. Ирина подумала озабоченно: „Он меня ревнует к ним. Надо его успокоить.“ И, привѣтливо улыбнувшись, молодая женщина подошла к нему: — „Андрей, я вас тоже люблю. Вы всѣ имѣете свое мѣсто в моем сердцѣ. Меня огорчает слышать, что моя семья уже начинает вам мѣшать. Что же могу я сдѣлать? Бросить их я не хочу, особенно бабушку. Я исключительно живу для нея. Она нуждается во мнѣ.“ Ея глаза стали грустными. Ларош, нѣжно обнимая жену прошептал: „Мнѣ дороги тѣ, которых вы любите. Забудьте мои упреки.“ Она положила голову ему на грудь и прошептала: „поцѣлуйте меня в лоб; это легко осуществимо: ваш подбородок в уровень с моей головой.“ Не то застѣнчивая, не то шаловливая улыбка приподняла углы ея рта. Исполняя без замедленія желаніе Ирины, Андрей отвѣтил: „Развѣ я могу роптать или быть недовольным, когда вы со мной?“

Британское судно, стоявшее на рейдѣ, готовилось к отплытію. Матросы, как муравьи, копошились на его палубах. Дул вѣтер; Ирина, придерживая одной рукой шля-

пу, слѣдила за лодками, быстро сновавшими вдоль и поперек гавани. „Качает; плывите без меня,“ сказала она мужу и брату: „я боюсь, меня укачает.“ — „Без вас я не поѣду,“ отвѣтил Андрей. — „Сестра, ты трусиха!“ — воскликнул Василій. „Прошу очень ѣхать. Мнѣ так хочется побывать на британском пароходѣ.“ — „Ну, хорошо. Но если меня будет тошнить, общайтесь, что вы повернете обратно,“ согласилась неохотно Ирина.

Они сидѣли в гостях у капитана. Она думала о том, как было бы приятно еще раз повидать Соколова и Гарашвили; до нея доносились лишь отрывки разговора, который вел Андрей с моряком. „Ваша жена иностранка?“ спрашивал капитан. „Да, она русская,“ коротко отвѣчал Ларош, не любившій с мужчинами говорить об Иринѣ. Его коробило от всякой невоздержанной похвалы, вызванной ея красотой. „Двое русских у меня служат. Они из интеллигентной среды,“ продолжал любезный моряк в надеждѣ заинтересовать гостью. — „Могу ли я с ними встрѣтиться? — перебивая их разговор, обратилась Ирина к капитану, сама поражаясь своей смѣлости. — „Я сейчас за ними пошлю,“ поторопился согласиться он. — „Не беспокойтесь, пожалуйста, я с братом выйду на палубу. Он очень хотѣл осмотрѣть ваш пароход,“ вставая возразила молодая женщина. — „Я распорядусь, чтобы ваше желаніе было бы немедленно исполнено,“ вѣжливо объявил моряк, поспѣшно подымаясь со стула.

— „Как все удачно обернулась,“ подумала она, опираясь на поручни, смотря на волны, с плеском разбивавшіяся о борт корабля. „Андрей не протестовал. Я не дала ему времени подумать и, кромѣ того, в присутствіи капитана, он не мог мнѣ запретить.“

— „Неужели это вы, Ирина Васильевна?“ — прозвучал за ея спиной взволнованный голос Соколова. — „Кого же другого вы ожидали увидѣть?“ улыбаясь, стараясь быть невозмутимой, отвѣтила молодая женщина. Обожаніе скромнаго юноши ей нравилось, что никогда с ней прежде не случалось; когда молодые люди за ней ухаживали, Иринѣ всегда становилось досадно. Она считала, что влюбленность нарушает братскія отношенія между друзьями. „Начинается сразу соревнованіе среди товарищей, возникают ревность и зависть... И всѣм дѣлается скучно,“ были ея думы, несмотря на юный возраст. Ваня извинился за свою рабочую одежду и объяснил, что Гарашвили был занят. „Мнѣ сообщили, что меня ждет какая то дама. Мог ли я надѣяться еще раз Вас

встрѣтить? Я торопился и не успѣл переодѣться.“— „Стоит ли об этом говорить?“ возразила молодая женщина и добавила, весело усмѣхнувшись: „Вы и так хороши! Возможно, что таким, каким вы выглядите сейчас, вы еще болѣе понравились бы своим многочисленным поклонникам“. Его лицо и шею покрыла густая краска. „Вы тоже, как Сережа, надо мной смѣетесь.“ Иринѣ не сдѣлалось совѣстно и она сказала душевно: „Я довольна, что еще раз могу вам пожелать всего хорошаго; жаль, что наше знакомство должно прекратиться. Пожалуй, если случайно увидимся через много лѣтъ, не узнаем друг друга.“ — „Я всегда вас отличу от остальных, даже в толпѣ,“ вырвалось у юноши замѣчаніе.— „Он меня трогает. Кажется, серьезно увлечен... Ничего, забудет,“ подумала молодая женщина и вспомнила о влюбленном Луиджи. — „Вы чѣм то озабочены?“ спросил Соколов, слѣдя за игрой ея выразительнаго лица. — „Я вам сознаюсь, что и мнѣ надоѣли поклонники. Я понимаю вас. Очень непріятно, когда в вас влюблен чловѣкъ, которому вы не можете отвѣчать тѣм же чувством.“

— „Для мужчины — хуже. Они не могут быть рѣзкими с женщинами, даже если тѣ пьют водку, курят сигары, носят для удобства брюки и стригут коротко волосы.“ Он говорил серьезно, но в его глазах свѣтился юмор. „Какой милый!“ — обласкала мысленно Ирина Ваню. „И какой красавец!“ Вслух она сказала: „ваша матушка, навѣрно, была красавицей.“ — „Мама и теперь хороша! У нея одухотворенная красота, которая не проходит, а увеличивается с годами... Можно ли мнѣ показать вам ся фотографію?“ — „Спасибо, очень интересно будет посмотреть,“ охотно согласилась молодая женщина. Он вернулся через нѣсколько минут и, по его учащенному дыханію, она догадалась, что он бѣжал. „Боялся, что вы уйдете,“ пояснил юноша, „и принес только одну; некогда было рыться в чемоданѣ.“

Она взяла из его рук карточку. На фотографіи была изображена стройная женщина с привѣтливым лицом, которое, не будучи классическим, все же было прекрасное. — «Вы очень похожи на свою мать,» замѣтила Ирина. «Я увѣрена, что для вас обоих было большое горе эта разлука. Бѣдные!» — «Да», тихо отвѣтил Соколов. «С Божіей помощью я надѣюсь выписать маму в Канаду, как только заработаю ей на дорогу.» — «Пожалуйста, дайте мнѣ адрес вашей матери; я ей напишу, что видѣла вас здоровым и довольным,» вырвалось у нея

неожиданное предложѣніе. — «Как вы добры! Ваше письмо доставит мамѣ огромную радость и немного успокоит ее,» воскликнул растроганный юноша. — «Запишите здѣсь, пожалуйста,» попросила она, отыскавъ букву «с» въ своей книжкѣ. Сердце Ирины часто забилося от его похвалы.

Позади себя, она услышала голоса мужа и брата. Молодой женщинѣ сдѣлалось грустно, что она больше не увидит Соколова. — „Мнѣ пора уходить. Прощайте! Как вас зовут по батюшкѣ?“ Ея слова были торопливыя. — „Иваныч,“ отвѣтил Ваня печально. — „Храни вас Господь, Иван Иваныч!“ — съ волненіем пожелала Ирина юношѣ, который привлекалъ ее съ первой их встречи. — „Не знаю отчего, но я увѣрен, что мы еще увидимся. Я никогда не забуду вашу доброту.“ Его внимательные глаза смотрѣли на нее съ глубокой любовью. — „Надѣюсь, что ваше предчувствіе — вѣрно. В таком случаѣ я скажу: „до свиданія“. Отойдя от него, она обернулась и, махнувъ рукой, проговорила громко: „Прошу поклониться от меня капитану Гарашвили.“ Соколов ничего не отвѣтил. Он стоялъ, не двигаясь, не отводя от нея светлаго взгляда. „Какой он странный... Совсѣм не свѣтскій, но ужасно симпатичный,“ растерянно подумала молодая женщина, „он как будто молится за меня“.

Они плыли обратно. Ирина, боявшаяся морских пучин, съ безпокойством поглядывала на волны. — „Как вы нашли ваших соотечественников?“ — шутливо спрашивал Ларош, „навѣрное они оказались „князьями“ или „герцогами?“ — „Вы ошибаетесь,“ негромко отвѣтила она. „Они скромные офицеры Императорской Арміи, съ самими обыкновенными фамиліями. Въ ея голосѣ звучала строгость. Эти офицеры были ранены въ Гражданскую Войну; у одного из них не хватаетъ пальца на лѣвой рукѣ.“

Вечером того же дня, прощаясь съ бабушкой, внучка рассказала про свое знакомство съ Гарашвили и Соколовымъ, упомянувъ про чай въ кондитерской и ужинъ въ гостиницѣ. Княгиня покачала головой и пожалѣла, что Ирина не сообщила мужу о своемъ невинномъ походе.

— „Поступила ты необдуманно. Твое счастье, что попала на хорошихъ людей. Не откладывая больше свое объясненіе съ Андреемъ.“

— „Можно ли къ вамъ войти?“ — спросила молодая женщина, постучавъ въ дверь мужа. „Я думалъ о васъ, читая книгу,“ отвѣтилъ онъ, освобождая мѣсто рядомъ съ собой на диванѣ. — „Обрывъ Гончарова!“ воскликнула она, по-

смотрѣвъ на заглавіе романа. „Одна из любимых моих книг. Навѣрно, „Обрыв“ теряет в переводѣ. Но чей же я портрет бабушки, Вѣры или Марфиньки?“ — „В вас — довѣрчивость и наивность младшей сестры; ум и правдивость — старшей.“ — „Нашли ли вы у меня общее с Гончаровской бабушкой?“ — застѣнчиво усмѣхнувшись, поинтересовалась Ирина. — „Не обижайтесь; она своей русской гордостью напоминает мою маленькую жену.“ — „Я не подозрѣвала, что вы психолог,“ с удивленіем замѣтила молодая женщина и спросила порывисто:

„Отгадайте по моему лицу, зачѣм я к вам пришла?“ Андрей пристально на нее посмотрѣлъ и отвѣтил: „Вы выглядите провинившейся дѣвочкой и дрожите от страха.“ „Это от холода“ — воскликнула Ирина, показав головой на открытое окно.

— „Простите,“ вставая и затворяя окно, сказал он. — „Я не успѣла за день рассказать вам о своем приключеніи.“ Муж насторожился и, обнявъ ее за плечи, прижал к своей груди. — „Не давите меня, иначе, я замолчу.“ Он весело разсмѣялся и подумал: „начинает привыкать.“ — „Гуляя по набережной, я познакомилась с соотечественниками, нанявшимися матросами на коммерческое судно, на котором мы сегодня были. Мнѣ стало их жаль, они тоже бѣженцы, и я их позвала ужинать в нашу гостиницу. Раз я с ними пила чай в кондитерской,“ с замѣшательством, но правдиво говорила жена. — „И это все?“ спросил Ларош, Она кивнула ему в знак согласія, Он, облегченно вздохнув, сказал: „Я боялся услышать от вас что нибудь болѣе серьезное.“ — „Неужели Вы могли предположить, что я способна на худшее?“ удивилась молодая женщина. Андрей поцѣловал ей руку и проговорил серьезно: „Вас могли бы похитить.“ — „Бабушка находит, что я поступила неосторожно и что мнѣ повезло, что попала на приличных людей.“ — „Я вполне согласен с княгиней. Вы — младенец. Я окончательно убѣдился, что вас нельзя оставлять одну.“

Г Л А В А ХУІІ

ПУТЕШЕСТВІЕ В КАНАДУ.

Бабушкѣ и нянѣ не нравилось плаваніе; их смущала мысль, что онѣ находятся далеко от берега и когда им дѣлалось страшно, то онѣ вполголоса пѣли тропари Богородицѣ и Св. Николаю, покровителю мореплавателей. Ирина, любившая жить у моря, возненавидѣла его

и мечтала снова стать на твердую почву. Первые дни она лежала и почти ничего не ѣла от морской болѣзни.

— „Вѣтер спал, качает меньше,“ сказал Ларош, входя утром четвертого дня в ея каюту. „Вам нужно подышать воздухом. Возьмите горячую ванну и выпейте куриного бульону.“

— „Оставьте меня в покоѣ,“ жалобно протестовала молодая женщина. — „Я приготовил ванну для вас, и если вы сейчас не встанете, то я вас силой заставлю выкупаться.“ — „Вы мнѣ надоѣли с вашими совѣтами,“ капризным голосом прошептала она и отвернулась к стѣнѣ. Но опасаясь, что муж исполнит свою угрозу — насильственного купанья, Ирина поторопилась досказать: — „Я сейчас встану; только уходите, пожалуйста.“

Постепенно Ирина стала меньше стѣсняться мужа, а также потеряла к нему боязнь. Часто теперь открывала она ему свою душу с ея надеждами и сомнѣніями. Андрей помогал молодой женщинѣ разобраться в ея мыслях и, если ему это не удавалось, то он успокаивал жену нѣжной заботливостью. Постепенно она его вводила в свою повседневную жизнь: совѣтовалась какое платье надѣть, рассказывала про состязанія, в которых принимала участие, хвалила или критиковала прочитанныя ею книги, жаловалась на назойливость нѣкоторых пассажиров, в том числѣ одной старой дѣвы, преслѣдовавшей ее своей дружбой. Ирина ни в голосѣ, ни во взглядѣ Лароша не замѣчала прежней страсти, ее пугавшей. И как-то раз она подѣлилась с мужем своими наблюдениями и выводами из них.

— „Меня радует перемѣна в отношеніях между нами. Неправда ли лучше жить без мелких трений, в полном согласіи?“ — „Конечно,“ отвѣтил Андрей с добродушной ироніей. „Мнѣ подходит роль ласковаго дяди.“ Плаваніе приходило к концу.

Увеселительная программа заканчивалась балом. В свои темныя косы Ирина вплела жемчуга, а на обнаженных плечи накинула шелковый тюль. Она пудрила перед зеркалом нос, когда, постучавшись, вошел к ней Ларош. — „Вы плохо брились,“ сказала жена мужу, ощутив колючую щеку на своей кожѣ. — „Я полѣнился сегодня вторично снять с лица растительность,“ — „Какіе мы счастливые, что не имѣем бороды и усов. Многія из моих подруг жалѣли, что не родились мальчиками. Несмотря на то, что мы „вторыя скрипки,“ я довольна быть женщиной.“ — „Вѣрнѣй вы — волшебная флейта,“ пошутил

Андрей. “Представьте себѣ, какъ было бы несуразно, если бы мы помѣнялись мѣстами?” — становясь рядомъ с ней, спросилъ онъ. Ирина, вскинувъ глаза на его отраженіе въ зеркалѣ и представивъ его въ бальномъ платьѣ, залилась веселымъ смѣхомъ. „Вы надо мной издѣваетесь, но вы сами во фракѣ выглядѣли бы ужасно.“

Молодая женщина веселилась на балу и, по своему собственному выраженію, танцевала до упада. Андрей, тѣмъ временемъ, игралъ въ бриджъ и когда дѣлался „выходимъ“, то издалека слѣдилъ за женой своимъ острымъ взглядомъ. „Она ребенокъ“, думалъ онъ, замѣчая ея сверкающіе веселостью глаза, пылающія щеки и оживленное выраженіе лица. „Боюсь, что вскружитъ голову многимъ. Знакомства на пароходахъ хороши своею краткостью. О нихъ сразу забываешь, какъ только ступаешь на землю.“

Когда Ирина, утомленная непрерывными танцами с самаго начала вечера, захотѣла отдохнуть, то выбрала своей собесѣдницей одну пожилую американку, вид которой ей понравился. Она подсѣла къ ней, и скоро ихъ разговоръ для обѣихъ сдѣлался занимательнымъ.

— „Я безвыѣздно живу въ провинціи. Это — мое первое заграничное путешествіе. Я въ восторгѣ отъ Европы, особенно отъ Італіи... Все, что вы мнѣ рассказали — очень интересно... Мнѣ было бы пріятно пожертвовать на русскія благотворительныя учрежденія“, говорила почтенная дама молодой женщинѣ

„Посоветуйте мнѣ, пожалуйста, какъ лучше это сдѣлать.“ Простота и доброта американки тронули Ирину. — „Какая хорошая! Думаетъ о нуждахъ чужихъ людей. Я замужемъ за богатымъ и ничего не трачу на бѣдныхъ русскихъ. Эгоистично пользуюсь деньгами Андрея.“ Ея мысленное самобичеваніе было прервано слѣдующими словами новой знакомой: „Я, впервые, сию и разговариваю съ княгиней.“ Ирина, смущенно разсмѣявшись, сказала: „Я не имѣю титула. Я теперь „Mrs Laroch.“ И шутя она добавила: „Если вы хотите встрѣтиться съ настоящей княгиней, то я васъ познакомлю съ бабушкой...“

В 20-тыхъ годахъ имена русскіихъ князей и графовъ еще были окружены ореоломъ славы. Позднѣй, когда въ Европейскихъ столицахъ титулованныя красавицы прислуживали въ чайныхъ, становились продавщицами, манекенами, и работали въ парикмахерскихъ, тогда нѣкоторые изъ прежнихъ заграничныхъ друзей прервали съ ними всякое сношеніе; русскія короны, потускнѣвъ, потеряли свою цѣнность на взглядъ большинства. Но были и такіе ста-

рые знакомые, которые считали своим долгом заказывать платье, пить чай в магазинах и чайных, гдѣ служили русскіе друзья. Они не гнушались ни бѣдностью, ни скромностью положенія бѣженцев; звали их в свои дома; посѣщали балы и базары, устраиваемые в пользу эмигрантов. Многочисленные церкви, благотворительныя заведенія «бѣлыхъ» русских имѣли своим основаніем безкорыстную жертвенность отдѣльных личностей, принадлежавших к различным народностям. И эта щедрость давала «русской колоніи,» не одну лишь возможность существовать, но—и жить. Эта жертвенность помогла эмигрантам сохранить свое національное лицо.

Переживая расколы, измѣны, предательства и церковную смуту, отменяя от себя все политически ненадежное, русская эмиграція выходила на прямую дорогу — на дорогу тернистую. И на своем пути она оставляла за собой преждевременныя могилы. Могилы всегда скромныя и бѣдныя, часто позабытыя и неизвѣстныя, лежащія на безымянных перепутьях стран или нищенских кладбищах богатых городов.

Бал кончился; молодая женщина сидѣла за туалетным столом и, сняв с волос длинную нитку жемчуга, расплетала косы. Андрей, стоявшій возлѣ жены, искал все новыя темы для разговора, с желаніем, как можно дольше задержаться в ея каютѣ. Он спрашивал про вечер, рассказывал про свою игру в карты, а также строил планы о предстоявшем им вскорѣ сухопутном путешествіи. Но его краснорѣчіе Ирина перебила словами: — «Как поздно!» Затѣм она ему сообщила о предложеніи щедрой американки. — «Не отказывайтесь от ея денег. Ольга вам поможет с выбором благотворительнаго общества. Я довѣряю вашей подругѣ и пожертвую тоже на нуждающихся русских,» отвѣтил муж. — «Вы меня ужасно трогаете!» воскликнула молодая женщина; встав на цыпочки, она порывисто поцѣловала его в щеку.» — «Я скоро разорюсь,» усмѣхнулся он весело. — «Если будете жертвовать?» — спросила жена с удивленіем. — «Несомнѣнно, если каждый ваш поцѣлуй, мнѣ будет стоить 500 долларов.» — „Вы совсѣм не такой добрый, как я думала,“ смущенно улыбаясь, замѣтила она; „и — хитры.“ Полу-шутя, полу-серьезно Ирина добавила: „Я принимаю это к свѣдѣнію.“

ГЛАВА XVIII.

« С Т А Р Ы Й Д О М »

„Мы у тихой пристани, куда нас загнали бурные волны житейского моря,“ промелькнуло в мыслях жены, когда она, не без робости, входила в прадедовский дом мужа. Просгор, удобство, роскошь и убранство комнат обрадовали молодую женщину и она благодарила Бога за то, что бабушка вновь очутилась в привычной ей обстановкѣ. Но Ирина также сознавала, что в „Старом домѣ“, Андрей лишит ее послѣдней самостоятельности, хотя и предназначает ей почетное мѣсто хозяйки, и — это родовое жилище Лароша станет для нея „золотой клѣткой.“

Из окон своих комнат она видѣла помѣщеніе бабушки, брата и няни, но, чтобы дойти до него, ей нужно было пересѣчь вдоль длинный фасад зданья.

Спальня и кабинет Андрея были расположены рядом с ея будуаром, а прислуга занимала верхній этаж строенія. При таком размѣщеніи семьи, внучка чувствовала себя оторванной от бабушки и, в нѣкоторой степени, плѣнницей Андрея.

В первую ночь, когда простившись с княгиней, Ирина возвращалась к себѣ через парадные покои, тянувшіеся непрерывной вереницей, ей сдѣлалось жутко от их безлюдной тишины. В высокія окна смотрѣла холодная ночь; вѣтер пронзительно завывал, скрипѣли жалобно вѣсковыя деревья; лѣс, подступившій вплотную к саду, казался зловѣщим убѣжищем хищных звѣрей, и сам „Старый Дом“ выглядѣлъ враждебным; его потускнѣвшіе портреты сурово смотрѣли на молодую женщину. Охотничьи трофеи мужа пугали страшными рогами и клыками животных, клювами и когтями птиц; вся эта дичь, пернатая и четвероногая, принимала вид сказанных чудовищ—в боязненном воображеніи Ирины. Ей слышались шелест, треск; эти звуки вызывали в ней необъяснимый страх, толкавшій ее на постыдное бѣгство. — „Чего вы испугались?“ — заботливо спросил Андрей жену, когда она, запыхавшись от бѣга, вошла в его кабинет.

„Есть ли в вашем домѣ привидѣніе?“ — отвѣтила Ирина вопросом, садясь на низкую скамейку у весело горѣвшаго камина. — „Неужели вы вѣрите в такую чушь?“ — удивился он. — „Я слышала, что тѣ мѣста, гдѣ были совершены преступления, посѣщаются темными духами, принимающими разнообразныя облики.“ — „Никто из моих предков не умер насильственной смертью. Вы можете быть покойны.“ Близость Лароша и уют его кабинета, мебелированнаго обыкновенной кожаной мебелью, с картинами на стѣнах, изображавшими виды пяти материков, потрескиваніе пылающих дров и пріятный свѣтъ лампы, под зеленым стеклянным абажуром, разогнали ея страхи; смѣясь над собой, она сказала: — „Гончаровская Вѣра, с которой вы меня сравнили, безбоязненно жила одна в пустом помѣщицьем домѣ, а я страшусь перейти из одного конца вашего «замка» в другой.“ — „Не называйте этот дом моим; он — «наш», с довольной улыбкою замѣтил муж.

Лежа в постели, перед тѣм как потушить свѣтъ, Ирина позвала Андрея: — „Пожалуйста, оставьте двери между нами открытыми. Ночью «наш» дом меня пугает.“ — „Хорошо“, отвѣтил он и молніей пронеслось в его мозгу: „она дѣлается ручной.“ Молодая женщина заснула спокойным сном, а он от возбужденія не мог сомкнуть глаз до самаго утра. „Хотя наша платоническая любовь накладывает на меня воздержаніе, но я — доволен... Она даже не подозревает... совсѣм — маленькая дѣвочка. Но я обещаюсь терпѣливо ждать, и не давать ей повода меня остерегаться.“

Сидя в одно воскресенье у бабушки, внучка замѣтила нѣкоторую грусть в старческом лицѣ. Затревожившись, она поспѣшила справиться о ея здоровьи. „Мы с няней—бодрья старухи! Она собирается нянчить моих будущих внуков.“ — „Все здѣсь хорошо, только не хотѣлось бы умереть без покаянія“, замѣтила няня, проводившая много времени с княгиней. — „Скоро Рождество. Мы вспоминали домовую церковь в Петербургѣ и нашего батюшку. Церковь осквернена, а наш добрый священник, навѣрно, умер с голода“, печально сказала бабушка.

— „Обѣщай мнѣ, Ирина, не хоронить меня на бусурманском кладбищѣ и не закапывать с ними в общую могилу“, серьезно попросила няня: „Ангел вострубит, души собираться станут на Страшный Суд; не легко мнѣ будет отыскать свое тѣло среди бусурманских костей.“

„Мы живем в христианской странѣ!“ — звонко разсмѣялась Ирина. „Канада не мусульманское или языческое государство! как тебѣ, няня, не стыдно так путагъ?“

Княгиня улыбнулась внучкѣ и от ея любящаго взора не ускользнули ни внезапно появившійся румянец на свѣжих щеках, ни радостное выраженіе глаз, засвѣтившихся затаенной мыслью. „Я вернусь к чаю. Сейчас мнѣ надо повидать Андрея!“ — воскликнула молодая женщина и, поцѣловав бабушкину руку, исчезла за дверью. Она никогда не откладывала раз принятое рѣшеніе. Андрей стоял в своем кабинетѣ и сосредоточенно осматривал охотничье ружье.

Ирина взяла его под руку и, чуть слышно, спросила: „исполните ли вы мою вторую просьбу?“ — „Если она будет такая же, как первая, то я наперед отказываюсь,“ отвѣтил он спокойно. „Нѣтъ, никуда без вас я не собираюсь ѣхать. Я буду просить совсѣм о другом.“ — „Предупреждаю вас, что о разводѣ также разговаривать не стану,“ добродушно усмѣхнулся муж. — „За кого вы меня принимаете? Я не собираюсь разводиться,“ тихо разсмѣялась она. — „В таком случаѣ ваше желаніе — для меня закон,“ улыбнулся он. „В чем же дѣло? Разказывайте!“ — „Пожалуйста, постройте для бабушки церковь. Маленькую, вроде часовни, с домиком для священника,“ отвѣтила молодая женщина торопливо; смутившись своей большой просьбы, она спрятала пылающее лицо на его груди. Нѣжно обняв ее, Ларош сказал: — „Я — архитектор, и с удовольствіем займусь постройкой храма. Только надо подождать весны. За зиму вы подыщете священника; одну из гостиных устроим для временных церковных служб. Я вам покажу рисунки церквей русской архитектуры. Вы выберете то, что вам понравится.“ — „Я ужасно вам благодарна! Вы такой трогательный!“ — с восторгом воскликнула жена и, от избытка благодарных чувств, обвив руками шею мужа, поцѣловала его в бодбородок. Андрей до боли в пальцах стиснул ружье и, сжав вѣки, глубоко вдохнул... Она говорила порывисто: „Только это сюрприз к именинам бабушки, которыя будут в сентябрѣ.“ — „Неужели вы намѣрены прятать священника многіе мѣсяцы в подвалах нашего дома?“ — пошутил он. „Какой вы недогадливый! Я подразумѣвала постройку церкви.“ В ея приподнятом, горящем оживленіем, лицѣ, пронизывающій взгляд Андрея прочел одну лишь искреннюю благодарность; и он неторопливо прикоснулся губами к ея лбу.

Низкое солнце, огражаясь в глазах людей и животных, озаряло бѣлыми лучами санный путь и, опущенный снегом, деревья; полозья поскрипывали, и ходкіе кони бѣжали размашистой рысью по лѣсной дорогѣ. „Как хорошо.“ говорила Ирина Андрею, повыше натягивая на себя полость из медвѣжьей шкуры.“ Напоминает Россію. Жаль, что бабушка не может зимой кататься.“

Оживленно для Ирины проходил зимній день: она любила ходить на лыжах, бѣгать на коньках и ѣздить в санях. Когда мороз неприятно обжигал лицо и метель колола снѣгом глаза, молодая женщина училась стрѣлять в цѣль и ѣздила в манежѣ верхом. В конюшнѣ Андрея она приглядѣла себѣ арабскую кобылу. Запах навоза, теплое дыханіе животных, стук кованого копыта о деревянные стойла и мѣрное пожевываніе лошадиных челюстей пріятно раздражали ея обоняніе и слух. Ирина назвала свою сѣрую кобылу «Звѣздой» и, послѣ ѣзды, кормила ее сахаром. Заслышав голос хозяйки, умная лошадь встрѣчала ее громким ржаніем.

К чаю вся семья собиралась у княгини. Довольная, веселыя лица окружали бабушку. Женщины нетерпѣливо ожидали пріѣзда священника. Его краткая біографія была им извѣстна из письма Архіепископа, с которым бабушка вела постоянную переписку. Ожидаемый с волненіем отец Михаил был старый вдовец, потерявшій в Россіи жену и единственную дочь, погибших от нищеты: красные опричники выгнали семью ссыльнаго священника на улицу; студеная зима сковала ледяным дыханіем землю; люди умирали от холода и голода. Отец Михаил попал в Америку с русскими бѣженцами и долго работал на мельницѣ простым рабочим, совершая требы по вечерам и воскресным дням.

Жизнь в «Старом Домѣ» катилась по новой колѣѣ; бывлыя радости и печали, тускнѣя, отходили в прошлое. Ирина жила со дня на день, радуясь улыбкѣ бабушки, ласковому ворчанію няни, смѣху брата, довольному блеску в глазах мужа и своему безпечному существованію. «Мнѣ ничего больше не нужно. Я имѣю все», думалось ей. Ларош также был счастлив. Шел третій мѣсяц со дня их свадьбы. Ея сдержанная ласковость, скромная нѣжность и сердечная признательность сулили ему счастливые дни впереди. Он любил ея шаловливо-застѣнчивое настроеніе без тѣни женскаго кокетства; вдумчивые глаза, когда она говорила о серьезных предметах; горячую живость в голосѣ и движеніях в минуты увлеченія. По вечерам, сидя вдвоем с Ириной в кабинетѣ, Ларош

читал вслух, пока она раскладывала пасьянс. Но раннее утро имѣло для него особенную прелесть. Раскраснѣвшаяся от недавняго пробужденія, с растрепавшимися косами и сверкающими от только что прерваннаго сна глазами, молодая женщина, лежа в постели, встрѣчала его привѣтливыми словами: «Доброе утро. Какая погода? Какіе наши планы на сегодняшний день?»...

— о —

Они вышли в прихожую встрѣчать священника. Отец Михаил предстал перед ними с посохом в рукѣ; послѣ темной зимней ночи он шурился своими добрыми глазами на яркій электрический свѣт. На его мужицком тулупѣ и мѣховой шапкѣ, переливаясь цвѣтами радуги, таяли снѣжныя звѣздочки; грубые сапоги оставляли за собой мокрые слѣды. Бѣдность священника была дороже богатства иного духовенства; и служитель гонимой церкви был носителем правды Божіей.

Андрей и Ирина вдвоем украшали высокую елку, вокруг которой были разставлены столики с подарками от хозяев. Потихоньку от мужа, Ирина положила под дерево футляр с запиской: «Андрею от благодарной жены». Она обратила вниманіе на то, что муж не носил креста и это открытіе ее смущало, ибо молодая женщина с дѣтства привыкла считать, что всѣ христіане должны были бы имѣть натѣльный крест; потерять послѣдній в ея понятіи было несчастьем для человѣка. У Луиджи она видѣла на груди образок Мадонны. И зная, что Андрей тоже католик, Ирина захотѣла ему подарить на Рождество эмалевый крестик на золотой цѣпочкѣ. «Он не посмѣется надо мной и будет носить мой подарок.»

Когда на елкѣ были зажжены свѣчки, то Ларош, позвонив в ручной колокольчик, настѣжь открыл обѣ половины двери, ведущей в гостиную, гдѣ бабушка с отцом Михаилом, Василием и няней ожидали его зова. «Все готово,» сказал он, держа Ирину за руку. Молодая хозяйка радовалась всеобщему замѣтному удовольствію; она чувствовала, что рождественская елка, блестящая серебром и золотом, горѣвшая многочисленными свѣчами, распространявшая теплоту и свѣт, также грѣла и освѣщала их души. Андрей тоже приготовил для жены подарки, которые, не успѣвъ спрятать под дерево, пока держал в своих карманах. Он догадывался, что — у нея дѣлалось на сердцѣ и, как-будто, читал ея мысли: «Нашим благополучіем я обязана мужу.»

Когда бабушка и остальные были заняты разсматриваніем елочных украшеній, Ирина подошла к Ларошу

и, протянув ему руки, сказала прочувственно: «Поищите мой подарок.» В ее голосъ звучала нѣжность, а во взглядѣ была ласка. Радостно сжалось его мужественное сердце, но он не пожелал открыть ей свои переживанія и, поцѣловавъ ее пальцы, глухо отвѣтил: «Мои скромныя подношенія находятся при мнѣ. Вам придется их достать из карманов.» Она смотрѣла на него с улыбкой. Слезы дрожали на ее длинныхъ рѣсницахъ. «Я точно не помню, в какихъ именно ваши вещи, но для вашего «облегченія», предупреждаю, что в моемъ пиджакѣ и жилетѣ 16 карманов.» Андрей справился со своимъ волненіемъ и весело шутил.

— „Задали же вы мнѣ работу,“ тихо разсмѣялась молодая женщина «Діадема! Какая красота!» воскликнула она, перестав шарить в его карманахъ и любясь своей находкою. — „Это еще не все,“ замѣтил он. — „Вы меня напрасно балуете. На свадьбу подарили жемчуга, серьги, кольцо. Достаточно у меня драгоценностей.“ В ее возраженіи звучала неловкость.

— „Вы заслужили большего.“ — „Ваша щедрость меня смущает,“ отвѣчала молодая женщина и, опустив глаза, добавила: „Я ничего не заслужила...“ Ирина собиралась потушить лампу на ночном столикѣ, когда к ней вошел Андрей. Ворот его пижамы был разстегнут и на волосатой груди висѣлъ золотой крестик. Она, не понявъ его намѣренія, с головой закрылась одѣялом. — „Не бойтесь меня, моя маленькая дѣвочка. Я пришел сказать, как тронулъ меня ваш подарок, с которымъ я никогда не разстанусь.“

Новая мысль мучила молодую женщину. — „Я — должникъ Андрея.“ И ложное сознаніе вины, непонятной для нея, смѣшанной с досадой на мужа, тревожило душевный покой Ирины. Наибольшей остроты достигло это чувство тогда, когда вскорѣ послѣ елки, Василій спросил Лароша: какія имена он даст своимъ сыновьямъ? От этого вопроса лицо Андрея окаменѣло, но послѣ краткой паузы, он не торопясь отвѣтил: „Спроси твою сестру. Мнѣ все равно.“ — „Старшаго мальчика тебѣ надо назвать Василіемъ в память папѣ. Второго — Андреемъ, в честь твоего мужа, а дочери непременно должны носить имена бабушки и мамѣ,“ обратился к Иринѣ брат, не замѣчая ея смущенія. Она выпила залпом бокал вина, стоявшій передъ ея приборомъ, так-какъ ихъ разговор происходил во время обѣда, и молчала. — „Я согласенъ с тобой,“ сказал Ларош своему шурина. „Я протестовалъ бы, если бы ты предложилъ назвать дочь Ириной.“ — „Одинако-

выя имена в одной и той же семьѣ производят путаницу; но, избѣгая этого, все же можно придерживаться родовых имен," замѣтила княгиня и, посмотрѣвъ на внучку, ласково слазала: „Тебѣ вино ударяет в голову. Это семейная черта. Я от одного стакана дѣлаюсь пунцовой как пюн.“ — „У вас должен быть сын," не унимался Василий. „Жаль будет, если старый род Ларошей пресѣчется.“

— „Мой родоначальник был рыцарем при дворѣ Генриха Перваго, короля французскаго," пояснил Андрей, желая отвлечь внимание от жены. „Мой единственный двоюродный брат имѣет дѣтей; младшее поколѣніе Ларошей — ваших лѣтъ. Я приглашу их весной. Они всѣ симпатичные. Тебѣ и Иринѣ будет с ними весело.“

Ночью молодой женщинѣ не спалось, слова брата сверлили мозг, отгоняя сон. „Смогу ли я заставить себя — из чувства благодарности и желанія стать матерью?“ Ея глаза искали мерцающій свѣтъ лампадки, зажженной перед большим образом, висѣвшим в восточном углу спальни.“ Мнѣ надо больше времени, чтобы привыкнуть к этой мысли. Я на него смотрю, как на добраго дядю.“ Уже засыпая, она пришла к заключенію, что ей придется освободить мужа от даннаго ей обѣщанія. „Другого выхода для меня нѣтъ," было ея послѣдней думой. И теперь к ея утренней и вечерней молитвѣ прибавилось прошеніе: „Сдѣлай, Господи, так, чтобы я влюбилась в Андрея.“ Но эти слова сильнѣе произносились устами, чѣм сердцем.

На Страстной Недѣлѣ княгиня с внуками и няней говѣли, соблюдая строгій пост. Ирина примирилась с судьбой, и у нея было тихое радостное настроеніе. Она болѣе не терзалась своими предположеніями о будущем и опасеніями за него. Андрей был с ними на пасхальной заутренѣ, и, по русскому обычаю, похристосовался со всѣми. С няней у него не обошлось без шутки. При совершеніи этого стариннаго обряда, он высоко поднялъ старуху и, держа ея маленькую фигуру в воздухѣ, трижды поцѣловался с ней. Ирина и Василий не могли, глядя на эту забавную картину, удержаться от смѣха. „Какой неугомонный“, добродушно жаловалась няня. Бабушка ей улыбнулась, а отец Михаил весело замѣтил „Вот так силач! На мельницѣ, гдѣ я работал, г-н Ларош был бы незамѣним. Для него поднять куль с мукой не представляло бы никакого затрудненія.“

Г Л А В А Х І Х.

ЗЛОСЧАСТНАЯ ВЕРХОВАЯ ПРОГУЛКА.

Снѣг стоял; из голой почвы пробивалась трава; липкія почки пухли и открывались; солнце вызывало природу к новой жизни. Быстрые ручьи журчали; капало с крыш и деревьев; птицы оглашали пѣніем, свистом, криком и щебетаніем вѣковой лѣсы; на озерѣ показались перелетные утки и гуси. Тянуло на воздух, хотя грязь лежала толстым слоем на садовых дорожках. Когда земля просохла на поверхности, Ирина прекратила ѣзду в манежѣ.

Утро было чудесное, когда она просила осѣдлать «Звѣзду» для первой весенней прогулки. Молодая женщина намѣтила себѣ цѣлью объѣздить помѣстье мужа в поисках подходящаго мѣста для церкви, так как наступало время для постройки ея.

Конюх держал под уздцы горячившуюся лошадь, от нетерпѣнія кусавшую удила и рывшую копытами землю. Садясь без посторонней помощи на кобылу, жена сказала мужу: „Обидно, что вы сегодня заняты.“ — „Мнѣ очень жаль, что я не могу вас сопровождать. У меня неотложное дѣло. У вас хорошая посадка; видно, что вы опытная наѣздница. Везет «Звѣздѣ»!“ И, мысленно восторгаясь ея видом, он вслух сказал: „Вы с ног до головы коричневая, под цвѣтъ Ваших глаз.“ На ней были одѣты высокіе сапоги с тупыми шпорами; короткая, в складку, юбка; вязаная шерстяная кофта и бархатный берет с фазаньим пером. „Не опаздывайте к завтраку, иначе мы с бабушкой станем беспокоиться.“ Молодая женщина пустила свою лошадь полевым галопом: Андрей провожал всадницу зорким взглядом, пока она не скрылась в лѣсной аллеѣ....

Весело было Ирину; воздух свистѣлъ в ушах, перед глазами мелькали деревья, и дорога сѣрой лентой ползла навстрѣчу. Наѣздница и лошадь одинаково наслаждались свободой и простором. Онѣ слились в единое существо, предвидя движенія и настроенія одна другой. Ей хотѣлось все большей быстроты, и она не задерживала рѣзвую кобылу... И вот молодая женщина — в сосновом бору. Ее охватила торжественная тишина лѣса. Хвойный ковер заглу-

шал отчетливые удары кованых копыт о мягкую почву. Она перевела „Звѣзду“ на шаг, отдала ей повод и задумалась. Легкая пѣна показалась на лоснившейся сѣрой шерсти и брызгала изо рта вспотѣвшей лошади. „Я полгода замужем. Мнѣ уже 19 лѣтъ! Лучшаго мужа трудно найти.“ Молодая женщина ласково погладила по взмыленной шеѣ кобылу. „Здѣсь, в лѣсу, я справляю свой дѣвичник... Одна — без подруг. Но вокруг меня природа празднует свою ежегодную свадьбу. Все живое поет, двигается, радуется и наслаждается жизнью.“ Она похлопала «Звѣзду» по круглому крупу и полною грудью вдохнула смолистый воздух. „Он не узнает; он будет думать, что я полюбила его. „*La mariage blanc*“ и благодарность вмѣстѣ не уживаются.“ И, собрав повод, Ирина послала лошадь быстрой рысью. Извилистая тропа привела ее к озеру. „Утиное царство, хорошее мѣсто для охоты на водяную птицу“, подумала она. В нѣскольких шагах от нея был перекресток, и молодая женщина вспомнила сказку об „Иванѣ Царевичѣ и сѣром волкѣ.“ Путь налѣво вел к лѣснику; направо, послѣ долгаго круженія, лѣсная аллея выходила на шоссе, ведущее в город, а прямо дорога постепенно гложла в древесной трущобѣ. „Не буду сворачивать“, сказала себѣ всадница и, пустив кобылу галопом, оставила озеро позади. Проскакавъ версты двѣ, она увидѣла, что дорога сильно сузилась и, остановив лошадь, осмотрѣлась по сторонам: на востокѣ свѣтилась поляна, окаймленная с трех сторон березовой рощей; слышалось тихое журчаніе воды; в травѣ разноцвѣтными пятнами сверкали крокусы, фіалки, нарциссы и поздніе подснежники. „Березовая роща. Совсѣм — русская картина. Как здѣсь хорошо! Вполнѣ удобное мѣсто для церкви и дома отца Михаила“, радостно прошептала молодая женщина.

Она объѣхала лужайку, соображая, хватит ли пространства для необходимых построек или придется расчищать кругом лѣс, и осталась довольна своим выбором, убѣдившись, что не нужно будет рубить березы. Ей всегда было жаль видѣть срубленное дерево. Ручные часы показывали раннее время, и Ирина рѣшила продолжать свою пріятную прогулку. Она шагом углублялась в сырую чащу.

Ей вспоминалось недавнее прошлое: величественный Рим, тихій Фраскатти, сказочная Венеція, шумная Генуя и друзья, которых она оставила в Европѣ. Мысль Ирины задержалась на Соколовѣ: она себѣ представила до мельчайших подробностей всѣ четыре встрѣчи с ним.

К дѣйствительности ее вернула внезапная остановка лошади, уткнувшейся мордой в частыя заросли. Верхушки деревьев шумѣли; что то грозное чудилось в их рокотѣ. Повернувъ обратно, молодая женщина тщетно искала в хвойной глуши пропавшій слѣд. «Надо пробираться на юг, по направленію къ дому. Свѣтло, я не могу заблудиться.» Сперва, мѣстами, «Звѣзда» шла рысью, но вскорѣ все чаще стала переходить на шаг—попадались болота; лошадиныя копыта вязли в грузкой почвѣ. Огибая топь, Ирина теряла много времени. Высокіе стволы деревьев заслоняли небо; от корявыхъ вѣток страдали одежда и тѣло всадницы: вязаная кофта разорвалась, переломленное перо берета грустно свѣшивалось на плечи, лицо и руки были в царапинахъ. Ея компас — солнце, желтыми пятнами проникавшее сквозь лѣсной шатер, скрылось за облако. Погладивъ «Звѣзду» по вспотѣвшей шеѣ, она спокойно сказала: «Я заблудилась, выручай, найди путь к конюшнѣ.» Лошадь подняла морду и фыркнувъ остановилась; умное животное чутьемъ поняло требованіе своей хозяйки.

Сѣрая кобыла увѣренно, хотя и медленно, шла по взятому ея направленію. Довольно скоро Ирина очутилась на лѣсной прогалинѣ, впереди которой виднѣлся маленький дом. «Навѣрно, сторожка или изба для охотников. В крайнемъ случаѣ я могу здѣсь переночевать,» подумала она. С запада, востока и сѣвера лѣс обступилъ поляну, южная сторона которой заросла сплошнымъ кустарникомъ; черезъ эту заросль вилась тропа, но путь к ней былъ прегражденъ могучимъ дубомъ, вырваннымъ с корнемъ вьюгой; в своемъ паденіи дерево увлекло молодые побѣги, прятавшіеся подъ его широколиственной сѣнью от зимней непогоды и лѣтняго зноя. Растопыренныя вѣтви тѣснымъ покровомъ укутали дуплистый, в наростахъ, ствол, оставляя узкій пролаз надъ поверженнымъ на замлю древеснымъ великаномъ.

Солнце, снова показавшееся из-за облаковъ, весело освѣтило темную хвою елей, зелень кустовъ, лиственные деревья, с набухнувшими, сладко пахнущими, почками. Но несмотря на ясную погоду, Иринѣ вторично сдѣлалось не по себѣ. «Эта тропинка должна меня вывести на дорогу. Молодецъ, Звѣзда!» подумала она и, потрепавъ лошадь по гривѣ, сказала: «Спасибо, вѣрный другъ.» Когда всадница подѣхала къ избѣ, то дверь шумно распахнулась и на порогѣ показался коренастый мужчина. «Навѣрное лѣсничій,» рѣшила она. «Я спрошу его, далеко

ли я от «Старого дома». Но взглянувшись в приближавшагося к ней оборванца, Ирина испугалась. В этом загорѣлом лицѣ она увидѣла слѣды застарѣлых пороков; во взглядѣ, горѣвшем недобрым огнем, в толстых губах, скривленных гадкой усмѣшкой и в обезьянних, протягивающихся к ней руках, юная наѣздница прочла гнусное намѣреніе. Не только каждая женщина, но и всякій мужчина предпочли бы не встрѣчаться в пустынном мѣстѣ с таким человѣком. Мозг Ирины молниеносно работал в теченіе нѣскольких секунд: «Лѣс плотной стѣной с трех сторон окружает лужайку; в нем пѣшему легче передвигаться чѣм конному; остается единственный выход из опаснаго положенія — перескочить через поваленный бурей дуб.» Бродяга был в нѣскольких шагах от нея и приходилось торопиться, с принятым ею рѣшеніем. Всадница перекрестилась и, нервно вонзив шпоры в бока кобылы, направила ее на грозно возвышавшійся природный барьер. Горячая лошадь, не привыкшая к суровому обращенію, сдѣлала почти вертикальный прыжок; надломленный, торчавшій над пролазом сук, зацѣпил голову молодой женщины; проскакавъ нѣсколько саженой, животное остановилась.

Не было болѣе управлявшей руки; повод свѣшивался с холки на землю—сѣдло опустѣло. Звѣзда шагом пошла обратно и, тревожно заржав, остановилась над тѣлом своей хозяйки. Но мужчина, грубо потянув лошадь за повод, спугнул ее. Кобыла взвилась на дыбы и, мигом освободившись от дерзкой руки, хрипя, помчалась по тропе. Бродяга, смачно выругавшись, наклонился над потерявшей сознаніе всадницей и, цинично ухмыляясь, сказал: «теплая, живая». Обшарив карманы своей жертвы, вор, к своей досадѣ, денег не нашел; зато он снял с ея руки золотые часы, с пальцев — кольца и с берета — брошку. Спрятавъ краденныя драгоценности в кожаный мѣшочек, за пазуху, мужчина поднялъ молодую женщину и, обходя дуб, понес ее в дом.

Ея обморокъ был глубокій; это обстоятельство злило негодяя и беспокоило. «Еще подохнет, подозрѣніе падет на меня.» В единственной комнатѣ, гдѣ она лежала, были нары, стояли стол, шкаф, комод и умывальник. Видно было, что мужчина воспользовался посудой и провизіей, лежавшей на полках, так-как на полу валялись пустыя банки, невымытыя тарелка, чашка, ложка и вилка наполняли грязную раковину умывальника.

Осторожность и самосохранение взяли верх над похотью и жестокостью: браконьер взвалил на спину ягдташ с дичью и перекинул за плечо ружье. Выходя крадучись из дома, он торопливо исчез в лесной чаще.

Андрей нетерпеливо смотрел в окно столовой, где все собрались завтракать. «Она опаздывает, не будем дольше ее ждать,» сказал он княгиня. В этот самый момент раздался отчетливо лошадиный топот и послышалось ржание. В быстро промелькнувшем животном, он признал сѣрую кобылу и, не желая тревожить бабушку, скрыл от нея, что лошадь была без всадницы. «Извините, княгиня, я пойду встретить Ирину. Прошу без нас начинать завтракать...»

Ларош нашел жену в безчувственном состоянии. Окровавленное лицо молодой женщины выглядело застывшей маской. „Ее сшибло вѣткой, ей сдѣлалось дурно и она зашла в дом полежать,“ было его первое мнѣние. Он немедленно послал сопровождавшего его конюха за автомобилем. Устроив из одѣял носилки, Андрей с помощью лесничаго, участвовавшего с ним в поисках Ирины, вынес ее из дому и понес к дорогѣ, проходившей недалеко от мѣста, гдѣ случилось с нею несчастье. Несмотря на свое наружное хладнокровіе, Ларош был испуган в первый раз в жизни. Он всегда рассчитывал лишь на свои силы: умственные, нравственные и тѣлесныя. Теперь Андрей видѣл, что даже сильный человек не в состоянии предотвратить уроки судьбы; он понял, как непрочно человеческое счастье. И вѣра в себя, впервые, поколебалась в нем.

Ирина очнулась, когда ее везли в автомобилѣ; чьи-то руки бережно ее охватили и крѣпко держали; голова и спина у нея болѣли; в ушах шумѣл пчелиный рой и во всем туловищѣ ощущалась неимоверная усталость.

Молодая женщина подняла посинѣвшія вѣки и встрѣтилась взглядом с мужем; его сѣрые глаза сверкали, как сталь и пронизывали, как остріе. Усталая мысль скользила в ея умѣ. „Я нахожусь в надежных руках. Как теперь спокойно.“ И, слившись взором с Андреем, она почувствовала, как поблѣднѣл в ея памяти ужасный образ, запечатлѣвшійся в извилинах ея мозга. В изнеможении жена опустила опухшія вѣки и задремала. Ея осмысленный взгляд и ровное дыханіе успокоили мужа, и вздох облегченія вырвался из его груди.

Послѣ ухода доктора, опредѣливаго у больной сотрясеніе мозга и легкое поврежденіе спины, Ларош был вызван из комнаты жены старым охотником, еще слу-

жившим его отцу, который сообщил, что напал на слѣд браконьера, укравшаго драгоцѣнности Ирины. Былъ уже вечер, но Андрей рѣшил не откладывать облавы на вора. Он дал себѣ обѣщаніе не щадить того, который был виновником ея несчастья, хотя и знал, что с нею ничего непоправимаго не случилось во время обморока.

Ларош вернулся к женѣ утром; небритый, неопрятный, с покраснѣвшими от напряженія и безсонной ночи глазами, он выглядѣлъ лишним посѣтителем нарядной, голубой спальни и казался чуждым ея хозяйкѣ. Она лежала с примочкой на лбу; ея похудѣвшее лицо было в лиловых подтеках, и голубоватые белки налились кровью. Андрей наклонился над нею; он поднялъ ея безжизненную руку и надѣлъ на пальцы кольца. Ирина молчала и тихая улыбка скользила по ея блѣдным губам; но нѣкоторое время спустя, она спросила мужа: „Успокоили-ли вы бабушку?“ — „Да,“ глухо отвѣтил он. — „Пожалуйста, позовите няню,“ закрывая глаза, прошептала больная.

Г Л А В А Х Х .

Р У С С К І Й .

При дорогѣ, поблизости от «Старого дома», отдыхал пѣшеход; возлѣ него лежал мѣшок на ремнях, только что снятый им со спины; в руках он держал тяжелую палку с металлическим остріем на концѣ; на нем были надѣты военного покроя непромокаемое пальто и высокіе кожаные сапоги, забрызганные грязью. Молодое лицо вспотѣло; замѣтно было, что юноша шел издалека и утомился от долгой ходьбы. Правая рука пѣшехода машинально чертила по сырой землѣ палкою непонятные знаки, обозначавшіе русскіе буквы и составлявшіе для него завѣтное имя любимой дѣвушки. Ему слышался ея голос; представлялись каріе глаза и ласково-веселая улыбка. Он сознавал, что влюбился в нее с перваго взгляда, и чувствовал, что никогда ее не забудет. Его цѣльная натура, не знавшая ни расчета, ни мелочности была проста и глубока. Юноша не мог любить поверхностно. Это безкорыстное сердце согрѣвалось безхитростной вѣрой в Бога. По своему смиренію, он считал себя недостойным просить руки княжны, но мечтал при встрѣчѣ с ней, сказать о своей любви и назвать себя ея преданным другом и покорным слугою. «Она сказочная царевна. Ея довѣріе и расположеніе сдѣлают меня счаст-

ливым,» думал юноша, вѣрно угадывая, что чистое чувство не могло оскорбить ея чуткую душу. Все его существо было полно чарующим образом, закрывавшим доступ другим увлеченіям. Как будто пальцы дѣвушки наложили невидимую печать на его слух, уста и очи. Молодой человекъ еще недавно работал на лѣсопилкѣ; теперь он был свободен и искалъ мѣсто наѣздника или конюха, так-какъ был знатоком лошадей. Юноша рѣшил попытать счастья у богатаго землевладѣльца Лароша, имѣющаго, по его свѣдѣніям, большую конюшню. И теперь, сидя на пнѣ, пѣшеход сокрушался о том, что его старанья отыскать мѣстонахождение Ирины Невской были безуспѣшны. «Рано или поздно, но я найду ее,» сказал он, вставая и взваливая на плечи свой мѣшок.

Характер юноши сложился под вліяніемъ матери, среды и обстановки, часто мѣнявшейся за послѣдніе годы. Прослѣдим же направленіе его мыслей, обращенныхъ назад, пока он шел къ «Старому Дому». Он принадлежал къ небогатой, военной семьѣ и лишился отца во время Русско-Японской войны. Мать замѣняла ему и близких и друзей. Она учила сына въ дѣтствѣ грамотѣ и развивала в нем религіозность, а также музыкальный вкус. 10-ти лѣтъ он был принятъ въ Кіевскій кадетскій корпус, но числился в нем приходящимъ и жилъ съ матерью. За его тихій нравъ и синіе глаза товарищи прозвали отрока «красной дѣвицей», но въ этомъ прозвищѣ не было злой насмѣшки, лишь — добродушное подшучиваніе.

Мальчика стыдили непристойныя выраженія и неприличныя картинки, хранившіяся у нѣкоторыхъ кадетовъ въ партахъ. Он также не любилъ анекдоты, въ которыхъ духовенство выставлялось въ смѣшномъ видѣ. Вѣру свою подростокъ бережно хранилъ отъ легкомысленныхъ и пустыхъ; он открывалъ свои думы лишь немногимъ сверстникамъ, ходившимъ на него своимъ нравственнымъ обликомъ. Въ этотъ періодъ жизни его увлекали романы Сенкевича, Дюма, Вальтера Скотта, Загоскина, а также легенды и былины. Русскіе витязи и рыцари «Круглаго Стола» были для мальчика идеаломъ мужчины. Он мечталъ стать богатыремъ душой и тѣломъ, и выбралъ военную карьеру не только въ память отца и дѣда, но и по личному влеченію. Его убѣжденіе, что офицеръ императорскихъ войскъ стоялъ ближе къ земному совершенству, чѣмъ человекъ, взявшій иное поприще, — не могло не казаться страннымъ, но въ его сужденіи была нѣкоторая доля правды, ибо честное служеніе Родинѣ въ рядахъ арміи,—требовало не одну лишь

храбрость, но и отречение от многих мірских благ. Окончив корпус, юноша поступил в Елизаветградское военное училище, так-как готовился выйти в кавалерію. Разлука сына с матерью была не малым горем для обоих. Он покинул на 2 года Кіев. Они ежедневно писали друг-другу; эти письма-дневники отсылались по назначенію раз в недѣлю, обыкновенно по пятницам. Их мір заключался в них самих. Для матери переписка с сыном была жизнью и он, зная это, никогда не пропускал дня, чтобы мысленно не побесѣдовать с нею. В пожилых женщинах он старался видѣть матерей, в молодых — сестер; но уваженіе к ним не мѣшало ему засматриваться на незнакомыя красивыя лица. В их чертах и выраженіи юноша искал образ, созданный его пылким воображеніем, под влияніем книг, прочитанных им еще в отрочествѣ. Вначалѣ юнкера Елизаветградскаго училища сердились на него, называя плохим товарищем, когда он отказывался посѣщать блудилища, но, привыкнув к его «странностям» и прозвав «монахом», они перестали зазывать его в увеселительные дома. В училищѣ юношу всѣ цѣнили; многіе любили и никто не относился враждебно. У начальства он был на отличном счету, так как числился лучшим наѣздником, первым стрѣлком и ловким гимнастом. К большому огорченію юнкера, по молодости лѣтъ, он не успѣлъ попасть на войну, и был произведен в офицеры, лишь послѣ отреченія Государя, лѣтом 17-таго года. Производство — счастливое событіе в жизни молодых людей, избравших военное поприще, прошло для него незамѣтно; в тот знаменательный день он думал о Царской Семьѣ, сосланной в заключеніе в далекую Сибирь. Кривляніе, поза и выкрики Керенскаго, возглавлявшаго «Временное Правительство», ему представлялись плохой игрой провинціального актера; и какой прыгавшей, дергавшейся маріонеткой казался ему всесильный «диктатор», по сравненію с кротким величіем заточеннаго Царя. «Нѣтъ смысла служить в арміи. Приказ номер 1,*) ее разложил. Уйду в отставку, при первой возможности,» еще тогда рѣшил юноша. Быстро развивающіяся событія жестоком вихрем налетѣли на его родину. Прятавшихся офицеров искали, бѣжавших — ловили; всѣх, не желавших служить большевикам, которые вскорѣ захватили власть у Времннаго Правительства, предавали мучитель-

*) Весной, во время Великой Войны в 1917 году. Врем. Прав. издало приказ № 1, уничтожавшій дисциплину в русских войсках.—Зам. автора.

ной смерти. Сын укрылся с матерью на хуторѣ отставного солдата, малоросса, бывшего денщика покойнаго отца.

Глаза юноши не замѣчали живописной мѣстности, через которую он шагал: одна картина за другой блѣдно или ярко вставала в его памяти. Вдруг юноша остановился и сказал вслух: «У меня предчувствіе, что я когда-нибудь повстрѣчаюсь со «Страшными Глазами!» От этой мысли, дрожь пробѣжала по его спинѣ. «Я страшусь этой встрѣчи; эта встрѣча будет роковая.» Он перенесся, мысленно, в холодную, грязную тюрьму: брезжил разсвѣтъ; ему хотѣлось вымыться, поѣсть и выпаться; кругом него лежали на полу, сидѣли на скамьях, арестованные, принадлежавшіе ко всѣм сословіям, но преимущественно к духовенству, военной интеллигенціи и мѣстной аристократіи; изможденные люди, с сѣрыми лицами и впалыми глазами, сверкавшими рѣшимостью или ненавистью, а иногда уже излучавшими потусторонній свѣтъ, представлялись ему ожившими мертвецами... Юноша видѣл себя прислонившимся к сырой стѣнѣ и дремлющим стоя: непріятное ощущеніе электрическаго тока, прошедшаго через него сверху донизу, заставило его очнуться и открыть глаза; он встрѣтился взглядом с человѣком, прижавшимся к нему почти вплотную; глаза незнакомца находились в нѣскольких вершках от лица заключеннаго. Эти глаза в глубоких орбитах горѣли черным огнем: они связывали мысль, управляли намѣреніями, сковывали волю. Но наибольшій вред, ими причиняемый, заключался в том, что их взгляд в душѣ человѣка уничтожал любовь, радость и вселял ненависть, отчаяніе. Этот неморгающий взгляд отгонял молитву и внушал богохульство. Липкій пот выступил на лбу юноши и не испытанный доселѣ ужас, как саван покойника, охватил все его существо... И теперь не хотѣлось ему вспоминать то, что было самое тяжелое в его короткой жизни, но не мог он совладать со своими думами, которыя упорно возвращались к «Страшным Глазам». Юноша снова переживал свой допрос в Кіевѣ: ощущеніе, что он летит в темную пропасть, становилось все сильнѣй; тяжелая голова плохо соображала, язык заплетался и, казалось, принадлежал иному человѣку; но настойчивая мысль будила это душевное оцѣпененіе, эта мысль крѣпла и дѣлалась понятной его омраченной душѣ: «В тяжелыя минуты молись! От нечистой силы сохраняет молитва Честному Кресту: Да воскреснет Бог, и расточатся врази его, и да бѣжат от лица Его ненавидящіе Его. Яко

исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бѣсы от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным знаменіем и в веселіи глаголющих: радуйся пречестной и животворящій Кресте Господень, прогоняя бѣсы силою на Тебѣ распятаго Господа нашего Іисуса Христа, во ад шедшаго и поправшаго силу диаволѣю и даровавшаго нам Тебѣ, Крест Свой Честный, на прогнаніе всякаго супостата. О пречестной животворящій Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею, Дѣвою Богородицею и со всѣми святыми во вѣки. Аминь.»

По мѣрѣ того, какъ юноша повторял про себя, с дѣтства заученную молитву, взгляд «Страшных Глаз» слабѣл; он определенно чувствовал, что душа его освобождается от злого вліянія и, как птица, порвавшая путы ловца, высоко парит над землею... Тогда, в это жуткое время, его спасла от разстрѣла болѣзнь. Много дней, между жизнью и смертью, пролежал он в сыпном тифу в тюремной больницѣ, гдѣ доктором оказался знакомый его матери. Сострадательный врач записал юношу в список умерших; санитары подкупили; для этого матери пришлось продать кольцо, подарок жениха. Поправившись, юноша пробрался на юг, гдѣ тайно составлялись отряды «Бѣлой Арміи.» С этих пор, для него начался трудный, но героическій період жизни. При защитѣ Крыма, он был ранен в руку и лишился одного пальца. В Константинополѣ, куда эвакуировалась «Бѣлая Армія,» сын встрѣтился с матерью. В то время на сердцѣ у них лежала печаль: разбитыя чаянія, тоска по родинѣ, заботы о кускѣ хлѣба, жалость к несчастным бѣженцам-соотечественникам.

Г Л А В А ХХІ.

ВСТРѢЧА ИРИНЫ С ВАНЕЙ.

«Ваша жена очень нервна и ее что-то беспокоит. Такое состояніе замедляет выздоровленіе,» говорил доктор Ларошу, стоя с ним в кабинетѣ. «Постарайтесь выѣхать у нея, что ее тревожит и успокойте».

Андрей сидѣлъ возлѣ постели Ирины и с состраданіем смотрѣлъ на ея лицо: лиловые круги вокруг глаз посинѣли и потемнѣли, вспухшая царапина, красной нитью, пересѣкала бѣлый лоб. «Помните ли вы, что произошло с вами в лѣсу?» спокойно спросил он молодую женщину. «У меня все перемѣшалось в головѣ. Единственно, что я запомнила ясно, это поляну с цвѣтами и березами, которую я выбрала для постройки церкви. Это мѣсто находится неподалеку от озера, если ѣхать по прямой до-

рогѣ, которая теряется в лѣсу.» — «Если хотите, я вам расскажу, что с вами случилось.» — «Пожалуйста,» ея взгляд был тревожный и голос нерѣшительный. Любовь подсказала ему что—необходимо было скрыть и что—измѣнить. Муж взял руку жены. — «Вы заблудились в лѣсу и очутились около охотничьяго дома номер 4.» В ея глазах он прочел боязнь и напряженное вниманіе. Ларош продолжал, не торопясь: «Браконьер, находящійся там, обезпокоенный вашим появленіем, намѣревался скрыться незамѣтно в лѣсу, но убѣдившись, что вы были однѣ, рѣшил украсть лошадь. Вы испугались и заставили кобылу перепрыгнуть через дерево, загораживавшее тропу к большой дорогѣ. Вы лихая наѣздница, безусловно. Ошибка была со стороны лошади, которая сдѣлала слишком высокій скачок».

— «Виноваты мои шпоры. Звѣзда горячая. Если бы я была спокойнѣе, то прыжок был бы ниже и точнѣе,» сказала Ирина, опуская глаза

— «Вас сшибла с сѣдла вѣтка и, падая, вы ушибли спину о ствол дуба. Браконьер ограбил вас и убѣжал. Умная лошадь прискакала домой. Ее тоже испугал бродяга.» — «И это — все? Слава Богу!» — воскликнула Ирина. И добавила, вопросительно посмотрѣвъ на мужа: «Откуда вы все это знаете?» — «Мы, как настоящіе сыщики, осмотрѣли слѣды и опредѣленно возстановили картину,» усмѣхнулся он. — «Меня мучило отвратительное лицо браконьера; оно даже меня преслѣдовало вслѣдѣ. Теперь я перестану о нем думать.» Выраженіе ея глаз посвѣтлѣло; радостно вздохнув, молодая женщина замѣтила: «В кошмарах вы были тѣсно перепутаны с ним: иногда браконьер дѣлался вами, но чаще— вы принимали его вид.» — «Этого я не ожидал от вас,» цѣлуя ея руку, пошутил Андрей. Она с ласковой усмѣшкою взглянула на него.

Ирина не напрягала болѣе свой мозг, чтобы возстановить порядок отрывчивых воспоминаній, относившихся к ея злополучной верховой ѣздѣ. Она не была в состояніи заполнить пробѣлы своей памяти и довольствовалась рассказом Андрея.

Молодая женщина также не понимала многое, что дѣлала и думала до поѣздки. Ларош не догадывался, что болѣзнь жены могла имѣть для него самого чреватяя послѣдствія, так-как не знал о позабытом Ириною рѣшеніи, его касавшемся. Однажды, когда она лежала на кушеткѣ, чувствуя себя значительно крѣпче, ибо боли, головокруженіе и рвота прошли, Ларош вошел к ней и

сказал: «Я взял наѣздником одного русскаго. Я обыкновенно не ошибаюсь в людях.» — «Как его фамилія и кто он?» с интересом спросила Ирина. «Иван Соколов, был офицером в Россіи.» У ней забилося шибко сердце и она воскликнула: «Я его знаю! Помните, я вам говорила, что познакомилась с одними моими соотечественниками в Генуѣ? Их звали Гарашвили и Соколов.»

— «Я очень рад, что сдѣлал вам удовольствіе,» отвѣтил Андрей, при видѣ ея довольнаго лица. — «Но, может быть, этот человек — однофамилец моего знакомаго. Пожалуйста, опишите мнѣ его наружность,» попросила жена. — «Свѣтлые волосы, синіе глаза, хорошо сложен,» кратко пояснил он. — «Никакого сомнѣнія. Это Ваня,» подумала она и тепло стало у нея на сердцѣ. Муж вопросительно посмотрѣл на молодую женщину. — «Да, это — он,» тихо согласилась она.

Легкій стук копыт заставил Ирину посмотрѣть в сад: по главной аллеѣ шла Звѣзда. Когда лошадь приблизилась, она узнала во всадникѣ Соколова. «Я не могу болѣе откладывать с ним встрѣчи,» рѣшила молодая женщина и позвала: «Иван Иванович! Здравствуйте.» Юноша рысью подѣхал к ступеням террасы, на которой она сидѣла, и соскочил на землю.

— «Как я счастлив видѣть вас поправившейся! Вы нас всѣх ужасно напугали!» — воскликнул он, снимая шляпу и кланяясь. Ирина встала и подошла к нему с протянутой рукой. Их глаза встрѣтились; они оба смутились: он — от бѣшено бьющагося сердца, она — от сознания, что наступило время с ним объясниться. «У вас все еще болѣзненный вид, Ирина Васильевна,» с участіем замѣтил Соколов, обратив вниманіе на пожелтѣвшіе бѣлки глаз, блѣдность лица и похудѣвшую руку молодой женщины.

— „Я подурнѣла,“ с сожалѣніем подумала она и вслух сказала: „Я еще немного слаба, но надѣюсь скоро опять начать верховую ѣзду. Я соскучилась по Звѣздѣ.“ Глядя лошадь по шелковистой холеной шерсти и трогая указательным пальцем сѣровато-розовую кожу у ея ноздрей, Ирина шептала ей нѣжныя слова. — „Хорошая кобыла. Превосходно выѣзжена,“ похвалил он Звѣзду. „Я люблю ее проѣзжать. Только в Россіи мнѣ приходилось видѣть таких лошадей.“ В его голосе звучало воодушевленіе. „По вашему лицу видно, что вы довольны. Я надѣюсь, что работа у вас неустойчивая,“ улыбнулась она. — „Спасибо, Ирина Васильевна. Лучше не могло бы быть для меня. Лошадей я люблю и знаю.

Служить вам — большое счастье.“ — „Заходите ко мнѣ пожалуйста, мнѣ хотѣлось бы с вами поговорить.“ — „Слушаюсь. Отведу Звѣзду в конюшню и сразу к вам вернусь,“ с оживлением и нескрываемой радостью отвѣтил Соколов.

— „Когда мы с вами познакомились в Генуѣ, я уже была замужем,“ говорила Ирина, сидѣвшему в ея уютной гостиной, Соколову. Она на него не смотрѣла; ея пальцы перелистывали лежавшую на колѣнях книгу. „Я боялась, что вы меня осудите за брак с иностранцем.“ — „Ирина Васильевна, вы счастливы; мнѣ ничего больше не нужно,“ тихо, краснѣя, сказал Ваня.

— „Я ввела вас в заблужденіе и прошу прощенія.“ Молодая женщина взглянула на него с волненіем. Ей так хотѣлось, чтобы он похвалил ее и не был бы строг в своем сужденіи о ней; но Соколов молчал. В его глазах она прочла боль, обожаніе и ласку. — „Вы не были приспособлены к бѣженскому существованію: весь уклад вашей прежней жизни не мог подготовить вас к нему. В вас нѣтъ ни выносливости, ни житейского опыта, необходимых для преодоленія трудностей, с которыми постоянно приходится бороться эмигрантам,“ с усиленіем отвѣтил он, послѣ томительнаго молчанія. — „Вы меня считаете избалованной, ни на что трудное не способной!“ с огорченіем воскликнула молодая женщина.

— „Что вы, Ирина Васильевна! Я лишь объясняю, почему не вижу вас в иной обстановкѣ. Обидѣть я вас не хотѣл,“ с безпокойством отвѣтил юноша. — „Бабушка, брат и няня были у меня на руках,“ чуть слышно сказала она, сама не понимая, почему ей захотѣлось заплакать. „Это мои нервы; я сама на себя не похожа. До несчастья ничего подобнаго со мной не бывало,“ подумала Ирина. — „Княгиня была ко мнѣ исключительно добра. Я познакомился с вашим братом и нянею. Ваша бабушка выразила желаніе, чтобы я их навѣщал. Я был очень тронут вниманіем княгини. Я начинаю себя чувствовать совсѣм дома — здѣсь.“ Соколов говорил, слѣдя глазами за выраженіем ея лица. „У нея неспокойно на душѣ; послѣдствіе болѣзни: маленькое нервное расстройство,“ рѣшил он.

Ирина безмолствовала. «Я мечтал о встрѣчѣ с вами, чтобы вам сказать, что во мнѣ вы имѣете преданнаго друга, покорнаго слугу. Я посвятил мою жизнь матери и вам,» высказал Ваня то, что было у него на сердцѣ. — «Благодарю вас от всей души,» прошептала она, с тру-

дом сдерживая слезы. С доброй улыбкой он пошутил: «Вы моя королева; я—ваш рыцарь... Гиневра и Ланселот».

Началась постройка церкви и дома для священника. Ирина просила Андрея назначить Соколова надзирателем над рабочими. Ваня проводил весь день в лѣсу. Стояла чудная пора. Он работал дровосѣком, каменщиком, плотником и маляром. На душѣ у него было отрадно: «рыцарь служил своей королевѣ.»

Ирина ежедневно осматривала воздвигавшіяся постройки. Иногда Ларош ее сопровождал. Хотя муж и находил, что жена хорошо выглядит, но соглашался с доктором, который рекомендовал молодой женщинѣ длительное путешествие. Но она и слышать не хотѣла об отѣздѣ, несмотря на то, что послѣднее время страдала бессонницей и головной болью.

В первых числах іюня пришло приглашеніе от маркиза провести лѣто с ним в Астуріи. Он писал, что замок стоит в горах, гдѣ ночи постоянно свѣжія, и имѣет великолѣпный вид из своих окон. Альда упоминал, что его сестра, которой брат много рассказывал про Ирину и Андрея, хотѣла бы с ними встрѣтиться. Он ручался головою „мало стоящей для других, но цѣнной для него самого,“ что его друзьям не будет скучно в «Орлином гнѣздѣ.» Ларош, тотчас же рѣшил ѣхать с женой в Испанію, когда получил письмо Альфонсо; он не замедлил попросить бабушку уговорить внуку не протестовать против его намѣренія. Молодой женичинѣ пришлось согласиться, хотя ей не хотѣлось оставлять «Старый Дом.» То, что творилось с ней, было еще настолько неясно, что она не умѣла опрѣделить состояніе своей души. Одно лишь выявлялось опредѣленно: взгляд на свои отношенія с мужем. То, что раньше вызывало жалость, теперь — ее раздражало; то, что выглядѣло прежде необходимостью, стало, послѣ болѣзни, невозможностью. И, хотя Ирина не была малодушной, все же она отказывалась задумываться над своей судьбой, ибо сознавала, что выход из непріятнаго положенія должен был сдѣлать ее несчастной. «Послѣдствія сотрясенія мозга,» успокаивала молодая женщина сама себя, если удивлялась происшедшей перемѣнѣ в своем чувствѣ к Андрею. «Я не в силах сейчас принести жертву!» Это открытіе ее мучило, и безпокойная мысль иногда сверлила мозг. «А вдруг — старыя отношенія с мужем не возобновятся».

Ларош замѣчал нервность жены, когда ей приходилось оставаться с ним одной. И не мог он не пожалѣть

что ея простыя полудѣтскія ласки замѣнились сдержанной привѣтливостью, а беззаботность в рѣчах уступила мѣсто—душевной напряженности. Андрей так же, как и Ирина, видѣл в измѣненіи ея настроенія одну лишь сторону, объясняемую чисто физическим недомоганіем. Он торопил жену с отѣздом, лаская себя надеждою, что там, в пустынных горах Астуріи, они будут счастливы. «Мнѣ станут способствовать красота природы, возвращеніе к ней здоровья, ея впечатлительность,» думал Ларош.

„И заботы о княгинѣ, хлопоты о церкви не будут отвлекать Ирину от меня.“ И пока муж готовился к путешествію, жена не пропускала дня, чтобы не сѣздить верхом в лѣс посмотреть на подвигавшіяся работы. На закатѣ дня, когда для Соколова кончались трудовые часы, она встрѣчала его с вопросом: „Как дѣла? Что новаго?“ И прыгивая с лошади на землю, молодая женщина улыбалась открыто.

Освѣщенные золотисто-красными, косыми лучами, они садились на ѣдко-пахнувшія бревна и сердечно бесѣдовали. В Ванѣ Ирина замѣчала то же пониманіе Россіи и ту же любовь к родинѣ, которыми она восхищалась в Ольгѣ; обоими выставлялось одно и то же средство для служенія на чужбинѣ своей отчизнѣ, но Ольга не порицала тѣх, которые жили мелкими повседневными интересами; Соколов же, напротив, строго осуждал теплохладность и бездѣйствіе. — «Чтобы не быть «без вины виноватыми» перед Родиной, всѣ русскіе без исключенія должны за границей продолжать нравственную борьбу с большевиками. Наш долг перед Россіей — хранить добрые завѣты отцов, духовно закалять себя, приготавливаясь вернуться на Родину, когда будет на то Божья воля. Бѣгство наше от красных оправдывается трудовой жизнью здѣсь на пользу временно оставленнаго нами Отечества. Наша задача возстановить все то, что уничтожается большевизмом: религію, семью, нравственность, патріотизм. Главным образом, обращать наше вниманіе на первое: будут церкви — образуется и все остальное,» говорил он с жаром.

— «Ищите же прежде Царства Божія и правды Его и это все приложится вам,» с воодушевленіем вторила ему Ирина евангельскими словами. Пылкія рѣчи Вани глубоко западали в ея душу. Молодой женщинѣ становилось неловко за роскошь, ее окружавшую, и стыдно за то, что живя исключительно для своей семьи, она отмежеввалась от остальных соотечественников.

Наканунѣ своего отъѣзда за границу, Ирина поѣхала проститься с Соколовым. Юноша показался ей печальным. «Ему грустно, потому что он долгое время меня не увидит,» подумала она и сказала: «надѣюсь, в мое отсутствіе вы будете часто навѣщать бабушку. Она без меня станет скучать. Пожалуйста, постарайтесь ее развлечь, а также проѣзжайте Звѣзду.»

— «Будьте покойны, Ирина Васильевна. Счастливый путь.» — «Пишите, мне интересно будет знать, как подвигается постройка. К 1 сентября ждите нас обратно. Я совсѣм не стремлюсь всѣх вас оставить, но муж считает, что мое здоровье требует полной перемѣны.»

Молодая женщина говорила с легкой усмѣшкой в ласковых глазах. Юноша не удержался и с волненіем отвѣтил: «Вы так добры; без ваших посѣщеній будет тоскливо.» — «Могу ли я вас звать по имени?» спросила она, слегка отворачиваясь от него и немного краснѣя. — «Очень буду рад. Я не смѣл сам вас об этом просить.» — „В-а-н-я,“ это слово прозвучало нѣжно и мягко, „у меня созрѣвает грандіозный план, который, только с вашим сотрудничеством, осуществим. Мы его обсудим послѣ моего возвращенія из Испаніи.“ Ирина протянула ему руку и сказала с чувством: „Всего хорошаго! До свиданія!“ Он поцѣловал ей руку*). И в этот раз его горячія губы вызвали в ней особое ощущеніе: сердце сладко замирало, и теплота, из него исходившая, окрашивала щеки и освѣщала глаза молодой женщины. Когда она садилась на лошадь, Ваня подставил свое колѣно и, придержав лѣвое стремя, тихо проговорил: „Храни вас Бог. наших бесѣд мнѣ будет не хватать.“ Ирина, весело улыбнувшись, с нѣжной насмѣшливостью сказала: „От меня трудно отвыкнуть, как от плохой привычки, вродѣ — куренія, вина, опиума.“ — „Что вы это, Ирина Васильевна? Как можно дѣлать такое сравненіе!“ воскликнул он серьезно.

— „Сознайтесь, что я дѣйствую на вас опьяняюще, как спирт и одуряюще, как наркотики и что, даже во снѣ, я вас преслѣдую кошмарами,“ дразнила Соколова развеселившаяся молодая женщина, у которой явилось желаніе шутить и говорить глупости. — „Вы все поворачиваете сегодня на шутку,“ отвѣтил улыбавшійся юноша. „К моему сожалѣнію, в сновидѣніях вы меня не по-

*) В дореволюціонной Россіи в обществѣ дамам полагалось цѣловать руку. Зам. автора.

сѣщаете; я сплю, как убитый, а если и вижу чтонибудь, то до того глупое, что лучше и не вспоминать.“ — „Напримѣр?“ — спросила она с серьезным лицом, хотя в глазах сверкал шалоаливый огонек. „Я внимательно слушаю вас.“

— „Этой ночью мнѣ приснилось, что меня впрягли в тачку и заставили возить груз для строящейся церкви; отец Михаил был за кучера и пребольно хлестал меня кнутом по голому тѣлу. Тяжесть телѣжки все увеличивалась и даже разгрузка кирпичей, которыми она наполнялась невидимыми руками, нисколько не облегчала мой труд. Я начал жаловаться священнику, но он мнѣ строго отвѣчал: „Терпи! 10 лѣтъ будешь строить храм Божій.“ Я собирался возмутиться, разорвать постромки, чтобы освободиться от непосильной работы, когда услышал ваш голос: „Ваня! Я иду вам помочь; вмѣстѣ справимся.“

Я похолодѣл от ужаса, вспомнив, что наг, и умоляюще вам крикнул: „Подождите, я сперва одѣнусь!“ Я искал одежду среди камней, досок и деревьев, но то, что находил, мнѣ не годилось. Как будто кто то издѣвался надо мной, подсовывая мнѣ под руку ненужныя вещи: юбку, кружевой чепец с розовыми лентами, голубую кофту, шелковые чулки. Я мечтал, под конец моих мученій, лишь о полотенцѣ или купальном костюмѣ, но против моего желанія на мое тѣло ползли разные предметы женскаго одѣянія. Я был в отчаяніи и, к счастью, проснулся.“ Ирина хохотала, с трудом стараясь вымолвить: „А я... все же... права. Это был... кошмар. И виновницей... ваших тягостных душевных переживаній... была, всетаки, я.“ Ея веселіе было заразительно; и Соколов непринужденно разсмѣялся.

Г Л А В А XXII.

И С П А Н І Я .

Они ѣхали в автомобилѣ, останавливаясь для ночевки в старинных городках, нравившихся им своим видом. В одном живописном мѣстечкѣ, Андрей повел Ирину посмотреть испанскіе танцы.

Они сидѣли в саду; душистая ночь, освѣщенная ярким мѣсяцем, напомнила ей Италію; и вспомнились Ольга, Луиджи и еще многое такое, что заставило ея сердце сильнѣе биться. «Как жаль, что их нѣтъ здѣсь,» подумал

мала она. «Было бы с кѣм шутить и по душѣ поговорить». На помостках перед ними, плясала с кастаньетами жгучая красавица. Столько нѣги и страсти было в ея движеніях и взглядах, что лишь влюбленный в другую женщину мог взирать без вожделѣнія на блестящую танцовщицу. Ирина, любуясь легкостью и граціей испанки, замѣтила мужу: «Хотѣла бы я умѣть так танцевать.» Его лицо казалось блѣдной маской и свѣтлые глаза, сверкавшие из темных орбит, стѣсняли своим пронизывающим взором. — «За такое публичное выступленіе муж вправѣ жестоко наказать жену, Приличныя жены так не танцуют.» — «Что в этом сквернаго?» с удивленіем спросила она. — «Взгляните на мужчин. Они выглядят дикими звѣрями, готовыми растерзать друг-друга из за этой красавицы.» Ирина посмотрѣла вокруг себя и подумала: «Кажется он прав.» Вслух она договорила: «Неужели нѣкоторыя женщины обладают такой властью?»

— «Вы должны были бы это знать. Развѣ у вас мало поклонников? Их было бы еще больше, если бы вы были кокетливы.» И послѣ краткаго молчанія, Андрей добавил насмѣшливо: «*The beauty and the beast*»*) — «Ваше сравненіе неудачно,» замѣтила жена и отвернулась от мужа. «В каждом человѣкѣ сидит хищное животное: в одном—трусливое, в другом—смѣлое, в третьем — лукавое,» продолжал он. «Это животное иногда дремлет, но всегда остается кровожадным и блудливым.» Шутя Ларош закончил: «Я подразумѣваю лишь мужской пол. У женщин оно ручное или домашнее.»

— «Какой-же звѣрь во мнѣ прячется? Корова, собака, кошка или свинья?» — *You are fishing for compliments,***) отвѣтил ей англійской поговоркой. — „Я надѣюсь, что во мнѣ вы замѣтили сходство с лошадыю,“ тихо разсмѣявшись, проговорила Ирина. — „Вы напоминаете мнѣ „une biche effrayée“,***)

— „Спасибо за комплимент,“ улыбнулась она и спросила: „Какое же животное живет в вас?“ „Я усыпил, ради вас, хищнаго звѣря,“ был его отвѣт. Сухая усмѣшка растянула рот Андрея.

Они подѣзжали вечером к цѣли своих странствованій; на скалѣ, освѣщенный вечерней зарею, высился из

*) «Красавица и звѣрь», выраженіе это взято из сказки. (Зам. автора).

**) «Выуживать комплименты».

***) «Испуганная лань».

свѣтлаго камня замок. За ним темнѣли лохматые ели, между ними сквозили горные уступы и ущелья. „Орлиное Гнѣздо,“ прошептала Ирина; величіе открывшейся перед ними картины захватывало дух. Андрей прочел в ее глазах воодушевление и сказал: — „Мы хорошо сдѣлали, что сюда приѣхали.“

— „Замѣчательное мѣсто!“ воскликнула она, не отрываясь глазами от замка. „Маркиз ужасно милый.“ — „Не влюбитесь в него. Мнѣ не хотѣлось бы вызывать на дуэль гостепріимнаго хозяина,“ пошутил муж. — „Он не любит по-настоящему природу,“ подумала молодая женщина. „Когда ею любуешься, тогда хочешь молчать и молиться.“

Ночью Ирина стояла с маркизом на террасѣ. „У меня кружится голова, когда я смотрю вниз. Под нашими ногами страшная бездна,“ сказала она. — „Вы скоро привыкнете к высотѣ,“ отвѣтил хозяин. „За то время, что мы не видѣлись, вы еще болѣе похорошѣли, хотя я считал это уже невозможным.“ Молодая женщина застѣнчиво улыбалась. „Нравится ли вам суровая Канада?“ — „Да, но Европа для меня лучшая часть земного шара.“ — „И — единственная, в моих глазах,“ согласился Альда. Появилась луна и облила потоком свѣта замок, горы, отбѣняя мрачныя разсѣлины и провалы, придавая всему загадочный, полный тайны, вид. — „Сказка!“ вырвалось у ней одобреніе. — „В такія ночи мнѣ чудится спускъ подъемнаго моста, удары о камни конских копыт, звон лат, мечей, шелест длинных платьев, нѣжные страстные вздохи и лязг цѣпей, томившихся в подземельи узников,“ пошутил он,

— „Очень поэтично,“ легкая улыбка приподняла углы ее рта. — „Меня вдохновляет муза,“ низко кланяясь, сказал Альфонсо. — „Сколько секретов хранит ваш замок! Интересно было бы узнать исторію людей, живших когда-то в нем,“ с оживленіем замѣтила она. — „Я записал все, что удалось мнѣ собрать из жизни предков, владѣтелей „Орлинаго Гнѣзда“. Если вам это доставит удовольствіе, то я расскажу кое-что из далекаго прошлаго. В нашей галлерее висят их портреты; вы, лично, можете „познакомиться“ с моими пращурами и прабабками.“

Альда повел своих гостей через длинные коридоры, лѣстницы, залы, в отведенные им покои и, когда остановился перед ними, то Ирина совершенно запуталась и не могла опредѣлить в какой части замка находились ее комнаты. — „Я побоялась бы одна в темнотѣ вернуться

в гостиную. Мнѣ чудится, что здѣсь параллельно идут двѣ жизни: наша — днем и привидѣній — ночью," сказала Ирина. — „Вы нервны," — замѣтил Андрей, „и у вас развита фантазія."

— „У меня такое же чувство, как и у вас," отвѣтил Ирине Альфонсо: „Но мои шуты, пажи, рыцари и прекрасныя дамы не тревожат людей, хотя нѣкоторые и являются в сновидѣніях. Один такой случай Вас заинтересует," — „Пожалуйста, расскажите нам, не откладывая до другого дня," попросила молодая женщина. — „Не пора ли вам спать? Вы устали," проговорил Ларош. — „Нѣтъ, нѣтъ! Я высплусь утром," объявила она мужу.

— „Много лѣтъ тому назад," начал маркиз, „у сестры гостила подруга, которой мы отвели комнату, находящуюся в одной из башенъ. Эта дама не была ни нервной, ни впечатлительной, в чем обвиняет вас супруг, и ея разсказу можно вполне вѣрить. По словам нашей знакомой, три ночи сряду она видѣла во снѣ грустную женщину, в богатом старинном нарядѣ, тоскливо смотрящую из окна на вьющуюся далеко, внизу дорогу. До ея слуха ясно доносились вздохи и сдержанный плач ночной поспѣтительницы. По одеждѣ этого привидѣнія я опредѣлил эпоху и начал рыться в старых архивах, описывающих то столѣтіе, в котором должно было оно жить на землѣ. И то, что я открыл в семейных бумагах, дало мнѣ возможность проникнуть в тайну этого умершаго существа. Оказалось, что одна из дочерей моего предка, жившаго 500 лѣтъ тому назад, была заточена в башню за неповиновеніе отцовской волѣ; ее насильно выдавали замуж за нелюбимаго человѣка. Хотя срок свадьбы быстро приближался, но заточенная невѣста до послѣдняго дня не теряла надежды, что молодой рыцарь, котораго она любила, освободит свою возлюбленную и увезет с собой далеко от ненавистнаго жениха и суроваго отца. Наступила ночь перед свадьбой, ея избранник не появлялся; когда утренняя заря слабо освѣтила замок, она сознала, что участь ея рѣшена неоповоротно и выбросилась из окна на каменные плиты двора." Моя сестра стала усердно молиться о несчастной самоубійцѣ и послѣдняя никогда больше не появлялась в „Орлином Гнѣздѣ."

— „Как грустно," проронила молодая женщина, „но очень интересно. Вы хорошій рассказчик."

Спальня со сводами, узкими длинными окнами, пробитыми в массивной каменной стѣнѣ, толщиной в нѣсколько футов, напоминала скорѣе залу, чѣм жилую

комнату. Двухспальная кровать на колоннах, под бархатным балдахином и с тяжелым пологом не понравились Иринѣ.

— „Будет душно и страшно в ней спать,“ подумала она и, скрыв свое настроеніе, сказала Андрею: „надѣюсь, что ваша комната рядом.“ Широко отворив дверь, ведущую в будуар, он отвѣтил ей равнодушно: — „Стулья, столы, кресла и другая мебель, но постели не видно. Я забыл предупредить Альда, что нам нужны отдѣльныя спальни.“

— „Значит, мы принуждены эту ночь спать вмѣстѣ?!“ с беспокойством воскликнула молодая женщина.

— „Это исключительно от вас зависит,“ спокойно замѣтил муж. — „Мы не привыкли; будем мѣшать друг другу.“ — „Вы меня беспокоить не можете, если не храпите во снѣ,“ сказал он с веселой усмѣшкой в глазах. — „Конечно нѣтъ,“ — нервно возразила она. — „В таком случаѣ, в чем же затрудненіе? Я сплю крѣпко и спокойно,“ улыбнулся Андрей.

Блуждавшій по комнатѣ взор жены, избѣгал останавливаться на мужѣ. „Мы думаем о том, о чем не говорим,“ мелькнула в ея мозгу тревожная мысль. Она опиралась об одну из четырех колонн средневѣковаго ложа и молчала: а он, всунув руки в карманы, разставив ноги, прислонился к стѣнѣ и зорко слѣдил за мѣнявшимся выраженіем ея лица.

— „Сознайтесь,“ продолжал Ларош, „что вы все еще меня боитесь и принимаете за пещернаго жителя каменнаго вѣка.“

— „Какія глупости,“ опуская голову, краснѣя, и с трудом вымолвила Ирина. И с досадой она воскликнула: „Мнѣ просто скучно! Вы издѣваетесь надо мною!“ — „Вы еле стоите на ногах. Не капризничайте. Забудьте обо мнѣ. Ложитесь спать. Я выйду на балкон покурить, пока вы будете раздѣваться,“ отвѣтил он неторопливо и без всякой ироніи; слова его звучали рѣшимостью.

Молодая женщина машинально вымылась, одѣла ночную сорочку, заплела косу; ея сердце учащенно билось и ей хотѣлось плакать. С удовольствіем выместила бы жена на мужѣ свое возмущеніе и страх, но дѣвичій стыд не допускалъ ее сознаться Андрею, что она угадала его думы и -- боится.

Ларош курил и, хотя его взор охватывал отроги Кантабрійских гор, он не замѣчал ни их величія, ни их красоты в эту звѣздную ночь.

«Завтра Ирина мнѣ простит. Она добрая... Обѣщаніе, данное женщиной, в глазах мужчины не должно имѣть значенія.»

Андрей отвернул полог постели, под балдахинном стало свѣтло; Ирина безмятежно спала и что-то веселое снилось ей; от потаеннаго смѣха улыбались горделивыя губы и вздрагивали длинныя рѣсницы. У молодой женщины утомленіе взяло верх над опасеніями.

Проснувшись поздней обыкновеннаго, Ирина была удивлена не найти мужа в кровати. Ея постель была смята лишь с одной стороны. — „Он со мной не спал. Неужели лег на пол? Бѣдный! Вчера я сразу заснула. Я его напрасно заподозрила в нечестности. Андрей благороден,“ виновато подумала она.

Спустившись на террасу, молодая женщина застала мужа и хозяев. — „Как вы спали на новом мѣстѣ?“ — спрашивался у нея маркиз.

— „Отлично,“ отвѣтила она; лицо ея освѣтилось сияющимъ глазами и улыбкою. „Как здѣсь чудно,“ вдыхая глубоко горный воздух, продолжала Ирина. — „Днем мы собираемся сдѣлать верхомъ большую прогулку. Нам хотѣлось бы показать вамъ ущелье и развалины разбойничьяго гнѣзда,“ сказала Тереза, пятидесятилѣтняя сестра Альда. — „Теперь пойдемъ играть в теннис,“ предложилъ Альфонсо.

Ларош игралъ с Терезой, а Ирина с Альда. Брат и сестра играли хорошо; Андрей былъ непобѣдимъ во время сервировки, а молодая женщина отличалась быстротою и ловкостью. Состязаніе было упорное, интересное и окончилось бы розыгрышемъ, если бы Ларош, найдя слабую сторону в игрѣ жены, не воспользовался своимъ открытіемъ. Ирина плохо отдавала мячи, посылаемые Андреемъ под лѣвую руку и, как ни старалась, побѣда осталась за донной Терезой и Ларошемъ,

Молодая женщина переодѣвалась в спальнѣ в костюмъ для верховой ѣзды, когда Андрей вошелъ в ея будуаръ. Черезъ открытую между комнатами дверь, она сказала ему шутливо: — „Сегодня утромъ я обязана исключительно вамъ за мое пораженіе. Я не знала за вами неслосную черту—пользоваться недостатками ближняго.“ — „Эта черта характера проявляется лишь в случаяхъ малой важности,“ отвѣтилъ онъ, останавливаясь на порогѣ двери.

„Ночью вы были испуганы,“ продолжалъ мужъ, „ваше воображеніе разыгралось; вы населили замокъ приви-

дѣньями, чертями и предпочли бы купить себѣ дорогою цѣною спокойствіе, чѣм остаться одной ночевать под старинным балдахином этой мрачной комнаты.“ Натягивая на ногу сапог, Ирина густо покраснѣла и молчала. „Но я не воспользовался вашей слабостью и доказал вам — обратное.“

— «Гдѣ вы спали?» нерѣшительно спросила она, надѣвая серебряныя шпоры. — «На полу, как вѣрный пес, охраняя свою госпожу.» Почувствовав, что муж наслаждается ея смущеніем, жена вспылила: — «Вы забываете, что мнѣ двѣнадцать лѣтъ и говорите со мной, как с ребенком!» — «Я не отрицаю, что вы взрослая, но утверждаю, что ведете себя, как неразвитая дѣвушка,» в его голосѣ, впервые, послышалось раздраженіе и глаза сверкнули остро.

— «Я поняла ваш намек,» бросила она в сердцах. И задыхаясь от волненія, молодая женщина прошептала: «Хотите ли услышать правду?» Андрей смѣрил ее насмѣшливым взглядом и, сдерживая свое возмущеніе отвѣтил: «*Volenti non fit injuria.*» — «Я вас не поняла.» — «Кто добровольно избрал тернистый путь, не в правѣ считать себя обиженным судьбою,» произвольно перевел он латинскую поговорку. Жена, сдвинув брови, соображала. — «Я не жалуюсь, но...» Муж ее перебил: — «Эта пословица относится к нам обоим.» Его лицо оставалось неподвижным и одни глаза говорили о состояніи души. И их выраженіе неприятно дѣйствовало на Ирину.

— «Это замѣчаніе не мѣшает мнѣ выразиться опредѣленно: ваши медвѣжьи объятія мнѣ были бы противны!» Голос ея дрогнул и взгляд заблестѣлъ гнѣвом. Она была на границѣ слез. От слов Ирины Андрей поблѣднѣлъ, и его пальцы со стуком вцѣпились в косяк двери. — «*Vulnerant omnes ultima necat.*»*) не сразу и глухо отвѣтил он. Их первая ссора за 8 мѣсяцев супружеской жизни.

Они ѣхали гуськом по извилистой, каменистой тропѣ, постепенно поднимавшейся к горному ущелью. Мрачное и сырое оно вело к разоренному жилищу грабителей, лежащему в глубокой долиноѣ. Поровнявшись с маркизом, Ирина сказала: «Знаете ли вы что нибудь жуткое об этих мѣстах?»

— «Одна из моих исторій, которую я собираюсь рассказать вечером, связана тѣсно с разбойниками. Ге-

*) Латинская надпись, часто встрѣчающаяся в Европѣ на старинных церквях. Это выраженіе относится к времени: часы ранят сердце челоуѣка, а послѣдній из них его убивает. (Зам. автора).

роиня повѣсти — моя пра-прабабушка.» — «Я боюсь темноты в вашем домѣ, но несмотря на свою трусость, с нетерпѣніем ожидаю слышать ваш рассказ.»

— «С Ларошем ничего не должно вас пугать,» улыбнулся он. — „Мы никогда не спим вмѣстѣ,“ краснѣя отвѣтила она. „Пожалуйста, поставьте в мой будуар для него походную кровать. Андрей любит спать на твердом. Там ему не будет хуже, чѣм в спальнѣ.“ Альфонсо с особым интересом на нее посмотрѣлъ и сказал: — „Позвольте другу, на 23 года вас старшему, быть откровенным.“ Молодая женщина слегка наклонила голову в знак согласія. „Давным давно жила одна Кастильская королева, весьма строгая к мужу. Недовольство им выражалось ею очень просто: королевское ложе, к ножкам котораго были, по ея приказанію, придѣланы колесики, укатывалось из опочивальни. Наказаніе для короля было чувствительно, ибо он был влюблен в строптивую красавицу.“

Ирина взглянула на него исподлобья и тихо сказала: — „Мы соблюдаем условія брака. Будущее укажет, если я поступила опрометчиво. Последнее время у меня сомнѣнія; я боюсь, что сдѣлала непоправимую ошибку.“ Альда с участіем на нее посмотрѣлъ; выраженіе его глаз было серьезно. „Я вам вѣрю. У меня чувство, что я давно, давно вас знаю, что вы — мой старый друг,“ продолжала она. Ея улыбка и лучистый взгляд проникали в душу холостяка. „Я вам расскажу про нашу свадьбу.“ — „Вы меня тронули своим довѣріем. Ваше личное счастье вы принесли в жертву семьѣ,“ с нескрываемым волненіем сказал он, когда Ирина замолкла. — „Вы меня, как будто жалѣете,“ прошептала она. — „Пока — нѣтъ,“ коротко отвѣтил Альфонсо. — „Развѣ я поступила неразумно?“ с безпокойством спросила молодая женщина.

— „Для вас такой брак рискован.“ — „Пожалуйста, объяснитесь,“ застѣнчиво попросила она.

— „Любовь для вас — есть сочетаніе физическаго с душевным; первое без втораго вы не признаете.“ „Да,“ еле слышно согласилась Ирина и добавила быстро: „Я хочу влюбиться в Андрея. И не могу.“ Ея тревожное лицо было повернуто к нему. Она как будто ожидала от него совѣта.

— „Менѣ цѣломудренная женщина и болѣе опытная, не была бы в затруднительном положеніи, как вы; она вознаграждала бы себя мимолетными увлеченіями, не рискуя и не теряя голову. Но вы не способны обманывать или поверхностно увлекаться и, когда полюбите,

то все, кромѣ чести, принесете в жертву своему горячему чувству. Быть вами любимым — рѣдкое счастье.» — «Что-же мнѣ дѣлать?» — печально спросила молодая женщина. — «Пока еще не поздно — стать матерью; дѣти — связывающее звено между мужем и женой... Обыкновенная участь наших бабушек.»

— «Почему вы меня торопите?» — «Я думаю, что вы скоро можете заинтересоваться кѣм-нибудь другим и тогда ничего вас не заставит измѣнить свое отношеніе к Ларошу,» пояснил ей Альда.

— «Это должно бы ужасно, если бы я влюбилась не в моего мужа!» воскликнула она. — «Рано или поздно это должно случиться.» — «Развѣ любовь неизбѣжна?» — растеряно спросила Ирина. — «Конечно,» ласково отвѣтил он, «если ничто не измѣнится между вами.» Она молчала, ея глаза не замѣчали живописный вид, открывавшійся из ущелья на долину, замкнутую кольцом гор, а уши не внимали шуму водопада, бурно сбѣгавшему с отвѣсных скалистых стѣн.

«Для вашей пользы, я должен быть грубым, жестоким,» сказал маркиз, не отнимая от нея своего взгляда. „Платоническая любовь сдѣлает из вашего мужа неврагостенника: он бросит вас или перестанет себя сдерживать; а если станет вас ревновать, то без всякаго сомнѣнія замучает угрозами.“ — „Но вы сами, вѣдь не смѣли бы согрѣшить с сестрой! Для меня Андрей — брат, дядя!“ уже с отчаяніем возразила молодая женщина. Даже находчивый Альфонсо не сразу нашелся, что отвѣтить ей. — „Гм... гм...,“ пробурчал он и его губы сложились в неопредѣленную усмѣшку. „До чего только не додумаются юныя дѣвушки? Кровосмѣшеніе сравнивать с супружеской любовью,“ промелькнуло в его головѣ. При видѣ его недоумѣнія и в душѣ согласившись с ним, что сказала глупость, Ирина нервно разсмѣялась и прошептала сконфуженно: „Простите, я говорю чепуху.“

Они обернулись на оклик Андрея, догнавшего их с донной Терезой. Женѣ не вполне удалось скрыть от мужа свое волненіе. И чтобы помочь ей в этом, Альда, укаывая хлыстом на разрушенное зданіе, сказал Ларошу: „Там жил легендарный мавр со своей разбойничьей шайкой;“

Лучи заходящаго солнца обливали кровью, осыпали золотом, когда-то грозное жилище разбойников. Появленіе всадников у замка было встрѣчено одними лишь тревожными криками птиц и летучих мышей, нашедших убѣжищѣ в расцѣлинах развалин. Молодой женщинѣ прихо-

дили на ум мысли о кровавых преступлениях, задуманных здѣсь, для пріобрѣтенія богатства. — „Кровь и золото,“ сказала она. — „Страсть, коварство и романтика,“ добавил Альфонсо, взглянув на нее. Его глаза засвѣтились нѣжностью, смѣшанной с восхищеніем. Он был тонкій цѣнитель женской красоты, и Ирина ему сильно нравилась. Но в его чувствѣ к ней, было тоже и уваженіе, которое рѣдко шевелилось в груди холостяка, так как красивыя женщины, по большей части, представлялись ему прекрасной игрушкою, увлекательной забавой.

Обратно молодая женщина ѣхала присмирѣвшей, ей даже становилось грустно. В ея душу запали слова маркиза и пугали своим правдоподобіем.

— „Пожалуй, Луиджи мнѣ болѣе подошел бы... Средств у стараго графа хватило бы на всю нашу семью. Влюбиться в Луиджи мнѣ было бы легче, чѣм в Андрея... Ольга давно не писала... Она и Ваня была бы отличная пара... Жаль, что я не могу их познакомить... Лучше мучиться, чѣм огорчать бабушку... Мнѣ придется на что-нибудь рѣшиться, если столкновенія с Андреем будут повторяться... Разойтись с мужем, или наладить нашу с ним жизнь? Могла ли я предположить, что ему станет не-в моготу?! Прежде он всегда выглядѣл довольным.“

Озабоченный вид Ирины не утаился от Лароша и Альда: первый старался прочесть ея думы; второй, зная их, сочувствовал молодой женщинѣ.

Она сидѣла перед зеркалом и пудрилась, когда в комнату вошел Андрей. Он выглядѣл сосредоточенным. Ирина, не оборачиваясь, проговорила негромко: „Простите мнѣ мою рѣзкость.“

Она чувствовала сильную неловкость. „Я сегодня погорячилась и сказала вам многое лишнее.“ — „Я виноват отчасти, потому-что дразнил вас... Вы — вспыльчивая. Впредь я буду осторожнѣе,“ отвѣтил он ровным голосом, хотя в душѣ его было смятеніе. Мысленно он добавил: „Звѣрь пробуждается,“ и ѣдкая усмѣшка заиграла на его губах.

— „Он не обидѣлся на меня,“ подумала молодая женщина и, вставая со словами — „Я готова, время обѣдать,“ взяла мужа под руку.

Г Л А В А XXII.

РОМАНТИЧНАЯ ПОВѢСТЬ МАРКИЗА

Они стояли у картины златокудрой красавицы: „Она героиня моей первой исторіи,“ пояснял маркиз, „и жила в ХУІ вѣкѣ.“

— „Какое красивое, милое лицо! Я не думала, что среди коренных испанцев встрѣчаются люди со свѣтлыми волосами и глазами,“ сказала Ирина, внимательно вглядываясь в изображеніе прелестной женщины.—„Сѣвер Испаніи населен потомками бѣлокурых визиготов, но на югѣ опредѣленно сказывается кровь мавров,“ отвѣтил Альда.

„Мой предок,“ начал Альфонсо свое повѣствованіе, „взял себѣ в жены дѣвушку знатнаго рода, извѣстную на всю Астурію своей красотой, за которую многіе безуспѣшно сватались. Среди искателей ея руки был рыцарь-разбойник. Но сердце Изабеллы лежало к Альда: несчастливые ея поклонники — всѣ, за исключеніем властелина шайки грабителей, покорились своей неудачѣ. И один лишь грозный соперник, рѣшилсѣ на похищеніе чужой невѣсты. Слухи о его намѣреніи дошли до ея семьи. Отец, из-за предосторожности, держал до самой свадьбы свою дочь взаперти и само вѣнчаніе происходило в домовой церкви, при закрытых дверях; на свадьбѣ присутствовали только родственники и друзья. В „Орлиное Гнѣздо“ молодой муж повез жену под сильной охраной и там не оставлял ее одну в теченіе всего медоваго мѣсяца. Охота была главным развлеченіем наших прадѣдов. И когда тесть устроил в своих владѣніях облаву на кабанов, тогда Педро не вытерпѣл и, запретив женѣ выходить за садовую ограду замка, ускакал на охоту. О рыцарѣ-разбойникѣ давно ничего не было слышно; грабежи прекратились. Многіе были того мнѣнія, что он покинул их край, удостовѣриться в этом никто не осмѣливался, так как расправа разбойников с любопытными коротка и быстра.

Ночью, когда Изабелла спала, к ней прискакал слуга ея отца с извѣстіем о несчастіи, якобы случившемся

на охотѣ с Педро. Наскоро одѣвшись, она поѣхала верхом в сопровожденіи небольшой охраны в отцовскій замокъ. В ея воображеніи муж представляется, то умирающим на ея руках, то выздоравливающим, благодаря ея неусыпным ласкам. Она была ужасно перепугана и дорога ея не интересовала. И потому молодая женщина не сразу замѣтила, что ѣдет по неизвѣстному ей пути.

„Мы ошиблись направлением,“ останавливая своего мула сказала она слугам. Один из них молча завязал ей глаза.

„Куда меня ведут?“ спросила красавица, дрожащим голосом.—„К нашему хозяину,“ был лаконическій отвѣтъ. Изабелла не сомнѣвалась, что попала к разбойникам и от страха потеряла сознание. Когда обморокъ кончился, она уже находилась в замкѣ рыцаря-разбойника, развалины котораго мы с вами вчера посѣтили. Возлѣ нея сидѣла старуха и стоял столик с вином и сладостями. Комната, в которой лежала плѣнница, была роскошно убрана в мавританском стилѣ. Изабелла отказалась от питья и ѣды, предлагаемых ей женщиной, но спросила: „Гдѣ я нахожусь?“ вмѣсто прямого отвѣта та сказала: „Я позову господина.“

Ослабѣвшая от горя, с больно бьющимся сердцем, ожидала она страшное появленіе челоуѣка-гориллы, каким представляла себѣ рыцаря-разбойника. Когда раздались его шаги, Изабелла в ужасѣ зажмурилась... Но почувствовав, что кто-то смотрит на нее, она помимо своей воли, открыла глаза. И то, что увидѣла молодая женщина, до того не соотвѣтствовало ея ожиданію, что она не удержалась, чтобы не прошептать: „Слава Богу.“ Над нею склонился красавец-мавр, в лицѣ котораго не было ничего отталкивающаго или преступнаго. Он прочел в ея кротком взорѣ мимолетное удивленіе и, не без самодовольной усмѣшки, сказал низким голосом: „Ты ожидала видѣть чудовище. Мѣстное населеніе меня иначе не представляет. Непослушных дѣтей матери пугают моим именем.“ — „Зачѣм ты меня опозорил?“ с упреком спросила Изабелла. — „Я сватался к твоему отцу и, получив отказ, намѣревался украсть тебя у твоих родителей, но тебя берегли, мнѣ не удалось исполнить задуманное, хотя я и знал через довѣренных мнѣ лиц о малѣйших подробностях твоего существованія. Сегодня представилась возможность тебя похитить. Я не хочу тебя опозорить, но прошу стать моей женой.

— „Я повѣнчана с другим и люблю мужа болѣе

своей жизни!“ воскликнула она. — „Я все принесу тебѣ в жертву и заставлю забыть его. Мы поселимся в Италиі или во Франціи; я богат; что ни пожелаешь, сдѣлаю для тебя. Ты будешь считаться моей женою, носить знатное имя. Род мой древній, я происхожу от послѣдняго султана Гренады, Баоблила.“ — „Если любишь, то отпусти.“ — „Ни за что! Даю тебѣ 3 дня подумать. Я велю все приготовить к нашему отѣзду. Если станешь упорствовать, то в этих горах будешь моей плѣнницей до тѣх пор, пока не одумаешься. Одно лишь королевское войско могло бы тебя освободить. Единственный ход в мою долину лежит через длинное, узкое ущелье, его стерегут мои вѣрные слуги. Я знаю все, что говорится и предпринимается здѣшними рыцарями, от их же людей, находящихся у меня на службѣ.“

— „Ты подкупил и наших слуг!“ с огорченіем сказала бѣдная женщина.

Прекрасная узница попрежнему отказывалась от пищи, она слабѣла от истощенія и большую часть дня проводила лежа, смотря безучастными глазами на верхушки гор, тѣсным полукругом обступивших замок. Полет орла останавливал ея вниманіе и тогда подавленность замѣнялась томительным желаніем на его крыльях улетѣть из плѣна. Она таяла на глазах мавра, почти не отходившаго от ея ложа. Ея отчаяніе на третій день перешло в безразличіе. Она перестала надѣяться и думала, что умирает. На четвертый день ея заточенія, мавръ ей сказал: — „Я отпускаю тебя к мужу.“ Она не вѣрила своим ушам. Ея лихорадочный взгляд старался освѣтить тайники его мрачной души. „Ты поражена. Я сам себѣ удивляюсь. Мнѣ опротивѣли жизнь, товарищи, этот замок; женщины надоѣли: разбой не кажутся любимой забавой. В тебѣ сочеталось небесное и земное. Я побѣжден! Ты не проявила ко мнѣ ни злобы, ни ненависти. Твои упреки и жалобы были кроткими.“ Она привстала на локоть и, тронутая его словами, со счастливой улыбкой, протянула ему руку. Цѣлуя ея пальцы, разбойник проговорил глухо: „Одно лишь условіе.“ Радостное выраженія ея лица уступило мѣсто тревожному. — „То, что ты думаешь, я от тебя не потребую.“ Краска стыда залила ея блѣдныя щеки. „Не смущайся. Я прошу тебя на прощаніе меня поцѣловать. Умирающему от жажды, не отказывают напиться воды, а голодному — в кускѣ хлѣба.“

Послѣднюю ночь заключенія, плѣнница провела наединѣ со своим похитителем. И чтобы сдѣлать ему

удовольствіе, она нарядилась в богатое одѣяніе арабскихъ женщинъ и согласилась ужинать с нимъ. До ея слуха заглушенно доносились звуки гитары, которые сливались в чудную мелодію, возбуждавшую нервы, волновавшую кровь. Онъ упросилъ Изабеллу выпить чарку сладкаго вина; осушивъ ее до дна она ощутила круженіе головы и сонливость. Плѣнница прислонилась головою къ мягкимъ подушкамъ; отяжелѣвшія вѣки, сами-собою, опустились на глаза. И начался сонъ. Ей грезилось, что она арабская принцесса и с нею находится мужъ, выглядѣвшій на этотъ разъ сказочнымъ царевичемъ. Изабелла узнала свою спальню, но взамѣнъ потолка над нею простиралось звѣздное небо. Глаза Педро блистали счастьемъ и голосъ его звучалъ то нѣгою, то страстью. Сливаясь с шопотомъ ночного міра, неслись горячія слова: „Моя синяя звѣзда.“ И когда губы Педро прикаснулись къ ея рту, она отвѣтила ему долгимъ поцѣлуемъ. Дальше Изабеллѣ снилось, что она летитъ ввысь, навстрѣчу небеснымъ свѣтиламъ, что ея тѣло воздушное и нѣтъ ему преграды.

Луч солнца, упавшій на голову узницы пробудилъ ее. Велико же было удивленіе Изабеллы, когда вмѣсто знакомой комнаты ея замка, она увидѣла мавританскую спальню разбойника и его, спящаго на леопардовой шкурѣ, небрежно брошенной на полъ. Довольная улыбка застыла на его губахъ. Молодая женщина вспомнила, что уже 4 дня плѣнница, и что сегодня будетъ отпущена на волю. Вокругъ нея слѣдовъ не оставалось от ихъ ночного пира: вмѣсто явствъ на столѣ стояли рукомыльникъ с кувшиномъ надушенной воды; кругомъ была тишина, и арабскій костюмъ не прикрывалъ юное тѣло красавицы. Изабелла мучительно напрягала свою память. — «Что же было тогда явью и что же сномъ? Надо безъ замедленія ѣхать домой.» Она умылась и одѣлась в свою амазонку. Давно легкій шумъ разбудилъ мавра, огненнымъ взоромъ онъ слѣдилъ за нею.

Звукъ словъ поразилъ Изабеллу своею неожиданностью. — «Я видѣлъ дивный сонъ. Скажи мнѣ, что грезилось тебѣ этой ночью?» Еле слышно, опустивъ голову, она отвѣтила разбойнику: — «Мужъ.» Злобно заблистали черные глаза, грозно сдвинулись длинныя брови, жестокая усмѣшка искривила красивый ротъ. Плѣнница поняла, что с этого дня жизнь Педро будетъ находиться в опасности; ноги ея подкосились и она упала бы, если бы онъ, очутившись однимъ прыжкомъ подлѣ нея, не поддержалъ молодую женщину. — «Я сдержу обѣщаніе и самъ отвезу тебя до границы твоихъ владѣній,» сказалъ мавръ мрачно.

С завязанными глазами, Изабелла сидѣла на сѣдлѣ с разбойником. Сзади, один из конюхов вел ея мула. Как в желѣзных тисках чувствовала себя моя прабабка в объятіях мавра. Вначалѣ они молчали, но когда приблизились к «Орлиному Гнѣзду», он заговорил: «Мы уже вблизи твоего дома и скоро ты будешь с мужем, если общаешься исполнить слѣдующее: продолжать тайно видѣться со мной.» — Она застонала от душевной боли. Он продолжал безжалостно настаивать на своем условіи. «Я буду за тобой слѣдить; о мѣстѣ и часѣ наших свиданій будет заблаговременно тебѣ сообщено.» Молодая женщина тихо, но горько заплакала.

«Твой отказ — смертный приговор для маркиза Альда.» Зная могущество разбойника, Изабелла не могла отказать; но подлость его предложенія возмутило кроткую душу и синіе глаза загорелись впервые гнѣвом. С ея лица сняли повязку; она зажмурилась от яркаго солнца. Их кавалькада стояла на холмѣ; внизу разстилалась плодородная долина, в концѣ которой на скалѣ возвышался неприступный замок. «Основательно построен,» замѣтил мавр, окинув орлиным взглядом открывшуюся с гор перед ним перспективу и, склонившись над своей плѣнницей, он спросил: «Согласна?» — «Да,» прерывающимся голосом, отвѣтила она своему мучителю и прошептала беззвучно: «Мой бѣдный Педро.» Разбойник слѣдил за удалявшейся Изабеллой до тѣх пор, пока она не вѣхала на подъемный мост замка.

Она рассказала Педро, что рыцарь-мавр отпустил ее, когда увидѣл, что плѣнница умирает от горя и истощенія. На его вопрос, хорошо ли разбойники с ней обращались, Изабелла отвѣтила утвердительно. Счастливый супруг повѣрил, что жена не скрывает от него ничего непоправимаго или грознаго для его спокойствія. Но Изабеллу мучило воспоминаніе о послѣдней ночи в замкѣ разбойника. И когда она сознавала, что будет матерью, ея безпокойству и смущенію не было границ. Днем и ночью возставал неразрѣшимый вопрос, на который молодая женщина никак не могла отвѣтить: — «Кто отец будущаго ребенка?» О страшном рыцарѣ шли толки, что он выпустил свою шайку и покинул Королевство. Когда наступил срок родить, Изабелла благополучно разрѣшилась от бремени. Младенец был крупный и здоровый. «На кого из нас он похож?» слабым голосом спросила она Педро, когда пришла в себя, послѣ трудных родов. — «У нашего сына твои глаза и волосы,» с гордостью отвѣтил он. Жена

мысленно возблагодарила Бога и успокоилась: ей надежды перешли в увѣренность, что ребенок мужа. Она считала, что мавританская кровь непременно сказала бы сразу на младенцѣ, если бы он был сыном ея похитителя. Но прошли мѣсяцы и смуглый цвѣтъ маленькаго Хуана начинал сильно тревожить мать.

Педро уѣхал на нѣсколько дней по неотлучным дѣлам; она, проводив его до моста, спустилась в сад, разбитый между скал; молодая женщина опустилась задумчиво на скамью, поставленную около бассейна, в которой плавали, играя на солнцѣ, золотыя рыбки. Она очнулась от дум, когда что-то, упавшее к ея ногам, звякнуло о каменные плиты садовой дорожки. С тяжелым предчувствіем Изабелла подняла сверток и вынула из него кусок бѣлаго мрамора, а также золотой нож арабской работы с, украшенной драгоценными камнями, рукояткою. — «Вызов и угроза,» стучали в мозгу страшныя слова, как желѣзный молот по наковальнѣ; и не трудно ей было распознать, что представлял из себя рисунок на камнѣ, начертанный смѣлой рукой. — «Я окружена его шпионами. Он все слышит и видит., Но я не могу измѣнять Педро и не исполню его требованіе».

Паническій страх перед разбойником побѣдила любовь к мужу. Она спрятала мрамор и нож в секретный ящик письменнаго стола и не поѣхала на свиданіе с мавром, назначенное ей в сосновой рощѣ у шумнаго водопада, поблизости от замка.

Второй раз, в теченіи мѣсяца, отлучился Альда; он не внял ея мольбам взять с собой, но, встревожившись слезами жены, обѣщал вернуться на слѣдующій день. Изабелла снова сидѣла у фонтана, любимаго мѣста в саду, когда шорох у запертой калитки, выходившей на двор, привлек ея вниманіе. Она подошла к желѣзной рѣшоткѣ и увидѣла за нею странствующую цыганку...

Маркиз прервал здѣсь свое повѣствованіе и, выпив стакан крѣпкаго вина, сказал: — «Кто из хорошеньких женщин, притом молодых, не любит гадать? Большую часть красавиц привлекает сам процесс гаданья, вѣрит ли она в его точность или нѣтъ. Но Изабеллѣ не из пустого любопытства захотѣлось приподнять завѣсу будущаго, ей необходимо было узнать, какое готовит мщеніе рыцарь-разбойник, и поэтому она впустила в сад цыганку. У этой женщины было суровое лицо, и твердый взгляд ея впавших глаз тяжело дѣйствовал на молодую женщину. Взяв ея руку, гадалка начала быстро шептать

«Тебя любят многие, но только два из них играют роль в твоей долгой жизни, первая часть которой связана с обоими, вторая же, исключительно, с одним из них. У тебя от каждого будут сыновья, но братья между собой всегда останутся чужими. Ты любишь первого, ненавидишь — второго. Но ты предназначена роком тому, которого страшишься, и сопротивление его страсти напрасно.»

Предсказание глубоко встревожило молодую женщину и, со дня гаданья, мавр овладѣл ея мыслями, особенно настойчивыми в ночную пору. Он являлся ей в сновидѣніях неумолимым и властвующим над ея душой и тѣлом. «Это — колдовство,» повторяла она себѣ, ежедневно и, в концѣ концов, объявила мужу, что собирается совершить паломничество к чудотворной статуѣ Мадонны, стоящей в одном древнем женском монастырѣ, расположенном в 50-ти килм. от «Орлинаго Гнѣзда».

Тѣм временем, пока Изабелла мучилась навязчивыми снами, виновник ея страданій продолжал прибѣгать к колдовству цыганки-ворожен, которую он посылал к красавицѣ гадать.»

В наш матеріалистическій двадцатый вѣкъ не вѣрят ни в силу молитвы, ни в пагубное вліяніе черной магіи, не допускают возможности существованія ни ангелов, ни демонов и отрицают даже Божіе Бытіе. Готовая почва предоставляется духу тьмы для сѣянія плевелов в сердцах человѣческих. «Нѣтъ ни добра, ни зла,» твердят ученые безумцы. «Наш Бог — лишь энергія, дающая всему начало.» В XVI столѣтіи человѣком не владѣл дух скептицизма и рационализма, вѣрнѣе — гордости и невѣрія, и Изабелла, естественно, избрала лучшее лѣкарство для излѣченія своей томившейся души,» пояснил Альда и добавил, обращаясь к Иринѣ: «Я отклонился от повѣсти, простите меня за болтовню.»

— «Вы замѣчательный рассказчик,» — с увлеченіем воскликнула молодая женщина, «слушая вас я забыла о времени и, вмѣстѣ с Изабеллой, переживала ея приключенія.» — «Ты видишь, Альфонсо, впредь тебѣ придется быть осторожнѣй,» весело усмѣхнулась донна Тереза. От ея слов, Ирина порозовѣла и, разсмѣявшись, отвѣтила:— «Если вы не устали, маркиз, то, пожалуйста продолжайте исторію. Я не засну, пока не узнаю ея окончаніе.» — «Изабелла — моя любимица из всѣх прабабушек. Ея жизнь самая интересная. Она много страдала и ее на-

прасно осуждали современники; мнѣ хотѣлось бы обѣ-
лечь ея свѣтлую память,» сказал Альда.

Во время разсказа Андрей изучал игру выразитель-
наго лица Ирины, угадывая по ней сокровенныя думы
своей жены. И то, что открывалось его сознанию, он мог
бы сравнить с бѣлизною перваго снѣга.

Маркиз продолжал разсказывать: «Итак, отказав-
шись, раз навсегда, ѣздить на свиданіе с мавром, Иза-
белла умолила мужа отпустить ее на богомолье, в выше
упомянутый монастырь. С многочисленной челядью, в
вмѣстительном возкѣ, отправилась она, послѣ недолгих
сборов, в недалній путь. Педро сопровождал ее до мо-
настырской ограды; он обѣщал в скором времени вер-
нуться за женою.

На молодую поломницу быстро, благотворно подѣй-
ствовали молитвенныя тишина монастыря и душевный
покой инокинь; ясность и спокойствіе вернулись к ней,
когда она исповѣдывалась в своих вольных и невольных
грѣхах священнику. Изабелла раздавала на церковной
наперти щедрой рукой милостыню нищим и калѣкам,
когда в толпѣ этих бѣдняков, ей померещилось лицо
рыцаря-разбойника. В глазах у нея потемнѣло и она
была принуждена присѣсть на ступени каменной лѣст-
ницы, мѣстами протертой ступнями людей, вѣками по-
сѣщавших это святое мѣсто. Изабелла не ошиблась,
это — был он. Мавр предстал перед нею, одѣтый в
рубище, с грязной повязкой на головѣ и с запачканным
сажей лицом. Но лохмотья и грязь не могли уничтожить
его красоту и он, попрежнему, хотя и в меньшей степе-
ни, обращал на себя вниманіе правильностью черт, ор-
линым взглядом, классической пропорціональностью мус-
кулистаго и гибкаго тѣла. Как умирающій в пустынѣ от
жажды, припадает жадно засохшими губами к источни-
ку, так и разбойник насыщался взором красотой Изабел-
лы, забыв в этот миг все остальное на свѣтѣ. Она была
чрезвычайно испугана его появленіем; мысли ея пута-
лись; невнятно доносились его негромкія слова: — «Ты
также безсердечна, как и прекрасна. Ты — обманщица.
Я жалѣю, что повѣрил тебѣ.» Стон молодой женщины
был ему отвѣтом и, не выдержав его взгляда, она за-
крыла лицо руками.

«Мнѣ представлялись случаи убить маркиза Альда;
память о тебѣ меня удерживала; я боялся твоего про-
клятія. Я не хотѣл, чтобы ты меня возненавидѣла.» Иза-
белла снова взглянула на мавра и он усмотрѣл в ея
глазах удивленіе и благодарность. «Я прозвал тебя с той

незабываемой ночи, «Синею звѣздой». От свѣта твоих глаз я умираю и возрождаюсь, падаю и возношусь.» Разбойник пытался ее увлечь своей пылкой рѣчью, но она, перестав его слушать, в душевном смятеніи, думала о своем 4-хдневном заключеніи. И снова, как тогда, звучали ласкою и страстью три слова: «моя синяя звѣзда».

Молодая женщина отвернулась от него: ея глаза наполнились слезами. — «Нѣтъ болѣе сомнѣнія. Это ужасно!» И потухла, теплившаяся в сердцѣ Изабеллы, надежда, что злосчастная ночь, проведенная ею у мавра, не таила от міра невольный грѣх женщины-ребенка.

— «Я освобожу тебя от обѣщанія, если ночью тыпустишь меня к себѣ.» Я знаю дом, гдѣ ты остановилась и видѣл окна твоей комнаты».

Жар и блеск его глаз ей становились не в моготу, она встала и, не отвѣчая ему, вошла в церковный притвор и, обмакнув пальцы в святой водѣ, перекрестилась.

Спустилась ночь на землю. Изабелла рѣшила не ложиться и сѣла у окна. Она не ощущала чар колдуньи и находила в себѣ силы бороться со страхом и отчаяніем. Мелькнула тѣнь, раздался шопот: — «Впусти. Терпѣніе мое кончается. Отвѣтственность за гибель твоего мужа падет на тебя.» — Их отдѣляла желѣзная рѣшетка. Черты его лица смутно вырисовывались на фонѣ стѣны, ея — были ярко освѣщены луною.

«Наш сын,» сказал он глухо, схватив ее за плечи. — «Мучитель, пощади! Разве тебѣ меня не жаль? Несчастіе, случившееся со мной, без моего вѣдома, не дает тебѣ права меня преслѣдовать.» В ея голосѣ звучали рыданія. — «Моя любовь безгранична и нѣтъ для нея преград! Ты говоришь о жалости, но сама безчувственна к моим страданьям! Болѣе года я тебя не видѣл и ты отказываешься для меня пожертвовать одною ночью!» — «Я никогда добровольно не буду твоей! Твое присутствіе мнѣ невыносимо! Оставь меня. Я тебя простила; неужели в тебѣ нѣтъ и капли состраданія?»

Эту ночь они провели у рѣшетки и только с разсвѣтом покинул он Изабеллу. Верхушки гор озарились первыми лучами, засверкал крест на монастырской церкви, раздался благовѣст. Молодая женщина лишь теперь могла лечь спать. И снилось ей все то, что говорил в эту долгую ночь рыцарь-разбойник: его счастливое дѣтство в Гренадѣ; бѣгство из отцовскаго дома из-за происков мачехи; скитаніе по чужеземным странам и возвращеніе на родину, гдѣ семья отказалась принять его. По словам

мавра, лишь с этого времени начинался преступный период его жизни. И, против воли, в ее сердце закрадывалась жалость и она начинала понимать его цѣльную и мрачную душу. Изабелла провела еще день в монастырѣ и не предчувствовала, что ее ожидало скоро новое тяжкое испытаніе. Вернувшись домой, она не нашла сына. Маленькій Хуан пропал безслѣдно вмѣстѣ со своей кормилицей. Всѣ поиски были напрасны, и безутѣшная мать серьезно заболѣла. Ей не давала покоя мысль, что она виновница страданій мужа, который тяжело переживал исчезновеніе первенца, и у ней хватило духа, рискуя разбить свое счастье, открыть ему всю правду.

«Она была замѣчательная женщина!» воскликнул маркиз, обрывая свою повѣсть на интересном мѣстѣ. — «Ей слѣдовало это сразу сдѣлать,» возразил Андрей. — «Не думаю; она не могла предвидѣть всѣ козни разбойника,» сказала донна Тереза. — «Порядочныя женщины не награждают мужа чужими дѣтьми,» отвѣтил Ларош. — «Если бы я была в ее положеніи, то поступила бы так же. Вы к Изабеллѣ несправедливы! Вы — женоненавистник!» упрекала мужа впечатлительная Ирина; ее большіе глаза искрились, как темныя звѣзды. — «Вы навѣрно устали. Не отложить ли до завтра?» спросил Альфонсо. Андрей молчал, но молодая женщина, умоляюще взглянула на Альда, который не замедлил исполнить ее нѣмую просьбу.

Педро, узнав, что Хуан—сын мавра, прекратил безуспѣшные поиски. Сгорая от ревности, руководимый желаніем мести, он поклялся разорить разбойничій замок. Ни слезы, ни мольбы Изабеллы не смогли заставить его отказаться от опаснаго предпріятія. Он собрал значительный отряд рыцарей и, поручив жену родителям, начал военныя дѣйствія против разбойников. Но не скоро рыцари напали на слѣд самого мавра и огыскали ущелье, ведущее в его долину. Проникнуть вглубь горнаго прохода им не удалось из-за разбойничьей заставы.

И рано наступившая зима, принудила рыцарей спуститься с гор на зимовье. Педро отложил нападеніе на мавра до весны. Когда метели прекратились, снѣг стоял, Альда со своим отрядом, вновь, стоял у горнаго ущелья. На этот раз заставы в нем не оказалось, и Педро смог проникнуть в долину и убѣдиться, что замок грознаго разбойника был пуст. Гулко раздавались шаги Альда по голым покоем; томимый ненавистью, напрасно искал он комнату, гдѣ два года тому назад, изнывала его жена.

Педро и Изабелла мечтали начать новую жизнь, оставив позади все тяжелое; и, хотя им и не удавалось забыть прошлое, они были счастливы. У них родился сын, которого отец назвал Альфонсом. Мальчик рос веселым, здоровым и радовал родителей, но Изабелла не могла разлюбить своего пропавшего старшего сына и, тайно от мужа, грустила по своему первенцу. О рыцарь-разбойникъ она боялась думать и отгоняла всякую мысль о нем. Со дня их свадьбы прошло 10 лѣтъ; ей стукнуло 26 лѣтъ, когда Педро поѣхал на войну с Императором Карлом V. Он не вернулся, так как был убит под Павией. Изабелла, горюя по мужѣ, провела год затворницей. Ея красота не увяла, и слава о ней влекла многих из дальних стран попытать свое счастье. Но ни один из искателей ея руки не мог похвалиться успѣхом.

Однажды, на второй год своего вдовства, мать сидѣла с сыном в саду, когда шум спускаемаго подъемнаго моста, и отчетливые удары лошадиных копыт о каменные плиты двора, обратили вниманіе маленькаго Альфонса. Мальчик, подбѣжав к желѣзной калиткѣ, за которой нѣкогда стояла цыганка, позвал мать: «Посмотри, какой великолѣпный конь и какіе красивые dospѣхи на рыцарѣ.» Она, прячась за душистыя гроздья глициній, густо покрывавшія стѣны замка, равнодушно взглянула на всадника. «Навѣрно свататься... Когда же меня оставят в покоѣ?» подумала молодая женщина. Прошло нѣсколько минут и ей доложили, что французскій рыцарь, граф д'Арганьяк просит принять его. Из чувства гостепріимства, она велѣла провести к ней в сад проѣзжаго иностранца. Француз, при видѣ Изабеллы, низко поклонился; когда он поднимал голову, она признала в нем рыцаря-мавра. Пораженная и встревоженная, она жестом руки пригласила его сѣсть и молчала. Он замѣтно постарѣл, в густых волосах серебрилась сѣдина, выступали глубокія линіи в углах рта и виднѣлись мелкія морщины вокруг глаз. «Разбойник подурнѣл,» рѣшила медленно Изабелла, она не могла не сознаться себѣ, что все же красивѣй его еще не встрѣчала мужчины. Ему тогда было за 40 лѣтъ... Прошли секунды, молодая женщина слышала бѣненіе своего сердца. Он не смотрѣл на нее и казался ей хладнокровным, даже безстрастным.

— «Жив ли мой сын?» — спросила она шопотом. Изабелла никогда не сомнѣвалась, что отец украл у нея маленькаго Хуана.

— «Да. Он со мной. Я приѣхал в Испанію по дѣлам и захватил его с собою, чтобы тебѣ показать старшаго сына.» — «Я буду тебѣ безконечно благодарна, если ты его ко мнѣ пришлешь.»

— «Ради тебя я не хотѣл бы мальчика сюда привозить. У него слишком большое сходство с матерью. Не трудно будет в нем признать твоего пропавшаго первенца. Что подумает молодой Альда? Вспомнят старое.»

— «Тогда,» с огорченіем сказала Изабелла, «я прошу тебя передать Хуану благословеніе матери.»

— «Не бойся меня; моя страсть к тебѣ за эти годы остыла. Вдали от тебя, при дворѣ Короля Французскаго, я вел веселую жизнь и во многом измѣнился,» отвѣтил д'Арганьяк не без насмѣшливой вѣжливости.

— «Я не страшусь любви, но — мести. Ты приносил мнѣ одни несчастья, и я не могу это забыть.» — «Хуан тебя ждет, но настаивать я не буду; рѣшай сама.» — «Гдѣ мой сын?» прошептала она с волненіем, и прекрасные глаза вопросительно посмотрѣли на рыцаря. — «Я остановился с ним в гостиницѣ, в ближайшем городкѣ, в Санта-Барбара. Я хотѣл бы к нему вернуться за свѣтло,» проговорил д'Арганьян и, вставая, окинул Изабеллу безразличным, почти скучающим взглядом.

— «Если я с тобой поѣду, то успѣю ли до темноты возвратиться в «Орлиное Гнѣздо?» освѣдомилась молодая женщина у своего посѣтителя; в голосѣ ея слышалось колебаніе. — «Тебѣ утомительно будет провести нѣскольکو часов в дорогѣ. Не лучше ли будет переночевать в городѣ?» сказал он. — «Ночевать в Санта-Барбара я не могу; я должна быть вечером дома,» возразила она с рѣшимостью. — «Меня сопровождает мой слуга и тебѣ не нужно брать с собою охрану. Мы проводим тебя обратно,» спокойно предложил д'Арганьяк. — «Я захвачу Филиппа, моего паж,» объявила Изабелла, соглашаясь с ним.

Любимый паж молодой женщины был глубоко предан своей госпожѣ. Ему она довѣряла и была убѣждена, что юноша никому не откроет тайну ея неожиданной поѣздки. Вѣрный паж был сиротой и моложе ея лѣтъ на десять.

Погода была чудная; их мулы и кони бойко шли по каменистой дорогѣ. Рыцарь развлекал Изабеллу интересными разсказами о королях Людовикѣ XII и Францискѣ I, о сраженіях и походах, в которых он принимал участіе. — «Король Франциск I наградил меня граф-

ством. Мое крупное состояніе я честно заслужил; сын наследует от меня, не только, никѣм неоспоримое, богатство, но и незапятнанное имя,» сказал он ей не без гордости.

— «Как я счастлива за Хуана!» воскликнула она и нерѣшительно спросила: «Ты, навѣрно, взял французскую жену?» — «Память о злой мачехѣ останавливала меня от женитьбы. Я не хотѣл сыну моей участи. Не скрою, это было жертвою с моей стороны. Двор короля славится своими красавицами и нѣкоторыя из них были ко мнѣ благосклонны.» — «Я никогда не подумала бы, что из тебя сможет выйти заботливый отец,» замѣтила она. — «Тогда, когда ты меня знала, я был разбойником. Теперь я граф д'Арганьяк, рыцарь Франциско I,» самодовольно усмѣхнулся он. «Во Франціи никто не знает о моем преступном прошлом.»

— «Как воспитал ты сына?» — не без безпокойства спросила Изабелла. — «При нем были с ранняго дѣтства лучшіе преподаватели. Хуан говорит на 4 языках; мальчик образован, отличный наѣздник.» — „Красив?“ — улыбнулась мать. — „У него твои глаза и волосы. Я еще не видал такого подростка. Сын хорош и лицом и характером,“ с искренним чувством, отвѣтил рыцарь. Его суровое лицо просвѣтлѣло и довольная улыбка смягчила строгія губы.

Перед Изабеллой на тѣнистой верандѣ стоял, для своих одиннадцати лѣтъ, высокій, хорошо сложенный отрок. Его синіе глаза и золотистые волосы выдавали в нем ея сына. Но на этом сходство кончалось и во всем остальном мальчик был вылитым портретом отца. Хуан не отрывался взором от своей матери. В его глазах она читала обожаніе и видно было, что с момента их встрѣчи, мать заняла в дѣтском сердцѣ первенствующее мѣсто, несмотря на замѣтную любовь сына к отцу. Трудно словами описать то, что творилось в душѣ Изабеллы; смущеніе, радость, грусть в ней чередовались. Ей хотѣлось быть с Хуаном одной, чтобы без стѣсненій его обласкать; для нея в этом свиданіи была и боль, вызванная сознанием новой разлуки. Догадавшись о ея состояніи, Фернандо д'Арганьяк, оставил на нѣкоторое время мать и сына одних. Когда настало ей время возвращаться в „Орлиное Гнѣздо“. Изабелла скрыла от Хуана, что покидает его. Этот обман ей дорого стоил: ложь жгла сердце и вызвала румянец стыда на щеках молодой женщины. — „Пожелаем здоровья нашему сыну,“ сказал рыцарь, когда они были одни, „котораго ты никогда болѣе не

увидишь.“ Он поднес к ея губам бокал вина. Слезы капали из синих глаз, пока Изабелла пила заздравный кубок. Фернандо продолжал: „Пора ѣхать, если ты хочешь быть дома до темноты.“ Молодая женщина, сдѣлав нѣсколько шагов по направленію к выходу, опустилась на ближайшее кресло и слабо прошептала: „У меня шумит в ушах, кружится голова, я теряю сознание.“

Ночь покрывала землю, когда Изабелла очнулась. Тряска рыдвана, стук лошадиных копыт, щелканіе кучерского кнута и скрип колес казались ей продолженіем страннаго сна. Напрягая зрѣніе, она различала на противоположном сидѣніи неясныя очертанія человѣка. — „Кто ты?“ — спросила молодая женщина испуганно. Он позвал ее нѣжно; и, узнав этот голос, она, уткнувшись лицом в подушки, безутѣшно зарыдала.

До ея слуха заглушенно долетали слова: — „Я не переставал тебя любить всѣ эти долгіе годы вынужденной разлуки. С красавицами, за вином и в сраженіях я старался вылѣчиться от тоски, но когда приходило отрезвление или наступал отдых от суроваго существованія в походах, ты с новой силой мучила меня воспоминаніями: твои глаза — цвѣта сапфира; твой плач — тихія капли фонтана-слез; мои горькія серенады у рѣшотки твоего окна; и — поцѣлуй горячій, радостный, который не для меня был предназначен... Похищеніе сына не было мщеніем, а лишь желаніем не порвать с тобой окончательно. Я предчувствовал, что, имѣя Хуана при себѣ, я встрѣчусь рано или поздно с его матерью. Издалека, через друзей, я слѣдил ревниво за тобой, и когда пришло сообщеніе о гибели твоего мужа, я собрался в Испанію. Я тоже сражался под Павіей, но был в войсках Короля Франціи. Волшебная ночь, с тобой проведенная в моем горном замкѣ, постоянно дразнила меня заманчивыми образами, и иногда я готов был бросить все, погубить тебя и себя, но увидѣть хоть раз еще мою „Синюю Звѣзду.“ Нахлынувшія воспоминанія, своею яркостью, невидимо соединяли Изабеллу с д'Арганьяком.

«Когда колдовство старой цыганки не оправдало мои надежды, я обратился с пламенной молитвой к Мадоннѣ: я общал Ей исправиться и просил Ее отдать тебя мнѣ. В тот монастырь, гдѣ мы встрѣтились в послѣдній раз, я сдѣлал богатый вклад и, покидая родину, раздал бѣднякам часть своего имущества. Шайку разбойников я тогда распустил, взял с них клятву не нападать на владѣльцев «Орлинаго Гнѣзда». Всю дорогу сюда я мучился мыслью, что уже год прошел со дня смерти

Альда, что я могу опоздать и не застать тебя вдовой. Ревность терзала меня; мое воображеніе представляло—тебя, окруженную многочисленными поклонниками, и одного из них счастливаго избранника. Я ѣхал к тебѣ съ честным намѣреніемъ открыто просить твоей руки; но встрѣтивъ в саду, ты не можешь себѣ представить, как хороша ты была на фонѣ глициній, я понялъ, что, как и прежде, ты боишься и не довѣряешь мнѣ, что своей волей никогда не станешь моей женой; и я рѣшилъ использовать любовь матери к сыну. Скрывъ свое чувство, я прикинулся равнодушнымъ и, обманувъ тебя, усыпилъ твою ко мнѣ подозрительность. Ты добровольно взошла в приготовленную мною западню. Твоего пажа я собирался отослать обратно в «Орлиное Гнѣздо». Он не послушался меня; я оставилъ его раненымъ в гостиницѣ».

— «Ты все такой же разбойникъ, какъ былъ 10 лѣтъ тому назад!» — переставъ плакать, воскликнула в волненіи Изабелла. «Это — насиліе! Твой поступокъ меня глубоко возмущает!»

Ея глаза съ укоромъ на него смотрѣли, но ни ненависти, ни гнѣва онъ не усмотрѣлъ в нихъ. — «Прости меня,» глухо сказалъ Фернандо. Она упала передъ нимъ на колѣни и съ мольбой прошептала: «Отпусти меня! Я умру в разлукѣ съ Альфонсомъ. Я не хочу покидать Испанію. Мой сынъ и близкіе осудятъ меня. Ты опять меня позоришь!»

Д'Арганьянъ слушалъ ее и молчалъ. «Ты не человѣкъ, а — чудовище!» — простонала молодая женщина и въ ея печальныхъ глазахъ загорѣлось негодованіе.

Весь слѣдующій день она молчала и не принимала пищи. Онъ сильно встревожился за здоровье своей плѣнницы и рѣшилъ уступить свое мѣсто Хуану, который ѣхалъ со своимъ дядькой в переднемъ рыдванѣ. Отецъ объяснилъ сыну, что мать больна и поручилъ ее его нѣжнымъ заботамъ. Изъ рукъ отрока она стала ѣсть и, временно, покорилась своей участи. Хотя Изабелла больше любила Альфонса, но сознавалась, что старшій мальчикъ красивѣй и способнѣй младшаго. Это открытіе ее смущало; молодой женихъ обидно было думать, что сынъ незабвеннаго мужа уступаетъ во всемъ сыну разбойника.

Фернандо ее навѣщалъ по нѣсколько разъ въ день; онъ радовался здоровому румянцу, игравшему на ея щекахъ, а также ласковому взгляду и нѣжнымъ словамъ, относившимся къ Хуану. Похититель успокоилъ плѣнницу общаніемъ, что даже пальцемъ не тронетъ ее, пока она не станетъ его женой.

— «Когда ты собираешься меня насильно повѣнчать?» — спросила однажды со смущеніем Изабелла, когда они были одни во время путешествія. — «Как только прїѣдем в Париж,» отвѣтил рѣшительно д'Арганьяк.

— «Я заявлю всѣм, что ты силой меня увез из дома, что я в плѣну,» возмутилась она. — «Ты никого не увидишь до свадьбы.» — «Но я буду просить защиты у короля,» настаивала Изабелла. — «Франциск I одобрит мои дѣйствія.»

— «Неужели никто не заступится за одинокую женщину?» воскликнула она в отчаяніи. — «Многіе рыцари считали бы счастьем из-за тебя вызвать меня на поединок, но никто не узнает, что я тебя похитил. Ради нашего Хуана ты будешь молчать о том, что могло бы повредить в будущем сыну и омрачить его дѣтскіе годы; он любит родителей крѣпко. Я еще никогда не видѣл его таким счастливым.» — «Да,» согласилась молодая женщина упавшим голосом и, отвернувшись от него, прошептала еле слышно: «Мнѣ остается одно: при первом случаѣ убѣжать.» На лицѣ Изабеллы застыла печаль.

— «Ты теперь графиня д'Арганьяк,» сказал Фернандо, когда рыдван остановился перед двухэтажным зданіем, окруженным садом и расположенным в центрѣ Парижа. «И этот дом тебѣ принадлежит. Ты в нем хозяйка.» — «Которая не может распорядиться сама собой,» выльзая из рыдвана, грустно отвѣтила Изабелла.

Вечером того же дня, когда она лежала, в богато-убранной спальнѣ, вошел д'Арганьяк и объявил ей: — «Завтра—дома мы будем повѣнчаны. Я еще с дороги послал гонца все приготовить для скорой свадьбы. Ввиду исключительнаго нашего положенія, гостей я не звал, но пир в твою честь дам позднѣе, когда представлю мою жену королю.» — «Я здѣсь плѣнница, но, ради Хуана, не буду жаловаться. Полюблю ли тебя — я не знаю, но из-за нашего сына вас не брошу». И впервые она ему улыбнулась застѣнчиво и привѣтливо.

Изабелла сдержала обѣщаніе и не вернулась в Испанію. Долго она тосковала по Альфонсо, близким людям и родным мѣстам. Мысль, что младшій сын возьмет на попеченіе ея родителей, помогала матери переносить разлуку с ним. Но со временем Хуан сдѣлался для нея самым любимым существом на цѣлом свѣтѣ, и тогда Франція стала настоящей ея родиной. Для своего оправданія, в глазах родителей и Альфонса, она записала все то, что с ней произошло с тѣх пор, как она оставила отеческій

дом. Изабелла была из тѣх немногих женщин своей эпохи, которая свободно владѣла перомъ.

«Для меня так и осталось загадкой,» прерывая повѣсть, сказал маркиз: «полюбила ли она Фернандо? В своей рукописи Изабелла об этом умалчивает, но нѣкоторыя данныя наводят меня на это предположеніе.»

«Они провели в Парижѣ 2-3 года. Ее признавали одной из первых красавиц веселаго двора Франциско I. Легкомысленное общество не испортило Изабеллу; она попрежнему слыла за неприступную, добродѣтельную женщину. Если эти годы в столицѣ были веселыми и головокружительными для Изабеллы, то для Фернандо они казались сплошным адом, так как он ревновал жену безумно и не мог спокойно переносить ея успѣхъ. В его болѣзненном, отравленном ревностью, воображеніи создались мучительныя картины ея измѣны, бѣгства. Она часто чувствовала на себѣ его пытливый взгляд, говорившій ей об угрозахъ и мукѣ. Изабелла начала страшиться его ревности, а он объяснял эту боязнь нечистой совѣсти своей жены. Чѣм кончилось бы их пребываніе при французском дворѣ, если бы они его не покинули, трудно сказать: убил ли он ее в приступѣ страсти, или она, не выдержав его ревнивый характер, возвратилась бы в Испанію? Послѣднее было трудно осуществимо и вѣрнѣй, что жена погибла бы от руки своего мужа.

Изабелла подробно описывает знаменательную сцену, предшествовавшую их полному примиренію. Они вернулись с веселаго карнавала, устроеннаго во дворцѣ; на ней все еще был одѣтъ мавританскій наряд, когда в ея опочивальню вошел Фернандо и, отпустив прислуживающих женщин, сказал отрывисто: — «Открой мнѣ всѣ свои помышленія и, если ты передо мной виновата, я тебя прощу; но не подумай скрывать; к обманщицѣ я буду безпощаден.» Он был наряжен в великолѣпный костюм султана Гренадскаго, идущій к его смуглой кожѣ и, смотря на него, ей припомнилась их ночь в горах Астуріи.

— «Ты безсердечна и холодна ко мнѣ.» Повидимому, тѣ же воспоминанія нахлынули в его душу, потому что Фернандо продолжал со страстью и лаской: «Ты еще прекраснѣй, чѣм была! Помнишь? Тогда тебѣ было 16 лѣтъ. Я болѣе не хочу терпѣть твое равнодушіе! Мнѣ нужна твоя любовь!» Он заглядѣлся на нее, его глаза пугали и влекли.

— «Я устала от твоих упреков и ревности! Я покорилась твоей волѣ. Развѣ я плохая жена? В чем же

можешь ты меня корить?» — с волненіем и безпокойством отвѣтила она и добавила тихо: «Мои мысли о тебѣ все тѣ же, какія были 14 лѣтъ тому назад.» Муж привлек ее к своей груди и глухо прошептал: — «Ты меня ненавидишь.» В ее умѣ промелькнуло: — «Он способен меня задушить!»

И она с жаром воскликнула: «Если бы не Хуан, я давно не вынесла бы жизнь с тобой! Он—моя единственная отрада!» Фернандо еще крѣпче сжал ее в своих объятіях и, тяжело дыша, сказал: «Я мечтал о том, что ты меня полюбишь!» — «Сперва твои ласки мнѣ были невыносимы, потом — безразличны, но теперь, лежа в твоих руках, я испытываю лишь страх!» — «Кто завладѣл твоим сердцем?!» — «Твой сын!».

— „Я был бы покоен, если бы мог убѣдиться в вѣрности твоих слов! Я перестал бы мучить тебя своею ревностью.“ Он говорил с глубоким чувством, цѣлуя горячо ее волоса, лицо, шею. Кротость и жалость взяли верх над возмущеніем и боязнью; она ласково ему отвѣтила: — „Я готова пожертвовать, ради тебя, блестящей жизнью, и — зарыться в глуши. Я всю себя посвящаю тебѣ и Хуану.“ Его взгляд просвѣтлѣл; улыбка счастья смягчила строгую линію губ. — „Там я заслужу твою любовь,“ в голосѣ д'Арганьяка слышалась увѣренность. — „Вѣришь ли ты мнѣ?“ — спросила жена нѣжно.

— „Да! Мы уѣдем в свои помѣстья, гдѣ будем одни — с сыном.“ Он радостно погрузился взором в ее глаза, синіе, как южное море. Она ему довѣрчиво улыбнулась и, сливаясь с ним в долгом поцѣлуѣ, переживала вновь ту далекую памятную ночь.

ГЛАВА XXIV.

ССОРА С АНДРЕЕМ.

— „Мой разсказ о прекрасной Изабеллѣ кончен, но я вам сдѣлаю к нему добавленіе,“ проговорил маркиз. задумчиво закуривая папиросу. „Я посѣтил „le château d'Arganiac“, гдѣ встрѣтился с его владѣльцами, которые позволили мнѣ ознакомиться с семейными хрониками. В них я напал на слѣд Изабеллы. Оказалось, что всѣми любимая и почитаемая за доброту и милосердіе, она дожила до глубокой старости. Вскорѣ, послѣ своего переселенія в имѣніе мужа, Изабелла родила дочь Мар-

гариту, которая вышла лицом в отца и нисколько не уступала матери в красотѣ. Хуан славился высокими качествами; он женился удачно и оставил потомство. Жизнь Фернандо и Изабеллы была мирная. Он обожал ее до самой смерти и, повидимому, был счастлив. Умер он 60 лѣтъ, когда женѣ его было 45.“ — „Д'Арганьяк,“ медленно повторил Ларош, стараясь что-то припомнить. „Мой родоначальник *chevalier de la Roche**), жившій в 16 столѣтій, был женат на *Marguerite d'Arganias*.“ — „Какое неожиданное открытіе!“ воскликнула донна Тереза, „златокудрая Изабелла наша общая пра-прабабка.“

— „*Nous sommes des cousins...***)“ Очень пріятно,“ сказал Альфонсо. — „Как это невѣроятно! В Андреѣ течет кровь мавра-разбойника!“ — не то с возмущеніем, не то с безпокойством замѣтила Ирина. Ларош посмотрѣлъ на нее с усмѣшкой и проговорил: „Фернандо был интересной личностью; я доволен быть его потомком.“

Маркиз, учитывая настроеніе гостей, вызванное повѣстью, подумал: — „Повліяют-ли на нашу красавицу романтическія приключенія Изабеллы? Она — под их впечатлѣніем,“ и добродушно-хитрая улыбка скользнула по его лицу. — „Что вы подсмѣиваетесь?“ — спросила его недовольная Ирина. Он криво улыбнулся и нѣжно взглянул на нее: — „Мнѣ интересно было бы знать о чем вы думаете?“ Она, поняв затаенное значеніе его слов, замѣтно смутилась и торопливо сказала: — „Мнѣ ужасно понравилась ваша героиня!“ Прощаясь с хозяином, молодая женщина снова поблагодарила его за доставленное ей удовольствіе и шепнула ему застѣнчиво: „Пожалуйста, не дразните меня.“ — Ея улыбка очаровывала; во взглядѣ маркиза появилось восхищеніе, когда он ей отвѣтил; — „Я воздержусь при других от этой плохой привычки.“

Ирина и Андрей молча подымались в свою комнату. Жизнеописаніе прекрасной испанки, жившей 400 лѣтъ тому назад, талантливо рассказанное Альда, заинтересовало не одну лишь молодую женщину. Муж призадумался и невольно проводил параллель между собой и д'Арганьяком; он сознавался себѣ, что на мѣстѣ мавра поступил бы не лучше. — „Мои ощущенія и желанія тѣ же, что были у разбойника-рыцаря. Я тоже, как и он, завладѣлъ неправдою любимой женщиной.“

*) Рыцарь де ла Рош.

**) «Мы — родственники.» Зам. автора.

От жены также не ускользнуло сходство в характерѣ между Андреем и Фернандо: сравнивая их, она упрекала себя сознанием, что положеніе женщины в XVI вѣкѣ было, совсѣм иное, чѣм в XX-ом.

— „Теперь равноправіе! Насиліе над женщинами совершают одни лишь дикари и мерзавцы!“

Когда они вошли в будуар, Ларош не без сарказма замѣтил: — „Я вижу, что вы успѣли позаботиться обо мнѣ. Сознаюсь, что забыл исполнить ваше требованіе.“ — „Я просила маркиза,“ опуская глаза перед его пристальным взглядом, отвѣтила Ирина.

— «Неужели вы его посвятили в наш секрет?» — спросил он твердым голосом.—«Да» — прошептала она. — «Теперь мнѣ стыдно ему показываться на глаза!» — гнѣвно возразил Андрей. — «Я не вижу позора для вас,» с волненіем сказала молодая женщина, — храбро встрѣтившись с ним взором. — «Как вы не понимаете?!» — не сдерживаясь крикнул он.» «Я играю роль дурака! Избалованная, наивная жена водит за нос, на много лѣтъ старшаго годами и опытом мужа!» — «Я, право, не знаю из-за чего вы сердитесь,» удивилась она. «Вы — святая,» с ядовитой ироніей отвѣтил Андрей. «Вам чужды переживанія простых смертных. Вы не желаете жить по человѣчески. И, несмотря на вашу природную доброту, вы, по невѣдѣнію, безсердечны.» — «Ваши упреки несправедливы,» смущенно замѣтила молодая женщина и, густо краснѣя, добавила: «Я к вам хорошо отношусь,» — «Глупо упоминать о заботах!» — снова возвышая голос, возразил Ларош, «мнѣ нужна ваша любовь!» Ирина молчала, отведя от него свои глаза. «Вникните в мои слова... Мнѣ хочется «вина», а вы мнѣ предлагаете взамѣн него «воду,» и удивляетесь, что я с кислой уыбкой благодарю за такую внимательность!» — «Я придерживаюсь нашего добровольнаго соглашенія,» с трудом выговорила она, ощущая в своем тѣлѣ нервную дрожь.

— «К черту всѣ эти глупости! Ваше ребячество не имѣет границ!» — хрипло воскликнул он. Ирина поблѣднѣла. Андрей, рѣзко разсмѣявшись, продолжал: «Я буду честен с вами: когда терпѣніе мое лопнет, я больше за себя не ручаюсь!» «Я тоже предупреждаю вас, что если вы только осмѣлитесь... я убѣгу от вас!» Ея голос пресѣкся от негодованія.

С этой ночи жена потеряла к мужу довѣріе и, ложась спать, запиралась на ключ. Она начала болѣе, чѣм когда либо, тяготиться его присутствіем и постоянным

вниманіем; и не могла забыть слова, сказанныя им в порывѣ гнѣва; молодая женщина сознавала, что эти слова не были случайными, но высказали то, что хоронил он от нея в своем сердцѣ. Ларошу приходилось раскаииваться в своей неопозволительной грубости и не знал он, что предпринять для возстановленія душевных отношеній. Андрей отдавал себѣ отчет, что ея отчужденіе вызвано боязнью и злился на себя, что напугал ее безразсудной выходкой.

— «Я преклоняюсь перед вашей нравственной силой,» как-то сказал Ларошу Альда, и на его подвижном лицѣ, заиграла хитро-умная улыбка. «Вы — герой трагедіи Корнелля; такой, каким должен был бы быть человекъ.» Тѣнь прошла в глазах Андрея. Альфонсо продолжал с усмѣшкой: «А я, безусловно, гожусь для драм Рассина, со всѣми моими слабостями и недостатками... Ирину я полюбил, как дочь;—и сам удивлен, что не увлекся ею, как женщиной. Может быть этому причина—большая разница в наших лѣтах. Я мог бы быть ея отцом! Все же я даю иное объясненіе; до нея я не встрѣчал красавицы, лишенной кокетства, с чисто женскими хитросплетеніями. Ирина относится к нам, мужчинам, по товарищески, просто и дружественно. Ваша жена вызывает во мнѣ одни лишь благородныя чувства».

— «Вы правы на счет Ирины,» отвѣтил Ларош, «в ней нѣтъ и тѣни жеманства; она не научилась лукавить. но зато Ирина обладает другим оружіем, болѣе вѣрным и опасным, которое называется шармом. Определити точно в чем шарм заключается, я не берусь. Иногда движеніе руки или ничего не значущая фраза, сопровождаемая улыбкой и взглядом, манера произносить слова или звук голоса очаруют вас болѣе, чѣм тонкая игра опытной львицы.» Альфонсо с интересом слушал Андрея. «Не могу же я во всем быть легендарным рыцарем-разбойником?!» Ларош произнес послѣднія слова с горечью. Послѣ краткаго раздумья, он продолжал: «Альда, то что я вам сейчас скажу, пусть останется между нами. Мнѣ интересно было бы услышать от вас вашу точку зрѣнія...»

Андрей замолк, и Альфонсо сказал: — «Когда Ирина мнѣ рассказала о своем странном бракѣ и что ее побудило на этот шаг, то я в душѣ вас осудил за неумѣніе обращаться с ней. Но теперь я вижу, что роль, сыгранная вами в Римѣ, осложняет положеніе.»

— «Да. Мнѣ пришлось от нея скрыть свою двуличную игру; и я чувствую себя виноватым перед нею!» —

с раздрожением сознался Ларош. — «Конечно, я не жадью, что способствовал разорению Невских, другого выхода у меня не было, но мнѣ хотѣлось бы начать снова нашу совмѣстную жизнь без всякой лжи.»

— «Если сознание вины не позволяет вам настаивать на своих правах, то остается лишь одно: открыть все Иринѣ. Преступления, совершенныя ради любимой женщины, в ея глазах — подвиги.» Последнюю фразу маркиз сказал с усмѣшкою.

— «Я боюсь рисковать. Ей, из-за бабушки, будет трудно меня простить,» не без грусти возразил Андрей. «Я был близок к счастью. Но все перемѣнилось с ея болѣзни: она стала нервной, вспыльчивой и я замѣчаю, что раздражаю ее. Для Ирины я не — мужчина; вѣрнѣе, попеременно я занимаю мѣсто дяди, отца, брата, но не мужа.» — «Все же совѣтую не откладывать объяснения с женой,» отвѣтил серьезно маркиз и не досказал, зародившуюся в его головѣ мысль: «иначе будет уже поздно.» Но Ларош тогда не последовал его совѣту.

— «Вот эта прабабка напоминает мнѣ вас лицом,» сказал Альда Иринѣ, указывая ей на один из своих семейных портретов, висѣвшій в галлерей замка. — «Она воспитывалась в женском монастырѣ, гдѣ монахини оберегали воспитанниц от вліянія міра; и самое запретное для дѣвушек было познание земной любви. Их наивность доходила до смѣшного и была причиной многих недоразумѣній. Жертвой этого воспитанія была Кармен де Сан Педро.»

Молодая женщина с нѣкоторым безпокойством посмотрѣла на маркиза, и он, понявъ ея взгляд, с нѣжной улыбкой отвѣтил: «Я ничего нецензурнаго дамам не рассказываю.»

— «Что же произошло с вашей Кармен?» — освѣдомился у Альфонсо Андрей.

— «Испуганная невѣста провела брачную ночь не с мужем на мягком ложѣ, а в одиночествѣ на твердом шкафу.» — «Ха, ха, ха», разсмѣялся цинично Ларош: «бѣдный супруг!» Ирина, покраснѣвъ до ушей, опустила голову, а донна Тереза невозмутимо замѣтила: — „Да, онѣ были весьма наивны, но зато отличались женственностью, утраченной дѣвицами нашего вѣка.“ — „Я согласен с сестрой,“ сказал Альда. „И даже, если бы мнѣ предстояло простоять брачную ночь у шкафа, с вытянутой шеей, напрягая зрѣніе, чтобы различить под самым потолком милыя черты, я предпочел бы взять в жены невинную дѣвушку, чѣм особу, лишенную всякой стыд-

ливости.“ — „Вы правы,“ тихо проговорила молодая женщина и, замѣтно оживляясь, воскликнула: „Мнѣ сейчас пришла на ум одна смѣшная исторія! Бабушка рассказывала про случай, происшедшій с ея двоюродными сестрами. Эти старыя дѣвы, повидимому, получили воспитаніе, ничуть не отличавшееся от того, которое было дано Кармен де Сан Педро. Раз находясь в Петергофѣ*), гдѣ дворцовый парк извѣстен многочисленными мраморными изваяніями; мои тетушки уговорились встрѣтиться у фонтана Адама, но они напрасно прождали в безпокойствѣ друг друга: впослѣдствіи выяснилось, что одна из сестер ожидала другую у фонтана Евы.“ — «Премилыя старыя дѣвы,» улыбнулся Альфонсо, и в его глазах сверкнул веселый огонек. — «Онѣ слишком смѣшны на мой вкус,» возразил Ларош. — «Тетушки были чудныя старушки! Я их хорошо помню; ко всѣм ласковыя и добрыя,» волнуясь отвѣчала Ирина.

Г Л А В А XXV.

ОБРАТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Княгиня писала внучкѣ, что дома все обстоит благополучно и упоминала о Соколовѣ: — «Он ежедневно навѣщает нас и мы всѣ его полюбили.» В письмах Вани к Иринѣ, главным образом, говорилось о постройкѣ церкви, но сообщалось также о привольной жизни в лѣсу: — «Я живу в палаткѣ, как бывало в лѣтнем лагерѣ с товарищами-юнкерами в старое доброе время».

Читая их письма, молодую женщину тянуло обратно в «Старый Дом,» который, из-за бабушки, стал для нея родным мѣстом. Ея отношеніе к Ларошу было неопредѣленное; по временам она ощущала от его близости физическую брезгливость, тогда как человек, он ей оставался симпатичен и был приятен.

«Андрей мною недоволен, и напрасно в душѣ винит меня,» думала Ирина. «Нам было легче дома. Там у него занятія, которыя отвлекали от меня. Как мнѣ надоѣла его влюбленность!»

Ларош все болѣе сожалѣлъ об их уговорѣ: «честный дурак опаснѣй умнаго негодяя. Ея неприступность всякаго выведет из терпѣнія!» Но осуждая поведение жены,

*) Дворец в Петергофѣ построен Петром Великим. Зам. автора.

муж сознавался, что предпочел бы быть с ней несчастным, чѣм счастливым с другой женщиной. В их обращеніи друг с другом, чувствовалась натянутость и замѣтна была недоговоренность; каждый из них опасался растревожить другого неосторожным словом, невольным напоминаніем о тупикѣ, в котором они очутились. Бурныя сцены не повторялись между ними. Как море, послѣ смерча, на поверхности спокойно, но в глубинѣ таит волненіе вод, так Ирина и Андрей, под своим вниманіем и учтивостью хоронили в сердцах все то тревожное и возбуждающее, о чем она не желала думать, а он постоянно мечтал. — Ларош не заставлял болѣе по утрам жену, как это бывало прежде, лежавшей в кровати; теперь он находил ее поджидающей его, сидящей за утренним кофе, в халатѣ и ночных туфлях; густая коса небрежно спускалась змѣею на грудь молодой женщины.

— «Как грустно, что вы рѣшили нас покинуть,» с искренним сожалѣніем сказал Иринѣ Альда, когда узнал, что их пребываніе в «Орлином Гнѣздѣ» приходит к концу. «Сестра и я полюбили вас, как дочь. Старые холостяки прочно привязываются».

— «Мнѣ было очень хорошо здѣсь. Общайтесь нам, что скоро нас посѣтите,» отвѣтила она. — «Если ваш муж позовет, то я не заставлю себя долго дожидаться. Боюсь, что он в претензіи на Испанію, и может невзлюбить ея обитателей,» шутливо досказал он. — «Ларош подавал большія надежды, что здѣшній климат произведет в вас метаморфозу; повидимому, эти надежды не оправдались». Его замѣчаніе смутило Ирину. «Как вы внимательны!» удивилась она. «Вы опасный человѣкъ.» Послѣднюю фразу молодая женщина проговорила с дружеской улыбкой, — «Я слѣжу лишь за тѣми, которые меня интересуют,» с чувством пояснил ей Альфонсо.

— «Послушайте, маркиз, если мнѣ когда нибудь придется оставить Андрея, могу ли я рассчитывать на временный у вас пріют?» — порывисто спросила Ирина, не понамая и не объясняя себѣ, как она рѣшилась вымолвить такую исключительную просьбу. — «Всегда мой дом в вашем расположеніи. Вы вносите в нашу жизнь свѣтъ и радость,» отвѣтил Альда, беря ее за руку.

«Что произошло между вами?» продолжал он, серьезно смотря ей в глаза. — «Ничего новаго!» — воскликнула волнуясь молодая женщина. «Я не умѣю выразиться! Дѣло в том, что теперь я знаю, что не могу полю-

бить Андрея! Вѣрьте мнѣ, я надѣялась и даже желала увлечься им, как мужчиною!»

— «Когда вы это открыли?» спросил, внимательно слушая ее, Альфонсо. — «Недавно в «Орлином Гнѣздѣ.» — «Несчастный муж! Но вы еще так молоды, что ваше настроеніе неоднократно будет мѣняться».

— « Не думаю,» задумчиво и успокаиваясь, отвѣтила она, «нам обоим тяжело... Не лучше ли нам разстаться, на время?» — Маркиз отвел глаза от Ирины и, простирая руку по направленію горных вершин, освѣщенных послѣдними отблесками закатающагося солнца, сказал проникновенно: — «Какая красота кругом нас! Эта красота лѣчит наши сердечныя раны. Не осложняйте своего положенія копаніем в душѣ; поменьше — философіи и больше — жизни... Сдѣлайте мужа счастливым, тогда и ваша жизнь станет протекать гладко: он успокоится, а вы к нему привыкнете и его оцѣните. Любовь придет; но кто будет виновникомъ вашего счастья — угадать не могу» — «Я не хочу обманывать Андрея!» — возмутилась Ирина..

— «Мораль необходима для пожилых и некрасивых,» пошутил маркиз, «но вам строгая мораль не к лицу».

— «Вы смѣтаете надо мной» — воскликнула укоризненно молодая женщина.

— «Не обижайтесь, я вас люблю, именно такой, какая вы есть и был бы огорчен узнать, что вы сошли с пьедестала.»

— «Оставить его легко, но подняться обратно невозможно,» тоном бабушки изрекла она.— «Из двух зол, я предпочитаю прелюбодѣяніе разводу, но боюсь, что вы со мною не согласитесь и если влюбитесь, то сдѣлаете неосторожность бросить мужа,» не то серьезно, не то шутя объявил он.

— «Развѣ нельзя уберечься от любви?» — спросила повеселѣвшим голосом Ирина. — «Я в вас примѣчаю признаки этого повѣтрія,» усмѣхнулся Альда; и, увидѣвъ, что молодая женщина поспѣшно отвела от него глаза, он мысленно добавил: «Ларош опоздал. Она готова его оставить для другого. Какая это будет глупость!» — Но вслух Альфонсо сказал с задорной улыбкой: «Прямые, честныя женщины — самыя опасныя для нас, мужчин.»

Ирина просила Андрея по пути задержаться в Нью Йоркѣ; ей хотѣлось заняться покупкой подарков для бабушки, брата, няни и Соколова, а также — поисками

церковной утвари для отца Михаила. Она настояла на том, чтобы Ларош не сопровождал ее повсюду.

В распоряжении Ирины был автомобиль и, разъезжая в нем по магазинам, она не чувствовала давящей опеки мужа и, конечно, не подозревала, что он невидимо слѣдил за женой, при посредствѣ сыщика, взятаго им, чтобы слѣдовать незамѣтно за нею. Андрей совѣтовал Ирину воспользоваться их пребыванием в мировом центрѣ торговли для приобретения новых платьев, пальто, шляп, мѣхов, но Ирина с благодарностью отказывалась: «у меня достаточно вещей, всего вдоволь», и, призадумавшись, добавила: «Мнѣ стыдно сорить деньгами, особенно — чужими.» Он не настаивал; но как-то вечером, сидя с женой за обѣдом в ресторанѣ гостиницы, муж, протягивая ей чековую книжку, сказал: «У вас теперь свои деньги в банкѣ.»

Молодая женщина, отстранив его руку, смущенно проговорила: «Мнѣ не нужно ничего. Я все имѣю.» — «Я прошу не протестовать», отвѣтил Ларош, внимательно на нее смотря, «в случаѣ моей внезапной смерти вы не останетесь нищей.» — «Зачѣм вы упоминаете о смерти?!» вырвалось у Ирины восклицаніе. «Дай вам Бог долгую, счастливую жизнь!» — «Мое счастье — в ваших руках.» Его глаза встрѣтились с ея, затуманившимся грустью взглядом. «Ваши заботы меня ужасно трогают», не сразу проговорила она в отвѣтъ; загорѣвшееся пламя в его взорѣ, вынудило ее опустить вѣки. — „Мои наслѣдники, двоюродный брат и его семья. Если бы у нас родились дѣти,“ продолжал Андрей, „то все мое состояніе было бы поровну раздѣлено между ними и их матерью.“ — „Это только справедливо, что ваше имущество перейдет к Ларошам. Вы общались со мной, познакомились,“ с облегченіем согласилась молодая женщина. — „Я их позову провести у нас конец лѣта,“ заключил он, подумав: „Я должен был бы знать, что богатство ее не прельщает.“ Наканунѣ их отъѣзда, чтобы сдѣлать ему удовольствие, она предложила поѣхать в какой нибудь ночной ресторан. — „Пожалуйста, свезите меня в „une boîte de nuit“, гдѣ хороший оркестръ негров.“

Негритянская музыка оглушила Ирину и, как что-то непривычное, беспокоило ее. „Jazz-band“ заиграл модный тогда fox-trott; и, так как играли этот танец негры. Ирина еще нигдѣ не слыхала. Ея ноги сами собой выбивая такт о паркет, тѣло колыхалось в темп мотива, язык повторяя вздорные куплеты, напѣваемые музыкантами с

чисто обезьяними ужимками. Усидѣть на своих мѣстах могли лишь тѣ, которым не с кѣм было танцевать. — «Если вы меня не пригласите на фокстрот, то я найду себѣ профессиональнаго танцора,» с шаловливой улыбкой сказала Ирина Андрею.

— «Я давно не танцевал,» отвѣтил Ларош и взгляд его оживился. — «Вы слишком велики для меня ростом;» замѣтила она, когда он, обняв ее правой рукой, прижал к себѣ. «Мой нос трется о ваш жилет и скоро покраснѣет.»

Андрей усмѣхнулся радостно. «Хорошо еще для вас, что я не употребляю губной помады; но пудра, предупреждаю, тоже пачкает,» продолжала Ирина, вскинув на него веселые глаза.

— «Эти маленькія непріятности болѣе, чѣм вознаграждаются», разсмѣлся он возбужденно. «Подумайте только! Единственная возможность — держать вас въ объятіях! И это удовольствіе предоставляется мнѣ лишь на людях.» — «Думайте о фокстротѣ, иначе мои пальцы на ногах пострадают,» немного торопливо возразила она, поворачиваясь к нему профилем.

— «Я готов изучить всѣ тонкости этого изящнаго спорта для того, чтобы танцы стали бы для нас привычным развлеченіем,» улыбнулся муж женѣ.

Зная, что легко пьянѣет, Ирина пила мало. — «Он меня хочет напоить,» подумала она, увидѣвъ как Андрей, стараясь быть незамѣченным ею, подливал в ся бокал шампанское. Женѣ стало за него стыдно: она не показала вида, что запримѣтила хитрость мужа. — «Мавр поступил благороднѣе: он лишь воспользовался обстоятельствами, но не подстраивал коварно, подходящую для них обстановку, Молодая женщина снова проводила параллель между Андреем и легендарным разбойником.

В автомобилѣ Ларош старался поцѣловать ее в губы, но это ему плохо удавалось, так-как она прятала свое лицо на его груди. Иринѣ было противно, и болѣзненная дрожь пробѣгала по тѣлу. — «Если я сдамся, то буду, как когда-то Изабелла, связана с ним на всю жизнь,» думалось ей. «На послѣднее я шла с открытыми глазами, когда выходила замуж,» сознавалась она себѣ. Душевный разлад терзал молодую женщину.

«Он болѣе, чѣм когда-либо, ненадежный сосѣд, так как находится под дѣйствіем спиртнаго,» рѣшила Ирина, стоя в своей спальнѣ. Но ключ от двери, соединявшей их комнаты, пропал; она не могла запереть свою спаль-

ню на ночь. Свѣтъ в ея комнате потух; муж осторожно приоткрылъ дверь. Андрей безшумно ступал по толстому ковру; разстояніе между дверью и постелью росло в его ощущеніи: оно им измѣрялось шагами, метрами, милями. Он не владѣлъ собою; он неся на волнѣ своей страсти; он был у цѣли своих постоянных стремленій и, с каждым біеніем сердца, он чувствовал жгучую радость. Радость, перешедшую в острую боль: кровать Ирины была пуста.

Молодая женщина спала крѣпко и долго; Ларош, напротив, провел безпокойную ночь и, проснувшись, по обыкновенію, рано, был в скверном настроеніи. С утренним кофе, ей принесли от него записку, в которой он писал, что ожидает ее в билліардной. Ирина одѣвалась тщательно, ея движенія были медленныя тревожныя, мысли носились в головѣ молодой женщины: «Андрей мнѣ сдѣлает выговор; чтобы задобрить мужа, надо одѣть его любимое платье и шляпу.»

Ларош стоялъ к ней спиной, с кіем в рукѣ, склонившись над билліардным столом. Заслышав шаги жены, он быстро обернулся и строго сказал: — «И вам не стыдно?» — «У вас вид «Синей Бороды», пошутила она, несмотря на то, что его хмурый взгляд, гнѣвно сдвинутыя брови не предвѣщали для нея ничего хорошаго. — «Вы своевольны! Вы издѣваетесь над вашим мужем и вам пріятно видѣть его безпокойство», сухо продолжал Андрей.

Молодая женщина потупила взор и с виноватым видом отвѣтила: — «Ночью, проходя по корридору, я подсунула под вашу дверь записку с номером моей комнаты.» — «Я не сразу нашел вашу записку и утром искалъ вас всюду: под постелью, в шкафу, под столом, за занавѣсками,» солгал он, отчасти.

— «Ха, ха, ха,» негромко разсмѣялась она и добавила, сядя на край билліарднаго стола: «Я думала, что вам бросится в глаза мой „Billet doux“. Страх перед ним прошел.

— «Вы — довольны?! Вам доставляет удовольствіе ставить меня в глупое положеніе!» в его голосѣ звучали страсть и раздраженіе.

— „Не будем ссориться, пожалуйста,“ попросила Ирина, сдерживая смѣх и протягивая ему, в знак примиренія, руки. В ея настроеніи было много дѣтскаго: оно подѣйствовало на Лароша освѣжающе; и, пожимая, пальцы жены, он шепнул ей нѣжно: „Попадись вы мнѣ сегодня утром, я проучил бы вас, как маленькую, непослушную дѣвочку.“

ГЛАВА XXVI.

ЛЮБОВЬ ИРИНЫ.

— «Домой, домой,» весело стучали в ея воображеніи колеса вагона. От их стука радостно билось сердце и кровь прилиwała к щекам.

В «Старом Домѣ» она сразу прошла к княгинѣ и со слезами обняла свою милую бабушку. Василій, услышавъ голосъ Ирины, с шумомъ вбѣжалъ к нимъ в гостиную и, приподнявъ сестру, началъ кружиться с ней по комнатѣ.

— «Тише, тише,» улыбалась внуку старая княгиня, «ты ее уронишь.» — «Какой онъ сталъ сильный,» смѣялась внучка. Няня, которая только теперь доплелась до гостиной, (ея ноги плохо двигались в послѣднее время) горячо обнимая воспитанницу, жаловалась ей на свой ревматизмъ. — «Какъ хорошо быть с вами!» — поминутно восклицала Ирина. — «Довольна ли ты своей поѣздкой?» — спросила бабушка, «видъ у тебя отличный.» — «Все было удачно и интересно. Я ужасно подружилась с донной Терезой и с маркизомъ Альда. Они скоро к намъ прѣдутъ. Тебѣ они понравятся; напомнятъ твоихъ старыхъ, петербургскихъ друзей,» оживленно рассказывала молодая женщина. — «Отецъ Михаилъ очень сблизился с Соколовымъ,» говорила княгиня, «Иванъ Ивановичъ, пресимпатичный молодой человѣкъ. Онъ намъ пѣлъ; у него хорошій голосъ.»

— «Няня в него влюбилась!» задорно пошутилъ Василій. — «Не смѣй про старуху чепуху сочинять,» дѣлая сердитое лицо, возразила няня.

— «Когда Соколовъ пѣлъ военныя пѣсни,» не унимался развеселившійся братъ, бабушка и няня вздыхали и чуть не плакали отъ умиленія, а отецъ Михаилъ одобрительно качалъ головою и часто повторялъ: «Охъ! Искушеніе! Простой—искушеніе!» Появленіе Лароша прервало счастливый смѣхъ Ирины.

Вечеромъ вся семья собралась в большой гостиной; Андрей мѣрно с сухимъ юморомъ, рассказывалъ об ихъ путешествіи, и всѣ, кромѣ Ирины, его с интересомъ слушали. Она не понимала, что с ней творилось: необъяснимое томленіе охватывало ее; душа Ирины, какъ весенняя

природа, ждала первой бури с молнией и громом; сильныя и новыя ощущенія созрѣвали в ней. Подойдя к роялю и негромко напѣвая, молодая женщина стала наигрывать романс Чайковскаго: «Хотѣл бы в единое слово, я слить свою грусть и печаль, и бросить то слово на вѣтер, чтоб вѣтер унес его в даль...» Она знала этот романс наизусть и играла его по памяти.

— «С прїѣздом, Ирина Васильевна!» мягко прозвучало над нею радостное привѣтствіе. Она вздохнула и, подняв голову, воскликнула: «Ваня!...»

— «Мы скучали без вас; считали дни до вашего возвращенія,» и шопотом Соколов добавил: „Вы останетесь довольны. Все поспѣет к сроку.“ Его взгляд ласкал, согрѣвал молодую женщину. В нем, как и прежде, читалась преданная любовь. И ея щеки зардѣлись, глаза заблестѣли счастьем. „Пожалуйста, прїѣзжайте завтра посмотрѣть новыя постройки,“ попросил он, любуясь ею..

Сердце Ирины пѣло от неожиданно и сильно нахлынувшего ощущенія большой радости. — «Я влюблена!» звучало в ея голосѣ, свѣтилось в глазах, передавалось в движеніях. «И первый раз в жизни! А мнѣ уже девятнадцать с половиной лѣтъ!» — думалось ей.

«Как это поется?» — спрашивала себя молодая женщина, ложась спать и втихомолку напѣвая: «Люблю, люблю, любить буду; никогда я не забуду мою первую любовь... Этот вечер я всегда буду помнить.»

Проснулась она с мыслями о Ванѣ: «Какіе глаза! Он такой душка! Тихій, скромный и настоящій мужчина! Совѣсть моя чиста: мое сердце я не отдала Андрею, и оно свободно любить, кого ему вздумается... От того, что мнѣ хорошо, ему не-хуже.» Эти разсужденія соотвѣтствовали ей девятнадцати годам.

И для Ирины начались незабвенные дни. Она встрѣчала утренній луч и провожала погасающій день словами: «Как прекрасна жизнь!!» В своих молитвах молодая женщина благодарила Бога за ту радость, которая, переполняя с избытком ея душу, проскальзывала во всем том, что она говорила или дѣлала. Все теперь сосредоточилось на Ванѣ: он был для нея солнцем, лившим согрѣвающіе, освѣщающіе лучи. Внѣ этого свѣта и тепла были тьма и холод. Теперь постоянное желаніе, владѣющее с утра до вечера Ириною, было встрѣчаться с юношей. Но она предпочитала видѣть Ваню при других, так как присутствіе людей оберегало ее от неосторожнаго дѣйствія: высказать то, чѣм было полно правдивое серд-

це. Скрывать от него свою любовь учила Ирину дѣвичья скромность. Эта скромность удерживала сокровенныя слова, готовые вылетѣть из уст молодой женщины.

И хотя, окружавшіе ее, замѣчали переѣну в Ирину, но не догадывались об ея причинѣ. Бабушка любовно смотрѣла на расцвѣтшую, как весенній цвѣток, внучку. Андрей, наблюдая за ней и, радуясь ея здоровью и веселости, удивлялся этой внезапной метаморфозѣ.

— «Она превращается в женщину,» увѣрял он себя, и эта мысль дразнила его мечтами.

Натянутыя отношенія между мужем и женою прошли, послѣ их объясненія, послѣдовавшаго вскорѣ по возвращеніи в «Старый Дом».

Ларош сидѣлъ за письменным столом, разбирая дѣловыя бумаги; молодая женщина стояла, опираясь ладонями о кожаную его поверхность; милая улыбка, так хорошо знакомая Андрею, застѣнчиво играла на ея губах. Каріе глаза изливали свѣтлые лучи; казалось будто она в себѣ хранит что то цѣнное и тайное, питающее ее духовно и открывающее ея внутреннему взору новыя невѣдомыя царства. Жизнь вокруг молодой женщины преобразалась, освѣщенная свѣтом ея любви, которая была самоотверженной, сжигающей в душѣ человѣка житейскую копотъ. И будучи лишенной эгоизма, такая любовь давала нравственную силу и особенное острое ощущеніе счастья. Это чувство к Ванѣ было восторженное и чистое, не знающее предѣла. Ларош огорчался от своего занятія и поднимал на нее свои глаза. Ирина говорила: «Андрей милый! Общайтесь мнѣ, пожалуйста, что никогда без моего позволенія вы не войдете в мою спальню».

Вечернее солнце лило на нее свои послѣдніе лучи, сверкая на стеклѣ рамок, картин и фотографій, на серебрѣ бумажнаго ножа, пера и чернильницы; алмазы и жемчуга молодой женщины отражали солнечное сіяніе.

Долго глядѣлъ Ларош на свою жену; его властный, казавшійся ей проникавшій всюду взгляд, не выдавал бурю, бушующую в его сердцѣ и, когда он заговорил, то голос его не выразил ни душевной борьбы, ни страстности; этот голос был ровным, как у человѣка, обсуждающаго обыденное дѣло.

— «Что вы сдѣлаете, если я не дам это обѣщаніе?» Она потупила взор и неувѣренно отвѣтила: — «Я не предвидѣла вашего отказа... Я связана по рукам и ногам... Я должна думать о моей семьѣ. Я, право, не знаю,

как мнѣ пришлось бы поступить, если...» Ея голос задрожал и в глазах, снова на него посмотрѣвших, он прочел мольбу.

— «Развѣ я вам противен? Считае-ли вы меня уродом или ничтожеством?» — с ѣдкой ироніей спросил Андрей. Он начинал злиться на нее за ея просьбу и на себя за «малодушную» жалость к ней. Ирина поблѣднѣла: «Я не могу стать вашей женой, в полном смыслѣ этого слова! Вѣрьтѣ мнѣ. Было время, когда я думала об этом... Но теперь, все перемѣнилось,» воскликнула она.

— «Я теряюсь в догадках; прошу пояснить,» глухо сказал муж. — «Я собиралась вам уступить, из чувства благодарности,» прошептала молодая женщина, — «За исключеніем меня, вы всѣх жалѣете,» с горькой усмѣшкой отвѣтил он. Она закрыла лицо руками и тихо заплакала. Ларош вскочил и, подойдя к женѣ, прижал к своей щекѣ ея влажное от слез лицо: шелковистые волосы молодой женщины пріятно щекотали его голову, ея слезы мѣрно капали ему на грудь. — «Не плачьте, я вас не обижу и готов сдѣлать все, чтобы вы были счастливы! Я люблю вас настолько, что принесу личное счастье вам в жертву.»

Эти слова звучали сердечно, его взгляд выражал то, что говорили уста. — «Простите меня... Вы великодушны... Мнѣ ужасно больно за вас,» шептала она, всхлипывая и болѣзненно дрожа в его руках.

Теперь в ея заботах о муже улавливалось что-то материнское, а в глазах, грустно устремленных на Андрея, усматривалась затаенная дума, не лишенная горечи сожалѣнія и страха за участь свою и, связанных с нею, любимых людей, но когда Ваня был с нею, ея душа не вѣдала ни сомнѣній в настоящем, ни опасеній за будущее.

Г Л А В А ХХVII.

РУССКІЙ ПОСЕЛОК.

Ожидались в скором времени именины княгини. Ирина ежедневно ѣздила в церковь на спѣвку; отец Михаил учил ее и Соколова церковному пѣснопѣнію. Раз няня зашла их послушать и маленький хор до того ее умилил, что, прослезившись, она пробормотала: «Ангельскіе голоса, ангельское пѣніе.» Что переживали сами влюбленные в тѣ минуты, когда они сообща произносили слова

молитвы? В их души спускался небесный мир: они сливались воедино в эти свѣтлыя мгновенія.

В торжественный день именин княгини, Ирина позвала Андрея вмѣстѣ с ней пить утренній кофе. Оба сидѣли в халатах в ея будуарѣ; Ирина, оживленно болтая, дѣлала предположенія насчет впечатлѣнія, какое должен будет произвести на бабушку их сюрприз.

— «Она подозрѣвает нас, так как замѣтила, что мы скрываем какія то приготовленія ко дню ея именин... Как я счастлива, что мы доставим бабушкѣ такую большую радость!... Как безконечно я вам благодарна!» — Сказав с чувством эти слова, молодая женщина застѣнчиво погладила его руку и улыбнулась ему, с виноватым лицом.

— «Не стоит меня благодарить,» отвѣтил, добродушно усмѣхнувшись, Ларош. «Для милліонера не представляет трудности построить церковь.»

Автомобиль плавно катился по лѣсной дорогѣ. Бабушка, вся в сѣром с головы до ног, выглядѣла очень красивой, несмотря на свои сѣдые волосы и морщинистое лицо. Внучка, в бѣлом платьѣ с пунцовыми розами на груди, была восхитительно хороша. — «Какой чудный день и как красив лѣс ранней осенью,» говорила довольная княгиня. «Мы хорошо сдѣлали, что поѣхали с тобой кататься.» — Когда они миновали озеро, Ирина начала беспокоиться: «Бабушкѣ вредны всякія волненія. Ее нужно подготовить.» И не без тревоги, она сказала: «Сейчас ты увидишь то, что тебя пріятно поразит и обрадует.»

Бабушка взяла руку внучки и, прижав ее к тощей груди, отвѣтил нѣжно:

— „Никак не могу догадаться, что именно меня ожидает, но заранѣе благодарю.“ — „Там нас встрѣтит все семейство,“ весело улыбалась молодая женщина. „Всѣ, всѣ — в заговорѣ против тебя, дорогая бабушка.“

Показалась лужайка и автомобиль остановился. Бѣлые стволы и желтые листья берез; крохотная церковь, с голубыми куполами и с, блестящим золотом, восьмиконечным крестом, двухэтажный домик и сарай, дорожки, посыпанные красным песком и клумбы со всевозможными цвѣтами; — все это, так неожиданно представившееся удивленному взору княгини, перенесло ее мысленно на родину. На церковной паперти стоял отец Михаил в облаченіи и с крестом в руках; за ним виднѣлись Андрей, Соколов, Василій и няня. — „Я несказанно тронута,“

прошептала нетвердым голосом бабушка, вытирая платком, набѣжавшія на глаза, слезы. „Подождем здѣсь немного. Мнѣ надо справиться с собою.“ Видя волненія княгини, умиленная Ирина тоже не могла не прослезиться; нахлынувшія в ея душу чувства были любовь к бабушкѣ, жалость к ея старческой немощи и радость, что им удалось осуществить большое, доброе дѣло.

Отец Михаил служил молебен о здравіи княгини; Ирина и Ваня пѣли на клиросѣ. Всѣ, кромѣ Лароша, горячо молились. Он думал, глядя на жену: „Если существуют ангелы, то они должны походить на нее. Наша свадьба приносит мнѣ и страданіе, но я не жалѣю, что женился на ней. Одна ея улыбка стоит болѣе, чѣм ласки другой. Ирина! Ирина! твои глаза заставляют меня забыть всѣ мои неприятности!“

Бабушка утомилась за день и проводила вечер одна с внучкой. Горѣлъ камин; огненные языки—желтые, синіе, колыхаясь лизали сосновыя дрова. Княгиня сидѣла в креслѣ, Ирина — на подушкѣ у ея ног. Обѣ задумчиво глядѣли на весело горѣвшій огонь. — „Как милостив к нам Господь Бог,“ медленно говорила старшая. „Жутко подумать, что происходит сейчас в Россіи... и что переживают русскіе бѣженцы заграницей.“ Печальная тѣнь омрачила лицо бабушки; но с посвѣтлѣвшим видом она досказала: „твое намѣреніе дать здѣсь пріют бездомным дѣтям и старикам меня сильно тронуло. Я горжусь моей внучкою.“ — „Завтра к тебѣ пріѣдет отец Михаил поговорить о наших планах,“ отвѣчала младшая, довольная похвалою княгини. Архіепископ благословляет это доброе начинаніе,“ пояснила она и добавила поспѣшно: „Ваня уѣхал в город встрѣчать свою мать. Они будут жить в домѣ священника.“ — „У него был особенно счастливый вид сегодня,“ замѣтила бабушка.

— «Да,» улыбнулась внучка. «Андрей охотно позволил построить около церкви пріют и богадѣльню.» — «Твой муж из любви к тебѣ и по своей добротѣ дѣлает много для наших соотечественников.» — «Он хорошій,» согласилась Ирина и про себѣ досказала свою думу: «Он великодушен ко мнѣ.» — «Слава Богу,» промолвила княгиня. — «На предполагаемая постройку я буду тратить из моих денег. Я предупредила Андрея, что ни одной копѣйки не возьму от него для «Русскаго поселка,» волнуясь рассказывала внучка. «Нравится ли тебѣ, выдуманное мною, названіе для мѣста, гдѣ находится наша церковь?» — спросила она бабушку. — «Очень,» отвѣтила княгиня, глядя темную голову Ирины.

Ждали гостей. В „Старом Домѣ“ шли приготовленія: натирались паркеты, встряхивались матрасы, подушки, выбивалась пыль из ковров и мебели, мылись окна. Ирину и Василия занимала домашняя суета; они оживленно строили планы для увеселенія гостей. — „Разыграем шарады, поставим живыя картины, устроим состязанія,“ предлагал брат. — „И обязательно дадим венеціанскій вечер на озерѣ,“ перебивала его сестра.

— „У тебя грандіозные планы! Каким образом ты превратишь лодки — в гондолы, а озеро — в лагуну?“ — „При воображеніи все может сойти. Не придирайся! Мы украсим лодки цвѣтными фонарями, яркими матеріями. Будет великолепно! А потом — танцы. Я хочу танцевать до упада!“

Встрѣча с испанскими друзьями была радостная. Маркиз привѣтствовал Ирину восклицаніем: „Все также прекрасна! Но я замѣчаю в вас перемѣну.“ — „Пожалуйста, вслух не дѣлайте „personal remarks“,“ попросила она его, метнув веселый взгляд. Донна Тереза, нѣжно ее обнимая, сказала: „Альфонсо как будто удивлен, но в твои годы к худшему не мѣняются.“ — „Я ничѣм не поражаюсь; я лишь заинтригован,“ отвѣчал Альда, внимательно всматриваясь в молодую женщину.

— „Какая ты скромная, если комплименты тебя смущают,“ замѣтила Тереза, обратив вниманіе на быстро порозовѣвшую Ирину. „В наше время, твоему поколѣнію такое качество неприсуще.“ — „Это не скромность, а нечистая совѣсть,“ возразил сестрѣ маркиз, сопровождая свое заявленіе ласково-хитрой улыбкой и смѣющимся взглядом, от которых молодая женщина еще болѣе сконфузилась.

— „Не правда-ли, Андрей, — с этим домом ничего интереснаго не связано и мнѣ нечего рассказать нашим друзьям,“ говорила Ирина, провожая вечером гостей до их комнат.

— „Ни преступленій, ни особых приключеній здѣсь не происходило, хотя мужья были суровы, а жены милостивы,“ отвѣчал Ларош, „но зато лѣс хранит не мало тайн.“ — „Почему до сих пор вы умалчивали о них?“ — воскликнула, заинтересовавшись его словами, молодая женщина. — „Вы настолько впечатлительны, что я не рѣшился говорить вам об этом.“

— „Расскажите нам о них когда-нибудь,“ попросила донна Тереза.

Когда появилось семейство младших Ларошей, то в „Старом Домѣ“ стало шумно. Ирина, немного конфузясь, мило и просто приняла своих новых родственников. Крупные, солидные Ричард и Бетси и их бойкія, жизнерадостныя дѣти, с нескладными, долговязыми фигурами, производили впечатлѣніе добродѣтели и крайней юности. Долли, 18-тилѣтняя, единственная дочь Ларошей, послѣ рукопожатій, спросила Ирину: „Могу ли я написать ваш портрет?“ — „Позвольте мнѣ выбрать для нея позу,“ вмѣшался маркиз: „я вижу ее в бѣлом платьѣ, на фонѣ красныхъ цвѣтовъ, стоящей в саду.“ — „Послушайте, поговоримъ о портретѣ потом; сейчасъ идемъ пить чай. Бабушка должно-быть уже насъ поджидаетъ,“ негромко смѣясь, возразила молодая хозяйка.

— «У Долли большія способности,» не безъ материнской гордости замѣтила Бетси.

Соколовъ привелъ свою мать в «Старый Дом». Иринѣ сильно пришлась по душѣ Елена Александровна, отчасти из-за ея поразительнаго сходства съ Ваней: у матери были тѣ же, что у сына, большіе синіе глаза, короткій, слегка вздернутый носъ, закругленныя черты лица, немного крупный, легко складывающійся в добрую улыбку, ротъ и пріятный голосъ. Эта женщина нравилась своими натуральностью и учтивостью. В ея прямомъ взглядѣ проглядывалъ умъ, доброжелательность къ людямъ и любовь къ сыну.

— «Они оба удивительные,» рѣшила Ирина. С лица Соколова не сходила улыбка счастья: два существа, которыхъ онъ обожалъ, были съ нимъ. На этихъ двухъ женщинахъ сосредоточивалась его жизнь, вѣрнѣй онѣ были его жизнью; онъ дѣлилъ между ними свое сердце.

Послѣднимъ гостемъ былъ Гарашвили, которому молодая хозяйка предложила службу в «Русскомъ Поселкѣ.»

В «Старомъ Домѣ» наступили веселые дни, которые должны были завершиться костюмированнымъ вечеромъ.

В Иринѣ произошелъ переломъ: дѣвушку - ребенка, жившую еще впечатлѣніями дѣтства, замѣнила молодая женщина, безвозвратно съ нимъ порвавшая, хотя этой новой Иринѣ не было и 20 лѣтъ. Она остро жила настоящимъ; в этомъ настоящемъ сосредоточились такіе разнообразныя ощущенія, которыя вытѣсняли прошлое и закрывали думамъ доступъ къ будущему. Но на ея любовь и радость падали тѣни состраданія и сожалѣнія.

— «Бѣдный Андрей... Какъ жаль, что онъ женатъ на мнѣ.» — Этимъ тѣнямъ суждено было съ теченіемъ времени не укорачиваться, а удлиняться.

Долли писала с увлечением портрет Ирины; одному маркизу позволялось изрѣдка быть на сеансах. — «Замѣтили ли вы, Долли, что ея рот рѣдко остается в покоѣ, но его очертанія до того правильны, что я не портил бы его улыбкой,» говорил Альда. — «Обратите вниманіе также на синеву вокруг глаз. Ея нос одинаковой длины со лбом и нижней частью лица. Тѣни очень важны.» Замѣчанія испанца смущали модель. — «Вы со мной обращаетесь как с вещью!» не выдержав, раз воскликнула молодая женщина. «Я перестану позировать или попрошу вас не приходить!» — «Простите, но я артист в душѣ и имѣю кое-какія познанія в живописи. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы эта картина сдѣлала бы Долли знаменитостю. Я убѣжден, что ея работа произведет впечатлѣніе,» смѣясь извинился он.

Перед неоконченным портретом стоял Ларош: его профиль потерялъ обыкновенную суровость, морщины на лбу и около рта разгладились и глаза, цвѣта стали, излучали то, что ревниво хранилось им в глубинѣ души. Он весь ушел в созерцаніе любимаго лица и не слышал легкіе шаги жены, которая, замѣтив мужа, остановилась на порогѣ, не рѣшаясь войти в комнату. — «Мое внезапное появленіе его застанет врасплох. Нам обоим сдѣлается неловко. Таким — я его еще не видала. Как любит он меня!» — От этой думы ея сердце тоскливо сжалось и, грустно опустив голову, она торопливо отвернулась.

Долли рисовала в послѣдній раз и была довольна своею работой; часто вскакивая с табуретки, художница отходила от портрета на нѣсколько шагов, разсматривая его со всѣх сторон, нервно облизывая вымазанную в краскѣ кисточку; ея губы были запачканы всѣми цвѣтами радуги. — «Ну, вот, готово! Я больше притрагиваться к портрету боюсь, не хочу испортить. Пожалуйста, скажите откровенно, нравится ли вам?» бросая кисть на палитру, спросила Долли Ирину. — «Очень,» отвѣтила та, зѣвая и потягиваясь, так-как была утомлена неподвижным стояніем. — «Вы мало интересуетесь моим произведеніем,» с упреком замѣтила юная артистка. «Я нахожу большое сходство,» с гордостью добавила она. Молодая женщина, подойдя к портрету, сказала: — «У вас талант! Эти розы выглядят настоящими.» — В ея замѣчаніи слышалась чистосердечная похвала. С полотна на них смотрѣлъ двойник Ирины; из радужной рамки — неба, зелени и цвѣтов, он улыбался им одними глазами.

«Вышло слишком хорошо,» еле-слышно продолжала она, отходя от мольберта и опускаясь в кресло. Ей сдѣлалось стыдно перед Долли за свою красоту. И молодая женщина, нажав электрическую кнопку звонка, торопливо закончила: — «Мы заслужили отдых! Я не в состоянии сейчас занимать гостей. Будем вдвоем здесь пить чай.» — «Я так рада!» — воскликнула в отвѣтъ Долли, «теперь я смогу с вами поговорить наединѣ! Я только не умѣю откровенничать, не знаю как начать.» — «Выпустите предисловіе,» с веселой улыбкой, замѣтила Ирина, «и приступайте прямо к дѣлу».

— «Я влюблена!» — выпалила зардѣвшаяся, как кумач, дѣвушка и начала быстро ходить взад и вперед по комнатѣ. Молодая женщина молчала; откинувшись на спинку кресла и запрокинув голову, она смотрѣла на потолок. Сбивчиво, волнуясь, Долли говорила: «Он похож на дѣвицу своею скромностью, но в нем большая сила характера. Я это чувствую. Я его безумно люблю!.. Вы чуткая и догадаетесь, кто — он? Вы — его хороший друг... он вас послушает... Весь этот мѣсяц я была, как в раю. Совмѣстные с ним пикники, прогулки, катанье на лодкѣ, танцы и купаніе на озерѣ... Он сложен, как молодой бог!..»

Ирина вспомнила, что еще вчера Василій звал ее купаться, но она отказалась, не пожелав быть единственной женщиной в компаніи мужчин, но Долли отправилась с ними на озеро. Молодая женщина давно подмѣтила, что дѣвушка была равнодушна к Соколову; но, не принимая за серьезное чувство ея увлеченіе, она не придавала ему значенія и не предчувствовала надвигающуюся драму. До нея доносились, как рѣжущій писк комара, поспѣшные слова: «Я не могу жить без него... объяснитесь с ним за меня; я вам довѣряю... Скажите ему, что я буду любящей женою. Упросите его на мнѣ жениться... Он, хотя и не влюблен в меня, но всегда со мной мил — мы с ним большіе друзья!»

Ирина выпрямилась: во влажном взглядѣ свѣтилась рѣшимость, поблѣднѣвшее лицо было спокойно. — «Если мое участіе вам нужно, то я не отказываюсь. Я поговорю с ним при первом удобном случаѣ.» — «Спасибо! Спасибо! Вы чудная!» — с восторгом отвѣтила ей Долли. Бросившись перед молодой женщиной на колѣни, она зарыдала, пряча лицо в складках ея платья. Глядя шелковистыя свѣтлыя кудри, Ирина думала: «Бѣдная дѣвочка! Изнервничалась, страдает. Она тоже по своему его

любит.» И справившись со своим волненіем, прошептала молодая женщина: «Не плачьте, я сдѣлаю все, чтобы вам помочь.» Цѣлуя Долли в голову, она досказала; «Вы хороший человѣкъ; он должен быть с вами счастливым.»

В эту ночь Ирина долго не могла уснуть; сон отгоняли нелегкія думы. Проснувшись она с сильной головной болью и принуждена была остаться в постели цѣлый день. Навѣстившій ее днем Ларош, озабоченно замѣтил: — «У вас больной вид. Как ваша мигрень?» Холодный компресс на лбу, темные круги вокруг глаз и болѣзненная улыбка выдавали ему плохое самочувствіе жены. — «Стало немного легче,» отвѣтила она. «Я постараюсь вечером спуститься в гостиную.» — «Всѣ очень огорчены вашим отсутствіем и говорят, что скучают. Долли попросила Соколова пѣть сегодня русскіе романсы. Ее надоумил Василій. Долли в волненіи, что вы своим недомоганіем разстроите ея планы, и ей придется отложить «цыганскій вечер.» Дѣвочка, кажется, увлеклась Соколовым.»

— «Богатая ли невѣста, Долли?» тихо спросила Ирина. — «Да, у ея родителей крупныя средства. И потом она в числѣ моих наслѣдников, как я уже вам говорил.» — „Не правда ли Долли милая?“ — „Очень. Конечно, родители ее балуют, но испортить такую добрую, честную натуру трудно... Я думаю, что из нея выйдет современным интересная личность.“ — „Она на рѣдкость способная,“ согласилась молодая женщина. — „Безусловно, и если не слишком рано выйдет замуж, то станет талантливой художницей.“ Ирина молчала, но глаза ея выражали страданіе. Андрей, поймав ея тоскливый взгляд и увидѣвъ скорбный рисунок рта, забеспокоился.

— „Я вас утомил разговором. Вы слабы. Вам нужно съѣсть что нибудь питательное. Я пришлю вам куриный бульон.“ — „Меня тошнит от одной лишь мысли об ѣдѣ,“ простионала молодая женщина, закрывая глаза и преодолевая желаніе расплакаться. „Позовите, пожалуйста, няню,“ прошептала она, послѣ нѣкотораго молчанія, „оставьте меня теперь, зайдите вечером.“

Ирина медленно одѣвалась к обѣду; в черном кружевом платьѣ, она выглядѣла замужней женщиной. Крупная нитка жемчуга была ея единственным украшеніем. Блеск глаз и ожерелья отражались в зеркалѣ, перед которым она сидѣла. Невеселыя думы шевелились в ея мозгу. „Я должна забыть на время просьбу Долли. Усиѣю с Ваней поговорить до ея отъѣзда... Сегодня я хочу быть счастливой.“

Соколова и его мать встрѣтили в гостиной рукоплесканіями. Елена Александровна подсѣла к княгинѣ. Обѣ женщины сразу оцѣнили друг друга и между ними очень скоро созрѣла искренняя дружба. Молодая хозяйка подвела Ваню к роялю и, не глядя на него, негромко сказала: «Я люблю цыганскіе пѣсни.» — «Вы были нездоровы. У вас грустный вид,» пожалѣл он ее. «Я спою что нибудь веселое; печальное отложим до другого раза.» — «Нѣтъ, нѣтъ,» возразила она ему. «Обо мнѣ не думайте.» — «Я надѣюсь, что мое пѣніе вам понравится. Вы меня еще не слыхали; я начну с «Черных Очей», отвѣтил юноша со счастливой улыбкой. Они встрѣтились взглядом и Ирина первая в замѣшательствѣ опустила глаза. Она побоялась выдать ему свою любовь, сознавая, что слабѣет нравственно; порученіе Долли становилось несоразмѣримо ея силам. От близости Вани влюбленное сердце Ирины таяло, как снѣг от солнечнаго жара; она теряла волю; рѣшимость исполнить обѣщанное покидала ее... Молодая женщина сѣла в низкое кресло, поодаль от других; но как только прозвучали первые аккорды, Альда подошел к ней. Она ему улыбнулась привѣтливо и в знак молчанія приложила палец к губам. Соколов с таким чувством еще никогда не пѣл. Теперь каждое слово страстной мелодіи имѣло для него смысл: он высказывал Иринѣ свое обожаніе; как будто для юноши в многолюдной гостиной они были одни. Она почувствовала настроеніе Вани; блаженная улыбка то зарождалась, то замирала на губах и нѣжный румянец то загорался, то потухал на щеках. Никто, кромѣ маркиза, не слѣдил за нею. Он догадывался о том, что было тайной для менѣе чутких и проницательных. — «Очи черные! Очи страстные! Очи жгучіе и прекрасные! Как люблю я вас! Как боюсь я вас! Потерял покой! Значит встрѣтил вас я не добрый час!»

Эти сильные чувством звуки пѣсни находили отвѣтъ в сердцах людей. Княгиня, бросив вязать, сложила на колѣнях руки и, казалось, дремала; но на самом дѣлѣ ея сердце учащенно билось: оно подымало блѣдную тѣнь, давно лежавшаго в могилѣ друга. Мальчики с трудом сдерживали свой порыв, который им хотѣлось выразить громкими рукоплесканіями и криками «bis»; Ричард спокойно, но одобрительно смотрѣл на Соколова; Бетси, слегка смущенная странностью напѣва, сантиментально вздыхала, что не особенно шло к ея полной фигурѣ; Гаршвили, с воодушевленіем, в полголоса, вторил другу; Донна Тереза, видимо, наслаждалась голосом Вани; Ан-

дрей, не отрывая взора от камина, думал о женѣ: его глаза отражали огненные языки, а воображеніе создавало в желто-красном пламени образы Ирины; Долли была нервная лихорадка: она, как туго натянутая струна, готовая оборваться от перваго неумѣлаго обращенія, могла от одного неосторожнаго выраженія неудержимо разрыдаться; няня, сидѣвшая на стулѣ у двери, украдкой вытирала слезы своею сморщенной, сѣровато-коричневой рукою: ни слова, ни мелодіи пѣсни не напоминали старухѣ молодость, когда-то принесенную в жертву семьѣ Невских, но пѣніе Соколова, будучи для нея родным отголоском, нѣжно и грустно теребило ея душу... Музыка затихла.

— «Пожалуйста, объясните мнѣ смысл романса,» попросил маркиз молодую женщину, сидѣвшую, несмотря на сильныя рукоплесканія гостей, в пріятном забытьѣ.»

— «Что такое...? Простите, я не разслышала, что вы сказали,» отвѣтила она, с усиліем собирая мысли. Альда повторил свою просьбу. Ирина начала старательно переводить, но, не дойдя до окончанія пѣсни, запнулась и, густо покраснѣвъ, порывисто сказала: «Слова малозначущія, но мелодія увлекательная, не правда ли?».

— «Он пѣл для вас; мнѣ одному это ясно.» Она отвернулась от него, испуганная сознаніем, что не сумѣла скрыть свое чувство. — «Не смущайтесь! Иначе быть не могло. Я сохраню ваш секрет.» Пока молодая женщина искала подходящія слова для отвѣта, горячо полилась новая пѣсня любви:

— «Я помню чудное мгновеніе, передо мною явилась ты, как мимолетное видѣнье, как гений чистой красоты...»*)

— о —

— «Betsy совѣтует дать бал,» говорил на слѣдующее утро Ларош своей женѣ. «По ея мнѣнію, многіе из моих друзей и знакомых удивлены, что я нигдѣ не показываю свою жену. Нѣкоторые обижены на меня за то, что я вас даже с ними не познакомил.» — «Отлично! Betsy, конечно, права. Я попрошу ее составить список гостей,» согласилась она.

Они сообща порѣшили в годовщину свадьбы устроить маскарад. Ирина от всѣх скрывала, что одѣнет старинный испанскій костюм, привезенный ею из Испаніи.

*) Слова Пушкина, муз. Глинки, которыя были посвящены г-жѣ Керн, рожд. Полтавской.

«Будет, я увѣрена, очень весело,» говорила жена мужу. «Даже бабушка общалась на короткое время заглянуть к нам. Я ее посажу в гостиной так, чтобы она могла видѣть залу и слышать оркестр. Елена Александровна общалась мнѣ остаться с нею. Я думаю бабушка скучать не будет и не слишком устанет.» Андрей напрасно пытался вывѣдать у Ирины, какое платье она надѣнет. «Вам придется запастись терпѣніем и ждать 12-ти часов, когда мы всѣ снимем свои маски,» отвѣчала жена. — «От моего незнанія могут произойти глупыя недоразумѣнія,» возражал муж.

— «Тѣм лучше! Неожиданности забавны,» улыбалась она. — «Я покажу вам свой костюм,» предлагал Андрей. — «А я и смотрѣть на него не стану! Я хочу отгадать! Будьте покойны: никакая одежда не в состояніи спрятать вас от меня,» дразнила молодая женщина Лароша.

Хлопоты развлекали Ирину; она перестала думать о предстоящем объясненіи с Ваней. И, со свойственной молодости безпечностью, надѣялась, что все важное в ея жизни само собой образуется. Но раз Долли напомнила Ирину об общаніи. — «Вы не хотите исполнить мою просьбу,» с укором шепнула она ей. — «Я с ним объяснюсь на вечерѣ, если мнѣ не удастся это сдѣлать раньше,» отвѣтила молодая женщина. — «Поздно будет! Мы послѣ бала уѣзжаем!» — с нескрываемым неудовольствіем возразила дѣвушка. — «Я успѣю, не беспокойтесь!» — в этом порывистом отвѣтѣ чувствовалось сдержанное раздраженіе. «Зачѣм я на нее сержусь? Она ни в чем не виновата,» корила себя Ирина. «Долли была бы хорошей женой для Вани; она заботилась бы о Еленѣ Александровнѣ. Из любви к мужу Долли перешла бы в православіе и тратила бы большія деньги на благотворительность. Что же лучшее я могу пожелать Ванѣ? Он горячій патріот! Сколько пользы принес бы он Отечеству, помогая теперь в нуждѣ русским бѣженцам,» заключила она грустно.

И, как ни странно показалось бы многим, ей пока не приходило на ум просить мужа о разводѣ. Ирина могла бы с ним разойтись, но порвать брачныя узы, становившіяся для нея тяжелыми, она не хотѣла; от этого шага ее удерживали религія и любовь к бабушкѣ. Молодая женщина надѣялась, что страсть Андрея перейдет в братское чувство. И в послѣднее время Ирину стало представляться, что муж охладѣл к ней. Однажды, поймавъ на себѣ внимательный взгляд жены, Ларош спросил:

«Вы меня изучаете? У вас что-то на умѣ. Не правда-ли?» — «Но как вы это узнали? Я ничего вѣдь не сказала,» стѣсняясь отвѣтила она.

— „Ваши глаза, я давно это примѣтил, краснорѣчивѣй всяких фраз,“ не без тонкой горечи усмѣхнулся он, пытливо всматриваясь в нее. Послѣ недолгаго раздумья, Ирина тихо промолвила: „Я старалась разгадать: не измѣнились ли вы... не пережили ли то, что мучило вас раньше?“ Андрей молчал. Отводя свой взор в сторону, молодая женщина продолжала нерѣшительно: „Любите ли вы меня иначе чѣм прежде?“ Складки на его лбу углубились; видно было, что он испытывал себя и провѣрял. Ей становилось неловко и она проговорила съ застѣнчивой улыбкой: „Я нисколько не удивлюсь, если вы скажете „да“; напротив...“ — „Простите, но я предпочитаю не отвѣчать на ваш вопрос,“ перебивая жену, возразил муж. — „Я не буду настаивать,“ согласилась Ирина, озадаченная его словами.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

Наступила годовщина свадьбы. За парадным завтраком говорилось не мало рѣчей и приносилось много пожеланій полного семейнаго счастья, которое заключалось, по мнѣнію друзей, в многочисленном потомствѣ. Один лишь маркиз, сидѣвшій по правую руку хозяйки, поднявъ бокал за ея здоровье, многозначительно шепнул: «От всего сердца желаю вам и тому, кого любите, ничѣм не омраченной радости.» Ирина вздрогнула от этих слов, метнув на него вопросительно-тревожный взгляд.

— «Не пугайтесь» — добавил он. «Я хотѣлъ бы видѣть вас счастливой; Вы этого заслуживаете. Вы — моя слабость; и если-б мог я убавить мои годы, то не уступил бы вас ни Андрею, ни Луиджи, ни Ванѣ».

— «Я согласна, что вы серьезный соперник, даже теперь; а четверть вѣка тому назад были, безусловно, *«hors de concours»*,*) — замѣтила она, оправившись от смущенія, вызваннаго догадливостью Альда, и отвѣчая ему шаловливой улыбкой. — «Я не предполагал, что вы можете быть злой,» разсмѣялся он. «Здѣсь никто не знаком с искусством любить,» продолжал маркиз. Это искусство дается не только опытом, но и породю. Вы всѣ уступаете в этом латинской расѣ, — «У которой поклоненіе Венерѣ занимает первое мѣсто,» не без задора возразила молодая женщина. — «Произведеніе потомства важнѣйшее дѣло на свѣтѣ. В чем другом найдете вы сочетаніе полезнаго с пріятным?» — И с нѣжной ироніей, он шепнул ей: «Вы об этом, к сожалѣнію, судить не можете.»

— «Перестанем спорить! Я соглашаюсь со всѣм.» краснѣя воскликнула она. — «Не хотите ли вы,» шутливо досказал Альфонсо, «чтобы я преподавал нѣсколько уроков одному юношѣ. Мои познанія ему, может быть, пригодятся в скором...»

*) Въ конкуренціи или въ соперничествѣ.

— «Замолчите, пожалуйста!» — строго перебила его Ирина. Она посмотрѣла на мужа и обмѣнялась с ним взглядом: с ее стороны — поверхностным, с его — глубоким.

Когда очередь дошла до Соколова чокнуться с молодой хозяйкой, он, улыбаясь ей, сказал: «Вѣрный рыцарь приносит своей королевѣ, вмѣстѣ с поздравленіями и лучшими пожеланіями, свою неизмѣнную преданность.» — «Гиневера благодарит и освобождает Ланселота от службы,» подчеркнуто-шутливым тоном отвѣчала Ирина, хотя глаза ее выражали грусть.

— «Разве королева им недовольна?» — серьезно спросил Ваня и в его взглядѣ появилось удивленіе, смѣшанное с огорченіем. Не найдясь, что ему отвѣтить, молодая женщина отвернулась от юноши; она с торопливостью протянула свою руку с бокалом к спѣшившему ее поздравить Гарашвили...

Ирина и Ларош встрѣчали гостей. К темным волосам молодой женщины шел малиновый цвѣт ея бальнаго платья. Музыка играла; одинокія пары кружились, бѣгали, скользили по наводщенному паркету, блѣдно отражавшему их наряды. Но когда всѣ были в сборѣ, то стало тѣсно для танцовавших в залѣ; это обстоятельство не умѣряло их пылъ; напротив—оно придавало им еще большую охоту. Ирина, давно потерявшая счет рукопожатіям, с завистію поглядывала на веселившуюся публику; послѣ часового исполненія обязанностей хозяйки, она объявила мужу, что им тоже пора наряжаться. По дѣтской привычкѣ, весело шагая, по двѣ ступени сряду, молодая женщина исчезла за поворотом лѣстницы. На кровати ея спальни был разложен испанскій костюм, с высоким черепаховым гребнем, мантилей и вышитою разноцвѣтными шелками шалью. — Наконец-то я готова! сказала Ирина своей горничной, окидывая себя в зеркалѣ послѣдним бѣглым взглядом; скрыв лицо под маскою, она договорила: спасибо большое. Пожалуйста разбудите меня завтра в 12 часов. Покойной ночи.»

Когда пріятно взволнованная Ирина спустилась в гостиную, то уже застала там княгиню с Еленой Александровной. Бабушка сразу признала внучку в высокой испанкѣ, что немного огорчило молодую женщину.

— «Неужели остальные гости тоже отгадают мое «инкогнито»?» — воскликнула она. — «Я думаю лишь тѣ, которые изучили твои движенія и походку,» с улыбкой утѣшала княгиня внучку.

Нѣжно поцѣловавъ обѣих дам, Ирина вошла в залу, гдѣ ее оглушил шум: смѣх, говор и музыка. Как в волшебном фонарѣ, перед ея взором, проходили представители разных народностей и эпох. Нѣкоторые из костюмов были старинные. — «Вечер удался на славу,» подумала она, «через час пробьет полночь. Надо торопиться.» — Ища глазами знакомых, Ирина со вниманіем осматривала мелькавшія и толпившіяся вдоль стѣн пары. — «Прекрасная маска,» раздался у самаго ея уха, умышленно измѣненный голос. «Позволь пригласить тебя на танец.» От неожиданности, она вздрогнула и с интересом взглянула на говорившаго. Что-то знакомое ей показалось в элегантной фигуре французскаго вельможи, двора Людовика XVI, склонившагося перед нею в низком поклонѣ. Молодой женщинѣ сдѣлалось, как-то особенно забавно и весело и, чтобы не выдать себя словом, она безмолвно взяла его руку. «Что ты молчишь? Развѣ ты нѣмая?» — спрашивал он во время головокружительнаго вальса. Но Ирина только тихо смѣялась. «Я влюбился в тебя и, пользуясь правами маски, говорю это прямо.» Мимо мелькали танцующіе и доносились до них отрывки чужого разговора. «Все здѣсь слишком просто и мило; мнѣ не удалось подслушать ни интересной интриги, ни настоящей драмы. Это «*a children's party*». — «Я угадала! Никто другой, кромѣ маркиза Альда, не станет дѣлать такія наблюденія,» — воскликнула она, забыв измѣнить свой голос. — «Я вас тоже узнал,» усмѣхнулась маска. Сверкнувъ глазами, молодая женщина вырвалась из рук Альфонсо и быстро скрылась в толпѣ. «Как она прелестна,» подумал маркиз, напрасно ища ее взглядом. Ирина не успѣвшая сдѣлать и нѣсколько шагов, была окружена группой домино, которыя с визгом, свистом и хохотом стали кружиться вокруг нея. От бѣлых, красных, желтых и черных цвѣтов у нея начало рябить в глазах. Знаками, зажав от шума уши, она умоляла выпустить ее из «заколдованнаго круга.» Один из них схватил молодую женщину за руку, и, быстро образовавшаяся цѣпь, забиравшая все новыя звенья на своем пути и похожая на ползущаго, склееннаго из разноцвѣтных кусков бумаги, змѣя, потащила ее через залу и гостинныя. Один из ряженных, державших Ирину за правую руку, шепнул ей: «Это — я, Василій. Мы с Гарашвили и молодыми Ларошами одѣлись в домино. Как весело!» — «Возьми руку моего сосѣда; у меня от бѣготни падает прическа,» отвѣтила сестра. Отцѣпившись от них, порывисто дыша, она опустилась на первый попавшійся стул. Грег-

бень выскользнул из шиньона и скатился на пол; ея волосы густою пеленою покрыли плечи. Ирина нагибалась, чтобы поднять упавшую вещь, когда перед нею предстал великан-индеец, грозного, жестокого вида. — «Я слѣдил за испанкою, напоминающей мнѣ мою жену и, когда увидѣл вас с распущенными волосами, то сразу признал ее в вас. Я провожу вас, надо вам привести себя в порядок. Через двадцать минут соберутся судьи.» — «Андрей?» нерѣшительно спросила она, хотя по голосу и узнала мужа. Они медленно продвигались к выходу и, облегченно вдохнув, собирались оставить позади давку, когда раздался чей-то возглас: «Краснокожій похищает испанку! Друзья, спасайте ее!» — И моментально откликнувшіяся на этот зов маски оттѣснили Андрея от жены. Ирина, усмѣхнувшись игриво на видимую досаду мужа и махнув ему рукой, безпрепятственно покинула залу. Торопливо, без посторонней помощи, она оправилась перед зеркалом и снова сошла вниз. При входѣ в залу, молодая женщина замѣтила матроса, прислонившагося к стѣнѣ и неподвижно слѣдившаго за танцевавшими.

— «Я зову тебя, лѣнивая маска, на этот танец,» сказала ему она. «Играют мой любимый фокс-тротт.» Он молча обнял ее и нѣжно прижал к своей груди. Тѣло и ноги молодой женщины дѣлали одни и тѣ же движенія; как будто они представляли единое цѣлое, руководимое общим умом и сердцем. «Как легко с тобой танцевать,» замѣтила Ирина.

Матрос не отвѣчал; она почувствовала дрожь в его рукѣ. Это волненіе передалось и ей; и, прерывающимся голосом, молодая женщина спросила: «Почему ты молчишь?» Но маска, упорно отказываясь разговаривать, продолжала безмолвно танцевать. Как в волшебном снѣ, ни о ком не думая, никого не замѣчая, она отдалась блаженному ощущенію.

Слух Ирины был непріятно поражен оглушительным звоном, нарушившим мгновенно чудное состояніе ея души. Она очнулась; судьи подымались на устроенное для них возвышеніе, чтобы приступить к раздачѣ призов и оркестр перестал играть. Всѣ находившіеся в залѣ сняли маски, и в матросѣ молодая женщина узнала Соколова. — «В-а-н-я,» протяжно, без удивленія сказала она, медленно открывая свое лицо. «Кто же другой мог быть? Развѣ мое сердце не почувствовало Ваню? Хотя я в этом и не отдавала себѣ отчета,» промелькнуло молніей в ея мозгу. — «Ирина!» — раздался поблизости сильный

голос Андрея. Отходя от Соколова, она успѣла ему шепнуть: — «Ждите меня в библиотекѣ, послѣ ужина; очень важно,» — и поспѣшила к звавшему ее мужу.

Послѣ сравнительной тишины, длившейся во время раздачи призов, снова поднялись общій говор и смѣх. Среди награжденных за лучшіе костюмы оказались Ирина и Альфонсо. Ужин («à la fourchette,*) лишь для пожилых были разставлены столы, прошел оживленно и весело. Василій, которому уже минуло 16 лѣтъ, очень нравился барышням; он сильно напоминал сестру тонкими чертами лица и большими глазами, но не выраженіем послѣдних, так как в его веселом взглядѣ не замѣчалось ни вдумчивости, ни глубины. Ирина уговорила скромную Елену Александровну, не привыкшую к свѣтской жизни, остаться к ужину и посадила ее рядом с бабушкой и донной Терезою; для пожилых в одной из гостиных были разставлены богато сервированные столы. Послѣ ужина, хозяйева и гости вышли на террасу: желтые, красные и синіе лучи и звѣзды бенгальских огней подымались в темное небо, внезапно освѣщая ясную свѣжую ночь. Когда неожиданно для Ирины поплыли в высь яркія буквы, составлявшія ее имя, она невольно позвала глазами мужа, и тот быстро подошел к ней. — «По случаю дня нашей свадьбы нельзя было «Ирину» разлучать с «Андреем»,» сказала жена с открытой улыбкой. — «Ровно через год ваше желаніе будет исполнено: наши огненные имена вмѣстѣ понесутся к звѣздам,» отвѣтил он шутливо. Его взгляд, ей одной понятный, заставил Ирину отвернуться. Послѣдняя ракета была пущена; гости возвращались в дом, гдѣ снова играла музыка, зовущая продолжать начатое веселье. Молодая хозяйка, незамѣтно отдѣлившись от толпы, безшумно спѣшила по корридору, ведущему в библиотеку. — «Не скоро обо мнѣ вспомнят. Бабушка ушла к себѣ, брат ухаживает, а Андрей занимает гостей. Одна Долли догадается, почему Ваня и я пропали. Она все время за ужином была с ним. К ней идет малороссійскій наряд. Долли его надѣла в честь Вани. В нем она выглядит очень миленькой,» думалось Иринѣ.

«Дверь пріоткрыта!» — мысленно воскликнула она, остановившись перед входом в библиотеку. «Он уже там. Как бьется мое непокорное сердце! Если я сейчас заговорю, то спутаюсь или заплачу!» Молодая женщина тихо

*) Вуфет.

вошла в комнату. Соколов, спиной к двери, стоял на одном колѣнѣ и раздувал потухавшій камин. Ноги ея слабѣли и подкашивались; она торопливо опустилась в низкое кожаное кресло. Услышав шорох, он оборотился; лицо его озарилось блаженной улыбкой. Мгновенно захлестнувшая их волна любви преградила уста молодых людей; они молчали. Наконец, собрав свои силы, Ирина с трудом проговорила: «Я надѣюсь, вы не скучали на моем балу.»

— «Временами я был безмѣрно счастлив,» взявши себя в руки, отвѣчал Ваня, с усилием вникая в ея вопрос. Присутствіе молодой женщины глухой ночью в отдаленной части „Старого Дома“, куда не доносились ни звуки оркестра, ни шум людского говора, и гдѣ их никто застать не мог в этот поздній час, волновало его чрезвычайно; мысли опьяненнаго молодого юноши путались, а сердце настойчиво стучало: «я обожаю ее!»

— «Я замѣтила, что вы с Долли веселились за ужином» — проронила она. — «Я старался занимать Долли. Она сегодня была странной: то нерзко смѣялась, то грустила. Я временами боялся, что с ней сдѣлается истерика,» возбужденно говорил он. — «От любви к вам!» — в восклицаніи Ирины был неудержимый порыв. «Развѣ вы не видите, что в вас влюблены, что живут лишь вами!? Что вы — свѣтъ и радость! Без вас даже близкіе кажутся дальними!»

Соколов, пораженный не так ея словами, как ея горячностью, звучавшей в них, стоял как виноватый, опустив голову. Немного успокоившись, она продолжала медленно: «Ея качества вы знаете не хуже меня... Если Долли вам нравится, то, не откладывая, дѣлайте ей предложеніе. Лучшей жены вам не найти.» На послѣдней фразѣ голос ея оборвался. Видимое волненіе Ирины не скрылось от юноши; ея волненіе смутило его. — «Что с нею? Как будто она мною недовольна! За завтраком объявила, что «королева не нуждается болѣе в своем рыцарѣ.» Неужели ее разстроила Долли и она считает, что я вскружил голову этому ребенку?» — мыслил он, не рѣшась посмотрѣть ей в глаза.

— «Ваня, что же вы мнѣ не отвѣчаете?» — негромко позвала молодая женщина.

— «Отчего вы на меня сердитесь? Скажите, что сдѣлал я Вам непріятнаго?» — спросил обезпеченный Соколов. Ея лицо находилось в тѣни; пламя камина освѣ-

щало лишь тонкія руки, сложенные на колѣнях и широкую юбку испанскаго платья, густыми волнами спускавшуюся до носков атласных туфель; расшитая цвѣтами шаль соскользнула на пол и ровная бѣлизна кожи просвѣчивала через кружевную мантилю. Ирина полулежала в широком креслѣ и если б не движеніе ея груди, высоко подымавшейся от учащеннаго дыханія, то можно было бы подумать, что она спала. Он продолжал, сперва ровным, потом — нетерпѣливым голосом, в котором звучало воодушевленіе: «Я не виноват, что нравлюсь Долли и не мечтаю о богатой невѣстѣ. Я хорошо понимаю свое положеніе в вашем домѣ и не зазнаюсь. Но, даже, если б я не был безправным бѣженцем и владѣл несмѣтными богатствами, все-же не подумал ухаживать за Долли или за какой нибудь другой дѣвушкой... Ирина Васильевна! Вы должны мнѣ вѣрить!» — «Исполните послѣднюю просьбу королевы,» чуть внятно, сiallyсь улыбнуться сказала молодая женщина и подумала: «надо торопиться; намѣреніе мое женить Ваню на Долли с каждым бѣніем сердца слабѣет.» — «Просьба королевы для рыцаря» есть приказаніе,» пошутил юноша, хотя ему и было не до шуток. — «Я вызвала вас сюда, чтобы посовѣтывать жениться на Долли. Я думаю ея родители согласятся; Еленѣ Александровнѣ она понравилась,» быстро промолвила она, поворачивая голову к Соколову, который подошел вплотную к спинкѣ ея кресла.

— «Но я не люблю Долли и не смогу быть хорошим мужем!» — «Вы привыкнете, привяжетесь к ней и, когда станете отцом, то будете счастливы с женою.» — «Но это безнравственно» — с жаром, возбуждаясь от ея близости, возражал юноша. «Притворяться и обманывать Долли, мечтая о другой.» — «Как странно! Я повторяю совѣтъ Альфонса. Тогда в «Орлином Гнѣздѣ» я была не менѣе возмущена таким совѣтом, чѣм теперь в Старом Домѣ возмущен Ваня,» не могла не сравнить Ирина в умѣ тождественность ролей: своей и маркиза.

— «Неужели вы не способны принести ваше личное счастье в жертву ради матери и Родины? Подумайте! Сколько пользы вы смогли бы оказать нашим соотечественникам!» — добавила она с огнем.

Молодая женщина с трудом скрывала состояніе своей души. — «Мама не нуждается в чужой помощи, пока ея сын может работать; Россіи же я всегда готов отдать жизнь. Но предположим, что нужда заставила бы меня жениться на деньгах. Я был бы способен возненавидѣть, навязанную мнѣ безвыходным обстоятельством,

жену.» Он совладал со своим волненіем и, смотря на Ирину сверху вниз, ласково-шутливо спросил ее: «Прощает ли «королева» вѣрнаго «рыцаря» за ослушаніе?» От этих слов она дрогнула и, нагнувшись вперед, разсмѣялась. В ея нервном смѣхѣ слышался надрыв; этот смѣх походил на плач. Радость, только-что бывшая ключом из ея сердца, уступила мѣсто отчаянію. Встревоженный ея состояніем, Ваня позвал молодую женщину вначалѣ — тихо и нерѣшительно, затѣм — громко и настойчиво. Она не откликнулась. И это очевидное горе болью отдавалось в его сердцѣ; привычная сдержанность молодого человѣка мгновенно его оставила: он взял ее за плечи и осторожно откинул назад, на спинку кресла. Глаза Ирины были закрыты, в ея рѣсницах блестѣли, как капли росы, застывшія слезы; ноздри молодой женщины слегка вздрагивали, и из ея полу-открытых губ вырывались прерывистые вздохи. Но скоро она стихла и рот ея сложился в улыбку счастья. Глядя на Ирину, Соколов горѣлъ, не сгорая, в ослѣпительном огнѣ любви. Миг или вѣчность! Он забылся. Она открыла глаза; они встрѣтились взглядом. Влекомые,—неудержимо, один к другому, молодые люди соединились в первом поцѣлуѣ, ея руки крѣпко обвили его шею.

Когда Ирина опомнилась, то отстранилась от него и, встав, подошла к камину. Вся озаренная красноватым свѣтом, пристально глядѣла она на пылающее пламя. Соколов, ошеломленный своими внезапным счастьем, боялся словом или движеніем нарушить сладостную тишину; и воздух, который он вдыхал, казался ему насыщенным страстью. Невидимыя нити протягивались между ним и молодой женщиной.

И эти первыя минуты блаженства не были омрачены сознаніе грѣха.

— «Ваня,» звонким голосом, и продолжая смотрѣть на огонь, наконец вымолвила она: «Я попрошу у Андрея развод».

От ея слов юноша очнулся; дѣйствительность показалась ему менѣе радужной, чѣм ей. — «Дай Бог, чтобы твой муж согласился,» незамѣтно для самого себя переходя на интимное «ты», неувѣренно отвѣтил он. — «Но ты не знаешь!» — воскликнула Ирина, обращаясь к нему, тоже на «ты». «Я его жена только по имени.» И радостно усмѣхнувшись на его изумленіе, молодая женщина, порывисто начала объяснять в каком безвыходном положеніи была до свадьбы. „Мы оба согласились на фиктивный брак. Андрей мнѣ сам это предложил.“

— «Моя милая, ты святая,» шептал растроганный Соколов, цѣлуя ея руки. И в этот момент, она была в его глазах недостижимой своею чистотой и самоотверженіем.

Ирина первая спохватилась, что пора вернуться к гостям, она опасалась, что Ларош замѣтит исчезновеніе своей жены. Держась, как дѣти за руки, они возвращались в гостиную и не обратили вниманія на быстро отдѣлившуюся от стѣны тѣнь, которая исчезла за поворотом узкого коридора.

— «Я пойду домой,» сказал Соколов, проводив Ирину до залы. «Послѣ всего пережитого, я хотѣл бы быть один.» — «Я тоже, но мнѣ придется остаться до конца... Я совсѣм забыла Долли! Бѣдная! Что могу я ей сказать?» — вспомнив дѣвушку, забеспокоилась она. «Я сам с нею переговорю завтра,» предложил он, «мы с нею друзья».

Ларош не успѣл подойти к женѣ, как ее уже пригласили на фокс-тротт. И переходя из одних рук в другія, она протанцевала весь остаток вечера. Когда гости разѣхались, то молодая женщина в изнеможеніи опустилась на паркет бальной залы и со вздохом проговорила, обращаясь к мужу: — «Я натанцевалась до упада. Мои ноги отказываются двигаться.» Испанская юбка, как темная пѣна, вздымалась вокруг ея гибкаго тѣла. — «Я тоже выдохся. В жизни никогда так много не любезничал,» замѣтил он стоя перед сидѣвшей на полу Ириной. — «Ха, ха, ха,» слегка разсмѣлась она, «весьма неприличное для вас занятіе.»

— «Довольны ли вы днем?» — спросил Андрей. Не смотря ему в глаза, молодая женщина отвѣчала: «Было очень весело.» — «Мои уши устали выслушивать комплименты по вашему адресу. Многие из-за вас, повидимому, лишились разсудка,» пошутил он.

— «Да», тихо согласилась она, «нѣкоторые потеряли свое сердце.» Загадочная улыбка появилась на ея губах, и не осталась незамѣченной мужем, который сказал: — «Всего один год я женат, а мнѣ кажется, что лѣта прошли со дня нашей свадьбы; но все-таки вы для меня — задача попрежнему трудно разрѣшимая. Я плохой видно математик.» — «Вы упомянули о свадьбѣ, и меня потянуло в Рим,» промолвила жена, не отвѣчая на вопрос, который слышался в его словах. — «Меня тоже,» согласился он и весело договорил: «значит наша поѣзд-

ка в Италію рѣшена; дождемся только весны.» — «Я была бы так рада повидать Ольгу и других друзей,» согласилась молодая женщина. У нея не хватило духа огорчить его и она ему не возразила.

— «Напрасно вы дѣлаете планы, включая меня. Я намѣреваюсь вас покинуть, хотя мнѣ и тяжело это будет». Муж протянул руки женѣ, поднял ее легко с паркета и неторопливо проводил до спальни. У двери Андрей медлил проститься, как бы ожидая приглашенія послѣдовать за нею.

— «Покойной ночи,» поспѣшно прошептала Ирина и исчезла в своей комнатѣ. Но не успѣл он уйти, как ея голова просунулась в двери. «Завтра вечером мнѣ необходимо с вами серьезно переговорить.» Лицо молодой женщины выглядѣло тревожно, голос звучал нетвердо, и ясные глаза были подернуты дымкою печали.

ГЛАВА II.

ПОСЛѢДСТВІЯ БАЛА.

Ирину разбудили голоса Бетси, Рачарда и Андрея, доносившіеся из сосѣдней комнаты. И хотя она не могла уловить сущность их разговора, но частое упоминаніе имени Долли, смутили ее крайнѣ. «Должно быть что-то случилось,» предположила молодая женщина, не без чувства виновности перед подругой. Вперив свой взор в потолокъ, она неподвижно лежала, переживая вновь все то радостное, что случилось с нею прошедшей ночью. — «Как это я повстрѣчаюсь сегодня с Ваней? Мое волненіе станет для всѣх очевидным. Лучше дать ему знать—не приходить. Я сама поѣду в Русскій Поселок... Я боюсь вечерняго свиданія с Андреем, но откладывать его нельзя. Надо поскорѣй с ним переговорить.»

Памятный поцѣлуй измѣнил круто отношеніе Ирины к Соколову. Теперь она не могла удовольствоваться одними его взглядом и улыбкою; молодая женщина жаждала иной ласки; в ней заговорила страсть, то чувство, которое она презирала в других, с которым прежде не хотѣла считаться. И лишь теперь Ирина поняла, как безсильна сама перед этой силой земли. Мечтая о Ванѣ, она себя не щадила и хотя не сожалѣла о поцѣлѣ, но сознавала, что виновата перед мужем. Но настоящая душевная

борьба началась для нея—послѣ знаменательнаго объясненія с Ларошем. Думы Ирины были прерваны появленіем Андрея, который, постучавшись, вошел в ея спальню. — «Они уѣхали. Я их сейчас проводил,» сказал он, не здороваясь с женою. — «Кто?» — стараясь говорить спокойно спросила она. — «Ричард с семьею. Что-то непонятное произошло с Долли. Родители нашли ночью свою дочь, бьющуюся в истерикѣ перед вашим портретом. Припадок длился долго. Они насильно уложили ее в кровать. Можно было разобрать из слов Долли, что она влюблена в Соколова и чѣм то сильно потрясена. Утром они приходили объявить, что Долли умоляет немедленно увезти ее домой. Родители очень разстроены, так как их дочь неутѣшно плачет, но на всѣ разспросы отвѣчает молчаніем.» — «Как все это непріятно,» густо краснѣя, проговорила молодая женщина. — «Ричард и Долли извиняются перед вами, что уѣхали не простившись.» Она не нашлась, что отвѣтить ему. И Ларош продолжал недовольным тоном: «Мнѣ особенно жаль портрет, который был общан мнѣ. Долли его изрѣзала ножом.» Его нахмуренный вид не предвѣщал ей ничего лобраго, и сердце молодой женщины забилося тревожно. — «Подозрѣвали ли вы, что Долли серьезно увлечена Соколовым?» — неожиданно спросил муж. — «Она сама мнѣ в этом созналась,» еле слышно проговорила жена. — «Но какую роль во всем этом играли вы?» — «Долли просила меня устроить ея свадьбу с Ваней.» — «И ваше сватовство было неудачно?» — «Да,» прошептала она. Что-то неувловимое остановило Лароша от дальнѣйшаго вопроса. Были ли это боязнъ встревожить ее своими подозрѣніями или трусость, находящая временами даже на сильнаго человѣка — того человѣка, который предпочитает горькую правду сладкой лжи: лжи, утверждающей видимость счастья! Кто знает?...

Молодая женщина весь день не находила себѣ мѣста; она вѣглялѣла озабоченной и блѣдной. При мысли о надвигавшемся вечерѣ—ея брови болѣзненно сжимались. Соколова Ирина не видѣла, так как не поѣхала в «Русскій Поселок.» Маркиз сострадательно на нее посматривал. Он медлил с отъѣздом в Испанію, предчувствуя приближавшуюся семейную драму и желая дожидаться ея развязки. Опредѣляя вѣрно характер Лароша, Альда был в безпокойствѣ за Ирину. С сумерками молодую женщину начала бить нервная лихорадка—ее бросало, то в жар, то в холод. Муж пытливо за нею наблюдал и к концу дня стал мрачнѣе грозовой тучи. Как ни стара-

лась она отдалить минуты объясненія с Андреем, все же эта минута наступила, когда остальные обитатели «Старого Дома» разошлись, каждый по своим комнатам. Теперь не жена, а муж намѣревался ускорить назначенное ею свиданіе. «Прошу зайти ко мнѣ в кабинет,» не без усмѣшки, не то — горькой, не то — иронической, предложил он ей. Без возраженія, она приняла его приглашеніе. Андрей сѣлъ за письменный стол; Ирина — в кресло, стоявшее поблизости. Свѣтъ единственной лампы освѣщал его лицо и ее профиль; она сидѣла к мужу в полуоборот. Вокруг них были тѣни и полное безмолвіе; и молодая женщина подумала тревожно: «Старый Дом» заснул. Я одна — с Андреем.» В этот момент стѣнные часы пробили двѣнадцать, и, с их послѣдним ударом, он заговорил ровным голосом.

— „Я с утра замѣтил, что вы не в своей „тарелкѣ“ Что — с вами?“ Она молчала. „Сперва я испугался, что вам нездоровится, но потом, взглянувъшись в вас получше — убѣдился в обратном. И как ни странно вам покажется, я признаюсь, что мое открытіе меня не успокоило, а взволновало... Вас что-то гнетет... Будьте со мной чисто-сердечной. Имѣйте довѣріе к мужу.“

Робкія, прерывающіяся слова жены были едва слышны:

— „Мнѣ очень тяжело сознаться Вам... Я ужасно виновата перед вами... Я согрѣшила вчера ночью...“ — „Ирина!“ Его вопль походил на рычаніе раненнаго звѣря. Посѣрѣвшее лицо мужа и сухой трескъ переломленнаго карандаша, испугал молодую женщину еще болѣе, чѣм его гнѣвное восклицаніе: „Имя подлеца? Не смѣйте скрывать!“—снова крикнул он свирѣпо. Она в тоскливом волненіи молчала.

„Я догадываюсь и с ним расправляюсь по своему, вставая сказал Андрей.“ Его сдавленный голос звучал чуждо, злобно.

Порывисто вскочив и загораживая ему дорогу к двери, Ирина прошептала: — „Я одна виновата... Оставьте его... Не мстите ему... Я назначила ему свиданіе и, если бы не моя слабость, он никогда не поцѣловал бы меня.“ Муж смотрѣлъ на жену не отрываясь, но в этот раз его взгляд не смутил ее и она продолжала смѣло: «Я полюбила Ваню с первой нашей встрѣчи, хотя тогда и не сознавала. Но, вернувшись из путешествія, я поняла, что мы любим одинаково сильно. Я скрывала от всѣх свою тайну. Я была счастлива, довольствуясь со-

знанием, что он любит меня молча, безкорыстно, что я для него — олицетворение всего свѣтлаго на землѣ... Я могла его часто видѣть и мнѣ ничего большего не надо было.» — Молодая женщина опустила голову и замолкла.

— «Дальше,» глухо сказал он тоном судьи, державшаго в руках вѣсы жизни и смерти.

— «Я общалась Долли посовѣтывать Ванѣ на ней жениться.» Ларош язвительно усмѣхнулся. — «Да! Я исполнила ея просьбу, как умѣла!» — возразила она с жаром, замѣтив его сарказм. «Но со мной... сдѣлалось что-то вродѣ истерики... от сильнаго напряженія нервов... от волненія...» — Голос Ирины дрогнул; она тихо добавила: «Я не оказалась на высотѣ. Я без слов дала ему понять, что люблю... и тогда мы забыли «все на свѣтѣ.» — «Вы отдались ему?» — прихрипѣл он, задыхаясь от гнѣва, желая слышать из ея уст подтвержденіе своим опасеніям. Ларош предпочитал знать о своем несчастіи, чѣм находиться в невѣдѣніи; он ненавидѣл сомнѣнія и неопредѣленность в отношеніях с людьми.

— «Нѣтъ... нѣтъ,» краснѣя до корней волос, отрицала молодая женщина.

— «Ваши глаза не умѣют лгать,» сказал Андрей, беря ее за подбородок; и, хотя руки у мужа дрожали, голос его звучал относительно спокойно. Он долго смотрѣл, как по блѣдным щекам жены катились стыдливыя слезы и — повѣрил ей. «Я требую от вас прекратить всякія с ним сношенія, и если повторится еще такое свиданіе, я убью его, как собаку, а с вами поступлю, как с наложницей.»

— «Я не все успѣла сказать,» взволновано сказала она, опустив глаза. «Я прошу у вас развода, чтобы выйти замуж за Ваню.»

Андрей не сразу отвѣтил ей: молчаніе давило Ирину; в этом молчаніи она чужала надвигавшуюся бурю. И, пугливо взглянув на мужа, жена замерла в ожиданіи удара.

— «Никогда!» — твердым голосом отвѣтил он. Это слово сразило ее, разрушая мгновенно ея мечты. И отбросив свою обычную сдержанность, молодая женщина упала перед ним на колѣни и с мольбою проговорила: «Сжальтесь надо мной! Мнѣ не под силу оставаться с вами! Я слабая! Он такой хорошій! Я его так люблю! Мы без слов понимаем друг друга. У нас одни и тѣ же

взгляды, вкусы...» И смахнув рукою слезы, она не твердым голосом прошептала: «Мы — одной вѣры; оба русскіе.»

На суровом лицѣ Лароша пробѣжала волна состраданія: «Вѣрьте мнѣ,» сказал он с чувством, «мнѣ жаль вас,» и, нагнувшись, муж схватил жену за плечи и поднял с колен. Надежда засвѣтилась в ея глазах; Андрей прочел, зародившіяся в ея мозгу радостныя мысли, но не поколебался в своем рѣшеніи. И, почувствовав, что ни просьбы, ни угрозы, ни униженія не заставят его ей уступить, Ирина безнадежно склонила голову на грудь. Тогда Ларош порывисто притянул к себѣ жену и начал покрывать поцѣлуями лицо, шею, волосы молодой женщины. Он не обращал вниманія на ея сопротивленія. Отрывисто дыша и крѣпко обнимая Ирину, муж шептал ей со страстью: «Ваши губы цѣловали чужого. Теперь вы не можете мнѣ отказывать.» — «Он меня душит, дѣлает больно... Ваня! Ваня! Какой ужас!» — мысленно призвала она друга, жалуясь ему на свою плачевную долю.

Слѣдующее утро принесло молодой женщинѣ грустныя думы: «Жизненный путь полон терній; непріятныя неожиданности подстерегают человѣка за каждым углом. Радости и печали чередуются, как в калейдоскопѣ виды; ни в чем нельзя быть увѣренным. Жизнь соткана из случайностей.» С годами она признала свое опредѣленіе ложным и повѣрила, что одно событіе вытекает из другого, что мір движется по заранѣ Свыше начертанному плану; что все подчиняется Божьей волѣ, кромѣ гордаго человѣка, в своем безуміи возстающаго на своего Создателя и Благодѣтеля... Ирина тоже пришла к заключенію, что горести — послѣдствіе грѣха или испытаній, посылаемых Богом для усовершенствованія человѣка; что нужно учиться смиряться перед Ним; без ропота принимать несчастья и непоколебимо вѣрить, что все дается людям соразмѣрно с их силами.

Но, теперь, молодая женщина не могла примириться со своей участью, не старалась самосовершенствоваться и, считая крест свой непомѣрно тяжким, молила Царицу Небесную облегчить ей непосильное бремя.

Мысли ея упорно возвращались к ночным событіям и, сгорая от стыда, она возстановливала их в памяти: его грубые поцѣлуи, свое отчаяніе, настойчивый звонок телефона, свое молниеносное рѣшеніе и рѣшимость, во чтобы то ни стало, дотянуться до телефонной трубки, лицо мужа, выражавшее ожесточенность и искаженное

страстью, свою радость, когда услышала она голос Ричарда, вызывавшего Андрея, и свой прерывающийся частым дыханием отвѣт: «Это... я... Ирина... Я передаю... ему трубку.» Потом ей вспомнилось свое поспѣшное бѣгство из кабинета мужа, пока длился его разговор с двоюродным братом, прочная дубовая дверь, запертая на ключ, его стук и требованіе впустить в комнату, свое полное молчаніе на его угрозы выломать дверь. — «Мнѣ предстоит с ним объясненіе... Надо одѣваться,» подумала жена, слѣзая с постели.

Ларош пришел к ней пасмурный. — «Нас приглашают на слѣдующій «week-end» Ричард и Бетси,» сказал он. — «Как здоровье Долли?» — спросила молодая женщина, открывая и закрывая ящики письменного стола, за которым сидѣла; перебирая в руках бумаги, она дѣлала вид, что наводит порядок в своих письмах. — «Поправились и очень хотите вас видѣть.» Сухая усмѣшка блеснула в сѣрых глазах. Со вчерашняго дня Ирину мучила неизвѣстность: заглянула ли Долли в Библиотеку и видѣла ли ее, цѣлующуюся с Ваней? — Она хорошо помнила, что дверь за собою неприкрыла. — «Какой позор!» — краснѣя подумала молодая женщина.

— «Я возвращаюсь к прерванному между нами, вчера, разговору. Согласны ли вы подчиниться моему требованію?» — жестко произнес муж свой опредѣленный вопрос.

— «Я хочу развестись! Оставаться с вами, послѣ всего того, что произошло, я не желаю!» — возразила она с возмущеніем.

— «Бросьте об этом спрашивать. Я никогда не дам вам свободу.» — «Я убѣгу с ним!» — воскликнула молодая женщина в сердцах. — «Другая рѣшилась бы на это, но не вы. Я знаю, что вы не захотите огорчить бабушку, чьи годы сочтены.»

Она не могла не сознаться себѣ, что Андрей говорил правду, и промолчала.

— «Я буду вас держать под строгим надзором; Соколова же с матерью выставлю из моего имѣнія. Пускай ищет себѣ другую работу,» — на его лицѣ промелькнула тѣнь злорадства.

Сердце ее сжалось от тревоги за Ваню и Елену Александровну.

«Конечно, я найду хороший предлог от них отдѣлаться, чтобы не дать повод к злым сплетням и сберечь честное имя жены,» с ѣдким сарказмом продолжал муж.

— «Не гоните их! Пожалуйста, позвольте им, бѣднымъ, остаться,» — взмолилась она. «Послѣ долгихъ скитаній, они нашли здѣсь, подходящее занятіе и постоянный пріютъ. Для «Русскаго Поселка» они незамѣнимы. Скоро пріѣзжаютъ нѣсколько человѣкъ стариковъ; къ веснѣ мы ожидаемъ дѣтей и открываемъ для нихъ школу.»

— «Все, что вы мнѣ говорите, меня нисколько не касается. Я потерялъ интересъ къ вашему благотворительному предпріятію и съ сегодняшняго дня прекращаю всякую ему помощь.» Его голосъ звучалъ сурово.

— «С тѣхъ поръ, что вы меня сдѣлали богатой, я трачу на «Русскій Поселокъ» изъ моихъ денегъ,» чуть не плача напомнила жена мужу. Онъ не отвѣтилъ, но язвительно на нее посмотрѣлъ.

«Я общаюсь не искать съ Ваней встрѣчъ, не бывать у г-жи Соколовой и не звать его въ вашъ домъ, но съ условіемъ, что вы разрѣшите имъ жить въ «Русскомъ Поселкѣ». Они не должны изъ-за меня страдать.»

Блѣдная, съ горящимъ взглядомъ, говорила Ирина, глядя ему прямо въ глаза. — «Хорошо,» нехотя согласился онъ, въ душѣ любясь ею. — «Спасибо, поблагодарила она съ чувствомъ и не твердымъ голосомъ досказала: «Я тоже должна быть въ васъ увѣрена...» — «Вы не вправѣ от меня что бы то ни было требовать,» желчно отозвался Ларошъ. — «Я васъ готова возненавидѣть! Вы — изверг!» гнѣвно отвѣтила молодая женщина, глотая слезы обиды. — «Вы сами виноваты, что я перемѣнился къ вамъ,» злобно усмѣхнулся онъ.

— «Я все расскажу отцу Михаилу и, если вы его не послушаетесь, то я все открою бабушкѣ,» — возразила она, повышая голосъ и собираясь удалиться изъ комнаты. Но Андрей остановилъ ее жестомъ руки.

— «Чтобы избѣжать скандала, который вы намѣреваетесь сдѣлать, я даю вамъ слово, что пугать васъ больше не стану.»

— «Какой черствый, а говоритъ, что любитъ меня,» промелькнуло въ головѣ жены. — «Дурацкое положеніе,» подумалъ онъ, «но Ирина со временемъ пойметъ, что никто другой не будетъ ея мужемъ, тѣмъ болѣе — любовникомъ. Когда она придетъ къ этому заключенію, то подчинится мнѣ.»

Субботу и воскресеніе они провели у Ларошей. Молодая женщина рѣшила объясниться чистосердечно съ дѣвушкою. При встрѣчѣ обѣ виновато улыбнулись и, незамѣтно для остальныхъ, старшая шепнула младшей: «Мнѣ

необходимо с вами переговорить.» — «Я покажу вам бесѣдку над оврагом, мое излюбленное мѣсто,» озабоченно и торопливо поспѣшила предложить та своей гостьѣ.

— «Как тут красиво,» — хвалила Ирина великолѣпный вид на рѣку, луга и лѣс. Они стояли над обрывом. — «Да», согласилась Долли, «природа всегда хороша.» Обѣ не знали, как начать разговор о портретѣ и их общей любви к красавцу Ванѣ.

— «Простите меня... Я напишу новый портрет; скопирую старый... Вы на меня не сердитесь?» — дѣвушка первая заговорила о том, что камнем лежало у обѣих на сердцѣ.

— «Мнѣ, а не вам, нужно просить прощенье за причиненное вам горе. Я должна вам многое разъяснить,» сердечно отвѣтила молодая женщина. Долли ярко покраснѣла: «Не мое дѣло вмѣшиваться в вашу частную жизнь,» возразила она.

— «Выслушайте меня, пожалуйста,» настаивала Ирина, садясь в бесѣдкѣ на скамью и нѣжно обнимая дѣвушку. «Для моего спокойствія, это — важно.» Послѣ недолгаго молчанія она порывисто начала свою исповѣдь.

— «Я полюбила Ваню много раньше, чѣм вы, даже он—об этом не знал. Я вышла замуж за Андрея без любви, чтобы спасти от крайней нужды семью. Я цѣнила Андрея и потому могла пойти на такую свадьбу. От него я не скрывала, что не увлечена им... Я должна была бы помнить, что мы вѣнчались в церкви! Я виновата перед Андреем! Как могла я забыть, хотя бы на одно мгновение, все то, что он для меня сдѣлал!! Мнѣ было ужасно тяжело исполнить ваше поручение. Я заставила себя, ради благополучія Вани, посовѣтывать ему на вас жениться. И только, когда он наотрѣз отказался, правильно возразив, что нечестно брать себѣ жену, когда любишь другую, я без слов выдала ему себя с головой.

От исповѣди Ирины, Долли прослезилась и, крѣпко цѣлуя молодую женщину, она прошептала: «Жизнь — сложнѣе, чѣм я предполагала.»

Старшая продолжала грустно: — «Я созналась в моем проступкѣ Андрею и он взял с меня обѣщаніе с Ваней никогда болѣе не встрѣчаться. Единственное мѣсто, гдѣ я смогу его видѣть, это — церковь во время службы. Я чувствую себя такой слабой, что отлично сознаю, как трудно мнѣ будет слержать свое слово... Не скрою от вас, что я хотѣла за Ваню выйти замуж, но муж категорически отказал мнѣ в разводѣ.» — «Мы обѣ

— несчастныя. Пожалуй, вы — болѣе меня. У меня — живопись, этому искусству я посвящу всю себя. Меня мало любят, а вас слишком много. И то, и другое — тяжело.» Долли говорила проникновенно: в ней умер избалованный ребенок и родилась серьезная дѣвушка.

— „Я написала Ванѣ; Андрей потребовал от меня письменно с ним объясниться и лишить его всякой надежды,“ с дрожью в голосѣ досказала Ирина свое признаніе.

— „Полюбивши вас, Ваня ни на какую другую женщину и смотрѣть не станет. Он найдет утѣшеніе в своем полезном трудѣ. Я знаю, что мнѣ глупо надѣяться. Я удивлена своею тупостью: я принимала его обожаніе за одно лишь дружеское к вам чувство.“ Ирину пріятно поразила внезапная метаморфоза, происшедшая в Долли; онѣ вернулись в дом, если не вполнѣ примиренныя с судьбой, то, во всяком случаѣ, ставшими с того дня друзьями.

Г Л А В А III.

БЕСѢДЫ СО СТАРОЙ КНЯГИНЕЙ.

Ирина сдержала слово и не искала встрѣч с Соколовым. Для нея наступили осенніе дни: жизненная энергія не была болѣе ключом и, угасая, уносила с собою прежнюю радость бытія. Если бы не присутствіе в „Старом Домѣ“ княгини, с которой внучка проводила все свободное время, а у нея теперь его было много, то она заболѣла бы с тоски по Ванѣ. Его поцѣлуй не забывался ею; воспоминаніе о нем жгло и дразнило своим неповторимым ощущеніем. Бабушка, по просьбѣ внучки, согласилась писать мемуары. Она возстановлила в памяти отдѣльные эпизоды из своего дѣтства, юности и зрѣлаго возраста, протекших в 19-ом столѣтіи; и чтобы лучше сосредоточиться, княгиня закрывала глаза, и тогда на добром ея лицѣ появлялось напряженное выраженіе. Рѣчь бабушки лилась плавно; по старой привычкѣ, она рассказывала по французски, хотя и владѣла в совершенствѣ русским языком. Ирина со вниманіем записывала каждое слово княгини.

Эти часы бесѣд, навѣянные безвозвратными картинами красиваго прошлаго, будили во внучкѣ сознаніе, что она молодая вѣтвь стараго дерева, корни котораго уходили в глубь русской исторіи.

— «Существует между умершими и живыми духовная связь,» думалось молодой женщинѣ. «Прадѣды ждут от нас исправленія ошибок и продолженія добрых дѣл, совершенных ими при жизни... Ольга права! Потомство не должно отказываться от нравственного долга перед почившими предками.» И в этом убѣжденіи Ирина черпала новыя силы для борьбы с малодушіем.

Иногда Ларош заходил послушать бабушкины рассказы. Он молчаливо слѣдил за женой, и мысли его не были радостными. — «Я ей чужд! Обстановка, в которой она родилась, семейныя традиции, взгляды ея круга, выглядят своеобразными, ни на что мнѣ знакомое не похожими. Православіе и монархія представляют для них Россію; они считают, что для русскаго другая вѣра или иной строй правленія неприемлемы. Мнѣ же совершенно безразличны религія, національность или политическое воззрѣніе человѣка. Дѣти могли бы сблизить нас! Ребенок был бы цѣпью, прочно приковывающей жену к мужу.» Но эти, терзавшія Андрея, думы не омрачали его наружности и глубоко-лежавшія в его глазах тени — не могли быть примѣчены посторонним взором.

Василія, по молодости и безпечности, мало интересовало прошлое; он рѣдко присутствовал при повѣствованіи бабушки, но няня старалась не пропускать бесѣды княгини с внучкою; она, обмѣниваясь с ними своими впечатлѣніями, в нѣкоторой степени, дополняла воспоминанія бабушки.

Однажды княгиня сказала Иринѣ: «Благотворительность у нас считалась обязанностью богатаго человѣка; у меня была помощницей весьма толковая и энергичная дама.»

Я расскажу тебѣ об удивительном случаѣ, с ней происшедшем... Моя «visiteuse»*) поѣхала отвезти пособіе одному семейству, якобы лишившемуся матери и находившемуся в отчаянном положеніи. Она отыскала дом просителя в отдаленной части Петербурга и, войдя в него, застала плачущих мужа, дѣтей и покойницу, лежавшую в гробу. Что-то сомнительное показалось ей в горѣ, удрученнаго на вид семейства, и она оставила вдовцу лишь часть той суммы, которую я ему посылала. Но, отѣхав довольно далеко от дома просителя, она стала мучиться сомнѣніями и, придя к заключенію, что ея неопредѣленныя подозрѣнія — ошибочны, вернулась об-

*) Замѣтка автора: «une visiteuse», дама, посѣщающая для про-
вѣрки дома просителей.

ратно и, никѣм не замѣченная, снова вошла в дом... Что ты думаешь моя «visiteuse» там нашла? Всѣх членов семьи, включая покойницу, сидѣвших за обѣденным столом и весело поѣдавших разнообразныя яства!»

— «Невѣроятное приключеніе!» — воскликнула внучка. — «Их сѣятельство очень много тратили на благотворительность,» добавила няня.

«Во время Великой Войны у них на фронтѣ был свой отряд Краснаго Креста, а когда понадобилась больница, со специальным поѣздом для контуженных, то их сѣятельство пожертвовали миллион рублей.» — «Ты — необычайно добрая!» — с горячим убѣжденіем замѣтила Ирина, цѣлуя руку бабушки.

— «Я жалѣю, что больше тогда не сдѣлала для нуждающихся,» отвѣтила княгиня. — «Я не понимаю, как находила ты время для вышиванія и перевода русских классиков на французскій язык!»

— «Я вела тихую жизнь; мало выѣзжала со смерти дѣдушки,» пояснила бабушка. — «Я помню ты мнѣ подарила, когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, свой перевод «Войны и Мира». А твоим пано, который висѣлъ на лѣстницѣ, я всегда любовалась. Птицы, вышитыя на нем разноцвѣтными шелками, выглядѣли совсѣм настоящими.»

— «Теперь я начинаю слѣпнуть. Это послѣдствіе вышиванія,» с улыбкой отвѣтила княгиня. — «Какое же было твое любимое занятіе?» — спросила ее внучка. — «В молодости я увлекалась игрою. Дѣдушка устроил для меня дома сцену в одной из зал. Когда папа был мальчиком, я ставила любительскіе спектакли, в которых твой отец принимал участіе.»

Раз, слушая бабушку, Ирина сказала: «Многія книги, недавно вышедшія, описывают до-революціонную Россію отрицательно. Я хотѣла бы знать, правильно ли это сужденіе.» — «Идеала на землѣ нѣтъ,» проникновенно отвѣтила княгиня, «но наши прежніе законы и весь уклад жизни имѣли основою христіанство. И если правительство дѣлало ошибки, то все же оно неизмѣнно стремилось к улучшенію быта. Навѣты и сужденія можно объяснить не одной лишь недоброжелательностью, но и непониманіем. Тѣ, которые бѣжали в Америку от воинской повинности или были высылаемы властью за границу за свою анти-церковную и анти-государственную дѣятельность,*) конечно, клеветали на наше отечество;

*) Замѣтка автора: До Февральской революціи 17 года не было отдѣленія Церкви от государства.

но не тѣ, которые, по своему невѣдѣнію, им вторили... Я переиначу извѣстную фразу M-me Roland вмѣсто: „Oh Liberté, que de crimes on commet en ton nome!“ — скажу: „Oh, Ignorance! que de crimes on commet à cause de toi!“

— „Ты мудрая,“ — с нескрываемым одобрением, воскликнула внучка. И с нѣжной улыбкой добавила: „Ужасно интересно! Я взрослая и замужняя женщина; теперь ты можешь со мной обо всем говорить. Не правда-ли?“

— „Все, что хочешь, спрашивай, моя душка,“ ласково отвѣтила бабушка. — „Я давно собиралась... Какое твое мнѣніе о Распутинѣ?“ — в этом вопросѣ была нерѣшительность.

— „Ни наши друзья, ни мы сами, не интересовались этой личностью. Он, безусловно, был слѣпым орудіем в руках врагов Россіи, которые ловко использовали пороки грубаго, необузданнаго простолюдина для очерненія свѣтлых личностей Государя и Императрицы Александры Феодоровны. Распутин обладал натуральным магнетизмом; он мог останавливать кровотечения и прекращать боль. Хитрый мужик во дворцѣ всегда держал себя пристойно; он неоднократно помогал больному Наслѣднику, который, как ты знаешь, страдал гемофилией, когда доктора оказывались безсильными.

— «Было-ли необходимо, для спасенія Россіи, убійство Распутина?» — продолжала расспрашивать внучка. — «Оно принесло вред тѣм, что подчеркнуло и углубило существовавшій разлад между царем, нѣкоторыми членами Императорскаго Дома и небольшой частью общества, а также тѣм, что придало определенное, особое значеніе грязным сплетням, связанным с именем Распутина. Конечно, я не отрицаю, что тѣ, которые пошли на это преступленіе, руководились благородным желаніем. Но, все-же, убійство Распутина — грѣх юности! Вѣдь, участниками заговора и его исполнителями были совѣм еще молодые люди.» И, воодушевляясь, княгиня продолжала: **) «Несмотря на длину фронта, тянувагося на

*) Замѣтка автора: M-me. Roland, республиканка, казненная крайними революціонерами (montagnards) в 1793 году. В ея домѣ собирались умѣренные политическіе дѣятели, участники февр. революціи. Перед казнью M-me. Roland сказала: «свобода! сколько преступленій совершается во имя твое». Княгиня Невская измѣнила эти слова: «О невѣдѣніе! Сколько преступленій совершается из-за тебя!»

**) Winston Churchill. The world crisis: 1916-18, Vol. I page 223-225, London 1927.

тысячи верст и хорошо вооруженную нѣмецкую армію, несмотря на то, что наша страна была земледѣльческой, а не промышленной, несмотря на подрывную подпольную работу социалистов и коммунистов, Россія, перед самой февральской революціей, была наканунѣ блестящей побѣды... Развѣ это нам не доказывает, что наше отечество управлялось надежными и опытнымъ руками?!,—Помню—папѣ мнѣ говорилъ в 1914-омъ году, что мобилизація прошла превосходно... Мы не были подготовлены къ войнѣ, но и наши союзники тоже не были вооружены в достаточной мѣрѣ... Но в 1916-омъ году, подвоз на фронтъ снарядовъ налачился и армія была готова къ весеннему наступленію».

— «Предатели тѣ, которые устраивали революцію,» — с горящими негодованіемъ глазами, смѣло заявила Ирина, и дрогнувшимъ голосомъ она досказала: «пока Государь былъ на фронтѣ со своими войсками.»

— «Ты права. Они были измѣнниками, хотя среди них и находились люди, помышлявшіе объ общей пользѣ и любившіе по своему наше отечество,» согласилась княгиня. Революціонеры торопились с исполненіемъ своего гнуснаго замысла,» добавила она, «такъ какъ ожидаемая русская побѣда уничтожила бы возможность переворота».

— «Вѣрно-ли, что Государь былъ слабовольнымъ?» — задала новый вопросъ бабушкѣ заинтересованная внучка.

— «Онъ производилъ это обманчивое впечатлѣніе на тѣхъ, которые не были къ нему близки. Исключительная доброта, скромность и вѣжливость Государя создавали такое мнѣніе толпы. Я знаю навѣрно, что никто и ничто не могли заставить Царя покривить душой, и в тяжелыя минуты онъ проявлялъ большую нравственную силу. Папѣ былъ товарищемъ дѣтства и юности Государя. Онъ считалъ Николая Александровича*) за человѣка кристальной души.»

Глаза княгини подернулись грустью и стали влажными.

— «Тебѣ больно о всемъ этомъ вспоминать,» с участіемъ замѣтила Ирина, — «Да, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы мои внуки знали правду о своей родинѣ...»

Если близость бабушки спасла Ирину отъ отчаянія, то материнское участіе и постоянный трудъ поддерживали Соколова. Онъ весь ушелъ в свое занятіе, отдавая ему

*) Такъ назывался товарищами дѣтства Императоръ Николай II, в бытность свою цесаревичемъ. — Зам. автора.

всѣ силы умственныя и физическія. По печальным глазам и обострившемуся лицу юноши, не трудно было бы догадаться тому, кто знал его тайну, что он жестоко переживая разлуку с Ириной. Но никто, даже мать не слышали его жалоб. Юноша покорился своей судьбѣ, ибо в глубинѣ души никогда не вѣрил в великое счастье стать ея мужем. Ирина, хотя и перестала посѣщать «Русскій Поселок», но заочно слѣдила за жизнью ея обитателей. Имѣя полное довѣріе к отцу Михаилу и Еленѣ Александровнѣ, она поручила им стать во главѣ устроившейся школы и открывавшейся богадѣльни.

ГЛАВА IV.

АЛТАРНЫЙ КУРГАН.

«Старый Дом», послѣ отъѣзда всѣх гостей, опустѣлъ. Маркиз на прощаніе, на правах пожилого друга, имѣл с Ириной откровенный разговор. Он настаивал на том, чтобы она временно перемѣнила обстановку, то есть уѣхала бы подальше от Лароша и Соколова. Альфонсо увѣрял, что их дом в Мадридѣ и «Орлиное Гнѣздо» — в ея распоряженіи; что оба будут счастливы, если она рѣшится провести с ними зиму.

— «Если б я могла, то с радостью воспользовалась бы вашим приглашеніем. Я понимаю, что для меня самое лучшее было бы на время покинуть «Старый Дом». Но я боюсь оставить бабушку. Она без меня станет грустить, что вредно для ея здоровья,» отказывалась Ирина. «Я завидую Вашей свободѣ,» раз добавила молодая женщина с печальной улыбкой. Альда прочел внутреннее значеніе ея слов и сказал ей шутя: «Мавр засадил Вас в гарем. Он окружил Вас женщинами; мужчины не допускаются к Вам. Пока еще он меня из-за Терезы терпит. Но долго ли я буду в этом привилегированном положеніи? Право — не знаю.»

— «Пожалуйста, не называйте Андрея мавром!» — измолилась она. «Развѣ вы находите, что он на него похож?» — «Да,» серьезно отвѣтил Альфонсо, хотя глаза его смѣялись. „Упорство, страстность, ревность, желѣзная воля и постоянство.“ — Про себя он добавил: „Хотѣл бы я видѣть, как поступила бы Ирина, если бы узнала, что Ларош также, как и мавр, не стѣснялся средствами для достиженія любимой цѣли.“

— „Если их сходство здѣсь кончается, то мнѣ нечего опасаться,“ отворачиваясь от него, со смущеніем объявила собесѣдница маркиза.

— „Я перечислил черты в характерѣ вашего мужа, которыя в глазах любой жены имѣли бы значительную цѣнность.“ Их взгляды снова встрѣтились и она, почувствовав его ласковую насмѣшку, вспылила: „— вы всегда меня дразните! А мнѣ сейчас не до ваших шуток!« Но, чтобы загладить свою рѣзкость, молодая женщина поспѣшно добавила: „Простите мнѣ мою раздражительность.“

Альда, будучи реалистом, предполагал, что его любимица («*à la longue*»*) будет счастливѣе во дворцѣ с Андреем, чѣм — в «шалашѣ» с Ваней. Он всегда утверждал, что любовь молодых быстро увядает и не придавал особаго значенія увлеченію Ирины, хотя и понимал, что она искренно страдает. Для нея Альфонсо считал правильным идти по пути меньшаго сопротивленія, а также — избрать разумную послѣдовательность. И то, и другое опредѣленно указывало молодой женщинѣ искать счастья в своем мужѣ.

— «Мы избалованы условіями современной жизни, отдалившей нас от скромных идеалов и небольших потребностей наших почтенных предков Адама и Евы: жесткое ложе из благовонных трав и цвѣтов, под шатром голубого неба — греческая идиллія, безусловно, но не подходящая для нашей очаровательной «пастушки.»

Послѣ их бала Ирина и Андрей начали получать многочисленныя приглашенія к сосѣдям или к знакомым, живущим в окрестностях «Стараго Дома». Ларош полюбил теперь вывозить жену, так-как на людях, в их обращеніи, не было натянутости; ея напускное оживленіе и наигранная веселость, вводя всѣх в заблужденіе, доставляли ему удовольствіе. — «Отличная актриса,» думал он, ошибочно принимая выдержку, данную воспитаніем, за сценическое дарованіе.

С Соколовым Ирина встрѣчалась лишь в церкви. Какими словами описать их муку, их блаженство? — «Здравствуйте! Как поживаете? До свиданія,» были единственными словами, которыми они обмѣнивались. Но то, что не могли сказать уста — говорили любящіе очи. Бывают глаза, отражающіе состояніе души, мѣняющіе свой оттѣнок от движенія сердца; и можно было бы справед-

*) Замѣтка автора: В концѣ концов.

ливо назвать их — говорящими. Иногда, увлекаясь красотой глаз, ты вглядываешься в их глубину и остаешься разочарованным, ибо в них, как в зеркалѣ, ты видишь лишь свое отраженіе; и не придет тогда тебѣ на ум сравнить их с бездонными, полными манящей тайны морями, на днѣ которых иному счастливцу удастся различить подводный мир, с его причудливыми лѣсами из водорослей, с зелеными скалами, в видѣ средневѣковых замков, с долинами и холмами, освѣщенными фосфорическим сіяніем разнообразных обитателей сего морского царства. Но существуют глаза страшные своей намѣренной безжизненностью! Часто, пораженный их величиной, правильностью формы, ты напрасно ищешь в них мысли, чувства, слѣды порока иль добродѣтели, и натыкаешься на глухую стѣну. Такіе жуткіе глаза напоминают дом с опущенными на окнах шторами, за которыми невидимая личность прячется, слѣдит за тобой!

«*A la manière des Précieuses*»,*) глаза Ирины были «*le miroir de l'âme*». В свой взгляд она вкладывала всю душу; и то, что было в нем прежде безотчетным, теперь становилось намѣренным. Эти нѣмые разговоры заключали в себѣ цѣлую науку, и в этой области молодая женщина достигла совершенства.

Однажды раннею зимой, Андрей позвал Ирину поѣхать с ним верхом. Шибкою рысью они углубились в посвѣтлѣвшій лиственный лѣс, гдѣ мѣстами лежал сивато-бѣлый снег. Им попадались по пути олени, лисы, зайцы и дятлы, монотонно долбившіе клювом гнилую кору деревьев, а также вороны, лѣниво перелетавшіе с вѣтки на вѣтку, провожая всадников рѣзким карканіем. Определенно, что-то успокаивающее заключалось в созерцаніи природы и жизни ея животнаго міра.

Внезапно, выѣхав к глубокому оврагу, на днѣ котораго змѣился замерзшій ручей, они остановились. «Я тут никогда не была,» замѣтила оживляясь жена. «Можно ли спуститься в балку?» — «Да, только не отставайте от меня. Звѣзда вас не подведет,» отвѣтил муж. Она молча послѣдовала за ним, натянув повод и опрокинувшись назад на сѣдло.

*) Замѣтка автора: «*Précieuses ridicules*» пьеса Мольера, в которой он высмѣивает литературный салон маркизы «*Rombóvillet*».

Выраженіе «зеркало души» (*le miroir de l'âme*) взято оттуда же.

«Помните? Я упомянул, как-то раз, что лѣс хранит мрачныя тайны?» — спросил он ее. — «Да. Но вы не захотѣли о них нам рассказывать.» — «Теперь я открою вам темную страницу из жизни дѣда и бабушки.» Ирина и Ларош ѣхали по оврагу, заросшему хвойными деревьями, между стволами которых виднѣлись своеобразныя мшистыя скалы. Вдали над соснами и елями возвышалась своей конической формой земляная глыба. Можно было безошибочно опредѣлить, что она здѣсь стояла вѣками, в течение которых ее отшлифовали, обвѣтрили вода и бури. «Странная вышка,» замѣтила молодая женщина.

— «Я вижу, вы обратили вниманіе на алтарный курган, воздвигнутый древним народом «mound builders»,*) управлявшимся кастой жрецов,» пояснил Андрей. Тут совершались в незапамятныя времена человѣческія жертвоприношенія. И несмотря на мрачную исторію этого холма, моя легкомысленная бабушка назначала около него свиданія своему любовнику.

— «Как можно так непочтительно отзываться о близких, особенно об умерших?» — мысленно вознегодовала на мужа она. — «Бабушка происходила из южных штатов Америки; и, по принужденію небогатых родителей, вышла замуж за моего дѣда. Скоро, послѣ свадьбы, она влюбилась в одного дальняго родственника своей семьи. Возможно, что бабушка любила его еще раньше, так как послѣ ея преждевременной смерти, среди вещей покойницы нашлась переписка, начавшаяся между ними, когда они были подростками. Во всяком случаѣ, их увлеченіе было настолько сильно, что они рѣшили секретно встрѣчаться. Их выбор пал на этот овраг для мѣста любовных свиданій; они разсчитывали, по всей вѣроятности, что муж не застигнет их здѣсь «flagrante delicto.»**) Но дѣд стал замѣчать загадочныя отсутствія жены и прослѣдил ее к алтарному кургану. Когда мщеніе было им обдумано, он пригласил обманщиков сдѣлать с ним прогулку верхом. Ему удалось заманить их в каменную камеру холма, довольно хорошо сохранившуюся; и там дѣд, завалив выход камнями, землею и хворостом, предварительно запасенными им для этого случая, оставил безчувственных любовников. Бабушка упала в

*) Строители холмов.

*) На мѣстѣ преступленія.

обморок, когда дѣдушка кулаком оглушил ея «бой френда».*) И так—провинившіеся заключенные просидѣли всю ночь в каменном мѣшкѣ; на слѣдующее утро, дѣд откопал своих плѣнников, отчаивавшихся быть спасенными от медленной смерти. Послѣ этого наказанія, бабушка лишилась разсудка и, немного времени спустя, скончалась в сумасшедшем домѣ. Всѣ, такого рода, курганы имѣют каменный проход в комнату: они представляют интерес для археологов.» — «Мнѣ не нравятся ваши американскіе и французскіе предки,» с возмущеніем сказала Ирина.

«Если вы подумали о маврѣ, то ошиблись: по словам Альда в нем текла арабская и испанская кровь,» с ѣдкой усмѣшкой поправил ея Ларош и добавил с убѣжденіем: «Наказаніе было жестокое, но заслуженное. Оскорбленный муж вправѣ проучить жену.»

— «Неужели вы одобряете поступок вашего дѣда?» — воскликнула она. Андрей невесело разсмѣялся: «только отчасти! Я отомстил бы соблазнителью моей жены, но ее самое я пощадил бы.

— «Я рада, что вы добрый дѣда,» проронила молодая женщина. — «Я руководился бы не жалостью, а одним лишь эгоизмом; конечно, если бы жена была красавицей. Но с ея любовником я поступил бы строго: я забыл бы его в этом страшном курганѣ,» с напускной злостью заключил он.

Много позже, Ларош сознался Иринѣ, что хотѣл тогда лишь напугать ея и предостеречь, не будучи по натурѣ холодно-разсчетливым, он не был бы способен на такого рода мщеніе. Но она, там в оврагѣ, повѣрила его словам и ужаснулась, представив мысленно Ваню, заживо погребенным в алтарном курганѣ, а себя — во власти челоуѣка, осудившаго его на такую мучительную смерть. И в тѣ минуты страха и негодованія, молодая женщина ненавидѣла Андрея... Ея лошадь безпокойно храпѣла и, косясь по сторонам, порывалась ускакать; повидимому, это жуткое мѣсто пугало не одну Ирину, которой чудились расплывчатые звѣриныя силуэты и раскатыстый адскій хохот. Как будто совершенныя здѣсь преступленія, оставив невидимый, но неизгладимый слѣд, давили душу несмытою кровью от своих челоуѣческих жертвоприношеній.

Примѣтив болѣзненную блѣдность жены и ея не твердую посадку, муж спросил озабоченно: «Что с вами? Вам нездоровится?»

*) Это выраженіе «boy friend» имѣет весьма широкое понятіе. — Зам. автора.

Она ему не отвѣтила. Он ее поддержал мощной рукой. Собравшись с силами, Ирина отстранила Андрея. Отпустив туго натянутый повод, она направила лошадь к ручью. Обезпокоенный Ларош послѣдовал за всадницей, быстро взбиравшейся на крутой косогор оврага. — «Она намѣревается ускакать от меня,» подумал он и, пустив коня в карьер, нагнал жену на равнинѣ, разстилавшейся до самой рѣки Сент-Мориса.

Г Л А В А V.

С М Е Р Т Ъ Б А Б У Ш К И.

Эта зима быстро уступила мѣсто ранней веснѣ. Для Ирины подготовленіе к встрѣчѣ второй пасхи в «Старом Домѣ», было временем душевнаго мира. Она ходила в церковь на всѣ великопостныя и Страстной седмицы службы и там встрѣчалась с Соколовым. Совмѣстная с ним молитва ее утѣшала; увѣренность, что никакая земная сила не в состояніи заставить их разлюбить друг друга, росла в ея сердцѣ, гдѣ робко начинала теплиться надежда.

«Андрей сжалится надо мной, когда убѣдится, что я никого, кромѣ Вани, любить не могу. Но чтобы быть честной, я должна безропотно и строго исполнять договор. Я не дам ему повода и желанія нам мстить.»

На Пасхальную Заутреню Ирина отправилась с бабушкой, нянею и братом в церковь. Она с Василием участвовала в крестном ходѣ. Когда хор залѣл «Христос Воскресе», стоя у закрытых дверей храма, на нее нашло праздничное настроеніе; защищая горящую свѣчку молодая женщина, с радостной улыбкой, посмотрѣла на звѣздное небо, мелькающіе огоньки в руках людей и, вздохнув глубоко весенній запах земли, встрѣтилась глазами с Соколовым. В нем она замѣтила ту же пасхальную радость, которая раскрывалась ей в мерцаніи звѣзд, в дрожаніи пламени, в сіяющем любовью взорѣ человѣка. Со всѣх сторон слышалось «Христос Воскресе». Оно неслось со звоном колокола, с дыханіем вѣтерка, с воздушным шелестом природы, с журчаніем ручья. Когда Ирина похристосовалась с близкими, то очередь дошла до Соколова. «Воистину Воскресе» отвѣтила она ему, первому ее поздравившему, и трижды приложилась к щекам Вани. От этого прикосновенія их лица запылали, а глаза заискрились счастьем.

Разговѣніе было приготовлено у отца Михаила. За длинным столом, заставленным пасхами, куличами, крашенными яйцами и различными блюдами, сидѣли жители «Русскаго Поселка». Послѣ долгаго поста, всѣ с особым удовольствіем разговлялись.

«Как тактично поступил Андрей, что не поѣхал на Заутреню,» думалось Иринѣ, «тѣм болѣе,» успокаивала она свою совѣсть, «он не говорит по русски и не понимает наши обычаи... Конечно, если бы я настояла, то он не отказался бы быть с нами,» неохотно сознавалась она себѣ. Мысль о Ларошѣ была малой ложкой дегтя в бочкѣ с медом. Мѣсто Ирины было между священником и полковником Петровым. В теченіе зимы Соколов списался со своими пріятелями и однокашниками, предлагая им работу в «Русском Поселкѣ». И тѣ, которые искали в трудѣ нравственное удовлетвореніе, с благодарностью откликнулись на зов Вани. Петров был инвалидом Великой Войны, но несмотря на свои раненія, дающія поминутно о себѣ знать, он сохранял энергію и бодрость; и если была бы на то надобность, полковник мог бы выполнять работу садовника или плотника, слесаря или сапожника, повара или прачки; он знал еще многое иное весьма полезное, чему научился в бѣженствѣ и был для «Русскаго Поселка» незамѣнимым человѣком. В досужее время Петров занимался собираніем повлѣстей из жизни кадетов и юнкеров царскаго времени; его постоянной мечтой было издать свой сборник для дѣтей русской эмиграціи. Исторію жизни полковника Ирина узнала от него самого, а также от Елены Александровны, которая давно, еще в Россіи, была с ним знакома. Он был артиллеристом. На войнѣ его батарея длительный срок стояла на Днѣстрѣ, гдѣ Петров отличился и был награжден Георгіем 4-ой степени. Ему везло в боях и солдаты считали своего командира счастливым: он никогда не терялся, всегда находил выход из затруднительнаго положенія и был для своих подчиненных олицетвореніем храбрости и находчивости. Елена Александровна рассказала Иринѣ один случай, рисующій ярко этого русскаго самородка.

«На противоположном берегу Днѣстра искусно были замаскированы пулеметныя гнѣзда непріятеля, чинившія крупный ущерб русским войскам. Их мѣстонахожденіе не удавалось опредѣлить и Петров взялся сам произвести развѣдку. Небольшой плот, на которой он лег, был заброшен вѣтвями, травой листьями и пущен по теченію рѣки, понесшую его сперва на середину Днѣстра,

затѣмъ к крутой, правой сторонѣ, гдѣ засѣли в лѣсу австрійцы. Совсѣмъ близко от непріятеля проплыл смѣлый полковникъ; и основываясь на показаніяхъ Петрова, русская артиллерія уничтожила австрійскія пулеметныя гнѣзда.»

Когда Петров был ранен в живот и его собирались переправить с фронта в Москву, то тогда телеграммой была извѣщена его жена, о днѣ и часѣ поѣзда Краснаго Креста. Он был помѣчен в списокъ тяжело раненныхъ. Но ночью перед самым отходом поѣзда, подчиненные выкрали из походнаго лазарета своего любимаго командира. Эта привязанность солдат дорого обошлась полковнику: жена, не найдя мужа среди прибывших с фронта раненых и рѣшив, что он скончался, умерла от разрыва сердца. Вторая телеграмма, посланная г-жѣ Петровой вдогонку первой, и разъясняющая происшедшее, уже не застала бѣдную женщину в живыхъ. Одному Богу извѣстно, как перенес полковник, сам еле выжившій, свою потерю. Глубокая вѣра помогла Петрову пережить этот удар. Подружившись с Невскими, полковникъ рассказал им, что при разставаніи с женою, когда он ѣхал на войну, они общались друг другу не забывая искать на небѣ первую вечернюю звѣзду. — «В эти минуты мы сердцемъ будемъ вмѣстѣ,» были послѣднія слова жены мужу. И эта просьба спасла Петрова от гибели много мѣсяцевъ спустя послѣ ея смерти, когда он выздоровѣвшій был снова со своей багареей.

— «Однажды, когда я сидѣлъ в палаткѣ, мнѣ особенно сильно взгрустнулось по покойной женѣ и вспомнилась ея прощальная фраза. Я вышел на воздух, небо было ясное и ярко горѣлъ голубоватый Арктур. Пока я глядѣлъ на вечернюю звѣзду, мое походное жилище было уничтожено снарядамъ.»

— «Какая трогательная и поучительная исторія полковника,» говорила со слезами на глазахъ внучка. — «Да,» соглашалась с нею тоже растроганная бабушка, «она нам доказываетъ лишній раз, что любовь не прекращается со смертію. Какъ было бы одиноко и грустно, если бы мы становились чуждыми для умершихъ.»

Ирина внимательнымъ взоромъ окинула сидѣвшихъ за столомъ и подумала о старикахъ своей богадѣльни: «Многострадальные». Ихъ было нѣсколько человѣкъ, біографіи когорыхъ были во многомъ схожи: обезпеченное существованіе в Россіи до революціи; потеря близкихъ и всего имущества; послѣ неудачной гражданской войны: бѣгство за границу, полунищенская тамъ жизнь.

Среди молодых работников «Русского Поселка», были два полуидиота. Они были безобидныя существа и назывались Леонидом и Валеріаном. Послѣдній обладал удивительной памятью и мог не задумываясь сказать в обратном порядкѣ букв любое слово. Первый — не имѣл талантов, но зато разговоры с ним были для Василія источником потѣхи. И теперь, сидя за разговорънем, Василій вел с Леонидом оживленную бесѣду, прерывавшуюся его постоянным смѣхом. Общій разговор занимал молодую женщину: всѣ вспоминали в эту пасхальную ночь одно лишь хорошее. Их радостное настроеніе сквозило в глазах и улыбках, освѣщавших молодых и старыя лица.

Из комнаты мужа свѣтилось, когда Ирина в 4-ом часу утра вернулась домой из «Русского Поселка». Ей было так хорошо на душѣ, что захотѣлось порадовать его. Андрей лежал в постели и читал, когда она, постучавшись, просунула голову в его дверь. «Happy Easter», сказал он. Ирина отвѣтила ему по русски «Воистину Воскресе» и, подойдя к кровати, похристосовалась с мужем.

— «Какой у Вас особенный вид; как вам идет бѣлый цвѣтъ,» задерживая ее рукой, сказал он. Она улыбалась. «Вы мнѣ принесли солнцѣ,» пошутил Ларош. Ирина, опустившись на край его постели, с ласкою отвѣтила: «Я вам передала частицу пасхальнаго свѣта.»

Молодая женщина почувствовала, что они оба иные в эту святую ночь; и она осталась с ним. дружески бесѣдуя, до тѣх пор, пока глаза ея не стали сами-собою закрываться от сладкой дремоты...

«Мы скоро окончим писать мемуары,» как то раз, сидя с княгиней, замѣтила Ирина.—«Пора, давно пора,» вздохнула бабушка.

— «Могу ли я их издать?» — спросила внучка. — «Послѣ моей смерти, моя душка,» дала свое согласіе княгиня. Ирина внимательно всмотрѣлась в старческое лицо и подумала: «Неужели нам скоро придется разстаться? Бабушка сильно ослабѣла за этот год.» Слезы, которыя ей не удалось удержать, блеснули в глазах молодой женщины. — «Разлука — неизбѣжная, но — временная,» тихо прозвучал голос княгини; ея взгляд, полный доброты и грусти, остановился на внучкѣ.

Княгиня с внуками пила чай у отца Михаила. Кусты жасмина, росшіе под окнами, насыщали столовую своим благоуханіем. Ирина внимательно прислушивалась к бе-

сѣдѣ бабушки со священником, обсуждавших положеніе русской церкви за рубежом.*)

«Большевики напрягают усилия, чтобы произвести в эмигрантской средѣ церковный раскол. Их главное задание заграницей уничтожить Зарубежную Церковь, которая громко, безбоязненно обличает дѣла безбожников.» Придерживая лѣвой рукой наперсный крест, отец Михаил погладил правой — свою длинную бороду.

— «И одна во всем свѣтѣ не идет на уступки с ними,» досказала бабушка мысль священника.

— «В Россіи патріарх Тихон находится в заключеніи; а здѣсь большевикам удалось оторвать от церкви нѣкоторую часть духовенства и паствы.»

— «Как печально слышать то, что вы мнѣ сообщаете,» со вздохом отвѣчала огорченная княгиня.

Василія болѣе интересовало все то, что творилось на дворѣ, чѣм разговор княгини с отцом Михаилом. Он с любопытством слѣдил за всѣм тѣм, что попадало в полѣ его зрѣнія. Примѣтив Валерьяна и Леонида, идущих мимо дома священника, юноша, окликнув их, рукой подозвал к окну, на подоконникѣ котораго он сидѣл. И теперь до слуха Ирины одинаково явственно доносились содержательная бесѣда старших и пустые разговоры молодежи.

Торжественныя слова неслись вѣя правое ухо: «Как нѣкогда Моисей вел народ еврейскій из Чуждой Страны в Землю Обѣтованную, так и наш митрополит ведет свою, разбросанную по всему міру паству в новую Страну Обѣтованную — Святую Русь.» А в лѣвое — назойливо лѣзли вопросы брата и отвѣты его слабоумных товарищей. — «Леонид! Почему ты знаешь, что ты не женщина?» — «А потому, что у меня борода растет.»

Изновъ с правой стороны звучал душевностью и силою голос отца Михаила: — «Пусть сей путь временами кремнистый; зато наш путь — прямой. И нѣтъ иной дороги для русскаго сердца, желающаго сохранить или пріобрѣсти мир душевный.»

А с лѣвой, опять, настойчиво слышался веселый говор: «Валерьян! Скажи в обратном порядкѣ н а л и м.»

*) Замѣтка автора: Зарубежная русская церковь управляется собором епископов и возглавляется со смерти митр. Антонія, митрополитом Анастасіем. Она не признает Московскаго краснаго патріарха, ставленника антихристіанской совѣтской власти. Зарубежная соборная церковь считает себя единой с Катакомбной церковью, тайно существующей в Сов. Союзѣ. И несомнѣнно ей, совмѣстно с гонимой Матерью Церковью, суждено сыграть первенств. роль в духовном возрожденіи Россіи.

— «Милан!» — «И думается мнѣ,» снова прислушивалась Ирина к словам священника, «что имя Владыки— Митрополита войдет в Историю Россійскаго Государства, как хранителя завѣтов Святой Руси, как великаго борца за Правду Божию.

— «А теперь, наоборот, — англійское слово «Sip», подмигнув сестрѣ, приставал к Валерьяну расшалившийся брат. Быстро прозвучавшая реплика умалишеннаго. заставила Ирину спрятать в салфетку смѣющееся лицо. — «Что он сказал?»—спросила княгиня, не разлышавшая отвѣтъ Валерьяна.

— «Просто искушение,» усмѣхнулся отец Михаил и, посмотрѣвъ веселыми глазами на Василия, от хохота свалившагося с подоконника, он добавил: «дѣти, дѣти, как опасны ваши лѣта.» *)

«Фуй, фуй,» сказала бабушка, улыбнувшись внукам. «Сегодня для меня радостный день,» продолжала она, обращаясь к священнику. Отец Михаил вопросительно взглянул на княгиню.

«С утренней почтой пришло письмо от Императрицы».

— «Гдѣ живет Ея Величество?» — спросил священник. — «В Даніи. Король Датскій—племянник Маріи Феодоровны».

— «Всѣ мы, какого бы ни были званія, горячо преданы Ея Величеству.» — «Да,» согласилась с глубоким убѣжденіем княгиня и добавила: «Когда в 19-ом году король Англійскій прислал в Крым за Императрицею военный корабль, **) то Марія Феодоровна объявила командиру судна, что покинет Россію только в том случаѣ, если для остальных русских также будет предоставлена возможность бѣжать от большевиков».

— «Поистинѣ—поступок достойный царицы,» с восхищеніем замѣтил отец Михаил. У княгини навернулись на глаза слезы и не твердым голосом негромко досказала: «Благодаря заступничеству вдовствующей Императрицы тысячи спаслись от «красных».

Внучка с участіем и любовью взглянула на бабушку, вынимающую из своего кармана батистовый платок.

Стояли солнечные дни; обитатели «Старого Дома» много часов проводили в саду. Отец Михаил, Елена Александровна и другіе насельники «Русскаго Поселка» часто навѣщали княгиню. Ирина старалась не пропускать визи-

*) Жуковского из «Войны мышей и лягушек». — Зам. автора.

**) Dreadnough Marlborough. King George V was a nephew of the Dowager Empress Maria Feodorovna. Георг V был родным племянником вдовствующей Императрицы. — Зам. автора.

та г-жи Соколовой; эти встрѣчи для нея были цѣнны не только по сходству матери с сыном, но тоже по тѣм свѣдѣніям, которыя через Елену Александровну, она получала о Ванѣ. В один, особенно теплый вечер, молодая женщина сидѣла с княгиней на террасѣ «Старого Дома». Онѣ перекидывались тихими словами, не нарушавшими очарованія вечерней іюньской поры. Вблизи, в кустах, запѣл соловей.

— «Как хорошо,» сказала бабушка, наслаждаясь пѣсней скромной птички. «Так пѣли соловьи у нас в Днѣпровкѣ. Помнишь, моя душа?»

«Да, теперь живя в Канадѣ, я часто вспоминаю наше имѣніе. Хотя климат в «Днѣпровкѣ» был мягче, чѣм здѣсь.» Пѣніе пресѣклось из-за появленія Василя. «Голова трещит от занятій,» жаловался он княгинѣ. — «Послѣ экзаменов отдохнешь,» успокоительно отвѣчала ему бабушка. «Возьми лекарство от мигрени; оно лежит на моем туалетном столѣ.»

«Спасибо. Я думаю, что пойду лечь,» сказал внук.

«Мнѣ нужно писать письма,» неохотно вставая, объявила внучка. — «Побудь еще немного; куда тебѣ торопиться,» остановила ее бабушка. Василий, приняв облатку от головной боли, передумал и вернулся на террасу; внуки просидѣли с княгиней до тѣх пор, пока она сама их не отпустила. Простившись с бабушкой. Ирина подошла к каменным пирилам террасы и, облокотясь на них, залюбовалась мѣсяцем.

— «Вот его глаза, а это пятно пониже — рот,» фантазировала она вслух. Но вдруг замерла; ея сердце тревожно забилося. И, насторожившись, она прислушалась к его біенію; до слуха Ирины явственно донесся внутренний голос, исходившій из ея груди: «Бабушка умрет теперь.» Она возмутилась, ужаснулась и без слов воскликнула: «Нѣтъ! Этого быть не может.» И, чтобы себя успокоить, молодая женщина добавила мысленно: «бабушка лишь заболѣет.»

Княгиня скончалась утром слѣдующаго дня. Сердце внучки не ошиблось. Сперва Ирина не могла себя объяснить, почему она в тот послѣдній вечер, проведенный с бабушкой, предчувствовала ея кончину; только позднѣй, послѣ разговора со священником, она поняла, что ея духовное око предвидѣло тогда на террасѣ то, что еще было сокрыто для земного глаза; оно, это око, оповѣстило о надвигающемся событіи молодую женщину. Смерть княгини была спокойная, безболѣзненная. Няня,

никому другому не позволявшая будить свою барыню, по заведенному порядку, в 7 ч. утра внесла кофе в спальню княгини и, поздоровавшись с нею, снова вышла, чтобы позвать Василия. Внук, со словами «можно ли войти,» открыл дверь в комнату бабушки; и подойдя к постели, он нагнулся, чтобы поцѣловать ее руку. И только тогда Василий замѣтил, что княгиня была уже мертвая. Ирина вставала с кровати, когда плачущій брат вбѣжал в ее спальню с печальным извѣстіем. Горе внучки было глухое, почти что — безысходное.

Г Л А В А VI.

О Т Е Ц М И Х А И Л.

«Старый Дом» теперь выглядѣлъ опустѣвшим и даже непривѣтливым. Внучка избѣгала говорить о бабушкѣ; слишком уж больно становилось на душѣ при мысли о ней. Няня, послѣ смерти княгини, отпросилась переселиться в «Русскій поселок», а Василий, очень скоро послѣ похорон, уѣхал в город сдавать экзамены. Когда эти два близкія существа ее покинули, Ирина замкнулась сама в себѣ. Часы проводила она одиноко в глухом углу сада за книгами или вышиваніем. Каждый вечер молодая женщина ѣздила верхом на могилу княгини, которую выкопали подлѣ церкви. — «Первый могильный крест! Сколько еще их прибавится? Когда еще вернутся на родину русскіе скитальцы?» — думалось ей, когда никѣм не потревоженная, садилась она на скамью у могилы.

— «Я сижу, бабушка, как дѣлала это прежде, у твоих ногах. Я не могу жить без тебя,» шептала плача Ирина, цѣлуя надгробную плиту. Иногда случайно она встрѣчалась с Соколовым. Они здоровались или прощались, но никогда не обмѣнивались мыслями, могущими выразить их любовь, тоску и горе. Когда молодая женщина собиралась обратно, поселяне «Русскаго Поселка» выходили ее проводить. Ласковым словом или взглядом, они выражали ей свое сочувствіе. Их сердечное отношеніе к себѣ, Ирина цѣнила и эти грустные посѣщенія были блѣдным лучом в окружавшей ее ночи.

— «У меня нѣтъ болѣе сил терпѣть разлуку с Ваней!» — тосковала она. И заманчивая, неотвязчивая мысль сверлила ее мозг.

— «Не все ли равно, что обо мнѣ подумают другіе? Надо оставить Андрея, бѣжать с Ваней. Я должна

постараться убѣдить Ваню, что мы поступить иначе не можем... Бабушка, прости; теперь ты все знаешь! У меня болѣе нѣтъ от тебя секретов!»

Пока молодая женщина боролась со своим грустным одиночеством, постепенно признавая себя побѣжденной, Ларош надумал сдѣлать кругосвѣтное путешествие, цѣль котораго была развѣять печаль Ирины и увезти ее подальше от Соколова.

— «Смерть княгини развязала мнѣ руки. Как это удачно. Конечно, я скрою от Ирины, что мы сюда болѣе не вернемся. Она будет думать, что мы уѣзжаем на лѣто. Я продам «Старый Дом» и поселюсь с нею на постоянное жительство в Европѣ.» С таким рѣшеніем, в одно іюльское утро, Андрей входил в комнату жены.

— «Куда она дѣлась?» — не находя ее, мысленно спрашивал он себя. «Я слышал шелест ея платья и легкій шум... Что это? Дневник... Умная дѣвочка пишет в нем на четырех языках,» замѣтил он, перелистывая плотную тетрадь, лежавшую на ея письменном столѣ. «Интересно! Стихи чередуются с изреченіями великих мужей... Посмотрим, что написала она сегодня.» На русском, французском, англійском и итальянском языках бросалась в глаза одна и та же короткая фраза, начертанная мелким косым почерком: «Я люблю его болѣе и болѣе.»

Андрей стиснул зубы; лицо его побагровѣло; в головѣ у него отстукивал пульс. Он в ярости сжал кулаки; его ногти глубоко впились в ладони. Сперва — мгновенное остраго ощущенія нравственной боли, потом — приглушеніе чувств и нѣмая тоска. Тоска, нашедшая себѣ выход в лютom гнѣвѣ. По коридору послышались отчетливо шаги молодой женщины. Как сумасшедшій, опрокидывая близко стоявшій стул, выскочил Ларош из комнаты. И в эту ночь, силой воли, он заставил себя увидѣть Ирину во снѣ.

На него напало безуміе; днем он был с нею рѣзок и непріятен, тогда как ночью, в мечтаніях и сновидѣнія, был ласков и нѣжен. Днем она его избѣгала болѣе, чѣм когда либо прежде, а ночью являлась ему во снѣ любящая и покорная.

Ирина наотрѣз объявила мужу, что раньше 40-го дня смерти бабушки, не покинет «Старый Дом». По ученію церкви в этот день душа умершаго предстает на суд перед престолом Божіим и ждет от живых усиленных о себѣ молитв. Но Андрей не обратил должнаго вниманія на доводы жены:

— «Я вас не спрашиваю, хотите ли вы ѣхать или нѣтъ, а только предупреждаю, что мы через недѣлю пойдем. Начните с завтрашняго дня укладываться,» отвѣтил он рѣзко. Удрученная непріятным столкновением с Ларошем, Ирина подумала: «Что мнѣ дѣлать?... Самое лучшее посоветоваться с отцом Михаилом. Он мудрый и праведной жизни. Батюшка мнѣ поможет...»

— «Зачѣм я ее мучаю? Развѣ можно добиться любви этим способом?» — спрашивал себя муж, оставшись один, послѣ разговора с женой.

«Я ощущаю в себѣ садистическія наклонности; слишком далеко зайти с моим характером — нетрудно. Нужно обуздать свою страсть, которая находит выход в колких словах и в грубом обращеніи.

И странный сон приснился ему ночью: Ирина манящая, но ускользающая; она дразнит его и смѣется; Он сердится, но, наконец, его старанія увѣнчиваются успѣхом, и он крѣпко держит ее в руках; лицо молодой женщины медленно поднимается к его склоненной головѣ, и на обомлѣвшаго Андрея насмѣшливо смотрит Эльза. В этом мѣстѣ сон прервался.

Ларош проснулся; было далеко до разсвѣта; «Старый Дом» молчал. Темно и гадко стало на его душѣ. В безудержном порывѣ своей страсти он ворвался в спальню своей жены. Рука Андрея протягивалась, чтобы скинуть с плеч Ирины одѣяло, но она проснулась, и он застыл на мѣстѣ.

— «Развѣ пора вставать?» — были ея первыя слова. «Андрей! Это вы? Что случилось?» — узнавши мужа, при мерцающем свѣтѣ лампы, горѣвшей перед иконой, удивленно спросила молодая женщина. Он не отвѣтил; в эти секунды рѣшалась ея участь. Потягиваясь спросонка и приподымаясь на локоть, Ирина продолжала с оживленіем: «Я видѣла бабушку; она была радостная такая, как на пасхальной Заутренѣ; на ней было надѣто, хорошо мнѣ знакомое, свѣтло-сѣрое платье. Я ужасно была счастлива! Мы обнялись, и она собиралась мнѣ что-то сказать, но вы меня разбудили и я теперь не узнаю, что бабушка хотѣла мнѣ сообщить,» договорила она вздыхая и голосом, в котором прозвучало сожалѣніе. Ирина, видимо, находясь под впечатленіем своего сна, была душой далеко от дѣйствительности; появленіе Андрея ночью в ея спальнѣ не испугало молодую женщину; напротив, ей захотѣлось подѣлиться с ним своими переживаніями.

«Я увѣрена, что бабушка в раю. Она была настоящей христианкой. Не правда ли?» — «Конечно, в этом я не сомнѣваюсь,» с усилием отвѣтил Андрей, впервые не смотря ей в глаза. Невинность, простого и неожиданное довѣріе к нему произвели на Лароша отрезвляющее дѣйствіе. Ларош призадумался над своим намѣреніем и ощутил невидимую, но опредѣленную близость княгини.

«Простите,» досказал он глухо, «я разбудил вас; мнѣ послышался ваш голос; я подумал, что вы меня позвали.»

— «Нѣтъ, я не звала вас, но может быть, я разговариваю когда сплю,» улыбнулась ему жена.

— «Я судить об этом не могу,» отвѣтил муж, не без горечи, но сравнительно спокойно.

— «Покойной ночи,» прошептала она, снова опускаясь на подушки.

—о—

На могилѣ княгини росли цвѣты: бѣлые, синіе красные. Своими трехцвѣтными красками, они составляли русское національное знамя. Эта заботливая мысль принадлежала Соколову. Ирина, отслужив панихиду по бабушкѣ, задержалась у могилы. Ей захотѣлось поговорить со священником о своем неотложном дѣлѣ. Замѣтив сильную блѣдность и грустную озабоченность молодой женщины, отец Михаил освѣдомился о ея самочувствіи. Показывая на свое сердце, она печально отвѣтила: «у меня здѣсь болит.»

— «Дочь моя, пойдём ко мнѣ побесѣдовать,» жалостно взглянув на нее, позвал к себѣ священник.

Они сидѣли в комнатѣ. Сгущались сумерки. Голос Ирины звучал задушевностью, и хотя ей было стыдно каяться, она созналась отцу Милаилу во всѣх своих дѣйствіях и помышленіях. Добрые глаза священника с глубоким участіем на нее смотрѣли, а губы шептали непрерывно: «Господи, спаси и помилуй рабу твою Ирину.»

Молодая женщина замолкла; слышалось внятное тиканье часов и вздохи отца Михаила.

Наконец он проговорил: «Хогите ли, дочь моя, избрать путь самосовершенствованія?» — «Да,» нетвердо отвѣтила она.

Тогда священник стал разяснять ея ошибочный взгляд на свадьбу с Андреем. — «Вы не только перед людьми, но и перед Богом, законная жена г-на Лароша. Он вас любит и хороший муж. Частная сторона вашей с ним жизни не имѣет главнаго; вы связаны с ним таин-

ством брака.» Открыв Евангеліе Св. Марка, отец Михаил проникновенно прочитал из главы десятой: «И так, что Бог сочетал, того человек да не разлучает...»

Ирина долго оставалась в домѣ священника и много слез было там ею пролито. Отпуская молодую женщину, отец Михаил сказал: «Я не буду настаивать; и не могу насиловать свободную волю. Я понимаю, что 10 лѣт срок долгій, и немногіе в состояніи подчинить плоть духу. Но я вѣрю, что вы, всѣ трое, выйдете побѣдителями из этой борьбы души с тѣлом, хотя и не могу предвидѣть, как она разрѣшится, как все обернется?»

С поникшей головой, боясь встрѣч с людьми, оставила Ирина «Русскій Поселок»; а священник долго, не зажигая свѣта, просидѣл в сумерках, печально обдумывая все, только что услышанное им. В окно его комнаты мягко врвался легкій шопот летняго вечера

— «Жаль! Очень обидно. Они созданы — один для другого и крѣпко любят. Огорчительно, что поздно встрѣтились. Дай Бог, чтобы все образовалось к лучшему!» В своих молитвах, с этого дня, батюшка особенно усердно молился об Иринѣ, Андрѣ и Иванѣ,

Пройдя прямо от отца Михаила в библиотеку, Ирина усѣлась в кресло, связанное в ея памяти с Соколовым, и углубилась в свои мрачныя думы. — «Я первая не вынесу десятилѣтнее нравственное одиночество! Это—вѣчность! Кому я буду нужна через десять лѣт? Старуха... Я изнемогаю от любви к Ванѣ... И потом, муж не пойдет на такія условія... Бѣжать с Ваней?! Тогда Андрей вынужден будет дать мнѣ развод... Только удастся ли мнѣ уговорить Ваню?»

И как ни заглушала молодая женщина голос совѣсти, этот голос настойчиво возражал ей: «Твой долг безропотно искупить грѣх, заключающійся в желаніи и намѣреніи нарушить обѣтъ Богу.»

«Но 10 лѣт ждать! Кошмар!» — вздыхала неутѣшная Ирина. И, не придя ни к какому заключенію, она задремала от нравственнаго изнеможенія. Ее разбудил Ларош. — «Что — произошло? Я всюду вас искал; телефонировал священнику; куда вы пропали?»

Он говорил спокойно, но видна была в его глазах тревога. — «Я зашла к отцу Михаилу. Все ему рассказала,» с трудом отвѣтила молодая женщина. «И признаюсь вам, что не в силах послѣдовать его совѣту.» — «Что требует от вас священник?» — строго спросил Андрей. — «Чтобы 10 лѣт я испытывала свое чувство к Ва-

нѣ, оставаясь жить у вас. Если в течение этого срока я его разлюблю, то должна буду сдѣлать вас счастливым и имѣть дѣтей,» дрогнувшим голосом сказала она. «В обратном же случаѣ, если любовь моя не пройдет, то сам отец Михаил намѣревается просить у вас развода.»

Кровь ударила в лицо Лароша от послѣдних ея слов, но он удержался от рѣзкой выходки и снова спросил рѣшительно: — «Что думаете вы предпринять?» Вскочив с кресла, и со сверкающими раздраженіем глазами, Ирина выкрикнула: «Я хочу быть свободной! Бросить вас всѣх! Я уѣду к Ольгѣ или к Терезѣ. Вы всѣ мнѣ надѣли!»

— «Постойте! Выслушайте меня внимательно,» Андрей рукой остановил ее; она уже собиралась уходить из библіотеки.

«Я согласен честно исполнить договор, если вы послушаетесь совѣта священника. Сцены между нами прекратятся. Мы снова будем друзьями.»

— «Могу ли я обдумать свой отвѣтъ до завтра?» — в вопросѣ молодой женщины была замѣтна неувѣренность. — «Конечно,» отвѣтил он, цѣлуя ея руку.

Томительно и медленно прошла для Ирины бессонная ночь. Она встала с восходом солнца и, наскоро одѣвшись, прокралась в кабинет мужа. Через нѣсколько секунд молодая женщина кому то шопотом сказала в телефонную трубку. «Это — я, Ирина. Мнѣ необходимо тебя видѣть. Будь сейчас на озерѣ, около купальни. Если опоздаю, все равно жди меня.»

«Ваня должен вмѣстѣ со мной рѣшить; его это тоже касается,» подумала она, спускаясь в сад. Ключи от гаража, гдѣ стоял двухмѣстный форд Лароша, Ирина нашла в передней. И никто из служащих не примѣтил ее, когда она выѣзжала на автомобилѣ из «Старого Дома.» Но Андрею, разбуженному шумом машины, удалось в окно увидѣть быстро удалявшійся форд. Он правильно опредѣлил, что жена отправилась на свиданіе с Соколовым.

Поровнявшись с озером, Ирина оставила автомобиль возлѣ купальни и спустилась к лодкам. Несмотря на свое тревожно-грустное настроеніе, она не могла не залюбоваться золотистой поверхностью озера, заслушаться пѣніем птиц, засмотрѣться на утиные выводки и стаи рыб, шмыгающих в прозрачной водѣ. Перепрыгивая с лодки

на лодку, молодая женщина добралась до самой крайней, тихо колыхавшейся в прибрежном камышѣ, совсѣм скрывающем ее от дороги. Склонившись над водой, она рукой подымала мелкую зыбь. Идиллія, пробуждающейся утренней природы, гармонировала с обликом Ирины: розовѣющія облака, лазоревое небо, живительная чистота воздуха, благоуханіе лѣсных полян.

Они сидѣли в лодкѣ друг против друга. Соколов с безконечно трогательной любовью и состраданіем смотрѣлъ на молодую женщину. Он понимал, что от его рѣшенія зависит ея судьба и о себѣ не думал.

— «Позорить твое честно имя я не могу,» наконец, тихо сказал Ваня. «Слушай меня, моя любимая. Не укрываться тебѣ от мужа. Он всюду тебя сыщет, потому что любит. Закон на его сторонѣ и средства для принужденія тебя вернуть. Я не имѣю права защитить тебя от домогательств мужа; мое вмѣшательство лишь озлобит его и тогда он станет тебѣ жестоко мстить». Отвернувшись от юноши, она прошептала: «Я была бы рада умереть». Он с укором и мольбою воскликнул: «Я не задумался бы похитить тебя, если бы ты была невѣстой Лароша, но бѣжать с чужой женой — прелюбодѣянiе; угрызения совѣсти уничтожили бы нашу радость».

— «Ты прав,» печально согласилась молодая женщина. «Но я до того низко пала, что готова согрѣшить. Ты крѣпче меня и лучше.»

— «Я буду тебѣ вѣрен! Я дождусь тебя через десять лѣтъ!» Синіе глаза наполнились слезами. Желая прижать ее к своей груди, юноша протянул к ней руки. Она стремительно подалась вперед, чтобы обнять его. От ея движенія шаткая лодка покачнулась и камыш за спиной Соколова разступился, В гущѣ камыша случайный взгляд Ирины увидѣлъ нѣчто такое, что заставило ее ужаснуться. Сердце молодой женщины замерло и в глазах у нея помутилось. Как скошенный цвѣток соскользнула она с сидѣнія к ногам юноши. Соколов порывисто нагнулся и приподнял безчувственную Ирину. Ужасная мысль мелькнула в его мозгу, что только что выраженное ею пожеланіе смерти сбылось.

— «Оставьте мою жену! Уходите немедленно и никогда не показывайтесь мнѣ на глаза, если хотите жить!» — раздался позади Вани свирѣпый голос Лароша. Соколов от неожиданности вздрогнул, но ничуть не испугался грознаго мужа. Все вниманіе юноши сосредоточи-

лось на помертвѣвшем лицѣ Ирины, которую он старался привести в чувство. И, смочив платок в студеной водѣ озера, Ваня прикладывал его ко лбу и вискам молодой женщины.

— «Убирайтесь к чорту! Иначе я вас застрѣлю, как бѣшеннаго пса!» — снова послышалось за ним приказаніе разъяреннаго Лароша. Оно звучало еще большим ожесточеніем.

— «Ирина не приходит в себя!» — с отчаяніем замятил юноша. «Я не оставляю ее, пока она не очнется от обморока.»

Рука Андрея, державшая револьвер, поднялась на уровень головы Соколова, и одно мгновеніе казалось, что дрогнувшій палец нажмет курок. Но прошли секунды; Ларош опустил револьвер в карман брюк и по колѣно в водѣ зашагал к лодкѣ, в которой лежала жена.

— «Она начинает приходить в себя,» тихо сказал юноша и, осторожно приподняв Ирину, передал ее мужу, который безмолвно и бережно понес свою цѣнную ношу к берегу. Долго еще сидѣл Ваня на том мѣстѣ, гдѣ его оставил «счастливый соперник»; уже давно умолк шум, отѣхавшаго от купальни автомобиля, а юноша, печально понутив золотистую голову, все думал о своей послѣдней встрѣчѣ с молодой женщиной.

Г Л А В А VII.

А Л Ъ Д А.

Они плыли во Францію. Звѣздная ночь глядѣла в каюту; насыщенный солью бриз порывами колыхал штору иллюминатора. Организм Ирины требовал покоя, но волнующія и тревожныя картины ясно сквозили через пелену ея полусознанія. И почудились ей „Русскій Поселок“ с могилой бабушки, восходящее свѣтило, гладкое озеро и лодка, бережно несомая его водами. Разнообразныя ощущенія, глубоко запавшія в душу молодой женщины, упорно отгоняли сон; сон желанный, приносящій отдохновенье, посылающій забытье, дающій свободу.

В ея сердцѣ надежда и радость, как ростки весны и цвѣты лѣта, лежали погребенными под саваном зимы.

Но вернемся назад. Очнувшись уже в „Старом Домѣ,“ Ирина встрѣтилась глазами с Андреем. Он прочел в ея взорѣ ужас.

— „Вы убили Ваню... оставьте меня... Я вас ненавижу,“ с усиліем прошептала она, сдерживая рыданія.

— „Соколов жив. Я ничего плохого ему не сдѣлал,“ глухо, побавровѣвъ от злости, отвѣчал Ларош.

„Ваш обморок помѣшал моему намѣренію.“

Молодая женщина порывисто сѣла на кровать, на которой лежала, и торопливо сказала: «Ѣдем; чѣм скорѣй, тѣм лучше.»

— «Значит вы рѣшили принять совѣтъ священника?» — сдержанным голосом спросил он и во взглядѣ его сверкнуло удовольствіе.

— «Что же иное остается мнѣ дѣлать?» — с упреком промолвила она. И опустив грустно голову, Ирина договорила еле слышно: «Я боюсь за жизнь Вани и... своей слабости.»

— «Дайте мнѣ вашу руку,» сказал муж. «Обѣщаемъ быть «компаньонами в одном и том же предпріятіи» в теченіи десяти лѣтъ.»

— «Не так сильно жмите! Больно,» невольно поморщилась молодая женщина.

— «Простите,» спохватился Андрей, отпуская ея руку.

— «Все между нами рѣшено; я хочу быть одной,» устало отвѣтила она, откидываясь на подушку и закрывая глаза. Ея поблѣднѣвшее лицо выказывало недоумѣніе, страданіе. Оно отражало упорную мысль: «Откуда у меня явилась сила идти по стопам бабушки вопреки своему желанію?»

А муж, смотря на жену, думал: «Женская любовь не выдержит длительного срока. Одно лишь предположеніе о стольких годах ожиданія должно охладить самое пылкое увлеченіе. Побѣда будет за мной.» И, будучи расположенным к отцу Михаилу, за преподанное нравоученіе Иринѣ, он, уѣзжая оставил священнику крупную сумму на нужды «Русскаго Поселка».

—о—

В Парижѣ Ирина и Андрей дѣлили свое время между музеями и магазинами. Он настоялъ, чтобы она выбрала себѣ новые туалеты, но муж не смог заставить ее заказать себе цвѣтныя платья; молодая женщина носила траур по бабушкѣ и не соглашалась надѣть ничего другого, кромѣ чернаго или бѣлаго. Желая развлечь жену, Ларош звал ее в театры, кинематографы и шумные веселые рестораны, но она наотрѣз отказывалась от всѣх возможных увеселеній. Тогда Ларош стал торопиться с отѣздом из душнаго города в Біарриц.

Этот извѣстный курорт произвел на Ирину впечатлѣніе простора. Ей привольно дышалось его соленым, смолистым воздухом. Французы вѣрно называют Биарриц „la reine des plages“ (*). Очертаніе его берега со скалами, бухтами и полосами из тонкаго свѣтлаго песка, поражали своей красотой. Все, что можно было создать руками человѣка для украшенія Биаррица, было им сдѣлано: неприступные утесы, выдвинутые непогодой в океан, были засажены деревьями, растеніями, цвѣтами и соединены с городом мостиками-переходами. На одной из крутых скал высилась статуя Мадонны. «Le rocher de la Vierge» **) был особым маяком для басков; к Мадоннѣ неслись горячія молитвы, когда, застигнутые в морѣ бурей, рыбаки опасались за свою жизнь. Но желающих ознакомиться с бытом мѣстных жителей тянуло в «le port des Pêcheurs.» ***) Там, на камнях маленькой, но глубокой бухты, в живописном безпорядкѣ, сушились и чинились сѣти; в ея водах стояли всевозможной величины рыбацкія лодки; на набережной бухты были разложены морскіе трофеи рыболовов: креветки, крабы, рыбы, омары. Древней расы и строгих правил баски, со своими крупными и правильными чертами лица, мускулистыми тѣлами и орлиным взором, сильно разнились нравом и наружностью от толпы, посѣщавшей Биарриц во время сезона. Общность между ними начиналась и кончалась головным убором: «le beret basque» становился всеобщей модой.

Комнаты Ирины и Андрея выходили на безбрежный океан; любу было молодой женщинѣ глядѣть на закат, когда красное свѣтило, как бы смывая с себя дневную пыль, купалось в безпредѣльном водном пространствѣ, — купалось, спускаясь величественно за дальній небосклон.

Дни чередовались с недѣлями: они проходили однообразной, тихой, пріятной чередой.

Молодость брала свое: молодая женщина приспособилась к новым условіям; она находила в них спокойныя развлеченія и удовольствія.

— «Могла бы я, еще недавно, представить себѣ существованіе без бабушки и Вани? Мнѣ казалось, что легче умереть от горя, чѣм жить с этим горем. Теперь я

*) Королева пляжей.

**) Утес Пречистой Дѣвы.

***) Рыбачій порт. — Зам. автора.

ловлю себя на мысли, что жизнь полна интереса для любящих ее. А не любить ее невозможно!»

И втягиваясь в привольную, беззаботную жизнь, Ирина перестала считать себя обиженной судьбой.

«Мое положеніе не хуже многих других женщин. Сколько горя, обид скрывают от посторонняго взгляда инныя улыбки жен. Еще недавно один знакомый Андрея заявил ему, что мы с ним—чуть ли не единственная при-мѣрная пара».

С радостной усмѣшкой она повторяла извѣстные слова: «*les apparences sont un equivalent à la réalité*,» сказанныя одним французским мыслителем.

Отношенія между мужем и женой, незамѣтно для них самих, наладились в Біаррицѣ.

Природа, климат оздоравливали наболѣвшее сердце, утомленные нервы. По вечерам, когда Ларош играл в азартныя, карточныя игры, она читала в постели, пока дремота не закрывала ей глаза. Эти короткіе часы, проведенные в одиночествѣ в своей спальнѣ, были временем отдохновенія для ея души. Думы Ирины часто были о бабушкѣ, о их совмѣстной жизни в Россіи.

— «Бабушка дѣлила свое время между внуками, благотворительностью и управлением своего состоянія. Я любила нашу жизнь зимой в Петербургѣ, а лѣтом — в Днѣпровкѣ. Это самое любимое было имѣніе бабушки. Дом стоял на высоком берегу Днѣпра.

Какой чудный вид был из окон! Как уютно мы жили всѣ вмѣстѣ с воспитателем брата и моей гувернанткой... Жива ли Miss Newton? Отвѣт на мои письма из Аѳин и Рима я не получила. Надо опять ей написать и сообщить о смерти бабушки... Бѣдная Miss Newton! Только политическое положеніе вынудило ее вернуться на родину. Двадцатилѣтній труд в чужой странѣ прошел безслѣдно: она потеряла во время революціи всѣ свои сбереженія, и такой же бѣдной, какой когда то покинула Англію, сна оставила навсегда Россію».

Чередующіяся воспоминанія о русской столицѣ и деревнѣ, приносили Иринѣ больше грусти, чѣм радости; но и первое и второе дѣйствовали на нее умиротворяюще; настоящія личныя переживанія теряли для нея свою остроту; она переставала сосредоточиваться на самой себѣ.

— «Хотя короткій зимній день заполняли уроки и их приготовленія, но мы с Василіем были счастливы. Как

мы торопились вымыть руки, причесаться, чтобы не опоздать к пяти-часовому чаю. Мы мчались вперегонку по длинному коридору, соединявшему дѣтскую половину дома с парадными комнатами. Бабушка, с ласковой улыбкой, встрѣчала нас, сидя за самоваром. Чайный стол был заставлен калачами, вареньями и аппетитными пирожными домашнего приготовления. Иногда, послѣ чая, бабушка читала вслух. Мы были послушными внуками. Но как можно было не любить бабушку или не слушаться ее?»

Но лѣтнее время в деревнѣ имѣло для Ирины особую прелесть. — «Наши поѣздки всей семьей в лѣс. Повар и лакеи, со столами, стульями, посудой и ѣдой отправлялись в лѣс с ранняго утра, Мы приѣзжали к завтраку: старшіе — в колясках, младшее поколѣніе — верхом. Иногда папá сам готовил шашлык на кострѣ, а мы, дѣти, пекли на углях картошку. Послѣ завтрака молодежь в лѣсу играла в «казаки-разбойники.» Было здорово весело! А наши купанья в рѣкѣ?! Я плохо плавала и влѣзала в воду не без опаски, особенно, когда с нами купались двоюродные братья; они имѣли глупую привычку хватать нас, дѣвочек, за ноги. Находили это очень забавным. Были озорниками... Бѣдные! Всѣ они погибли в гражданскую войну» И крестясь, она добавила: «Царство им небесное».

Отправляясь пѣшком через сад с Андреем на «*Grand de plage*,»*) Ирина думала о том, как красив океан и как пріятна утренняя солнечная ванна послѣ купанья в соленой водѣ. Иногда заходили знакомые посидѣть в тѣни их палатки, по большей частью американцы, с которыми они познакомились на гольфѣ или в гостиницѣ.

— «Я не люблю с Андреем оставаться наединѣ; я чувствую его мысли и взгляды, даже тогда, когда грѣюсь на солнцѣ с закрытыми глазами,» думала вначалѣ молодая женщина.

Но привычка сглаживала шероховатости. Она привыкла не смущаться близостью мужа, когда сидѣла или лежала с ним на прибрежном пескѣ.

С жителями «Русскаго Поселка» Ирина вела оживленную переписку. Ей писали Елена Александровна, няня, отец Михаил и Петров. И хотя Ларош и досадовал на все то, что напоминало женѣ о Соколовѣ, но все же не мог запретить ей получать от них письма, тѣм болѣе, что ни в одном из них не говорилось о Ванѣ. Молодая

*) На большой пляж. — Зам. автора.

женщина подозрѣвала, что это умалчиваніе не было случайным. Но, наконец, пришли вѣсти от Василя; среди них брат упоминал о Соколовѣ: «Он сдѣлался грустным, молчаливым. Очень скучно, что он отказывается пѣть. Не понимаю, что с ним произошло?» Эти случайныя слова безпечнаго юноши отозвались в ея сердцѣ.

Они стояли в саду гостиницы. — «Нужно задержать комнату рядом с нами, для Василя», говорила Андрею Ирина. «Я хотѣла бы брату сегодня послать телеграмму, что мы ждем его.»

Ея оживленное лицо выражало удовольствіе, а каріе глаза сверкали радостью. Они были в халатах, поверх купальных костюмов; она держала в руках плетеный мѣшок и зонтик; у него под мышкой были подушка и одѣяло жены. Резиновый колпак Ирины плотно обтягивал ея волосы и, замѣтно выставляя правильныя линіи ея головы, дѣлал лицо молодой женщины еще болѣе породистым. Они начали спускаться к берегу. Она вопросительно поглядывала на мужа, который ограничивался однѣми лишь улыбками. Его намѣренное молчаніе изводило Ирину и она вторично ему сказала о своем желаніи пригласить брата провести с ними сезон в Біаррицѣ. И в этот раз Андрей ей отвѣтил вопросом: «Не находите ли вы нашу космополитическую публику неподходящей для Василя? Сколько молодых людей здѣсь спилось и стало игроками.»

— «Но брат хорошій мальчик и строго воспитанный. И потом я буду за ним наблюдать,» волнуясь, настаивая на своем, возражала Ирина. — «Вы не сможете его убедить от опытных женщин, увлекающих в свои сѣти красивых юношей,» пошутил он, замѣтив ея безпокойство. — «Василій еще ребенок! Он на 3 года меня моложе.»

— «Любви всѣ возрасты покорны,» усмѣхнулся добродушно муж, но пытливо всматриваясь в жену. «Вы отвѣчаете за него; и обязаны оградить брата от вредных вліяній.»

Ирина с озабоченным видом слушала мужа. «Я напишу Ричарду и Бетси, которые лѣто проводят с дѣтьми на «Cape Cod». Очень красивое мѣсто и здоровое; Лароши будут рады взять к себѣ Василя на все лѣто,» заключил он увѣренно. Они подходили к садовым воротам, за которыми блестѣл океан; слышались раскаты волн, пріятно раздражавшіе слух. Андрей остановился, чтобы открыть желѣзную калитку; прямо посмотрѣвъ ему в глаза, она не сдержалась и вспыхнула: «Я вижу, что вы

выдумываете разные осложнения! Вам просто не хочется, чтобы брат к нам приехал. Я не пойду с Вами купаться.» И круто повернув назад, молодая женщина стала подыматься обратно, в гостиницу.

Ирина увлекалась игрой в гольф, теннис и верховой ездой. Обыкновенно Ларош ее всюду сопровождал. И хотя многие из мужчин ею интересовались, но никто из них не осмеливался идти дальше обыкновенных любезностей на пути своего ухаживания. Пугал ли их рвительный вид сурового мужа или же скромная и горделивая осанка жены воздвигала преграду между нею и распушенностью современных нравов? По всей вероятности, и то и другое вызывало в молодых и старых волокитах осторожность в поведении и невольное уважение к задумчивой красавице, чей ласковый взгляд говорил о тихой грусти, о ясности душевной.

В одно утро Ирина брала урок гольфа, когда позади нея внезапно раздался веселый голос маркиза Альда: «Наконец-то я нашел моего юного друга!»

Красивая от неожиданного удовольствия, Ирина воскликнула: «Как хорошо, что вы приехали!» — «Мы тоже остановились в «Hotel du Palais.» Часами, в поисках вас, я рыскал по Биаррицу и искрестил весь город. Мы почти год с вами не видались!» — ответил он, цѣлуя ей руку.

В глазах Альфонсо свѣтилась неподдельная радость.

— «Увезите меня отсюда, куданибудь подальше, пить чай. Я хочу вам рассказать о многом,» предложила она.

— «Поѣдем в Байонн к «Casenave» пить шоколад,» сразу согласился испанец. «Но только, что подумает Андрей?» — с усмѣшкой добавил он.

— «У него интересная партія в гольф. Он меня за был на время,» весело улыбнулась молодая женщина.

— «Сомнѣваюсь, но исполню ваше приказаніе,» пошутил маркиз...

— «Как скучно,» поморщившись, подумал Ларош, — когда узнал о приѣздѣ Альда. — «Он повѣренный секретов Ирины, ей сочувствует и, что бы она ни сдѣлала, он встает на ее сторону.»

С приѣздом Альфонса и Терезы, круг знакомства Ларошей увеличился; приѣзжіе друзья ввели Андрея и Ирину в французское и испанское общество. С послѣдним молодая женщина быстро сошлась, находя в испанском характерѣ много общих черт с русским. — «Их гос-

тепрымство и сердечность не уступают нашим; а горячность и откровенность дѣлают их близкими русскому сердцу.»

Она стала ловить себя на мысли, что в компаніи Альда ей бывает не только пріятно, но и весело.—«Неужели я забываю бѣднаго Ваню? Это невозможно! Но разстояніе играет значительную роль в отношеніях между людьми.. Он навѣрно увлекается своей полезной работой и перестал тосковать; у него цѣль, дающая интерес в жизни, — ему развлеченія не нужны.»

— «Я мало вас теперь вижу,» сказал женѣ однажды вечером Андрей.

— «Вы ѣздите с Альда на пикники; играете с ним в «Mah-jong».

— «Покамыст вы состязаетесь с донной Терезой в гольф и ходите в Казино,» не замедлила она отвѣтить ему.

— «Я это дѣлаю по необходимости; вы же-из удовольствія,» сухо замѣтил он молодой женщинѣ...

— «На брата ты имѣешь хорошее вліяніе,» обратилась как то раз донна Тереза к Иринѣ, «но не всѣ дамы довольны этой переменой.» — «Года уже не тѣ,» разсмѣялся Альфонсо. «Меня теперь вполне удовлетворяет» «une amitié amoureuse;»*) невинная молодость мнѣ болѣе по вкусу.»

— «Догадайся, Ирина, как тебя прозвали наши общие знакомые? спросила испанка. — «Навѣрное, каким нибудь цвѣтком? Так обыкновенно полагается,» отвѣтила ей младшая, с застѣнчивой улыбкой.

— «Неслыханное самомнѣніе! Гдѣ ваша обычная скромность?!» — воскликнул маркиз, дѣлая удивленное лицо, чтобы подразнить свою собесѣдницу.—«Но не всѣ же цвѣты красивы? Напримѣр: резеда или репейник!» — защищалась смѣясь молодая женщина.

— «Ошибаешься. Тебя зовут «la biche effrayée,» объявила старшая с привѣтливой улыбкой.

— «Я помню, Андрей сравнил меня с боязливой ланью,» сказала Ирина, «но я протестую против слова «effrayée».

— «Кому, как не мужу, знать свою жену? замѣтил Альда и, не без добродушной насмѣшки, взглянул на своего русскаго друга.

*) Дружба — на почвѣ влюбленности. —Зам. автора.

— «А я нашла для вас прозвище!» — не без задора отвѣтила ему молодая женщина. — «Вы — обезьяна! Только я не смѣю сказать какая!»

— «Я догадываюсь,» усмѣхнулся он и добавил, обращаясь к Ларошу: «Ваша жена не уважает мою сѣдину. Как это вы с ней справляетесь?» — «Я не жду от нея уваженія» отвѣтил Андрей, «для которого считаю себя еще слишком молодым. Но вы, конечно, могли бы на него рассчитывать.» — Ёдкая усмѣшка сверкнула в сѣрых глазах.

— «Маркиз не выглядит старше вас,» заступилась за испанца Ирина. «Сѣдых волос у него не много; только — на висках. Между вами всего пять лѣт.»

— «Но душою Альфонсо все еще несовершеннолѣтний, несмотря на свои 42 года, полу-шутя, полу-серьезно заключила донна Тереза. На замѣчаніе сестры, брат простодушно размѣялся и, поймав на себѣ улыбавшійся взгляд своей юной пріятельницы, сказал: «она меня молодит...»

В окно спальни Ирины смотрѣл, вѣчно-мѣняющійся цвѣтом и видом, чудный и страшный, манящій безмѣрною далью, океан.

— «Простор дѣйствует бодряще. Жаль, что к «Старому Дому» плотно подступают вѣковые деревья. Они красивы, но дают своею замкнутостью... Их стволы представляются мнѣ прутьями тюремной рѣшотки...,» думалось ей. «И скоро придется мнѣ промѣнять эту свѣтлую морскую ширь на сумрачное лѣсное узилище.»

ГЛАВА VIII.

ГРОЗА.

— «Мы вернемся вечером,» обратилась Ирина к мужу, прикладываясь губами к его лбу, пока он цѣловал ее руку.

— «Не устраивайте гонок. Я рад, что вы ѣдете с Альда. Биаррицкая молодежь ведет себя, как сумасшедшая,» говорил Ларош, провожая жену до автомобиля, подлѣ котораго стоял, ожидая Ирину, маркиз. — «Надѣюсь, что в гольфном состязаніи вы и донна Тереза будете побѣдителями,» сказала она, садясь в двухмѣстную машину испанца. — «Я привезу ее домой в сохранности,» беря в руки руль, заявил Андрею Альфонсо.

Молодая женщина полулежала на плоской верхушкѣ «La Rhuke», с которой открывалась великолѣпная панорама на Пиринеи. Вокруг нея сидѣли, стояли и лежали остальные участники поѣздки к испанской границѣ. Подъем на гору, высотой в 900 метров, был совершен ими на автомобилях.

— «Я помню, как подымался сюда на мулѣ,» замѣтил Альфонсо. «Тогда дамы носили тяжелыя юбки, длинныя вуали и блинообразныя шляпы, державшіяся на макушкѣ головы острыми булавками».

— «Выглядим ли мы лучше наших матерей?» — весело спросила молодая женщина. — «*De gustibus non disputandum*», шутливо отвѣтил маркиз, «но женщина, конечно, теперь в своих дневных туалетах соблазнительнѣй. Мы, мужчины, видим то, что раньше показывалось нам лишь на балах и то — отчасти.» — Его слова вызвали общій смѣх. — «В таком случаѣ я прикроюсь,» накидывая на себя пальто и с шаловливой улыбкой объявила она. Когда завтрак был окончен, Ирина предложила ѣхать дальше в горы. „Я хотѣла бы посмотреть долину „*Ronçevaux*“.

— „Не лучше ли будет не откладывать наше возвращеніе в Біарриц?“ — посовѣтовал Альда, изучая показавшіяся с испанской стороны тучи. „Гроза в горах, — страшное явленіе; оно сможет напугать дам,“ досказал он, чтобы подразнить послѣдних.

— „Кто боится грома и молніи, пускай возвращается в Біарриц,“ окинув вопросительным взглядом друзей, возразила она. Молодецкая удаля взяла верх над опытом зрѣлости; и было сообщено рѣшено ѣхать к мѣсту гибели рыцаря Роланда.

Ирина и Альфонсо находились перед расщелиной, именуемой французами „*la brèche de Roland*.“ *) „Легендарным рыцарем, расколовшим надвое утес,“ замѣтила молодая женщина, „было время.“

— „Но у Роланда был меч „Дюрандаль,“ пошутил испанец, обладавшій чудесными свойствами „Эскалибура“, принадлежавшаго Королю Артуру. В ваши годы рано сомнѣваться.“

— „Если Роланд был Святым, то я повѣрила бы в это чудо,“ серьезно отвѣтила она.

*) Погибшаго со своим отрядом в долинѣ «*Ronçevaux*» в 778 году, защищая от гасконцев отступленіе *Charlemagne* на Иберію, (древнее наименованіе Испаніи.)

Покамест всѣ собирались, чтобы возвращаться домой, небо заволоклось грозовыми тучами; совсѣм стемнѣло и уже поблизости гроыхало.

Такой грозы, какая их застигла в горах, Ирина еще не видала. Раскаты грома, удвоенные, утроенные эхом, яркій блеск молнии, рев вѣтра и шум дождя, ослѣпляли и оглушали ее.

— „Как страшно,“ повторяла поблѣднѣвшая молодая женщина, всматриваясь в темноту сквозь мокрая стекла автомобиля.

„Мы растеряли друг друга в эту ужасную ночь. Наша пріятная прогулка окончилась плохо. Когда еще доберемся мы до Біаррица?!“ — „Я боюсь, что вы простудитесь. Парусиновый верх начинает промокать,“ озабоченно замѣтил Альда. „Дороги обратились в горные потоки, небезопасно продолжать путь. Я остановлюсь в ближайшем поселкѣ, гдѣ мы и спрячемся от непогоды.“

— „Я вижу мерцающій огонь!“ — радостно воскликнула она. „Вон там, совсѣм близко, в ложбинѣ.“

— „Это — ферма. Нам посчастливилось,“ подтвердил он. Когда они подѣхали к закрытым воротам дома, молнія ударила в дерево, росшее на разстояніи немногих саженой от хутора. Молодая женщина, вздрогнув от страха, прижалась к плечу Альфонсо.

— „Успокойтесь, моя милая,“ весело сказал он, обняв ее правой рукой, „здѣсь вы отдохнете и согрѣетесь.“

— „Как сухо, тихо и тепло,“ замѣтила она довольным голосом, ободрившись послѣ своего испуга и входя в низкую дверь фермы. — „Как видите—все относительно в жизни. Гроза в Пиринеях — серьезное дѣло и даже пещера, для нашедших в ней пріют от бури, показала бы отличным убѣжищем. Так и мы, находясь в скромном жилищѣ землешца, радуемся и, пока будет продолжаться гроза, не станем мечтать о лучшем.“ — „Вы мудрец!“ улыбнулась ему Ирина. „В трудную минуту жизни я буду обращаться к вам за совѣтом.“

Они лѣниво закусывали сыром и хлѣбом с маслом, запивая ѣду молоком и яблочным квасом.

— „Как здѣсь уютно! Я люблю грозу, когда могу быть лишь зрительницей, находясь от нея в безопасности,“ говорила она. — „Природа великолѣпна в своем стихійном проявленіи,“ отвѣчал маркиз.

— „Какіе гостепріимные хозяева!“ — продолжала молодая женщина.

— „Народ в деревнѣ несравнимо лучше горожан,“ согласился он.

— «Разскажите мнѣ что-нибудь страшное,» попросила она, сдерживая зѣвоту. От тепла, ѣды и усталости ей хотѣлось спать. Послѣ краткаго раздумья—маркиз начал: «Давным давно, в глухой Валахиі,*) затерянной в лѣсистых холмах, лежала деревня, населенная вампирами. Скверная слава об этом поселкѣ распространилась по всей той окрестности, и никто из крестьян других деревень не рѣшался с закатом солнца проходить или проѣзжать ту мѣстность, в которой предполагалось жилище вампиров. Но однажды один путешественник по тѣм краям, задержавшись в пути, намѣревался за ночь навѣстять потерянное время. Торопился он в ближайшій город, чтобы поспѣть на свадьбу пріятеля. Но никто на постоялом дворѣ, гдѣ путешественник остановился смѣнить лошадей, не соглашался везти его до разсвѣта. Досадуя на грубое суетвѣріе мѣстнаго населенія, он, уже по необходимости, готов был переночевать в харчевнѣ, когда к нему явился старый цыган с предложеніем довести до города.

Они успѣли доѣхать еще при дневном свѣтѣ до крутого холма, верхушка котораго освѣщалась лучами закатающагося солнца, и тут возница, спрыгнув на землю, попросил путешественника слѣзть с телѣги; он объяснил свою просьбу трудностью подъема для лошадей. Когда путешественник сошел на дорогу, то почувствовал сильный удар сзади в голову. Очнулся он лежащим в придорожной пыли; издалека до него доносился слабѣющій скрип колес, удалявшейся от него телѣги. Слабость мѣшала ему крикнуть или встать на ноги. Ему трудно дышалось, и путешественник с усиленіем разстегнул ворот рубахи. — «Вор,» выругал он вслух цыгана, замѣтив, что кошелек с деньгами пропал. Послѣдній луч дневнаго свѣтила блеснул на его натѣльном крестѣ. Путешественник лежал набираясь сил, чтобы стать на ноги, когда ему померещились между стволами деревьев мигающіе огни и послышался шелест. Тогда у него, от непостижимаго страха, волосы на головѣ стали дыбом! Прошло ужасное мгновеніе и он начал различать в сумерках человѣческія фигуры, со всѣх сторон приближавшіяся к нему. По мѣрѣ их приближенія, путешественник стал разбирать их вид. Эти люди, разнаго пола и

*) Южная часть Румыніи. — Зам. автора.

возраста, имѣли кожу землистаго цвѣта, сверкающіе волчьи глаза и руки, с длинными загнутыми ногтями. Вампиры щелкали зубами и всасывали в себя воздух.»

— «Слишком страшно!» воскликнула Ирина, боязливо засматривая в окно, в которое глядѣла темная ночь. «Завтра прошу окончить мнѣ ваш рассказ,» добавила она.

— «Буря не стихает,» сказал маркиз. «Наши хозяева ушли спать на сѣновал, предоставив нам свою комнату. Они говорят, что к утру погода разгуляется.»

— «В таком случаѣ, ваша роль Шехерезады нам пригодится. Иначе мы заснем,» с тихой усмѣшкой замѣтила молодая женщина, снова зѣвая.

— «Я расскажу вам чтонибудь веселое,» предложил он.

— «Хорошо, но сперва надо удовлетворить женское любопытство. Я не могу дожидаться завтрашняго дня, чтобы узнать, что приключилось с Вашим путешественником,» с милой улыбкой промолвила она.

— «Ваша непослѣдовательность сбивает меня с толку,» разсмѣялся Альда. — «Но не правда ли, все, что я ни скажу и ни сдѣлаю, в ваших глазах — похвально?» — Ея взор ласково дразнил его.

— «Не смотрите на меня такими глазами. Я — не безплотный дух!» — шутливо воскликнул он, вставая и подходя к окну.

— «Я жду окончанія вашей повѣсти,» проговорила Ирина настойчиво, оперевшись локтями о неровную поверхность деревяннаго стола и охватив голову руками.

— «Путешественник спасся, так как вампиры, опасаясь крестильнаго креста, не тронули его; но зато они простояли над ним всю ночь до восхода солнца.»

— «Брррр...», содрогнувшись прошептала она. «От вашего рассказа у меня мурашки побѣжали по тѣлу.»

Альфонсо вернулся к столу; его лицо показалось ей утомленным; свѣтъ от керосиновой лампы, единственнаго освѣщенія, печально бросал черную тѣнь испанца на бѣлую стѣну.

Их ночное бдѣніе продолжалось до тѣх пор, пока молодая женщина от дремоты не перестала понимать о чем у них идет рѣчь.

— «Вы засыпаете,» замѣтил он негромко.

Отрывочно, сквозь дымку полу-сознанія, она смутно воспринимала слова маркиза: «У вас есть друг... Всегда и вездѣ вы можете им располагать... Вспомните в трудныя минуты о нем... Мнѣ дорого ваше счастье...»

— «Гдѣ я нахожусь?» — спрашивала себя, пробуdivшаяся от крѣпкого сна, Ирина. Ах! помню... Гроза в горах... Было жутко и великолѣпно... Как весело поют птички! Онѣ тоже радуются, что буря прошла!» Вставая со скрипучей деревянной кровати и подходя к окну, она радостно воскликнула: «Восход солнца! Давно я его не видала. Пожалуй, еще красивѣй заката. А небо без единого облачка. Как чудно здѣсь!»

Освѣженный воздух душисто пах растеніями, и земля блистала радужными цвѣтами своих дождевых капель. «Куда скрылся Альфонсо. Неужели он меня перенес на постель? Пожалѣл разбудить; вышел не вполнѣ приличный пикник,» подумала она. «Но какой он милый. Настоящій барин. Быть с ним — удовольствие: просто и приятно себя чувствуешь в его обществѣ.

На фермѣ жизнь уже начиналась: слышалось мычаніе коров, фырканье коня и клохтаніе кур. Этот нестройный концерт лѣтняго утра в деревнѣ весело дѣйствовал на слух молодой женщины. Она вышла на скотный двор, гдѣ встрѣтилась с владѣльцами хутора. Поздоровавшись с ними за руку, Ирина освѣдомилась сколько была им должна за ночлег.

— „Ничего, сударыня. Ваш отец хотѣл нам заплатить, но мой муж отказался от денег,“ сказала женщина.

— „Как вы добры! Спасибо,“ не без смущенія, отвѣтила Ирина. — „Мы рады, что вы смогли укрыться у нас от грозы; вчера на сосѣдней фермѣ убило лошадь и отшибло ноги козлу,“ продолжала крестьянка.

— „Какое несчастье для хозяина!“ — с участіем замѣтила молодая женщина. — „В прошлом году приключилась еще большая бѣда: молніей спалило мальчиков, загонщиков табуна, когда они пасли на лугу коней,“ рассказывала хозяйка, видимо, любившая поговорить. — „Какой ужас. Бѣдныя дѣти,“ пожалѣла Ирина и торопливо, добавила: „могу ли я возмѣстить фермеру убыток, причиненный грозою?“

— «Вы щедры, сударыня! Ваша помощь очень пригодилась бы нашему сосѣду,» с чувством благодарила женщина, кланяясь и улыбаясь. Пресѣкая слова признательности, Ирина, запинаясь, спросила: А гдѣ спал... мой... отец?» Ей было неприятно обманывать добрых хозяев, хотя она и одобряла находчивость Альда, понимая, что без этой вынужденной благоразумной лжи, крестьяне, по причинѣ своих строгих деревенских нравов и простотѣ душевной, отнеслись бы к ним с недовѣріем.»

— «Господин спит в автомобилѣ, поднавѣсом,» ука-

зывая пальцем, пояснила хозяйка. «Я думала, что он будет ночевать с вами. Постель наша широкая. В непогоду спать в домѣ полезнѣе.» От замѣчаній словоохотливой женщины, Иринѣ сдѣлалось смѣшно и, улыбаясь, она сказала: «Я пойду разбудить моего отца.»

— «Я накрою для вас в кухнѣ стол,» предложила гостепріимная крестьянка. Молодая женщина подкралась к машинѣ, в которой на сидѣніи спал Альда; сорвав длинный стебель травы, она начала им щекотать спящаго друга: то под глазом, то около рта, то за ухом. Лицо Альфонсо вздрагивало, он сопѣл и, не просыпаясь, мычал. Молодая женщина с трудом сдерживала свое желаніе разсмѣяться.—«Бѣдный Альфонсо устал и крѣпко спит,» рѣшила, наконец, мучительница, всовывая орудіе пытки в нос своей жертвы. Маркиз, сдѣлав уморительную гримасу, громко чихнул.

— «Ха, ха, ха,» звонко прозвучал ея заразительный смѣх, и Альда, очнувшись от сна, не мог не порадоваться ея веселости.

— «Замужняя дама, а ведет себя, как шаловливая школьница,» напуская на себя строгій вид, замѣтил он, хотя губы его сами собой складывались в ласковую улыбку.

«Не мѣшайте мнѣ приступить к утреннему туалету стараго холостяка,» продолжал маркиз. «Я не желаю с вами разговаривать, пока выгляжу таким непривлекательным.»—«Дорогой «отец», ты не должен стѣсняться своей дочери», дразнила расшалившаяся Ирина.

— «Очаровательная проказница! Оставьте меня, хотя бы на десять минут, в покоѣ,» просил он, тоже смѣясь от удовольствія, вызваннаго ея присутствіем.

— «С сегодняшняго дня я с тобою перехожу на «ты»,*) папаша,» возражала она, «и перестану совершенно тебя стѣсняться. Согласен ли ты меня усыновить?»

— «Еще вчера я согласился бы на твое предложеніе, но сегодня — нѣтъ,» отвѣтил испанец шутливо, но глаза его стали грустными.

— «Ты боишься имѣть пріемную дочь-сорванца!» — разсмѣялась Ирина.

— «Может быть,» отвѣчал он с загадочной усмѣшкой.

— «Но я общаю относиться к пріемному отцу с уваженіем,» досказала молодая женщина, дѣлая серьезное лицо.

*) Испанцы принадлежащіе к одному и тому же кругу, обыкновенно говорят друг другу «ты». — Зам. автора.

— „Ты была до того мила в спящем видѣ, что я не захотѣлъ тебя будить,“ вмѣсто отвѣта замѣтил Альфонсо и, нѣжно подтрунивая над ней, договорил свою мысль: «Я позавидовал силѣ Андрея, когда тебя нес.»

Теперь настала очередь Ирины просить Альда отложить их разговор для слѣдующаго раза.

— «Закуска приготовлена для нас в кухнѣ. Не будем болѣе задерживать хозяев,» с замѣтной поспѣшностью пояснила она, в замѣшательствѣ направляясь к дому.

— «Ты не узнаешь, как сильно тогда хотѣлось мнѣ тебя поцѣловать,» подумал он, глядя вслѣд удалявшейся фигурѣ.

Они катились по гладкому шоссе вдоль океана, быстро приближаясь к Біаррицу.

— «Как благополучно окончилось наше приключеніе,» говорила Ирина, «надѣюсь, что с остальными автомобилями не произошло ничего плохого.»

— «Боюсь, что не всѣм посчастливилось найти ночлег,» возразил Альфонсо, и добавил со смѣющимся взглядом, брошенным на свою собесѣдницу:

«Если бы ты была мужчиной, то я рассказал бы тебѣ одну презабавную исторію, напоминающую мнѣ наш пикник.»

— «Сознайся, что у тебя таких дочек, как я, было много в теченіе твоей холостой жизни,» спросила она с добродушной насмѣшливостью.

— „Нѣтъ!“ — улыбнулся испанец. «Но сестер — да. Я держу это в секретѣ от Терезы, чтобы не разгнѣвать мою единственную и старшую сестру. Иногда брат злоупотреблял ея именем.“

Ларош, по телефону предупрежденный Альда оскором возвращеніи жены, поджидал ее у ворот гостиницы. Замѣтив мужа еще издалека, Ирина сказала Альфонсо: „От Андрея я ничего не хочу скрывать. Конечно, он останется мною недоволен и болѣе не станет пускать без себя на дальнія прогулки.“

— „Я расскажу ему наши походы,“ отвѣтил маркиз. „Но ввиду его ревниваго характера, не упомяну, что „на руках я нес тебя в глухую, ненастную ночь,“ не удержался он, чтобы не подразнить ее. Послѣднія слова Альда вполголоса пропѣлъ пріятным баритоном.

— «Прошу об этом никому не говорить,» шепнула она, махая рукою мужу, который привѣтствовал их кислой улыбкой.

ГЛАВА IX.

БѢГСТВО ИРИНЫ.

— «Пора покинуть Біаррицъ,» говорил Ларош Ирину, за утренней чашкой кофе. «Курорты в дождливое время надѣдаютъ; знакомые дѣйствуютъ друг другу на нервы».

— «Я буду рада вернуться в Канаду,» отвѣтила она. «Наши друзья начали разѣзжаться. Альфонсо и Тереза тоже собираются уѣхать,» добавила молодая женщина.

— «Я не думаю так скоро возвращаться в «Старый Домъ», пытливо взглянув на жену, возразил Андрей. «Мы посѣтимъ остальные материки: Африку, Азію, Австралію и Южную Америку. Я вам предлагаю сдѣлать выбор.»

Ирина, густо покраснѣвъ от возбужденія, молчала; ея пальцы крошили недоѣденный ею гренокъ.

— «Я не поддамся. Он обращается со мной, как с неодушевленнымъ предметомъ,» мысленно сказала она.

— «Если вы одобряете мой план, то укажите какія мѣста вас особенно интересуютъ. Я предполагаю эту зиму провести в Египтѣ.»

Онъ всталъ и, взявъ съ этажерки атласъ, развернулъ передъ нею карту Африки. Но Ирина, отстранивъ от себя его руку, съ рѣшимостью объявила: — «Я хотѣла зимовать в городѣ с братомъ. Это — его первый годъ в университетѣ. Часть времени мы могли бы жить в «Старомъ Домѣ,» если вамъ болѣе нравится жизнь в деревнѣ. Городъ—поблизости; намъ будетъ удобно.» — Она ожидала услышать от мужа рѣзкое возраженіе и была удивлена, когда онъ спокойно замѣтилъ:—«Вы забыли обѣщаніе не искать встрѣчъ с Соколовымъ. Нечестно съ вашей стороны желать быть тамъ, гдѣ вамъ нелзя будетъ избѣжать слышать о немъ, а также и видѣть его.» Молодая женщина, опустивъ голову, смущенно слушала. «Вы захотите, вполнѣ натурально, навѣстить няню, священника, г-жу Соколову; вы поѣдете в церковь. Ваши интересы в «Русскомъ Поселкѣ»; тамъ—могила княгини.» — Ларошъ умолкъ. Она, съживившись, украдкой вытирала пальцами набѣжавшія слезы. Ея поза обиженнаго, несчастнаго ребенка укоромъ отозвалась в его сердцѣ, в которомъ вставали воспоминанія из забытаго им дѣтства, съ его радостями и печальми.

— «Любовь меня ожесточила. Я ловлю себя на желании ее мучить,» промелькнуло в его мозгу.

— «Андрей отчасти прав. Но я не могу разстаться с Василием и няней на долгие годы. Быть одной с ним, без родственников и друзей — невыносимо», жаловалась мысленно Ирина. Когда она немного успокоилась, то тихо ответила мужу: — «Вы меня перехитрили.» И еле слышно жена договорила: «*Mais tira bien celui qui tira le dernier*»*)

Вечером за обѣдом всѣ четверо сидѣли в рестора-нѣ за одним столом.

— «К моему прискарбію,» сказал Альда, «мы уѣз-жаем через два дня.»

— „Мы с Ириною также рѣшили оставить Біарриц,“ замѣтил Ларош.

— «Хотите ли вы провести Рождество с нами в Мадридѣ?» — спросил его Альфонсо.

— «К нашему огорченію, мы не сможем воспользо-ваться вашим приглашеніем, так как в декабрѣ будем находиться далеко от Европы. Мы намѣтили себѣ прове-сти зиму в Египтѣ.»

— «Пожалуйста, поѣдем всѣ вмѣстѣ!» — восклик-нула Ирина, умоляюще взглянув на друзей: «вчетвером будет веселѣй,» пояснила она волнуясь.

— «Я не прочь; надо мнѣ подумать; сразу рѣшить этот вопрос трудно,» колеблясь ответила ей донна Тере-за. Но ее брат, уловив досадливый взгляд Лароша, бро-шенный им Иринѣ, поспѣшил отказаться.

— «Куда нам старикам гоняться за молодежью,» по-шутил он.

— „Весной, на вашем обратном пути, заѣзжайте в „Орлиное Гнѣздо,“ с подбадривающей улыбкой добавил испанец, обращаясь к молодой женщинѣ.

С момента ее разговора с мужем, имѣвшего мѣсто утром, Ирина находилась в безпокойствѣ; ложась спать она размышляла о своих новых заботах и неприятностях.

— „Я бросаю няню и Василия на произвол судьбы. Я им нужна! Брат еще так молод; ему необходима нрав-ственная поддержка. Он в таком возрастѣ, когда легко человеку свихнуться. Андрей только думает о себѣ. Ему на всѣх нас наплевать!“

И ложась в постель, молодая женщина с огорченіем

*) «Но смѣется тот, кто смѣется послѣдним.»

сказала: „Ваню я потеряю. Разстояніе убійственно дѣйствуетъ на любовь. Женщины болѣе постоянны, чѣмъ мужчины.“

И вспомнились ей слова цыганскаго романа: „сколько счастья, сколько муки ты, любовь, несешь с собою. Час свиданья, час разлуки!“

Она проснулась с мыслью, что для нея наступило время принять серьезное рѣшеніе. Намѣреніе бѣжать от мужа, зародившееся в ней с той минуты, когда он объявил об измѣненіи в их планах, настойчиво напоминало о себѣ.

И теперь Иринѣ казалось, что это желаніе смутно в ней жило с перваго дня свадьбы. Но тогда, будучи неосуществимой, эта соблазнительная мечта хранилась ею в тайникѣ сердца.

— „Я должна с донной Терезой и Альфонсо ѣхать в Испанію и оттуда в Канаду. Таким образом, я не нарушу условія. В наш расчет не входило кругосвѣтное путешествіе.“

Спальныя мѣста были задержаны в скором ночном поѣздѣ для Альда и его сестры. Донна Тереза, всегда боявшаяся опоздать, намѣревалась выѣхать заблаговременно на вокзал.

— „Пожалуйста, устройте так, чтобы Андрей вас не провожал,“ шепнула Ирина маркизу, когда они всѣ вчетвером пили послѣ-обѣденный кофе в гостиной.

— „В твоей головѣ созрѣвает замысел. К добру ли это?“ — спросил он с хитрой улыбкой.

— „Что плохо для одного, хорошо иногда для другого,“ нервно замѣтила молодая женщина.

— „Я не в состояніи противиться твоему вредному вліянію; твоя просьба будет исполнена,“ согласился Альфонсо.

— „Вѣрниѣ, что благодаря мнѣ, ты стал примѣром для молодых и старых; я думаю, что скоро тебя назовут идеалом мужчины,“ улыбнулась она.

— „Тогда я буду наводить на всѣх скуку,“ усмѣхнулся он. — „Нѣтъ! Ты станешь пользоваться успѣхом у почтенных старух и заботливых матерей, которыя будут посылать своих дочерей с тобой, в видѣ „chaperon“ на вечера. Вѣдь пріятно вывозить в свѣт благовоспитанных дѣвиц!“ шутила Ирина. — „Я отказываюсь стать гувернанткой. Я привык сам выбирать своих дам. Я предпочитаю имѣть плохую репутацію, но быть подальше от выѣзжающих дѣвиц, добродѣтельных матерей и скупаю-

щих бабушек. Боюсь особенно послѣдних, когда онѣ начинают вспоминать, что когда то держали меня на руках и сажали на свои колѣни," протестовал весело маркиз.

— „Но такія воспоминанія должны были бы быть тебѣ пріятны; они молодят," с дружеской насмѣшливостью дразнила она.

— „Прелестнѣйшая из дѣвушек и такая жестокая," негромко сказал он ей, напуская на себя огорченный вид.

„Тише, тише. Ты нарочно изводишь меня"—и молодая женщина озабоченно взглянула на Андрея и донну Терезу.

— „Не болѣе, чѣм ты меня, намекая на мой преклонный возраст," с добродушіем возразил Альфонсо.

— „Пора прощаться, перестаньте спорить," вставая, сказала донна Тереза. — „Мы поѣдем вас провожать," объявил Ларош, тоже вставая.

— „Сестра не любит продолжительные проводы. Они разстраивают. А у меня уже сейчас начинается дорожная горячка. Через нѣсколько минут я сдѣлаюсь непріятным. Лучше нам проститься в гостиницѣ," возразил Альда, незамѣтно подмигнув Иринѣ.

— „Очень грустно разставаться," замѣтила пожилая испанка, обнимая свою юную подругу. — „Все, что хорошо — коротко; все, что скучно — продолжительно," задумчиво промолвила молодая женщина. — „Но к концу жизненнаго пути помнится — радостное; грустное же — забывается," отвѣтила донна Тереза. „Молодежь ожидает слишком многого от жизни."

— „В 20 лѣт не к лицу быть разочарованной," с ласковым упреком добавил Альфонсо.

Испанскіе друзья уѣхали за час до отхода поѣзда; проводив Альфонсо и Терезу до автомобиля, жена объявила мужу, что занята; она прошла к себѣ в комнату и сняла вечернее платьѣ.

Сердце ея колотилось и мысли путались. В черном „tailleur" с густой вуалью на шляпѣ, скрывающей лицо от нежелательных взоров, Ирина входила в свое отдѣленіе, когда раздался гудок парсвоза. — „Бѣдный Андрей," подумала она. Ея мысли, недолго задержавшись на мужѣ, перебрались на Альда и его сестру.

— „Вот удивятся! Пойду их поискать. Я немного побаиваюсь донну Терезу. Она найдет мое поведеніе неприличным. Но Альфонсо за меня заступится."

Ей сдѣлалось немного страшно: лишь теперь молодая женщина поняла всю значительность своего безповоротнаго шага.

— «Сплю я или вижу тебя наяву?» — воскликнула Тереза, пораженная появлением в поѣздѣ Ирины. — «Как я рад тебя видѣть! Мы уже начинали с сестрой скучать, когда ты предстала в роли ангела-утѣшителя.» — «Гдѣ Андрей? Вы ѣдете с нами в Мадрид? Вы от нас это скрыли! Хотѣли поразить своим неожиданным появлением в поѣздѣ,» быстро, оживленно говорила испанка.

— «Как ты хочешь, чтобы она тебѣ отвѣтила сразу на всѣ твои вопросы?» — видя смущеніе Ирины, сказал сестрѣ брат.

— «Андрей остался в Біаррицѣ. Я думала, перед возвращением в Канаду, немного погостить у вас в Испаніи,» опутив голову и волнуясь, отвѣтила бѣглянка. — «Тебѣ пришла хорошая мысль,» обрадовался Альда. «Я осуществлю мое давнишнее желаніе показать тебѣ нашу столицу.»

— «Знает ли твой муж, что ты ѣдешь с нами?» — спросила с подозрѣніем донна Тереза. — «Нѣтъ,» краснѣя прошептала молодая женщина. «С первой станціи я пошлю ему телеграмму, чтобы пригласить к нам в Мадрид,» рѣшительно заявила испанка. — «Я не могу насильно отослать тебя к Андрею,» улыбаясь смущенной Иринѣ, договорила она.

— «Благодарю Вас!» — с чувством сказала та, порывисто обнимая донну Терезу.

Альфонсо внимательно взглянул на молодую женщину. И провожая Ирину до ея отдѣленія, он серьезно спросил: «хочешь ли ты, чтобы муж пріѣхал в Мадрид?»

— «Я убѣждала от него! Он заставляет меня ѣхать в кругосвѣтное путешествіе, когда отлично знает, что я этого не хочу!» — возмущенно отвѣтила она. — «Я так и предполагал и потому без твоего согласія не пошлю телеграмму.»

— „Спасибо, вѣрный друг,“ сердечно поблагодарила его молодая женщина. И, останавливаясь у своей двери, она с негодованіем продолжала: „Андрей обращается со мной, как с вещью! Он не принимает во вниманіе — мои желанія! Он совѣм не считается с другими людьми! Раньше я думала, что он щедр и великодушен; теперь я вижу, что его доброта руководится расчетом!“

— „Что же будет дальше?“ — мягко замѣтил маркиз, с неподдѣльным участіем смотря на Ирину. — „Не знаю. Незнѣвѣстность меня тревожит,“ еле слышно промолвила молодая женщина и досказала нерѣшительно: „Все-же лучше извѣстить Андрея.“

Телеграмму, отправленную маркизом с дороги, Ларош получил утром. Ничего не подозревая, он пил кофе, когда ему принесли депешу. Лицо его, сперва быстро поблѣднѣвъ, затѣм густо побагровѣло. Андрей закурил трубку дрожащими руками. Бушующій океан вторил его мятежной душѣ грохотом волн, разбиравшихся о скалы.

В письмѣ к Андрею, Ирина просила мужа оставить ее гостить у друзей-испанцев, а самого ѣхать без нея в Африку. — «Нам полезно на время разстаться! Вы любите охотиться. Воспользуйтесь свободой, поѣзжайте стрѣлять диких звѣрей. Вы опытный охотник и за вас я не буду беспокоиться. На Рождество встрѣтимся у Альда в Мадридѣ, а в началѣ Нового года вернемся в «Старый Дом»; одна — я в Канаду не поѣду; я вам это обещаю.» Она согласна была теперь задержаться в Европѣ, но с условіем, что муж не потревожит ее пріятную жизнь у Терезы и Альфонсо. «Нам нужно охладиться, иначе наше совмѣстное существованіе обоим станет невтерпѣж.» Такими словами кончала свое письмо молодая женщина.

Ирина сидѣла в ложѣ огромнаго открытаго зданія, сидѣнія котораго были украшены шелковыми матеріями. Великолѣпныя, с длинной бахромой, шали свѣшивались с перил ложи. Песок арены, своими яркими красками и разнообразіем рисунка, казался персидским ковром. Живым взглядом она слѣдила за старинной церемоніей, развертывавшейся перед нею; вокруг арены шла процессія из тореадоров, а также служащих этого заведенія; всѣ они были облачены в средневѣковые костюмы. Любимое зрѣлище испанцев волновало молодую женщину; нервность и повышенное настроеніе толпы передавалось ей. Сердце то колотилось, то замирало, дыханіе прерывалось, руки невольно комкали программу представленія. — «Какіе храбрецы,» шептала она Альфонсо, любуясь смѣлыми испанцами, рискующими жизнью для людской забавы и личной славы. — «Какой ужас,» говорила Ирина, закрывая глаза, когда разъяренный бык подымал на рога коней с пикадорами. «Несчастныя лошади! Неужели нельзя обойтись без этой сцены?» — спрашивала она Альда.

— «Чтобы заставить быка держать морду вниз, нужно ослабить его шейные мускулы; это достигается при помощи лошадей,» разъяснял ей маркиз, страстный любитель боя быков.

— «Ужасно жестоко!» — горячилась молодая женщина.

— «Лошадям вспрыскивают в живот морфій,» выдумывал Альфонсо, чтобы ее успокоить.

— «Совсѣм — Дон-Кихот и Россинанта,» замѣтила она, указывая глазами на тощую лошадь и высокаго пикадора.

— «Удачное сравненіе,» усмѣхнулся он. «Но без этого пугала, матадор не смог бы убить свирѣпое животное. Вѣдь он должен попасть одним ударом в позвонок, соединяющій шею со спиной. Низкое положеніе бычьей головы позволяет ему это сдѣлать. Тогда смерть быка молниеносна. Ошибись матадор на сантиметр и он пропал.»

Разглядывая публику арены, Ирина дѣлала выводы. — «В участниках бой быков вызывает храбрость, ловкость, самообладаніе; цѣнныя качества, главным образом, для мужчины; но в толпѣ, смотрящей на это зрѣлище, притупляются состраданіе, чуткость, мягкость, без которых человек, а в особенности женщина, теряет свою привлекательность.»

— о —

Хотя молодая женщина обыкновенно и отгоняла от себя невеселыя думы, но все же иногда она заставляла мысль свою сосредоточиться на будущем. — «Пускай впереди — годы разлуки, ожиданія. Я счастлива, что познала счастливую любовь! Без этого возвышеннаго чувства мое существованіе было бы блѣдно. Я не хочу разлюбить Ваню! Замѣнить мнѣ его никто не может!» Она отлично понимала, что жизнь в Канадѣ будет для нея нелегкая; сознаніе близости Соколова осложнит трудное положеніе жены в домѣ ревниваго мужа. Но как бы ни было ей тяжело жить в «Старом Домѣ», она предпочитала его хмурый пріют иному веселому, но далекому мѣсту.

Иринѣ захотѣлось пройтись по городу, чтобы быть одной со своими думами о Ванѣ, который приснился ей ночью. Разсѣянная и задумчивая, она шла по улицѣ, направляясь к городскому саду, когда почувствовала на своем плечѣ тяжелую руку. Вздрогнув от безпокойства, молодая женщина не без испуга обернулась.

— «Наконец-то! Я днями выслѣживал вас. Никак не мог застать одну! Я научился по вашей винѣ ненавидѣть Терезу и Альда,» строго прозвучали над ея ухом упреки мужа. Упавшим голосом она спросила Андрея: «Почему вы пріѣхали? Я думала, что вы путешествуете. Я ждала вас к Рождеству.»

— «Вы проявили слишком большую самостоятельность; это вам вредно! Я не мог охотиться в Африкѣ, пока вы имѣли полную свободу осуществлять свои вздорныя выдумки,» отвѣтил он с укором.

— «Я ничего сквернаго не дѣлаю,» с достоинством объявила Ирина.

— «Я увѣрен, вам доставило бы облегченіе извѣстіе о гибели вашего мужа на охотѣ в африканских дебрях,» с язвительной усмѣшкой продолжал Ларош. Она вспыхнула от его ѣдких слов и отвернулась. Озлобленность Андрея не так ее пугала, как то, что таилось за нею.

— «Чего же теперь вы от меня хотите?» — еле слышно спросила молодая женщина.

— «Я требую, чтобы жена вернулась к мужу!» — властно приказал он.

Ея рѣшимость отстоять свою независимость улетучивалась по мѣрѣ их разговора: муж внушал послушаніе своей волѣ.

— «Ваше внезапное бѣгство было поступком капризнаго ребенка, захотѣвшаго новыя игрушки, но не тѣ, которыя я ему предлагал.» Его голос потерял остроту; он совладал с гнѣвом, вызванным неудовлетворенной страстью, и начал с ней шутить.

«Играете ли вы теперь в испанскіе солдатики или куклы? Нравится ли вам ваши новыя затѣи?»

— «Даже в дѣтствѣ я не любила кукол, тѣм болѣе солдатиков,» недовольно возразила она. «Но перестаньте говорить пустяки... Я согласна переѣхать в вашу гостиницу. Пожалуйста, дайте мнѣ ея адрес. Только сегодня я занята. Завтра ждите меня. Я сообщу по телефону, в каком часу я буду у вас.»

— «Хорошо,» согласился Андрей. — «Проводите меня до дому. Донна Тереза обрадуется вам, если вы ее навѣстите,» предложила молодая женщина. — «Будет ли доволен меня видѣть «благородный» маркиз?» — с ироніей спросил он.

— «Право, не знаю. Во всяком случаѣ, будучи воспитанным челоувѣком, Альфонсо встрѣтит вас вѣжливо.» отвѣтила правдивая Ирина. Ея замѣчаніе было не лишено тонкой насмѣшки, которую муж не мог не почувствовать.

— «По сравненію с ним я — неотесанный мужик. Не правда ли?» — ревниво замѣтил он. Она, ничего не сказав, повернула домой...

— «Что так печальна, безподобное земное творение?» — весело обратился Альда к молодой женщинѣ.

— «Мнѣ жаль терять свободу!... Андрей мнѣ портит настроеніе!» — вырвалось у ней признаніе. И, вздохнув глубоко, она досказала: «Мнѣ хочется быть с ним и рѣзкой и холодной.» В ея вздохѣ было сожалѣніе.

— «Какіе ваши дальнѣйшіе планы?» — поинтересовался узнать маркиз.

— «О них предстоит впереди неприятный разговор; я боюсь, Андрей все еще не отказался от своего намѣренія насильно везти меня в кругосвѣтное путешествіе.» Альфонсо задумался; проводив Лароша, они сидѣли в кабинетѣ маркиза. Посѣщеніе Лароша, котораго сестра встрѣтила с искренним удовольствіем, а брат принял с учтивостью.

— «Прошу чистосердечно отвѣтить мнѣ на один вопрос,» сказал Альда. Тон его голоса был серьезен. Ирина, в знак согласія, кивнула головой.

— «Как любишь ты Ваню?»

— «В нем моя жизнь,» тихо и не сразу отвѣтила она.

Быстрая тѣнь, скользнув по смуглому лицу испанца, на мгновеніе затуманила его взор.

— «Вот и хорошо,» замѣтил он с доброй улыбкой, «что мы с тобой договорились. Мнѣ все ясно... Забудем наши злополучія; проведем беззаботно наш послѣдній вечер,» и нѣжно смотря на молодую женщину, Альфонсо добавил: «Мы повезем тебя в ресторан, гдѣ танцует Кармен. Ея танец всѣх сводит с ума.»

Г Л А В А Х.

В Ы З О В Н А П О Е Д И Н О К .

Ирина и Тереза еще почивали, когда на слѣдующій день Альда входил в комнату Лароша, котораго он застал, пьющаго утренній кофе. При видѣ незваннаго гостя, Андрей, накупившись и холодно, поздоровался с ним. Испанец, не ожидавшій дружественной встрѣчи, лишь усмѣхнулся значительно, протягивая свою руку.

— «Я пришел поговорить о Иринѣ,» серьезно сказал он. «Заранѣе прошу меня извинить, что вмѣшиваюсь не в свое дѣло. Вы оба, каждый в отдѣльности, посвятили меня в свои секреты; это обстоятельство, а также мое дружеское к вам отношеніе, дают мнѣ основаніе считать, что я могу быть посредником между вами.»

— «Повѣренный моей жены слишком пристрастен, чтобы быть справедливым там, гдѣ замѣшана она,» с нескрываемым раздраженіем отвѣтил Ларош.

— «Он думает, что в Біаррицѣ я принимал участіе в бѣгствѣ Ирины, а теперь хочу ее задержать в Испаніи,» мелькнуло в мозгу Альда. Но считая унижительным и бесполезным оправдываться, он промолчал.

— «Посредники между женой и мужем не нужны,» рѣзко договорил Андрей, предлагая гостю сѣсть.

— «Я убѣдился,» сказал, нисколько не смущаясь, Альфонсо, что Ирина несчастная. Я часто видѣл ее оживленной и довольной: новыя впечатлѣнія ее развлекают, у нея обширные интересы; но в глубинѣ ея чудных глаз свѣтится скромная грусть.» «Курить можно?..» — перебивая сам себя, спросил испанец. Ларош кивнул головой. «Ты ее не дооцѣниваешь. Ирина не станет послушным орудіем в твоих руках, С годами она обратится в замѣчательную женщину. Уже сейчас, будучи во многом ребенком, она проявляет нравственную силу. Деспотизм ее сѣдит и возмущает.»

Андрей, вскочив со стула, подошел к окну. Глаза его метали молніи.

— „Мнѣ жаль тебя, но Ирину — болѣе... Я любил ее за душевныя качества,“ договорил Альфонсо, закуривая сигару.

— „Ты в нее влюблен и замышляешь на ней жениться... Дѣтей у наснѣт. Можно будет расторгнуть брак, и тогда ничто не помѣшает „религіозному католику“ взять в жены разведенную,“ с сарказмом и подымая голос, сказал Ларош.

— „Я о себѣ не думаю,“ строго заявил Альда. „Она любит Соколова. Мы для нея не существуем... Ради Ирины, которую мы оба любим, прошу тебя ее отпустить; жестоко обречать молодую дѣвушку на 10 лѣт медленной, но постоянной пытки. Эгоизм и тиранство мужчины должны имѣть предѣл!“

— „Убирайся вон, нахал! Пошел к чорту!“ — крикнул Андрей, „ни слова болѣе или я вышвырну тебя в окно.“ Его голос звучал яростью, глаза налились кровью и сверкали бѣшенством. Альда встал со стула и холодно замѣтил: „Никто, никогда не осмѣлился быть со мной дерзким.“ — Они, выжидая, стояли друг перед другом и, чувствуя себя противниками, досадовали на свое недавнее товарищество. Каждому из них хотѣлось уязвить вчераш-

него друга и покончить со старой дружбой, ставшей для обоих в тягость. Переходя на официальное „вы“, маркиз первый нарушил молчание. „Вспомните, на какую подлость вы пошли, чтобы получить Ирину? Не обязывает ли вас прошлое сдѣлать ее счастливой? Она, ради своей семьи, пожертвовала собой. Это произошло три года тому назад. В жизни дѣвушки это длительный срок.“ — Он говорил ровно, но его острый блестящий взгляд колотил Андрея.

— „Альда издѣвается надо мной. Нарочно, чтобы известить меня, называет ее дѣвушкой. Он пособник ея выходкам,“ пронеслось в разгоряченной головѣ Лароша. Испанец неторопливо повернулся к двери; но не успѣл он до нея дойти, как почувствовал, что чьи то сильные пальцы схватили его за шиворот, с очевидным намѣрением выкинуть из комнаты. Звонкій удар перчаткой по его щекѣ заставил Андрея выпустить из рук ворот Альфонсо и грубо выругаться.

— „Присылайте секундентов! Сегодня будет, по всей вѣроятности, лунная ночь. Не нужно откладывать дуэль до завтра,“ вынимая сигару из рта, отрывисто проговорил Альда и, не поклонившись Ларошу, он вышел из комнаты. Андрей опомнился, но было уже поздно, чтобы прекратить начавшуюся между ними ссору.

Ирина не успѣла еще одѣться, как ее вызвали к телефону. — „Это — Андрей,“ послышался голос мужа. — „Хотите ли вы сегодня со мной позавтракать?“

— „Я собиралась днем к вам переѣхать.“

— „Отложите ваш переѣзд до завтра... Значит — рѣшено, я за вами зайду через час.“

— «Хорошо,» согласилась она.

Днем они осматривали достопримѣчательности Мадрида, которая молодая женщина видѣла ранѣе с Альда и Терезой.

«Ему тяжело на душѣ. Он хотѣл бы подѣлиться со мной своими мыслями; но что то, для меня необъяснимое, удерживает его от этого,» подумала она, замѣчая на себѣ его странный взгляд, в котором ей мерещилось и раскаяніе и возмущеніе самовольной натуры. И жалость к нему вновь вкрадывалась в ея сердце.

Во время чая, который они пили в его гостиницѣ, Ларош, посмотрѣвъ на нее, как то особенно пытливо, вдруг сказал: «Жребій брошен... Быть или не быть?...

Второй раз... Стоите ли вы стольких переживаний?» Его слова были ей непонятны. И, бросив ему робкий взгляд, Ирина с недоумѣнием спросила: «Что такое вы хотите сказать?»

— «Ея глаза — озера, хранящія от меня свои сокровища,» с досадой подумал он. Вслух муж проговорил, с ядовитой усмѣшкой: «il vaut mieux être un chinois vivant qu'un français mort»*) Она, напрягая мысль, сдвинула брови. — «Какое ваше мнѣніе по этому поводу? — снова спросил Андрей. — «Бабушка считала, что в жизни человека важно не количество лѣтъ, а их качество.»

— «Ха, ха, ха,» невесело разсмѣялся он: «В таком случаѣ: «Vive le français mort!» **) — «Это — нелѣпость,» замѣтила молодая женщина. «Я ничего ровно не понимаю.»

Вечер она провела с донной Терезой. Ирина впервые слышала оперу «Аида,» сюжет и музыка которой ее захватили.

«Исторія стран и отдѣльных личностей отчасти повторяется; время и мѣсто мѣняются, но сущность остается та же. Ничего вполне новаго не бывает,» философствовала она молча, увлекаясь пѣніем артистов. — «Что ты так задумалась?» спросила ее донна Тереза. — «Я наслаждаюсь,» улыбнулась молодая женщина.

— «У меня на душѣ тревожно. Почему — сама не знаю,» — взволнованно продолжала испанка. „Брат был весь день на себя не похож. Забыв свое остроуміе и насмѣшливость, стал нѣжным; даже отказался, ссылаясь на какое то важное дѣло, сопровождать нас в театр. У него что-то на умѣ. Или ему нездоровится, что всегда бывает, когда Альфонсо начинает вспоминать наше дѣтство. А сегодня мы с ним мысленно переживали наши дѣтскія потѣхи.“

Безпокойство Терезы передалось Иринѣ. — „Провожая нас до автомобиля, Альфонсо мнѣ пожелал, не только пріятно провести вечер, но — всюду и всегда быть счастливой,“ подумала она. „Тогда я не обратила вниманія на его послѣднія слова: не забывать друзей, гдѣ бы они ни были. Его взгляд был как-то особенно нѣжным; голос Альфонсо звучал проникновенно. Он хвалил мое платье, прическу, как будто прощался со мной на-

*) Слова одного хѣзгаго франц. депутата, сказанныя им в парламентѣ: лучше быть живымъ китайцемъ, чѣмъ мертвымъ французомъ.

**) Да здравствуетъ мертвый француз. — Зам. автора.

долго или навсегда... Андрей еще непонятный себя держал сегодня... Неужели они встрѣтились без нашего вѣдома? Тогда что-то ужасное произошло между ними!" Эта мысль обожгла ее.

И прерывающимся голосом молодая женщина спросила донну Терезу: „видѣлся ли в теченіе дня Альфонсо с Андреем?“

— „Брат пропадал все утро. Возможно, что он у него был,“ отвѣтила та, вопросительно взглянув на свою собесѣдницу.

— „Протелефонируем домой и в гостиницу, чтобы выяснить... Дай Бог, чтобы мои опасенія были одним болѣзненным воображеніем. „Я чувствую себя такой виноватой перед всѣми вами,“ сказала Ирина, сильно беспокоясь и с трудом сдерживая дрожь в голосѣ. Но ея предположенія подтвердились: Ларош и Альда только что покинули: первый—гостиницу, второй—свой дом. Обѣ женщины не сомнѣвались болѣе — произошло что-то роковое.

Открыв ключом парадную дверь, онѣ очутились в слабо освѣщенной передней, гдѣ на креслѣ дремал старый камердинер маркиза, начавшій служить в его семьѣ еще мальчиком при дѣдѣ Альфонсо.

— „Кого ты поджидаешь?“ — разбудив старика, спросила донна Тереза. „Когда вернется брат? Зачѣм он уѣхал?“

„Спросонья, плохо соображавшій камердинер, невнятно прошамкал: „барин вручил два письма для передачи барынѣ, в случаѣ своего невозвращенія в теченіе ночи.“

С нескрываемым безпокойством Тереза разорвала конверт, надписанный ей знакомым почерком; быстро пробѣжав первыя строки письма, она схватила Ирину за локоть и потащила ее к выходу. На ходу донна Тереза крикнула, не оборачиваясь, старику: „немедленно верни машину.“

Онѣ мчались по дорогѣ, ведущей в Ескуріал; швейцар сообщил им цѣнныя свѣдѣнія, что маркиз приказал шоферу везти его в этом направленіи.

Вначалѣ почтенная испанка выражала громко свою тревогу и возмущеніе, ругая брата ослом, верблюдом и сумасшедшим, но затѣм она смолкла и губы ея, взамѣн укоров, стали шептать молитвы. Ирина молчала всю дорогу и безмолвно молилась; она была подавлена мыслью, что из за нея опять страдают другіе и рискуют своею

жизнью. Донна Тереза, садясь в автомобиль, ей сказала, что Альфонсо собирается драться на дуэли; но пожилая женщина ни одним словом не упрекнула молодого друга, хотя и догадывалась, что ссора между братом и Ларошем произошла из-за Ирины.

— «Замедли ход!» — резко и неожиданно приказала донна Тереза; ее напряженный взор рассмотрел, чернющие впереди скалы и кое-где, разбросанные между ними, хвойные деревья.

Полный месяц величественно освещал холмистую местность. — «Кажется — машина Альфонсо!» — влевив взгляд в темные предметы, воскликнула испанка, пожимая руку Иринь. Молодая женщина, всхлипнув, повернула голову по направлению, ясно теперь видневшихся впереди, автомобилей.

— «Мы поспеем... все окончится благополучно,» утешала старшая свою младшую подругу. Лицо Ирины было бледно при лунном сиянии; темные глаза блестели слезами.

Не давши их автомобилю остановиться, Ирина отворила дверцы и на ходу соскочила на дорогу. Донна Тереза поспешно последовала за нею. Он бжали по кремнистой тропе, ведущей к невысокому возвышению и извивающейся среди скал и сосен. Запыхавшаяся Тереза, чтобы отдышаться, остановилась у подножья пригорка, но молодая женщина, не замедляя бга, поднялась на его плоскую верхушку. На открытой площадке стояли Альда, Андрей и их секунданты. По расположению действующих лиц разыгрывавшейся драмы, Ирина могла судить, что все уже было ими предрешено и ожидался лишь сигнал стрелять. Крикнуть она не сумела, так как от бга и беспокойства у нея пропал голос. Эти секунды безсилія запечатлелись надолго в памяти молодой женщины. Далекія, холодныя звзды и мѣсяц, смотрѣли безучастными зрителями на жизнь и смерть своенравнаго, мятущагося челоѡка.

ГЛАВА XI.

ЧУДНЫЕ ЦВЕТЫ МАРКИЗА.

Ларош, недовольный собой, фхал на дуэль; он думал: «Зачѣм я буду драться?... Ирина отрицала сегодня какое либо участіе Альда в ея бѣгствѣ... Я могу ей вѣрить. Она сказала, что он даже не подозрѣвал об ея

намѣреніи. Альфонсо — благородная личность; Ирина его любит как друга. Она — одинока. Ревновать испанца к ней глупо; Альфонсо всегда был хорошим мнѣ пріятелем. Ирину он развлекает; и это я должен был бы привѣтствовать.» Закурив трубку, Андрей рѣшительно сказал: «Всему причиной моя ревность.» Но оправдывая себя, он добавил: «Если бы я был счастлив с женою, то не ревновал бы ее безразсудно.» Его мысль продолжала работать: «Бой быков, серенады, поединки, сіесты и гранды, это — Испанія. Если б я отказался от дуэли, испанцы заподозрили бы меня в трусости; вѣдь Альда один из лучших стрѣлков Испаніи, если не — Европы.» При одном предположеніи, что храбрость его будет под вопросом, Лароша ударило в жар: «*Damni!* Приходится подчиниться создавшемуся положенію. С каким удовольствіем поставил бы я Соколова на мѣсто Альфонсо...»

Маркиз тоже был озабочен, но думы его были иныя, чѣм у Андрея. — «Ради счастья Ирины я способен сдѣлать преступленіе... Другого выхода нѣтъ... Деспотическая, страстная натура Лароша не хочет отказаться от раз намѣченной цѣли; и для достиженія этой цѣли он не постѣсняется совершить новыя беззаконія. Ларош перемѣнился к худшему с того времени, что я гостил у них в Канадѣ.»

Становясь на свое мѣсто против Андрея, Альда подумал: «Было бы оригинально, если бы мы, поддерживая свою славу мѣтких стрѣлков, убили бы друг друга наповал.»

Ирина собрала свои силы; беззвучіе ночи нарушилось быстрыми шагами молодой женщины, выбѣжавшей на середину пригорка. Облитая лунным свѣтом, учащенно дыша, она выкрикнула слабо: «Андрей! Альфонсо!»

Альда сдѣлал порывистое движеніе в сторону Ирины, но замѣтив Лароша, приближавшагося к женѣ, он остановился. В это время снизу показалась поднимающаяся по тропинкѣ донна Тереза; брат, увидѣвъ сестру, поспѣшил к ней навстрѣчу.

Ирина, опустившаяся на первый попавшійся камень, сияющими глазами взглянула на подошедшаго к ней мужа и, перекрестившись, сказала тихо: „Слава Богу.“

Ларош радостно поймал на себѣ ея счастливый взгляд, который, к его обидѣ, не задержался на нем.

— „Марево,“ с горечью подумал он, когда молодая женщина, привѣтливо улыбаясь, махнула рукой брату

и сестрѣ, подходившим к ним. Донна Тереза без обиняков стала настаивать, чтобы Ларош переѣхал в их дом.

— „Вы собираетесь надолго покинуть Европу. Когда еще мы с вами увидимся. Побудьте с нами до вашего отѣзда.“

Андрей, чтобы сдѣлать удовольствіе женѣ, согласился; она успѣла ему шепнуть: „пожалуйста.“

Глубокой ночью они вернулись домой. Ирина, уставшая от пережитых ею волненій, сразу прошла к себѣ в спальню с намѣреніем лечь спать.

Но ложась в постель, она вспомнила, что забыла вернуть его письмо, которое осталось ею не прочитанным.

— «Интересно было бы знать, что Альфонсо мнѣ написал на прощаніе,» подумала молодая женщина. — «Надо непременно завтра же ему отдать письмо. Он был бы недоволен, если бы я ознакомилась теперь с содержаніем письма. Оно мнѣ предназначалось только в случаѣ смерти Альфонсо.»

Колеблясь между любопытством и щепетильностью, Ирина вынула из своей сумки письмо маркиза. — «Красивый почерк,» сказала она вслух и не без ощущенія стыда стала указательным пальцем разрывать конверт.

— «Ирина,» читала молодая женщина с волненіем. «Меня нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Тебя не может тревожить признаніе мертвеца, унесшаго в могилу свою любовь. Помнишь ли ночь в горах? Тогда ты плѣнила меня навсегда. И сравнил я тебя с чудными цвѣтами, выросшими на черноземной почвѣ родового парка, лелѣемыми умѣлой рукой садовника, оберегаемыми им от бурь и жгучаго солнца, от мороза и терній. Брошенные злой судьбой в иную землю, цвѣты не завяли на чужбинѣ: примѣнившись к скудной почвѣ, они пустили новые, глубокіе корни и расцвѣли еще болѣе прекрасные и пахучіе. Их красота и благоуханіе не могли остаться незамѣченными, и вот появились желающіе ими обладать. Их было четверо; принадлежали они к разному племени и во многом отличались друг от друга. Первый был с дальняго сѣвера и собирался скрыть цвѣты от взора чужих в своем мрачном дремучем лѣсу. Второй — пришел с веселаго юга, гдѣ приготовил в солнечном саду мѣсто для них. Третій был тоже из теплаго края, он жил в скалистой странѣ и мечтал посадить волшебные цвѣты в драгоценную вазу, на мраморных плитах во дворѣ старин-

наго замка. Четвертый — не имѣл ни лѣса, ни сада, ни дома, но был он из того же царства, что и цвѣты, и знал к чему они привыкли и в чем заключалась их внутренняя жизнь. Он привез с собой простой садовый горшок, наполненный землей из старого парка, гдѣ цвѣты провели свое безмятежное дѣтство.

И всѣ четверо, по очереди, попробовали свое счастье. Но ни первому, ни второму, ни третьему не удалось вырвать из почвы цвѣты; и, боясь в своем упорствѣ помять их, они с глубоким сожалѣніем уступили цвѣты послѣднему, который без всякаго усилия бережно пересадил чудное растение в свой глиняный горшок. Что оставалось дѣлать неудачникам? Лишь любоваться издали цвѣтами, вдыхая их аромат и безмолвно завидуя счастливцу.

Прощай, несравненная! Не забывай молитвенно вспоминать третьяго цѣнителя рѣдких цвѣтов.“

Тронутая посланіем маркиза, Ирина сидѣла в раздумьи; незамѣчаемая ею елeзы, как капли росы, сверкали на ея нѣжных щеках. — „Я сберегу это письмо на память. Лирику любят даже дочери XX вѣка; хотя онѣ это и скрывают от себя и других.“

Она перечла письмо и подумала. „Я вѣрю в предсказаніе Альфонсо. Иной конец у этой сказки не мог бы быть.“ И сердце молодой женщины наполнилось благодарностью к вѣрному другу, вселившему в ея душу новую надежды.

Ирина постучалась в кабинет маркиза и застѣнчиво спросила: „Можно ли войти?“

— „Пожалуйста, очень рад,“ послышался тотчас же отвѣтъ Альда. — „Альфонсо,“ обратилась она к нему, садясь рядом с ним на диван, „я ужасно тронута твоим письмом. Я буду его хранить. Читая — я плакала.“ В ея голосѣ звучало сердечное чувство.

— „Я не жалѣю, что ты прочла письмо,“ с доброй улыбкой, ласково сказал он. „В моей любви нѣтъ ничего оскорбительнаго.“

И цѣлуя ея тонкіе пальцы, маркиз негромко досказал: «Теперь ты будешь знать, что я твой безкорыстный друг... Не правда ли наша столица хороша? Нравится ли тебѣ Мадрид?» — мѣняя тему их разговора, спросил он.

— „Очень! Я давно не чувствовала себя так уютно и спокойно, как здѣсь, в твоём домѣ. Если бы не необходимость возвращаться из за брата в Канаду, то я с

удовольствием провела бы всю зиму в Испании,“ с живостью согласилась молодая женщина.

— „Жаль, что понятие о долге у тебя сильно развито,“ переходя на шуточный тон заметил Альфонсо.

Среди друзей Терезы и Альда, Ирина пользовалась большим успехом. И это обстоятельство портило настроение Лароша. Его ревнивая натура в каждом красивом мужчине видела возможного соперника, и ввиду этого Андрей торопился покинуть Мадрид.

Ирина успела побыть в гостях у испанских друзей целый месяц, когда пришло ей письмо от Елены Александровны, очень встревожившее молодую женщину.

«Г-жа Соколова пишет, что с няней был удар; бедная старушка парализована на левую сторону; ее положение серьезное,» объявила она мужу. «Пожалуйста, справьтесь о пароходе и возьмите нам билеты. Я хотела бы ехать как можно скорее.»

— «И я — тоже,» ответил он, пристально посмотрев в ее встревоженное лицо...

— «Наш последний вечер,» сказал Альда. Ирина сидела с ним у горящего камина, в котором весело потрескивали сухие дрова.

— «Ты сегодня молчалив,» заметила она ему. «Андрей же наоборот ведет все время оживленные беседы с донной Терезой.»

— «Мне грустно, а ему весело,» любуясь ею, добродушно усмехнулся он.

— «Я предпочитаю тебя — болтливым,» улыбаясь продолжала Ирина.

— «Я впервые недоволен судьбой и из-за этого не могу острить,» пошутил Альфонсо.

— «Покажите мне, пожалуйста, старые альбомы,» попросила его она. «Разсматривая семейные фотографии, мы забудем настоящее.»

Он положил рядом с ней несколько тяжелых, в кожаных переплетах, альбомов и начал их медленно перелистывать. — «Вот здесь, Тереза и я — детьми. Не правда ли миленькие? Там, я — в матроске; у сестры — косички и огромный бант. Зализанные назад волосы ей не идут. Дальше, я — офицером; Тереза — в придворном платье. Вот — мой любимый конь. Сколько призов я с ним брал! Он пал в «Орлином гнезде» в год твоей свадьбы.»

— «Два знаменательных события. Которое из них принесло тебе больше огорчения? Наверное — смерть

лошади,» не утерпѣла молодая женщина, чтобы не по-
дразнить его.

— «Первое, упоминаемое нами существо, было урод-
ливо своей старостью; второе же прекрасно своею моло-
достью. У моего коня глаза поблекли, шерсть повылѣз-
ла, ноги — с трудом передвигались. А у тебя...»

— «Я не люблю комплименты,» перебила она и,
трогая указательным пальцем одну из фотографій, ска-
зала: «Какъ ты был красивый!»

— «Зачѣм ты выразилась в прошедшем времени?
Развѣ не осталось и слѣдов былого великолѣпія?» — с
напускным огорченіем возразил Альда.

— «В ином родѣ — ты и теперь хорош, но прежде
все же был красивѣй,» отвѣтила чистосердечная Ирина.

— «Милая, конечно, я был несравненно лучше. Я
тебя испытывал,» сказал он и, улыбаясь, договорил не-
громко: «чтобы ты сдѣлала, если бы в Римѣ, на мѣстѣ
молодого Салерни, был сей бравый офицер королевской
гвардіи?»

— «Влюбилась бы в него по уши,» вырвалось за-
мѣчаніе у его собесѣдницы.

— «Ха, ха, ха! Мнѣ нравится твоя откровенность,»
разсмѣялся маркиз и спросил, понизив голос, чтобы се-
стра и Ларош, сидѣвшіе в другом углу гостиной, не ус-
лыхали его. «И согласилась бы выйти за него замуж, не
предъявляя ему всякія условія?»

— «Как ты любишь изводить!» — краснѣя восклик-
нула она, ловким движеніем руки бросая в него бар-
хатную подушку.

На прощаніе Ирина шепнула Альфонсо: «номер 1
увозит цвѣты в свой дремучій, мрачный лѣс.»

— «А драгоценная ваза третьяго стоит пустая на
мраморных плитах его замка и собирает неутѣшныя сле-
зы,» вполголоса отвѣтил он с грустной ласковой улыб-
кой.

— «Ах! Ты напомнил своими словами одну татар-
скую легенду!» — воскликнула она.

— «Расскажи, прошу; меня нужно сегодня развле-
кать,» многозначительно взглянув на нее, сказал маркиз.

— «Один крымскій хан приказал соорудить «фон-
тан слез», в память своей умершей возлюбленной. Вода
текла по каплѣ, как — слезы.»

«Я понял твой намек,» пошутил он.

— «Я не думала о нас,» смущенно усмѣхнулась
молодая женщина.

— «Я хороню, как когда то хан, свое чувство. Да здравствует братская любовь!» окончил свою фразу, тихо смѣясь Альда.

— «Я мысленно подымаю бокал,» отвѣтила Ирина. «Как спокойно было бы тогда жить на землѣ,» досказала она и улынулась ему шаловливо.

— «Какой ты очаровательный ребенок,» нѣжно проговорил он. «Я был бы согласен взять тебя на каких угодно условіях,» подумал Альфонсо, прощаясь с нею.

Г Л А В А XII.

ПУТЕШЕСТВІЕ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ.

— „Скоро ли мы будем в Гибралтарѣ?“ — спросила Ирина Андрея, сидя с ним в поѣздѣ, увозившем их из Мадрида.

— „Через час, по всей вѣроятности,“ отвѣтил он, разсматривая журнал. К вечеру они прибыли в испанскій город, расположенный рядом с Гибралтаром. Поднимаясь ночью того же дня по сходным на пароход и смотря на море, она замѣтила с нѣкоторым недоумѣніем: „Навѣрное, будет качать.“

— «Не думаю,» сказал муж, вынимая изо рта трубку.

— «Куда идет то пассажирское судно?»— снова обратилась жена к Андрею, указывая головой на стоявшій поблизости и готовившійся к скорому отплытію, океанскій корабль.

— «Кажется — в Южную Америку,» без запинки отвѣтил он, беря молодую женщину за локоть и направляя ее в рубку.

— «Я люблю Атлантическій океан лишь с берега. Помните, как качало, когда мы плыли с бабушкой в Канаду?»

— «В этот раз наше путешествіе будет спокойным.»

— «Почем вы знаете?» — «Я смотрѣл на барометр.»

— «Вы меня не убѣдили,» улынулась она, «наше плаваніе будет продолжительное, по крайней мѣрѣ, дней десять.»

— «Мы плывем,» подумала Ирина, просыпаясь на слѣдующее утро. «Какое счастье — не качает! Андрей был прав.» Одѣвшись, она позвала мужа и встрѣтила его словами, звучавшими удивленіем: «Что случилось? Солн-

це встало с запада. Ничего не понимаю!? Я кажется схожу с ума?»

Ларош подошел к женѣ и, взяв ее за плечи, рѣшительно отвѣтил: «Мы ѣдем в Египет, гдѣ проведем зиму.»

— «Вы смѣтаетесь!» воскликнула она, блѣднѣя.

— «Нисколько,» возразил он с довольной усмѣшкой. «Мы в темнотѣ ошиблись пароходом.» Эта шутка была весьма неумѣстна.

— «Значит, тот большой корабль шел в Нью Йорк?» прошептала молодая женщина. — «Да,» отвѣтил Андрей, «признаюсь—я пережил острые мгновения тогда, когда вы замѣтили другое судно. Ха, ха, ха!»

Его слова и смѣх произвели на нее удручающее впечатлѣніе.

— «Я безгласная плѣнница,» подумала Ирина с негодованіем. И, в порывѣ возмущенія, рѣзко высвободив свою правую руку, она ударила мужа по щекѣ. Он улыбнулся, как улыбаются ребяческой выходкѣ и, быстрым движеніем прижав ее к себѣ, поцѣловал в голову жену.

«Андрей ничуть не отличается от мавра-разбойника,» в смятеніи мыслила молодая женщина, освобождаясь от его цѣпкаго объятія. Выдержав характер, она до Порт-Саида не выходила из своей каюты и не видѣлась с мужем.

Ни разнообразіе постоянно мѣняющихся впечатлѣній, вызванных передвиженіями по земному шару, ни мирныя отношенія между супругами, не могли скрасить и заполнить для Ирины, одиноко и блѣдно тянувшіеся годы. В теченіе их жизнь воспринималась молодой женщиной лишь внѣшне, в ея существованіи сердце не принимало участія.

Характер молодой женщины значительно измѣнился; она умственно и нравственно развилась: застѣнчивость, подчас порывистое обращеніе с другими, излишняя откровенность и торопливость в сужденіях, а также нѣкоторая в себѣ неувѣренность, уступили мѣсто скромному достоинству, сдержанной привѣтливости и внимательным отношеніем к интересам, встрѣчавшихся с нею людей. Одно из главных удовольствій Ирины было чтеніе. Выбор ея книг был самый разнообразный: начиная с разсказов «Zane Grey» и кончая жизнеописаніем святых. За послѣднее время молодая женщина взяла себѣ за правило читать на ночь Евангеліе. Андрей видѣл в женѣ эту перемену и, вспоминая предсказаніе Альда, «из нея выйдет замѣчательная женщина, ты не дооцѣнива-

«ешь ее,» с тревогой думал: «малосодержательныя и слабодвольныя привыкают к деспотизму; интересныя же личности любят самобытность и не терпят насиліе. в какой бы формѣ оно не проявлялось.»

О своем настроеніи, о тайных думках, если онѣ были грустныя или возбуждающія, Ирина и Андрей научились умалчивать, и одни лишь внимательные люди сумѣли бы прочесть в ея глазах печальную мечтательность и усталое безразличіе и увидѣть в его взглядѣ, бросаемом украдкой на жену, затаенное вожделѣніе или досадливое безпокойство. Но, чтобы заглянуть в их души, нужно было застать обоих врасплох. Вначалѣ Ирина пробовала уговорить мужа вернуться в „Старый дом,“ но со смерти няни и с переѣздом брата на постоянное жительство в Рим, она перестала подымать между ними этот вопрос.

— „Я их бросила, когда они нуждались во мнѣ,“ сокрушалась молодая женщина. — „Слава Богу, что Василій получил маленькое наслѣдство от бабушки; он будет в состояніи продолжать ученіе в Италіи, гдѣ у него имѣются друзья. В крайнем случаѣ, и я могу его содержать, пока брат студент. К сожалѣнію, мой капитал быстро тает!“ Она послала деньги отцу Михаилу на „Русскій Поселок,“ а также Ольгѣ на Красный Крест, так как всюду среди бѣженцев была большая нужда. Просить денег у Андрея на русских Ирина не рѣшалась, ибо не считала себя вправѣ чѣм либо пользоваться сверх того, что он ей давал. Послѣднее же заключалось в том, что она была на его полном иждивеніи.

Четвертая весна застала их в Японіи. Молодая женщина с наслажденіем вдыхала пряный запах диких вишенъ, носившійся в прозрачном воздухѣ. — „Как я рада за Василія,“ подумала она, перечитывая письмо брата, в котором тот извѣщал сестру о скорой своей свадьбѣ. „Он просит моего благословенія. Я буду его посаженной матерью. Марія Салерни на фотографіи очень мила.“ Ирина размышляла, сидя в вишневом саду гостиницы. „На этот раз Андрей не противился моему желанію. Не пустить сестру на свадьбу единственнаго брата было бы жестоко. Андрей становится мягче. Может быть, его годы играют роль. Ему уже 42! Выглядит он старше своих лѣтъ. Я его состарила,“ не то грустно, не то весело усмѣхнулась молодая женщина и сказала вслух: „Бѣдный.“ — „Кого это вы жалѣли?“ — спросил ее гулявшій по

саду Ларош. — „Я перечитывала письмо Василя; мысленно перенеслась в Рим,“ отвѣтила она улыбаясь.

„Вы оживились; ваше настроеніе заразительно.“ проговорил муж, подходя к женѣ и с вниманіем взглянув на нее. „Хотите-ли днем сдѣлать прогулку за город, а вечером поѣхать в театр?“ — предложил он.

— „С удовольствіем,“ охотно согласилась она.

— „Мнѣ хочется кутить. Я вам обещаю, что нам не будет скучно,“ продолжал с живостью Андрей.

— Я давно не видѣла вас в таком настроеніи,“ удивилась Ирина и, бросив на мужа привѣтливо-насмѣшливый взгляд, досказала: „Мнѣ казалось, что вы предпочитаете, как султан своих жен, держать меня взаперти.“

— «Далеко мнѣ до султана!» — вырвалось у него признаніе.

— «Вы как-будто сожалѣете,» не то спросила, не то подтвердила она.

— «Согласны ли вы всѣ остающіяся недѣли до предстоящаго плаванія веселиться?» Он вернулся к их прежней темѣ разговора; поставленный ею вопрос так и остался безотвѣтным.

— «В мѣру я не отказываюсь,» отвѣт молодой женщины звучал непринужденно-весело.

Они обѣдали в шумном ресторанѣ. Мысль Ирины непрестанно уносилась к брату. «Мнѣ ужасно хочется его видѣть! Прошло почти четыре года, как мы с ним разстались. Страшно подумать, что Василій совершеннолѣтній,» говорила она Андрею. Ея веселость не могла не захватить Лароша. — «Как довольна моя маленькая ѣхать на свадьбу,» думал он, любясь ея сверкающими глазами, румянцем на щеках и внимая ея оживленному говору. — «Помните, какая была миленькая Марія Салерни?» — спрашивала радостно жена мужа.

— «Я не встрѣчал ее; но если она похожа на брата, то должна быть недурна собой,» широко улыбаясь отвѣтил он.

Андрей не без удовольствія втягивался в разговор о Римѣ, так как привѣтствовал все то, что не напоминало ей о Соколовѣ; и, смѣясь, он упомянул о дракѣ в трагедіи и о дуэли.

— «Дорого же я вам обошлась,» душевно замѣтила молодая женщина, вспомнив о мнимом польском графѣ.

И с благодарностью взглянув на него, она заключила: «Вы тогда поступили рѣдко благородно. Вы спасли бабушку от нищеты.» Муж отвел от нея свой взор и про-

молчал. Рѣшив, что его молчаніе вызвано скромностью, Ирина с убѣжденіем продолжала: «Право, я не стояла этого. Я принесла вам однѣ заботы и непріятности!»

— «Нѣкоторые бы захотѣли со мной помѣняться мѣстом,» с открытой улыбкой отвѣтил он. «Представьте себѣ только, какой скучной была бы моя жизнь без вас? В мое сѣрое существованіе вы внесли новыя краски.»

— «Боюсь, что слишком яркія,» тихо разсмѣялась она...

Вставая с постели наканунѣ своего отъѣзда из Япо-
нии, молодая женщина радостно думала: «Ура! Завтра мы плывем..!»

Приподнятое настроеніе ея души выражалось—то в веселой пѣснѣ, то в легком смѣхѣ, то в оживленной бесѣдѣ.

-- «Как птичка поет, предвкушая свободу,» мыслил Ларош, слѣдя взглядом за женой; она укладывала свои мелкія вещи в чемодан и вполголоса напѣвала что-то мелодичное.

Г Л А В А XIII.

Р А З М О Л В К А .

Часто потом у Ирины возникала перед глазами картина «послѣдняго» ужина с Ларошем в Токио. В памяти настойчиво вставляли: богатая меблировка гостиной, красивая сервировка стола, бѣлизна скатерти, тонкое качество посуды, серебряные подсвѣчники с зажженными толстыми свѣчами... Зеркала отражали тогда бѣлое платье, камни и жемчуг молодой женщины. Ей нравилось ужинать при свѣчах, свѣтъ которых смягчал тона и придавал уют комнатѣ.

— «Вы выглядите невѣстой: вам не хватает фаты.» говорил он ей.

— «Я чувствую себя семнадцатилѣтней», мило улыбнулась она. «И мнѣ трудно повѣрить, что я «старая» дѣва. Мнѣ пошел 25-ый год.»

— «Конечно, нельзя себѣ представить, что вы «старая» дѣва», сказал муж с добродушной насмѣшливостью; «вѣдь вы пять с половиной лѣтъ замужем!» Опустив голову, жена негромко возразила: *Il ne faut pas mettre les points sur les i.**)

— «Простите меня! Не сердитесь.» замѣтив ее недо-

*) Не нужно ставить точки на букву i. — Зам. автора.

вольство, поспѣшил извиниться Андрей. «Выпьем за здоровье жениха и невесты,» досказал он, наливая два бокала пѣнящагося шампанскаго.

Воздушные пузырьки, выскакивая из стакана, щеко-тали нос и верхнюю губу молодой женщины. Она от-странила ото рта напитков и замѣтила, улыбаясь: «Не могу пить быстро. Передайте, пожалуйста, соломинку.»

— «За здоровье пьют залпом,» замѣтил муж, осу-шая свой бокал.

— «Да,» согласилась жена и морщась допила свое шампанское.

— «Хотите ли вы теперь послушать концерт,» пред-ложил он, внимательно вглядываясь в нее.

Запрокинув голову на спинку кресла и закрывши глаза, Ирина отдалась чудной мелодіи, передаваемой воз-душными волнами; незамѣтно для себя, она перешла от дѣйствительности в царство сна. И приснилось ей, что она — в церкви, на свадьбѣ брата, только не Василий и Марія стоят у аналоя, а она сама с Ваней. Их вѣнчает отец Михаил. Вокруг их друзья, близкіе, среди которых она различает родителей, бабушку, няню, Андрея и Альфон-са с Терезой. Она безгранично счастлива; всѣ ее поздрав-ляют и радуются вмѣстѣ с нею. Альда весело кричит, подымая бокал с вином: «да здравствует братская лю-бовь!» В этом мѣстѣ ея сон прервался и молодая жен-щина проснулась. Перед нею на колѣнях стоял Андрей; с замѣтным безпокойством, и зовя жену по имени, он тряс ее за плечи. Не отдавая еще отчета, гдѣ она, Ирина проговорила: «Зачѣм вы меня разбудили? Я видѣла та-кой дивный сон, что хотѣла бы никогда не просыпаться.» Но придя в себя окончательно, она сѣла на постели и поспѣшно спросила: «Пора ѣхать? Который час?»

Ларош, с облегченіем вздохнул и промолчал. «Мы опоздали!! Уже свѣтло!» — воскликнула молодая жен-щина, замѣтив солнечный луч, проскальзывающій в ко-мнату между полу-отворенными ставнями.

«Мы должны были сѣсть на пароход ночью! Он уходил рано утром... Что случилось!» — явная озабочен-ность замѣтна была в ея взглядѣ.

— «Успокойтесь, вставая с колѣн, сказал муж. В волненіи соскочив на пол, она подумала вслух: «Ужасно обидно... Надо плыть на слѣдующем.»

— «Вчера вы заснули в креслѣ. Я перенес Вас в спальню и снял с ваших ног туфли... Вы так крѣпко спа-

ли, что я с трудом разбудил вас. Как вы себя чувствуете?» продолжал он, пытливо всматриваясь в жену.

— «Очень прошу вас, не откладывая, узнать, когда идет в Европу слѣдующій корабль,» довольно спокойно попросила она, хотя неудача с их отъѣздом сильно разстроила ее. Предположеніе, подтверждаемое их вечерней одеждой, что с ней случилось что то непонятное и неприятное, раздражало молодую женщину...

Ирина тотчас повеселѣла, когда Андрей объявил ей, что заказал мѣста на пароходѣ, идущем через недѣлю в Европу.

«Мы все таки поспѣем на свадьбу,» отвѣтила мужу обрадованная жена.

Но наканунѣ их отъѣзда, с ней вторично произошел странный случай, помѣшавшій им покинуть, в назначенный день, Японію. Они катались по живописным окрестностям Токио, когда Иринѣ захотѣлось остановиться в роцѣ азалий. Живительный запах земли пріятно возбуждал обоняніе; жужжаніе насѣкомых убаюкивало; жара клонила ко сну; мысли постепенно тяжѣли и в томѣющую душу спускался покой. — «Как здѣсь чудно,» замѣтила молодая женщина, садясь на траву; опуская вѣки, она добавила сонным голосом: «Я опьянѣла от красоты...»

Ларош безшумно наклонился над спящей женой; его пальцы держали маленькій флакон, вынутый им из внутреннего кармана куртки. Ея ровное и его учащенное дыханіе включалось в общую стройность звуков природы.

Через нѣкоторое время, не опасаясь болѣе разбудить Ирину, он держал ея голову на колѣнях и, цѣлуя лицо молодой женщины, шептал ей страстные слова, которыя она прежде не хотѣла, а теперь не могла слышать.

Ирина очнулась от долгаго сна в своей спальнѣ. Была глухая ночь; при слабом освѣщеніи единственной лампы, стоявшей на ночном столикѣ, она различила крупную фигуру Андрея, дремавшаго в креслѣ, рядом с ея постелью. Кинув бѣглый взгляд на свои часы, молодая женщина подавила в себѣ желаніе позвать мужа; почти одновременно с чувством недоумѣнія, в ней зародилось подозрѣніе, что он ее усыплял для того, чтобы помѣшать им попасть на свадьбу брата.

— «Но это было бы ужасно!» — мысленно возмутилась Ирина. «Я провѣрю мои опасенія,» заключила она,

на цыпочках направляясь в ванную комнату, чтобы снять свое смятое платье, в котором молодая женщина, повидавшему, проспала много часов...

— «Вы берете ванну?» — спросил ее Ларош, поступившись в дверь.

— «Да,» негромко отвѣтила она, удерживая порыв, чтобы не упрекнуть его в нечестности.

— «Ваше здоровье меня тревожит,» замѣтил он, прикинувшись обезпеченным. «Я намѣрен, не дожидаясь Рима, позвать к Вам доктора.»

— «Как вы думаете? Может-быть, мы еще поспѣем?» — освѣдомилась жена у мужа, чтобы испытать его. Она догадывалась, что Андрей ни разу не брал билеты для их путешествія и лишь притворялся, когда сообщал ей, что мѣста на пароходѣ уже заказаны.

— «Боюсь, что нѣтъ,» заявил он и досказал с увѣренностью: «Нам не придется быть на свадьбѣ. Я протелеграфирую Василию. Объясню ему, что вам нездоровится, что вы пишете ему письмо и посылаете молодым подарки.» Лежа в горячей водѣ, надушенной смолистым раствором, Ирина молчала.

«Кимоно понравится Марин Салерни,» продолжая стоять за дверью, говорил Ларош, «а японскія гравюры Василию. Я думаю, что им обоим по вкусу придутся *les bibelots en ivoire, porcelaine et bois sculpté*».

«Если я ему сейчас не отвѣчу, он подумает, что я потонула и выломает дверь,» пронеслось в ея сознании.

«Вещи, которыя мы купили для молодых, красивыя. Особенно мнѣ нравятся гравюры,» с усиленіем проговорила молодая женщина, выйдя из воды...

За утренним кофе, Андрей сказал Ирине: „Досадно, что не будем на свадьбѣ... Хотите ли вы задержаться еще в Японіи или предпочитаете продолжать наше кругосвѣтное плаваніе?“

— „Пожалуйста, за меня рѣшайте,“ отвѣтила, она избѣгая встрѣчаться с ним взглядом.

— „Я совѣтую плыть в Австралію; потом в Южную Америку. Это единственныя оставшіяся материкі, которыя вы еще не видѣли.“

— „Мнѣ все равно.“ — В ея голосѣ звучали и безразличіе и досада.

— „Куда вы?“ — спросил муж жену, нѣсколько минут спустя, когда увидѣл ея входившую в гостиную, одѣтую для улицы.

— „Я выйду на полчаса сдѣлать кое-какія покупки,“ объявила она; большим напряженіем воли Ирина добилаь внѣшняго спокойствія.

— „Вы знаете, что не люблю вас пускать одну,“ замѣтил недовольным голосом Ларош.

— „Плѣнницѣ захотѣлось немного свободы,“ с грустной ироніей усмѣхнулась молодая женщина...

— „Сомнѣній нѣтъ! Самыя худшія подозрѣнія оправдались! Он никогда не давал распоряженій о нашем отъѣздѣ!“ думала с негодованіем Ирина, ходя взад и вперед по своей комнатѣ.

„Андрей два раза усыпил меня! На какую еще низость он способен?! И хотя я отгоняю от себя всякое напоминаніе о д'Арганьякѣ, но, помимо своего желанія, нахожу все больше сходства между ними. Как могу я жить с мужем, не имѣя к нему ни уваженія, ни довѣрія?!“

— „Можно ли войти?“ — прервал нить ея мыслей голос Лароша.

— „Я собиралась отдыхать; у меня голова болит,“ поспѣшила отвѣтить она.

— „Я хотѣл вам предложить прокатиться за город.“

— „В другой раз, пожалуйста.“

— „Нужно ли вам что нибудь?“

— „Нѣтъ. Спасибо.“

— „Я вернусь через час; я хочу проѣхать в книжный магазин.“ — „Хорошо,“ торопливо одобрила молодая женщина намѣреніе мужа.

— „Как тяжело скрытничать и лгать. Кажется, долгое время не выдержала бы,“ мысленно досказала она, начиная снова ходить по комнатѣ. „Он мнѣ никогда раньше не казался таким чуждым, как теперь...“

Одно раннее утро поздняго мая застало Ирину на аэродромѣ. Ея волненіе сказывалось в нервных движеніях; она то посматривала на ручные часы, то теребила носовой платок, то играла ручкой зонтика или открывала шелковую сумку.

„Андрей должно быть спит,“ тревожно думалось молодой женщинѣ. „Спохватится он, когда я уже буду летѣть... Какія ненормальныя между нами отношенія. Предполагала ли я, выходя замуж, что все обернется у нас не так, как можно было бы ожидать?!“

Аэроплан поднялся с земли. Ирина перекрестилась и закрыла глаза; ей было жутко; в головѣ у молодой женщины шумѣло и ее немного подташнивало; но любопытность взяла верх над страхом и она, пересилив

себя, взглянула в иллюминатор. „Как странно. Мы стоим в воздухѣ. Конечно — это обман зрѣнія.“ И тут же припомнилась Иринѣ одна русская поговорка—„от хорошей жизни не полетишь.“ Улыбнувшись своим мыслям, она сказала сама себѣ: „Как раз для меня пословица...“

— «Сегодня я ей скажу, что задержал лучшія каюты на верхней палубѣ. Переплыть через Тихій Океан займет немало времени,» рассуждал довольный Ларош, бреясь в ванной комнатѣ. Он считал, что на водѣ они обыкновенно чувствовали себя ближе друг другу, тогда как на сушѣ напротив ощущали опредѣленную отдаленность один от другого; и если морское путешествіе усмирляло страсти и успокаивало нервы, то земля разжигала первыя и возбуждала послѣдніе своими южными красками вѣчно-зеленой флоры.

Андрей держал в руках записку Ирины; отрывной лист был приколот к наволочкѣ; на подушкѣ виднѣлась ямка, свидѣтельствующая о недавнем присутствіи жены в этой комнатѣ, давившей теперь своим беззвучіем.

«Все пропало... Она презирает меня и считает подлецом. Не хочет меня видѣть и назначает нашу встрѣчу лишь осенью в Канадѣ.»

Мысли о ней жгли и раздражали Лароша. Он досадовал, что напрасно унизил себя в глазах молодой женщины. Андрея дразнил ея манящій облик, и тлетворныя желанія подымались и входили в его душу.

Но угрызеніе совѣсти не мучило Лароша; он привѣтствовал всякій способ к достиженію ея любви; мужа терзало лишь сознаніе, что снова и сильнѣй прежняго, он возстановил жену против себя.

В шкафу Ирины висѣло забытое ею платье. Андрей поднес его к носу и, жадно вдыхая аромат, оставленный ея духами, мрачно думал: «Неуловимая... Любя, я тебя ненавижу.» И настроеніе мужа вылилось в желаніи уничтожить вещь жены: рѣзким движеніем он разорвал платье сверху донизу и бросил его на пол.

ГЛАВА ХІV.

С Н О В А Л У И Д Ж И .

— «Италія! Бриндизи! Как весело на сердцѣ! Четыре года мы не видѣлись с братом. Теперь я понимаю, как сильно его не хватало мнѣ. Ольга—мой лучший друг! Звѣзда одинокая, всѣм сіяющая.»

С шибко бьющимся сердцем, с живым взглядом спустилась Ирина на землю. Кто-то, приподняв ее, крѣпко

обняла; чья-то нѣжная щека, слегка пахнувшая духами, прижалась к ея лицу; чьи-то губы цѣловали ея руки, и знакомые голоса радостно восклицали: «Душка! Как хорошо, что ты опять с нами. Ты чудно выглядишь. Мы давно с нетерпѣніем тебя ждем.»

Ясные глаза молодой женщины блестѣли весельем. — «Ольга! Василій! Я счастлива быть с вами,» говорила она с горячим чувством. «Луиджи! Марія! Я не могу еще вполне повѣрить, что вижу вас. Я соскучилась по моим римским друзьям.»

Поезд в Рим отходил через час; поминутно смѣясь, перебивая и забрасывая друг друга вопросами, они веселой гурьбой отправились завтракать. Ирина давно не чувствовала себя так бодро и молодо: ей хотѣлось, как беззаботному ребенку шутить и шалить. Улыбка не сходила с ея уст; темные глаза излучали свѣтъ, и этот свѣтъ, согрѣвая, притягивал.

— «Цвѣтущая юность,» замѣтила Ирина, нѣжно смотря на счастливых жениха и невѣсту. «Мнѣ думается, что такими непосредственными, как они, мы с тобой никогда не были,» продолжала молодая женщина, улыбнувшись Ольгѣ и, обратив вниманіе на мелкую сѣть появившихся морщин на лицѣ подруги, она досказала: «В Россіи нашему поколѣнію пришлось нести на своих плечах тяжести, предназначенныя для зрѣлаго возраста.» Каріе глаза встрѣтились с голубыми. Молодые женщины обмѣнялись глубоким взглядом, и Ольга отвѣтила: «Да. В годину бѣдствій на нашу долю выпало многое такое, о чем на чужбинѣ и упомянуть не рѣшаешься... чтобы не испортить настроеніе неискушенным жизнью.» В ея послѣдних словах слышалась грустная насмѣшка.

— «Но на тебѣ эти тяжкіе годы не сказались,» обращаясь к Иринѣ и подмигивая ей, возразил Луиджи.

— «Как жаль, что ты перестал походить на фавна,» пошутила она, окинув его смѣющимся взором. «Черты твои смягчились и не бросаются в глаза своим прежним своеобразіем.»

— «К моему прискорбію, я не нахожу в тебѣ слѣдов дріады,» отвѣчал он; его взгляд дразнил и говорил ей о том, что такой обворожительной она ему еще никогда не казалась.

Ирина остановилась в Римѣ в „Grand Hotel,“ гдѣ случайно получила комнату, в которой шесть лѣтъ тому назад приняла предложеніе Лароша. — „Каким гордым ребенком я была,“ подумала она, любуясь, как тогда с

балкона пiаццей Изедрой. „Теперь я не постыдилась бы признаться Андрею, что богатство играет значительную роль в моей жизни. Без него не было бы и „Русского поселка.“ В раздумьи молодая женщина добавила: „но хотя без денег не просуществуешь, все же нельзя их ставить цѣлью своей жизни.“ Это заключеніе она сдѣлала, подумав о Ванѣ.

Во время проводов молодоженов, Салерни держался вблизи Ирины. Стоя на станціи рядом с ней, он говорил оживленно: «Мы теперь породнились и я не могу тебя обезчестить».

— «Строго говоря, родства между нами нѣтъ; мы лишь свойственники,» улыбалась она, махая платком отъѣзжавшим новобрачным.

— «Кровосмѣшеніе не будет нашим грѣхом,» острил Луиджи.

— «Я тебя больше не боюсь,» с легким смѣхом утверждала молодая женщина, «хотя ты и ведешь себя неприлично». — «Докажи мнѣ это на дѣлѣ. Я приглашаю тебя сегодня вечером в оперу.»—«С удовольствием, спасибо. Но захватим с собой кого-нибудь из друзей.»

— «Неужели нам, несмотря на наш «почтенный» возраст, все еще нужны *des chaperons*?» — скорчив сладко-кислую гримасу, спросил он. — «Я не люблю играть с огнем,» объявила она — полу-шутя, полу-серьезно.

Послѣ театра они поѣхали в ночной ресторан. — «Я вновь влюблен, но стѣсняюсь тебя, чего прежде со мной не бывало,» шепнул ей во время танцев Луиджи. — «Развѣ я сильно постарѣла?» пошутила Ирина,

— «В тебѣ незамѣтна наивная дѣвица, развитіе которой меня интересовало. Наши роли перемѣнились: в отношеніи тебя я — младшій и хочу брать у моей „учительницы“ уроки благонравія,»

— „Воспитать тебя — безнадежное занятіе,“ с доброй усмѣшкой возразила она. — „Попробуй!“ — с задором сказал он. „Это было бы потерянное для меня время, и — скучное для моего ученика.“ был ея отвѣтъ, сопровождавшійся веселым взглядом.

Салерни чистосердечно разсмѣялся: „Моя нимфа пропала безвозвратно. И я не знаю: жалѣть ли мнѣ или радоваться этому—будущее покажет.“

— „Какой нахал! Она ниногда не была твоей!“ — воскликнула молодая женщина. „И я протестую.“

— „Почти-что,“ не без плутовства, смѣшаннаго с

добродушіем, замѣтил Луиджи. „Признайся, что я тебя привлекал даже тогда, когда сердил.“

— «Он прав, но я не должна ему в этом сознаваться,» подумала она.

«Молчаніе — знак согласія,» заявил молодой человек.

— «Пожалуйста, отстань от меня, иначе — я уѣду домой,» с улыбкой проговорила Ирина.

— «Тогда я поѣду тебя провожать; мы будем наединѣ, и мое откровенное поведеніе нарушит твое олимпийское спокойствіе.» Задорный блеск его глаз не смутил молодую женщину.

«Я вижу, что без «*nos chaperons*» мы с тобою домой не вернемся.» В душѣ она смѣялась; этот потаенный смѣх красавицы пріятно раздражал пылкаго итальянца.

Послѣдніе аккорды рѣзко прозвучали; Ирина отстранилась от Луиджи. «Объщай мнѣ позавтракать со мной в «*Valadier*,» попросил он торопливо. «Я закажу стол на завтра.»

— «Согласна, если ты перестанешь говорить о любви.» Эти слова были сказаны с привѣтливостью. «Старшіе уступают младшим,» шутливо продолжала она, «когда уступки не приносят им вреда.»

Выслушивая его благодарность, молодая женщина подумала: «Наши взаимоотношенія измѣнились настолько, что я могла бы вернуться с ним одна в гостиницу. Как это пріятно.»

Они сидѣли на воздухѣ. Поблизости от них журчал фонтан. Запах сухой земли и аромат магнолій, скрип гравія и шелест пиній, темныя тѣни и яркій свѣтъ, сравнительная тишина и приглушенный шум города составляли лѣтнюю атмосферу Пинчѣо. От подножья холма до сѣрой ленты Тибра разстилалась древняя столица міра.

— «Я люблю глядѣть на Рим с Пинчѣо,» замѣтила Ирина.

— «Вот уже час, как я пытаюсь смягчить жесткое сердце, но напрасно,» жаловался Салерни, влюбленным взглядом смотря на свою гостью. — «Твои попытки меня соблазнить не отвлекали тебя от завтрака; ты ѣл все с большим удовольствіем,» сказала она. — «Я проголодался; проспал сегодня и не успѣл выпить кофе,» извинился за свой аппетит молодой человек. Ея тихій смѣх был ему отвѣтом. С досадой Луиджи воскликнул: «Ты меня принимаешь за младенца!»

— «Ты ошибаешься — я считаю тебя за друга,» спокойно поправила его молодая женщина.

Понижая голос, он продолжал с наигранной насмѣшливостью: — «Боязливая дріада преобразилась в богиню Діану; и я нахожусь под угрозой быть обращенным ею в оленя. Пожалуй, затравить меня псами ты не была бы способна, но, конечно, предпочла бы видѣть меня мертвым, чѣм имѣть своим любовником.»

Шесть лѣтъ тому назад у Ирины вырвалось бы признание: «да», но теперь она сдержала свой порыв сказать, что смерть из двух зол для нея самой была бы краше, и улыбка не то виноватая, не то жалостливая засвѣтилась в карих очах. Поймав на себѣ ея взгляд, Луиджи начал с убѣжденіем и горячо высказывать свои затаенныя мысли: «В тот памятный нам год подвернись я тебѣ на глаза, когда ты была в нуждѣ, то Ларош не был бы твоим мужем! И я сумѣл бы сдѣлать тебя счастливой!»

— «На что ты намекаешь?» — негромко спросила молодая женщина. Ее сердце забилося тревожно.

— «Я узнал многое интересное, послѣ твоего отъѣзда из Рима. Во-первых, что твоя бабушка потеряла послѣднія деньги, довѣрившись аферисту, во-вторых, что ты приняла предложеніе Лароша тогда, когда иного выхода для тебя не было.»

— «Что ты хочешь сказать?» — не без волненія прошептала она. — «Богиня становится женщиной!» — с очевидным удовлетвореніем вскричал он и договорил болѣе ровным тоном: «Ты вышла замуж по принужденію, и я присоединяюсь к общему мнѣнію, что этот брак был *«un mariage de raison.»**) Молодая женщина молчала; поля соломенной шляпы бросали нѣжную тѣнь на тонкое лицо; точеный профиль ясно выступал на свѣтлом фонѣ крыш, куполов и голубого неба; взор темных глаз блеснул слезами. Снова, повышая голос, Салерни сказал: «Могу выразиться не так мягко: — Ты продала себя! Ты отдалась человѣку, объятія котораго тебѣ были противны. Самыя лучшія дѣвушки способны на такую гадость! Женщина любит быть рабой мужчины!»

Старыя обиды, прежнія страданія ярко вставали в его разгоряченном мозгу. Эти рѣзкія и грубыя слова разсердилили Ирину; сверкнувъ гнѣвно глазами, она вспылливо отвѣтила: «Я себя не продала!»

*) Свадьба по расчету. — Зам. автора.

— «Прости, не сердись,» заискивал он у молодой женщины, беря ее за руку. «Я жалѣю, что был дерзок с тобой.»

— «Было бы благоразумно нам поменьше встрѣчаться, Это послѣдній наш «tête à tête,»*) сдержанным голосом сказала она, вставая.

— «Не уходи,» попросил Луиджи. «Спасибо за завтрак. «Addio», сухо отвѣтила Ирина.

— «Пожалуйста, позволь мнѣ тебя снова увидѣть,» взмолился он.

— «Я занята в ближайшіе дни,» отказала ему она.

— «Назначь день, прошу! Когда же?» — умоляюще смотря на молодую женщину, проговорил Салерни, провожая ее до автомобиля.

— о —

— «Скажи мнѣ чистосердечно: разводишься-ли ты с мужем?» — спросил Ирину Луиджи. Они с друзьями смотрѣли фильм, вызывавшій в них своим сюжетом романтическія мысли.

— «Говорят-ли об этом посторонніе или это лишь твои догадки?» — стараясь быть спокойной, отвѣтила она вопросом. — «Ходят опредѣленные слухи,» возразил он. «И согласишься, что твой приѣзд без Лароша, не представившаго вѣских доводов для своего отсутствія на свадьбѣ шурина, странен и дает повод к толкам.»

— «Да,» согласилась молодая женщина. «Эти небывлицы имѣют своим основаніем нѣкоторую долю правды: я покинула мужа без его разрѣшенія; мнѣ пришлось лѣтѣть до Формозы, нагоняя пароход.»

И с легкой усмѣшкой, она договорила: «Вначалѣ мнѣ было страшно; я сидѣла с закрытыми глазами и, про себя, молилась.»

— „Я так и думал! Мнѣ нравится твоя рѣшимость!“ — воскликнул молодой человѣкъ. „Итальянка побоялась бы проявить в такой степени самостоятельность. Ты...“

— «Я ощущаю на себѣ твой взгляд; смотри на экран,“ перебила его Ирина. Послѣ короткой паузы, она продолжала: „Тебѣ — 28 лѣт. Давно пора жениться!“

— „Я дождусь тебя!“ — вырвалось у него признаніе. „Рано или поздно, я это чувствую, Лароша ты оставишь. Ваш брак бездѣтный, его можно будет расторгнуть.“

— „Перестань, пожалуйста. Нашел тоже мѣсто для сердечных изліяній.“ Ея шопот ему одному был слышан.

*) Быть наединѣ. — Зам. автора.

— „Время подходящее для объяснений; никто нами не занят, внимание остальных обращено на картину. Ты запрещаешь мнѣ с тобой видѣться наединѣ, и я ловлю момент, когда могу.“

— „Я пришла сюда не для таких разговоров. Ты мнѣ мѣшаешь смотрѣть фильм, который мнѣ нравится. Но, не принимая во вниманіе возраженій молодой женщины, в которых слышалось недовольство, он торопливо продолжал: „Я служу в министерствѣ иностранных дѣл; надѣюсь скоро устроиться секретарем посольства в одной из европейских столиц. К 40 годам—я рассчитываю быть посланником.“

— „Искренне желаю тебѣ успѣха,“ отвѣтила она. „Сдѣлай предложеніе Ольгѣ. Из нея вышла бы отличная посланница: красивая, представительная, умница. Такая жена во многом могла бы помочь мужу-дипломату. С нею у тебя никогда не было бы семейных сцен,“ и в ее серьезных глазах загорѣлся насмѣшливый огонек, а в тихом голосѣ прозвучала шутивая нотка.

— „Ты опятьводишь меня с ума!“ — И сказав эти слова, Луиджи больно ущипнул ее за локоть. — „Ой“, слабо простонала Ирина и строго шепнула ему: „Веди себя прилично, иначе не буду с тобой встрѣчаться.“

— „Что мнѣ сдѣлать, чтобы тебѣ понравиться?“ — с жаром спросил он.

— „Ничего,“ еле слышно отвѣтила молодая женщина.

Понимая, что ему осталось только при содѣйствіи шуток высказывать свои горячія чувства, Салерни перемѣнил тон с серьезнаго на веселый. — „Выходит, что мнѣ остается сдѣлаться королем или диктатором.“

— „Не подходишь для такого высокаго званія.“

— „Пожалуй, попробоватъ стать кардиналом. Но тогда я буду лишь в состояніи предложить тебѣ двусмысленную, хотя и почетную, должность экономки.“

— „Луиджи! Как тебѣ не совѣстно?“ — стыдила его она. „Тебѣ, безусловно, нужно поскорѣй жениться на добродѣтельной особѣ. Такой, как ты сейчас, ты не годишься ни в короли, ни в диктаторы, ни, тѣм болѣе, в кардиналы. Твое спасеніе — в женитьбѣ. Только тогда из тебя выйдет прот.“

Забыв про интересный фильм и повернувшись к своему собесѣднику лицом, Ирина доказывала ему преимущество семейной жизни над холостой. Когда перед ними опустился занавѣс, то молодая женщина с сожалѣ-

ніем замѣтила: «Я не видѣла конец этой занимательной исторіи. И все это случилось по твоей винѣ.»

Ирина много времени проводила с Ольгой. — «Послѣ смерти бабушки — я одинока. Я одна теперь в «Старом Домѣ», говорила она своей подружѣ. — «Но у тебя заботливый муж и по близости хорошіе знакомые,» отвѣчала та, не без удивленія взглянув на нее. — «Без дѣтей, конечно, грустно. Но когда они у вас будут, то все измѣнится к лучшему,» досказывала Ольга, «дом оживет и не станет болѣе тяготить тебя пустотою.»

— «Мы с ней так близки, что я могу ей все рассказывать,» рѣшила про себя молодая женщина.

Окончила она свое повѣствованіе словами: «Теперь ты видишь, что твое присутствіе в «Старом Домѣ» было бы для меня большою помощію.»

— «Я нужна моей семьѣ и надолго не могу оставлять родителей,» отвѣтила, обнимая Ирину, Ольга. «Но не забудь, душка, если я тебѣ понастоящему понадобится, вызвать меня немедленно. Я приѣду тогда к тебѣ, гдѣ бы ты ни была.» В голубых глазах свѣтилась ласка. «Я непременно хочу познакомиться с Ваней Соколовым. Он мнѣ весьма симпатичен. Ваш «Русскій Поселок» — національное дѣло. Оно меня крайне интересует. Вы счастливы, что можете служить Родинѣ за границей.» Ясный взгляд дѣвушки затуманился. «Не всѣ в зарубежѣ имѣют эту возможность.»

— „Как было бы хорошо, если-б и ты мога жить в „Русском Поселкѣ“! Сколько пользы принесла бы ты там!“ с убѣжденіем заявила Ирина. — „Я была бы рада; но как могу я перевезти туда семью? Родители привыкли к Риму. Мы зарабатываем на жизнь, благодаря нашим „paying guests“ и моей работѣ в госпиталѣ. Пожилым трудно мѣнять привычную обстановку.“

Их разговор происходил на скамьѣ, под шатром старой пиніи.

— „Кого тебѣ болѣе жаль из нас троих?“ — нерѣшительно спросила младшая старшую. Считая себя болѣе несчастной, чѣм муж и Ваня, Ирина стѣснялась своего вопроса; в этом вопросѣ было скрытое желаніе услышать утѣшеніе или похвалу от своего друга. Ольга, призадумавшись, медленно проговорила: „Тебя я люблю, Ваню цѣню, и вас всѣх жалѣю, особенно Андрея, хотя в его характерѣ мнѣ не все нравится и не все в нем для меня ясно.“

Подавив в себѣ легкую досаду, молодая женщина невольно согласилась.

— „У Вани есть — любимое дѣло, а у меня — его любовь; но у Андрея нѣтъ ни того ни другого.“

— «Он несчастнѣе вас обоих, потому что сильнѣе страдает нравственно,» сказала Ольга. Она догадывалась, что Ларош тайно принимал участіе в разореніи Невских. Мысль, что Андрей косвенно способствовал пресловутому поляку обокрасть покойную княгиню, зародилась у дѣвушки не случайно, а была слѣдствіем ея знакомства с одним дипломатом, который нанимал комнаты в их домѣ. Он сообщил Ольгѣ о том, что Ларош в посольствѣ навел справки о мнимом графѣ и получил оттуда отрицательные отзывы.

«Нечестный поступок его мучает. Я убѣждена, он не оправдывает себя и ничего не отрицает. Сильные люди не унижаются умаленіем своих недостатков; они не лгут себѣ для восстановленія душевнаго спокойствія,» думала она, негодуя в то же время на Андрея за его недоброе дѣло.

— «Мой лучший друг меня не похвалил; Ольга сама способна не только на самоотреченіе, но и на самозабвеніе,» мысленно заключила Ирина. «И если я рѣдко дохожу до перваго, то всегда нахожусь далеко от втораго. И смотря глазами Ольги на мой *«mariage blanc»*, я в нем ничего похвальнаго для себя не вижу, ибо Христос говорит: «если вы будете любить любящих вас, то какая вам награда?»

ГЛАВА XV.

О К К У Л Ь Т И С Т.

Стоял жаркій, іюньскій вечер... Ирина с Ольгой сажались в поѣзд, уносящій их на сѣвер Италіи. Она сообщила Ларошу, что проведет лѣто у графа и графини Салерни на *«lago di Como»*, гдѣ намѣревалась дожидаться возвращенія брата из свадебнаго путешествія.

Андрей отвѣтил женѣ, что осенью собирался быть в Римѣ, чтобы везти ее обратно в Канаду. — «Наконец то он согласился вернуться в «Старый Дом». Кончается мое вынужденное странствованіе!» — думала молодая женщина...

— «Я счастлив, что ты пріѣхала!» — говорил Ирину Луиджи, встрѣчая ее на станціи Комо. «Помнишь? Я звал тебя сюда шесть лѣтъ тому назад. Если бы ты тогда была с нами, то все случилось бы для нас иначе.» —

«Да,» грустно согласилась она. «Бабушка по моей винѣ не вложила бы послѣднія деньги в жульническое предприятие.» Молодая женщина воздержалась досказать свою мысль: «И я была бы свободна выйти замуж по любви.» Но невольный вздох вырвался из ея груди, при напоминаніи о том времени, когда она могла располагать собою. Еще недавно Ирина вѣрила, что Андрей подчинится необходимости отпустить ее, когда окончится 10-тилѣтній иску́с; но теперь, потеряв к нему послѣднее довѣріе и перестав понимать его дѣйствія, она могла лишь опасаться за свою дальнѣйшую участь.

Как то раз, в началѣ лѣта, Луиджи замѣтил молодой женщи́нѣ: «Ты — загадка, которую я до сих пор не разрѣшил.»

— «Если ее не разгадаешь, то я для твоей же пользы покажу рѣшеніе этой загадки. Но постарайся сам. Попробуй быть объективным. Даю тебѣ срок до осени,» с привѣтливой улыбкой отвѣтила она, хотя ея ясные глаза затуманились тихой грустью.

Прозрачная гладь озера, дышавшая свѣжестью; лѣнивый плеск волны; красота и тишь этого холмистаго и свѣжаго края умиротворяли душу своими зелено-голубыми тонами и чуть звучащим говорком земли. Ежедневно Ирина каталась в лодкѣ или купалась в чистых водах Комо.

Она шла пѣшком вдоль берега; Ольга, Салерни, Клавдія и Манфредо сопровождали молодую женщину. Клавдія Бертолини была хорошей пріятельницей Луиджи, за котораго ее сватали родственники. Обѣ заинтересованныя особы знали о желаніи родителей, но ни тот, ни другая не думали рано связывать себя супружескими узами; они довольствовались безобидным флиртом и, отличаясь благодушным, живым нравом, были заправилами среди римской молодежи. Салерни с нѣжностью и одобреніем думал о нареченной невѣстѣ. «Она рѣдкая душ-ка, хотя и не писанная красавица; всегда весела и забавна, с ней не скучно, Клавдія хорошей семьи, единственная дочь, с большим приданым. Отличная партія.» Как мы видим, годы научили молодого человѣка нѣкоторой разсчетливости. Но если Луиджи вспоминалась та, чей облик когда-то не давал ему покоя, он добавлялъ вздыхая: «Хотѣл бы я промѣнять богатую Клавдію на безприданницу Ирину.»

Манфредо Ланчіо был племянником графини Салерни; он появился недавно и на короткий срок в их краях. Заѣзжал Манфредо навѣстить тетку, по дорогѣ в Стре-

зу, гдѣ на «*lago Maggiore*» предполагал провести свой отпуск. Ланціо много и с увлеченіем рассказывал про Сѣверную Африку, гдѣ был владѣльцем большого доходнаго имѣнія. По его словам, он пользовался у мѣстнаго населенія славой доктора-чародѣя. — «Самохвал,» презрительно отзывался о двоюродном братѣ Луиджи. «Он имѣет диплом врача, но я болѣе, чѣм сомнѣваюсь, что Манфредо утруждал себя ради других, особенно — темнокожих.» И смѣясь, Салерни добавил: «Я тоже люблю жить в свое удовольствіе, и потому избрал карьеру дипломата.» Встрѣча с молодой женщиной измѣнила планы обоих; первый отказался от них совершенно, второй ввел в них поправки.

Когда узкая тропа принудила участников прогулки идти гуськом, Луиджи отстав с Ольгой, заговорил с ней непринужденно: «Ирина для меня сфинкс.»

«Она нравится всѣм без исключенія: и молодым и старым; однако наша красавица не может влюбиться. Мои усилія ее понять — напрасны!» Потушив о ствол каштана свою папиросу, и далеко отбросив ее от себя в зеленую чашу, он, с наигранной шутливостью, продолжал: «Я не могу заподозрить ее впротівоестественных наклонностях, но я не исключаю возможности, что она безполое существо или «*une femme barrée*».

— „Ирина, во всѣх отношеніях, нормальная женщина,“ поспѣшно и не без смущенія отвѣтила „Старая“ дѣва.

Салерни возбужденно разсмѣялся и сказал: „Я женоюсь на ней, когда она бросит своего скучнаго мужа, который совсѣм к ней не подходит.“

— „Как вы можете дѣлать такія предположенія?“ „Поведеніе Ирины никому не дает повод к этому!“ — с волненіем возразила Ольга. „Ея мягкость — причина вашего заблужденія; она терпит иной раз развязное обращеніе; но я знаю навѣрно, что всякая нескромность непріятна Иринѣ и, обращая распушенность других в шутку, она держит своих поклонников на границѣ приличія.“

— „Я понял намек,“ сухо усмѣхнулся он.

— „Мои слова не относятся только к вам,“ улыбнулась она.

Луиджи остановился и зажег новую папиросу: „Я увѣрен, муж ее изводит своим нудным характером,“ замѣтил он, выпуская изо рта кольца дыма. „Она не выглядит счастливой...“ — Лароша я терпѣть не могу!“

Повернувшись лицом к молодому человеку и вглядываясь в него с участием, Ольга сказала: „Не довольно ли вы страдали из-за Ирины? Если раньше была возможность добиться ее любви, то теперь — никакой.“

— „Отчего?“ с тревогой спросил он.

— „Ирина верна себе и другим.“

— „Что это означает?“ — вскрикнул Луиджи.

— „Она встретила того, которого ждало ее сердце,“ проронила Ольга.

Заметив понурый вид Салерни, Ирина с ласковой насмешливостью обратилась к нему: „Что съехала с тобой Ольга?“

— „Убила во мне все радостное,“ мрачно ответил он.

— „Наверное Луиджи был наказан пощечиной за скверное поведение,“ весело объявила Клавдия.

— „Ольга не в состоянии кого бы то ни было наказывать,“ тихо размышлялась Ирина, но встретившись взглядом с молодым человеком, оборвала свой смех: в его глазах она прочла обиду, огорчение. И пока они стояли один против другого, память рисовала в их уме картины ранней молодости: „Via Appia“ и „Aquadotto“, поцелуй и пощечину, бойкую речь юноши и молчание девушки.

— „От тебя я готов принять любое возмездие,“ отходя от молодой женщины, прошептал Луиджи. Лучистые глаза грустно посмотрели ему вслед.

— „Цель нашей прогулки — дом с привидениями,“ громко сказала Клавдия, указывая рукой на возвышающуюся над озером, давно заброшенную своим хозяином, дачу; ее заглухнувший сад и обветшавшая лестница спускались к самой воде.

— „После заката солнца, никакие силы не заставят меня войти в этот дом,“ с напускным содроганием добавила она, косясь на мрачное здание, перед калиткой которого они остановились. Когда заржавевшая от времени, заросшая плющом, калитка отворилась, Ирина первая вошла в узкую аллею буксов. — „Расскажи нам историю этой виллы,“ обратилась она к Луиджи, чтобы отвлечь его от нерадостных мыслей.

— „Пятьдесят лет тому назад — здесь повесился владелец... от несчастной любви,“ медленно отвечал он, не глядя на молодую женщину.

— „Какой ужас!“ — вырвалось у ней восклицание: ее черные брови болезненно сдвинулись.

— «Брр! Сыро, дурной запах!» замѣтила Клавдія, нарушая безмолвіе страшнаго дома. «У меня от боязни появилась гусиная кожа на руках,» усмѣхнулась она весело, обводя глазами пустыя комнаты, с висящей по углам паутиною.

— «Жилище крыс и летучих мышей, сороконожек и пауков,» добавила Ирина, «здѣсь всегда ночь; солнце даже лѣтом не проникает в это жуткое мѣсто. Хорошо было бы его вычистить, срубить вѣтки, мѣшающія свѣту проходить в комнаты и окропить святой водой,» увѣренно закончила она.

Всѣ, за исключеніем Манфредо, присоединились к ея мнѣнію.

— «Если бы эта дача была единственное мѣсто на землѣ для встрѣчи с возлюбленным, к счастью, у меня такого нѣтъ, я не пришла бы сюда на свиданіе,» пошутила жизнерадостная Клавдія.

— «В компаніи — я не побоялась бы здѣсь провести даже ночь,» возразила ей молодая женщина.

— «Я вас ловлю на словѣ,» — воскликнул Ланчіо; его черные, с желтоватыми бѣлками, глаза с вызовом взглянули на нее.

— «Хорошо,» согласилась Ирина; она почувствовала к Манфреду внезапную боязнь.

— «Я не пойду с вами,» вмѣшалась в их разговор разсудительная Ольга, «лучше не шутить с нечистой силой.»

— «Опасливость молодым не к лицу,» желая уязвить дѣвушку процѣдил ей Ланчіо. «Человѣкъ повелѣвает не одной видимой природой, но и ея тайными силами. Духи не страшны, а полезны для имѣющих познаніе в этой области.» Луиджи неодобрительно посмотрѣлъ на своего двоюроднаго брата; он не питал к нему ни родственных, ни дружеских чувств.

— «Хотѣла бы я имѣть в своем распоряженіи могучаго джина; помните, арабскія сказки?» — шаловливо улыбнулась Клавдія. «Ничего болѣе поэтичнаго или неприличнаго я не читала в своей жизни.»

— «Я довольствовалась дѣтским изданіем и поэтому судить не могу,» привѣтливо усмѣхнулась Ирина.

— «Я буду устроителем предполагаемой ночной прогулки,» возвращаясь к прежней темѣ разговора, властно заявил Манфредо. «Нам необходимо дождаться полной луны,» добавил он.

Молодой женщинѣ показалось, что его глаза сверкнули красным свѣтом.

Многое в характерѣ Ланчіо было не по нутру Иринѣ: его плохо скрываемое пренебреженіе или нахальная снисходительность к людям, его плоскія шутки или пошлый цинизм в разговорѣ. И слова осужденія часто дрожали на ея устах; но бабушкино воспитаніе сказывалось на внучкѣ — до разрыва у них не доходило. — «Лоск тонким слоем лежит на поверхности этого ликаря,» размышляла она; и, когда ловила на себѣ его взгляд, добавляла: «глаза блестят, как у сумасшедшаго.» Недовѣріе к нему граничило у ней с враждебностью; один шаг в сторону послѣдней, и они стали бы врагами.

«Грубость легко прощается, а хамство — с трудом,» замѣчала молодая женщина своей подругѣ.

— «Да,» соглашалась Ольга. «Я впервые встрѣчаюсь с человеком, в котором вызываю ненависть. Это меня удручает,» сокрушенно договорила она.

— «Я замѣтила, что Манфредо тебя избѣгает, как будто он тебя побаивается,» обнимая ее, отвѣчала Ирина.

— „Одни лишь скверные люди тебя, душка, не любят,“ с увѣренностью утверждала она.

Полнолуніе было не за горами: срок, намѣченный ими для посѣщенія дома с привидѣніями. По вечерам Ланчіо рассказывал жуткія исторіи про оборотней или упырей. Если кто нибудь из них жаловался, что на ночь страшно слушать такіе рассказы, он возражал со свойственной ему высокомѣрной усмѣшкой.

— „Необходимо подходящее к мѣсту и времени настроеніе; я вас подготовлю к предстоящей интересной прогулкѣ.“

— „Я не люблю разглагольствованія Манфредо,“ признавалась Ирина Ольгѣ: „я плохо сплю; мнѣ чудятся шорохи, стуки; я начинаю бояться темноты.“

— „Запретить ему занимать гостей своим любимым разговором — мы не можем; если хочешь — будем по вечерам играть в четыре руки на роялѣ,“ предложила та с улыбкой.

—о—

Ирину разбудили медленные шаги, мѣрно подымавшіеся по лѣстницѣ. С замирающим сердцем она прислушивалась к однообразному шуму, — в ея воображеніи, звучавшему в ночной тиши заснуваго дома, как тяжелые удары молота о наковальню. Шестое чувство говорило молодой женщинѣ, что эти шаги не-человѣческіе; и ужас, доселѣ не испытанный Ириной, захватил ея ду-

шу. Шаги дошли до двери и, не замедляя ход, прошли через нее в спальню молодой женщины. Она имѣла обыкновеніе не разставаться с благословеніем бабушки; эта икона Царицы Небесной всегда сопровождала ей во всѣх странствованіях по земному шару. И теперь, перед образом, стоявшим на ночном столикѣ, горѣла лампада, бросавшая мягкій свѣтъ на потолок, стѣны, пол и мебель комнаты.

Шаги, неизвѣстно кѣм направляемые, отчетливо стуча по мозаичному паркету, приближались к Иринѣ; она с трудом сдержалась, чтобы не крикнуть. Златые лучи лампы, разсѣвая сумрак ночи, нѣжно лили свое сіяніе на постель. И жуткіе шаги, поровнявшись с кроватью, замолкли. В спальнѣ водворилась благословенная тишина; мир спустился снова в испуганную душу молодой женщины.

Утром, встрѣтив на лѣстницѣ Ланчіо, который жил этажем выше, Ирина ему замѣтила нѣсколько нервно: «Ваши рассказы отвѣтственны за плохо проведенную мною ночь... Сегодня мнѣ мѣшало спать привидѣніе: я его слышала, но, на мое счастье, не видѣла.»

— «Простите, я виноват,» извинился он. Пристально взглянув на нее, сказал: «Мои друзья, навѣщающіе меня по ночам, иногда ошибаются комнатою.»

— «Вы — неприятный сосѣд,» строго сдвинув брови, отвѣтила она.

— «Вѣрнѣе — опасный,» с ехидной усмѣшкой, и не отрывая глаз от нея, договорил Манфредо недосказанную мысль Ирины. Она отошла от него, не проронив ему ни слова в отвѣтъ; палящій взгляд Ланчіо слѣдил за Ириною до тѣх пор, пока она не скрылась за поворотом лѣстницы.

Салерни не повезло: играя в теннис, он вывихнул ногу и был принужден сидѣть с распухшей щиколдой дома. И, чтобы имѣть постоянное общество, Луиджи лежал в гостиной на диванѣ. Скучавшаго молодого человѣка развлекали друзья веселыми разговорами.

— «Сегодня мы пускаемся в страшное ночное плаваніе,» шутила Клавдія. «Манфредо начнет нас пугать и некому будет нас веселить шутками; мы боимся без тебя отправляться в дом с привидѣніями.»

— «Да; жаль, что ты не примешь участія в нашем похожденіи,» говорила Ирина.

— «Отложите до слѣдующаго полнолунія,» умоляюще взглянув на молодых женщин, просил Луиджи. — «Мы согласны,» отвѣчали онѣ с живостью. Но Манфредо, тоже находившійся в гостинной, рѣшительно запротестовал.

— «Никак нельзя,» объявил он, «через мѣсяц меня здѣсь не будет.» И окинув острым взглядом собравшуюся молодежь, Ланчіо не без сарказма спросил: «Неужели нѣкоторые из вас боятся?» На его толстых губах застыла самовлюбленная усмѣшка.

— «Нѣтъ! нѣтъ!» — раздалось со всѣх сторон возгласы; одна Ирина промолчала: прямодушная женщина не захотѣла кривить душой.

ГЛАВА XVI.

ДОМ С ПРИВИДѢНІЯМИ.

Ночь стояла ясная. Они плыли по Комо в моторных лодках, наискось пересѣкая озеро по направленію к противоположному берегу. Вода, выглядѣвшая черной, туманно отражала ночныя свѣтила.

— «Как таинственно,» замѣтила Ирина, сидя в одной лодкѣ с Клавдіей, Манфредо и Пьетро, шестнадцатилѣтним юношей, родственником Бертолини.

— «Мнѣ уже теперь жутко,» неувѣренно смѣясь, отвѣчала ей Клавдія.

— «Посмотри, как красиво кругом, над нами и под нами,» обратилась к дѣвушкѣ молодая женщина. «Голова начинает кружиться; не знаешь, гдѣ — небо, гдѣ — земля.» — «Как правильно вы выразились: «не знаешь, гдѣ — небо, гдѣ — земля,» многозначительно промолвил Ланчіо, «опредѣленных границ между ними не существует: зримое дѣлается незримым, а незримое — зримым. Ожидаемое нами явленіе подтвердит мои слова.»

— «Пьетро, сыграй нам на гитарѣ что-нибудь веселое,» попросила Клавдія. — «Я должен настоять на том, чтобы музыка не нарушала, вѣрнѣй, не мѣняла наше настроеніе. Нам нужно сосредоточиться, вникнуть в сущность того, что мы собираемся скоро услышать и увидѣть.»

— «Я жалѣю, что поѣхала» вздохнула Клавдія.

— «И я тоже,» прошептала Ирина.

Когда показалась одноэтажная с башней дача, выглядѣвшая ночью особенно мрачной, молодая женщина с сожалѣніем сказала: «Жаль, что с нами нѣтъ Ольги и Луиджи: одна — подбадривает, другой — веселит.»

— «А я дѣйствую на вас обратно?» — со странной усмѣшкой спросил Манфредо. Она ему не отвѣтила, но подумала:

— «Если он не уѣдет скоро от Салерни, то я с Ольгой вернусь в Рим до конца лѣта; я даже римскую жару предпочитаю его обществу.»

Спокойныя воды лѣниво лизали каменные, покрытыя слизью, ступени террасы. Ланчіо первым сошел с лодки; протягивая Иринѣ руку, он предостерег ее: — «Осторожно, скользко.» И, сжимая холодные пальцы молодой женщины, Манфредо шопотом добавил: «Вы выглядите персианкой.»

От этого прикосновенія, огонь опалил ея тѣло. И гнѣвная мысль пролетѣла в мозгу Ирины: «Он оскорбляет в женщинѣ самыя святыя чувства.» — «Ровно в полночь нам необходимо быть на своих мѣстах. Осталось всего десять минут ожиданія. Нас 8 человек, что составляет 4 пары,» дѣлая театральные жесты, сказал Ланчіо участникам прогулки. — «Первая пара останется на террасѣ, вторая расположится в залѣ, третья на лѣстницѣ, ведущей в башню, а четвертая подыметсѣ на самый верх дома,» продолжал он, суетливо распредѣляя их по парам. И прямо смотря молодой женщинѣ в глаза, Манфредо договорил ухмыляясь: „Старшую и храбрѣйшую даму я беру с собой; мой наблюдательный пункт будет башня.“

Его черты плохо различались в полумракѣ, но взгляд даже невидимый, давил своей тяжестью.

Глухо стучали их шаги по необитаемым комнатам; отовсюду слышались шелест, скользящих по полу и стѣнам наѣкомых, и хлопанье крыльев нетопырей, вылетавших с писком в сад из разбитых окон дома.

— «Брр!.. летучія мыши вцѣпляются в волосы, а я не надѣла шляпы,» пожалѣла Клавдія.

— «Возьмите мой шарф,» предложила Ирина, раскручивая с головы восточную пеструю ткань.

— «Спасибо. Мы сядем с Піетро на лѣстницѣ, и если станет невыносимо страшно, то он мнѣ сыграет что-нибудь ободряющее,» шепнула ей дѣвушка и высунула язык в сторону грузной фигуры доктора.

«Оставайся с нами; пускай он один подыметсѣ на башню,» доскалала шалунья, с забавной ужимкой.

— «Ирина!» раздался зов Манфредо. «Пора и нам занять свое мѣсто. Я хочу вам показать вид на озеро с

верхняго балкона.» И не дав молодой женщинѣ отвѣтить, он покровительственно взял ее под руку и повел на башню.

— «Не упадите! Куча листьев... Пахнет затхлостью... Сколько паутины и плѣсени!.. Воздух спертый... Не споткнитесь о кирпичи!... Не наступите на стекло!..» говорил Ланчіо подымаясь с нею по лѣстницѣ; он освѣщал темныя мѣста электрическим фонарем. Через щели в крышѣ ласково мерцали голубыя звѣзды.

— «Как хорошо, свѣтло — там,» и эти мысли отразились в глазах, устремленных на небо.

«Непріязнь к Манфредо остановила меня признаться ему в своей боязни. Ольга права! Зачѣм я согласилась участвовать в этом «школьническом» походе?!. Инстинкт говорит мнѣ, что в Ланчіо кроется что-то темное, опасное,» подумала Ирина, стоя в башнѣ.

Со словами «как трудно дышится,» она освободила свой локоть из руки доктора и направилась к балкону.

— «Подождите!.. Он может обвалиться... Я сперва его осмотрю,» преграждая ей путь, воскликнул Манфредо. «Все благополучно,» объявил он, возвратившись через короткое время в башню. «Но из предосторожности не облакачивайтесь на перила; дерево мѣстами сгнило.»

Любуясь лунной дорожкой, искрившейся на поверхности озера, и глубоко вдыхая свѣжій воздух, молодая женщина проронила: — «Как чудно!» И обращаясь к Ланчіо, она с рѣшимостью сказала: «Я останусь здѣсь. Вам придется одному сторожить в башнѣ.»

Ровный голос Ирины не высказывал состояние ея души.

— «При сіяніи луны вы небесное созданіе!.. Эта таинственная ночь куда прекраснѣй дня!.. Чарующій мѣсяц, я привѣтствую тебя! Ты подымаешь в нас настроеніе, разжигающее кровь; ты надѣляешь нас богатым воображеніем, открывающим двери в потусторонній мір!» говорил доктор и глаза его сверкали безуміем. «Вокруг нас я вижу иную жизнь: в лучах мѣсяца купаются лунные духи; в вѣтвях липы прячется древесный гном; один из его собратьев вскарабкался на спину совы, другой сидит на крыльях летучей мыши.»

— „Как не стыдно образованному человѣку плести подобный вздор,“ строго замѣтила молодая женщина. Он подошел почти вплотную к Иринѣ, собираясь ее обнять. Но она, угадав его намѣреніе, поспѣшно отошла в сторону и рѣзко сказала: „Если вы сейчас не уйдете, я позову Клавдію и Пьетро,“

— „О неземное существо,“ отвѣтил Манфредо, вынимая карманные с боем часы... Прорѣзая ночное безмолвіе, пробило полночь.

Молодая женщина стояла на балконѣ, лицом к озеру. Жуть к этому мѣсту ее на время оставила; но эта жуть скоро опять вернулась к ней и с еще большей силой: сердце испуганно сжималось, и предчувствіе несчастья угнетало душу.

— „Надо взять себя в руки. Это самовнушеніе. Ничего плохого со мной не может произойти.“ Но не могла она справиться со своим страхом. И страх заставил Ирину обернуться; расширенные зрачки ея глаз вперились в полу открытую дверь башни; крик замер на устах молодой женщины: ее сковала невѣдомая сила. И на Ирину пахнуло смрадом, холодом могилы. Вытянув вперед руки, как-бы защищаясь от надвигающаго на нее невидимаго, но ощущаемаго ужаса, она попятилась.

„Я умру если „оно“ дойдет до меня,“ было ея послѣдней мыслью. И безсознательно молодая женщина оперлась на шаткія перила... В полночной тиши раздались сухой треск дерева, слабый стон, звучный всплеск воды...

— о —

... Ирина лежала на каменных плитах террасы; она выглядѣла утопленницей: мокрые волосы обрамляли строгое лицо, тонкій нос обострился, блѣдныя губы сложились не то в болѣзненную, не то в печальную улыбку, закрытые глаза, казалось, хранили новую тайну.

Паденіе в озеро молодой женщины сильно всѣх перепугало; за исключеніем Ланчіо, всѣ растерялись: Клавдія, судорожно всхлипывая, повторяла: „Она утонула, она утонула;“ остальные сохраняли подавленное молчаніе. Но доктор трудился над тѣлом утопленницы; он старался искусственным дыханіем вернуть ее к сознанію. От упорных, безостановочных усилій, у Манфредо выступили на лбу капли пота. Когда Ирина начала подавать признаки жизни, тогда Ланчіо поднял ее и понес к лодкам.

ГЛАВА XVII.

БОЛѢЗНЬ ИРИНЫ.

Ирина очнулась от забытья в своей постели. Ольга сидѣла у ея изголовья. К утру у молодой женщины поднялся жар, вызванный нравственным потрясеніем и сильной простудой. И Ланчіо, не спрашивая согласія больной, лежавшей пластом в бреду, взялся сам ее ле-

чить. Но старый граф настоял на вызовѣ из Милана специалиста по легочнымъ заболѣваніямъ; скоро у Ирины опредѣлилось воспаленіе легкихъ. Прошла томительная для всѣхъ недѣля, не принеся ни облегченія молодой женщинѣ, ни успокоенія ея друзьямъ. Ольга, попеременно с другой сестрою Краснаго Креста, дежурила в спальнѣ больной; с любовью вглядываясь в осунувшееся лицо и впалые глаза подруги, она задумывалась над нею. — «Доктора опасаются осложнений... Бѣдная... Нужно было бы извѣстить Василія и Андрея... Подожду еще немного, чтобы не тревожить их преждевременно.» Но пришел день, когда по серьезнымъ лицамъ докторовъ, Ольга догадалась, что они признаютъ положеніе больной почти безнадежнымъ, и тогда она рѣшила без промедленія послать депешу Ларошу. Манфредо ревниво отстранялъ от Ирины ея друзей, и одной Ольгѣ, как опытной сестрѣ милосердія, удалось выхлопотать себѣ разрѣшеніе ухаживать за больной. Много бессонныхъ ночей проводила она, то отчаиваясь видѣть своего друга здоровымъ, то с надеждой на ея выздоровленіе.

Однажды, забывшись в полу-снѣ, Ольга была разбужена слабымъ голосомъ молодой женщины. «Я рада, что ты со мной... Я часто вижу во снѣ Ваню... Он зоветъ меня, протягиваетъ руки... помогаетъ встать на ноги и идти. Мысль о немъ и твои заботы даютъ мнѣ желаніе жить.»

— «Ты скоро будешь здорова,» нѣжно цѣлуя больную в лоб, с волненіемъ отвѣтила Ольга; ея грустные глаза наполнились слезами жалости. Послѣ долгаго молчанія, Ирина снова заговорила: «Не оставляй меня одну с Манфредо... Его присутствіе мѣшаетъ поправиться мнѣ; оно тревожитъ меня. Я не хочу больше видѣть.»

— «Ш... ш... ш... онъ входитъ,» шепнула Ольга, наклонившись над подругой.

— «Утомлять больную разговорами не рекомендуетъ. Вы, какъ хорошая сестра, должны были бы это знать,» пытливо взглянувъ на обѣихъ женщинъ, замѣтилъ докторъ; прочитавъ смущеніе на ихъ лицахъ, онъ обратился къ Ольгѣ: «Прошу оставить меня одного с моею пациенткой.»

Ланчіо догадывался, что разговоръ между ними былъ о немъ. Ольга, не отвѣтивъ ему, подошла къ окну и сѣла на подоконникъ.

— «Я жду,» раздался снова повелительный голосъ доктора, подошедшаго къ постели молодой женщины.

— «И я тоже,» спокойно сказала Ольга, хотя по ея глазамъ и было видно, что она волнуется.

— «Что с вами?» спросил Манфредо, пристально всматриваясь в дѣвушку.

— «Я не оставлю Ирину», тихо отвѣтила она, избѣгая его пронизывающаго взгляда.

— «Если не хотите уходить, я не буду настаивать; я покажу вам мое леченіе,» в головѣ доктора звучало нетерпѣніе, а во взорѣ показалась злоба.

Больная поздоровалась с Манфредо словами: — «Доброе утро; мнѣ лучше; я чувствую себя крѣпче.»

— «Я вижу это по вашим глазам,» сказал он, с притворной улыбкой, щупая пульс молодой женщины. «Покажите язык... Теперь дышите...» приказал он ей. Пока доктор, приложив ухо к груди Ирины, слушал дыханіе, она улыбалась подругѣ; в этой свѣтлой улыбкѣ молодая женщина выражала свою признательность.

— «Смотрите,» прошептал Ланчіо, обращаясь к Ольгѣ. Его руки протянулись к больной, глаза которой закрылись от изнуренія. Лицо магнетизера приняло выраженіе упорства, а широкія руки с пухлыми пальцами начали дѣлать пассы. Спустя нѣкоторое время доктор самодовольно объявил встревоженной дѣвушкѣ: «Ирина спит. Она отдыхает тѣлесно и душевно. Ей это полезнѣй всяких лекарств.»

— «Неужели, это гипнотизм?!» — согнувшись над молодой женщиной с беспокойством подумала Ольга. «Выраженіе лица довольное,» успокаивала она себя мысленно. Но с этой минуты увидѣть как можно скорѣй Лароша—стало ея постоянным желаніем.

— о —

— «Когда тебѣ было плохо, я вызвала телеграммой Андрея. Прости, что сдѣлала это без твоего вѣдома, но тогда ты лежала без памяти,» говорила днем позднѣе Ольга Иринѣ. «Сегодня пришел от твоего мужа отвѣтъ. Он скоро будет в Римѣ.»

— «Может-быть это и к лучшему. Я опасаюсь Манфредо. Он навѣщает меня, когда знает, что тебя со мной нѣтъ. Устрой так, чтобы он болѣе меня не лечил. Пожалуйста, объясни графу; не скрывай от него ничего.» — Голос Ирины дрожал от волнения.

— «Я сегодня же исполню твою просьбу. Но скажи мнѣ, чѣм беспокоит тебя Ланчіо?»

— «Иногда Манфредо насильно усыпляет меня и тогда является мнѣ во снѣ», краснѣя продолжала молодая женщина.

— «Ланчіо в тебя влюблен. Какая я дура, что не сообразила этого раньше!» — воскликнула Ольга.

— «Такой человек, как Ланчіо, не в состоянии любить! Он хищное животное,» с волнением отвѣтила Ирина.

— «Я не могу себя простить, что не берегла тебя достаточно,» горестно вздохнула старшая подруга.

— «У него дурной взгляд; навѣянные им сны мерзки. И хотя я быстро забываю их, все же мнѣ смутно припоминается странная музыка и неслышанное мною прежде пѣніе, огонь и луна. Во снѣ—на темном фонѣ ярким пятном выдвигается всегда одно и то же языческое божество.» Она замолкла. Ольга, с нескрываемым беспокойством глядѣла на своего младшего друга.

— «Это божество моих кошмаров говорит голосом Манфредо,» в замѣшательствѣ досказала молодая женщина. И с рѣшимостью она закончила: «Я хочу вернуться в Рим, как только смогу стоять на ногах.»

— «Это самое лучшее, что мы можем сдѣлать,» согласилась с нею дѣвушка,» я распоряджусь насчет спальных мѣст и на всякій случай извѣщу Андрея. У меня имѣется его римскій адрес; он собирается остановиться в «Grand Hotel.»

Ольга ушла искать стараго графа; раздался легкій стук в дверь.

— «Гдѣ ваш Аргус?—Ревнивая Ольга?» — спросил, входившій Ланчіо.

— «Она ушла по дѣлу, но скоро вернется,» тихо отвѣтила Ирина, нервно теребя кружевной платок. Она полу-лежала на кушеткѣ у окна, из котораго открывался вид на парк и озеро.

— «Вы на меня даже смотрѣть не желаете,» с обманной ласковостью замѣтил он. — «Вы не в духѣ. Не правда ли?»

Молодая женщина молчала.

«Эго вѣрный признак, что вы поправляетесь,» шутивым тоном продолжал Манфредо, хотя взгляд его блестѣлъ хитростью и холодным разсчетом. В этот раз доктор ограничился провѣркой пульса. Лукаво ухмыляясь, он подсел к ней и сказал: «Я разсѣю ваше плохое настроеніе.»

— «Скоро я не буду его больше видѣть,» мелькнуло в ея головѣ. «Но сейчас я должна быть осторожной, чтобы он не «пронюхал» о наших планах.» И подумав это, она заставила себя взглянуть на Ланчіо.

— «Читали ли вы романы Маріи Корелли, Эдуарда

Шюре и Метерлинка о четвертом измѣреніи?» — спросил он. — «Да,» проронила Ирина.

— «Несмотря на кажущуюся фантастичность, их тема взята авторами из космической жизни. Понравились ли они вам?»

— «Одно время я увлекалась подобным чтеніем,* со зналась она и правдиво договорила, «о чем теперь сожалѣю.»

— «Вы развили себя; приобрѣли интересныя познанія. Часы, затраченные нами на изученіе оккультизма, во всѣх его проявленіях, нельзя назвать потерянным временем.»

— «А я увѣрена, что современныя оккультныя науки: теософія, спиритизм и всякая другая кабалистика, есть все та же чертовщина, процвѣтавшая на землѣ до христіанской эры; но теперь черная магія нам преподносится, как новое кушаніе, под «соусом» бѣлаго волхвованія,*) опирающагося на естественныя законы природы и не имѣющаго в себѣ ничего магическаго,» убѣжденно отвѣтила молодая женщина. «И вы, как врач, должны были бы знать, как вредны для нервной системы занятія, связанныя с „тайными науками“,» уже с явной ироніей сказала она.

— «Познаніе добра и зла дѣлает нас богами!» — хрипло выкрикнул он, впиваясь в нее похотливым взглядом.

— «Эти науки лишают нас разсудка,» — с негодованіем возразила Ирина, и отвернулась от Манфредо.

Над озером алѣл закат; золотистыя стрѣлы сокращаясь скользили по свинцовой глади; поздніе лучи боролись с сумерками и уступая заходили за свѣтлый небосклон. Взор молодой женщины искал раннюю звѣзду, и думы ея неслись, как перелетныя птицы, к Ванѣ.

— «Я погалаю вам,» продолжал доктор, нарушая своим голосом беззвучіе вечера.

— «Меня утомил наш разговор. Я хотѣла бы отдохнуть,» откидываясь на спинку кушетки, слабым голосом отвѣтила она.

— «Вам не придется говорить, а только—слушать,» сказал он, беря ея руку. «Вы окружены любовью,» начал гадать Ланчіо. «Вам везет, несмотря на несчастливое первое замужество.» И прочитав в ея глазах смущеніе, он продолжал настойчиво: «Ваш второй брак будет удачным; вы будете имѣть потомство.»

*) Так называемая «бѣлая магія». — Зам. автора.

— «Какая радость!» — вырвалось восклицание молодой женщины.

— «Дѣти, всё без исключения,—бремя. Они осложняют жизнь для родителей; в особенности для женщины... Но продолжим предсказание.» Лоб Манфредо наморщился, взор его внимательно рассматривал ладонь Ирины: «Вы будете замужем три раза!»

— «Не может быть!» — запротестовала она; легкая краска показалась на ея лицѣ.

— «Трое мужчин играют роль в вашей жизни,» настаивал, не без ехидства, Ланчіо. Воспаленное воображеніе доктора записывало его в число ея любовников. «Ваш муж номер 1 не хочет вас отпустить. Без упорной борьбы вы не добьетесь своей свободы.»

— «Я устала; оставьте меня, пожалуйста,» молодая женщина опять попросила его уйти.

Но, отчеканивая каждое слово, Манфредо продолжал: «У вас благожелатель, который один из всѣх ваших поклонников, обладает возможностью вам помочь.» Пытливый взгляд доктора оторвался от ладони Ирины и с вождѣніем остановился на лицѣ молодой женщины.

— «Манфредо проявляет свою звѣриную душу во всѣх ея движеніях,» пронеслось в мыслях Ирины. Как будто угадав ея думы, он замѣтил созмѣиной усмѣшкой; — «Предпочтительнѣе быть козлом, чѣм — овцой. Пара рог — полезное украшеніе... для безсловесной твари.»

Г Л А В А XVIII.

П О Х О Т Ъ И Л Ю Б О В Ъ.

— «Как я рада,» говорила Ирина, «что мы послѣ завтра уѣзжаем.» — «Я тоже буду довольна вернуться в Рим, гдѣ осень, пожалуй, самое лучшее время года,» отвѣчала Ольга. — «Ланчіо со злостью на меня взглянул, когда услышал от графа эту новость,» продолжала она. «Он не старался скрыть свое недовольство. Сперва Манфредо думал помѣшать нашим планам: он увѣрял, что ты еще слаба для путешествія. Но потом, когда Ланчіо убѣдился, что наше рѣшеніе непоколебимо, он стал соглашаться со мною и даже объявил мнѣ, что тебѣ для быстрого выздоровленія необходим теплый климат.»

— «Коса нашла на камень,» повторила молодая женщина извѣстную поговорку...

— «За вами все еще требуется медицинскій уход,»

застав свою бывшую пациентку одну, увѣрял Манфредо; он навѣстилъ Ирину, как только узналъ об ея отъѣздѣ.

«И я готов вас сопровождать в Рим. Отвѣтственность за ваше здоровье падает на меня».

— «Я ѣду с Ольгой; она за мной присмотрит,» наружность молодой женщины покрылась болѣзненной блѣдностью.

— «Я вас спас; хотя-бы из благодарности вы должны со мной считаться.»

— «Я потонула бы, если бы Манфредо меня не откачал,» созналась себѣ Ирина; ей стало немного совѣстно в том, что она не чувствовала к этому человѣку даже малой доли признательности. — «Вы спасли мнѣ жизнь!» Ланчіо насторожился. Молодая женщина произносила свои слова нервно: «Но вы это сдѣлали не ради меня.»

Он с лукавством посмотрѣлъ на нее. — «С первого дня нашего знакомства, вы старались завладѣть моей душой.» Она безуспѣшно прятала от глаз Ланчіо свое тревожное волненіе.

— «Я хотѣлъ вам быть полезным,» возразил доктор ядовито. «Я могу любое существо заставить полюбить или возненавидѣть, забыть или помнить до гробовой доски. Мои познанія обширны.»

— «Предложите ваши услуги другим; я же в них не нуждаюсь,» сухо отвѣтила Ирина.

— «Но послушайте меня! Вам нельзя встрѣчаться с мужем. Я не хотѣлъ вас беспокоить, когда вы лежали больной, но теперь считаю своим долгом открыть вам будущее, ничего не скрывая.»

— «Я не вѣрю вашему гаданью!»—воскликнула она, не в силах сдержать свое безпокойство; оно звучало в ея словах.

— «Я думаю о вашем благополучіи,» настаивал он, обжигая ее взглядом. «Ваш муж, в припадке ревности, убьет вас, если вы к нему вернетесь! Срок—приближается!.. Вам дается послѣдняя возможность избѣжать этой страшной участи!»

Молодая женщина с ужасом на него глядѣла. Ея глаза имѣли выраженіе затравленной лани.

«Элементы уничтоженія толкают Лароша на этот поступок. Эти силы окружают вас обоих. И вы почувствовали их близость в домѣ с привидѣніями,» со злорадством продолжал Ланчіо. Ирина закрыла лицо руками и прошептала: — «Бросьте меня преслѣдовать! Нам не о чем больше говорить.»

— «Не пугайтесь!.. Я властитель духов! Тайныя науки меня надѣлили свѣдѣніями, дѣлающими меня хозяином всякаго положенія. Я — не раб, как остальные люди!» — хвастливо утверждал он.

— «Я боюсь вас, вы — сумасшедшій,» еле слышно проронила она.

— «Подумайте над моим предложеніем. У меня созрѣвает легко исполнимый план,» прикасаясь пальцем к своему выпуклому лбу, настаивал Манфредо. «Я могу вас свезти в санаторію, куда-нибудь к морю. Набравшись здоровья, без посторонняго давленія, вы изберете дальнѣйшій ваш путь... Вы будете счастливы!»

— «Уйдите, пожалуйста,» голос Ирины дрожал, она порывисто встала с кресла, на котором сидѣла. Тѣнь мрака появилась на лицѣ доктора; его губы сложились в скверную усмѣшку, а в глазах зажегся непріязненный огонек.

— «Если это ваше неповоротное рѣшеніе, тогда позвольте мнѣ откланяться,» были его слова, произнесенныя не без ѣдкости. «Мнѣ ничего иного не остается слѣлать, как покинуть этот дом: сегодня же я уѣду в Стрезу,» недовольным тоном договорил он, оставляя молодую женщину.

Не успѣла она вполне успокоиться, как появился в дверях Салерни.

— «Как я рада тебя видѣть,» с чувством сказала Ирина; привѣтливая улыбка заиграла на ея лицѣ.

— «Отчего ты в таком волненіи?» — спросил он, заботливо оглядывая ее всю.

— «Я сейчас передам тебѣ вкратцѣ мой разговор с Манфредо,» отвѣтила она и добавила: «У меня станет легче на сердцѣ, если я подѣлюсь с тобою моими тревожными мыслями...»

— «Я жалѣю, что не могу его вызвать на дуэль! К несчастью, Манфредо мой двоюродный брат!» — воскликнул Луиджи, когда молодая женщина умолкла; и, вскакивая со стула, он начал ходить взад и вперед по комнатѣ. «Но не опасайся его! Он — не чародѣй, а — шарлатан! В его жилах течет плохая кровь!» И жестикулируя, Салерни стал рассказывать о своем родственникѣ: «Отец Манфредо, Эмилио Ланчіо, застрѣлился, проигравшись в карты, а его дѣд, с материнской стороны, ростовщик Хайм Ротбаум, слыл за «jettatore».*) Молодой человек, сло-

*) Человек с «дурным глазом».)

жив руку в кулак, выставил мизинец и указательный палец.*)—«Без этого жеста я с ним не встрѣчался,» не без хвастовства усмѣхнулся он.

— «Старый ростовщик воспитал своего внука; Манфредо унаслѣдовал от дѣда многомилліонное состояніе,» закончил рассказчик, не то с презрѣніем, не то с завистью.

— «Луиджи, милый,» прозвучал ея ласковый голос, волновавшій Луиджи, гдѣ бы он его ни слышал. «Перестанем говорить о Ланціо. Завтра я вас покидаю. Когда и гдѣ еще придется нам встрѣтиться—один Бог вѣдает... Мнѣ грустно разставаться с тобой и твоим отцом.»

— «Я буду тебѣ каяться,» отвѣтил он, снова садясь на стул. «Ты не можешь себѣ представить, как я беспокоился за тебя, когда ты лежала между жизнью и смертью! Но, прости, были мгновенья, стыдно думать об этом, не то, что говорить, когда любя тебя, я желал твоей смерти. Понять этого ты не можешь!» И покраснѣвъ, Салерни виновато опустил голову. «*Carra mia*», я сам не знаю, что нахожу в твоих глазах: счастье или горе... и гдѣ печаль моя граничит с радостью?» — прошептал он, послѣ недолгаго молчанія. Ея щеки мгновенно вспыхнули от его слов. — «Я замѣтила, что мое присутствіе не мѣшало тебѣ быть „душою общества“, с нѣжной насмѣшливостью подразнила она. «Без тебя наши прогулки и «*petit jeux*» были бы скучны.»

— «Моя веселость была напускная.»

— «Что то не вѣрится.»

— «Отчасти,» улыбаясь согласился молодой человек.

Нѣсколько секунд они молчали. Волненіе Луиджи передалось молодой женщинѣ. «Я буду тебя снова просить развестись с мужем и выйти за меня замуж.» Она порывисто его остановила:

— «Развѣ Ольга тебѣ не объяснила, что я люб...»

— «Да, я все знаю,» перебил он ее, пресѣкая на полусловѣ.

«Но, может-быть, тот, котораго ты любишь, женат или, по какой нибудь другой причинѣ, не в состояніи на тебѣ жениться... Я буду хорошим мужем: не стану тебя мучить ни ревностью, ни жалобами.»

Ирина пожала ему руку и жалостливо покачала головой: «Он свободен и любит меня. Но Андрей не дает

*) Жест отгоняющій «дурной глаз.» — Зам. автора.

мнѣ развод. Я общала мужу не принимать окончательнаго рѣшенія ранѣе положеннаго нами срока; я принуждена ждать еще 4 года!»

Откровенность молодой женщины нанесла окончательный удар пылким мечтам ея поклонника.

— «Смертный приговор,» сознался он сгоречью. «Каков из себя этот счастливец?» В вопросъ молодого чело-вѣка слышалась ревность. Он встал и подошел к окну. Его движенія были порывисты.

— «Для меня, он — голубое небо, солнечный луч, вѣчная весна... С чѣм еще могу я сравнить его?» — воодушевляясь говорила Ирина. «Любовь наша — стремленіе слиться навѣки воедино, желаніе остановить время,» досказала она тихо свои думы о Ванѣ.

— «Развѣ можно выразить словами, что такое любовь!» — воскликнул Салерни, подходя к ней. «Любовь — это безуміе и опьяняющая радость! Остро ощущаемая жизнь и силы, бьющія в нас ключом! Любовь — веселіе и мука.»

— «Да,» проронила молодая женщина; голос ея дрогнул.

— «Хорош дуэт!» — с тоской и сарказмом замѣтил он. «Прощай, манящая, недосягаемая высота». Луиджи поцѣловал ея руку и договорил срывающимся голосом: «Голова у меня кружится. Я устал от попыток взобраться на твою вершину и нахожусь еще в опасности упасть в пропасть, разбиться на смерть... Но нечеловѣческими усилиями я верну себѣ потерянное равновѣсіе и благополучно спущусь в болѣе низменные страны; в страны, гдѣ, хотя воздух менѣе чист и звѣзды не так ярко блещут, — легче дышется, и пути глаже, без неодолимых преград.»

— «Ты — поэт,» не без смущенія, отвѣтила она.

Прощаясь с ним, Ирина прошептала: «прости за невольно причиненное тебѣ горе». Он быстрым движеніем обнялъ молодую женщину и жадно прикоснулся губами к ея щекѣ. Она поцѣлова его в курчавую голову; улыбка участія засвѣтилась на ея лицѣ.

— «Теперь, я не получу пощечины,» сквозь слезы усмѣхнулся Салерни.

«Тогда я был нахалом и заслужил ее.»

ГЛАВА XIX.

СТРАШНАЯ НОЧЬ В ПОЪЗДѢ.

— «У тебя много радостных дней впереди,» говорила молодому человѣку на прощаніе Ирина. «Когда-нибудь встрѣтимся с тобой в какой-нибудь столицѣ. Я найду тебя тогда блестящим дипломатом, счастливым мужем и отцом многочисленных дѣтей.»

Они стояли на вокзалѣ у «*Wagons lits*»; неподалеку от них граф Салерни разговаривал с Ольгой. По лицу молодой женщины нѣжно скользила улыбка; глаза ея лучились сочувствіем.

— «В данный момент никто и ничто не могут меня утѣшить,» отвѣчал Луиджи, страдая и любуясь ею.

Когда поѣзд тронулся, Ольга заботливо спросила свою подругу: «Не хочешь ли ты лечь? У тебя утомленный вид... Я оставлю двери между нашими отдѣленіями открытыми. Позови меня, если я буду тебѣ нужна.»

Пріятная истома быстро овладѣла путешественницами, уступив вскорѣ мѣсто крѣпкому сну.

Ольгѣ снилось, что были онѣ с Ириной в далеком Петербургѣ, в особнякѣ Невских.

Играя в «казаки и разбойники» с прежними товарищами и подругами дѣтства, онѣ забѣжали в одну из отдаленных от парадных покоев комнату, гдѣ и спрятались за широкой диван. Но вдруг на глазах Ольги стѣны, домашняя обстановка, потолок слились с лунной ночью, глядѣвшей в окна. И тогда мгновеніем ока онѣ очутились на проселочной дорогѣ, свѣтлой лентой уходившей в темную линію лѣса, виднѣвшагося на горизонтѣ. И чувствовала Ольга, что их спасеніе в бѣгствѣ, в достиженіи чернѣвших вдаль деревьев, в чащѣ которых скрывался их путь. Онѣ бѣжали от быстро их настигающаго мѣсяца; в нем заключалась гибель для них, ибо во снѣ ночное свѣтило олицетворяло волшебника. И напрягая послѣднія силы, онѣ благополучно достигли древеснаго шатра дубов, кленов, берез. Колдун-мѣсяц сгинулъ; лѣс, дорога пропали; Ольга и Ирина снова оказались в особ-

някъ Невских, в ярко освещенном залѣ. Знакомыя и чужія лица окружали Ольгу; в их толпѣ она утѣряла подругу... «Ольга!» — пронесся через всю длину зала оклик, переливаясь многократным эхом. Свѣтъ люстр задрожал, загуманился; шум умолкъ; наступила тишина... И Ольга проснулась.

Ланчіо ожидал «званную гостью». Давно с такой настойчивостью не напрягал он свою волю. Слостолубец приготовился к посѣщенію той, которую, желая, ненавидѣл. Он находился в том же вагонѣ, в котором ѣхала Ирина с Ольгой. Обстановка спального отдѣленія Манфредо отрѣшала от повседневной жизни: зеленоватое освѣщеніе, не рѣзавшее зрѣніе; куреніе, дурманившее голову, вино и пряности, разжигавшія кровь; экзотическая музыка, игравшая под сурдинку и поднимавшая эротическіе инстинкты. Воображеніе возбуждалось каблистическими знаками, вышитыми на покрывалѣ, и старинным чеканного золота кубком, с его непристойными изображеніями, взятыми из мифологіи, и... орхидеями. Черныя, бѣлыя — онѣ разсыпались в художественном безпорядкѣ по ложу. Нѣжныя орхидеи манили своей красотой, но в их красотѣ было что-то зловѣщее... Онѣ казались живыми, как-будто какая-то оккультная сила питала жизненными соками эти рѣдкіе цвѣты. Завлекающая атмосфера этого мѣста засасывала; — эта атмосфера влекла к забвенію чести. Но одни лишь чуткіе люди ощутили бы под своими ногами бездонную трясину, на поверхности которой росли сочныя приманчивыя ягоды — синія и красныя.

— «Ирина услышит зов царя природы и откликнется на его призыв; отзовется в ней мой побѣдоносный клич. Она — моя!»

И многое иное приходило на ум Ланчіо, что приличіе не позволяет упомянуть.

«Проснись! Ты находишься у своего доброжелателя. Я хочу отклонить от тебя надвигающуюся новую опасность,» прозвенѣл в ушах Ирины властный голос. Блуждающій взор молодой женщины с недоумѣніем и страхом скользил по незнакомым предметам, ее окружавшим.

Она была в отдѣленіи Манфредо; ея чемоданы лежали на сѣткѣ, а платьѣ и бѣлье валялись на сидѣніи. Она думала в полу-сознаніи: «Это кошмар или галлюцинація?»

«Садись!» Ирина повиновалась приказу того, чьи глаза впились в нее своим сверлящим взглядом. Но с чѣм можно было сравнить состояніе его души? Не походил ли он тогда на человѣка-тигра, почуявшаго кровь, или на человѣка-удава, готового задушить своими объятіями легконогую лань?

«Мы держим счастье в своих руках. Не будем же глупцами, противившимися тому, что предопредѣлено каждому из нас; тому, что мы сами создали своими желаніями и стремленіями... Не случайно свела нас судьба! Я вторично отведу от тебя несчастье... Один только я могу уберечь тебя от грозящей тебѣ смерти!» Гипнотизер упивался своею собственною рѣчью.

Молодую женщину бросало то в жар, то в холод от мысли, что она находилась во власти этого человѣка, от опасенія, что никто не отвратит от нея позорную участь. Но все же слабая надежда теплилась в ея сердцѣ от сознанія, что гдѣ то поблизости спала Ольга. И, пока Ланчіо угощал сластями ночную „гостью“, ея сердце устремлялось к Богу. Молитва укрѣпляла Ирину; ея мозг начинал точно работать.

— «Надо выиграть время. Я должна спрятать от него свое отвращеніе.» И, негодуя на его тыканіе, она про себя добавила: «Какой архи-хам!». Но, содрогаясь внутренне, Ирина спросила с напускным спокойствіем: «Отчего вы здѣсь, когда должны были бы быть в Стрезѣ?»

— «Я рѣшил в послѣднюю минуту ѣхать с тобой,» объяснил он, поднося к ея рту бокал вина. Языческія божества, мифологическіе полубоги и герои выпукло выступали на блестящей грани кубка; краска стыда, как зарево пожара, пылала на лицѣ молодой женщины; сладострастная усмѣшка ползла по чувственным губам оккультиста.

— «Я вызвал тебя,» говорил Манфредо, «слабѣйшій подчиняется сильнѣйшему; женщина — мужинѣ. Это неоспоримый закон, существующій с начала человѣческой исторіи на землѣ.»

— «Мое спасеніе — в его гордости,» подумала она. — «Через нѣсколько часов мы будем во Флоренціи, гдѣ пересядем в другой поѣзд; из Ливорно мы поѣдем паромом в Эритрею.» Слова доктора звучали монотонно и властно.

— «Но мнѣ нужно будет скоро вернуться в Канаду,» замѣтила ему еле слышно молодая женщина; с усиленіем

сдерживая в тѣлѣ нервную дрожь, она теребила кисточку кушака своей длинной, доходящей до пят, ночной сорочки.

— «Забудь прошлое, живи настоящим,» прошептал он, обдавая ее горячим дыханіем.

Отталкивая его от себя, Ирина отвѣчала: «Оставьте меня одну! Я хочу одѣться. Послѣ мы продолжим наш разговор». Но доктор не обратил вниманія на ея опредѣленно выраженное желаніе. Он сѣл возлѣ молодой женщины на пол; его алчныя губы начали цѣловать ея голыя ступни. — «Там, в моих владѣніях, я окружу тебя, как древнюю царицу, невольниками, исполняющими малѣйшую прихоть своей госпожи; я научу тебя повелѣвать природой и своею страстью зажгу твое каменное сердце; я заставлю тебя полюбить!» Гордыня внушала ему, что Ирина не может устоять против соблазна, когда послѣдній является в видѣ выдающагося своими познаніями, силой характера и умом мужчины. Себялюбец желал добиться ея взаимности, и его тщеславіе держало похоть на поводу.

«Африка принесет тебѣ свои щедрые дары,» продолжал Ланчіо рисовать картины будущаго. «Я посвящу тебя в тайны загробной жизни; болѣзни и горести, узкіе интересы и мелкія переживанія, блѣдныя удовольствія и страх перед могилой останутся позади нас. Мы будем выше ограниченных понятій и желаній, присущих жалкому человѣчеству. Я буду всегда с тобой! Твой раб и владыка.»

Она дрожала, как в лихорадкѣ, и капли пота выступали на ея висках.

«Нас не коснется смерть — беспощадный враг всего земного... Мы станем богами!*)»

— «Одержимый!» — пронеслось молніей в головѣ молодой женщины. И оттолкнув Манфредо от своих колѣн, она отрывисто заговорила: «Ваши африканскія картины не соблазнительны; напротив, эти картины пугают своим безуміем. Не мнѣ, а вам грозит смертельная опасность! Окультиныя науки сведут вас с ума... Отойдите! Не мѣшайте мнѣ уйти!» Послѣднюю фразу Ирина досказала, вставая с сидѣнія. Ей были омерзительны его близость и прикосновеніе; она не выдержала своей роли; в ея широко открытых глазах Ланчіо прочел отвращеніе и гнѣвъ.

*) В Ветхом Завѣтѣ в книгѣ Бытія, діавол искушает Адама и Еву словами: «Вы будете богами». — Зам. автора.

— «Ты рѣшаешься объявить мнѣ войну? Ха, ха, ха!» Его рот скривился в гадкую усмѣшку; взгляд загорѣлся недоброжелательством. «Впервые вижу такую смѣлую женщину!»

Похоть брала верх над гордыней, И эта гордыня, уступая свое мѣсто, находила удовлетвореніе в жестокости: «Предначертанный мною план созрѣл в моем мозгу при первой нашей встрѣчѣ. Никакія силы не могут помѣшать мнѣ осуществить это предначертаніе. Оно — в моих руках!» Послѣднюю фразу он прошипѣл, грубо хватая Ирину за плечи; его пальцы больно вцѣпились в ея тѣло.

«Путь наш долгій, но чѣм дальше от людей, тѣм лучше! Я скрою тебя от всѣх! До тебя никто не доберется; а если в этом кому нибудь и посчастливится, то живым от меня никто не уйдет! Когда Ольга утром замѣтит твое исчезновеніе—уже будет поздно тебѣ помочь. Ха, ха, ха!»

— «В таком отчаянном положеніи я еще никогда не была,» простионала она. Гнусный смѣх Ланчіо, звучавшій для нея чертовским хохотом, сразу оборвался. Раздался пронзительный, рѣжущій ухо свисток; поѣзд начал замедлять ход...

Ольга лежала, прислушиваясь к ночным звукам и, не желая понапрасну тревожить подругу, была в нерѣшимости: позвать Ирину или не обращать вниманія на явное чувство безпокойства, постепенно все сильнѣе охватывающее ея душу.

— «Я не буду будить Ирину, а только взгляну на нее,» рѣшила она, проворно надѣвая халат. Но дверь в купе молодой женщины оказалась запертой изнутри. С тяжелым предчувствіем Ольга вышла в корридор и оттуда прошла в отдѣленіе своего друга.

— «Пусто! Ирина исчезла со своими вещами! Что-то ужасное произошло с нею!» — с тоской подумала она и дернула за «westinghouse»...

— «Моя молитва услышана,» радостно прозвучало в душѣ Ирины. И вслух она сказала: «Это — Ольга.»

С искаженным злостью лицом Манфредо отшатнулся от молодой женщины. Она с поспѣшностью к нему обратилась: «Скорѣй выпустите меня, иначе я позову кондуктора.» Замѣтив его колебаніе, Ирина договорила: «Ольга всеравно меня отыщет!...»

«*Campagna Romana*» разтиралась пред взором подруг. Ясное утро глядѣло в окна вагона. Вдали синѣли горы,

кое-гдѣ мелькал древній водопровод, вблизи желѣзнодорожнаго полотна паслось стадо овец, и по бѣлой дорогѣ медленно двигалась тряская, с синим верхом арба, перевозившая вино из деревни в город.

— «Слава Богу!» — говорила Ольга, «ужас ночи остался позади; вычеркнем из памяти эти жуткіе часы... Если Андрей уже в Римѣ, то он встрѣтит нас на вокзалѣ. Я извѣстила его о времени прихода поѣзда.»

— «Я рада пріѣзду мужа,» отвѣтила Ирина; «жизнь полна неожиданностей,» досказала она тихо.

И размышляя о своих тяжких переживаніях, молодая женщина думала: «Я не пойду к фонтану Треви, когда буду покидать Рим; я боюсь вернуться в Италію; я боюсь встрѣчи с Ланчіо.» *)

Г Л А В А XX.

БЕСѢДЫ ВАНИ С ОТЦОМ МИХАИЛОМ.

Сидя в домѣ священника, Соколов грустно говорил отцу Михаилу: — «На меня часто находит уныніе. Временами хочется все бросить и пробраться в Россію... Я убѣжден, что там существуют тайныя братства, работающія против большевиков... Нельзя вытравить из русской души вѣру в Бога, нельзя принудить русскій народ отказаться от православія, нельзя заставить русскаго крестьянина очернить память своих царей: Александра I — Благословеннаго, Александра II — Освободителя, Александра III — Миротворца и Николая II — Царя-Мученика. Я увѣрен, что нашел бы на родинѣ единомышленников.»

— «Ты здѣсь — за границей служишь нашей отчизнѣ. В эмиграціи тоже нужны такіе люди, как ты, Ваня,» сердечно улыбнулся священник. «Не унывай! Тоска есть крест духовный; посылается она в помощь кающимся, которые не умѣют раскаяться, то есть послѣ покаянія снова впадают в прежніе грѣхи. Надо или научиться раскаиваться и приносить плоды покаянія, или — со смиреніем, кротостью, терпѣніем и великой благодарностью Господу, нести этот крест духовный — тоску свою, памятуя, что несеніе этого креста вмѣняется Господом за плод покаянія.»

*) Римское повѣрье: бросающій монеты, перед своим отъѣздом, в фонтан Треви, снова возвращается в «вѣчный город». Это суевѣріе ведет свое начало с давних времен. Этой традиціи придерживаются не одни итальянцы, но и чужестранцы, посѣщающіе Рим.

Майскій вечер глядѣл в окно комнаты и по воздуху неслась, вмѣстѣ с запахом сирени, переливчатая пѣснь соловья. «Да, мой сын,» добавил отец Михаил. «Какое это великое утѣшеніе сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаянія, подсознательное самонаказаніе за отсутствіе требуемых плодов. От мысли этой в умиленіе придти надо, а тогда — и тоска постепенно растает и истинные плоды покаянія зачнутся».

В раздумьи склонив голову, Соколов сказал: «Я перечитывал Гоголя. Сто лѣтъ тому назад, гениальный писатель произнес пророческія слова: Діавол выступил уже без маски в мір. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суевѣрных людей—он явился в собственном своем видѣ».

— «Сильно выражено,» согласился священник.

— «Гоголь писал одному из своих друзей,» размышлял вслух молодой человек; его взгляд утѣпал в сумерках сада. — «Что значит, что правят міром швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались в сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющие мыслей и чистосердечных убѣжденій, правят мнѣніями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всѣми, становится нечувствительным законодателем его неуважающаго человека.»

— «Правильно,» поглаживая бороду, снова одобрил старик, чьи свѣтло-сѣрые глаза были устремлены на небо, как блестящая риза, усыпанная звѣздами.—«Я знал нашего великаго чудотворца и цѣлителя, отца Іоанна Кронштадтскаго, который в концѣ прошлаго столѣтія, сказал в одной из своих проповѣдей: Умолкните же вы, мечтательные конституціоналисты и парламентаристы... Отойдите вы, противящіеся Божію велѣнію. Не вам распоряжаться престолами царей земных... От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость Царю управлять своими подданными. Да, через посредство державных лиц, Господь блюдет благо царства земных и особенно благо мира Церкви своей, не допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее; и величайшій злодѣй міра, который явится в послѣднее время, антихрист, не может появиться среди нас, по причинѣ самодержавной власти, сдерживающей безчинное шатаніе и нелѣпое ученіе безбожников. Апостол говорит, что дотолѣ не явится на землю антихрист, доколѣ будет существовать самодержавная власть... Когда возьмется от земли удерживающій-Самодержец, тогда придет антихрист.»

— «Я молюсь отцу Иоанну, как святому,» замѣтил Ваня. «Он предвидѣлъ грядущія бѣдствія и страдал душой за горячо им любимый русскій народ.»

— «Да,» печально отвѣтил отец Михаил. «За десять лѣтъ до революціи, перед самой своей приснопамятной кончиной, отец Иоанн прорекает громогласно: «Русское Царство колеблется, шатается, близко к паденію. Если в Россіи так пойдут дѣла и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной карѣ закона, если Россія не очистится от множества плевел, то она опустѣет, как древнія царства и города, стертые Правосудіем Божиим с лица земли за свое безбожіе и свои беззаконія... Бѣдное отечество, когда то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и отечеству и чистоты нравов... И чѣм бы мы стали, Россіяне, без Царя! Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя РОССІЯ, так как носитель и хранитель Россіи, послѣ Бога, есть Государь Россіи — Царь Самодержавный; без него Россія — не Россія.»

Соколов встал и, облокотившись на подоконник, закрыл лицо руками. Слова священника западали в тайники его сердца.

— «Да, отраднo и больно переноситься мыслями в ушедшее от нас время, когда родина наша стояла на стражѣ христіанства, как великая твердыня, как безстрашный часовой на своем посту,» смаргивая слезинку, продолжал старик. «Я помню, как отец Иоанн Кронштадтскій, в своем обращеніи к членам государственной думы, сказал: Бог призывает вас к этому великому дѣлу — благоустроенію и умиротворенію отечества. При этом помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверье Отечества Небеснаго, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную там.»

Ваня убрал руки с лица, по которому струились слезы, свѣтлыми глазами смотря на священника, он проронил проникновенно: «Со Христом мы не погибнем. Господь укажет вѣрующим путь; научит нас, временных изгнанников, жить для Россіи, куда бы ни занесла нас судьба.»

— «Аминь,» тихо досказал отец Михаил, осѣняя себя крестным знаменіем. Этот разговор между Соколовым и священником происходил тогда, когда Ирина покидала Японію.

На настроение Вани отзывалось не одно только отсутствие из «Старого Дома» молодой его хозяйки, но и печальное положение бѣженцев. Было отчего христіанину впасть в уныніе: большевицкая власть признавалась почти-что всѣми державами міра; Совѣтскій Союз, как кровожадный, ненасытный спрут, протягивал свои шупальцы к городам, селам и весям всего свѣта; явные и скрытые лоборники коммунизма распространяли его безбожное ученіе по всей землѣ; видные, «правые» представители русской эмиграціи исчезали безслѣдно или находили преждевременный конец, наступавшій при странных обстоятельствах, подававших повод к подозрѣніям в насильственной смерти. Да! Было отчего придти в отчаяніе! Но вѣра в правосудіе Божіе давала крѣпость нести бремя изгнанія, крест бездомных странников.

Стояло на дворѣ лѣтнее время. Соколов, окончив дневную работу, шел к отцу Михаилу. Он насвистывал бравурный марш, дѣлая умственные вычисления. — «Откуда возьму я деньги на уплату жалованія служащим? Никак не удастся свести концы с концами!».

Лоб молодого человѣка хмурился от напряженной думы: мѣсячный подсчет выяснял затруднительное положеніе «Русскаго Поселка.» «Полковник Петров совѣтует открыть чайную, но без позволенія Лароша мы этого сдѣлать не можем... Давно никто не имѣл от Ирины вѣстей! Гдѣ ты, моя любимая? Помнишь-ли своего Ваню? Далекая, но близкая моему сердцу, я жду тебя!»

Надежды гасли, мечты блекли, однѣ грезы о ней жили в его душѣ.

— „Мысль ваша хорошая,“ говорил священник Соколову. „Я напишу Иринѣ Васильевнѣ... Понадобятся средства на устройство чайной; обратимся с воззваніем к близким и чужим.“

— „Большая часть людей считает русских націоналистов ненужным баластом. Нас мало кто понимает. Уши вянут от всѣх тѣх нелѣпостей, которыя приходится выслушивать о Россіи. Никакая страна не заинтересована сохраненіем „правой“ эмиграціи,“ не без горечи отвѣчал Ваня. „Оторванные листы затерянной рукописи,“ сокрушенно промолвил отец Михаил. „Но на доброе дѣло откликнутся люди,“ договорил он спокойно. „Господь учит: кто не против вас, тот за вас... *) Нам опасны лишь тѣ,

*) Ев. от Луки, гл. 9-я. Ев. от Матвея, гл. 18-ая. — Зам. автора.

про которых Христос сказал: „Кто не со Мною, тот против Меня.“

— „Вы, батюшка, как всегда правы. Мнѣ совѣстно за свое маловѣріе и нетерпѣніе,“ с теплой улыбкой, извинился молодой человек.

— „Ты, сын мой, горяч. Таких Бог любит,“ отпуская Ваню, ласково заключил священник, кладя руку на его плечо.

Г Л А В А Х Х І.

М А Д Е Р А.

Ирина и Андрей сидѣли на скалѣ; спереди вставал океан, его спокойныя волны вяло набѣгали на острый утес, как остов корабля, врѣзавшійся в глубокія воды; позади выдвигались каменные глыбы, темная зелень и холмы острова. Дивна весенняя ночь на Мадерѣ! Нельзя не залюбоваться ни яркостью небес, ни блеском океана нельзя не насладиться ни ядреным запахом морской соли, ни ароматом растений, нельзя не почувствовать в этой вдохновенной красотѣ с ея живительным воздухом Божіе дуновение и не представить в сверкающей тверди лучезарный полет небожителей.

Ларош первым нарушил ночное безгласіе: «Как быстро прошла зима; я счастлив видѣть вас здоровой.»

— «Я вполне поправилась,» отвѣтила Ирина, «и отдохнула душой.»

— «Вы давно перестали вскрикивать во снѣ,» продолжал он.

— «Мнѣ болѣе не снится Ланчіо.»

— «Я жалѣю, что не встрѣтился с этим негодяем.» Его взор с любовью сосредоточился на ней.

— «При лунном сіяніи, она выглядит аллебастровым изваяніем,» подумал Андрей.

— «Казалось бы, что в наше время с такой личностью можно повстрѣчаться только в сумасшедшем домѣ,» замѣтила молодая женщина, вперив свой взор в водную даль. «Я представляю Манфредо жрецом языческих времен или колдуном средних вѣков. Я вижу, его кончающаго свою жизнь, на «Auto de fé».

— «Соединеніе болѣзненнаго мистицизма с грубым матеріализмом не рѣдкое явленіе в 20-ом вѣкѣ» возразил он.

— «И первое и второе есть отказ от христіанства,» проникновенно сказала она и печально добавила: «На моей родинѣ крайній матеріализм, иными словами коммунизм, временно восторжествовал над христіанством; из-за своего массоваго отреченія от Христа русскій народ отдал себя во власть сатаны.»

«Это — мистицизм,» — в возраженіи Андрея была мягкость. — «Все в жизни имѣет внутренній смысл; всякое событіе нужно расцѣпывать и с его нравственной стороны,» в отвѣтъ Ирины чувствовалась крѣпкая вѣра.

— «Я маловѣр, и потому сомнѣваюсь во всем,» усмѣхнулся он.

— «Бѣдный,» пожалѣла она и участливая улыбка, измѣнив линію губ, засвѣтилась в ея глазах. — «Сейчас русскій народ душевно болен, но милосердіе Божіе неизмѣримо,» довѣрчиво повѣряла ему свои думы молодая женщина.

И эта болѣзнь пройдет, когда народ вернется ко Христу; и тогда он снова станет богоносцом; и на Руси с новой силой возсіяет христіанство.»

— «Вы пророчествуете или повторяете слова Ольги?» — спросил Ларош полу-шутя, полу-серьезно.

— «Мои взгляды заимствованы у лучших из моих соотечественников,» с очаровательной усмѣшкой, пояснила она и досказала свою мысль: «Россіяне не страдают фанатизмом, но они видят свой долг в сохраненіи на Руси древняго христіанства; и несмотря на свои паденія, русскій человѣкъ всегда был готов отдать жизнь за Православіе.»

— «Если бы вы жили при Неронѣ или Діоклеціанѣ, то погибли бы на аренѣ. Вас растерзали бы хищные звѣри. Вы стали бы мученицей! Послѣдующія поколѣнія канонизировали бы вас,» с убѣжденіем объявил он. Не то досада, не то восхищеніе прозвучали в его голосѣ. — «Мы с нею как два полюса,» кольнуло в сердце мужа.

— «Расовое раздѣленіе чуждо россиянам,» неторопливо развивала свою мысль молодая женщина. Ея глаза глубоким взглядом слились с морской пучиной. «Мы не шовинисты,» договорила она, вдумываясь в свои слова.

— «Но зато ваша среда, руководствуясь в своих сужденіях болѣе происхожденіем человѣка, чѣм его нравственностью, весьма разборчива на выбор знакомых,» с тонкой ироніей, хотя и ласково залпротестовал он.

— «Я опровергну ваше мнѣніе,» загадочно улыбаясь, обратилась Ирина к мужу. Ларош вопросительно посмотрѣлъ на жену.

«У моего отца старшим управляющим был еврей, іудейскаго вѣроисповѣданія.»

— «Не может быть!» изумился Андрей. Тихо разсмѣявшись, она задала ему вопрос: «Не правда ли отец Михаил большая душка?»

— «Да; священник—единственная наша точка соприкосновенія,» пошутил муж, но глаза его смотрѣли невесело:

— «Отец Михаил был сыном раввина; юношей он бѣжал в монастырь из отчего дома. Родители его проклинали за переход в христіанство.»

Взгляд Лароша выражал недоумѣніе.

«Как вы знаете, наш священник стал духовником и близким другом моего семейства».

— «Вы не вполне меня убѣдили,» не сдавался он, настаивая на своем мнѣніи: — «Царское правительство устраивало погромы. Я помню, как возмущался во дни моей юности, читая о них в международной прессѣ.»

— «Это невѣрно,» не согласилась с ним Ирина; и мѣняющіеся изгибы ея рта, то улыбающагося, то грустнаго, приняли строгій вид. «Ваши журналисты спутали погромы с избіеніем армян в Турціи,» в заключеніе упрекнула она его.

— «*Les massacres des arméniens*,» усмѣхнулся Андрей. «Как ясно вспомнился мнѣ этот крикъ парижскаго газетчика, в 1896-ом году!»

— «Так называемые погромы, изрѣдка происходившіе в южно-западных областях, были явленіем спазмодическим: какой нибудь пропойца, заложившій шапку в ломбард еврею, шел бить стекла дома своего взаимодавца; к нему присоединялись босяки и нищіе; эту свалку оборванцев пополняли разгульная молодежь и простолудины, состоявшіе в кабалѣ у ростовщика. Страсти разыгрывались; людей калѣчили и убивали. Но все же, любимым занятіем толпы было распарываніе тюфяков. И часто, послѣ погрома, улицы еврейскаго квартала были осыпаны птичьим пухом.» Линія ея губ повеселѣла. — «Трагикомедія,» замѣтил он.

— «Царское правительство возмѣщало пострадавшим, понесенные ими убытки; и полиція, когда успѣвала, всегда предотвращала погромы,» серьезно закончила Ирина.

— «Вам я могу вѣрить,» всматриваясь в профиль жены, согласился Ларош.

— «Возвращаясь к религіям и расам, я упомяну о том, что мой отец имѣл много близких друзей среди магометан Кавказа,» опять заговорила она, оборачиваясь к мужу.

Но не дослушав ее, он размышлял: «Моя маленькая перестала меня бояться: мила и проста со мной».

И вслух Андрей громко спросил: «Прошло ли ваше увлеченіе Соколовым? Любите ли вы меня, хотя бы немного?»

Неожиданность этого вопроса заставила вздрогнуть Ирину. Безграничный океан нашептывал колыбельную пѣснь; ей смутно казалось, что небесный сводикамни и воды ждут от нея правдиваго отвѣта. И подумав, она смущенно проронила: «Произошла неуловимая переменѣна в моем отношеніи к Ванѣ. Я стала другой. Он, должно быть, тоже возмужал. Пять лѣтъ тому назад, я еще была ребенком и не мо...» Молодая женщина оборвала на полусловѣ свою фразу. Ларош отвернулся от жены, невольно прислушиваясь к биенію сердца; его сердце толчками гнало горячую кровь, и эта кровь буйно стучала в висках, звонко шумѣла в ушах, густо окрашивала лицо. Чувство признательности заставило Ирину положить руку на плечо мужа и прошептать: «Вы мнѣ тоже дороги.»

Взгляд карих глаз, проникнутых душевностью, согрѣлъ бы самую теплехладную душу...

— «Наши странствія пришли к концу,» пробормотал он, сдерживая порыв ее обнять.

— «Как я рада!» — прижимаясь к его плечу, воскликнула она.

— «Мы вернемся с первым пароходом в Канаду,» совладав со своим волненіем, договорил Ларош.

— «Спасибо!» — с живостью отвѣтила молодая жена; ея взор устремился к сіяющим звѣздам. Муж горячо поцѣловал руку жены; она дотронулась губами до высокаго лба, прорѣзаннаго частыми морщинами.

— «Моя маленькая начинает меня любить, но сама этого еще не сознает,» мыслил он, и его глаза, слѣдя ея думам, подымались к небу,

— о —

Но приподнятое настроеніе Андрея длилось недолго; уснувшая ревность пробудилась в нем с прежней силой; мысль о неминуемой встрѣчѣ между Ириной и Соколовым терзали страстное сердце.

Неизвѣстность болѣе томит сильнаго, чѣм слабаго духом человѣка.

Г Л А В А ХХІІ.

СОМНѢНІЯ РАЗСѢИВАЮТСЯ.

Комнаты были убраны цвѣтами: тяжело свѣшивались кисти сирени, стройно возвышались стебли лилій, горделиво склонялись головки роз и скромно красовались фіалки. Они были в Монреалѣ. Пряча лицо в душистых вѣтках сирени, Ирина замѣтила: «Этот запах мнѣ всегда напоминает Россію.»

— «Я поражаюсь вам. Вы покинули родину при таких ужасных условіях, что можно было бы предположить, что не захотите, даже мысленно, возвращаться туда, гдѣ были так несчастны,» сказал Ларош.

Нюхая цвѣты, она молчала. — «*You have an arrested mentality*» продолжал он, стараясь быть хладнокровным, «жизнь проходит мимо вас; вы должны были бы, как эти розы, фіалки, лиліи, тянуться к теплу. Но без разсужденій и страданій вы не умѣете жить. Берите примѣръ с земных тварей.»

Эти обвиненія вызвали нѣжный румянец на щеках молодой женщины.

— «Мы говорим на разных языках,» сдержанно возразила она. «С перваго дня нашего знакомства, мы расходились во взглядах». — «Вы обитательница безвоздушнаго пространства,» со страстью и сарказмом отвѣчал Андрей, стоя за ея спиной, «вы безполое существо».

Понимая Лароша, Ирина его жалѣла, но полюбить мужа она не могла: ея сердце не хотѣло забыть Ваню.

И, вдыхая аромат сирени, молодая женщина проронила: «Простите меня.» Глаза ея искали среди вѣток цвѣтка счастья с пятью лепестками...

— о —

Сумерки окутали город; загорѣлись уличные огни; в домах показался свѣтъ. Ирина сидѣла одна в гостиной и мысли ея были о Соколовѣ.

— «Как скрою я от других свою радость?! Если он разлюбил меня, я утаю от него мою любовь! Но для меня не будет счастья без Вани!»

Сумерки сгустились в комнатѣ. «Андрей вышел по своим дѣлам,» подумала она и, услышав стук в дверь, разсѣянно сказаза: «Войдите.» Жажущій странник, идущій по знойной и голой пустынѣ, не сразу вѣрит своему слуху, поймавшему журчаніе источника. «Оно плод моего болѣзненнаго воображенія,» — восклицает он с тоской. Так и Ирина, узнав голос Вани, входившаго в гостиную с привѣтствіем «добрый вечер», усумнилась в вѣрности своего слуха.

— «Ирина! Неужели это ты!?» — воскликнул Соколов, останавливаясь, как вкопанный, посреди комнаты. Синіе глаза загорѣлись; их блеск выдавал состояніе его души, глубоко потрясенной внезапной встрѣчей с молодой женщиной.

— «Ваня!?» — нетвердым голосом спросила она, порывисто вставая и идя к нему навстрѣчу.

Они крѣпко обнялись; но их поцѣлуй не таил в себѣ, как семь лѣт тому назад, ни нѣги, ни страсти. Ирина положила голову на плечо Вани. Умиленное сердце лило свои слезы; ясные глаза роняли эти капли счастья на свѣжія щеки, и как будто утренняя заря, сверкавшая серебристой росой, рлѣла на матовой бѣлизнѣ лица.

Угадывая мысль, договаривая слова один другого, они вспоминали протекшіе в разлукѣ долгіе годы. Всматриваясь в лицо Вани, Ирина не находила в нем ничего юношескаго; перед нею был мужчина, чьи глаза говорили о преждевременной мудрости, о выработанном волею характерѣ, чье лицо запечатлѣло душевныя страданія, придававшія ему и интерес и силу.

— о —

— «Что было со мной?» — спрашивала она себя, когда Соколов ушел.

«Легкомысліе или безуміе? Нѣтъ! Это был порыв души! Неудержимый, стихійный! Этот порыв застал меня врасплох. Огонь моей любви не могли угасить ни вѣтер... разлука, ни вода — время.»

Кругом было тихо; ночь глядѣла в окна; на «console coiffée» горѣла одинокая лампа; лучи от нея тянулись к «bergère», на которой сидѣла молодая женщина. Волнующія думы Ирины переплетались с именами Соколова и Лароша. — «Может быть, завтра я снова увижу Ваню... Андрей его вызвал сюда по дѣлам... Ваня ночует в нашей гостиницѣ... Андрей пропал... Ваня не предполагал найти меня здѣсь... Андрей сообщил ему, что будет один на нѣсколько дней в Монреалѣ.»

Голова ея уткнулась в один из углов кресла; утомленная Ирина закрыла глаза. «Но гдѣ Андрей?! Случилось ли с ним что нибудь неожиданное, помѣшавшее ему встрѣтить Ваню?! Или он задумал, еще на Мадерѣ, устроить между нами это свиданіе?!»

Ея сердце заняло от этой тревожной мысли. «Я должна буду дать Андрею отчет в своем поведеніи. Но я боюсь сознаться ему в своих дѣйствіях.» «И прождав до поздней ночи Лароша, она заснула в «*bergère*...»

— о —

Андрей наклонился над спящей женой. Сѣрые глаза просвѣчивали что то буйное, клокотавшее в глубинѣ его души. Как будто готовый к изверженію вулкан, подымал из нѣдр своих горячую лаву. Они были одни в эту глубокую ночь. Муж снова, любя, ненавидѣл жену; он вновь желал ея, ненавидя, и мщеніе для него было слаще любви молодой женщины.

Звонкій бой часов разбудил Ирину. Электрическое освѣщеніе непріятно смѣшивалось с дневным свѣтом, пробивавшимся через закрытыя ставни и задернутыя шторы.

— «Как душно,» подумала она и, потушив горѣвшую лампу, подошла к двери, ведущей на балкон. Вдыхая утренній воздух, молодая женщина тревожно мыслила: «Я проспала всю ночь в креслѣ; не дождалась Андрея. Возможно, что он не замѣтил меня, и давно уже спит. Надо постучаться к нему; уже 7 часов.»

Что-то бѣлѣло на «*bergère*».

Ея дрожавшіе пальцы держали лист бумаги. криво написанныя на нем буквы расплывались от капающих на них слез.

— «Ради вашей безопасности, я покидаю вас на время. Сейчас я не отвѣчаю за свои поступки. Сам не знаю, что во мнѣ побѣдит. Человѣкъ или звѣрь.» Дальше на листѣ шли вычеркнутыя строки и неразборчивая приписка: «Ирина, вернитесь в „Старый Дом“. Ждите меня там; помните, гдѣ бы я ни был, вы — моя жена.»

Подавленная запиской Лароша, молодая женщина опустилаcь в кресло и задумалась: «Бѣдный! Если бы не Ваня, я отказалась бы от личнаго счастья и осталась бы с Андреем. Но видѣть горе Вани я не могу! Такіе, как он, любят лишь раз в жизни. Для Андрея всегда стоит на первом мѣстѣ наружность женщины и он без меня мог бы быть счастливым.»

Густая краска залила ее лицо: «Кажется, я ответственна... Для Андрея, повидимому, было большим ударом убедиться, что я попрежнему люблю Ваню. Не желая, я ввела мужа в заблуждение... Но как мог он предположить что я охладѣла к Ванѣ? Умолчав о своей любви, я щадила его чувства. Но я была права, когда ему сказала, что он мнѣ тоже дорог и когда упомянула о неуловимой перемѣнѣ, происшедшей в моем отношеніи к Ванѣ.»

Ирина задумалась на мгновение. «Моя любовь созрѣла.» Она искала в своем умѣ сильное выраженіе, чтобы опредѣлить свое душевное состояніе и, не найдя слов, прошептала: «Я люблю Ваню, как — жена его.»

Ее простые слова выражали много; эти слова говорили больше, чѣм высокопарныя фразы поэта или горячія изліянія и страстныя увѣренія иного влюбленнаго сердца.

ГЛАВА XXIII.

ПРІЯТНОЕ ОДИНОЧЕСТВО.

Ирина вызвала к себѣ Соколова. Он застал ее принимающую облатку от головной боли; она держала в лѣвой рукѣ стакан воды. Молодая женщина молча улыбнулась и, быстро проглотив лекарство, вынула из сумки записку Андрея. — «Пожалуйста, прочти,» попросила она. По ее глазам и голосу, он сообразил, что появились новыя для них осложненія. Сосредоточенно читая письмо Лароша, Ваня думал: «Нельзя угадать его намѣренія. Вѣдь он сам ее предупреждает, что не знает какое чувство в нем возьмет верх. Бѣдная Ирина!»

Соколов был встревожен, но не высказал ей свои опасенія.

«Я не дам даже мужу надругаться над Ириною! Не позволю ему мучить ее! Если жизнь Ирины под угрозой, то я защищу ее!»

Он прервал свои мысли, словами: «Ѣхать, так Ѣхать без промедленія. Я позабочусь о всем. Тебѣ не о чем беспокоиться.»

Его спокойный голос, радостный взгляд и веселая улыбка подбодрили молодую женщину, которая не могла не возвращаться думой к мужу.

— «Гдѣ он? Когда его увижу? Что мнѣ принесет возврат Андрея?»

Жалость к Ларошу брала верх над страхом за свою участь. — «Как он сейчас несчастен! Какая буря бушует в этой страдающей душе!» Ирина с Соколовым ѣхали обратно в «Старый Дом».

— «Какой добрый, уютный Ваня! С ним тепло, хорошо. И как мне с Ваней спокойно!»

У нея было чувство, как-будто они всегда жили вместе, что они были муж и жена

«Ваня все равно, что я сегодня вялая, что нос мой блестит и волосы растрепаны. Он все понимает и любит меня одинаково здоровой или больной, красивой или подурневшей. Для милого Вани я хороша без румян и бѣлил.»

Мигрень молодой женщины, несмотря на принятое ею перед отъѣздом лекарство, усилилось; и она была вынуждена лежать пластом, в своем отдѣленіи. Соколов не покидал Ирину, стараясь быть ей полезным: он тер одеколоном виски молодой женщины и мѣнял с ея лба высохшую примочку.

Головная боль уменьшилась; с улыбкой на губах она задремала, держа его за руку.

В «Старом Домѣ», Ирина поселилась в нетронутых нѣм покоях княгини; там она чувствовала себя менѣе одинокой; все в этих комнатах ей напоминало бабушку и няню.

На дворѣ стояла теплая пора; сад был полон цвѣтов. Лѣс манил в прохладную глушь и голосом своих пернатых жителей и шелестом молодых листьев и шумом хвои. Ядреный запах почвы и аромат ландышей носились в солнечном воздухѣ.

Ея ноги мягко ступали по бархатистому мху и скользким прошлогодним иглам. Молодая женщина возвращалась из лѣса домой, с руками полными цвѣтов. Напѣвая излюбленные пѣсни, она украшала ландышами свои комнаты. «Звѣзда», хотя и состарѣвшаяся, попрежнему была ея вѣрной спутницей в их прогулках по полям и лѣсам. Обыкновенно полковник Петров сопровождал Ирину во время верховой ѣзды. Возраст и репутація стараго офицера служили порукой даже в глазах щепетильных и острых на язычок. Свое свободное время она дѣлила между дѣтьми и стариками «Русскаго Поселка». Ирина преподавала в школѣ иностранные языки и брала дѣтей на прогулки в лѣс или на озеро; она читала вслух больным и раскладывала со старыми пасьянс. Молодая женщина была для «Русскаго Поселка» солнечным лучом.

Одно ея появленіе там уже было побѣдой; старые и малые одинаково обожали Ирину. Но для молодой женщины самое отрадное время дня была «Вечерняя Заря».

Когда на небѣ зажигались первыя звѣзды, замолкала жизнь в лѣсу и запах хвойных деревьев становился сильнѣй тогда, под пѣніе молитв и національнаго гимна, спускалось с мачты бѣлое с синим крестом знамя.*) Эта трогательная и торжественная церемонія часто вызывала у нея слезы умиленія. Она жила для этой сладостной минуты, и Соколов в тѣ яркія мгновенія был ближе к сердцу молодой женщины, чѣм в иные часы дня.»

— «Какой Ваня мужественный и красивый в военной формѣ!» — восторгалась им Ирина. Здоровая жизнь, наполненная полезными занятіями и трудом, благотворно дѣйствовала на молодых людей, а чистая совѣсть способствовала их бодрому настроенію. Но в этой деревенской обстановкѣ было и искушеніе. Земля звала; жизнь била в ней ключом; природа, в своем разнообразном проявленіи, предписывала человѣку свои законы.

«Здѣсь на изумрудном мху зеленого лѣса... закрыть глаза на все, кромѣ нашей любви. Как радостно было бы отдаться Ванѣ! — шевелились в ея умѣ затаенныя думы. Но сильнѣй голоса земли, звучали совѣсть и слова мужа: «Помните, что вы моя жена.» И она могла молитвою преодолѣвать грѣшныя желанія; в душѣ ей хотѣлось сохранить свою чистоту.

У отца Михаила Ирина часто бывала. И от нея священник узнал о размолвкѣ между женою и мужем.

— «Самое тяжелое — позади,» с участіем говорил он ей. «Все образуется; все будет к лучшему, знаю, что трудно вам, но вѣрю, что вы всѣ обряцете мир душевный. Господь поможет!»

— «Всѣ трое?» — удивлялась молодая женщина, не понимая, как может осуществиться такое предположеніе.

— «Не сомнѣвайтесь, дочь моя,» отвѣтил отец Михаил... Вы всѣ у меня — здѣсь,» указывая широким жестом на грудь, с задушевной улыбкой в глазах, добавлял он.

Холеная, верховая лошадь, блиставшая на солнцѣ свѣтло-сѣрой мастью, с вычесанным хвостом, гривой и холкой, нервно кусала удила, в ожиданіи своей хозяйки». — «Ни с кѣм несравнимая, старая моя красавица,» глядя морду кобылы и подавая ей на ладони сахар, говорила Ирина.

*) Андреевскій флаг русскаго Императорскаго флота.

С дѣтства, при видѣ осѣдланнаго коня, у ней приятно замирало сердце. И теперь, как и прежде, смотря на свою верховую лошадь, молодая женщина ощущала новый прилив веселой бодрости.

— «Какая благодать,» подумала она, быстрой птицей взвившись на спину кобылы: «Никто, сейчас не может испортить мое настроеніе.» — Но человекъ предполагает; он не располагает. И ее ждало, в очень скором времени, новое испытаніе.

Послѣ двухчасовой прогулки, Ирина рѣшила, чтобы не опаздывать к чаю Елены Александровны, сократить свой обратный путь. Взяв напрямик, через дуга, она вышла на торную дорогу «Русскаго Поселка.» Здѣсь кончались владѣнія Лароша; с этой стороны земля Андрея граничила с городским шоссе. На перекресткѣ двух путей, ведущих в город и в «Русскій Поселокъ» виднѣлся одинокій одноэтажный дом с садом и огородом; на деревянном крыльцѣ стояла средних лѣтъ миловидная женщина; ея глаза с интересом слѣдили за всадницей, подъѣзжавшей к одноэтажному дому.

— «Я изнываю от жажды, могли бы вы быть такой доброй и дать мнѣ стакан воды,» обратилась привѣтливо к незнакомкѣ Ирина.

— «С удовольствіем, г-жа Ларош. Прошу зайти ко мнѣ.»

— «Откуда вы меня знаете? Мы кажется с вами не встрѣчались,» удивилась молодая женщина.

— «Я видѣла ваши фотографіи. Вы жена Андрея Лароша, котораго я давно знаю.»

Пока Ирина отпускала на сѣдлѣ подпруги, незнакомка ей говорила: — «Я вас угощу ягодами из моего сада.»

Хозяйка ушла на кухню. Долгая ѣзда утомила Ирину; вытянув ноги, она усѣлась в удобное кресло; серебряныя шпоры на ея высоких сапогах пѣвуче забренчали; им несносно вторило жужжаніе мухи.

Убранство комнаты бросилось Иринѣ в глаза: среди дешевой безвкусицы были «des objets d'art» и рѣдкіе охотничьи трофеи.

— «Антикварная лавка, кабинет охотника и мѣщанское гнѣздо»... *) Какая смѣсь!» — не без благодушной ироніи, подумала она и спросила себя: «Но кто — эта особа?»

*) Ирина измѣнила наз. романа Тургенева «Дворянское гнѣздо». — Замѣтка автора.

— «Вам навѣрно интересно было бы знать у кого вы в гостях?», с жеманной усмѣшкой обратилась к ней, вернувшаяся из кухни хозяйка.

Ирина, выпрямившись в креслѣ и подобрав под себя ноги, улыбаясь молчала. «Вы, конечно, слышали обо мнѣ, Я — Эльза!»

— «Ах! Да. Так это — вы,» смущенно воскликнула молодая женщина. Она не знала, как продолжить начатый разговор; безпокойныя мысли носились у ней в головѣ: «Я разстроила ея жизнь. Может быть, она и была искренно привязана к Андрею... Как все вышло неудачно для нас обоих.»

— «Я вижу, что вам не нравится быть со мной. Я не рискнула бы пригласить вас к себѣ, если бы не мое убѣжденіе, что нам полезно ближе познакомиться.»

Для Ирины наступило неловкое молчаніе. Не дождавшись отвѣта, Эльза продолжала: «Андрей был у меня; он провел здѣсь ночь; бросив вас в Монреалѣ, он пріѣхал прямо ко мнѣ... Он рассказал многое.»

Багряная краска залила лицо молодой женщины.

— «Гдѣ теперь Андрей?» — тихо спросила она.

— «Он охотится в Африкѣ. Я на днях получила от него открытку.»

— «Пишет ли он о своем возвращеніи?»

— «Даже не упоминает. Я боюсь — на него нашла дурь. Он пьет, кутит, посѣщает притоны. Плохія женщины и азартныя игры его завлекли окончательно.»

— «Почему вы это предполагаете?»

— «Уѣзжая, Андрей мнѣ объявил, что одни сильныя ощущенія спасут его разум.»

— «Я — виновата,» опустив голову на грудь, прошептала Ирина.

— «Не жалѣйте его; он эгоист! Лучше подумайте о себѣ и господинѣ Соколовѣ! Зачѣм напрасно томиться? Кому какая польза от ваших страданій?» — с плохо скрываемыми досадой и осужденіем сказала Эльза.

— «Зачѣм она вмѣшивается не в свое дѣло?» мысленно вспылила молодая женщина. «Надо скорѣй отсюда убираться.» И не дотронувшись до угощеній, она встала с кресла. Протягивая хозяйкѣ руку, Ирина вымолвила с усиленіем: «Спасибо. Простите за безпокойство, Меня ждут друзья к чаю; я должна торопиться домой.»

Провожая глазами высокую фигуру случайной гостьи, Эльза недовольно пробурчала. — „Гордая и наивная.“

В ея голосъ слышалась зависть. Отъѣзжая шагом от ворот, Ирина махнула рукой на прощаніе; насмѣшливые слова полетѣли ей в догонку:

„У вас есть хорошій повод к разводу. Я могу вам пригодиться. Заѣзжайте со мной побесѣдовать в любой день.“

— „Я забыла подтянуть подпруги! Ничего; остановлюсь за поворотом дороги и поправлю сѣдло,“ подумала молодая женщина; до ея слуха назойливо доносились совѣты искусительницы: „Не теряйте время! Вы не можете проиграть суд! Вы станете свободной, если только захотите!“

Г Л А В А XXIV.

ВАНЯ, АНДРЕЙ, ОЛЬГА И ИРИНА.

Семнадцатаго іюля было печальным числом для „Русскаго Поселка.“ В этот день отец Михаил служил заупокойную обѣдню по замученной Царской Семьѣ. Стоя в церкви на колѣнях, Соколову приходили на ум отрывки из памятнаго приказа Императора Николая II.

— „В послѣдній раз обращаюсь к вам, горячо любимыя мною войска.“ (Я предпочел бы служить простым рядовым в Его арміи, чѣм быть у союзников генералом.) „Послѣ отреченія мною за себя и сына моего от Престола Россійскаго, власть перешла к Временному правительству по почину Государственной Думы возникшему.“ (Государь отказом от власти разсчитывал спасти страну от междуусобной смуты), „Да поможет ему Бог вести Россію по пути славы и благоденствія.“ (Временное правительство привело нас к позору). „Да поможет Бог и вам, доблестныя войска, отстоять нашу Родину от злого врага.“ (Русскій воин быстро забылъ завѣты Царя.) „Уж близится час, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками одним стремленіем к побѣдѣ, сломит послѣднее усиліе противника.“ (Прежніе соратники от нас тогда отвернулись. Друзья познаются в несчастьи). „Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот измѣнник Отечеству, его предатель,“ (Такія слова мог сказать лишь сильный духом человѣкъ!) „Помните, что всякое ослабленіе порядка службы, только на руку врагу.“ (Приказ номер 1 уничтожил дисциплину в арміи.) „Твердо вѣрю, что не угаснет в ваших сердцах безпредѣльная

любовь к нашей великой Родинѣ.“ (Только горячій патриот мог так думать!) Подернутые влажной пеленой глаза Соколова слѣдили за синеватой дымкой фиміама, струившагося из кадила священника. Как-будто с того свѣта доносились до Вани краткая, но горячая проповѣдь, посвященная памяти Царя-Мученика; эту проповѣдь отец Михаил заключил словами: «Сила — не в силѣ, а сила — в любви».

Ларошу, неутомимому охотнику и искателю рискованных приключеній, в концѣ концов, наскучили одинокія скитанія по африканским дебрям и грубыя наслажденія, которым он предавался в теченіе безцѣльных странствованій по населенным мѣстностям материка. Андрей понимал, что вернуться к Иринѣ было бы преждевременно; он сознавал, что в нем все еще господствовал звѣрь. Но думы сами собой возвращались к молодой женщинѣ. И Андрей мысленно переживал свое путешествіе с женой. Вспомнилась Ольга. Мысль на ней задержалась; ему захотѣлось написать другу Ирины. Но послѣдним звеном, в цѣпи его воспоминаній, был Манфредо. Желаніе отомстить гипнотизеру, чуть не погубившему его жену, захватило все существо Андрея.

Ольга, по письмам своей подруги, знала о бѣгствѣ Лароша. Эта серьезная размолвка сильно тревожила добрую дѣвушку. И теперь, получив извѣстіе от Лароша, она пришла к заключенію, что ей представляется случай помочь Иринѣ.

— «Я должна сдѣлать попытку его видѣть.»

На предложеніе Ольги встрѣтиться с нею в Неаполѣ, Андрей отвѣтил утвердительно.

Ларош с террасы гостиницы любовался знакомым видом неополитанской бухты. Ольга с участіем всматривалась в черты его лица. — «Мѣшки под глазами; сѣдые волосы; кожа морщинистая; ему всего только 45 лѣтъ, а держится он сутуловато.»

— «Я рад вас снова увидѣть,» говорил ей Андрей, пуская изо рта клубы дыма. — „Я тоже,“ отвѣчала она, и волнуясь добавила: „Мнѣ странно не видѣть с нами Ирину.“

Он сумрачно уставился тяжелым, невидящим взглядом на Везувій и молчал.

„Простите меня! Не сердитесь, пожалуйста; я тоже ваш друг. Я люблю вас обоих.“ Будучи чуткой, Ольга сознавала, что жалости к нему Ларош спокойно не вынесет.

— «Я стараюсь ее забыть. Вы, доброжелательная дѣвушка, не можете даже себѣ представить какими мѣрами мнѣ это удастся! Перед вами человѣкъ, добровольно окунувшійся в жизненный омут и порвавшій с прошлым лишь на краткое мгновеніе. Я покинул грязное дно, чтобы с вами встрѣтиться. Напоминать мнѣ о ней — жестоко и напрасно: Ирина отвѣтственна за мое паденіе.»

Он говорил безстрастно, не мѣняя свою позу в креслѣ, и ни один мускул не дрогнул на его загорѣлом лицѣ. Стальные глаза, которые прежде бывали и суровыми и добрыми, теперь поражали своею безжизненностью.

— «Напускное ко всему безразличіе,» думала Ольга. «Он опустился, но если пожелает, то может перемѣнить свою жизнь; это человѣкъ с волею.»

Вслух она быстро сказала: «Дайте Ирину свободу! Она любит Ваню. Он хороший. Это не увлеченіе, но настоящая любовь. Ирина очень несчастна! Каждый лишній день—пытка для вас троих.»

Замолкнувшая Ольга с безпокойством наблюдала за Ларошем.

— «Вы — правы!» — громко отвѣтил он, послѣ недолгаго раздумья,» но я не претендую на идеал мужчины, как нѣкто другой. Я хочу быть счастливым и считаю свое желаніе вполнѣ законным.»

Крупныя черты Андрея выражали ожесточеніе. «Я совершу насиліе! Я увезу Ирину с собой! Пускай она тоскует по нем; пускай сердце Ирины отдано другому; но зато ея молодое тѣло станет моим!»

В его голосѣ звучало злорадство.

«Поздняя, но заслуженная награда за семь лѣтъ терпѣнія и выдержки,» договорил он, и дрянная усмѣшка скривила его рот. Присутствіе Ольги не сдерживало нравственную развязанность Лароша, напротив ему доставляло наслажденіе язвить дѣвушку, глаза которой наполнились слезами огорченія и стыда.

— «В нем — много горечи! Во мнѣ он видитъ лишь друга Ирины.» Но мысли о той, с которой она была связана горячею дружбой, дали Ольгѣ новыя силы бороться за ея счастье.

«Я напомню вам тѣ странныя обстоятельства, которыми толкнули Ирину на рѣшеніе за вас выйти замуж,» тихо, но рѣшительно замѣтила она Андрею. «Мнѣ ясно теперь, что вы сыграли тогда двусмысленную роль. Ирина вам вѣрила и цѣнила вас,» не без ласковаго укора закончила дѣвушка, смотря на него грустно.

— «Вы не ошиблись в ваших предположеніях,» равнодушно согласился Ларош. «Мужчина способен из-за женщины не только на обман или кражу, но и на убійство.»

— «Я не добьюсь ничего от вас! Мнѣ тяжело быть с вами. Я не узнаю в вас прежняго Андрея,» порывисто вставая, объявила Ольга. «Прощайте», договорила она упавшим голосом; в нем звучали состраданіе и боль нѣжной души.

Ларош невозмутимо глядѣлъ, как Ольга спѣшной поступью удалялась от него. Торопливыя движенія были не свойственны ея выдержанной натурѣ. Красота дѣвушки не волновала Андрея, но привлекала своею одухотворенностью; и мысленно он сравнивал ее с сѣверным сіаніем. Тогда Ларош не захотѣлъ вернуть Ольгу, а когда на слѣдующій день он пожелал ее снова увидѣть, то было уже поздно: дѣвушка с первым поѣздом покинула Неаполь.

Стояло бабье лѣто. Солнце сильно припекало в полдень, но на тѣневой сторонѣ сада ощущалась осенняя свѣжесть. Лѣсъ одѣлся в багрово-желтые цвѣта; из них самые привлекательные были золотистые тона березовой листвы. Эта очаровательная пора застала молодую женщину в сильном смятеніи; приход осени принес ей вѣсть от мужа; Ларош писал женѣ о своем скором пріѣздѣ в «Старый Дом.» Сѣмья разлада в самой себѣ, брошенное словами Эльзы в душу Ирины, начинало пускать блѣдные ростки, которые, хотя и произрастали в тѣни, все же не могли оставаться незамѣченными молодой женщиной.

— «Возвращеніе Андрея принесет одно только горе,» думала она безсонными ночами, соединяя в мечтах свое будущее с Ваней. «Я могла бы на Андрея подать в суд. С точки зрѣнія любого адвоката, я имѣю очевидный к этому повод: он меня бросил и измѣнил мнѣ с Эльзой. Жизнь его в Африкѣ ниже всякой критики и, без сомнѣнія, подвержена общей огласкѣ.» И эти мечтанія о свободѣ были ей пріятны. «Я могла бы уже теперь перебраться жить в город. Если начать с ним судиться сейчас, то его пріѣзд перестанет мнѣ быть страшным. Я должна попросить Елену Александровну поселиться со мной в городѣ; в будущем году я смогла бы уже выйти замуж за Ваню.»

Но с наступленіем дня Иринѣ становилось стыдно от своих дум.

— «Я принуждена дожидаться Андрея. Нельзя за его

спиной начинать против него дѣло! Тѣм болѣе, что часть вины падает и на меня самое... Бабушка не одобрила бы такое малодушіе своей внучки!» Она не считала себя вправѣ с кѣм бы то ни было дѣлиться своими размышленіями и оставалась в одиночествѣ с этими, то мучительными, то соблазнительными мыслями. Но душевный разлад с самой собой покинул Ирину, как только она пришла к опредѣленному рѣшенію: дожидаться в «Старом Домѣ» мужа. Все же—молодая женщина, от ожиданія неминуемой развязки, худѣла, блѣднѣла и нервничала.

Г Л А В А Х Х V .

ХОЗЯИН «СТАРАГО ДОМА».

Был день Ангела покойной княгини. Внучка умом и сердцем была с бабушкой: то—в особнякѣ на набережной широкой Невы, то — в имѣніи у порогов Днѣпра, то — на чердакѣ бѣднаго дома на черноморском побережьи, то — в трюмѣ англійскаго судна, увозившаго бѣженцев из Красной Россіи.

Солнце достигло своего зенита. Ирина сидѣла в лодкѣ на озерѣ. В своем уединеніи, она охотно предавалась горько-сладостным воспоминаніям, мягко теребившим ея душу. Выплыв на середину озера, молодая женщина перестала грести. Теченіе подхватило ладью и плавно понесло ее к противоположному берегу, замкнутому прибрежными зарослями. Ирина очулась от своих мыслей тогда, когда дно лодки заскребло о песчаное дно. Все, кромѣ яснаго неба, закрывалось от ея взора высокими камышами, пушистыя головки которых ласково шелестѣли над нею.

— «Hallo, Ирина!» — раздался поблизости голос, от котораго дрожь пробѣжала по спинному хребту молодой женщины. Без движеній, без сил отвѣтить, как приговоренная к казни, как жертва, увидѣвшая палача, она молчала. Одно лишь шуршаніе стеблей и листьев нарушало беззвучіе полдня. — «Вот он, твой законный повелитель! Ослушаться его ты не посмѣешь, ибо боишься своего мужа!» — мучительно стучало на всѣ лады в ея висках...

Сумерки окутали «Старый Дом»; день клонился к ночи; в саду и в домѣ стояла тишина. В кабинетѣ Лароша было уютно; в каминѣ весело потрескивали сухія дрова, бросавшія лучи тепла и свѣта. Ирина и Андрей сидѣли на диванѣ; его правая рука обнимала за плечи

жену, ея голова покоилась на груди мужа. Ларош не отрывал глаз от лица молодой женщины; видно было, что он соскучился по ней. Просто, без прикрас, Андрей рассказывал Иринѣ о своей жизни. Начал он издалека, со своего дѣтства.

— «Во мнѣ, еще с ранней молодости, боролись двѣ природы: порядка и дисциплины, разгула и своеволия. Постепенно — воспитаніе, серьезное чтеніе, культурное общество, выдвигало первое и подавляло второе. Но сильныя ощущенія разрушали преграды, воздвигавшіяся цивилизаціей, и тогда — звѣрь побѣждал человѣка. Богатство меня избаловало; почти всѣ мои желанія увѣнчивались успѣхом. Ваше сопротивленіе стать моей неувѣстой, лишь утверждало во мнѣ намѣреніе добиться своего во что бы то ни стало. И я пошел на низость! В оправданіе скажу, что мучился тогда и потом. Мнѣ и теперь стыдно вспоминать свой подлый поступок!...»

Взгляд Лароша устремился на яркое пламя камина; она положила руку на его колѣно; трогательная улыбка появилась на ея лицѣ. Какая женщина не простит мужчине вину, совершенную ради любви к ней?...

«Я вѣрил,» продолжал он свою исповѣдь, «что и мѣсяц не успѣет пройти, как вы полюбите меня настолько, что согласитесь стать матерью, но я ошибся в своем расчетѣ; вы были еще слишком молоды, хотя ваша неувѣренная ласка и дѣтская нѣжность сулили мнѣ полноту счастья. Меня трогала ваша стыдливость и часто раздражала ваша наивность, но я никогда не обидѣл-бы ребенка, каким вы были для меня до нашего драматическаго разговора, происшедшаго послѣ бала. Считаю вас тогда единственной виновницей своих страданій, я намѣревался отомстить вам жестоко; я понял в тѣ минуты сладость мщенія. С этих пор началось мое мученіе: ревность завладѣла всѣм моим существом.»

Андрей снова перенес свой взор на молодую женщину. «Раз вы спросили меня: люблю ли я вас попрежнему сильно? Но не получили от меня отвѣта: я должен был умолчать, боясь испугать вас своим признаніем, что вы стали для меня самой жизнью! В ваших глазах я не замѣчал ни прежней довѣрчивости, ни сочувствія, ни дружелюбія. Вы дѣлались чуждой и враждебной, когда случайно ловили на себѣ мой взгляд.»

— „Ваши глаза меня тревожили. Я боялась их,» прошептала она, «и свой испуг я выражала неприязнью к вам.“

— «Когда вы мнѣ сознались, что влюбились в Соколова, тогда я стал настоящим тираном. Вы терпѣливо переносили мое властное с вами обращеніе. Помните, я испугал вас исторіей моих предков?» Ирина в знак согласія кивнула ему головой. «Мой рассказ произвел на вас яркое впечатленіе и я злорадствовал... Вы навѣрно болѣе не посѣщали алтарный курган?» — спросил он ее.

— «О нѣтъ! Я страшилась этого мѣста!» — воскликнула она и добавила тихо, «и вас — тоже.»

Нѣжно взяв ее руку, Ларош рассказывал дальше. — «Я прочел ваш дневник, вѣрнѣй—нѣсколько слов из него: «я люблю его сильнѣе прежняго,» И на меня напало безуміе; оно заставило меня ворваться ночью в вашу спальню, но когда вы, посмотрѣвъ на меня привѣтливо, заговорили о покойной княгинѣ, то настроеніе мое измѣнилось, и я не тронул вас.»

— «Мой сон был настолько ясен, что, проснувшись, я ощутила близость бабушки,» с волненіем замѣтила молодая женщина.

— «Я одобрил план отца Михаила из убѣжденія, что не пройдет и года, как вы охладѣете к Ванѣ; я не хотѣл считать вашу любовь за серьезное чувство... Сцена на озерѣ, гдѣ я чуть-чуть не убил безоружнаго чело-вѣка, долго преслѣдовала меня поздним раскаяніем. Против своего желанія, я признал Соколова достойным вашей любви. Если бы я не был вашим мужем, то похвалил бы ваш выбор.»

С благодарной улыбкой и пожав его пальцы, она сказала: «Худшую жену, чѣм я была для вас, трудно было бы найти.» Ирина повернулась к нему лицом; ея влажные глаза встрѣтились с его взглядом. Не то вздох, не то отрицаніе вырвалось из его груди.

— «Дитя мое! Вы ошибаетесь. Я не сожалею, 15 октября 1921 года был счастливым днем для меня.»

— «Вы удивительный чело-вѣкъ,» объявила она Андрею.

— «Но вернемся к „нашему роману“, пошутил он. «В Біаррицѣ наша жизнь протекла без семейных сцен; ваше бѣгство в Мадрид было для меня совершенной неожиданностью. Я не предполагал в вас столько прыти.» Его губы сложились в добродушную усмѣшку. Молодая женщина виновато улынулась, но глаза ея шаловливо сверкнули.

— «Если моя рѣшимость вас удивляла, то меня она пугала; за всю мою жизнь мнѣ лишь раз пришлось путешествовать одной — из Венеціи в Геную.»

— «Собираясь драться на дуэли с Альфонсо, я понимал всю тщетность моего поступка и, повторяя слова одного французского депутата, бессознательно искал в вас опору,» снова вспоминал Ларош давно минувшія происшествія; — «Если бы тогда я отдавала себѣ отчет какое для вас имѣло значеніе та фраза, то я отвѣтила бы вам иначе в данном случаѣ: *«il vaut mieux être un „chinois“ vivant qu'un „français“ mort.»**)

Взор Ирины весело блеснул: *«Je ne suis pas une femme fatale,»**)* но вы безусловно—человѣкъ крайности.» Вмѣсто отвѣта—муж усмѣхнулся.

— «Но возвращаясь к пресловутому французу,» продолжала она, «я скажу, переиначив его мысль на свой: лучше быть умершим христіанином, чѣм живущим безбожником... Не правда ли?»

— «Пожалуй, да,» неопредѣленно согласился он.

— «И, конечно, под названіем христіанина подразумевается лишь тот, кто признает Спасителя за Бога,» проникновенно заключила молодая женщина.—«Не слишком ли это узкій взгляд?»

— «Единственный—для вѣрующаго! Вѣдь Сам Христос сказал, что всѣ тѣ, которые не считают Его за Сына Божія, суть лже-пророки!» — с чувством утверждала она. — «Вы все больше начинаете походить на Ольгу,» не то похвалил, не то осудил он ее за нравственное сходство с их другом. Они нѣкоторое время молчали. «Увозя вас из Европы, — таким вѣроломным способом,» вернулся опять к своему повѣствованію Андрей, «я рассчитывал отвлечь вас от мыслей о Соколовѣ, заставить забыть его. И замѣчая, что эти мѣры не приближали вас ко мнѣ, я жалѣл, что не жил в эпоху Карла Пятаго, что не мог употребить пріем рыцаря-разбойника.»

— «Вы забываете,» в замѣчаніи молодой женщины звучал ласковый упрек, «что вы принудили меня за вас выйти замуж, что без моего одобренія возили меня много лѣтъ по земному шару, что усыпляли меня, когда не желали открыто перечить мнѣ.» — И она досказала с милой насмѣшливостью: «Мнѣ бросается в глаза ваше сходство с мавританским предком, который, без сомнѣнія, был весьма интересным человѣком.» Глаза Лароша с жалостью на нее смотрѣли.

*) Лучше быть живым «китайцем», чѣм мертвым «французом».

**) Я не фатальная женщина, — Зам. автора.

— «Вы правы, я во многом ему не уступал.» И послѣ недолгого молчанія он спросил: «Видѣли ли вы балет Нижинскаго?» «L'après-midi du Faun.»

— «Нѣтъ.»

— «Конечно, вы были слишком молоды... В нем изображалась неудовлетворенная страсть фавна к нимфѣ... Я переживал ту же страсть при видѣ оставленных вами на столѣ или креслѣ перчаток, забытых вами носовых платков; я ощущал все то же чувство от запаха ваших духов, в покинутых вами комнатах, от звука вашего голоса или доносившихся до моего слуха ваших шагов и несшагося ко мнѣ вашего легкаго смѣха.» Андрей умолк. Ирина со смущеніем устремила взор в колеблющіеся языки пламени. Он вновь заговорил: «Во время наших странствованій—мое присутствіе или существованіе возлѣ вас, в ваших глазах стало необходимым злом. Вы привыкали ко мнѣ и переставали мною тяготиться. Вы отвыкали от прежних друзей и не успѣвали приобрѣтать новых. Я был, по своему, доволен и, увы, полон надежд... Когда вы уѣхали на свадьбу брата, то ошеломили меня своею рѣшимостью. Восхищаясь вами, я вас ненавидѣл. Если вы спросите меня, что дѣлал я, кого встрѣчал, гдѣ слонялся, оставшись один, то я принужден буду вам сознаться, что ничего не помню из моего одиночнаго пребыванія в Японіи. Напротив, обратное путешествіе в Европу врѣзалось в мою память. Вѣдь всякая задержка в пути могла бы быть для меня непоправимой случайностью: вы были при смерти. Я ожил нравственно лишь тогда, когда получил от Ольги успокоительныя вѣсти.»

— «С вашим приѣздом я почувствовала, что кончилось преслѣдованіе Манфредо. Ваше присутствіе защищало меня от опаснаго оккультиста и мнѣ сдѣлалось легко на сердцѣ,» с возбужденіем вставила она свое замѣчаніе.

— «Ваше полное выздоровленіе завершилось на Мадерѣ; жизнь там была для меня хорошим временем,» улынулся женѣ муж.

— «Я с удовольствіем вспоминаю наше пребываніе на Мадерѣ; у меня никогда, за годы наших скитаній, не было так спокойно на душѣ,» с живостью согласилась она. Перенося опять свой взор на огонь в каминѣ, Андрей продолжал: «Но для меня так и осталось загадкой значеніе одной вашей фразы, сказанной вами весной, когда мы сидѣли лунной ночью у моря: произошла неуловимая перемѣна в моем отношеніи к Ванѣ; когда и

как это случилось — не знаю; я сама стала другой; пять лѣтъ тому назад я еще была ребенком и не могла... Вы мнѣ тоже дороги.»

Молодая женщина в замѣшательствѣ опустила голову; заплетая в косичку бахромѣ испанской шали, она безмолствовала.

«Эти слова подняли меня тогда на «седьмое небо». Но как болѣзненно было паденіе с такой высоты,» — досказал он тихо;

— «Я ужасно виновата перед вами!» — с волненіем проговорила Ирина. «Я намѣревалась сказать вам правду, что не могла так глубоко любить Ваню в 19 лѣтъ, как любила его с годами. Но огорчить вас мнѣ было больно; я оборвала мое признаніе на полусловѣ!»

— «Послѣ стольких лѣтъ совмѣстной жизни, я должен был бы знать, что состраданіе свойственно вашему характеру.» — В его словах звучали не то похвала, не то укор, не то насмѣшка.

— «Я заслужила ваш упрек,» в ея взорѣ свѣтилась ласка. «Но мои слова, «вы мнѣ тоже дороги,» были правдивы и, как мнѣ казалось, ясны.»

«Я понимаю теперь, что именно вы хотѣли тогда выразить,» замѣтил Андрей спокойно, нѣжно прижимая жену к своей груди...

Муж поднялся с дивана, встав спиною к камину и лицом к Иринѣ: «Я прихожу теперь к концу моего повѣствованія.»

«В Монреалѣ меня ждало послѣднее испытаніе; я перенес его с трудом. Я устроил вашу встрѣчу с Соколовым и незамѣтно слѣдил за вами в полу-отворенную дверь гостиной. Не ожидая увидѣть то, что представилось моим глазам, я был смертельно ранен! Выбѣжав из гостиницы без пальто и шляпы, я пробродил нѣсколько часов по городу, ничего не замѣчая, ничего не слыша. Это были, пожалуй, самыя тяжелыя минуты в моей жизни; и я принужден на них остановиться. Вернувшись ночью к вам, я нашел вас сладко спящей. Вы были так соблазнительно хороши, что я не утерпѣл вас поцѣловать. Не скрою от вас: вы были близки к смерти, в эту глухую ночь. Безнадежная страсть родила сперва ненависть, затѣм-желаніе мести. Ваш крѣпкій сон был вашим спасеніем!» В его голосѣ послышалась хрипота.

Встрепенувшись, она сказала просто: «Я заснула от усталости и безпокойства. Волненія дня меня утомили.»

— «Если бы вы тогда проснулись и я прочел бы в вашем выразительном взглядѣ испуг или непріязнь, то ничто не спасло бы ни вас, ни меня от гибели,» глухо отвѣтил он.

Молодая женщина закрыла глаза; голова ея откинулась на спинку дивана; из под густых рѣсниц пробивались медленные слезы и очертаніе рта стало печальным.

«Во снѣ вы выглядѣли такой невинной, такой свѣтлой и счастливой, что во мнѣ проснулось состраданіе: оно оправдывало вас в моих глазах,» с трудом выговорил Андрей.

Он заложил руки в карманы и переступил с ноги на ногу. «Оставив вам записку, я ушел. Покинув вас, я потерял сдерживающее начало!»

Она украдкой вытирала платком свои мокрыя щеки. Дрова догорали. Ларош подбросил в огонь полѣно и, не оборачиваясь к Иринѣ, сказал громко: „Я вернулся, чтобы сообщить вам свое рѣшеніе.“

Она вопросительно на него взглянула; ея сердце бойко забилося. „Из уст самой Эльзы, вы знаете, кого зовут этим именем, я услышал, что она увѣдомила об одной ночи, проведенной со мной. Я видѣл ее совсѣм недавно, перед тѣм, чтобы пріѣхать в «Старый Дом». Служанка Эльзы предупредила меня письменно, что ея хозяйка замышляет уговорить вас подать на меня в суд; благодаря этим свѣдѣніям я имѣл возможность заставить Эльзу сознаться в том, что она соблазняла вас начать против меня судебное дѣло.»

И повернувшись к молодой женщинѣ лицом, он договорил с отеческой улыбкой: «Вы свободны!...»

Ему отвѣтом было ея глухое рыданіе; уткнувшись головой в угол дивана, она лила слезы восторга и благодарности. Дав ей выплакаться, Андрей ласково спросил: «Развѣ от радости плачут?»

— «Так долго ждала этот день... мнѣ просто не вѣрится в такое счастье,» прерывающимся голосом и с усилием вымолвила Ирина.

Г Л А В А ХХVІ.

ПОЛНОЕ СОГЛАСІЕ МЕЖДУ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ.

— «Как встрѣтил вас отец Михаил?» — спросила на слѣдующій день жена мужа. Они гуляли по старому саду, разукрашенному в пунцово-золотистое одѣяніе осени.

— «Он не был удивлен ни меня видѣть, ни моему желанію развестись с вами,» добродушно усмѣхнулся он.

— «Срок нашего искуса не кончился! Неужели отец Михаил согласился на вашу просьбу?» — удивилась она.

— «Да. Он общал сам хлопотать о церковном разводѣ.» Ирина подавила в себѣ радостное восклицаніе и застѣнчиво спросила: «Скажите, пожалуйста, что привело вас к этому рѣшенію?»

— «Ваш вѣрный друг сыграл немаловажную роль в нашем дѣлѣ. В бытность мою в Африкѣ, я вспомнил о докторѣ-гипнотизерѣ. Мысли от него перенеслись к Ольгѣ. Я намѣтил себѣ в первую очередь отомстить Ланчіо, во вторую — навѣстить вашу подругу.»

— «Вы убили Манфредо?» в волненіи воскликнула она.

— «Нѣтъ. К несчастью, я опоздал. Он сошел с ума на оккультизмѣ, вскорѣ послѣ своего возвращенія из Італіи в Африку.»

Молодая женщина с интересом слушала мужа. Ирина не обманывала себя и сознавала, что еще не вполне справилась со своей боязнью к магнетизеру.

— «Теперь он безопасен,» замѣтила она голосом, в котором звучало облегченіе.

— «Да. Он никому болѣе не принесет вреда,» согласился Андрей. «Мои поиски привели меня в самую глушь Эритреи. Я отыскал помѣстье Ланчіо и был в его домѣ. То, что я там увидѣлъ, заставило даже меня возмутиться.»

И припомнились молодой женщинѣ слова безумнаго оккультиста: «Я окружил бы тебя, мою избранницу, невольниками, исполняющими каждую прихоть своей госпожи. Я посвятил бы тебя, мою царицу, в тайны природы. Мы стали бы богами!»

От этих мыслей она содрогнулась и вслух подумала: «Гдѣ он теперь?»

— «Однажды в новолуніе, этот сумасшедшій сбросился на землю с крыши своего дома, гдѣ постоянно устраивал отвратительныя оргіи,» равнодушно отвѣтил муж.—Манфредо считал себя существом «четвертаго измѣренія», живо вставила свое поясненіе жена.

— «Ланчіо разбился на смерть.» В замѣчаніи Лароша была сухость.

— «Несчастный!» — в ея негромком возгласѣ слышалось искреннее сожалѣніе.

— «Я встрѣтился с Ольгой в Неаполѣ. И до того возмутил ее своим поведеніем, что она вернулась в Рим, не простившись со мной. Вы были причиной нашей ссоры,» продолжал он рассказывать.

— «Ольга—душка,» тихо разсмѣялась молодая женщина. «Разочароваться в ней невозможно... И если она на вас разсердилась, то значит вы были не правы.» Шаловливая улыбка заиграла на ея лицѣ.

— «Я пришел к такому же мнѣнію и, порвав с прежней жизнью, уѣхал в Испанію к Альда... Тереза, с которой я впервые посоветовался, горячо просила меня о том же самом, что и Ольга.»

— «Тереза тоже наш вѣрный друг!» — воскликнула она. «Сколько безпокойства я всѣм вам причинила!» — в ея послѣднем восклицаніи звучало огорченіе. — «Чтобы рѣшиться на что нибудь окончательное, я прежде хотѣл убѣдиться в невинности моей жены. Я написал г-жѣ Соколовой, прося ее правдиво сообщить мнѣ о вашей жизни. Я вѣрно угадал эту хорошую женщину, которая, даже ради сына, не смогла бы солгать! Ваша будущая свекровь мнѣ возмущенно отвѣтила, что доносами никогда не занималась и что ей рѣшительно не нравится мое порученіе. Но, из чувства честности и справедливости, г-жа Соколова увѣдомляла меня, что моя жена — внѣ подозрѣнія.»Ирина ему застѣнчиво улыбнулась. «Пребываніе в «Орлином Гнѣздѣ» освѣжило меня морально. Я мог безпристрастно обдумать наше положеніе. И как ни странно, пришел я к опредѣленному рѣшенію между развалинами разбойничьяго замка. Там, среди его стѣн, казавшихся мнѣ обгавленными кровью, прелитою моим легендарным предком, я дал себѣ зарок уступить вас Соколову. Лишь только я добровольно отказался от вас, как почувствовал, что безумная страсть к вам замѣнилась во мнѣ любовью отца... Дочь моя!» Андрей умолк. Молодая женщина остановилась у плакучей березы. Пахло прѣлой землей, свѣтлая кора дерева бѣлѣла промеж

золотистой листвы. Легко проведя указательным пальцем по сѣровато-бѣлому стволу, она проронила: «Когда мы встрѣтились с вами на озерѣ, то я прочла в вашем взглядѣ происшедшую перемѣну. И тогда страх мой прошел.»

— «Вы выглядѣли овечкой, повстрѣчавшей волка», отвѣтил он, прижимая ея голову к своему плечу.

— «Я так полюбила вас... Мнѣ ужасно грустно с вами разставаться, мой милый друг. Я безконечно благодарно вам!» Эти слова, звучащія слезами, ласкали слух. Ирина и Андрей стояли под сѣнью плакучей березы...

Вечер снова застал их в кабинетѣ Лароша. — «Как здѣсь уютно,» тихо замѣтила молодая женщина.

— «Да. Я люблю „Старый Дом“ и хочу приближающуюся старость провести в своем родовом имѣнии. С годами, тѣ, которые уже ушли, унося с собою частицу моей жизни, становятся мнѣ ближе, дороже. Я научился понимать их: они приобрѣли для меня значеніе.»

Опять их взоры притягивало яркое пламя.

„Вблизи от вас и вашей будущей семьи, мнѣ будет хорошо. Я устал нравственно,“ добавил он со вздохом. „В этом я никому, кромѣ вас, не признаюсь. Мнѣ не стыдно говорить вам о моей слабости; вам извѣстны мои недостатки.“

— „Я вижу в вас одни качества!“ — горячо возразила она. Андрей улыбнулся: „Хвалить меня не за что.“

— „Мой друг! Что давало вам силы терпѣть свое невыносимое положеніе? Я знаю теперь, как много оно должно было вам стоить!“ — вырвалось у ней признаніе.

— „Разныя чувства держали моего „звѣря“ на цѣпи: сознаніе вины перед вами, боязнь вас потерять, чрезмерное самолюбіе, страх унизиться в ваших глазах.“ Взглянув на жену, он досказал свои думы: „Не правда ли, хотя вы меня временами не любили, даже ненавидѣли, все же вы никогда не презирали своего мужа.“

— „В началѣ, я никого из мужчин так не цѣнила, как вас; потом — жалѣла. Судить я вас не могла; я не имѣла права бросить в вас камень. Вдумываясь в наше положеніе, я приходила к сознанію, что отвѣтственность за многое падала на меня самое.“ Ея душевное возбужденіе сказывалось в пылающих щеках и блестящем взорѣ.

— „Жалѣете ли вы потерянные годы? Будьте, пожалуйста, откровенны со мной.“ В его вопросѣ звучало безпокойство.

«Le mariage blanc» принес мнѣ пользу,» с убѣжденіем отвѣтила молодая женжина.

— «Мнѣ — тоже,» сознался Ларош, пожимая ея руку. Огонь камина играл в глазах Ирины и Андрея, задумчиво смотрѣвших на желтое пламя. Их души умолкли: между ними все было сказано...

Г Л А В А XXVII.

С Ч А С Т Л И В Ы Й В А Н Я.

Ирина двое суток не показывалась в «Русском Поселкѣ.» Это обстоятельство смущало мужественное сердце Вани; он знал от отца Михаила о возвращеніи Лароша. Священник, не подавая надежду молодому человѣку, успокаивал его такими словами: «Я говорил с ним. Он здѣсь пробудет не долго. Должен опять уѣхать по своим дѣлам. Не безпокойся за нее. Молись, мой сын!»

На третій день Соколов, не вытерпѣвъ своего томленія, быстро шагал из «Поселка» к «Старому Дому.» Сдѣлать пѣшком нѣсколько миль не представляло затрудненія для закаленного физически молодого человѣка. Когда, вдали, между верхушками деревьев, выступили крыши «Старого Дома», теперь только он остановился, чтобы передохнуть.

— «Сколько лѣтъ я не был здѣсь!»—воскликнул Ваня в душѣ своей. «Что скажет мнѣ Ирина? Она все понимает! Моя дорогая—такая чуткая, такая...» И, не найдя подходящій эпитет для яркаго выраженія своего восхищенія, он снова зашагал к дому.

Прихожая была пуста и, не встрѣтив никого из прислуги, Соколов пошел искать свой идеал женщины по пустынным покоям замка...

Проводив Лароша, Ирина прошла в библіотеку. Встав на лѣстницу, она достала с верхней полки книгу для Елены Александровны; ея думы были о Ванѣ: «Бѣдный. Безпокойся. Сейчас поѣду в «Русскій Поселок». Как он будет счастлив!»

Рот молодой женщины невольно улыбался, ея взгляд сиял. И она не могла, даже если бы этого захотѣла, прогнать со своих губ эту радостную улыбку или притушить этот свѣтъ в своих глазах.

— «Ирина! Наконец то я нашел тебя!» Этот голос, в котором звучали и радость и тревога, заставил ее порывисто обернуться.

— «Ваня, милый, я — твоя неvěста!» В восклицаніи молодой женщины была необычайная ласка.

Они ѣхали к «Поселку»; жених нѣжно упрекал свою неvěсту.

— «Отчего ты меня напрасно мучила 2 дня? Вѣдь, ты сразу от мужа узнала, что он согласился на развод?»

Она, с шаловливо-милрой усмѣшкой, защищалась от ласковых нападокъ.

— «Во первых, я ждала согласія отца Михаила хлопотать о церковномъ разводѣ. Во вторых, я избѣгала все то, что могло отвлечь меня от мужа и помѣшать нам покойно провести вмѣстѣ послѣдніе часы».

И серьезно молодая женщина договорила свои мысли: «Полюбив тебя, я поняла через какія пытки прошел из-за меня Андрей!»

В тот же день она послала три телеграммы: Василю, Ольгѣ и Альфонсу. В послѣдней стояло: «Цвѣты благополучно пересажены в глиняный горшок четвертаго.»

— о —

Священник угощал чаем жениха и неvěсту; он сердечно говорил им: «Заслужили. Господь простит и благословит ваш брак.»

Свой первый вечер жених и неvěста провели на озерѣ, в лодкѣ. Их счастье выражалось то торжественным безмолвіем, то нѣжным шопотом, то ласкою во взорѣ и словах. И у Вани избыток чувств вылился в пѣснь любви:

Снился мнѣ сад
В подвѣнечном уборѣ,
В этом саду мы — вдвоем,
Звѣзды — на небѣ
Звѣзды — на морѣ,
Звѣзды — и в сердцѣ моем.»

Вода отражала звѣздную высь: казалось — небеса сошли на землю и лодка плыла в воздушном безбрежном пространствѣ.

ГЛАВА XXVIII.

Д В Ъ С В А Д Ъ Б Ы .

Ларош остановился в Римѣ, в той самой гостиницѣ, гдѣ 9 лѣтъ тому назад, Ирина приняла его предложеніе фиктивного брака. Многое в Римѣ говорило ему о молодой женщинѣ, но в этих воспоминаніях не было горечи. Напротив, свое прошлое он разсматривал отвлеченно, и мысли о ней вызывали одну лишь улыбку. В день своего приѣзда, Андрей поджидал гостью. Загорѣлый цвѣтъ лица

и бодрый взгляд сѣрых глаз замѣтно молодили его. Когда Ольга вошла в Grand Hotel, гдѣ в приемной ее встрѣтил Ларош, она сразу обратила вниманіе на перемѣну, происшедшую в его наружности.

— «Я рада, что вы так хорошо разстались с Ириной. Она — душка!» — Говорила дѣвушка Ларошу, внимательно выслушав его рассказ о событіях, послѣдовавших послѣ их встрѣчи в Неаполѣ.

— «Этот ребенок научил меня многому. Теперь без страха за меня можно выйти замуж,» усмѣхнулся он, смотря на нее с новым интересом.

— «У вас отличный вид,» одобрительно замѣтила она, встрѣтившись с ним глазами. — «Какіе же ваши дальнѣйшіе планы? Боюсь, что скучно будет вам жить, вдали от нея.

— «Я не намѣреваюсь покинуть „Старый Дом.“ Ирина пока живет с г-жей Соколовой. Ваня переѣхал к священнику. Ко дню их свадьбы я построю им дом в «Русском Поселкѣ» и подарю ей прилегающія к нему земли.»

— «Ваша щедрость — трогательна!» обрадовалась дѣвушка.

— «Я лишь исполняю по отношенію к ней свою обязанность. Ирина будет обеспечена, так как послѣ развода станет получать от меня пенсію.»

— «Я вполне теперь спокойна за нее,» отвѣтила Ольга; задушевная улыбка засвѣтилась в ея глазах.

— «Много мы горя друг другу причинили. Но Ирина, по добротѣ своей, мнѣ простила. И передо мной, отступившим на второстепенный план сцены, рельефно выступают одни лишь радостные эпизоды нашей жизни.»

— «Ваше положеніе было самое трудное; и мнѣ особенно вас было жаль.»

— «Спасибо вам за добрыя слова,» поблагодарил Андрей, пытливо вглядываясь в нее. «Хотя я прежде и не интересовался вами, как женщиной, но вы мнѣ всегда нравились, как человек.»

От его замѣчанія блѣдный румянец появился на лицѣ «старой дѣвы»

«Прошу вас,» продолжал он спокойно, «сдѣлайте мнѣ честь стать моей женой.»

— «Мнѣ уже 35 лѣтъ! Я давно перестала помышлять о свадьбѣ,» возразила она, сильно смутившись.

— «Между нами только десять лѣтъ; хорошая разница в годах.»

— „Такая свадьба произведет отрицательное впечатлѣніе на моих родителей. Вѣдь Ирина — мой лучший друг!“ — не без волненія объявила ему Ольга.

— „Вы расскажите им о „*marriage blanc*“; я думаю они ничего предосудительнаго не найдут в вашем поступкѣ,“ настаивал Ларош. Она погрузилась в раздумѣ.

— „Ольга! Не отказывайте мнѣ. Вы помогли мнѣ опомниться. Вы одна можете удержать меня от новаго паденія.“ Он напирал особенно на послѣднюю свою фразу.

— „Вы умышленно пугаете меня!“ — тихо воскликнула она.

— „Безцѣльная жизнь толкает человѣка на пустыя и вредныя для него развлечения.“

— „Моральная растрата духовных цѣнностей — большое несчастье,“ с чувством проронила дѣвушка.

— „Русская женщина, говорят, если пожелает—то полюбит,“ с сердечной улыбкою замѣтил Андрей и, взявъ ее за руку, заключил: „Я могу надѣяться, что вы примете мое предложеніе.“ Она промолчала, но ея голубые глаза выразили ему свое согласіе.

— о —

Для дѣйствующих лиц этого романа наступила снова весна. И в церкви, когда то построенной Ларошем для старой княгини, вѣнчалась с Соколовым ея внучка. Бракосочетаніе Андрея с Ольгой состоялось немного позднѣй в Европѣ. Донна Тереза и Альда присутствовали на обѣих свадьбах.

Для внимательнаго маркиза было очевидно отрицательное отношеніе сосѣдей „Стараго Дома“ к его любимцѣ. Прямые слова и намеки канадцев не скрывали их осужденія. Находчивый испанец, чтобы пресѣчь в корнѣ эти нареканія и пересуды, ознакомил сосѣдей с романтической исторіей Лароша, рассказав им про „бѣлую свадьбу.“ Альда выставлял Андрея и Ваню рыцарями чести, равными знаменитому Байарду,*) а Ирину называл современной Пенелопой и Гризельдой, которая не уступала им ни цѣломудріем, ни высотой духа.

Вышеупомянутыя жены, сравниваемыя с нашей героиней, были олицетвореніем супружеской вѣрности и давно вошли в литературу, как хранительницы семейнаго очага. Но это пристрастіе к Иринѣ осталось незамѣченным для канадскаго „свѣта“.

*) 1473-1524, франц. военноподполковник, прозванный своими современниками «Рыцарь без страха и упрека». — Зам. автора.

Московская боярыня

Вѣроятно, о легендарныхъ приключеніяхъ Пенелопы мало кто помнил; вѣдь эти приключенія происходили в древній періодъ Греціи; и о менѣ знаменитой исторіи Гризельды, правда, случившейся много позднѣе в средневѣковой Италіи, если кто нибудь и слыхал, то сохранил в памяти своей однѣ лишь призрачныя тѣни. Но если отдавать должное личнымъ качествамъ маркиза, то можно повѣрить, что старанья Альфонсо увѣнчались успѣхомъ, благодаря его умѣнію и тонкому обращенію с людьми.

Все же, думается мнѣ, грустно-радостные и задумчиво-веселые, насмѣшливо-добрые и нѣжно-дразнящіе, довѣрчиво-скромные и невинно-ласковые глаза молодой женщины обезоруживали тѣх, на которыхъ падал ихъ взглядъ. Эти свѣтлые и темные глаза, в глубинѣ которыхъ блистали и смѣхъ и слезы, плѣняли своимъ непревзойденнымъ очарованіемъ...

Стояла поздняя весна; все цвѣло, пѣло и веселилось, когда Ирина, переодѣвшись изъ подвѣнчнаго платья в верховой костюмъ, садилась на свою лошадь, которую приютскія дѣти пышно убрали цвѣтами. Вытянувъ шею, отмахиваясь длинными хвостами отъ слѣпней и оводов, ихъ кони своимъ размашистымъ шагомъ упруго ступали по сочной травѣ. Слухъ удаляющихся всадниковъ слабо ловилъ прощальныя привѣтствія, несшіяся изъ „Русскаго Поселка“. Вглуби древесной чащи, молодожены остановились у лѣсной дорожки; Ваня, снимая жену с сѣдла, проникновенно сказалъ: „Моя сказочная царевна...“

Когда к новобрачнымъ отношеніе окружающаго общества круто перемѣнилось къ лучшему, тогда на «Поселокъ» посыпались пожертвованія, отзывчивыхъ къ чужой нуждѣ и широкихъ по натурѣ, канадцевъ. Полковникъ Петровъ посовѣтовалъ молодой женщинѣ открыть при ихъ общепитіи чайную. Эта чайная своимъ убранствомъ напоминала боярскія хоромы. Ирина и Елена Александровна, одѣтыя в сарафанъ, с кокошникомъ на головѣ, прислуживали за чайными столиками; слабоумные Валеріанъ и Леонидъ, тоже наряженные в русское платье, имъ помогали. Молодая женщина была удивительно хороша в своемъ нарядѣ и можно было предполагать, что не одна лишь русская кухня, прославившаяся на всю окрестность, привлекала издалека многочисленныхъ посѣтителей чайной...

Когда „Старый Домъ“ оживился возвращеніемъ из Европы Лароша с Ольгой, то не проходило и дня, чтобы молодыя женщины не встрѣчались, или не вели долгіе разговоры по телефону.

С лѣта Ирина была в ожиданіи прибавленія семейства и счастье Соколовых не имѣло границ...

— о —

Ваня присутствовал при появленіи на свѣт их первенца. И когда раздался звонкій крик новорожденнаго, радость, невыразимая на человѣческом языкѣ, охватила души родителей. Их сын родился с утренней зарей; оставив с сестрой милосердія уснувшую жену, Соколов вышел на крыльцо своего дома. Глубоко, всей грудью, вдыхал он свѣжій, весенній воздух, его влажные от счастья глаза, в молитвенном вдохновеніи обратились к восходящему солнцу, олицетворявшему для него в тѣ чудныя мгновенія—Бога. И на глазах Вани, легкія, перистыя облака, купающіяся в желтовато-розовых водах воздушнаго океана, задвигались; эти облака принимали очертаніе церквей и колоколен; купола и кресты блестѣли золотом, сверкали огнем. И чудилось Соколову, что с неба на землю неся протяжный дивный благовѣст.

— «Что означает это чудо?» — спрашивал он себя. Слова отвѣта сами собой складывались в его умѣ. И, истово крестясь, Ваня повторял: «Сим побѣдиши... сим побѣдиши...»*)

Это небесное видѣніе врѣзалось в память Соколова: «Оно—предзнаменованіе грядущаго духовнаго возрожденія Россіи и паденія богоборческой власти.» И в часы печальнаго раздумья о судьбах несчастной Россіи, Ванѣ вспомнились тѣ свѣтлыя переживанія, когда душа его возносилась, и тогда он повторял с вѣрою крылатую мысль великаго русскаго святого: «Не в силѣ—Бог, а—в Правдѣ.»**)

— о —

Ольга ежедневно навѣщала Ирину; она трогательно заботилась о здоровьи молодой матери и новорожденнаго сына.

— «Тебѣ тоже пора имѣть дѣтей,» как то раз сказала ей Ирина. «Неужели „le mariage blanc“ и у вас в силѣ?»

«О, нѣтъ,» улыбнулась Ольга и грустно добавила: «Повидимому, мнѣ не суждено имѣть дѣтей.» Но, оживляясь, она закончила: «Я стану матерью всѣм сиротам «Русскаго Поселка.»

*) Видѣніе креста Св. Константина Великаго в 312 году; или „In hoc signo vinces“

**) Слова Св. Александра Невскаго. — Зам. автора.

Тогда припомнились младшей вдохновенныя слова старшей: «Наши вѣру, обычаи и язык мы передадим дѣтям и сохраним для родины тѣ вѣчныя цѣнности, которыя теперь в ней попираются». И обнимая друга, Ирина воскликнула: «Я вижу в этом перст Божій!»

— «Мое безплодіе не очень огорчает Андрея, но моим родителям так хотѣлось бы имѣть внуков,» отвѣтила Ольга и с веселостью досказала: «Я радуюсь их скорому переселенію в Канаду. Родителям будет хорошо в «Русском Поселкѣ».

Ларош застал трогательную картину: Ирина кормила грудью своего сына; она с умиленіем глядѣла на младенца; ея густыя темныя косы раскинулись по плечам, а губы радостно улыбались. Выраженіе молодого лица было до того прелестно, что, пораженный его духовной красотой, Андрей остановился на порогѣ. — «Мадонна!» — одобрительно замѣтил он. «Такой сияющей я еще никогда вас не видал.» И цѣлуя Ирину в лоб, Ларош с доброй усмѣшкой договорил: «Понять жизнь нам не дано; объяснить ея странности мы не умѣем.» Нѣжно прижимая к груди сына, молодая женщина проронила ему в отвѣт: «Жизнь — это дар Божій».

— «Я хочу быть крестным отцом,» объявил он; его глаза с интересом изучали миленькую голову ребенка.

— «Что подумала бы бабушка, если б была жива?» — с шаловливой улыбкой спросила она.

— «Не знаю», разсмѣялся Ларош.

— «Мой сын будет назван в вашу честь Андреем,» рѣшила его бывшая жена и подумала: «Ваня одобрит...»

Нѣсколькими недѣлями позднѣе пришло от Луиджи письмо с посвященными Иринѣ стихами. И — хотя многія строки в них говорили о холодности любимой женщины и о несчастной любви молодого человѣка, но всюду, сперва неуволимо, потом яснѣе, звучали радостныя и веселыя нотки.

Послѣднее подношеніе было от Альда. Его подарок — хрустальная ваза тончайшаго издѣлія, украшенная самоцвѣтными камнями, сильно понравилась Иринѣ; записка, положенная маркизом на прозрачное дно, вызвала обворожительную улыбку на лицѣ счастливой матери; и весело усмѣхаясь, она повторила мужу слова Альфонсо: «Драгоценная ваза болѣе не нужна Третьему, переставшему лить горькія слезы; благославляя Чудные Цвѣты, он радуется их счастію.»

Конец второй части.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА I.

БАБУШКИНА БЫЛИНА.

Маленькій Андрей старался поймать муху, бившуюся о стекло оконной рамы. Губы ребенка выпятились и его рот выражал напряжение; глаза малыша искрились оживленіем. С опаской держа пойманное насѣкомое между большим и указательным пальцем, он внимательно рассматривал глянцевитое тѣльце.

— «Не мучь муху, Котик», ласково замѣтила бабушка своему внуку. «Выпусти ее в сад.» Андрюша выбѣжал на крыльцо дома и разжал свои пальцы. Его взгляд, слѣдя за извилистым полетом насѣкомаго, остановился на лапчатой листьѣ клена...

Мір мальчика заключался примыкавшим к палисаднику лѣсом, в таинственных захолодах котораго, гдѣ рос душистый серебарин, жили гномы. Эти человѣчки носили красные, синіе и желтые колпачки. Лѣтом карлики собирали орѣхи, мед, ягоды, грибы, запасаясь пищею на зиму, которую они проводили в своих подземных жилищах. Днем одни лишь звѣри да птицы могли видѣть гномов, но ночью они являлись людям. Когда смыкались очи Андрюши от сладостнаго сна, тогда лѣсные человѣчки обступали кровать ребенка. Они нашептывали ему про свои богатства, скрытыя от людских глаз в нѣдрах земли. Но гномы не были единственными посѣтителями дѣтской. В полночный час к изголовью ребенка слетались витязи. В древних шлемах и кольчугах, с мечами и со щитами они веселою гурьбою наполняли его комнату. Их сказанья о богатырских подвигах, о поединках с нехристями увлекали малыша; рассказы карликов про земныя сокровища блѣднѣли в дѣтском воображеніи... Лапчатый клен напомнил маленькому Андрею о лѣсных гномах, но быстро приближавшійся к дому конскій топот направил ход его мыслей по иному направленію: дружина богатырей мчалась к нему навстрѣчу. Всадники, обо-

гнувшіе изгибину дороги, показались на опушкѣ лѣса. Глаза мальчика сверкнули синим свѣтом, его щеки запылали счастливым румянцем и, вскрикнув: „папа“, „мама“, он бросился встрѣчать родителей...

— «Хочу — сказку», просил внук бабушку, взобравшись на спинку ея кресла. «Русскую», добавлял он. В его дѣтском понятіи этим словом опредѣлялась доброкачественность предмета: русскіе мужчины были самые храбрые, русскія женщины — всѣх красивѣй, русская кухня — наивкуснѣйшая, а сама Россія — прекрасная страна, которую, по выраженію бабушки, нельзя было ни пером описать, ни словом рассказать. — «Хорошо», согласилась Елена Александровна Соколова. «Я прочту тебѣ, Котик, новую былинку. Многое в ней тебѣ будет непонятным, но зато все то, что упадет в твое дѣтское сердце, съ годами пустит здоровые ростки...

«Гдѣ ума твоего не хватает, спроси разума,
Разума доброва, тихова, мудрова,
От Божьей бесѣды всегда молчаликова,
Вѣщева, крѣпкова, ко зову сердешному чуткова,
Твое охранителя, перед Богом заступника,»
обняв внука, начала на распѣвъ читать бабушка.
«Избив на Сафат-Рѣкѣ силу татарскую,
Порасхвастались витязи славные, Русскіе, —
Не иначе, как разум оставимши,
И на ум голой своей понадѣямшись,
Что и с силой нездѣшной пора им бороться.
И явилась им сила нездѣшная, ясная,
Двое небесных воителей: не признали их витязи...
Налетѣл млад Алеша, что первым расхвастался,
На двѣ части разсѣк двух воителей,
И предстало уж четверо, не двое воителей.
От меча вострова Добрыни Никитича
Пали четыре воителя, но встало их восьмеро,
Послѣ сѣчи стар-Ильи Муромца,
Послѣ свиста Васьки-Буслаева, копыя Иван
Гостинново

Шестьдесят и четыре поднялося воителя.
Бросились витязи на силу нездѣшную,
Всѣ плечом пошли о плечо, как один.
Стали силу колоть и рубить,
А сила небесная все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Утомились витязи, уходились, испужались,
Побѣждали в горы, святія, великія,
Под защиту брата старшого своего,

Брата крестовова, Святогора самого,
Святогора громаднаго, завсегда спящева.
Разбудили они брата свого,
Разбудив, взмолилися;
От страха без слов, без рѣчи взмолилися;
Илью-Муромца — сына крестіанскова,
Атамана свого, первым поставимши.
Протирал Святогор глаза свои — озера бездонныя,
Насугробил он брови свои — лѣса дремучіе,
Всколыхнул звѣтою своею землю стоячую,
Потянувшись, задѣл облако ходячее,
На Илью, как на диво-дивное уставишисъ.
Признал Илью, с кѣм крестом своим помѣнялся;
Познал сердцем мольбу витязей горькую,
Хватил Святогор Русских витязей и коней их заодно,
По карманам своим — по пещерам глубоким
поразсовывал,
А сам, вздохнувши, долговѣчным, крѣпким
сном заснул.

II.

И от сна-то от етова крѣпкова,
От тяжелова сна, от грузнова,
Великая мука богатырям выпала.
Алова мука мученическая...
Сами-то они не спят,
Не спят и в темнотѣ своей не видют,
Но все слышут, все разумом своим понимают,
Как по Святой Руси Кривда пошла, разгулялася,
Сама Кривда поганая, басурманская,
Как она поѣдом-ѣст народ православный,
Церкви Божіи закрывает,
Людей Русских убивает.
— «Нѣтъ меня, Кривды, ничево сильнѣй на свѣтѣ,
Со всякой силою могу боротися, —
С Самим Христом — Царем Небесным!»
Кривда так говорит, похваляется,
Над Русским народом потѣшается, —
И гдѣ стоит она на Матери-землѣ,
Гдѣ бредет она по ней — и все сиротинушкой.
И тады криком-крикнул Илья-стар,
Илья-сын крестіанскій в темнотѣ своей,
Крик-то ему великой сердце подало,
А от сердца пошло в голову сѣдую Илья.
— «Гой еси Ты, Богородица наша, Мать-сыра земля!
Ты прости сынов Твоих младших,

Богатырей Русских, стародавних,
Что с похвальбы своей нечестивой,
В темном полону сидят в горѣ каменной,
Сиднем сидят вѣка длинные, колючіе,
Вѣка колючіе, занозистые и вострые.
Подыми Ты от сна старшова сына Твоего,
Святогора великова из великих богатыря!
Дай нам волюшку, слободу царскую,
Чтобы вѣрою послужить и правдою,
Вѣрой-правдою землѣ Свято-Русской,
Народу своему Русскому-Православному...
Гой еси Ты, Богородица, наша Мать-сыра земля!
Ты услышь моленіе сынов Твоих младших
Богатырей могучих, Русских.»

III.

И пошел наскрозь истошный крик Ильи,
Ильи, — сына крестіанскова, горы каменные,
И поднялся крик поверх облака ходячево,
И взлетѣл крик к небесам златоверхим,
И упал крик, и приткнулся крик комочком
болѣзным,
Комочком болѣзным у самова престола
Богородничнова.
Богородица-то комочек болѣзной примѣтила,
Крик-то его истошный слышала,
Моленіе Ильи к сердцу своему приняла,
К сердцу своему приняла, горько всплакнула,
И к престолу Сына Своого, Иисуса Спасителя,
По лазурным ступеням, склонив голову,
Склонив голову, тихой взошла поступью!
Она молит Чадо Свое любимое,
Она слезы льет, что частый дождь идет,
Она просит прощенія богатырям Русским,
И поспѣшает Пречистой в отвѣтъ Сам Спаситель,
Сам Христос говорит на престолѣ высоком:
— «О, Мати Моя Возлюбленная, во всѣх
женах благословенная,
Заступница предо Мною всякова грѣшника
великова и малова!
Тобою прощается похвальба богатырская,
Похвальба богатырская, Русская — неразумная»,
И дает приказ Царь Сам Небесной
Михаилу Архангелу и Егорію Храброму
Собрать Силы и Власти Небесныя,

11 при трубах Серафимских, и при гласах
Херувимских,
На покровах Архангельских и на крыльях Ангельских.
Слетѣть со Владычицей к землѣ Свято-Русской.
И собралися Силы несмѣтныя, Власти могучія,
Загремѣли, вострубили трубы Серафимскія,
Воспѣли радостные гласы Херувимскіе,
Развернулись покровы Архангельскіе,
Раскрылись крылья бѣлоснѣжныя Ангельскія,
Восприяли Владычицу Небесную, Матерь Божию,
Царским летом прошли всѣх небес семеро,
Опустили Заступницу на самой землѣ Свято-Русской.
И возговорит Богородица, Мать-сыра земля:
— «Гой же и вы, мои горы крутыя,
Мои горы высокія, горы каменные, горы Святія!
Расходитесь вы, разступитесь, разломитесь!
Выпускайте вы сынов Моих младших,
Богатырей могучих, Русских!
Прощена им похвальба их грѣшная,
Что в бою они возьмут силу нездѣшнюю.
Проснитесь вы, горы Мои, великія,
От крѣпкава сна свою долговѣчнава!
Волю давайте богатырям Русским, стародавним!
Стоксовалася по ним земля Свято-Русская,
Свято-Русская, сестра Моя младшая».

— 0 —

IV.

От гласа тово Богородичнова,
От зова тово Матери-земли сырой
Заскрипѣли, закряхтѣли, застонали горы каменные.
Всколебалися онѣ, всколыхалися.
Растворялися, разступалися, разѣѣзжалися.
Просыпался великой из великих богатырь,
Богатырь-от сам Святогор огромный.
Открывал он карманы свои — пещеры темныя,
Выѣзжали из тѣх пещер глубоких :
Славные и могучіе богатыри,
Богатыри. Свято-Русскіе и всѣ рядышком:
Илья-Муромец, роду крестіанскова,
Алеша Попович, рода поповскова,
Иван Гостинной, купеческій сын,
Васька Буслаев от свободнова Новгородца.
Выѣзжали они, сняв шлемы, крестилися.
На всѣ стороны, на четыре всѣ низко кланялись,

Подтянув богатырских коней, подправлялися,
Приѣзжали к ночи на Сафат-рѣку.
Разбив бѣл шатер на рѣкѣ, молилися.
Помолившись, опочив держали,
Опочив держали, окромя атамана свою,
Казака старова — свѣт Ильи Муромца,
За всѣх печальника — сына крестіанскова.

— о —

Богатырскій сон глубже моря-окияна,
Богатырскій храп — на сто верст кругом.
Не змѣя подколотная — ночка темная
Вкруг Ильи с сладким шопотком увивается.
— «Ты усни, Илья, приклонись, — сон дороже
матушки.

Как без сна бой держать и побѣду кончать?»
Илья слушает, думу думает, усмѣхается,
Сѣдым крутит усом своим, забавляется.
— «Ах ты, ноченька—ночь, тюрьма каменная!
Не сидѣл ли Илья за рѣшеткой твоей,
Слышал пѣсни твои, наговоры твои,
Чтоб уснуть Стар-Ильѣ, чтоб забыть вся и всѣх?...
Не уснул, не вздремнул сын крестіанской Ильи,
И сквозь пѣсни твои услышал стон Руси.
Разслыхал и воззвал... Услыхали его.
Стал на стражу Илья, за покой мать-земли,
Ах ты, ноченька-ночь, тюрьма каменная!
Сладки пѣсни твои, ко сну тянут они.
Да заснет Стар-Илья, и конченъе прійдет
Православной Руси и всѣм дѣткам ея» —
Огрызнулась ночка темная вѣтром буйным, холодным,
Пролила вѣдьма дождь на Илью с облака висячева.
Стала змѣя собираться в путь-дорогу далекую...
А на Божьей сторонѣ, на восточной, цвѣты
алые показались,
Поднялась, заиграла, размѣялась Ильѣ
зорька свѣтлая,
Перед солнышком ясным — перед молодцом
добрым вся раскраснѣлася.
Выпрямлялся Илья в богатырскій свой рост,
Воздыхал грудью полною.
Омывался в рѣкѣ, поклонялся Христу,
Припадал к землѣ-матери.
Возставал — «Что за шум? Аль ослышался?» —
Оглянулся. Видит он — ко Сафат-рѣкѣ

Смертным боем таким бились витязи...
 Утомились их плечи могутныя
 Уходились их кони добрые,
 Иступились мечи их булатные,
 А Кривда все с боем идет,
 Все новую силу с боем ведет.
 И упал тады Ильѣ — сын крестіанской
 И припал он к Матери—сырой землѣ,
 — «Ой, и гой еси Ты, Богородица,
 Богородица моя, Мать — сыра земля!
 Ты прислушайся к Ильѣ, сыну Твоему,
 Сыну Твоему вѣрному — крестіанскому.
 Не очам ево дано было то видѣть,
 Не ушам ево дано было то слышать, —
 Сердцу ево, оглянувшись, душа тихо молвила,
 Что сила нездѣшная, не небесная,
 Не небесная, пододонная,
 Рядом с Кривдой стоит,
 Бой держать Кривдѣ неустанной велит.» —
 Подымался стар-Ильѣ от земли на ноги,
 Божій крест клал на себя по писанному.
 Почал звать эсаулов — своих товарищей
 На послѣдній совѣт, на завѣщанной.
 Побѣждали они вчетвером, становилися:
 Усталые, исхудалые, почернѣвшіе, потемнѣвшіе.
 Только слово свое Ильѣ молвил, вздохнув,
 Как примѣтил, что витязей больше: всѣх пятеро!
 Диво-дивное! Чудо-чудное!
 Захотѣл опросит, да взглянув, опознал
 Одного из воителей, от которых бѣжал
 в горы каменныя.
 Опознали всѣ витязи, опознав, признали
 Вѣрнова брата свою названнаго—Егорія Храброва.
 Склонились от стыда жгучева головы витятей.
 Над кѣм хвастались?.. С кѣм боролися? Ково
 испужались?
 Забыв службу свою православной Руси,
 Куда спрятались храбрые?.. На ково Свято-
 Русскую бросили...

У.

То не ветер утренній, ласковой
 Пролетал над дубами высокими, могучими,
 Пролетал, пробуждал, поднимал
 Головы их, ночью темною к долу пригнутыя...
 То Егорій-свѣтъ Храброй подходил,

Подходил, подымал, головы Русскія-богатырскія,
 Поднимал, обнимал, цѣловал,
 Цѣловал свѣт-Егорій, улыбаючись.
 То не птичка Божія — жаворонок в небѣ,
 Дню рабочему-трудному, крестіанскому,
 Пѣснь свою ясную, от солнышка завсегда теплую,
 Из поднабесья возсылала заутра.
 То Егорій Святой своим голосом,
 Распѣвом своим чистым, ангельским,
 Смѣючися, утѣшал тихо Русских витязей,
рабочников:
 — «Кто старое, братцы мои, помянет, тому глаз вон!»
 От цѣлованія тово братскова — Егорія,
 От прощеннова гласа его теплова, веселова,
 Становилися витязи во весь рост свой огромной,
 Раздвигали, выпрямляли богатыри плечи свои
о косу сажень,
 Подымали головы свои непобѣдныя
с шеломами желѣзными,
 Хваталися руками могутными своими за мечи
булатные,
 Наливались по жилушкам своим силою Русскою
стародавнею,
 Смотрѣли, не насматривалися на Егорія Храброва,
 На свѣт-Егорія, Заступника земли Свято-Русской,
 По колѣна ногу у Егорія в чистом серебрѣ,
 По локоть руки в красном золотѣ,
 Голова у Егорія вся жемчужная,
 Власы у него свѣтло-русые и всѣ в кудреньках,
 По всем Егоріи часты звѣзды.
 Млад, юн, неизреченно прекрасен свѣт-Егорій,
 И горят огнем глаза ево от сердца ево горячева
 От сердца ево горячева, от любви ево к землѣ
Свято-Русской.
 И возговорит Алеша-млад, что первым в старое
время расхвастался:
 — «Ты скажи нам, Егорій-свѣт, Егорій наш
милостивец,
 Что эталь не увидѣлся нам ты давеча на
Сафат-рѣкѣ,
 На Сафат-рѣкѣ с звѣздами на тебѣ чистыми?..
 Что эта ль не примѣтили мы тебя в чистом
серебрѣ, в красном золотѣ,
 В красотѣ твоей неизреченной и с гласом твоим
ангельским?

Бой смертной со Кривдою в защиту земли
 Свято-Русской,
 Обходите вы войско Кривды поганое с трех сторон,
 А четвертую-напереднюю я возьму с Егоріем,
 братцем моим названным!»
 Тяжело от силушки новой богатыри подымались;
 Грузно на Мать-землю сырую опирались;
 На борзых коней своих садились, укрѣплялись.
 Борзые кони одним скоком сто верст дѣлали,
 Сто верст дѣлали, войско Кривды с трех сторон
 объѣзжали,
 А четвертую, напереднюю, Аргангелу Михаилу и
 Егорію оставляли.
 Ревет-ревом медвѣжим-звѣриным булава в сорок
 пуд Ильи-Муромца,
 Рубит, что по деревьям топором, булатный меч
 Добрыни Никитича,
 Звенит-звоном, сѣчет, что коса траву, сабля вострая
 Алеши Поповича,
 Гудит летом своим копье длинное Ивана Гостиннова,
 Свист и гик повсюду слышатся Васьки Буслаева.
 А напередней сторонѣ к шатру высокому
 самой Кривды,
 Кривды самой одноглазой и хранителя ее незнамова,
 Архангел Михаил и Егорій Храбрый без усталы
 пробиваются.
 Вот уж и малое поле, чистое-невеликое,
 Чистое-невеликое между силами нездѣшними,
 Силами небесными, силами пододонными
 Для великова боя, не людскова боя, взору
 открывается
 И возгорѣлось сердце ретивое, юное у Егорія
 Храброва,
 И соколом ясным наперед Михаила Архангела
 Бросался он на Кривду одноглазую, что
 глядѣла на него
 Усмѣхаячись, глядѣла на него издѣваючись,
 приглашаючи.
 Вот уже у самого стана Кривды Егорій Храбрый,
 Поднимал он лѣвой копье свое вострое,
 Замахивался Егорій мечом своим булатным,
 Правой замахивался, чтобы снести голову Кривдѣ
 одноглазой,
 Да... затряслися ноженьки серебрянныя у Егорія,
 Занѣмѣли рученьки его золотыя,
 Замораживалось сердце Святова Егорія,

Замалкивал он, как молотом пришибленной,
Заволакивались глазки ево прекрасные,
Закрывались ушки ево под кудрями свѣтлорусыми,
Дѣлался Егорій камнем мертвым, желѣзом
окованный...

Увидѣл Егорій рядом с Кривою
Самово Христа Царя Небеснова,
Темным взором на нево,
На Егорія Храброва, гнѣвно поглядѣвшева...
То не вихрь-буря с окіяна моря вырвалась,
То не гром-молнія дуб могучій в клочья расщепила!
То Архангел Михаил орлом взвился над Кривою.
Мечом огненным ей снося голову.
И запримѣтил тогда, очнувшись, Егорій Храброй,
Запримѣтил он, как нѣкій, за Христа им принятой,
Как нѣкій сей почал мѣняться и мѣняться:
Стал страшен, дик и лют, аки лев рыкающій,
Гадок, подл и лукав, как змѣя подколодная,
Мерзок, дерзок и блудлив, аки нечисть болотная, —
Антихриста увидѣл и познал Егорій Храброй.
О ту пору было побито и полонено войско Кривды
поганое;

Богатыри русскіе, могучіе стародавніе
Ко Егорію Храброму отовсюду съѣзжались,
С трех сторон на четвертую — пріѣзжали,
На четвертую пріѣзжали, Егорія свѣт окружали,
На Антихриста лютова, лукавова, дерзкова,
На силу нездѣшнюю, пододонную, пугающуюсь,
глядѣли.

— «Братцы мои, витязи русскіе, могучіе,
Не по нас сила антихристова, великая, страшная и
черная»!

Говорил шопотком тихим Егорій Храброй.

— «Не по нас, — не можем мы с нею на побѣду
боротися,

Можем молитися, ко Христу Иисусу обратитися.
Да будет воля Ево, яко на небеси, тако и на земли!»
Сняв за Егоріем шеломы, витязи крестилися,
Православным крестом крестилися, на колѣни
опустилися,

Опустилися, молилися, ко Матери-землѣ сырой
прислонилися,

За избавленіе земли Свято-Русской от Антихриста
молилися...

И вознеслось то моленіе русских витязей и
Егорія Храброва к Богородицѣ,

Вознеслось к Пречистой Матери Христа, Царя
 Небеснова.
 И вопрошает тады Богородица Чадо Слово любимое:
 — «О, Чадо Мое Любимое, Спаситель рода
 челоѡческаго!
 Ты скажи, повѣдай Мнѣ, а не пришло ль время
 тому Антихристу голову рубити?
 А не настал ли час ему землю Свято-Русскую
 оставлять,
 Народ православной-Русской ото всѣх мученіев
 избавляти?
 Аль не пора, не время ли народу русскому
 свой труд, свою работу дѣлати,
 Свою работу дѣлати, своим трудом оправлятися,
 От погрѣшнѣев своих очищатися,
 Церкви Божія становити, Господа-Бога благодарити?»
 И возговорил Иисус Христос Царь Сам Небесной:
 — «О, Мати Моя возлюбленная, во всѣх женах
 благословенная!
 Не пришло еще время тому Антихристу голову
 рубити, —
 День тот и час — великая тайна неизъяснимая...
 Настало время Антихристу Свято-Русскую оставлять,
 Народу русскому-православному от мученіев
 избавлятися,
 Свою работу дѣлати, своим трудом оправлятися,
 от прегрѣшеній очищатися,
 Церкви Божія становити, Господа-Бога благодарити» —
 И дает приказ Христос Царь Небесной
 Архистратигу Своему, Михаилу Архангелу,
 Антихриста лютова со Свято-Русской земли прогнати.
 — «Братцы мои, витязи русскіе, могучіе!
 Вы вставайте с сырой земли на ноженьки рѣзвыя,
 выпрямляйтеся!
 Выпрямяйтеся, да креститесь, — великой бой
 начинается:
 Антихрист лютой, дерзкій и мерзкій со Свято-
 Русской изгоняется!»
 Говорит Егорій Храброй, говорит на небо глядучи,
 улыбаючись.
 Вскакивали богатыри могучіе на ноженьки рѣзвыя,
 Вскакивали, выпрямлялися, крестилися,
 На бой великой, невиданной глядѣли.
 Глядѣли, к свѣт-Егорию, братцу своему названному,
 тѣснилися.

Антихрист лютой, все мѣняючись, мѣняючись,
 черным вороном задѣлался.
 А длина тому ворону — тысяча верст, а в
 поперечину с крыльями и всѣ двѣ тысячи.
 Голова у тово ворона чернова — гора огромная,
 Глаза его — геена огненная, все опаляемая
 злобно-злобная,
 Клюв ево и когти желѣзные, вострые-вострые.
 Держит тот ворон черной в лапах своих Свято-
 Русскую,
 Крыльями прикрыл, когтями разрывает, клювом
 клюет,
 Клювом желѣзным клюет, кровь горячую пьет.
 Стоит Свято-Русская. Черный ворон потѣшается.
 На восточной сторонѣ, на солнечной — небеса
 свернулись,
 Небеса свернулись, Царство Божіе на минуточку
 раскрывалось,
 На минуточку раскрывалось, сердце витязей
 русских освѣтилось,
 Сердце освѣтилось, радость неизреченную вѣчную
 оставило.
 То не молнія золотая, строгая из того Царства
 Божія взвилася.
 То не братец ея родной, гром небесный, грозно
 ударил,
 То Архангел Михаил, Архистратиг могучій,
 По велѣнію Божьему, по приказу Христову на
 бой с Антихристом явился,
 Запримѣтив Архангела, раскрывал Антихрист-ворон
 крылья черныя,
 Поднимался весь огромный, темной, со глазами
 огненными,
 Закрывал своей чернотой солнце красное, темнил
 небо ясное,
 Темнил небо ясное, на Архангела камнем в
 тысячу пуд падал,
 Камнем падал, крыльями черными, чудилось,
 обхватывал...
 Захлохнуло сердце у богатырей русских,
 Бросались они к братцу своему названному.
 — «Ты скажи, скажи нам, свѣт-Егорій,
 Скажи всю правду-истину... Неужли?»
 Покачивал головой своей жемчужною Егорій
 Храброй, улыбаючись,
 Корил братцев своих, витязей русских,

Малой вѣрой их корил во Христа Спасителя.
Дазал слово свое вѣрное-нерушимое,
Чго не вернется Антихрист—злой ворон на
Свято-Русскую,
Что грядет землѣ Свято-Русской великая радость,
А русскому народу-православному милость и
утѣшеніе.

— о —

Г Л А В А II.

ВЕЧЕРНЯЯ БЕСѢДА.

Шел 1936 год!

Глаза Соколова искрились от радости.

— «Батюшка! Я так счастлив ѣхать в Испанію!»

— «Я тебя понимаю и если б сам был моложе, то раздѣлил бы с тобою трудности походной жизни,» отвѣчал священник.

— «Донна Тереза берет жену в свой красно-крестный отряд.»

«Борьба с безбожниками — богоугодное дѣло. Испанія это — передовые окопы большевиков.»

— «Многіе из моих товарищей по Добровольческой Арміи собираются записаться в войско испанских націоналистов,» с увлеченіем продолжал Ваня.

— «Бог вам в помощь!» — проникновенно сказал отец Михаил. «Доживу ли я до возрожденія Россіи, одному Господу вѣдомо, но я вѣрю, что настанет час, когда в нашей отчизнѣ возсіяет, как яркая звѣзда, христіанство,» добавил он.

— «И снова будет царствовать Божій Помазанник!» — вставил свое слово Соколов.

— «Да. Патріарх и Царь поведут свой народ по пути спасенія.»

— «Я предугадываю новую монархію,» вслух размышлял Ваня, «Раздѣленіе Россійской Имперіи на области, с широким мѣстным самоуправленіем; центральное правительство, состоящее из областных представителей народа. И, выше сословій, внѣ партій, я вижу избранника Божія — защитника церкви Христовой. Этот царь, добровольно вручающій бразды правленія выборным своей страны, будет слѣдить, как строгій и любящій отец, за

благоустроением своей державы, карая подданных за плохую службу и награждая их за честное исполнение своих обязанностей.»

— «Аминь», проронил священник.» Из-за преклонного возраста мнѣ особенно печально с тобою разставаться. Хотѣлось бы убавить десятка два моим годам. Говорят, американцы, преступив 50 лѣт, уже перестают праздновать день своего рожденія, между тѣм, как в старости мы должны быть особенно благодарны Господу за каждый новый день жизни, рассматривая ее как дар Божественной милости. Это, однако, не должно нам мѣшать готовиться к вѣчности, приближающейся к нам с каждым днем. К сожалѣнію, суета препятствует нам углубляться мыслью в неизбежность этого неотвратимаго для всѣх удѣла даже тогда, когда мы приближаемся к естественному предѣлу жизни,» не без грусти закончил отец Михаил.

На крыльцѣ своего дома, опираясь на посох, стоял священник; глядя вслѣд статной фигурѣ, удаляющейся от него упругим и легким шагом, он думал: «Сердце чует, больше не встрѣчусь с ним на землѣ...»

Родители склонились над постелью сына. Это был их послѣдній вечер в «Русском Поселкѣ». Слезы, как темные алмазы, блестѣли на глазах матери. Ирина Соколова выглядѣла моложе своих 33-х лѣт; здоровая, счастливая жизнь сохранила на ея лицѣ цвѣт первой молодости. Отцу тоже нельзя было дать его лѣт: Ванѣ уже шел 40-ой год. В «Русском Поселкѣ» за послѣднее время произошли крупныя перемѣны: богадѣльня и школа увеличились, также умножились могильные кресты на погостѣ.

— «Мама! Спой колыбельную пѣснь,» просил засыпающій Андрюша. Его сонный голос, замирая, переходил в шопот. Глотая слезы, Ирина тихо начала пѣть:

«Не забывай и поминай
Родимый край, далекій рай...
Воспоминанья прошлых лѣт:
Уступы гор, пороги рѣк,
Их грозный вид, их мощный бѣг;
Простор волнующій степей,
И ширь и гладь озер-морей;
Там буйный шум сѣдых лѣсов,
И дивный звон колоколов;

Приход застѣнчивой весны,
И аромат ея красы.
Там даль желтѣющих полей
И теплота святых церквей,
Труды безсмѣнные бойца
И славныя дѣла отца;
Там жертвы русских матерей,
И звук и взлет родных рѣчей...
Давно минувшая пора,
Когда свѣтла была мечта,
И жизнь широкою рѣкой
Катилась плавною волной;
И Русью правили цари,
За правду стойкіе борцы...
Не забывай и поминай
Родимый край, далекій рай,
Не забывай, не забывай...

Г Л А В А III.

Н О В А Я Ж И З Н Ъ .

Ирина уже мѣсяц как жила в пограничном португальском городкѣ Санта Марія, гдѣ работала в лазаретѣ Донны Терезы. Ваня был в арміи генерала Франко.

— «Отчего ты не сидишь на мѣстѣ, а носишься из одного города в другой, из одной страны в другую?» — спрашивала молодая женщина своего стараго друга маркиза Альда.

— «Развѣ ты забыла, что сейчас сезон в Біаррицѣ. В этом году там особенно весело! Публика ѣздит на испанскую границу послушать стрѣльбу. Пикники в Пиринеях стали всеобщим увлеченіем. Между ѣдою и смѣхом занятно слѣдить в подозрную трубу за развивающейся испанской трагедіей,» — отвѣтил он ей. Не то насмѣшка, не то горечь слышались в его словах.

— «Я не могла бы вести сейчас свѣтскую жизнь; я счастлива, что могу работать в военном госпиталѣ.» Альфонсо почувствовал упрек в замѣчаніи Ирины и нѣжно ей улыбнулся.

— «Я уважаю испанскую аристократію: и молодые и пожилые, бросив все, ушли воевать,» строго продолжала она.

— «Я скоро ѣду в Испанію и постараюсь повидать

твоего мужа,» вмѣсто отвѣта сказал Альда. Глаза молодой женщины радостно блеснули.

— «Я пошлю с тобою письмо и кой-какія вещи Ванѣ,» — воскликнула она.

Вечером того-же дня Ирина сидѣла на верандѣ своей гостиницы вмѣстѣ с Терезою и Альфонсо; дулъ пріятный вѣтерок с горной цѣпи, встающей вдали над долиною, в которой лежал упомянутый городок. Молодая женщина лѣниво обмахивалась вѣером. На ней были надѣты широкая испанская юбка и полотняная безрукавка, ея голыя ноги были обуты в холщевыя сандалии. Свое форменое платьѣ Ирина снимала, как только возвращалась домой из больницы. За день она уставала не так от физическаго труда, как от душевных переживаній; мученія раненых, их горе и надежды находили живой отклик в сострадательном сердцѣ сестры милосердія. В ея глазах эта служба была не одним христіанским долгом, но и высоким служеніем для женщины. И носить эту одежду, освященную геройским самоотверженіем первых русских сестер Крымской Кампаніи,*) а также их послѣдовательниц, прославившихся или оставшихся неизвѣстными для толпы, было для Ирины неоспоримой, безусловной честью. И, может, быть из-за этого взгляда она надѣвала форму Краснаго Креста лишь тогда, когда исполняла свои служебныя обязанности...

— «Вчера меня познакомили с бароном Морисом Сулье,» говорила Ирина испанским друзьям, задумчиво любуясь открывавшимся ея взору видом на лежащую во тьмѣ долину и освѣщенные горныя вершины. «Мнѣ он не понравился!»

— «Я помню его мать,» отвѣчал маркиз, бережно снимая с сигары пепел. «Это, я думаю, было около тридцати лѣтъ тому назад.»

— «Так давно!» — невольно вырвалось у молодой женщины замѣчаніе.

— «Да... к сожалѣнію,» согласился Альда. «Кажется, ты в этом году родилась.» Ирина начала перелистывать модный журнал. Альфонсо, отложив газету, которую читал, продолжал вспоминать:—«Эта дама в то время была еще красивой женщиной и пользовалась в Парижѣ большим успѣхом: зеленые глаза, бѣлая кожа, рыжіе волосы.»

— «Сын похож на мать,» замѣтила его собесѣдница.

*) По почину знаменитаго хирурга П. И. Пирогова, впервые за всю исторію челоѣчества, были организованы отряды сестер Милосердія, Крымская Кампанія, 1854-55 г. — Зам. автора.

— «Баронесса Сулье принадлежала к старому, обѣднѣвшему дворянству; отец выдал дочь за банкира, которому был должен деньги», пояснила Тереза.

— «Как это ужасно!» — возмутилась Ирина.

— «Они пришли к этому соглашению с вѣдома невѣсты... И *«les apparences ont été sauvées»* — с сухой ироніей досказал Альда.

— «Бѣдная», прошептала молодая женщина и подумала: «Какая я счастливая!...»

Недѣлю позже Ирина стояла с Альфонсо на площадкѣ Гольф-клуба, куда они приѣхали в один из ея свободных дней.

— «К нам приближается твой новый поклонник,» тихо замѣтил маркиз.

— «Кто такой?» — не без любопытства спросила она.

— «Морис Сулье.»

— «Эта красивая кукла меня изводит своим преслѣдованіем. Он ухитряется быть там, гдѣ разсчитывает меня повстрѣчать.»

— «Повидимому, твоя холодность ему нравится. Возможно, он подозревает тебя в скрытом кокетствѣ,» пошутил ея друг.

— «Я не вижу в этом ничего смѣшного!» — вырвался у нея упрек. И быстро вынув из гольфнаго мѣшка *«driver»*, молодая женщина скорой поступью пошла к первой «ямкѣ», чтобы без промедленія начать игру в гольф. Добродушно усмѣхнувшись, Альда послѣдовал за нею в сопровожденіи двух *«caddies»*, несших остальные атрибуты этого англо-саксонскаго спорта.

Барон Сулье упорно слѣдил за интересовавшей его чужестранкой, пока она не скрылась за рощей кипарисов. На безжизненном лицѣ Мориса одни только глаза подавали признаки мысли; по мѣрѣ того, как эти зеленые глаза глядѣли на удалявшуюся женскую фигуру, они суживались и, казалось, настойчивая и потаенная мысль работала в мозгу этого чловѣка, чей гладкій лоб не выдавал ни душевных способностей, ни привычки к постоянному умственному труду... Игра в гольф была закончена. Ирина сидѣла в автомобилѣ; она поджидала Альда, котораго внезапно вызвали к телефону. «На вид он ведет бессмысленную жизнь, наполненную развлеченіями и удовольствіями. Но мнѣ что-то не вѣрится... Это напускная безпечность... У него, я чувствую, большіе ин-

тересы, и я убѣждена, что Альфонсо занятой человек, но он свои дѣла, даже от меня, скрывает,» в душѣ разсуждала она о своем другѣ.

— «*Bonjour, Madame*». Услышав так неожиданно голос Сулье, Ирина вздрогнула. «*Comment allez vous, madame?*»

С напускным равнодушіем она отвѣтила: «*Bonjour, monsieur*».

Морис, закинув ногу на подножку автомобиля, небрежно облокотился на его дверцу. — «Я всю ночь не спал, мечтая о вас,» сказал он, одобрительно смотря на молодую женщину.

— «Ваше вниманіе не доставляет мнѣ удовольствія», внутренне волнуясь, но наружно спокойно, замѣтила Ирина.

— «От ненависти до любви один шаг.» На красивом лицѣ Сулье расползлась самодовольная улыбка.

— «Мы сердимся лишь на тѣх, кто вызывает в нас сильныя чувства,» сдвинув брови, рѣшительно возразила она.

— «Огонь притягивает бабочек,» играя словами, усмѣхнулся Морис. Его взгляд, не то томный, не то дерзкій, был ей несносен.

— «Вы — близоруки! Больше! Вы — слѣпы!» — вспыхнула молодая женщина.

— «*La donna e mobile*.»

В его невозмутимом замѣчаніи сквозило самообольщеніе себялюбиваго мужчины. Ей захотѣлось, оставаясь в рамках приличія, во что бы то ни стало, кольнуть своего пошлаго поклонника, и она объявила:

— «Я собираюсь сдѣлать оскорбительное сравненіе...»

— «От вас я все стерплю,» с напускной покорностью перебил Сулье.

— «Вы — Доріан Грей», насмѣшливо сказала Ирина.

— «В чем именно вы видите сходство между нами?» — осторожно спросил он.

— «Бездушная красота, вѣчная молодость куклы, греческая маска. Вѣдь вам — за 40, а выглядите вы не старше 30 лѣт.»

— «Спасибо за комплимент,» — недовольно процѣдил сквозь зубы Морис.

— «Какіе грѣхи прячутся за вашим безжизненным лицом—я не могу угадать, но, не будучи психологом, можно утверждать, что оно не скрывает ни порядочности, ни чуткости.»

Сулье побагровѣл пятнами; его глаза заискрились недоброжелательством. Молодая женщина отвернулась от него с подчеркнутым пренебрежением.

— «*Madame!*» — снова начал Морис внезапно оборвавшийся разговор и остановился. То, что он намѣревался отвѣтить, так и осталось для нея неизвѣстным; из калитки Гольф-клуба выходил маркиз. Сухо поклонившись Иринѣ, Сулье отошел в сторону и закурил папиросу...

По дорогѣ домой, обмѣниваясь мыслями с Альфонсо, Ирина опять упомянула о Морисѣ: «Я не стерпѣла и наговорила Сулье дерзостей.»

— «*Le sel attique*» не всѣм понятен,» с тонкой усмѣшкой замѣтил Альда. — «*C'est un pachyderme*», опредѣлил он свое нелестное мнѣніе о Морисѣ.

— «К какому семейству толстокожих ты его причисляешь», шутливо спросила она, «слонов, кабанов или бегемотов?»

— «Пожалуй, к свиной породѣ», откровенно высказался маркиз.

— «Я во всем с тобою согласна», негромко разсмѣялась молодая женщина.

— «Я давно это примѣтил», — не без задора улыбнулся Альда... На слѣдующій вечер, разрывая указательным пальцем конверт, Ирина размышляла: «Не понимаю от кого письмо... почерк незнакомый... кто то пишет из Португалии».

— «Ты, кажется, покраснѣла?» — спросил ее Альфонсо. Они сидѣли на ступеньках, ведущих с веранды в сад гостинницы. Свѣтъ с фонаря ложился на лѣстницу, садовую дорожку и кусты с вѣчно-зеленой листвою. Луна еще не поднялась, но звѣзды ярко блистали на черном синем небѣ. Пробѣжав глазами мелко исписанныя строки сжатого почерка, она подала ему письмо.

— «*C'est un parvenu*», поморщился маркиз. — «Та-кими духами мужчины не душатся.»

— «Это — хлыщ», — согласилась молодая женщина. Неторопливо и вполголоса Альда принялся читать любовное посланіе Сулье. «... наше существование было бы невыносимо скучно без любви, (он прав). На этой страсти построено все, (безусловно). Она всѣм руководит (эротоманія) и бороться с нею противоестественно (эвдонизм). Любовь дѣлает женщину неузнаваемой. Это чувство придает особый блеск ея глазам, новую грацію ея движеніям, здоровый цвѣтъ ея кожѣ. От любви даже дурнушки становятся миловидными, (настоящій Мефи-

стофель). И разрывая письмо на мелкіе куски, Альфонсо пошутил:

— «Я боюсь, ты не устоишь против такого соблазна».

— «Он знает, что мой муж на войнѣ, он видит, что я его избѣгаю! И все же он не оставляет меня в покое!»

— жаловалась Ирина, мимика ея лица была весьма выразительной.

— «Оборотная сторона медали» — тихо отвѣтил маркиз.

— «Но вѣдь всему есть предѣл!» — возразила она.

Профил испанца застыл в безжизненности камня, но его взгляд сверкнул, как лезвіе меча.

— «Завтра Сулье найдет на землѣ, втоптанном в пыль, свой *chef d'oeuvre épistolaire...*»

«И в этом я вижу для тебя нѣкоторое удовлетвореніе.» — Слова Альфонсо звучали шуткою, но серьезное выраженіе в умных глазах противорѣчило веселому голосу маркиза,

— «Взгляни наверх! В его комнатѣ зажегся свѣтъ», подняв голову замѣтила молодая женщина. «Неужели Сулье занимался подслушиваніем?» — не без беспокойства спросила она своего испытаннаго друга; тот безразлично пожал плечами.

Г Л А В А IV.

У Б І Й С Т В О

Крысій переулок представлял собою узкій, выглядѣвшій безлюдным, проѣзд; дома в нем лѣпились друг к другу, как ласточкины гнѣзда; задворки его строеній выходили на пустыри. Такое странное названіе было дано улицѣ жителями мѣстнаго околотка; старики вспоминали, как голодные крысы в подвалѣ заброшеннаго зданія заживо съѣли одного нищаго; по расчетам старожилов этот страшный случай произошел полвѣка тому назад, и с тѣх пор безымянный проѣзд получил кличку Крысыяго Переулка.

В дождливую осеннюю ночь по этой невзрачной и грязной улицѣ шел быстрым шагом мужчина; на его головѣ была нахлобученная на лоб шляпа, а на плечах непромокаемое пальто с высоко поднятым воротником. Он направлялся к старому дому, с частично побитыми окнами, облѣзлой штукатуркой и покосившимися дверя-

ми. Остановившись у деревянных ворот, человек нѣсколько раз стукнул в дверь. Почти сразу над ним запахнулось окно; из окна высунулась женская голова. Внимательно всмотрѣвшись в ночного посѣтителя, женщина кивком пригласила его войти в дом. Нѣсколько секунд ея лицо было освѣщено керосиновой лампой, которую она поставила на подоконник в своей комнатѣ. Прошло короткое время; на бѣлую стѣну и потолок легла другая тѣнь. Проворная рука убрала с подоконника лампу и опустила штору; в узком проѣздѣ снова стало темно. От противоположной стѣны переулка безшумно отдѣлилась человѣческая фигура; если бы не ея крупный размѣр, то было бы трудно признать в этой особѣ мужчину: длинное пальто и шляпа с широкими полями прятали черты лица и линіи тѣла. Недолго постояв перед обвѣтшалым домом, куда скрылся ночной прохожій, наблюдатель с другой стороны улицы, цинично ухмыльнулся и зашагал по направленію единственной гостиницы этого мѣстечка. В той гостиницѣ, по названію «Европа», жила Ирина...

По календарю была осень, но на дворѣ стояло лѣто. И Ирина, пользуясь случаем подышать чистым воздухом, часто по вечерам выходила с Терезой погулять по окрестностям городка. Гражданская война затягивалась и радужныя надежды молодой женщины на скорое окончаніе военных дѣйствій замѣнялись тревогою за близкое будущее. Она читала о кровопролитных боях в Испаніи и знала о недостаткѣ в продовольствіи, снарядах и медицинской помощи в рядах націоналистов. Ирина слышала о звѣрствах, совершенных красными испанцами над беззащитным населеніем и военноплѣнными. Молодая женщина угадывала, что муж и Альда скрывали от нея серьезное положеніе анти-коммунистическаго ополченія; и она не могла без трепета получать вѣсти с фронта. Альфонсо часто ловил ея затуманенный, печально-задумчивый взгляд, устремленный в пространство; незримый взор, рисовавшій себѣ дальнія картины, с обликами близких и дорогими образами свѣтлаго прошлаго. Соколов в своем послѣднем письмѣ извѣщал, что совѣтскіе танки и аэропланы помогли красным удержать за собою Мадрид. Эти свѣдѣнія даже удовлетворили Ваню; он мог лишній раз убѣдиться, что большевики были заинтересованы в поддержкѣ испанской социалистической республики. «Прав отец Михаил: Испанія — передовая позиція Совѣтскаго Союза,» думал Соколов. На трудности

тяжелой войны, на всѣ лишенія, связанные с нею, муж не жаловался. У жены опредѣленно создавалось впечатлѣніе, что Ваня был счастлив, хотя и скучал по семьѣ. Этот парадокс трудно понять человѣку, не ставшему долг цѣлью своей жизни. Но тот, который готов принести в жертву личное счастье ради спокойной совѣсти, не удивится ни подвигу современнаго крестоносца, ни состоянію его души...

— «Что ты ищешь на полу?»—как-то днем, входя в комнату Альфонсо, Ирина спросила его. «Пришла почта; я принесла тебѣ письмо,» объявила она, садясь на кушетку. Молодая женщина, только что вернулась из госпиталя и была в платьѣ сестры милосердія.

— «Как тебѣ идет эта скромная одежда,» отвѣтил он, вставая с колѣн и смотря на нее с нѣжным восхищеніем. Застѣнчивая улыбка скользнула по ея лицу и она снова спросила: «Кажется, ты что то потерял?»

— «Да,» согласился маркиз, «я обронил кольцо. Пальцы похудѣли. Я все откладывал отдать его ювелиру. Давно нужно было сузить мое кольцо,» с сожалѣніем продолжал он, показывая свою смуглую руку, на безымянном пальцѣ которой отчетливо виднѣлась свѣтлая, кольцообразная полоска.

— «Как жаль», пожалѣла молодая женщина, «я хорошо помню твой рубин, который выглядѣлъ каплею крови!» С первой утренней почтою пришло извѣстіе, потрясшее мирное и малочисленное населеніе Санта - Маріи. Ирина держала в руках мѣстную газету. Перед ея глазами была фотографія красивой женщины и надпись: «Жертва ревности. Убійство в Крысьем Переулкѣ... Повидимому,» читала она далѣе, «красавица Мерседес была на содержаніи и ее убил из ревности неожиданно вернувшійся на побывку обманутый муж. Оставленная им записка, «убил за измѣну вѣроломную жену», подтверждает это предположеніе. Полиція ищет владѣльца рубинового кольца, найденнаго в комнатѣ, гдѣ произошло это кровавое преступленіе. Мѣстонахожденіе мужа Мерседес, мелкаго странствующаго торговца, неизвѣстно. Вмѣстѣ с молодой женщиной убита и ея старуха мать, проживающая с дочерью. Интересно отмѣтить, что скромное, но приличное убранство помѣщенія, гдѣ жила Мерседес, разительно отличалось от убожества остальных жилищ Крысьяго Переулка.» Дальше шло описаніе вида комнаты, послѣ совершеннаго убійства: «Поражало обиліе крови: не только пол был ею залит, но кровавыя подтеки и слѣды виднѣлись на стѣнах, окнах и дверях.»

— «Какой ужас!» — отбрасывая от себя на стол газету, обратилась молодая женщина к Доннѣ Терезѣ, сидѣвшей с нею за завтраком в столовой гостиницы.

— «Да,» коротко отвѣтила та, размѣшивая сахар в своей чашкѣ кофе. Послѣ продолжительнаго молчанія она досказала: «Альфонсо ночью уѣхал по дѣлам в Лиссабом. Брат поручил тебѣ передать, что его кольцо нашлось.»

От этих слов лицо Ирины мгновенно вспыхнуло, даже ея лоб густо порозовѣл. Она машинально снова взялась перечитывать статью об убійствѣ Мерседес. В тот самый момент, что она, подавленная своими тревожными мыслями, собиралась встать из-за стола, в столовую вошли два полицейских. — «Это к нам, с допросом,» шепнула Тереза молодой женщинѣ.

— «Они нам повѣрили, что рубиновое кольцо не принадлежит Альфонсо», — облегченно вздохнув, сказала Ирина своему другу, испанкѣ, когда онѣ снова остались вдвоем.

— «Не думаю», довольно рѣзко возразила ей Тереза. «За нами теперь будет слѣдить полиція.»

— «Надо предупредить Альфонсо», волновалась молодая женщина. «Необходимо ему дать знать, чтобы он сюда не возвращался!»

— «Не безпокойся, душка! Брат еще вчера вечером узнал об убійствѣ бѣдной Мерседес. В связи с этим преступленіем он теперь находится в Лиссабонѣ: Альфонсо подозревает кто убійца и гдѣ спрячется сейчас этот мерзавец.»

— «Все это жутко!» — снова ужаснулась Ирина.

На ея глаза набѣжали слезы; слезы жалости к несчастной жертвѣ, слезы стыда за друга, разочарованія в нем. Донна Тереза, как-будто угадав эти думы, порывисто обняла ее за плечи и хрипло прошептала: «Брат тебѣ все разъяснит в свое время.»

— «Мнѣ не нужны его оправданія!» — вспылила та в отвѣт.

— «На ея мѣстѣ я точно также себя чувствовала бы,» подумала старшая, провожая глазами младшую, поспѣшно удалявшуюся из столовой.

С этого дня что-то оборвалось в отношеніях Ирины к Альфонсо. Послѣдній понимал состояніе ея души и грустил о потерянной им близости, основанной на обоюдном довѣрії и уваженіи. Скоро дѣло об убійствѣ Мерседес замаяла сама полиція; видно было, что так поступили по приказанію свыше.

Г Л А В А V.

Б Е С Ъ Д К А.

К Рождеству Ирина и Донна Тереза ждали Альфонсо, который еще в концѣ осени вернулся в Испанію.

Небольшая елка, разукрашенная свѣчами, серебряными и золотыми гирляндами, разноцвѣтными стекляншками и всевозможных размѣров хлопушками, возвышалась на столѣ, в комнатѣ Донны Терезы. Обѣ женщины, окончив украшать дерево, любовались своею работою.

— «В прошлом году я была на Рождество в «Русском Поселкѣ», задумчиво и не без легкой грусти замѣтила Ирина.

— «А я находилась с братом в Мадридѣ. Теперь наш дом забран красным правительством; кажется, в нем устроен клуб. Из «Орлинаго Гнѣзда» эти негодяи сдѣлали крѣпость. Горы Аустуріи и прочныя стѣны нашего замка пригодились им для разбойничьих набѣгов,» сухо усмѣхнулась Тереза.

— «Ваня писал в послѣднем письмѣ, что у них на фронтѣ спокойно. До весны больших сраженій не предполагается.»

— «В будущем году война кончится,» ободряюще отвѣтила испанка.

— «Дай Бог», прошептала Ирина и, обернувшись на шум, послышавшійся за дверью в корридор, слабо вскрикнула: «Василій!» Перед ней стоял брат и счастливая улыбка освѣщала его молодое лицо; он сильно напоминал сестру. Это сходство им обоим было пріятно.

— «Почему я ничего не знала о твоём пріѣздѣ?» — взволнованно спросила она, обнимая его.

— «Мы хотѣли это скрыть от тебя, чтобы доставить еще большее удовольствіе,» вмѣшался маркиз, показавшійся в дверях за спиною Невскаго.

— «Я оставил Марію и сыновей-близнецов в Римѣ; я записался в корпус итальянских волонтеров», пояснил Василій, здороваясь с Донной Терезой, которой он почтительно поцѣловал руку.

— «Я горжусь своим братом,» сверкнув глазами, сказала Ирина; ее голос слегка дрогнул. Но радость замѣнилась тревогой при мысли, что жизнь Василя будет в постоянной опасности. «Ты никогда не воевал, тебѣ будет трудно. Постарайся устроиться в штабѣ.»

— «Мое мѣсто на передовых позиціях!» — отвѣтил ей Невскій, снова обнимая сестру.

— «В тебѣ сказывается кровь отца и дѣда», вымолвила с трудом она и слезы блеснули на ее длинных рѣсницах.»

— «Но Луиджи работает в штабѣ,» добродушно усмѣхнулся молодой человѣкъ. «Мы с ним одновременно приѣхали в Испанію.»

Иринѣ вспомнились давно минувшіе дни, смѣлость Салерни, дуэль между ним и Ларошем. И она замѣтила с улыбкою: «15 лѣтъ тому назад Луиджи предпочел бы быть с тобою в окопах!»

— «Сочетаніе полезнаго с пріятным требует большого искусства,» замѣтил Альда, «с годами избѣгаешь дѣлать первое без послѣдняго. Ты этой мудрости еще не научилась.» — Глаза маркиза смѣялись; они смотрѣли на Ирину с одобреніем...

В одно весеннее утро Иринѣ вспомнились два горестных дня из ее жизни: церковная паперть со скромно одѣтой толпой прихожан, среди которой выступала на синевато-желтом фонѣ неба и церкви нѣжно-грустная красота Ольги и — голубая спальня в «Старом Домѣ,» с неубраной постелью и открытой настежь в корридор дверь, на порогѣ которой стоял плачущій брат.

Первое воспоминаніе связывалось с окончательным раззореніем Невских, второе — со смертью бабушки; теперь с этими мыслями, колющими душу, переплеталась гнетущая, ноющая тревога за брата: Василій в сраженіи под Гвадалахарой пропал без вести. Погиб ли он во время атаки или был взят красными в плѣн — было пока неизвѣстно...

Небесный шатер, усыпанный звѣздами, покрывал землю. Томность благовоннаго юга вдыхалась каждою порою тѣла. Ночь весны своею нѣгою проникала в душу быстрѣе или медленнѣе, в зависимости от возраста человѣка. И сердце людское начинало усиленно биться от сладостных и нѣжных дум.

Ирина торопливо шла вдоль оврага, по окраинѣ Санта-Марія. Просто одѣтая, без украшеній, в шляпѣ, прикрывавшей верх ее лица, она все же обращала вни-

маніе рѣдких прохожих, встрѣчавшихся ей по пути. По большей части это были молодые люди, искавшіе уединенія в красивой и тихой рошѣ на днѣ оврага. Ирина держала в рукѣ бамбуковую трость, острый наконечник которой свободно входил в рыхлую почву. Выраженіе темных глаз было печально; движенія гибкой фигуры были машинальны: то нетерпѣливыя, то медленныя—они говорили о безпокойствѣ, овладѣвающим все болѣе и болѣе молодой женщиной по мѣрѣ того, как она приближалась к деревянной бесѣдкѣ с досчатым полом и мѣстами прогнившим потолком. Душистая жимолость и крестовидный клематис смѣшивали свои цвѣты и листву, переплетаясь на тонких колонках и крышѣ бесѣдки. Узкія скамьи стояли вдоль баллюстрады. На одной из них сидѣлъ барон Сулье. Увидя Ирину, он порывисто поднялся. Кое-какія влюбленные пары проходили мимо бесѣдки и сознание, что она не одна с Морисом в глухой рошѣ, немного успокаивало Ирину. Молодая женщина кивком головы поздоровалась с ним и сказала:

— «Я пришла, чтобы выслушать вас, через нѣсколько минут я уйду. Вы не представили мнѣ выбора и я была принуждена согласиться на это свиданіе.»

Он церемонно поклонился. Они сѣли на скамью. Сулье, откашлявшись, начал: «Ваш брат пропал при осадѣ Гвадалахары. Ради Вас, мнѣ удалось подробно узнать то, что вам было неизвѣстно.»

— «Мнѣ писал Салерни, что Василій первый, с криком «ура» бросился на штурм Гвадалахары. Когда атака была отбита красными, то итальянцы не смогли отыскать ни самого брата, ни его тѣла,» дрогнувшим голосом отвѣтила она.

— «Невскій, тяжело раненый, был взят в плѣн неприятелем,» медленно и, казалось, безучастно объявил он. Ирина до крови прикусила себѣ нижнюю губу; она подавила в груди крик ужаса, но ея блѣдное лицо застыло в горестном молчаніи. Горячія слезы сбѣгали и капали на колѣни молодой женщины.

— «Когда я услышал о несчастіи, постигшем вашего брата, то немедленно стал хлопотать о его выкупѣ или обмѣнѣ. Мнѣ, как иностранцу, притом еще француз*) удалось улучшить уход за ним в лазаретѣ», продолжал Морис, напирая на мѣстоименія. Ирина, приложив платок к вспухшей губѣ, с тревогой и скорбью внимала его словам.

*) Правительство Блюма помогало испанским коммунистам. — Зам. автора.

— «Куда был ранен Василий? Как серьезно его положение? Что могу я сообщить его женѣ?» — еле слышно спросила она.

— «Не теряйте надежду на его выздоровление. Ваш брат так еще молод, что переживет даже рану в живот,» стараясь вселить в нее увѣренность на благополучный исход болѣзни Невскаго, говорил Морис.

— «Разскажите мнѣ о Василии,» — попросила молодая женщина и умоляюще взглянула на барона. Впервые каріе глаза смотрѣли на него привѣтливо и открыто. Он замялся. Она опредѣлила его нерѣшительность как нежеланіе ее огорчить. «Ничего не скрывайте, пожалуйста. Я должна знать правду!» — В просьбѣ Ирины чувствовались не то колебаніе, не то настойчивость.

— «Я застал его в бреду. Это было двѣ недѣли тому назад. Но выглядѣлъ ваш брат не очень плохо. Военный врач считает, что здоровый организм раненаго борется успѣшно с болѣзнью.»

— «Слава Богу! — горячо воскликнула она и перекрестилась. «От всей души благодарю вас! Сегодня же я протелеграфирую Луиджи и Маріи.»

— «Подождите еще немного: я получу послѣднія свѣдѣнія, тогда можно будет обрадовать семью Невскаго.» В его возраженіи замѣтна была поспѣшность.

— «Хорошо,» неохотно согласилась молодая женщина вставая и спросила: «Когда вы разсчитываете имѣть новыя извѣстія о Василии?»

Сулье медлил с отвѣтом. Они стояли один против другого. Уже давно никто гуляя не проходил мимо бесѣдки. Разошлась ли по домам влюбленная молодежь, или в тот теплый вечер нашла себѣ ночлег на мху и травѣ оврага — кто знает? От посвѣтлѣвшаго неба роща выглядѣла еще темнѣе; торжественную тишину безлунной ночи нарушал лишь концерт цикад и древесных лягушек. Она вторично повторила свой вопрос.

— «Это зависит от вас. Если мы с вами сговоримся, то я завтра же наведу нужныя справки и тогда приму мѣры для освобожденія вашего брата.» Голос Мориса звучал неестественно, как-будто волна сильных ощущеній его заглушала. И этот голос ранил и смущал ея сердце; в висках у нея стучало и во всем тѣлѣ ощущалась слабость. «Что мнѣ дѣлать, если мое предположеніе вѣрно? Попробовать его перехитрить или повлѣять на свѣтлую сторону его натуры? У всякаго человѣка есть что-нибудь хорошее!» Такія думы мелькали в ея головѣ. Сулье придвинулся ближе и сказал со страстью:

— «Вы умная и догадались о чем идет рѣчь.»

От этого замѣчанія она покраснѣла.

— «Вы не дѣвушка! Что вам стоит исполнить мое желаніе! Никто не узнает!»

Молодая женщина отвернулась от него и попрежнему молчала. Перед ея лихорадочно блестящим взглядом вѣтки пальм, как длинныя шеи гусей, колыхались от поднимающагося вѣтра. Чувства, обуреваемые ими, сказывались на их лицах: он представлял себя любовником этой гордой красавицы, она боролась с отвращеніем и тоской. Темные глаза тревожно остановились на небесном сводѣ. Обращая свой внутренній взор к этому вѣчному маяку, Ирина молилась: «Господи! Ты сотворил нас по образу Твоему! Ты вдунул в человѣка дух Божій! Освободи этого несчастнаго, потерявшаго человѣческій облик, от власти звѣря!» Она не знала—секунды или минуты длилась ея сокровенная молитва. Но для Сулье порыв ея души был внѣ времени. Совсѣм объективно он вспомнил свое дѣтство, юность и зрѣлые года, начиная с того дня, когда младенцем лежал на груди матери и кончая теперешнею встрѣчей с Ириною. Когда нить воспоминаній оборвалась на настоящем, тогда воображеніе стало плести новые узоры. Морис мысленно видѣл свое позорное существованіе, мучимое сожалѣніем и стыдом, одинокою старостю и никѣм не оплакиваемую смерть... Сіяющій вдохновеніем взгляд Ирины упал на Сулье и затеплившаяся жалость к самому себѣ разгорѣлась у него в самоотверженное стремленіе быть великодушным. От раскаянія он опустил голову и прошептал: «Простите!» Она положила на его плечо руку и тихо отвѣтила: «Бог простит!» На ея осунувшемся лицѣ показалась улыбка участія. Уже удаляясь поспѣшной поступью от бесѣдки, Ирина попросила: «Пожалуйста, не провожайте меня!» Обернувшись она добавила: «Я хорошо знаю дорогу домой и не заблужусь!» Обществу Мориса молодая женщина предпочла одиночество ночи. Барон неподвижно глядѣл ей вслѣд: безстрастное лицо сѣрѣло на черной зелени оврага и глаза, наполняясь влагою, выражали отчаяніе...

Этой ночью Доннѣ Терезѣ не спалось; она вышла в халатѣ и ночных туфлях покурить на балкон своей спальни. Над верхушками деревьев, освѣщенными восходящей луной, бѣлѣл туман. Особенно сильно пахли ночные цвѣты и травы. Медленные и тяжелые шаги поднимались на крыльцо подъѣзда. Посмотрѣвъ через перила,

донна Тереза в грузной мужской фигурѣ признала Сулье. «Не люблю я его,» подумала она, слѣдя за ним. Морис остановился под окном Ирины, подоконник котораго доходил ему до шеи. «Неужели он намѣревается лѣзть к ней в комнату?»—негодуя спрашивала себя старая испанка. «Я оболью его водой,» мысленно добавила она. Но ея опасенія были напрасны: Сулье, постояв нѣкоторое время на одном и том же мѣстѣ, безнадежно наклонил голову и отошел от спальни Ирины. Вдохнув со свѣжим воздухом легкую струю табачнаго дыма, он поднял глаза. На вѣжливый поклон Мориса, Тереза отвѣтила небрежным кивком. «Молодой человѣкъ! Я не могла не угадать ваши неблагородныя мысли. Совѣтую оставить в покоѣ мою юную подругу,» рѣзко сказала она. Сулье с горечью усмѣхнулся. «Ирина слишком хороша для таких людей, как вы,» сухо договорила испанка. — «Я сознаюсь в своем ничтожествѣ,» в его самобичеваніи проскальзывала ѣдкость. — «Никакой надежды!» — сурово закончила, прямого нрава, старуха.

— «Я в этом не сомнѣваюсь», мрачно заключил барон.

Не без удивленія и с интересом она взглянула на француза; его понурый вид произвел на нее не то жалостное, не то пренебрежительное впечатлѣніе: горячность оставила сердобольную женщину.

— «Я знала вашу мать,» совсѣм неожиданно для самой себя замѣтила она. Сухая и в тоже время привѣтливая улыбка разгладила ея сморщенные губы. «Г-жа Сулье была очень красива».

Второй раз за день зеленые глаза сверкнули слезами.

— «Adieu madame, adieu.» Эти грустно-протяжныя слова, замирая, уходили в вѣчность, в вѣчность, полную тайны. Морис с самаго дѣтства не плакал.

Г Л А В А VI.

КОНЕЦ БЕЗСЛАВНАГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Прошли сутки и мѣстная газета снова помѣстила на своих страницах сенсационное извѣстіе: «Извѣстный банкир, барон Сулье, застрѣлился в оврагѣ. Самоубійство произошло в бесѣдкѣ. Это любимое мѣсто для встрѣч и прогулок здѣшней молодежи станет теперь для нея мѣстом привидѣній. И в поздній час вряд-ли кто из нас от-

важится посѣтить этот овраг. На трупъ была найдена записка: «Никто не повинен в моей смерти. Я разорился и принужден покончить с жизнью!»

— «Какое несчастье!»—почти одновременно воскликнули Ирина и Тереза. «Я не подозрѣвала, что Морис был разорен!» сморкаясь, досказала первая. — «Альфонсо не так давно слышал, что банк Сулье *«a fait faillite»*», добавила вторая. «Теперь я не могу не пожалѣть, что вчера ночью не задержала его и не выпытала, что было у него на душѣ,» припоминая свой разговор с французом, с огорченіем объявила старая испанка. Ни Ирина, ни донна Тереза не знали, что барон Сулье перед своей смертью писал маркизу Альда, находившемуся в этот момент в Англии. С содержаніем этого письма они ознакомились много позднѣе.

Послѣ похорон Сулье в газетах появилась новая замѣтка об убійствѣ Мерседес, при чтеніи которой у молодой женщины создавалось опредѣленное впечатлѣніе о неразрывной связи между самоубійством и кровавым преступленіем, хотя разслѣдованія полиціи и не указывали на непосредственное соотношеніе этих трагических событій. «Задержан убійца Мерседес; он состоял в мѣстной коммунистической ячсйкѣ и скрывался у своих сообщников. Мануэлло, муж Мерседес, на этих днях был найден зарѣзанным у сѣверной границы Португаліи. Арестованный преступник дал слѣдующія показанія: «Муж и жена были тайными агентами испанских повстанцев. Свѣдѣнія, собираемая во время своих странствованій, Мануэлло передавал Мерседес, которая, в свою очередь, извѣщала о них своего начальника. Послѣдній по ночам приходил к ней за донесеніями. «Партія Народнаго Фронта» приговорила к смерти шпионов, продавших ся фашистам. Заодно пришлось прикончить и тещу. Жалко было пробивать человѣческіе черепа ничѣм не обидѣвшим людям, но вид крови распалил меня: течет эта кровь алыми, теплыми струйками по пальцам, на сердцѣ как-то щекотно и забористо становится.» Излагая свою исповѣдь, этот изверг смаковал каждое слово. Окончил же он описание своей кровавой исторіи дерзким заявленіем: «Это — не преступленіе, а политическое убійство!» Далѣе корреспондент прибавлял от себя, что обыватели Крысьяго Переулка неоднократно замѣчали ночных посѣтителей красавицы Мерседес, а также и наблюдателей за всѣм, происходившим в ея домѣ. Двух из этих таинственных личностей полиціи удалось признать в лицѣ убитаго мужа и его палача. Но осанистый, средняго ро-

ста мужчина, зачастую навѣщавшій Мерседес и слѣдившая за ним особа, тучность которой в Крысѣм Переулкѣ не могла не броситься в глаза, оставались попрежнему в тѣни неизвѣстности.

Узнав о самоубійствѣ Мориса, молодая женщина в точности и без обиняков рассказала доннѣ Терезѣ о своем свиданіи в рошѣ.

«Как мнѣ теперь поступить, чтобы выручить из бѣды брата?» тревожилась она.

— «Я немедленно выпишу сюда Альфонсо», успокаивала ее испанка.

— «О чем у тебя был разговор с бѣдным Сулье, накануне его самоубійства? Помнишь, ты упомянула, что видѣлась с ним незадолго до смерти?»—В вопросѣ Ирины чувствовались нерѣшимость и волненіе. Поняв, что творилось на душѣ у молодой женщины, Тереза невозмутимо отвѣтила: «Он жаловался на свои денежные непріятности и, видимо, был угнетен своим плачевным финансовым положеніем, принуждающим его вернуться во Францію. У Сулье не хватило нравственных сил перенести этот удар судьбы.»

— «Я мучаюсь угрызениями совѣсти, что с моей стороны ничего не было сдѣлано, чтобы предотвратить этот безславный конец! Мнѣ легче стало на сердцѣ от твоих слов.» И каріе глаза с нѣжной благодарностью посмотрѣли на донну Терезу. В их влажной глубинѣ блистали росинки. Видѣл-ли злополучный самоубійца эти слезы, пролитыя в его память сострадательной красавицей? Оросили-ли онѣ опустошенную душу, принося ей облегченіе в жгучих терзаніях? Вспомнились ли несчастному бесѣдка и то мгновеніе, давшее ему почувствовать свое безмѣрное паденіе, свою нищету духовную? Жалѣя себя и молодую женщину, не возненавидѣл-ли он тогда свою жизнь? И, сраженный безысходностью своего положенія, не зародилось-ли еще там, в оврагѣ, у него желаніе смерти? Кто вѣдает?...

Сулье в своем письмѣ к Альда частично разоблачал коммунистическую дѣятельность тайных агентов партіи «Народнаго Фронта». Он сознавался, что с самага начала гражданской войны в Испаніи состоял на службѣ у красных. «Страх перед бѣдностью принудили меня к этому, недостойному порядочнаго человѣка поступку.» Морис просил Альфонсо сообщить Иринѣ, что ея брат в безсознаніи скончался от тяжелаго раненія. «Мнѣ удалось отыскать труп Невскаго в Гвадалахарѣ и похоро-

нить его отдѣльно на кладбищѣ.» Ниже он писал: «Так гнусно обманув Ирину, я не могу больше с нею встрѣчаться... Но эти встрѣчи стали моим дыханіем... Незнѣстность там меня менѣе удручает, чѣм безславіе здѣсь... Я рѣшил порвать с коммунистами и мнѣ ничего другого не остается, как застрѣлиться... Она ушла, но ея слова: «Бог простит!» неотлучно со мною,» заключил, омраченный тоскою, самоубійца.

Возвращеніе маркиза принесло молодой женщинѣ не утѣшеніе, а горе. Радостно привѣтствуя своего друга, она ему говорила:

— «Мы ждали тебя с нетерпѣніем! Я увѣрена, ты сможешь спасти Василю. Нельзя откладывать это дѣло; нужно сразу дѣйствовать!» Ея безпокойство было очевидно, но в этом безпокойствѣ была явная надежда. Альфонсо, грустно улыбаясь ей, отвѣчал:

— «Отложим наш серьезный разговор на нѣкоторое время. Я поспѣл как раз к вашему обѣду. Хорошій стол — большое наслажденіе в жизни, послѣ продолжительнаго пребыванія в «Коварном Альбюнѣ».*) Этот шутиливый тон не шел к его жалѣющему, внимательному взгляду. Он не смѣл сразу лишить ея надежды и отдалял печальное свиданіе, чтобы не видѣть скорбныя слезы в карих глазах; — в глазах, которые он так любил, особенно тогда, когда они смѣялись ему ласково.

— «Я хочу ѣхать в Испанію и работать на передовых позиціях,» в тот же вечер, послѣ разговора с Альда, объявила Терезѣ сокрушенная Ирина. Ея покраснѣвшіе глаза, в опухших вѣках, безотрадно смотрѣли на низину, в глубинѣ которой возвышались каменные отроги и хребты; вдали, через полевою мглу уходящаго дня, чернѣли горныя провалы и выбоины.

— «Без согласія мужа ты не можешь принять такое серьезное рѣшеніе», с волненіем возразила ей старая испанка.

— «Я сегодня же напишу Ванѣ,» коротко и внятно отвѣтила молодая женщина.

— «Одну я тебя никуда не пушу,» не менѣе опредѣленно сказала Иринѣ донна Тереза...

Соколов отказал женѣ в просьбѣ работать в походном лазаретѣ на передовой линіи. «Если ты будешь на фронтѣ, я потеряю спокойствіе и это отразится на моей службѣ. Для воина большое утѣшеніе сознавать, что его семья находится в безопасности», писал он молодой женщинѣ.

*) «La perfide Albion—названіе данное французами Англіи.—Зам. автора.

ГЛАВА VII.

АСТУРІЯ.

Прошли недѣли и маркиз извѣстил донну Терезу, что их родовой замокъ свободен от «нечисти» и принимает прежній вид. В этом же письмѣ он запрашивал у сестры ея согласіе на открытіе в «Орлиномъ Гнѣздѣ» военнаго госпиталя. «Хотя в Кантабрійскихъ горахъ все еще не безопасно передвигаться для нашихъ небольшихъ отрядовъ, но самъ замокъ представляетъ естественную крѣпость и дорога къ нему не подвергается болѣе нападеніямъ красныхъ.»

Теперь, не идя противъ воли мужа, Иринѣ представилась возможность осуществить свое намѣреніе попасть в Испанію, куда ее тянуло из-за стремленія быть ближе къ мужу и желанія помолиться на могилѣ брата. Уговорить донну Терезу перебраться изъ Португаліи в Астурію было не трудно: испанской патріоткѣ давно хотѣлось вернуться на родину...

Послѣ долгаго времени сѣрый Рольс-Ройсъ вновь спускался в долину «Орлинаго Гнѣзда». Средневѣковое строеніе сѣрѣло черезъ золотистую мглу лѣтняго заката. Много воспоминаній было заключено для Ирины в этомъ старинномъ замкѣ. Кусочки этихъ воспоминаній, пріятныхъ или тѣснящихъ грудь, поштучно укладываясь на свои мѣста, составляли пестрый лабиринтъ. Картина прошлаго, возстановленная изъ отрывковъ ея юности, когда душевное томленіе частенько боролось съ жизнерадостностью молодости, была довольно сумбурна. И, может-быть, рельефнѣе остальныхъ впечатлѣній выступала романтическая повѣсть маркиза о маврѣ-разбойникѣ и прекрасной Изабеллѣ. Иногда воображеніе бываетъ ярче самой жизни.— «Я непременно должна снова увидѣть «Разбойничье Гнѣздо», — вслухъ выразила она свои мысли.

— «Никуда удалаться отъ замка ты не будешь». строго отвѣтилъ ей Альда, сопровождавшій Ирину и сестру в «Орлиное Гнѣздо». «Въ горахъ бродятъ отряды красныхъ; и, вообще, безъ вооруженнаго наѣздника ты не сможешь ѣздить верхомъ, даже по нашей долинкѣ», добавилъ онъ. В этомъ замѣчаніи чувствовалось приказаніе.

— «Папаша мною недоволен. Не правда-ли?»—спросила молодая женщина, добродушно подтрунивая над своим другом:

— «В послѣдній раз я слышал от тебя это названіе много лѣтъ тому назад;» и Альфонсо многозначительно взглянул на нее.

— «Да,» со вздохом согласилась она, думая о дорогих усопших: бабушкѣ, нянѣ и братѣ.

— «Это было во время грозы в Пиринеях,» и на губах маркиза появилась грустная улыбка.

Ирина знала, что тогда, в горах, буря и ночь породили в сердцѣ Альфонсо любовь... и, ему в отвѣтъ, она улыбнулась своими глазами.

— «Хорошее было время», замѣтила донна Тереза. «Я любила Біарриц».

— «Просто не вѣрится, что с тѣх пор прошло столько лѣтъ,» задумчиво и вслух разсуждала молодая женщина. «Мнѣ кажется, я еще недавно была здѣсь. Переживанія, к которым любит возвращаться мысль, внѣ времени.» И с легкой усмѣшкой она добавила: «Мавр и Изабелла не менѣе реальны для меня, чѣм вы оба».

— «Я теперь живу одним сегодняшним днем; у меня нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго. Меня интересует оборудовать как можно лучше наш госпиталь. Моя жизнь меня удовлетворяет и мнѣ ничего болѣе не нужно,» нетерпѣливо высказала свое мнѣніе донна Тереза.

— «Говорил ли я тебѣ,» поинтересовался узнать у Ирины Альфонсо, «что в Астуріи перед самой войной было землетрясеніе? Развалины разбойничьяго замка придавлены упавшими скалами. Теперь вся та долина заброшена щебнем и булыжниками; в ущельи многіе уступы обвалились,»

— «Цѣл ли водопад и бурный поток,» освѣдомилась у него молодая женщина.

— «Да, но горный ручей перемѣнил свое русло.»

— «Жаль, что я не смогу там побывать!»

— «Ходят слухи, что в этих мѣстах находится шайка Чернаго Волка,» — нехотя пояснил Альда.

— «Совсѣм — средневѣковье!» — воскликнула она. «Отчего этот кондотьер прячется под такой странной кличкой?»

— «Я так и предполагал, что это названіе тебя менѣе испугает, чѣм заинтересует. Но не думай, что современный разбойник имѣет общее с легендарными грабителем. Черный Волк — настоящій анархист! Для всякаго

— попасть к нему в лапы страшно; для Изабеллы ея вынужденное пребываніе у рыцаря-разбойника было менѣе опасно,» заключил маркиз.

— «Альфонсо мнѣ говорил, что послѣ землетрясенія образовался новый вход в долину, который закрывается водопадом», вставила свое слово Тереза.

— «Об этом я просил тебя никому не упоминать», упрекнул брат сестру. «Я имѣю в виду в скором будущем воспользоваться этой разсѣлиной,» закончил он. Они вѣѣзжали во двор замка...

— «Come sta signora,» такими словами мѣсяцем позже привѣтствовал Ирину Луиджи. «Я взял отпуск, когда узнал, что ты в Испаніи, и прикинулся больным: приступ маляріи.»

— «Как тебѣ не стыдно обманывать свое начальство и подчиненных!» не то серьезно, не то подсмѣиваясь над ним, отвѣтила она.

— «Нам всѣм по очереди не здоровится. Теперь пришел мой черед. Это первая отлучка. Я цѣлый год не видѣл дочь!» — бойко оправдывался Салерни.

— «Господин полковник, в наказаніе за вранье я вас уложу в общую палату и посажу на строгую діету»,

— «С удовольствіем, если сестра Ирина согласится за мной ухаживать,» пошутил он.

— «Я ухаживаю лишь за тяжело больными», улыбнулась молодая женщина.

— «В таком случаѣ я постараюсь серьезно заболѣть,» смѣясь возразил Луиджи.

— «Ты остался все таким же, каким я знала тебя в дни нашей юности,» замѣтила она.

— «Ты права: мое чувство к тебѣ нисколько не измѣнилось. Я всегда это сознаю, когда вижу тебя,» уже без смѣха сказал Салерни. Это замѣчаніе вызвало румянец на ея щеках.

— «Я думала совсѣм о другом», поспѣшила пояснить ему сестра милосердія; в заключеніе она строго предупредила новоприбывшаго гостя: «Здѣсь — лазарет, а не «Casino della Rosa».

— «Скорее, это l'hospedale della Rosa,» нашелся ей отвѣтить Луиджи.

— «Мѣткій намек,» похвалил с усмѣшкой на тонких губах маркиз, входя в гостиную, гдѣ Ирина принимала Луиджи.

— «Как здоровье бѣдной Маріи?» — болѣзненно сдвинув брови обратилась она к Салерни; своим вопросом

Ирина пресѣкла их поверхностный разговор. Его лицо омрачилось:

— «Сестра очень переживает смерть мужа. Ужасное горе для нас всѣх — потеря Василия! Я очень любил моего шурина. — Он так на тебя походил!» Взгляд Луиджи стал влажным. У ней тоже слезы навернулись на глаза.

— «Да», с усилием вымолвила она свой краткій отвѣтъ. Альфонсо с состраданіем посмотрѣлъ на молодую женщину и сокрушенно подумал: «Ирина тяжело переносит смерть брата, но старается не показать нам свою печаль... Соколов был легко ранен, но скрывает это от жены. И теперь, оплакивая Василия, она мучается за Ваню... Молодость всегда готова считать, что жить легко, а умереть трудно. Старость же придерживается обратнаго мнѣнія. И когда судьба посылает в этой юдоли плачевной свѣтлые дни, то старики признательны ей за быстротечную ласку, за мимолетную улыбку.» Свои грустные мысли маркиз никогда не выражал вслух...

Ирина жила третій мѣсяц в будуарѣ хозяйки дома. По утрам и вечерам трудового дня, вставая с постели или ложась спать, она разсуждала с Терезой о текущих дѣлах повседневной жизни. Онѣ дѣлились впечатлѣніями и мыслями о событіях, развивающихся в связи с испанской смутою.

— «Как не хочется вставать,» зѣвая и потягиваясь, говорила молодая женщина своему другу, сбрасывая с себя одѣяло и опуская ноги на пушистый ночной коврик. Вчера мы до 12 часов засидѣлись с Альфонсо. Разсматривали его коллекцію Фаберже. Было очень интересно и напомнило мнѣ дѣтскіе годы».

— «Брату полезно было отвлечься от безпокойных дум. От меня ему не удастся скрыть свое тревожное настроеніе. Как-будто его давит какое-то предчувствіе несчастья», отвѣчала донна Тереза. Иринѣ внезапно стало страшно и она нерѣшительно замѣтила:

— «Ни в предсказанія, ни в предчувствія вѣрить нельзя: все совершается по соизволенію Божьему; все Богом предусмтрѣно и без Его воли ничего не происходит.»

— «Это вѣрно, но иногда сердце чует приближающіяся радости или горести.»

— «Да,» тихо согласилась молодая женщина, вспоминая, как почувствовала еще наканунѣ надвигавшуюся смерть бабушки.

— «Вот опять сегодня ночью мнѣ снился все тот же сон, в котором я вижу себя окровавленной с головы до ног,» продолжала старая испанка. «И это не к добру!»

— «Здѣсь, в «Орлином Гнѣздѣ», ничего плохого произойти с нами не может. Это — крѣпость!» — успокоительно возразила Ирина, торопливо накидывая халат и направляясь в ванную комнату.

— «Гдѣ у тебя лежит лекарство от головной боли?» — спросила она, возвращаясь в будуар, послѣ короткаго отсутствія.

— «Мой запас кончился, но аспирин можно достать у нашего доктора... Я забыла тебя предупредить, что в аптекарском шкапу я держу веронал. Прошу тебя без докторскаго предписанія им не пользоваться. В большой дозѣ это лекарство смертельно. Одна моя пріятельница по ошибкѣ отравилась вероналом,» отвѣтила донна Тереза.

— «Не безпокойся! Когда у меня бывает безсонница, я принимаю безобидныя валеріановыя капли,» улыбнулась молодая женщина.

— «Кто такой недавно появившійся молодой мужчина: что-то среднее — между недоноском и гомункулом,» позже, во время завтрака, освѣдомилась она у хозяйки дома, держа в руках чашку горячаго какао. В ея серьезных глазах блеснул насмѣшливый огонек.

— «Это — Бласко, внук камердинера моего отца. Ты, навѣрно, помнишь старика Діего? Тот самый, который на наше счастье спросонья перепутал порученіе брата,» и Тереза многозначительно усмѣхнулась.

— «Нашу ночную поѣздку в догонку Альфонсо и Андрею я никогда не забуду», виновато улыбнулась молодая женщина,

— «Бласко свое дѣтство провел в «Орлином Гнѣздѣ». Я его крестная мать. Брат сперва помѣстил мальчика в коммерческое училище, потом устроил на службу в Обіего к нашему нотаріусу. Подумай только! Бласко сражался в рядах красных против нас — націоналистов! Вѣдь он всѣм обязан нашей семьѣ,» с возмущеніем продолжала испанка. «Теперь Бласко оправдывается, указывая на то, что его насильно заставили воевать, что ничего иного ему не оставалось дѣлать. Если-б Діего был жив, дѣд проклял бы внука!» — закончила она с еще большим жаром.

— «На долго ли нас покидает Альфонсо? Без него как то неуютно,» сказала вставая из-за стола Ирина.

— «Замок охраняется. Наша стража состоит из преданных нам людей. Они хорошо вооружены; съѣстные припасы заготовлены в достаточном количествѣ,» отвѣтила Тереза, угадавъ ея настроеніе. — «Брат общается через 2-3 недѣли вернуться,» договорила она. В это утро обѣ встревоженныя женщины старались успокоить одна другую; у них обѣих слегка скребло на сердцѣ...

Иринѣ стало казаться, что она постоянно видится с Бласко. Выйдет ли молодая женщина в сад или на двор, подымается ли во второй этаж в свою комнату или забѣжит на кухню—вездѣ неожиданно показывается шуплая фигура молодого мужчины. То промелькнет он между деревянными перилами лѣстницы или каменными колоннами подъѣзда, то в кухонном окнѣ или в кустах можжевельника. Эти внезапныя появленія и такія же незамѣтныя исчезновенія производили на Ирину впечатлѣніе чего-то сверхестественнаго и раздражали ее своей необычайностью. Иногда, ощутив на себѣ чей-то пронизывающій взгляд, она искала глазами виновника своего неопредѣленнаго безпокойства и, обращиваясь, неизбѣжно встрѣчалась взором с Бласко. И в этом упорном, лихорадочном устремленіи недоброжелательныхъ глазъ было что-то зловѣщее. «Гомункул мнѣ порядочно надоѣлъ,» думала молодая женщина. «Когда пріѣдет Альфонсо, то я пожалуйсъ ему на поведеніе его протеже,» рѣшила она, перестав кланяться Бласко. Особенно одна встрѣча с Гомункулом запечатлѣлась в памяти Ирины. Эту встрѣчу она сравнивала с портретомъ человѣка, изображеннаго с закрытыми глазами: мерещится тому, кто стоит перед искусным рисункомъ, что вот-вотъ поднимутся опущенныя вѣки и тогда поймается взглядъ человѣка и познаются его мысли. Но напрасно это желаніе увидѣть неглядящія очи, хотя порою и кажется, что они через закрытыя вѣки зажигаются призрачнымъ огнемъ. И чѣмъ дольше смотришь на портретъ, тѣмъ досаднѣе и жутче становится на душѣ и гонишь от себя желаніе взглянуть в эти закрытые глаза.

Ирина отставила утюгъ, выключила провод и, аккуратно сложивъ в ящикъ комода выглаженное бѣлье, выбѣжала в сад. Вечеръ поздняго лѣта дразнилъ прохладой и зарево заката манило в даль. Ея шаги направились в глубь сада. Тамъ, под нависшимъ утесомъ, время образовало таинственный гротъ, воды котораго отливали зеленовато-коричневыми искрами. Сюда доходили лишь низкіе лучи заходящаго солнца. Опершись на желѣзную рѣшетку

она любовалась игрою свѣта с тѣнью на влажной поверхности грота. Уродливо удлиненный силуэт Ирины ложился на воду, доставая своим верхним концом противоположной стѣны. Прошла минута и новая тѣнь упала рядом со старой. Молодая женщина вздрогнула.

— «Добрый вечер, синьора,» пусто зазвенѣл за ея спиною голос Бласко. Она повернулась к нему лицом и коротко отвѣтила:

— «Здравствуйте». Впервые он ей улыбнулся, но эта бездушная улыбка не согрѣвала. Как-будто расчетливый разум сложил мгновенно губы в холодную улыбку и так-же быстро убрал ее с лица.

— «Я покажу вам мѣсто, с котораго открывается поразительный вид на долину,» с торопливостью продолжал Гомункул. «Надо подняться на вышку грота, там — площадка. Закат оттуда великолѣпен.»

— «Но я не вижу как можно взобраться на этот утес,» нерѣшительно сказала Ирина, в то же время соображая: «Если я буду с ним любезной; то, возможно, наши натянутыя отношенія прекратятся; это желательно; — поведение Гомункула несносно.» Указывая рукой на угол, образованный рѣшеткою и отвѣсной гранью грота, он замѣтил:

— «Мы пройдем через калитку и вдоль стѣны доберемся до лѣстницы, высѣченной в камнѣ. Влѣзть по ней наверх вам будет не трудно.»

— «Хорошо», нехотя согласилась она, слѣдуя за ним и добавила: «Я не знала о существованіи этой калитки.»

Ирина стояла на краю площадки; вид с вершины скалы был замѣчательный. Под ея ногами многосаженная стремнина упиралась в острые камни, зубцы которых щетинясь толпились у подножья утеса. Ниже и дальше, в пламени заката, как огненное море, горѣла долина.

— «Как красиво», легко вздохнула она. Божественная красота, вливаясь в душу, наполняла ее чувством неземной радости. Но это созерцательно-воспримчивое состояніе как-то сразу прекратилось; оборвались невидимыя нити, душевно соединяющія молодую женщину с вселенной. Как-будто кто-то насильственной рукой порвал эту небесную связь, и что-то давящее включилось в мозг Ирины. Глаза, только что обнимавшіе красоту долины, превращенную в огонь и сливавшуюся с небом, перестали ее видѣть; перед безпокойным взглядом молодой женщины исчезало в призрачность великолѣпные ве-

черней зари, но зато еще грознѣе близились каменные зубья. Теперь не воздушныя нити поднимались в высь, а тяжелыя гири тащили к землѣ. Страшная мысль обожгла ея ум: «Бросься вниз!» Одно мгновѣніе Иринѣ показалось, что она падаетъ в бездну, которая влекла и пугала ее. Но стряхнувъ с себя душевное оцѣпенѣніе, Ирина в ужасѣ отшатнулась от края обрыва. «Чуть-чуть не покончила с собой... нашло на меня какое-то безуміе, ничего подобнаго со мной никогда раньше не бывало!» пронеслось в ея головѣ, которая слегка кружилась. И только сейчас молодая женщина вспомнила о Бласко. Их взгляды на мгновѣніе встрѣтились. Он быстро сощурилъ глаза и, круто повернувшись, бросился к спуску площадки. Как-будто боясь выдать свои думы, Гомункул поспѣшно бѣжал от Ирины. Не пришло еще время опущеннымъ вѣкамъ подняться. Но близился час, когда из костлявыхъ орбитъ должна была выглянуть содрогающая жуть!

ГЛАВА VIII.

КОШМАРНАЯ НОЧЬ.

Кто-то тормошилъ за плечо Ирину, чей-то шопотъ будилъ ее своею острой тревогой. Передъ нею стояла донна Тереза, в длинной ночной сорочкѣ, с чепцомъ на головѣ, из под котораго выбивались косички и пряди рѣдкихъ волосъ. В рукѣ она держала электрическій фонарь.

— «Что-то жуткое творится в домѣ! Я хотѣла выйти в корридор, но нашла наши двери запертыми. Доносятся стоны, крики о помощи и предсмертныя вопли!» Голосъ у старой испанки дрожалъ и медленныя, горькія слезы скатывались по ея желтой старческой кожѣ. В широко раскрытыхъ глазахъ молодой женщины отразился весь ужас, который она прочла во взглядѣ Терезы... С осторожностью отворивъ окно, она высунулась из него. Чтобы увидѣть то, что происходило в саду, нужно было лечь на широкій подоконникъ. Внизу шмыгали тѣни. Когда эти тѣни освѣщались луною, тогда можно было их разсмотрѣть: одни тащили или несли награбленное и складывали краденныя вещи в кучу, около которой стояла охрана, другіе вели несчастныхъ пленниковъ, служащихъ замка, третьи, с бутылками вина, взятыми из погреба, и пищею, забранной в ледникѣ, разсаживались с поспѣшностью на травѣ вокруг костра, чтобы поудобнѣе выпить и закусить. То тут, то там валялись тѣла убитыхъ и ранен-

ных, послѣдніе произывали ночной воздух своими воплями о пощадѣ.

— «Принеси бинокль», шепнула Тереза. Теперь кошмарная картина взятія «Ординаго Гнѣзда» разбойниками явственнo вставала перед их глазами: на воротах замка висѣло красное знамя с черной волчьей мордой. Сомнѣнія разсѣивались; они, увы, знали, в чьи кровавыя лапы попались так внезапно.

— «Наша стража забыла запереть на ночь ворота... или нападеніе на «Орлиное Гнѣздо» было предусмотрѣно и заранѣе подготовлено. Но в таком случаѣ кто мог быть предателем? — ужаснулась старуха своему предположенію.

«Нужно ударить в набат, пробраться в башню! Звон колокола слышен на значительном разстояніи. Надо во что бы то ни стало ее спасти,» быстро обдумывала она их горестное положеніе.

— «Что нам дѣлать?» — совсѣм тихо спросила Ирина. Ея сухіе глаза выражали духовное напряженіе, И казалось молодой женщинѣ, что она снова переживает всю безысходную жуть большевизма. Собирая свои нравственныя силы, Ирина готовилась к смерти. «Какое еще счастье, что ни Вани, ни Андрюши нѣтъ со мною! Когда одна, тогда легче при таких кошмарных условіях разставаться с жизнью,» мелькали в ея головѣ палящія убійственныя мысли.

— «По карнизу можно доползти до церкви и оттуда, из сакристіи, через боковую дверь, подняться на колокольню. Колокольный звон будет слышен во всѣх окрестных деревнях и помощь не замедлит явиться,» шептали торопливо безкровныя губы испанки. «Я попробую первая, но если не смогу пересилить головокруженіе, то тебѣ придется ползти туда. Эта часть дома находится в тѣни. Ключи от колокольной висят на стѣнѣ в сакристіи.»—Скоро восход, нельзя терять времени,» также с поспѣшностью отвѣчала Ирина. Дрожащими руками она сняла с вѣшалки свой верховой костюм и вынула из шкафа сапоги и берет.

— «Голова кружится,» отходя от окна, сокрушенно созналась Тереза в своей физической слабости. Молодая женщина перекрестилась и, стиснув зубы, начала медленно спускаться с подоконника на карниз дома.

— «Подожди,» остановила ее испанка. «На всякій случай», прошептала она, вынимая из своего кармана жестяную коробочку. Онѣ встрѣтились взглядом. «Ле-

карство моей пріятельницы» — одними губами договорила старуха, всовывая веронал в карман молодой женщины... Эти минуты были для Ирины вѣчностью ада; сердце то останавливалось, то учащенно билось; тѣло то холодѣло, то обдавалось жаром. Слегка покатый, но довольно широкій карниз представлял прочную точку опоры для ея рук и колѣн. Постепенно, справившись с дрожью в тѣлѣ она ускоряла свои движенія. Снизу доносился хохот пьяных, стenanія узников, отчаянный визг и плач женщин. Когда Иринѣ дѣлалось невыносимо, она зажимивала глаза и, прижавшись к стѣнѣ, ждала, пока не проходила дурнота. Голова молодой женщины уперлась в желѣзную рѣшотку балкона и, придерживаясь за нее руками, она обернулась: вдали чуть-чуть бѣлѣл чепец донны Терезы; вѣтер взметал ленты на нем. Обѣ улыбнулись, но этого жалостливаго прощальнаго привѣта ни та, ни другая не могли увидѣть.

Пересѣкая в полумракѣ церковь, Ирина споткнулась о валявшуюся на полу разбитую статую Мадонны. «Какой ужас!» — подумала она. Церковь была осквернена безбожниками. Дверь из ризницы в башню не была заперта, молодая женщина, сняв с крюка ключи, никѣм незамѣченная, вышла на площадку лѣстницы...

Тяжело опустившись на колѣни, донна Тереза молилась перед Распятіем, в комнату мягко пробивался свѣтъ ночи. «Доберется ли она безпрепятственно до колокольни?» — с внутренним содроганіем думала старуха. В отвѣтъ на ея мысли раздался колокольный звон: сперва слабый и сбивчивый, затѣм настойчивый и громкій. Гудѣлъ старинный колокол «Орлинаго Гнѣзда»; его голос многократным эхом звучал в горах и долинах. Но поток звуков, своеобразных и диких, внезапно пресѣкся; в ночной тиши запѣлъ благовѣст...

Ирина, вбѣжав в колокольню, заперла за собою тяжелую дверь. Мѣдный язык, качнувшись, издал протяжный стон. В безпорядочных и лихорадочных ударах колокола сказывалось состояніе души звонаря: страх и спѣшка, смѣлость и рѣшимость.

Набат, прекратившій шумную оргію грабителей, измѣнил намѣренія начальника банды; Черный Волк рѣшил немедленно покинуть замок. Своему старшему помощнику он приказал убить всѣх мужчин, дѣтей и старух. Богатую добычу разбойник велѣлъ забрать с собою и доставить в полной цѣлости в разбойничье становище, лежащее в неприступных горах. «Дѣлеж произведем до-

ма», показывая длинным, крючковатым пальцем на сѣверо-запад, объявил он. Жестокая, циничная усмѣшка кривила широкий рот Чернаго Волка; горбатый нос хищно свисал над верхней губой грабителя и его сухощавое тѣло сутулилось от беззвучнаго смѣха. Небольшая неудача не испортила настроеніе Чернаго Волка.

Дверь колокольни не сразу поддавалась натиску красных; ея желѣзные обручи и оправа были несокрушимы. Когда Ирина услышала, вѣрнѣе почувствовала близкое присутствіе врагов, то оборвала набат. Тихій благовѣст был отходной молитвою несчастной женщины.

Перед окаменѣвшей от ужаса Ириной стоял Черный Волк: непроницаемая маска прятала черты лица разбойника и шалка с наушниками плотно прикрывала его голову. В первую минуту грабители растерялись при видѣ молодой женщины, поразившей своим необыденным видом даже озвѣрѣлых людей. Инѣсколько секунд они всѣ не шелохнувшись вглядывались в нее с явным любопытством: — «Кто — ты?» — первый очнулся от удивленія Черный Волк, нарушая молчаніе, насыщенное страданіем души и человѣческой злобою. Этот вопрос остался без отвѣта. Цѣпкіе пальцы Чернаго Волка впились в плечо Ирины; его лицо опустилось на уровень ея глаз, чей застывшій взор, казалось, никто не видѣл...

Щелкнул затвор; дверь распахнулась в спальню донны Терезы. На порогѣ показалась юркая фигура Бласко; за ним виднѣлись суровые, мрачные грабители, руки и головы которых были замараны грязью и кровью. Хозяйка дома поднялась с колѣн: ея безстрашный взгляд с презрѣніем смотрѣл на вѣроломнаго крестника.

— «Пришел час заплатить вам за все то, что вы для меня сдѣлали,» ядовито сказал Бласко. «За хлѣб-соль, за пріют в стѣнах этого замка,» с ехидством и напряженіем продолжал он. «Как ненавиждѣл я свою подлость, которая заставляла меня лицемѣрить, гнуть перед вами спину и угодничать! Как я презирал себя за сознаніе своего недостойнства: я чувствовал себя среди вас прислугою. Сколько злобных слез я проливал из-за своего безсилія порвать с вами. Из-за своей слабости, мѣшавшей мнѣ отказаться от сладкой ѣды и мягкой постели! Как хотѣлось мнѣ принести в жертву свободѣ свое обезпеченное существованіе сытаго раба!»

— «Молчи, щенок,» сурово возразила ему крестная мать. «Мы сдѣлали для тебя, в память твоего дѣда, все возможное. Ты клеветишь на нас!»

— «Ни слова болѣе,» брызгая слюной, сдавленно прошипѣлъ предатель. — «Я воздал вам сторицею! В вашем лицѣ я мстил всей вашей кастѣ за тѣ притѣсненія и жестокости, от которых страдало бѣдное населеніе в теченіе вѣков!» — Он захлебывался от злостнаго возбужденія. — «Собирайся, старуха, в дальнюю дорогу», ухмыляясь замѣтил один из разбойников.

— «Завяжите ей глаза,» приказал Бласко красной дружинѣ.

— «Я смерти не боюсь,» строго замѣтила донна Тереза. «Ведите меня на разстрѣл куда хотите, убѣжать я не могу.»

— «Храбрая стерва,» одобрительно свистнув, грубо выразился все тот же коммунист. Окруженная насильниками, донна Тереза спускалась во двор. При выходѣ на подъѣзд она столкнулась с Ириною, которую с завязанными руками вел Черный Волк, сопровождаемый своею шайкой.

— «Душка моя,» с невыразимой лаской обратилась старуха к молодой женщинѣ. «Вспомни о моей пріятельницѣ, если иного выхода не будет!»

— «Куда тебя ведут?» — с тоскою спросила Ирина.

— «Обо мнѣ не тревожься. Неволя мнѣ не страшна. Я увѣрена, что брат сможет всѣх нас выкупить из плѣна. Думай лишь о себѣ самой. У тебя семья. Не унывай, моя душка!» — По щекам молодой женщины текли безотрадныя горькія слезы. Она была на границѣ отчаянія.

— «Кто здѣсь начальник?» — повышая голос, окидывая властным взглядом грабителей, освѣдомилась хозяйка «Орлинаго Гнѣзда.»

— «Я!» — грозно отвѣтил Черный Волк.

— «Знаете ли вы, господин разбойник, что эта дама, которую вы держите узницей, моя гостья?» — с рѣзкой ироніей спросила его старуха.

— «Эта женщина — наша лучшая добыча,» громко объявил он, толкая вперед свою плѣнницу.

— «Подождите! Моя гостья — британская подданная. Ея фамилія — г-жа Ларош. Муж моей гостыи, Андрей Ларош, зажиточный человек.»

— «Наплевать мнѣ на короля англійскаго и на Великобританію!» — не без ѣдкости выкрикнулъ Черный Волк. «Наша очевидная союзница одна лишь Красная Россія; остальные государства — эксплуататоры и тираны, притѣсняющіе простой народ!»

— «Кровопійцы!» — визгливо выразил свое мнѣніе Бласко.

— «Ваши политическіе взгляды мнѣ не безызвѣстны. Но вы забываете, что служите испанской республикѣ, которая заискивает у Великих Держав, нуждаясь в их помощи,» с настойчивостью продолжала донна Тереза, намѣренно не обращая вниманія на своего крестника. «Мой брат имѣет связи в Лондонѣ, Парижѣ, Америкѣ. Он не остановится ни перед чѣм, чтобы спасти нас или отомстить в случаѣ неудачи.»

— «На какой выкуп мы можем разсчитывать?» — заинтересовался революціонер.

— «На весьма значительную сумму. Переговоры придется вести вам с самим владѣтелем «Орлинаго Гнѣзда»; совѣтую не откладывать, иначе вам засчитаются всѣ преступленія, совершенныя сегодня ночью вашими красными сообщниками.»

— «Я приму к свѣдѣнію ваш совѣтъ», значительно подмигнувъ Бласко, согласился Черный Волк. Его змѣиный взгляд непріязненно уставился на старуху. — «Развяжите г-жѣ Ларош руки; иностранка не может быть вашей плѣнницей! Оставьте в «Орлином Гнѣздѣ» мою гостью и служащих замка. Возьмите меня одну своей заложницей. Г-жа Ларош будет посредницей между вами и маркизом», настаивала Тереза.

— «Я хочу получить выкуп за вас обѣих,» жестко возразил красный начальник и, указывая пальцем на Ирину, добавил: «Эта женщина должна покинуть с нами «Орлиное Гнѣздо».

Видя, что ея доводы не принимаются разбойниками во вниманіе, старая испанка крѣпко обняла свою младшую подругу.

— «Жена Андрея будет освобождена, помни это! Альфонсо справится с трудной задачей. Не теряй надежды и молись!» — успѣла она на прощаніе шепнуть ей.

— «Забрать всю провизію; угнать с собою лошадей и скот», гаркнулъ Черный Волк. «Начинается разсвѣтъ... надо трогаться... Старуху нужно прикончить, улики будут уничтожены,» подумал он. «За англичанку слеру крупный барыш. Это сбытный товар. Чорт возьми! Жаль что она — чужеземка! Если была соотечественницей, то потѣшился бы я тогда вдоволь над аристократкою! Сволочь!» — с досадой и злорадством разсуждал негодяй. «Змѣй Великан!» — позвал он своего главного помощника. «Снаряди отряд и вези гражданку Ларош в наше загорье. Остальные послѣдуют за тобою в скором времени.»

Влажные, впалые глаза донны Терезы с глубоким состраданіем и невыразимой тоской смотрѣли вслѣд удалявшейся молодой женщинѣ.

— «Надо поджечь замок. Поручи мнѣ это дѣло. Трупы сгорят и никто не сможет упрекнуть нас в жестокостях. Скажем: начался пожар в домѣ, мы всего лишь воспользовались захватить военную дань,» вполголоса совѣтовал Бласко Черному Волку. «Иностранку мы припугнем; она нас не выдаст. Женщина в ея положеніи — сговорчива; ради своего спасенія эта гордячка уступит тебѣ во всѣх твоих требованіях.» Омерзительный намек ясно слышался в его тонком пришепетываніи; этот намек не мог остаться незамѣченным для грознаго атамана разбойничьей вольницы.

Г Л А В А IX.

ДОЛИНА ЛЕГЕНДАРНАГО РЫЦАРЯ-МАВРА.

Со скрученными за спину руками Ирина ѣхала верхом на поджаром конѣ позади Змѣя-Великана; вонючая тряпка закрывала ея глаза и неприятно сжимала лоб; голова молодой женщины ныла; во всем ея тѣлѣ ощущалась болѣзненная вялость и к горлу подступала тошнота. Когда шайка разбойников, увозившая узницу, выѣхав за ворота замка, начала спускаться по пологому уклону в долину, до слуха Ирины явственно донеслись многократные ружейные залпы. «Изверги», ужаснулась она, нисколько не сомнѣваясь, что выстрѣлы означали поголовное уничтоженіе обитателей «Ординаго Гнѣзда». Ей стало дурно и всадница с трудом удержалась в сѣдлѣ. Одна упорная мысль сверлила ея мозг: «Только бы соединиться с Терезою! Поскорѣ увидѣть ее! Вдвоем нам легче будет пережить этот кошмар!» На крутых горных отрогах, на ухабистых извилинах тропы, Змѣй-Великан поддерживал за локоть молодую женщину. Она гнушалась близостью разбойника и содрогалась от одного его прикосновенія. Но этот долгій и темный путь окончился; Ирина стояла в долинѣ рыцаря-мавра. С ея лица была снята повязка. Солнечные лучи бликами играли в прозрачном потокѣ; скалистая балка замѣтно выглядѣла иначе. За 15 лѣтъ в ней произошли многія измѣненія: на всем ея протяженіи валялись громадныя, каменные осколки, подножье когорых закрывалось густым кустарником; хвойныя деревья участились и значительно переросли своих собратьев, чахлах ронц из яблонь, слив и груш...

Замок не возвышался больше своими древними руинами; одни уцѣлѣвшіе подвалы зіяли черными пастями. То тут, то там виднѣлись каменные и деревянные лацуги, между которыми лежал валежник... Водопад, шумно сбѣгавшій с отвѣсной скалы, измѣнил свое русло, раздѣлившись на два рукава, которые соединялись на днѣ долины в пѣнящееся озеро.

Синеватый дымок вился из крыш жилищ и стлался по черепицам от порыва низкаго вѣтра, гдѣ-то слышалось кудахтанье кур и воркованіе голубей, куцый пес своим надтреснутым лаем нарушал гармонію суровых и нѣжных звуков природы. Ирина не без усилія дотаскилась до отведеннаго ей у самаго водопада шалаша, под частой щетиной старой ели. Здѣсь ничего не было слышно, кромѣ рокота воды, и ничего не было видно, кромѣ стволов, гор и неба. Когда солнце спустилось с зенита, в балку вернулся задержавшійся в «Орлином Гнѣздѣ» отряд красной вольницы. Донна Терезы не было в числѣ несчастных женщин, которых насильники, как безсловесных тварей, гнали впереди себя, в свое высокое междугорье. Навѣстив плѣнницу, Черный Волк объявил ей, что прежняя госпожа «Орлинаго Грѣзда» выпущена им на волю. «Она теперь хлопочет о вашем выкупѣ,» ухмыльнулся он зловѣще; его голос звучал ехидством.

— «Как долго вы будете меня здѣсь задерживать?» — нашла Ирина силы спросить его.

— «Неопределенный срок, пока не сговоримся о цѣнѣ выкупа,» огвѣчал разбойник. «Добыча превзошла всѣ мои чаянія. Сейчас начинается дѣлеж между товарищами. Мое руководство в этом дѣлѣ обязательно, иначе дружина перегрызет себѣ горло. Пишите бывшему маркизу Альда. Через час я зайду к вам за письмом», отрывисто закончил он, выходя из убогой хижины. Присутствіе-ли молодой женщины или нетерпѣливое ожиданіе раздѣла награбленнаго имущества заставило Чернаго Волка позабыть о низкой двери. Он стукнулся с размаха лбом о притолоку: ого картуз съѣхал набок и маска соскочила с лица. Иринѣ сразу бросились в глаза бѣлые волосы, лицо, лишенное растительности и матово-тусклая бѣлизна кожи атамана шайки. «Альбинос!» — тотчас мелькнуло у ней в мозгу и она совершенно невольно отвернулась от двери. Инстинктивное сознаніе опасности продиктовало ей утаить от террориста свое необыкновенное открытіе.

— «Я исполню ваше желание, но мнѣ нужны чернила, перо и бумага,» сдерживая содроганіе в голосѣ, замѣтила заложница. Снова прикрывая лицо маскою, «Черный Волк» замѣтил с явной язвительностью:

— «Требованіе „дорогой гости“ будет исполнено. Совѣтую не выходить из вашего убѣжища. Я не могу допустить, чтобы из-за вас мои товарищи перессорились... Обратила-ли вниманіе или не видѣла?»—мысленно спросил он себя и непристойно выругался по испански. Начальник разбойничьей вольницы изъяснялся с заключенной на французском языкѣ, на котором говорил бѣгло и правильно.

Одиночество дало Иринѣ возможность вполне уяснить свое плачевное положеніе и она пришла к убѣжденію, что ея спасеніе заключается в немедленном бѣгствѣ. Всматриваясь в красных беззаконников, молодая женщина сравнивала их с голодными, кровожадными волками, хищный взгляд которых мерещился ей даже в ея уединеніи. Особенно пугал узницу своей наружностью Змѣй-Великан. Его маленькая голова, сидѣвшая на короткой, жирной шеѣ, длинное, гусеничное туловище и узкіе, желтые глаза в тяжелых, без рѣсниц, вѣках, поражали своим сходством с удавом. И теперь появленіе этого грабителя вызвало в Иринѣ тошную гадливость. Жилистые, узловатые пальцы Змѣя-Великана неумѣло сжимали письменныя принадлежности; его язык, высовываясь как змѣиное жало, облизывал толстыя губы и упорный взор жестоко и алчно слѣдил за молодой женщиной.

Ея письмо к Альфонсо было кратко: «Нужен немедленный выкуп за меня и остальных женщин. Пока жаловаться не могу; Черный Волк относится ко мнѣ не хуже рыцаря-мавра!» Она подписалась Изабелла-Ирина Ларош. Эта подпись должна была несомнѣнно указать маркизу мѣстопробываніе заложницы и обратить его вниманіе на необходимую с ея стороны хитрость, вызываемую самосохраненіем. Плѣнница полагала, что ея обман не будет раскрыт Черным Волком: старые служащіе «Орлинаго Гнѣзда» помнили молодую женщину как г-жу Ларош, а новые знали ее как сестру Ирину. Дворецкій-же замка величал знатную гостью принцессой.*) И заключенная имѣла основаніе надѣяться, что даже предателю Гомункулу не удастся обнаружить существованіе второ-

*) По испанскому обычаю свой тигуд дѣвушка сохраняет при замужествѣ. — Зам. автора.

то мужа и при том еще русского, сражавшагося в рядах испанских націоналистов. Огласка этой ее выдумки грозила им обоим страшными послѣдствіями. На ум несчастной приходили рассказы о постоянных жертвах мужей, плативших жизнью для спасенія жен, от участи — худшей, чѣм сама смерть.»

«Орлиное Гнѣздо» пылало. Огненные языки с жадностью лизали старинную мебель, шелковые обои, тяжелую драпировку, деревянную обивку, створчатые окна и двери, мозаичные паркеты и полотна старой и новой живописи. Дым и пламя были видны издалека.

Пожилой коммунист, из астурийских углекопов, остановился над трупом женщины. Ему было поручено Черным Волком слѣдить за дѣйствіями непріятеля, а также было наказано удостовѣриться в полном уничтоженіи улик, обличающих красных в никѣм еще не превзойденных звѣрствах.

— «Жаль старую вѣдьму,» бормотал он, ногою переворачивая с живота на спину изуродованное тѣло: безкровное лицо, как восковая маска, было спокойно и чудилось, что около открытых и незрячих глаз витает неуловимая улыбка.

— «Придется и ее бросить в пекло; ни могилы, ни праха. Своя рубашка ближе...» недовольно пробурчал углекоп, подымая пробуравленный пулями труп донны Терезы и кидая его на высокій костер. Ёдкій запах гари стлался по долиנѣ, отравляя зловоніем горный воздух... Черный Волк держал в руках посланіе Ирины.

— «О каком таком маврѣ вы упоминаете?» — с подозрѣніем спросил он свою узницу. Дверь шалаша была настежь отворена и сноп золотистых лучей заходящаго солнца освѣщал ее темное жилище.

— «У маркиза Альда была пра-бабка, которую похитил один рыцарь. Сжалившись над нею, он выпустил илѣнницу на волю», с осторожностью отвѣтила она.

— «Аристократическія причуды нам, пролетаріям, не понятны. Нравится женщина — бери ее; нужны деньги богатаго — грабь награбленное! Чужого или запретнаго нѣтъ! Все общее, все позволительно,» с дрянной усмѣшкой и не без хвастовства, возразил разбойник. Новое опасеніе больно кольнуло сердце молодой женщины: успѣет ли она осуществить задуманный побѣг из своего заточенія.

— «Я пришел поговорить о дѣлах», продолжал он, косясь на нее.

— «Я увѣрена, Андрей Ларош не откажется меня выкупить из плѣна», быстро выразила свое убѣжденіе заложница.

— «Неужели муж добровольно отпустил вас в Испанію? Что-то не вѣрится», гадко ухмыляясь, замѣтил насильник.

— «Мы разведены», неохотно пояснила она. Он зло-радно разсмѣялся. От этого гнуснаго смѣха ей стало еще страшнѣй.

— «Значит я получу два выкупа: с самой жены и с бывшего мужа.»

— «Но у меня всего лишь небольшая пенсія. Мнѣ невозможно за себя заплатить. И потом вы забываете, что имѣете дѣло с британской подданной», сильно волнуясь, покрываясь холодным потом, возразила молодая женщина.

— «Не беспокойтесь, с вас я не возьму денежной дани. Гражданин Ларош заплатит мнѣ золотом за постой своей разведенной сожительницы; вы же — натурой.» Сребролюбие не было единственной страстью этого мерзавца. Ноги Ирины подкосились; она была принуждена, чтоб не упасть, сѣсть на скамейку — на свое одиночное сидѣніе в шалашѣ.

— «Клюет,» подумал он и закончил: «Сегодня я отошлю ваше письмо по назначенію. За расплатой я к вам приду в полночь!» Черный Волк по звѣриному оскалил свои рѣзцы. Заключение ощутила прилив новых сил.

— «Ни за что! Я предпочту позору смерть!» с над-рывом воскликнула она. Его скверный взгляд змѣйкой вился вокруг стана узницы и холодной змѣей вползал в ея душу. Альбинос не предвидѣл такую стойкость.

— «Упорство вам {повредит. Я предлагаю вам вы-брать не между жизнью и смертью, а между мною и ди-кой, пьяной дружиной,» послѣ непродолжительнаго раз-думья, с вкрадчивой язвительностью, отвѣтил он. В гла-зах молодой женщины потемнѣло...

Красная вольница пировала: богохульства, похабщи-на, раздирающія сердце мольбы о пощадѣ долетали до слуха подавленной уныніем Ирины. Даже рокот водопа-да не мог вполне заглушить разгул и бѣснованіе озвѣ-рѣлых людей. Шум падающей воды, сливаясь с человѣ-ческим говором, пугал томившуюся плѣнницу; как-будто в поток вселилось многоголосое существо из мрачнаго потусторонняго міра. Черный Волк участвовал на пиру

своей шайки; он сидѣлъ на природном возвышеніи в видѣ каменнаго кресла. Бласко укутавшись в темный плащ, как нетопырь забился в скважину скалы. Его лихорадочный взгляд слѣдил за каждым движеніем своего вождя, находившагося в двух шагах от него. Альбинос снял с лица маску. Его красноватые глаза с алчностью смотрѣли на оргію горных разбойников: в которой ни Бласко, ни он, не принимали дѣятельнаго участія. Они довольствовались выпивкой стараго вина, взятаго из погребѣ «Орлинаго Гнѣзда.»

— «Чѣм кончился твой разговор с чужеземкою?» не без гнуснаго намека и болѣзненнаго любопытства спросил младшій старшаго.

— «Наотрѣз отказалась от моего предложенія, но тогда я ее припугнул товарищами», пошло ругнув узницу, отвѣтил тот и досказал свою мысль: «это было втираніе очков. Я не могу дать женщину на растерзаніе дружинѣ. Она цѣнная заложница.»

— «Неужели ты способен безвозмездно отпустить ее? Заслуженный марксист, а ведет себя как примѣрный почтенный мѣщанин!» с досадой воскликнул его собесѣдник. «Какая красавица! Видѣлъ-ли ты такую другую? Смотрѣлъ-ли в такіе глаза? Любовался-ли таким лицом? Держал-ли в руках такое тѣло?» — уже свистящим шопотом продолжал искуستهель. Отшвырнув от себя недопитую серебряную кружку, Альбинос с яростью прошипѣлъ: «Замолчи! Я не отказываюсь от права побѣдителя! Ты как-будто заинтересован ею? Небось — зависть тебя гложет!»

— «Я ненавижу женщин! Чертовки! — взвизгнул Бласко и, отхаркнувшись, сплюнул. Мокрота упала на правый сапог Чернаго Волка. Альбинос лѣвой ногой неторопливо убрал плевков с обуви и с пренебрежительной ироніей замѣтил:

— «Я не пойму тебя. Какой-то выкидыш!» Сказав эти слова, он оскорбительно ухмыльнулся. От безсильной злости Бласко заскрежетал зубами. Поднявшись со своего сидѣнія, Черный Волк закурил трубку: надѣвъ на лицо маску, он заложил руки в карманы и не озираясь зашагал по направленію убѣжища Ирины. В его походкѣ была устремленная настойчивость.

Зажав уши, прикрывшись с головой одѣялом, чтобы не слышать буйные крики и вопли отчаянія, молодая женщина горячо молилась. Часы показывали 11 когда она встала с колѣн и, осторожно пріотворив дверь, вы-

сунулась из шалаша. По близости никого не было видно; поднявшийся мѣсяц ярко освѣщал долину; лунные снопы ложились на озеро, скалы, деревья; горный поток искрился серебристыми, голубоватыми зайчиками. Плѣнница стала ползти к ближнему, правому рукаву водопада. Не успѣла она сдѣлать и половину своего пути, как неподалеку раздалась площадная ругань и показался Змѣй-Великан. Молодая женщина распласталась на землѣ. Разбойник шел по лѣвому берегу озера. Его нетвердая походка доказывала, что он был подвыпившим.

— «Отхожее мѣсто,» вспомнила бѣглянка, догадываясь, куда направлялся Змѣй-Великан. «Я забыла про эту яму,» добавила она мысленно, снова начиная безшумно ползти...

Под отвѣсной стѣною в эту сентябрьскую ночь было сыро и темно. «Как найду я расщелину?» — с тревогой спрашивала себя Ирина, стоя у самого водопада, холодные брызги котораго падали на молодую женщину. Она попробовала наступить на зыбкіе камни, торчавшіе из воды; ее обдало ледяною струей потока. Напрягая свое зрѣніе, заложница безуспѣшно искала щербину, о которой как-то раз обмолвилась донна Тереза. «Повидимому проход находится по другую сторону скалы; придется обойти озеро. Надо торопиться!» От своих щемящих дум она слабѣла: руки и ноги плохо слушались, в головѣ ощущалась тяжелая пустота. Бѣглянка уже собиралась повернуть обратно в новых поисках расщелины, когда вновь в полѣ ея зрѣнія встала фигура Змѣя-Великана. Капли пота вызванный ужасом, выступили на лбу молодой женщины: разбойник, не ссорачивая, приближался к ея шалашу. «Не успѣла, погибла,» болѣзненно стучало сердце плѣнницы. И впервые в душѣ Ирины зародилась мысль о самоубійствѣ. «Мое тѣло, ни живое, ни мертвое не достанется красным чудовищам», это молниеносное рѣшеніе было подсказано ей воспоминаніями об омерзительных дѣйствіях, совершенных большевиками в годы гражданской войны в Россіи. Молодая женщина перекрестилась. Она теперь ступала по скользким камням, покрытыми мшистыми водорослями. Шаткіе булыжники колыхались под ея ногою. Водяная пыль садилась на волосы, кожу, одежду заложницы. Скоро Ирину схоронила пелена воды: снизу клокотало озеро, сверху гремя водопад. Оглушенная ревом, ослѣпленная брызгами бурнаго потока, она прислонилась к мокрой скалѣ.

Змѣй-Великан, безуспѣшно обшарив жилище про-

павшей узницы, бѣгом бросился навстрѣчу своему атаману, показавшемуся за извилиной каменистой тропы.

— «Англійская буржуйка сбѣжала или утопилась, такими словами подчиненный встрѣтил начальника.

— «Кликни Бласко! Принеси багор. Живую или утопленницу — все равно сыщем!» — яростно воскликнул Черный Волк и, подбѣжав к хижинѣ исчезнувшей заключенной, начал в припадкѣ бѣшенства, ломать хрупкую постройку.

— «Ха-ха-ха,» разсмѣялся фальцетом подоспѣвший Бласко, слѣдовавший незамѣтно по пятам атамана. «Ты никогда, ни при каких обстоятельствах не терял головы, а теперь из-за бабы лишился рассудка. Конечно: досадно выпустить из клѣтки райскую птицу, но успокойся — птичка не улетит от тебя.» И, гадко осклабиваясь, он добавил: «Днем облава сподручнѣе. Красавица гдѣ-нибудь прячется в нашей долинѣ. Товарищи к утру выспятся и нам помогут ее отыскать!»

— «Еще околѣет; посвѣжѣло; ночью будут заморозки. Падаль мнѣ не нужна!» — с мрачностью взглянув на небо, гнѣвно высказался Альбинос.

Продрогнувшая Ирина могла лишь догадываться о планах своих врагов; для бѣглянки было очевидно, что рано или поздно ея убѣжище будет открыто разбойниками. Пробраться к лѣвому рукаву водопада становилось неосуществимым: сѣверный вѣтер надул снѣжную тучу, земля облеклась в бѣлую пелену, и беслѣдный путь по теплому снѣгу был немыслим. «Опоздала», рѣшила несчастная и вынула жестяную коробочку с лекарством донны Терезы. Один миг она задумалась о послѣдствіях своего смертоноснаго шага. Положив в рот веронал, молодая женщина зачерпнула ладонью воду и проворно запила снотворное. Мысль Ирины упорно вертѣлась вокруг желанія найти себѣ могилу в нѣдрах горы; но темень этого мѣста мѣшала ей изслѣдовать стѣну, под навѣсом которой она таилась. Скоро молодая женщина начала ощущать сонливость и позыв к зѣвотѣ. Вновь появившійся из-за облака мѣсяц бросил свой луч на скачущій водопад, не так давно раздѣленный на два притока, увѣсистой глыбою, осѣвшей своим основанием на стремнинѣ. Шаловливо озарив на каменной поверхности скалы глубокую дыру, чернѣвшую на сажennem разстояніи от бѣглянки и ближе к серединѣ водопада, ночное свѣгило опять укрылось тучею. Это краткое появленіе луны дало Иринѣ возможность замѣтить темнѣвшее

углубление, величиной в обыкновенное слуховое окно. Ощупью, заоченьѣвшими пальцами и застывшими от холода ногами, она искала на влажной грани утеса скважины или выступы, могущіе служить ей точкой опоры. Будя свою засыпающую волю, плѣнница томительно взбиралась по выщербленному подъему. Направление к отверстию указывал ей сквозной вѣтер, дувшій из трещины, которая в видѣ каменной трубы наискось и отлого подымалась на вышку скалы, расколотої глыбою, оторвавшейся в свое время от сосѣдней горы. Намѣченная цѣль бѣглянки была достигнута; Ирина находилась в сухой пещере, с низким сводом и двумя выходами: первым — вниз, по которому она поднялась, вторым — вверх, в концѣ котораго была природная отдушина. Из послѣдней открывался обширный вид на ближайшую к разбойничьему стану логовину, поросшую кряжистыми дубами, между которыми, извиваясь, бурлила рѣчка. Дотащившись до этого горнаго окна молодая женщина встала на колѣни и глубоко вздохнула разряженный воздух. Ея прощальный взгляд обласкал простор земли и неба. Крестообразно сложив на груди руки, она возвысила взор к мерцавшим в облачном поднебесьи звѣздам. Скорбныя слезы катились с блѣднаго лица на костяничник, колючіе кусты котораго пробивались из скалистых щелей откоса. Думы беглянки дѣлались неясными; отяжелѣвшій лоб клонился долу. Собрав горсть костяничных ягод и закусив ими, Ирина сползла в пещеру. И, засыпая мертвым сном в горной могилѣ, она подумала: «Когда-нибудь меня отыщет Альфонсо и Ваня узнает о моей спокойной смерти.»

Г Л А В А X.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА.

Туманное утро исподволь освобождалось от ночного покрывала. Набат с колокольни «Орлинаго Гнѣзда» был услышан в деревнѣ Муріас, и в ранній час в спящее село Св. Варвары, гдѣ Альда остановился на ночлег, прискакал на измышленном конѣ гонец-крестьянин. Предусмотрительные и осторожные люди избѣгали ночных путешествій по гористой Астуріи, в пустынных междугорьях которой прятались отряды красных, получавших из-за границы постоянное подкрѣпление провіантом и военным матеріалом. Эти шайки вели партизанскую войну, грабя и сжигая селенія, нападая на обозы и лазареты;

своими дѣйствіями они сильно осложняли сношеніе между отдѣльными частями арміи Франко. Тревожныя вѣсти, привезенныя крестьяниномъ, были какъ-бы продолженіемъ страшнаго сна. В эту ночь Альда приснилось, что родовой замокъ горѣлъ и он искалъ среди обугленных труповъ тѣла Терезы и Ирины. Во снѣ маркиз слышалъ неумолчно гудѣвшій набатъ: колоколъ издавалъ звуки смертельнаго ужаса; эти звуки, въ видѣ длинныхъ, колючихъ языковъ, летали по воздуху, больно вонзались въ тѣло...

Альда сѣлъ за руль автомобиля; его сопровождали четверо вооруженныхъ воиновъ. Мѣстами путь былъ ухабистый, часто онъ змѣился по косогору, иногда велъ черезъ висячіе надъ пропастью мосты и круто подымался на отроги. Лицо маркиза окаменѣло; его сосредоточенный взглядъ не отрывался отъ дороги, какъ-бы мчавшейся навстрѣчу сильной машинѣ. Никогда еще съ такой быстротой и отвагой, отбрасывая всякую предосторожность, Альфонсо не ѣхалъ въ свой родовой замокъ...

Маркизъ стоялъ въ галлерей семейныхъ портретовъ. От вонючей гари трудно дышалось. Златокудрая Изабелла улыбалась съ полотна своему потомку; за исключеніемъ небольшихъ поврежденій эта картина уцѣлѣла. Пожарнымъ удалось потушить огонь раньше, чѣмъ пламя успѣло распространиться по всѣму дому и переброситься на прилегающія къ нему службы. Смотря на портретъ Изабеллы, Альда думалъ о погибшей сестрѣ и похищенномъ другѣ. И, оплакивая Терезу, его острый умъ намѣчалъ шаги, которые должны были привести къ спасенію плѣнницы. Одинъ изъ раненныхъ грабителями стражниковъ, успѣвшій спрятаться въ саду замка, доложилъ маркизу о кровавыхъ событіяхъ этой ночи. Слезы, блестѣвшія въ глазахъ Альфонсо, не были вызваны однимъ лишь ядовитымъ дымомъ, окутывавшимъ сѣрымъ саваномъ «Орлиное Гнѣздо». В теченіе вечера, посланцемъ Чернаго Волка, въ сторожку замка было подброшено письмо Ирины къ Альфонсо. И Альда рѣшилъ одновременно съ хлопотами объ освобожденіи заложницы, принимавшимися по его просьбѣ Краснымъ Крестомъ и британскимъ посольствомъ, дѣйствовать по своему личному усмотрѣнію...

Снѣжинки бѣлыми мотыльками садились на голыя скалы, изумрудную зелень хвои и мѣдноцвѣтную листву чинар. С вышки холма маркизъ изучалъ въ полевой бинокль горную балку, крутыми скатами спускавшуюся къ логу, по которому, изгибаясь вокругъ корявыхъ древесныхъ стволовъ, текла рѣчка. Эта сжатая долина замыкалась по

краям отвѣсными гранями каменных масс, хаотически нагроможденных землетрясеніем. Он давно не посѣщал эти мѣста и теперь с напряженіем искал на поросшем косянником и можжевельником склонѣ ход в пещеру... Руки, державшія бинокль, дрогнули: в полѣ зрѣнія маркиза выступила женская фигура. Альда с тоской всматривался в обострившіеся черты лица; через увеличительныя стекла, он видѣл горѣстныя слезы, скорбный склад губ и сложенные крестом руки. В позѣ молодой женщины чувствовалась приговоренность. Собираясь во чтобы-то ни стало обратить ея вниманіе, Альфонсо отдѣлился от сухостоя, за которым прятался, и лихорадочно замахал шляпою. Но всѣ его усилія привлечь взгляд Ирины были безуспѣшны...

Сумеречный час застал маркиза у расщелины. Он боком влѣз в узкую дыру и на четвереньках дополз до пещеры, гдѣ Ирина спала непробудным сном. Там, поднявшись с колѣн, Альда электрической лампочкой освѣтил фигуру молодой женщины; она лежала, подложив руку под голову; ея лѣвая ладонь была зажата между согнутыми колѣнками.

В продолженіи нѣскольких минут он напрасно примѣнял свои медицинскія познанія: спящая красавица не просыпалась. Едва слышный шорох заставил маркиза застыть на мѣстѣ; в каменной трубѣ двигалось какое-то существо. Проворным движеніем Альфонсо вынул из кабуры револьвер с прикрѣпленным к дулу глушителем и торопливо направил лучи своей лампочки к противоположному выходу, спускающемуся вниз к озерцу. Яркій свѣтъ упал на блѣдное-желтое и потное лицо Бласко; безцвѣтные глаза крестника донны Терезы выразили изумленіе и ужас. Раздался приглушенный выстрѣлъ, слившійся с шумом воды; голова Бласко упала на дно пещеры; струйка крови потекла по шершавому камню. «Этот *miquelote* больше не встанет,» с презрительным злорадством прошептал маркиз. Снѣжный вѣтер перестал дуть; небо очистилось от туч и сіяніе луны помогло Альфонсо благополучно завершить спуск к рѣчкѣ. Здѣсь маркиза встрѣтили подоспѣвшіе на выручку воины. Вчетвером, они помогли Альда по бурелому, как по висячему мосту, перебраться со своей ношею в ложбину. Эти закаленные в сраженіях бойцы были уроженцами горной Астурии.

Неподалеку от водопада, в одной безлюдной доли-нѣ, затѣрянной в этом бугристом краю, маркиз и его ох-

рана нашли своих мирно пасущихся мулов. Альфонсо возвращался в «Орлиное Гнѣздо,» бережно везя с собой на сѣдлѣ спящую Ирину.

Альда временно поселился в сторожкѣ замка, несколько не пострадавшей от пожара. Послѣ долгих часов томящей неизвѣстности, доктору, немедленно вызванному в «Орлинное Гнѣздо,» удалось вернуть больную к жизни. В продолженіи двух суток Альфонсо не отходил от изголовья Ирины. «Андрюша, мой ненаглядный мальчик...» были ея первые слова. Признав своего друга, молодая женщина ласково улыбнулась и, вглядываясь в его изнуренное, небритое лицо, прошептала: «Тебѣ нездоровится... Гдѣ донна Тереза? Я хотѣла-бы видѣть твою сестру.»

— «Ея нѣтъ здѣсь», был его уклончивый отвѣтъ.

— «Сейчас мнѣ снился сын», продолжала она и ея взор сверкнул радостью. Альда с тревожным вниманіем слушал Ирину. Ея ум неясно соображал: «Эта ночь была кошмарная!» Брови больной сдвинулись и глаза выразили напряжение мысли. «Я видѣла во снѣ Разбойничій Замок и чудовище с волчьей головой и змѣиным туловищем... Вот и теперь я слышу шум водопада, несмолкающій, жуткій... Вода и камни, мѣсяц и тьма, холод и ощущение страха... Это все, что осталось в моей памяти и... кровь», договорила она. В ея взглядѣ Альфонсо прочел испуг...

— «Не напрягай свою голову», отвѣтил он, цѣлуя ее в щеку. «Ты была нездорова и еще слаба. Я думаю, что Ваня в теченіе месяца получит отпуск.»

— «Какое счастье!» — вырвалось у нея. Радостное волненіе звучало в голосѣ Ирины.

— «Поправляйся! Скоро увидишь мужа», уже с улыбкой досказал маркиз и, щупая свой колючій подбородок, закончил; «Я должен побриться и потому принужден тебя на время оставить.»

Г Л А В А Х I.

Н О Ч Ъ Л Ю Б В И.

Замок к пріѣзду Соколова снаружи выглядѣлъ по старому; парк и двор были тщательно приведены в порядок. Погорѣлая часть зданія была закрыта; починку и отдѣлку закоптѣлых или обугленных комнат маркиз отложил до окончанія войны, которую предвидѣлъ в ско-

ром времени. В Астуріи стояла поздняя осень 37-го года. На свои вышки горы надѣли снѣговья шапки; в долинах по ночам бывали заморозки; по утрам серебристый иней лежал на землѣ и колючая пурга мела с высоких плоскогорій. Помогая Альфонсо разбираться в бумагах и вещах Терезы, Ирина украдкой смахивала набѣгавшія, неудержимыя слезы, вызванныя думами о погибшем другѣ. Альда со смерти сестры постарѣл; вѣрнѣе, он потерял свое прежнее благодушіе. Его разговор не пестрѣл остроуміем и взор не отражал жизнерадостную мысль. Маркиз часто по дѣлам отлучался из «Орлинаго Гнѣзда», а когда бывал дома, то неоднократно за работой просиживал долгіе часы. И далеко за полночь виднѣлся свѣтъ из окон его кабинета.

С появленіем Вани жизнь для Ирины замѣтно ожилилась. Он передал ей свою вѣру в конечное торжество добра и надежду на близкую гибель владывствующаго звѣря. Того апокалиптическаго звѣря, вышедшаго из бездны, который, с поущенія Божьяго, в нашу страшную годину, построил на просторах Святой Руси свой престол, обогранный кровью христіан. Сумбурное и мрачное вытѣснялось из ея сердца разумным и ясным; свѣтлыя мечты сызнова витали в головѣ молодой женщины.

Муж рассказывал женѣ про свою походную жизнь. Порою мнѣ кажется, что я вновь нахожусь в Бѣлой Арміи; многіе из прежних соратников находятся со мною в полку; временами даже условія, при которых приходится сражаться с красными, напоминают мнѣ нашу гражданскую войну.» Наканунѣ своего отѣзда на передовую линію, Соколов взял с Ирины обѣщаніе, что она теперь же вернется в Канаду. «Послѣ всего, что произошло с тобой, я не могу за тебя быть спокойным. Тайныя коммунистическіе агенты проникли во многія правительственныя и частныя учрежденія. Ты единственная, оставшаяся в живых, свидѣтельница всѣх тѣх преступленій, которыя были совершены Красными в замкѣ.»

— «Да», согласилась она и глаза ея блеснули слезами. Альфонсо предлагает собственноручно посадить тебя на пароход в Бордо, куда он поѣдет в скором времени по пути в Париж», продолжал Ваня, лаская жену.

Их послѣдняя ночь, таила в себѣ пылъ и нѣжность зрѣлости. Ночныя часы сливали воспоминаніе прошлаго с переживаніями настоящаго. Эта симфонія любви звучала то радостью, то грустью. И эта ночь стояла внѣ времени!

Ирина проводила мужа до ворот замка. Ясное, холодное утро сгущало краски на ее щеках. Карие глаза выглядели особенно глубокими; бархатисто-мягкие, они лучились слезами. Ваня простился с женой горячим поцелуем. Уже заноса ногу на подножку автомобиля, он обернулся. Они снова и в последний раз обнялись.

— «Какой ты солнечный... твоя голова блистает золотом,» говорила она, проводя рукой по его волосам. Машина двинулась; ей вдруг показалось, что лицо Соколова сияет в светлом нимбе...

Из окна своего кабинета Альда глядел на Ирину и Ваню. — «Бѣдные», думал он. «И сколько таких несчастных! Слава Богу! Эта братоубийственная война на исходе...»

Ирина и Альфонсо покидали Испанию; они ъхали в Роллс-Ройс маркиза. Молодая женщина выглядела грустной; Альда имѣл сосредоточенный вид.

— «Послѣ окончанія войны я навѣщу вас в Канадѣ,» сказал он.

— «Как мы всѣ будем счастливы твоему прѣзду!» — отвѣтила она ему и добавила с волненіем: «Временами у меня просто нѣтъ сил переносить постоянное безпокойство и опасенія за Ваню. И эта гнетущая тревога меня не покидает со смерти брата.»

— «Человѣкъ себя считает баловнем судьбы, пока не приключится с ним несчастье», подумал Альфонсо и вслух замѣтил: «Как тебѣ обрадуются—сын, Ольга, Андрей и *belle-mère*.»

— «Да», светло улыбнулась Ирина, «имѣть семью — большое утѣшеніе,» договорила она, пожимая локоть своего друга, и закончила; «Я считаю тебя членом моего семейства.» Карие глаза ему блеснули лаской. Маркиз с благодарностью поднес ей руку к своим губам.

Вечер застал их на границѣ Франціи.

— «Здѣсь мы переночуем,» объявил Альда, выльзая из автомобиля, остановившагося перед гостиницей «*Chalet basque*».

— «Разсказ, который я написал о твоих злоключеніях в горах Астури, будет мною переведен на разные языки и напечатан во многих журналах,» говорил в ресторанѣ за ужином Альфонсо. «За успѣх этой статьи я ручаюсь, она откроет глаза многим на настоящее лицо коммунизма, скрывающееся под маской человѣколюбія.»

— «Я душевно удовлетворена; мои переживанія приносят другим пользу; но вспоминать о них я не могу без содроганія», отвѣчала Ирина.

— «Тебѣ нужно забыть кошмар тѣх часов, проведенных в плѣну у Черного Волка, но остальным необходимо об этом знать и помнить», возразил он. В противоположном от разговаривающих углу сидѣл за одиночным столиком пастор. Сѣдина головы, темные очки, безволосое лицо, тусклая бѣлизна кожи придавали ему болѣзненно-старческий вид. На свободном стулѣ, стоявшем возлѣ этой личности, лежала широкополая черная шляпа. За его спиной упирался в стѣну комнаты высокій, с золотым набалдашником, посох.

— «Не торопись завтра рано вставать, отдохни хорошенько. У меня утром дѣла; мы выйдем днем», сказал молодой женщинѣ маркиз у дверей ея спальни...

— «Что дѣлает в эту минуту мой душка Ваня? Гдѣ ты сейчас находишься? Я удаляюсь от тебя с тяжелым сердцем», были первыя мысли проснувшейся на слѣдующій день Ирины. «Альфонсо меня успокаивает; он увѣрен, что полк Вани до весны не будет принимать участія в боях».

Она вышла пройтись по старинным улицам французскаго городка. Закоулистая дорога привела ее к небольшой площади, в концѣ которой высилась своей крышей протестанская часовня, рѣзавшая глаз новѣйшей архитектурой; это зданіе стояло между двумя старыми домами, сохранившимися в цѣлости древній стиль басков. В одном из них помѣщался книжный магазин, в другом находилась винная лавка. В котиковой шубѣ и бархатной шляпкѣ, с вуалеткой на лбу, Ирина производила впечатлѣніе скромной изящности. За молодой женщиной незамѣтно слѣдил пастор; он сидѣл у окна, над книжным магазином, в верхнем этажѣ дома. Это духовное лицо вторично в продолженіи суток встрѣчалось с Ириной. Интерес к ней, опредѣленно проявленный пастором, не мог быть замѣченными другими людьми: в комнатѣ никого не было, кромѣ сидѣвшаго у окна человѣка.

В витринѣ магазина были выставлены книги. Одна из них знакомым именем притягивала вниманіе Ирины. «*Les Maximes de La Roche fouscauld*», прочла она вполголоса и отвѣтила себѣ мысленно: «*Le code de e'egoisme*».

Горбун-продавец, с суетливой услужливостью, разложил на прилавкѣ свой товар: историческія и свѣтскія мемуары разных стран Европы.

— «Не хотите ли посмотреть наш храм?» — раздался позади Ирины угодливый голос. Молодая женщина быстро обернулась; ея сердце испуганно забилося.

Она не могла отгадать причину своего неопредѣленного безпокойства. Это безпокойство охватило ее при видѣ пастора, безшумно вошедшаго в книжный магазин. И, против своего желанія, Ирина согласилась: «Благодарствуйте, с удовольствіем.» Врожденная вѣжливость взяла верх надвнезапным и непріятным смятеніем. Сумрачными, сообщающимися с часовнею переходами пастор привел молодую женщину к кирпичной стѣнѣ протестантскаго храма.

— «Вы здѣсь проѣздом?» — спрашивал он ее, пропуская перед собою в дверь храма. «Я вас видѣл в гостиницѣ. Трудно ли живетъ в Испаніи? Какія послѣднія вѣсти с фронта?»

— «Весной ожидается конец войны,» отвѣчала Ирина. В ее голосѣ слышалась отрада.

— «Как хорошо! У вас, очевидно, в арміи родственники?»

— «Да, муж сражается в войсках генерала Франко», не без супружеской гордости объявила она.

— «Какой молодец!» — похвалил пастор и добавил: «Прав ли я предполагать, что вы англичанка? Мнѣ слышится легкій акцент в вашем произношеніи.»

— «Нѣтъ! Я — русская!» — вырвалось у нея. «И говорю по французски с ранняго дѣтства.»

— «Как интересно», вымолвил он медленно.

— «Но у вас подлинно иностранный выговор», добродушно усмѣхнулась молодая женщина.

— «Вы не ошиблись, я — баск,» не сразу согласился пастор. «Мое слабое здѣловье вынуждает меня часто отсюда отлучаться. Я ѣзжу на лечебныя воды», продолжал он. «И теперь тоже собираюсь на юг, чтобы избѣжать нашу холодную зиму.»

«Желаю вам поправиться: «Adieu Monsieur,» любезно простилась с ним Ирина. Она вышла на площадь.

— «До свиданія... может быть мы еще с вами увидимся гдѣ-нибудь на курортах», учтиво замѣтил пастор.

— «Не думаю. Я возвращаюсь домой, в Канаду», возразила молодая женщина.

— «Человѣкъ предполагает, а Бог располагает», понеслись ей в догонку его слова. Что-то саркастическое почудилось Иринѣ в этом замѣчаніи. Тревожное состояніе ее души вызывалось не то воспоминаніем, не то предчувствіем, и оно было ей самой необъяснимым. «Я вѣдь никогда, нигдѣ этого человѣка не встрѣчала! И потом, такая почтенная личность развѣ может меня без-

покоить? Всѣму виной мое болѣзненное воображеніе; трагедія «Орлинаго Гнѣзда» отразилась на моем настроеніи», заключила она, удаляясь от протестантской часовни.

Маркиз задержался с отѣздом, и лишь в сумеречный час они покинули пограничный французскій городок.

— «Ночевать будем в Бордо,» объявил Альда Ирнѣ. «Я доволен своим днем», продолжал он с загадочной усмѣшкой.

— «Пока ты занимался дѣлами, я гуляла. Очень живописное мѣстечко», отвѣтила молодая женщина. «Я чуть-чуть не заблудилась, но зато купила тебѣ подарок: «*Les memoires de la Princesse Metternich*». Она рассказала про свою прогулку, упомянув про горбуна и пастора. Альфонсо насторожился и даже переспросил ее: «Ты была на «*place du Midi*»? Но отвѣтъ на свой вопрос он не получил; автомобиль рѣзко набавил ходу. Взглянув вперед, маркиз увидѣлъ валявшееся на дорогѣ бревно. Быстрым движеніем Альда прижал к своей груди голову Ирины; они катились с головокружительной быстротой навстрѣчу очевидной гибели.

Г Л А В А XII.

СТРАДНЫЙ ПУТЬ.

Соколов шел на развѣдку с проводником-испанцем. На прогалинах они ползком продвигались вперед, один за другим, медленно и осторожно. Добравшись до естественнаго укрытія, образованнаго углубленіем в бугрѣ и поваленной бурей сосной. Развѣдчики передохнули и закусили. Здѣсь Ваня должен был оставить своего жоака и продолжать в одиночествѣ скалистый путь на сѣвер, гдѣ в низкой котловинѣ, на разстояніи километра от их послѣдняго привала, стояла большевистская часть. Над Пиринеями блистала ноябрьская ночь; прекрасная и величественная, она сжимала в холодных объятіях землю; гранит и порфир горных кряжей укрылись слоем зимняго снѣга, но глубокія междугорья тѣмнѣли своей обнаженной почвой. Все безмолвствовало; ни единого звука; одна мертвая тишина. И слышалось Соколову учащенное бѣненіе собственнаго сердца. Морозило, но ему самому было жарко. Вниманіе Вани до того напряглось, что отдѣльный куст, колеблемый вѣтром, мерещился ему человѣком при волшебном мерцаніи мѣсяца. Обманчивый свѣтъ луны рисовал Соколову далекую сказку; и чу-

дились ему могучія высоты Кавказа. И казалось Ванѣ — продлись еще миг это нравственное напряженіе, и душа его, вольной птицей, покинет тѣло. Множество мыслей пробѣгало в его умѣ, радостныя думы о семьѣ, пустыя безвременныя воспоминанія и жуткія душевныя переживанія. Странное явленіе из области метафизики сызнова повторялось в жизни Соколова. В Испаніи он переживал опять тѣ ощущенія, которыя когда-то в Россіи смущали его душу. Временами его давило неизмѣримо жуткое чувство: шел ли он по дорогѣ, сидѣл ли в окопѣ, стоялъ ли на стражѣ, лежал ли на походной койкѣ — на него без всякаго предупрежденія нахлынивало сознаніе ужаснаго гнета; бѣсовская сила незримо сковывала его члены вплоть до языка... Лишь сердце и ум оставались свободными. И, как только крылатая мысль взлетала к Богу, невидимые путы сами собою рвались и тѣло освобождалось от оцѣпенѣнія.

Крайній перевал через лѣсистый гребень холма остался позади. Благополучно обойдя первыя сторожевыя охраненія красных, Соколов спускался по ущелистому скату. В двухстах шагах от него горѣлъ костер. Ваня опасливо пробирался вперед. Группа людей сидѣла и стояла вокруг пылавшаго огня. Единственной задачей развѣдчика было удостовѣриться: имѣлись ли в Испаніи спеціальныя части Красной Арміи, переброшенныя сюда из Совѣтскаго Союза для помощи коммунистам. Этот не трудный наказ был не легко исполнимым. Надо было скрытно подойти к группѣ бойцов и услышать их разговор, чтобы точно опредѣлить: дѣйствительно ли это были большевики. Разных толков о них было много, но в плѣн пока еще не был взят ни один русскій.

Лазутчик присѣлъ, прислушался и медленно пополз дальше. Он видѣлъ, что это было обыкновенное боевое охраненіе; там, глубже в ложинѣ, была расположена самая часть. Соколов ползком продвинулся еще шагов сто. Теперь до его слуха стали доноситься голоса солдат, но их языка все еще нельзя было понять. Но разстояніе между ними постепенно сокращалось. Развѣдчик был у самой опушки кустарника; уже в пятидесяти шагах от него стояли враги. Возможно — эти красноармейцы были обыкновенными русскими людьми, пригнанными сюда помогать коммунистическим бандам. И, может-быть, они приходились Ванѣ неизвѣстными родственниками, оставшимися, по несчастію, послѣ революціи в Россіи? Но нѣтъ! Н.К.В.Д. никогда не выпустило бы из под своего

надзора за границу, хотя бы даже в составѣ совѣтской арміи, человѣка, которому оно не вѣрило бы, который мог бы в удобный момент внезапно пропасть и затѣм появиться среди бѣлой, антикоммунистической эмиграции. Без всяких сомнѣній в пятидесяти шагах от развѣдчика находился грозный, беспощадный непріятель! Там, гдѣ кусты обрывались, начиналась узкая поляна, залитая лунным сіяніем. И было безусловно неосуществимой задачей пройти незамѣченным это открытое мѣсто.

Соколов посмотрѣлъ на небо: маленькое темноватое облачко быстро продвигалось к лунѣ. «Если оно на время закроет мѣсяц», молніей промелькнуло в его мозгу: «то надо успѣть проползти пустой промежуток.» К его досадѣ тучка стала проходить мимо. Вдруг клочок этого сѣраго пятна на минуту закрыл луну. Для лазутчика этого было довольно; удачно миновав полянку, он снова пробирался кустарником.

Тѣнь одного из бойцов пошатнулась и закрыла собой ближніе кусты; Ванѣ не стало видно костра и продвигаться вперед было сподручнѣй. Неожиданно, почти над самым ухом Соколова раздался громкій смѣх и отвратительное ругательство. Это ругательство было знакомое, русское... Теперь развѣдчику был слышен почти весь разговор врагов. Большевики обсуждали прибытіе третьей Добровольческой бригады, недавно выгрузившейся в Барселонѣ. Один из говоривших, повидимому младшій командир, весело замѣтил: «Прибывшая бригада будет по батальонам разсредоточена по испанским дивизіям. Если завтра пріѣдет начальник штаба одного из батальонов, то непременно получим вѣсточку из дома; четыре мѣсяца без писем!» Далѣе разговор солдат перешел на воспоминанія о родных мѣстах. Слушать долѣе было незачѣм: свѣдѣнія, полученные Соколовым, были весьма цѣнны. Эти свѣдѣнія надо было во что бы то ни стало поскорѣе доставить полковнику Морагазу. Удачная рекогносцировка значительно подымала настроеніе Вани; его думы слѣлались свѣтлыми, легкими. Все, что было в них нуднаго, безпкойнаго, схоронилось в минувших лѣтах... Перевалив через послѣдній крутой горб, чей голый лоб подымался над лѣсистой мѣстностью, лазутчик остановился передохнуть. По сторонам перед Соколовым вставали отвѣсныя стѣны ущелья: оно кончалось небольшим коренистым откосом, рѣдко поросшим вѣчнозелеными дубами. Легко ступая по каменистой почвѣ, Ваня вышел к оврагу. Из ущелья он отлично видѣлъ выворочен-

ное ураганом дерево и уступ, прячась под которым поджидал его испанец-проводник. Развѣдчику всего лишь оставалось пересѣчь поперек балку, на противоположной сторонѣ которой лежало мѣсто, оставленное им немногими часами раньше. Но внезапный выстрѣл принудил его упасть ничком на землю. «Стрѣляют сзади из ущелья», пронеслось в умѣ Соколова. И он начал немедленно сползать по скату. Пули злобно свистали над его головой. Спустившись на дно оврага, Ваня вскочил и побѣжал, стараясь защитить свое тѣло стволами дубов от замѣтно приближающихся выстрѣлов. Перебѣгая от дерева к дереву, Соколов почувствовал острую боль в бедрѣ, раненая нога подкосилась. Падая с размаха, он стукнулся головой о камни...

Прошли часы безсознательнаго состоянія; лазутчик очнулся лежащим на землѣ в палаткѣ, прочная бичевка, туго связывающая руки и ноги, рѣзала ему кожу. Тоска души от сознанія неминуемой смерти была настолько глубока, что плѣнный не ощущал ни томящей жажды, ни ноющей боли в тѣлѣ, ни слабости, вызванной потерей крови. Во взглядѣ Вани читалась скорбь, но в этой скорби не было ни боязни, ни отчаянія. И как тогда, лѣтъ 20 тому назад, Соколова сызнова пронизывали страшные глаза. Но мрачная тяжесть не давила теперь его сердце уныніем или ненавистью. В человѣкѣ, коршуном склонившемся над своей добычей, Ваня сразу признал большевика, допрашивавшаго его в Кіевѣ, в застѣнках ЧеКа. За этот продолжительный срок, раздѣлявшій их первую и послѣднюю встрѣчу, Соколов никак не мог отдѣлаться от предчувствія, что рано или поздно он увидится со «Страшными Глазами». Шепча молитву, узник смѣло смотрѣл в эти, когда-то пугавшіе его, темные орбиты.

— «Мы вновь встрѣчаемся», сказал палач своей жертвѣ. Ледящей пустотою повѣяло на Ваню.

— «Кто — вы?» — вырвалось у него послѣ продолжительнаго молчанія.

— «Я — без роду и племени», был ему глухой отвѣтъ. Какая-то непостижимая сила внушала Соколову продолжать начатый им разговор.

— «Кому вы служите?»

— «Тому, кого проклѣла Христіанская Церковь». Жутью отдавало от этих слов.

— «Кто — он?» — понижая голос до шопота задал новый вопрос плѣнный.

— «Мой господин тот, который предлагал Иисусу владычество над міром.»

— «Отец лжи всегда был лжецом!» — строго и с рвением возразил Ваня. Его взор засвѣтился голубым огнем.

— «Мой властелин распял христіанскаго Бога!» — с упоеніем и злорадством прошипѣл сатанист.

— «Христос воскрес!» — повышая голос, с вдохновеніем, воскликнул Соколов. И напрягая свои духовныя силы, он не чувствовал к своему врагу ни страха ни злобы. Лицо одержимаго позеленѣло; его палящій взгляд постепенно тускнѣл и костлявое тѣло начинало подергиваться судорогами. На губах сатаниста, упавшаго на землю, выступила пѣна, его искаженный рот стал издавать звѣриное рыканье. Страшные глаза закатились...

С завязанными на спинѣ руками Соколова вели по каменистой тропѣ. Он спотыкался; кощунственная ругань рѣзала его слух. Смятая, грязная и в дырах шинель Вани плохо защищала его израненное тѣло; легкій вѣтер, предвѣстник дня, играл растрепавшимися волосами плѣнаго. На поворотѣ дороги он упал; скуластый, приземистый красноармеец, идущій с левой стороны узника, ударил его прикладом. Соколов, стиснув зубы, подавил в себѣ стон и с усилием поднялся на колѣни.

— «Помолись о грѣшном Петрѣ, когда будешь у Бога в раю», прозвучал, как шелест травы, над его правым ухом шопот; дрожащая от жалости рука юнаго рослаго стража поставила Ваню на ноги. Улыбка участія показалась на изуродованных губах страдальца; он наклонил голову. Это движеніе выражало пониманіе и прощеніе.

Золотисто-зеленая суша и серебристо-сѣрая мгла, блѣдно-голубое небо и облака, как слитки золота, блекнувшія звѣзды и стрѣлы-лучи, уходящая в призрачность луна и восходящее в высь солнце: зорный час смѣнялся ясным утром. Соколов своим духовным оком видѣл восток: свѣтлые призраки привѣтливо кивая, ласково улыбались Ванѣ. Линія небосклона раздѣляла небесных от земных; первых озаряло поднимающееся свѣтило, вторых затемняла тѣнь земли. Одни лучились сіяніем, другіе — его отраженіем. Любимыя лица, близкія и чужія, с неописуемой любовью смотрѣли на ученика; они не то звали, не то прощались с ним. Среди насельников этой «восточной страны» была жена, мать, сын, также и товарищи Соколова, раздѣлявшіе с ним трудность походной жизни.

Молодой, дюжій красноармеец, взглянувшій на узника, поразился выраженіем его лица: оно свѣтилось не-

земным счастьем. Подымая к небу незрячіе, выколотые глаза, Ванѣ припоминались слова отца Михаила: «Души пострадавших за христіанскую вѣру не проходят мытарства. Ангелы несут души страстотерпцевъ прямо ко Христу.» Соколов головою сотворилъ знаменіе креста и занес ногу надъ глубокою ямой...

Шестіе арестанта и его стражи видѣли Страшные Глаза; ихъ злобный взглядъ изъ окна сторожки слѣдилъ за страднымъ путемъ Вани...

Взошелъ въ горахъ мѣсяцъ; его лучъ упалъ въ заброшенную шахту, на днѣ которой валялось разбитое тѣло Соколова. Въ эту ночь Страшнымъ Глазамъ мерещились кровавые силуэты; это были тѣни жертвъ, замученныхъ имъ людей въ застѣнкахъ ЧеКа. Взоръ и слухъ сатаниста не видѣлъ, не слышалъ явленій и звуковъ земли.

Рядовой Петр, крадучись, приближался къ Страшнымъ Глазамъ. Мозолистые пальцы воина вцѣпились въ дряблую кожу: шейные позвонки сухо хрустнули, тѣло рухнуло на пол. «Пададь!» — прошепталъ боецъ и, безшумно выпрыгнувъ изъ окна, пропалъ въ ночной темнотѣ...

Много позднѣе, отъ бывшаго красноармейца Петра Ирина узнала о мученической смерти своего мужа.

Г Л А В А XII.

ОБЛАВА НА ВОЛКА.

Сбрасывая огневья покрывала, красныя и желтыя, солнце восходило надъ долиною въ своей ослѣпительной бѣлизнѣ. Ирина шла по лугу. Трава изумруднымъ ковромъ стлалась подъ ея ногами. Безучастнымъ взоромъ она глядѣла на окружающую ее и бившую новой силою жизнь. Бойкое посвистываніе птиц, нѣжныя краски первыхъ цвѣтовъ, весенній запахъ земли, дымчатая лазурь неба и ласковые солнечные лучи не дѣйствовали на молодую женщину бодряще, какъ это бывало встарь, гдѣ бы ни заставала ее весна. Теперь ни небо, ни земля не улыбались Иринѣ; ея душевныя чувства притупились; она жила въ царствѣ тѣней и не могла воспринимать красоту, щедро проявляемую возрожденной природой. Это прозябаніе души было послѣдствіемъ того ужаснаго дня, когда Ирина узнала о взятіи въ плѣнъ ея мужа. Жизнь кончалась этимъ днемъ! То, что было потомъ, уходило въ туманную призрачность... Этимъ яснымъ утромъ въ «Орлиномъ Гнѣздѣ» молодой женщинѣ припоминалась ея поѣздка изъ Испа-

ни во Францію... Толчок, сильное сотрясение, от которого подбросило автомобиль; Альфонсо и она упали на дно машины. «Нас покалѣчит или убьет», молнией пронеслось в ея мозгу. Но прошли секунды; по хорошо мощеной дорогѣ попрежнему мчался сѣрый Рольс-Ройс, управляемый опытной рукой шофера-француза. Они отдѣлались одними лишь синяками. Это очевидное покушение на жизнь Ирины и Альда задержало путешественников на их пути в Бордо; маркиз должен был дать в первом полицейском участкѣ показанія о случившемся с ними происшествіи.

На вопрос Ирины: «Кто мог задумать такое злодѣяніе?» — Альфонсо опредѣленно отвѣтил:

— «Когда я поймаю его, ты увидишь одного из величайших мерзавцев нашей эпохи.» Замѣтив ея изумленный взгляд, он продолжал: «Расскажи мнѣ, как можно подробнѣй, о своей прогулкѣ на «Place du Midi». Она отвела от него свои глаза и начала не без волненія припоминать:

— «Мое посѣщеніе этой площади произвело на меня тягостное впечатлѣніе». Альда со вниманіем слушал Ирину и не перебивал ея толковый рассказ до тѣх пор, пока она не упомянула о неприятном ощущеніи, нашедшем на нее при появленіи пастора.

— «Тебя не могла испугать его «почтенная» наружность. Что именно вызвало тогда твои опасенія?»

— «Вид пастора, конечно, должен был бы меня успокоить; но, как ни странно, я отдѣлалась лишь тогда от моего давящаго чувства, вызваннаго присутствіем этой личности, когда покинула «Place du Midi», продолжала молодая женщина и — внезапно замолчала.

— «Ты поблѣднѣла! Тебѣ—дурно?» — воскликнул он, заботливо беря ее за руку.

— «Блѣлые волосы... болѣзненный цвѣтъ кожи... какая-то особенная матовость лица. И глаза, которые я не могла видѣть из-за темных очков. Неужели это тот же самый злодѣй?! Невѣроятное предположеніе!» — сама с собой разсуждала она тревожно.

— «Кого ты подозреваешь?» — быстро освѣдомился Альфонсо, пытливо всматриваясь в свою собесѣдницу. Взвѣсивая каждое слово, Ирина говорила:

— «У меня вылетѣл из памяти один момент моей второй встрѣчи с Черным Волком». Альда, затаив дыханіе, внимал рассказчицѣ. «Послѣ нашего с ним разговора, который происходил в хижинѣ, куда меня заключи-

ли в Разбойничьем Замкѣ, Черный Волк, при выходѣ из того помѣщенія, нечаянно и сильно стукнулся лбом в притолоку двери. В этот момент разбойник повернулся ко мнѣ боком, и я успѣла увидѣть правую сторону его лица. Но необходимость не выдавать свое открытіе была явной; я сдѣлала вид, что ничего особеннаго не замѣтила. Мое неожиданное открытіе, став для него очевидностью, могло бы стоить мнѣ жизни.»

— «Какое?»—поинтересовался маркиз. И, хотя его голос звучал ровно, в нем чувствовалось душевное напряжение.

— «Черный Волк — альбинос», медленно досказала молодая женщина. «И я подозреваю, что пресловутый пастор тоже альбинос».

— «Mon Dieu! — воскликнул пораженный испанец и добавил рѣшительно: «Непремѣнно отложи свой отъѣзд в Канаду. Твое свидѣтельство понадобится мнѣ в скором времени.»

И, задержавшись во Франціи, Ирина поѣхала в Биаррицъ, гдѣ не была лѣтъ 15... Нить мыслей пресѣклась; она спустилась по откосному лугу к рѣчкѣ и перешла по досчатому мостику на другую ея сторону. «Это мѣсто походит на Русскій Поселок... Андрюша любил с мостика бросать в воду вѣтки или цвѣты, которые называл корабликами. Даст Бог, скоро увижу моего мальчика! Ужасно соскучилась по Андрюшѣ.» Но милый облик сына был вытѣснен свѣтлым образом покойнаго мужа. И снова ея наболѣвшее сердце то трепетало, то замирало от горя. Роняя скорбныя слезы, молодая женщина вслух вспоминала завѣщаніе Соколова: «Мое солнышко! Я рад умереть за Россію, хотя и мечтал с тобой о безмятежной старости на нашей многострадальной Родинѣ, в кругу дѣтей и внуков. Не сокрушайся о том, что разлука настала для нас раньше, чѣм мы ожидали! Счастье с избытком наполняло наше существованіе. И эти немногіе годы были богаче иной долгой жизни... Моя родная бѣдная мама! Тяжело родителям пережить своих дѣтей! Воспитайте Андрюшу вѣрным сыном Россіи. Ирина! Ты слишком еще молода... Выходи замуж за челоуѣка, котораго хорошо знаешь... Не горюй, моя радость! Любовь соединяет навѣки; отошедшіе и живущіе — одна семья Отца Небеснаго. Господь призывает к себѣ одних раньше, других позднѣе. Благодареніе Богу за все!»...

В эти ранніе солнечные часы из тьмы печальных дней свѣтло выступало то недавнее время, когда суще-

ствование молодой женщины было еще цѣльным и осмысленным. И думы Ирины остановились на ея обратном путешествіи в «Орлиное Гнѣздо»... У маркиза быстро созрѣлъ план дѣйствій. Необходимость заманить «пастора» в Испанію была очевидна; но, конечно, в ту ея часть, которая была занята націоналистами. Если эта особа и Черный Волк были одним и тѣм же лицом, то Ирина могла бы служить для него приманкой. Альда нисколько не сомнѣвался, что ему о своих намѣреніях приходилось умалчивать: по его свѣдѣніям в то время в состав французской полиціи входило много коммунистов. Безопасность Ирины была для Альфонсо дороже всего на свѣтѣ. Ввиду этого требовалась особая тщательность в разработкѣ ролей для каждого участника разыгрываемой ими драмы.

Снова они ужинали вдвоем в «Chalet basque». Многочисленные столы были заняты преимущественно франко-испанской публикой, среди которой пастора-альбиноса не было видно.

— «Завтра мы вмѣстѣ посѣтим «la place du Midi». Туда я одну тебя не пущу», говорил маркиз, острым взглядом осматривая сидящую толпу пограничнаго ресторана.

— «С тобой я никого не боюсь», в душѣ улыбнулась Ирина и добавила: «Я довольна, что осталась в Европѣ. Может быть, я дождусь теперь конца войны и тогда вернусь в Канаду с Ваней.»

— «Скоро появится в печати моя статья о твоих переживаниях в Разбойничьем Замкѣ. Общественное мнѣніе иностранных держав постепенно мѣняется в нашу пользу», отвѣтил он. «Твой муж, я надѣюсь, к веснѣ будет дома.»

— «И ты часто станешь нас навѣщать, неправда ли, милый друг?»—спросила она, радостно смотря на него.

— «Конечно», грустная улыбка блеснула в умных глазах маркиза.

Они переходили «place du Midi.»

И Ирина невольно подняла голову; ей померещилось в одном из окон блѣдное лицо пастора. «Хотѣла бы я увидѣть его глаза?» Это пожеланіе навело ее на мысли о «сподвижниках» Чернаго Волка. — «Один хуже другого! Люди—хищники!! Хорошо еще, что теперь одним стало меньше. Альфонсо увѣрен, что убил Бласко... Крестник донны Терезы!» Молодая женщина вновь стояла у книжнаго прилавка. Горбун в этот раз был

предупредителен. Взгляд его желтых глаз, шмыгая по лицам покупателей, казалось стремился прочесть их мысли.

— «Смѣсь крысы со стервятником», указывая взором на продавца шепнула она маркизу. Тот удовлетворился лишь пренебрежительной усмѣшкой.

— «Выбери побольше французских книг. Вѣдь ты еще не научилась бѣгло читать по испански», говорил ей Альда, пока Ирина разсматривала принесенный горбуном товар.

«Я не могу отложить свою поѣздку в Лондон, но обещаю непременно быть с тобой через недѣли двѣ в «Орлином Гнѣздѣ».

— «Очень скучно мнѣ будет там одной. Я извѣстила семью в Канадѣ, что задержалась на неопредѣленный срок в Европѣ», отвѣчала молодая женщина. И, вынимая носовой платок из своей сумочки, она, как бы нечаянно, выронила из нея записку с названіем предполагаемаго мѣста ночлега. Ни в их словах, ни в движеніях не было напряженной поспѣшности или рассчитанной медлительности; простой разговор звучал естественностью. Присѣвший на прилавок и курившій сигару маркиз имѣл вид непосредственный. Но внутренне волненіе Ирины, блестящее возбужденіем в глазах и пылавшее непривольным румянцем на щеках, не могло не быть не примѣченным старым другом.

— «Темныя звѣзды, да яркія розы», вполголоса и ласково сказал он.

— «Я отвыкла от любезностей», мягкая усмѣшка смягчила строгость ея губ.

— «Я забыл свои обязанности», улыбнулся маркиз, не без грустной нѣжности. В присутствіи посторонней личности они непринужденно обсуждали свои дѣла.

— «Завтра ты уже будешь ночевать в Испаніи», беря от продавца пакет с купленными книгами, замѣтил ей Альда. И, выходя с нею из лавки, он шопотом добавил, незамѣтно взгляни на верх. «Ирина вскинула глаза на второй этаж дома: прильнув лицом к оконной рамѣ, на них смотрѣл мужчина в черных очках. «Пастор», объявила она еле слышно...

Ирина ѣхала одна в сѣром автомобилѣ маркиза. Франція оставалась позади. Гористая, пустынная мѣстность, с бѣлѣвшими грядами высот и с дорогой, темной лентой изгибавшейся вдоль их подножья, были знакомой панорамой для путешественницы. Но как не величествен

край басков, она не могла им любоваться: безпокойныя мысли сосредотачивались на надвигающейся на нее конечной развязкѣ, зачавшейся в кровавых событіях «Орлинаго Гнѣзда».

Рольс-Ройс безшумно подкатил к постоялому двору, одиноко стоявшему на проселочной дорогѣ. Очнувшись от теребивших ее дум, Ирина прошла в свою комнату, предварительно задержанную для нея маркизом. В окнѣ спальни глядѣла ясная ночь. Молодая женщина прикоснулась лбом к озяблomu стеклу, разрисованному ловкой кистью мороза, украшенному им тончайшими узорами деревьевъ, папоротников, кораллов, цвѣтовъ. Через эти кристаллическія кружева звѣзды мерцали на тверди; под небом коченѣла волнистая окраина с заиндевѣвшими деревьями и окостенѣвшим валежником. Окаменѣлость зимней ночи невольно давила впечатлительную душу и вызывала в ней тоскливое настроеніе: «Неужели я больше не увижу Ваню?! Я умру с горя!» Слезы затемняли каріе глаза, устремленные на отдѣльно возвышающуюся скалу, которая притягивала взор своей крутизной. «Будет неудача! Коммунисты нас убьют!» Нервное содержаніе пробѣжало по тѣлу Ирины; она отошла от окна. Альда предупредил ее, что хозяин гостиницы состоит в их заговорѣ. И молодая женщина знала, что дом был невидимо оцѣплен тайной полиціей. Но все же, несмотря на эти предосторожности, заблаговременно принятые до ея пріѣзда, Ирину становилось боязно. «Окрестность малонаселенная; у красных имѣются доброжелатели и пособники во всѣх слоях населенія». Окинув тревожным взглядом большую, низкую комнату, она начала шарить своею палкою под кроватью, заглядывать в чуланы и отворять тяжелые с резьбой шкапы, один из которых оказался запертым. Чернаго дерева мебель спальни могла дѣйствовать удручающе не на одну только мистически настроенную натуру. Незвѣстный рѣзчик проявил исключительную одаренность; головы удавленников, вырѣзанныя на шкапах, постели, ножках стола и ручках кресел, поражали своею жизненностью. Сердце молодой женщины билось в грудной клѣткѣ как птица, попавшаяся в западню. В эту ночь Ирина не собиралась спать. Сняв с себя обувь и верхнюю одежду, она потушила свѣтъ и легла в кровать. Горѣвшій камин разгонял ночную тьму, но лицо путешественницы все-таки оставалось в тѣни. Это одинокое бдѣніе было для нея тягостным, Ирина не сводила глаз с аляповатаго изображенія Гойа, которое висѣло в тяжелой рамѣ на противоположной от камина

«стѣнѣ. Громоздкіе стѣнные часы пробили полночь. «Часовые стрѣлки на своем бѣгу ранят человѣка. Конечный час его убивает послѣдней своей стрѣлой». Ирина мысленно передѣлала на свой лад старинное латинское изреченіе.

Сухое потрескиваніе, которое часто слышится в старых домах, вновь вернуло думы Ирины к настоящему; она опустила правую руку под одѣяло, в складках котораго был спрятан маленькій револьвер — подарок предсмортельнаго маркиза. Ея пальцы нервно нащупали это оружіе самозащиты. Еле слышное треніе одного твердаго предмета о другой и легкое скрипѣніе определенно доносились до слуха молодой женщины. Ея испуганный взгляд, с напряженіем уставившійся на портрет испанскаго художника, стал различать при неясном освѣщеніи появившіяся на стѣнѣ измѣненія: дубовая доска с изображеніем Гойа, отдѣляясь от своей рамки, медленно двигалась в обратном направленіи. Скоро знаменитый портретист стушевался с темнотою, показавшагося в стѣнѣ отверстія; на мѣстѣ художника чернѣла пустота. Ирина почувствовала в брюшной полости неприятную рѣзь: в деревянной рамкѣ стоял человѣкъ в маскѣ; дуло большаго револьвера было направлено на грудь.

— «Не кричите, не зовите на помощь! Иначе—я вас застрѣлю.» Этот жесткій голос возымѣл на нее отрезвляющее дѣйствіе; кончилось ожидательное состояніе: она была лицом к лицу со злодѣем, котораго нужно было во чтобы-то ни стало одурачить и обезвредить. Существованіе такого изверга было грозою всему пиринейскому краю. И довѣріе к своему испытанному другу восторжествовало над ночными страхами, столь понятными чутким натурам, попадающим в мрачную, чуждую им обстановку.

— «Черный Водкъ!» — прошентала Ирина.

— «Угадали! — Вѣрно не забыли свое пребываніе в Разбойничьем Замкѣ?» — со злобой отвѣтил он и добавил с ядовитостью: «Вы снова пресѣкаете мой путь». «Я пришел получить с вас выкуп», продолжал разбойник.

— «Я вам отдам всѣ деньги, которыя имѣю при себѣ.» В шопотѣ молодой женщины слышалась дрожь, вызванная ея нервностью. «Возьмите мой кошелекъ», говорила она, указывая глазами на свою сумку, лежавшую на письменном столѣ.

— «Мнѣ этого будет не достаточно!» — возразил разбойник.

Не показывая вида, что угадала намѣреніе негодяя, Ирина спросила: «Сколько вы требуете от меня денег?»

— «С женщин я беру другого рода плату», гадко ухмыльнулся мерзавец. И убѣдившись что дверь из комнаты в корридор замкнута изнутри, он сказал с лживой привѣтливостью: «Я не могу, как прежде, достойно принять у себя почетную гостью, британскую гражданку. Я распустил свою храбрую вольницу «*Des revers de Fortune*». Черный Волк безшумно разсмѣялся. В этом глухом смѣхѣ было разбѣдающее ехидство. «Я совершаю большую неосторожность. Ваша красота причина моего внезапнаго ночнаго появленія». Он говорил с приторной угодливостью, как-будто в душѣ этого грубого насильника, дерзкій беззаконник уступал мѣсто иной личности, употребляющей вѣжливыя выраженія и проявляющей показное доброжелательство. И, снимая шапку, Черный Волк низко поклонился. В его угловатых движеніях проглядывала какая-то плотоядная настроенность; как-будто хищник, выжидая, приготовлялся к растерзанію своей добычи.

— «Откройте ваше лицо. Непріятно разговаривать с человѣком, когда не видишь его глаз», опредѣленно, но тихо выразила Ирина свое желаніе. Пряча огнестрѣльное оружіе в задній карман брюк, он с притворным сожалѣніем замѣтил: «Придется исполнить ваше приказаніе». Это будет с моей стороны новой оплошностью, но ничего... Через нѣсколько минут мы разстанемся, чтобы никогда больше не встрѣчаться». И Черный Волк без всякой поспѣшности начал снимать с головы маску. Волненіе молодой женщины достигло высшей степени: дыханіе то ускорялось, то замирало. «Такое напряженіе я долго не вынесу», были ея молніеносныя мысли. Она смотрѣла на него широко открытыми глазами; огонь каминна освѣтил бѣлесоватое лицо и розовато-сѣрые глаза Альбиноса.

— «Пастор!» — вырвалось у ней.

— «Тише!» — с угрозой прошипѣл он.

Забывая свою роль бѣдной жертвы, Ирина с убѣжденіем досказала: «Непремѣнно повѣсить».

— У «пастора» имѣется алиби; наружность же Чернаго Волка незнакома врагам. В ваших же интересах не поминать происшествія этой ночи. Кто-бы повѣрил, что эти двѣ личности представляют одного и того же чело-вѣка?» — с коварной мягкостью возразил подлец. И со злорадством он договорил: «Скоро нигдѣ, никогда болѣе

я не увижу вас». Черный Волк сдѣлал шаг вперед, к постели молодой женщины; его руки потянулись к ней. Ненавистный взгляд убійцы со змѣиной вкрадчивостью проникал в ея сердце.

— «Я задушу вас, если вы станете сопротивляться.» Это были его послѣднія слова. Гулко раздался одинокій выстрѣлъ; альбинос упал бездыханный к ногам Ирины. Блѣдная и дрожащая она вскочила с кровати. Дверцы замкнутого шкапа отворились и с улыбкой участія к ней подошел маркиз. Накинув на спину ватный халат, поднятый им со стула, Альда прижал к груди молодую женщину.

Когда он вывел ее из комнаты, гдѣ на полу валялся окровавленный труп злодѣя, тогда только она с волненіем созналась ему в своем напрасном страхѣ.

— «Хотя я и была увѣрена, что ты находишься поблизости, все же было жутко».

— «Можно закурить сигару?» — спросил маркиз, вытаскивая из внутренняго кармана свой платиновый портсигар. Ирина не обратила вниманія на его вопрос.

— «Отчего ты меня не предупредил, что прятался в шкафу?» — упрекнула она друга.

— «Оттого, чтобы ты случайно не выдала этому гаду мое мѣстонахожденіе», объяснил Альфонсо и с наслажденіем затянулся гаванской сигарой.

Г Л А В А XIII.

Ю Д О Л Ь П Л А Ч А.

Сѣровато-голубыя, мягкія и теплыя сумерки окружали Ирину. Из окон ея комнаты виднѣлись вечернія звѣзды. Она находилась в Бургосѣ, гдѣ жила у родственников маркиза. Молодая женщина опять работала в военном госпиталѣ, гдѣ собиралась служить до окончанія войны. Рѣшеніе остаться пока в Испаніи было ей продиктовано желаніем отыскать во что бы то ни стало тѣло мужа, которое вдова собиралась позднѣе похоронить в Русском Поселкѣ. Утомительная работа сестры милосердія отвлекала ее от бесполезнаго копанія в своей скорбящей душѣ. В этот тихій весенній вечер, Ирину потянуло прочесть свой дневник. Она зажгла высокую лампу, стоявшую рядом с ея креслом. Комната освѣтилась; сумерки отступили от молодой женщины за окно. Перелистывая толстую тетрадь, она задержалась взглядом на тѣх ея страницах, которыя были связаны с радостными

и веселыми воспоминаніями. И через дымку слез Ирина мысленно видѣла слова из завѣщанія Соколова: «Счастье с избытком наполнило наше существованіе. И эти немногіе годы были богаче иной долгой жизни!» Вдова вслух прочла стихи записанные в дневник маркизом, когда она в послѣдній раз гостила в «Орлином Гнѣздѣ».

А С Т У Р І Я .

Armonioso desequilibrio de las formas. Ritmo impar de la playa con el monte. Nube que rebota sobre la ola. Aleteo del silencio. Dentellada de los pinos en el azul. Mansa curva de una ria. Y cerca del cielo la serenísima tiara de cien picos que corona España.

— Así eres tu, Asturia, pero tambien eres la tierra jugosa del manzano, la tierra de las mujeres de sonrisas sumisas al Destino, y la tierra de las pequeñas labores familiares.

Tienes sabor de fruta, de heno, y de ulga marina. Quizas por eso ne gustado de coger entre mismanos un poco de la arena de tus playes para dejarla escapar entre los dedos sin medir el tempo, ni mirar el espacio.

Перевод на русский:

Гармоническая асимметричность форм;
Неровный ритм взморья на фонѣ гор;
Облако кудрявое скачет по волнѣ,
А горы, в лазурном сіяніи дня.
Гребень морского вала, несущій дань рѣчному устью.
И в поднебесьѣ, в оправѣ неба и моря,
Сотня вершин — испанской жары алмазы.
— Ты такова, Астурія!
Но ты также и сочный край яблонь,
Край женщин, с улыбкою покорных судьбѣ,
И также край мелких семейных забот.
Твое благоуханіе, это благоуханіе плодов,
Травы луговой и флоры морской.
Былъ может оттого любилъ я в руки
Брать песку щепотку со взморья твоего,
И пропускать ее меж пальцами своими,
Часов не мѣря, не взглядываясь в даль...

Каріе глаза теперь остановились на послѣдней главѣ дневника: «Я писала Ванѣ. Мнѣ хотѣлось как можно скорѣе извѣстить его о смерти Чернаго Волка и своем пребываніи в «Орлином Гнѣздѣ». Счастливое предположеніе, что из-за моей задержки с отъѣздом в Канаду я смогу попытаться опять свидѣться с мужем, заставляло радостно биться мое сердце. И, улыбаясь, я разсуждала заочно с моим безцѣнным душкой. Совсѣм неожиданно на меня нахлынула волна безпокойства. Поднявъ глаза, я взглянула перед собой: из большого трюмо на меня смотрѣлъ Альфонсо. Выраженіе его лица было до того печальным, что тревожное чувство с новой силой охватило меня. Я быстро обернулась; мой старый друг стоялъ за моей спиной. Всецѣло занятая своим письмом, я не слышала как и когда он вошел. Я не знала: постучал-ли Альфонсо, или, безшумно отворив дверь, незамѣтно подошел ко мнѣ? Но зеркало мнѣ открыло его присутствіе. Наши глаза встрѣтились. В глазах Альфонсо я прочла острое состраданіе.»

— «Что случилось?»—спросила я, содрогаясь внутренно.

— «Успокойся! Всякая бѣда, кромѣ смерти, поправима,» с убѣжденіем и ласковостью отвѣтил он. Но предвидѣніе совершившагося с Ваней несчастья ураганом ворвалось в мою душу. Альфонсо прижал мою голову к своему плечу и тихо сказал: «Я принял нужныя мѣры; мы освободим Ваню из плѣна. Твоего мужа, в первую очередь, обмѣняют на красных военноплѣнных. И тогда я уговорю его вернуться в Канаду. Война кончается». Утѣшая меня, он внимательно вглядывался в мое лицо. Альфонсо видѣлъ, что я была безсильна выговорить хотябы единое слово!

— «Доктор», позвал он и, обращаясь к входившему в комнату мужчинѣ, добавил с нескрываемым волненіем: «Она теряет сознаніе!»

«Кажется, мой обморок длился долго. Очнувшись я начала умолять Альфонсо сообщить мнѣ всю правду. Оказалось, Ваня во время сраженія был контужен и захвачен непріателем в плѣн. Его мѣстонахожденіе было извѣстно и переговоры о его обмѣнѣ велись успѣшно. Эти извѣстія не лишали нас надежды спасти Ваню. Но мрачное предчувствіе все же не покидало меня!»

Послѣдняя глава дневника кончалась короткой замѣткой: «Муж скончался в плѣну от сыпного тифа. Я умираю от тоски!»

Прочитав эти строки, Ирина призадумалась. Вынув из тетради карандаш, она стала записывать: «Смерть для Вани была освобождением. Он жил одной поглощающей его мыслью: вернуться в Россію. Как ни счастлив был муж в кругу семьи и друзей, он страдал страданіями своих соотечественников, разсѣянных революціей по всей землѣ и находящихся под гнетом богоборческой большевицкой власти». Молодая женщина отложила дневник в сторону и, заложив руки за голову, откинулась на спинку кресла. Ея искрившійся слезами взор слился со свѣтлой ночью. Думы Ирины стали торжественными.

И складываясь в тихія слова, онѣ звучали вдохновением:

«Гдѣ вас только нѣтъ, русскіе скитальцы?! Изгнанные Правды ради! Какіе горы, лѣса, пустыни и берега морскіе не скрывают вас от жестокаго невѣдѣнія, от слѣпой злобы людей?! Стадо Христово! Сама безчувственная природа оберегает вас от Его врагов. Гонимые за вѣру христіанскую, вы несете человѣчеству послѣднее предостереженіе. В этом заключается предназначеніе свыше. И хочется вѣрить:

Тревожный тот оклик	И слѣд сей, безвѣстный
Услышат глухіе;	Искрится слезами,
Ваш истинный облик	Но ангел небесный
Увидят слѣпые.	Невидимо с вами.
В терпѣніи крайнем	Горючія слезы
Надежда спасенья,	В вѣнец он вплетает,
А в мужествѣ вашем	Разбитыя грезы
Залог возрожденія.	В покой претворяет.

Хоть темная ночка
Змѣей обвилася,
Синяя зорька,
Над нею взнеслася...

Потушив свѣтъ, Ирина вышла в сад. Круглый мѣсяц величественно всплывал над крышами домов. Лунными бликами сверкали вымощенныя камнем дорожки и блестящими искрилась вода фонтана. «Какая торжественная красота», были ея мысли. У садовой рѣшетки она остановилась. Человѣческая тѣнь упала на асфальтъ тротуа-

ра. «Калитка заперта; чужой войти к нам не может», подумала молодая женщина, отступая вглубь сада.

— «Сударыня», кто-то тихо позвал. Это слово было русское; ея сердце забилося от волненія, не то пріятнаго, не то тревожнаго. Ирина снова подошла к калиткѣ. По другую сторону рѣшетки стоял рослый юноша; одежда испанскаго воина не была пригнана впору и выглядѣла на нем в обрѣз. Незнакомец пристально всматривался в лицо молодой женщины, освѣщенное сіяніем луны.

— «Вы — русскій?» — негромко спросила она.

— «Да», хрипло отвѣтил он и в свою очередь задал ей вопрос:

— «Вы-ли вдова Ивана Соколова?»

Ирина, в знак утвержденія, опустила голову; в ея душѣ тоскливая боль заняла острѣе. Юноша глуше проговорил:

— «Я давно вас ищу... Я принес вещи Ивана Соколова. Я признал вас по фотографіи, которую нашел в подкладкѣ его фуражки».

— «Войдите», прошептала она и дрожащей рукой отперла садовую калитку. Он вынул из кармана небольшой пакет.

— «Мое имя — Петр. Я видѣл как ваш муж умер. Я был бойцом перваго батальона Второй Добровольческой Бригады, прибывшей в прошлом году из Совѣтскаго Союза».

Ирина, ощутив сильную слабость, оперлась о чугунную рѣшетку.

— «В этом сверткѣ пуговица, фуражка и платок», говорил Петр. «Я оставил все, как было... не смыл с вещей крови. Рѣшил, так будет лучше». Юноша переминался с ноги на ногу и не поднимал глаз; его порывитое дыханіе указывало на крайнее безпокойство. Она поборода в себѣ нашедшее на нее онѣмѣніе и сказала солосом, звенѣвшим слезами:

— «Расскажите мнѣ, как, когда и гдѣ погиб мой муж». Полная увѣренность в том, что Ваня был замучен большевиками мгновенно овладѣла ею. Но у нея хватило мужества захотѣть узнать правду и дослушать до конца разсказ бывшаго красноармейца..

Тяжело дыша, Ирина прислонилась к калиткѣ: в ушах злобно жужжал пчелиный рой, перед взором тусклѣл свѣтъ мѣсяца и меркли ясныя звѣзды. В призрачность уходил образ юноши; его слова доносились до нея из туманной дали.

— «Лицо вашего мужа сіяло, он улыбался перед своей смертью!» Сверток с вещами Соколова выскользнул из рук молодой женщины и у ней даже не нашлось сил поднять с земли пакет с реликвіями. С закрытыми глазами Ирина оставалась без движенія.

— «Он меня простил... Простите и вы!» — с мольбою обратился к ней Петр. В его просьбѣ звучало непережитое страданіе. Она молчала. Он упал перед нею на колѣни и склонился в земном поклонѣ. Прошли мгновенія...

— «Встаньте. В его память вы прощены!» В шопотѣ молодой женщины слышалось душевное изнуреніе. Подобрав с земли сверток, юноша поднялся.

— «Спасибо», поблагодарила она, принимая от него вещи Вани.

«Если будете в нуждѣ, обратитесь за совѣтом к маркизу Альда. Мой друг—влиятельный человек и, ради меня, всегда вам поможет», закончила Ирина, выговаривая с трудом. Сдѣлав нѣсколько шагов по направленію к дому, она невольно обернулась. Ее огорчил подавленный вид Петра; молодая женщина принудила себя ему улыбнуться. От этой жалостной улыбки юноша встрепенулся и его взгляд оживился.

— «Могу ли я еще хоть раз вас увидѣть?» — нерѣшительно освѣдомился он у нея.

— «Заходите, когда хотите», отвѣтила она ему. Благодарный взгляд Петра провожал ее до тѣх пор, пока молодая женщина не вошла в свою комнату. Закрылись ставни, задернулись занавѣски; не стало ее ни видно, ни слышно. Воин вынул из кармана своей рубашки фотографическій снимок и поднес его к губам. С опущенной головой юноша ушел; но в этом молодом, безвѣріем опустошенном сердцѣ не было ни холода, ни унынія: огонек любви, зажженный Ваней, разгорался в его душѣ все ярче и сильнѣе.

Г Л А В А XIV.

Т О В А Р И Щ Ю Н О С Т И.

Уже полгода Ирина носила глубокий траур по мужѣ. Черная вуаль, обрамленная вокруг головы бѣлым крѣпом, закрывала волосы вдовы. Ея лицо выглядѣло окаменѣлым; одни лишь впалые глаза свѣтились живою думой. И не было ни ропота, ни отчаянія в душѣ Ирины;

она принимала постигшій ее удар с христіанским смиреніем и находила утѣшеніе в Іисусовой молитвѣ,*) которой когда-то научил ее отец Михаил. Ирина попрежнему жила в Бургосѣ. Перебѣжчик Петр ее частенько навѣщал. Сперва эти посѣщенія были ей тяготны своим напоминаніем о мученической кончинѣ Вани; но постепенно почтительная привязанность и глубокая преданность юноши породили в отзывчивой женщинѣ чувство полного довѣрія. А довѣріе есть основаніе дружбы, на котором люди строят прочныя зданія в размѣрѣ своих сил и в соотвѣтствіи своих способностей. Она понимала, что он то-сковал по семьѣ, оставленной в далекой деревнѣ, что страдал одиночеством в средѣ чужих, хотя и добрых к нему людей, что тревожился за участь родителей, призванных, по всей вѣроятности, к отвѣту за побѣг сына из Красной Арміи.

Благодаря точным указаніям юноши, маркизу удалось отыскать тѣло Соколова. Останки Вани были положены в гроб, временно поставленный в семейном склепѣ Альда. Вдова в скором времени собиралась обратно в Канаду; она намѣревалась везти с собой тѣло мужа. Петр должен был ее сопровождать. Он рѣшил устроиться работником в Русскій Поселок. Ирина привѣтствовала это рѣшеніе юноши. «Ваня взял бы его с собою. Там нужны волевые люди. Конечно, вначалѣ не легко будет бѣдной Еленѣ Александровнѣ видѣться с Петром. Но в концѣ концов она поймет и оцѣнит его. Петр — без вины виноватый. Ему легко искупить свою вину. Эта вина — лишь послѣдствіе того грѣха, который лежит на всем старшем поколѣніи русскаго народа...» Салерни покидал Испанію; он застал Ирину сидящей за письменным столом: начатое письмо к Ольгѣ лежало перед нею. Луиджи был в замѣтном замѣшательствѣ: его брови нервно хмурились, а рука — то теребила галстук, то побрякивала монетами в карманѣ сюртука. Встрѣтившись с нею взглядом, он, улыбнувшись, спросил!

— «Курить можно?» Ходя по комнатѣ с зажженной папиросой, дополняя слова жестами, Салерни торопливо говорил:

— «Еще год не прошел со смерти твоего мужа. Я должен был бы подождать, но мы — старые друзья, хорошо знаем друг друга... Я не хочу вернуться в Италію,

*) Спасительное дѣйствіе молитвы «Господи Іисусе Христе, помилуй мя.» хорошо извѣстно человѣку, постоянно повторяющему эти святыя слова.

не рѣшивъ с тобою одного вопроса...» Она не могла сомнѣваться, что Луиджи собирался сдѣлать ей предложеніе. И первымъ намѣреніемъ вдовы было не допустить его до объясненія. Но, вспомнивъ завѣщаніе Соколова, она сдержала свой понятный порывъ и, склонивъ на руки голову, молча выслушала Салерни до конца.

— «Очень тронута твоимъ постоянствомъ. Оно поразительно!» — В замѣчаніи Ирины сквозило волненіе; это волненіе выдавалось прерывистымъ дыханіемъ, обрывавшимъ ея голосъ.

— «Я не скрою от тебя, что былъ счастливъ с Клавдіей. Ея смерть для меня была настоящей утратой», сознался онъ.

— «Твоя жена мнѣ очень нравилась. Бѣдная, умерла такой молодой!» — искренно пожалѣла Ирина.

— «Да, ей было всего 25 лѣтъ!» — с грустью согласился Луиджи и озабоченно добавилъ: «Моя единственная дочь заболѣла корью; из-за нея я спѣшу в Римъ. Какъ видишь, причина моего срочнаго отъѣзда уважительная!»

— «Лучше переболѣть дѣтскими болѣзнями в раннемъ возрастѣ», успокоительно замѣтила она.

— «Особенно — свинкой!» — усмѣхнулся итальянецъ. «Я болѣлъ этой отвратительной свинкой в 16 лѣтъ и очень страдал, главнымъ образомъ, нравственно, опасаясь за...»

— «Мучительная болѣзнь», поспѣшила перебить его вдова. «Но корь тоже бываетъ весьма неприятной».

— «Да. Несчастливая моя крошка», снова забеспокоился онъ, думая о дочери.

— «Я вижу ты хорошій отецъ», привѣтливо сказала Ирина.

— «И былъ отличнымъ мужемъ. Жаль, что Клавдія не можетъ подтвердить мои слова!» Веселая усмѣшка загорѣлась в его взглядѣ.

— «Безусловно», не могла не улыбнуться она этому неожиданному и неумѣстному замѣчанію.

— «Согласна-ли?» — умоляюще спросилъ Луиджи подходя къ ней ближе.

— «В третій разъ ты мнѣ дѣлаешь предложеніе.» В карихъ глазахъ засвѣтилась сочувственная улыбка.

— «В своемъ гаремѣ не всѣхъ жен одинаково любитъ султанъ. Среди красавицъ — всегда одна любимица. Эта психологія не понятна женщинамъ», сострилъ онъ, беря ее за лѣвую руку.

— «Как мѣтко я прозвала тебя фавном. Помнишь-ли, при первой нашей встрѣчѣ мы поссорились?» Ирина задумалась; ея лицо вновь стало серьезным.

— «Мы никогда не скучали вмѣстѣ, а скука величайшее зло на землѣ. Пререканія между «Нимфой» и «Фавном» были забавныя», возразил с живостью Салерни, прижимаясь щекою к ея рукѣ. Но она безмолствовала; мысли вдовы были далеко, далеко...

— «Сага mia,» любуясь предметом своей страсти, с ласковой настойчивостью позвал он. Ея думы оборвались. Чертя буквы на письмѣ к Ольгѣ, она проронила:

— «Не я тебѣ откажу, а ты сам от меня откажешься».

— «Это немыслимо!» — горячо запротестовал пораженный ея словами Луиджи.

— «Я предлагаю себя на тѣх же условіях, на каких взял меня Андрей».

Он побагровѣл и, не на шутку разсердившись, вскричал:

— «Ты смѣешься надо мною! Или ты — сумасшедшая! Я не святой и не евнух!» Смущенная женщина отвернулась от пріятеля своей юности и промолчала. Порывисто схватив Ирину за плечи, Луиджи поставил ее на ноги. Чернильное перо, выскользнув из ея пальцев, скатилось на пол. Они соединились взглядом: с его стороны была мольба уступить, с ея — просьба не настаивать болѣе.

— «К чему эта вѣчная любовь? Любовь, лишающая меня полноты счастья, безпрестанно манящая своим миражем, мѣшающая мнѣ забыть даже в объятіях другой женщины! Наши встрѣчи поднимают в моей душѣ неудовлетворенныя чувства. Бесплодныя, онѣ приносят разочарованія!» — размышлял он вслух. Ирина сдѣлала легкое движеніе, чтобы высвободиться из его рук. Но, удержав встревоженную женщину, Салерни стремительно поцѣловал ее в губы. Она вздрогнула; алая краска густо разбѣжалась по блѣдному лицу вдовы. Сдѣлав над собою усиліе, Луиджи выпустил Ирину из своих рук; отходя от нея и не оборачиваясь, он с трагизмом крикнул: «Addio!»

С надрывом брошенное на прощаніе слово было ясно; Салерни отказывался от своей мечты, постоянно напоминающей о себѣ то милым именем, то яркостью взгляда, то ласкою улыбки, то стройностью движеній.

Возвращаясь в свою гостинницу, Луиджи с желчью и горечью помышлял о Ирине: «Дурак! Хотѣл с неба достать звѣзду! На что нам в жизни звѣзды? Чѣм дальше от земли их обманчивое сіяніе, тѣм лучше для смертных. Эти несогрѣвающія нас звѣзды причиняют людям одни только огорченія! Главное, что нужно человѣку, это — постель! Все остальное второстепенно. Идеал жены: пылкая любовница, заботливая мать, представительная хозяйка. И найти такую женщину не так уж трудно. Овдовѣвшая Свева еще молода; моя пріятельница любит меня и я к ней тоже неравнодушен». Но в бесѣдѣ с самим собой он не находил утѣшенія.

С уходом Салерни полная тишина водворилась в комнатѣ. Ирина попрежнему сидѣла за письменным столом. Перед нею лежало неоконченное письмо к Ольгѣ, на котором четко выступали крупныя буквы В, А, Н, Я.

Глаза Ирины не отрывались от имени того, который жил в ея сердцѣ. Слезы, как вечерняя роса, сверкали в черных рѣсницах и длинныя пальцы писали слагающіеся сами собой стихи:

«Твоя душа горит звѣздою,
Лучится в небѣ золотом;
Она ведет меня с собою,
Своим спасительным путем.
Прости унылое томленіе,
Мои печальныя мечты;
Одно вѣдь надо в утѣшенье —
Молитву к Богу вознести.
Забыв обиду, огорченья,
Улыбкой ясной одарить
И, видя горе, униженья,
Слезу горячую пролить,
И свѣтъ пройти стопою вѣрной,
Оставив мрачныя мѣста;
Мір озарить свѣчей нетлѣнной,
Тропы небесныя найдя!»

Небосклон, свѣтившійся палевым закатом, переливался цвѣтами яхонта. Вдова устремила свой взгляд к вѣчно переменчивым, вѣчно повторяющимся явленіям земли и неба.

ГЛАВА XV.

LE MARIAGE BLANC.

Как старец опирается на костыль, так особняк маркиза поддерживался деревянными подпорками. Колонны его главного подъезда валялись на каменных плитах двора и зиявшая пробоина в крышѣ предоставляла безпрепятственный вход на чердак для голубей и нетопырей. Ирина покидала Испанію, гдѣ исходила вдоль и поперек «долину плача». В ожиданіи своего отъѣзда она жила в Мадридѣ, в домѣ Альда.

Солнечные лучи то прыгали зайчиками, то ложились звѣздочками на серебро кофейнаго сервиза, на зеркала комнаты, на мозаику паркета. Этот ранній час застал Ирину с Альфонсо пьющими в столовой утренній кофе. Говоря о недавних событіях, вовлекших их в свой стремительный водоворот, маркиз разъяснял ей все то, что осталось для нея неизвѣстным или непонятным:

— «Ты, навѣрное, давно догадалась, что с начала гражданской войны я работал в тайной развѣдкѣ».

— «Да», утвердительно кивнула она.

— «Зарѣзанная Мерседес была женою одного из моих лучших сыщиков», продолжал он. «В домѣ этой несчастной я встрѣчался с ея мужем. И там чуть-чуть сам не попался в ловушку, разставленную для меня коммунистами. Вначалѣ мои посѣщенія красивой и молодой женщины были истолкованы врагами как обыкновенная любовная связь, и мнѣ удавалось держать их довольно долго в невѣдѣніи. Но заблужденіе красных прекратилось с появленіем в Санта-Маріа пресловутаго Сулье».

— «К моему стыду я тоже усумнилась в тебѣ», замѣтила Ирина, прикасаясь пальцами к его рукѣ, поднимающей с подноса серебрянный сливочник.

— «Я это видѣл, но оправдаться никак не мог», отвѣтил Альда и с сухой усмѣшкой добавил: «Из-за тебя я ночами не спал». Она застѣнчиво обласкала его своим бархатистым взглядом.

— «Итак», рассказывал Альфонсо, «раззорившійся Морис из богача внезапно стал бѣдняком. Это случилось

перед самым началом испанской революции. И с этого времени он сдѣлался агентом коммунистическаго интернационала». Ирина слушала с напряженным вниманіем своего собесѣдника. «В ночь убійства я был в домѣ Мерседес. Спѣшныя дѣла задержали меня в городѣ, я пришел к несчастной женщинѣ, когда звѣрское злодѣяніе уже было совершено. Но мое запозданіе спасло мнѣ жизнь: убійца и его сообщники, прождав меня понапрасну около часа, оставили мѣсто своего преступленія». Указывая глазами на свое рубиновое кольцо, маркиз замѣтил: «Оно было мною потеряно в комнатѣ Мерседес; попав в руки португальской полиціи это кольцо должно было впутать меня в трагическія событія той ночи. И мнѣ пришлось срочно оставить Санта-Маріа».

— «Каким образом Сулье открыл твою тайну?» — спросила она.

— «Догадавшись о первой тайнѣ, Морис учел и вторую». Его отвѣтъ был для нея загадочным.

— «Я не понимаю?» — Ирина вопросительно взглянула на друга. Его глаза выразительно посмотрѣли на нее. Она медленно отвернулась от своего собесѣдника.

— «Да!» — как бы подтверждая то, что выразил взгляд, проронил Альда. Взяв в руку щипчики, Ирина положила сахар в чашку.

— «Пожалуйста!» — обратилась она к нему, «я хотѣла бы еще кофе». Исполняя ея желаніе, он говорил:

— «Влюбленные обладают особым чутьем! Насколько они бывают слѣпы в отношеніи окружающих их происшествій, настолько они чутки в отношеніи предмета своей страсти. Перемѣна ли в настроеніи любимой женщины, интерес ли, проявленный к ней иным существом, ея увлеченіе другим мужчиною, все это большія или мелкія душевныя переживанія не остаются незамѣченными для тѣх, которые сами любят». Дрогнула рука, ставящая кофейник на поднос: коричневыя капли брызнули на стол и кофейныя пятна расползлись по бѣлой скатерти. «Сулье, будучи сам влюблен, почувствовал то, что я ревниво берегу от остальных людей!» Ирина молчала. «Морис открыл мою сердечную тайну, и ночныя свиданія с Мерседес начинали принимать для него иной образ. С того времени коммунисты стали за мной слѣдить. В этой замысловатой, запутанной игрѣ охотник и звѣрь постоянно обмѣниваются своими мѣстами». Маркиз задумался. Она положила руку на его плечо и сказала:

— «Я рада, что ты больше не состоишь в контрразвѣдкѣ».

— «Я тоже», согласился он.

— «Я давно хотѣла узнать, каким образом Черный Волк проник в «Орлиное Гнѣздо?»—возвращаясь мыслью к жутким событіям позапрошлага года, поинтересовалась Ирина.

— «Наш воспитанник», с ѣдкой усмѣшкой отвѣтил Альда, «проводил свои каникулы в замкѣ. Возможно, что изучая в библиотекѣ старыя карты (одно время Бласко завѣдывал книгами), он напал на существованіе потаеннаго хода. Этот подземный ход, высѣченный в скалѣ, вел из грота в долину. Бласко постепенно и секретно занялся его расчисткою. Но все же, чтобы осуществить задуманный план, предатель должен был подкупить двоих санитаров нашего лазарета». С сильным чувством огорченія Альфонсо добавил: «Я не могу себѣ простить, что не предотвратил нападенія разбойников на «Орлиное Гнѣздо».

— «Кто подумал бы заподозрить Гомункула в такой черной неблагодарности!» — воскликнула она.

— «Я не оправдываюсь: до меня доходили слухи из города о его дружбѣ с лѣвыми политиками», печально возразил он. «Испанская революція, по примѣру русской, выпустила из тюрем не одного только террориста-революционера, но и уголовного преступника. И всѣ эти темныя личности, получив свободу, пополнили ряды войск новоиспеченной республики», с язвительностью продолжал маркиз. Ирина ему внимала с замѣтным интересом.

— «Сам мнимый пастор был контрабандистом. Его біографія занята для психіатра.» И с разстановкой, напирая на каждое слово, он объявил: «Альбинос был *un prêtre defroqué!*»

— «Неужели!» — не могла не изумиться пораженная женщина.

— «Когда этому типу удалось замести в Испаніи свои слѣды, тогда он, под чужой фамиліей, обосновался во Франціи. Записавшись, для видимости, в какую-то сектантскую общину, Альбинос принял французское гражданство. На «*place du Midi*» находилась его штаб-квартира. Эта главная квартира была хороша своей безобидной внѣшностью и возможностями, которыя предоставляла Черному Волку: в погребѣ винной лавки собирались соборники, а в книжном магазинѣ для распространенія держалась коммунистическая и антирелигіозная литература... Еще живя в Россіи ты могла убѣдигься, что одно лишь тогда легко достижимо, когда другое заблаговре-

менно расчищает ему дорогу», вставил в свой рассказ отдѣльное замѣчаніе наблюдательный Альда и значительно договорил: «Хотя контрабанда и занимала мѣсто законной дочери, а политика имѣла мѣсто лишь побочной, все же любимым дѣтищем этого преступника было не первое, а второе — незаконнорожденное!» Маркиз вынул портсигар: «Дым тебя не обезпокоит?» — спросил он.

— «Нисколько», отвѣтила она.

— «За 20 лѣт своего пребыванія во Франціи Альбинос забрал в свои руки контрабанду западных Пиренеев. Под кличкой «Черный Волк» он был извѣстен среди своих злоумышленников, но очень немногіе из них знали о двуликом существованіи», вновь начал повѣствовать Альфонсо. «Сулье оказал нам большую услугу: основываясь на полученных от него свѣдѣніях, я смог отыскать «берлогу краснаго звѣря». И хотя я и признавал «пастора» за активного агента коммунизма, но все же был далек от мысли, что эта личность и «Черный Волк» представляли одно и то же лицо». Маркиз пустил изо рта кольца дыма и снова задумался.

— «Какое злодѣяніе, совершенное Альбиносом, лишило его священническаго сана?»—освѣдомилась Ирина.

— «Садизм», лаконически отвѣтил Альда.

— «Жуткое существо», промолвила она не без невольнаго содроганія.

— «И единственно ты одна могла заманить в западню этого изверга», осторожно снимая пепел с сигары, замѣтил он. Ирина вопросительно на него взглянула.

— «Садист», устремляя взор в окно, вслух размышлял Альфонсо, «должен был желать встрѣчи с той женщиной, которая сумѣла выскользнуть из его лап. Рано или поздно он был вынужден отпустить из плѣна британскую подданную, но ничто не могло препятствовать ему надругаться над нею. Все-же сама жизнь заложницы была в сравнительной безопасности до тѣх пор, пока «Черный Волк» не узнал, что и плѣнница и ея муж были русскими эмигрантами. Покушеніе на нас, неудавшееся благодаря исключительной смѣтливости шофера, было крайним средством покончить с врагами, свидѣтельство которых о звѣрствах красных должно было принести не малый урон молодой социалистической республикѣ. Но, приготавливая нам быстрый конец в автомобильном крушеніи, Альбинос не мог не мучиться безсиіем удовлетворить свои садистическія наклонности. И, как только ему представился случай отомстить своей бывшей

плѣнницѣ, он не убоился тайно перейти границу, рискуя быть убитым испанскими патріотами. Горбун был мною подкуплен; револьвер «Чернаго Волка» был разряжен.

— «Трудно забыть конечный акт этой трагедіи», с увѣренностью объявила она.

— «Да», согласился Альда, «занавѣс давно опустился, но мы все еще находимся под впечатлѣніем окончившагося представленія». И, подумав, он продолжал: «Я за тебя страдал, хотя и увѣрял себя, что ты была в безопасности. Но, тѣм не менѣе, мы сговорились с тобой, что ты сама будешь стрѣлять в Альбиноса, в том случаѣ, если мой первый выстрѣл не уложит его на мѣстѣ».

— «Сознаніе, что в моих руках находилось огнестрѣльное оружіе, придавало мнѣ силы выдержать до конца роль обреченной жертвы», вставила свое замѣчаніе Ирина и улыбнулась: «Ты тонкій психолог».

Ласково усмѣхнувшись, маркиз сказал: «В завершеніе нашей бесѣды, я кое-что добавлю для полнаго твоего уясненія всѣх тѣх происшествій, которыя неудержимо захватили нас на своем гибельном бѣгу. Постоялый двор был мѣстом сборища для контрабандистов. Прежній хозяин гостинницы оказался подставным лицом; настоящим владѣльцем был Альбинос. В мрачной спальнѣ с удавленниками, останавливался сам начальник. Эту комнату никому не сдавали. Одинокое стоящее на проселочном пути строеніе имѣет потайную лѣстницу, как ты знаешь, находящуюся за портретом Гойа, которая спускается в погреб. У «Чернаго Волка» сохранился ключ от секретной двери в подвал, выходящей прямо в кукурузное поле. Один из служащих постоялаго двора был осведомителем у «Чернаго Волка». И поэтому коммунисту было поручено сбросить твое тѣло с высокаго утеса в тѣсный провал, лежащій поблизости того мѣста, гдѣ находился ночлежный дом. Если бы ужасный замысел удался, то зимній снѣг плотным саваном покрыл бы слѣды преступленія этих жутких злодѣев».

— «Гомункул, Черный Волк, Змѣй-Великан... Пожалуй в этом человѣческом звѣринцѣ самой омерзительной личностью был Бласко», послѣ продолжительнаго молчанія заключила она. Маркиз, отодвинув от стола свой стул, откинулся на его спинку и, заложив ногу на ногу, отвѣтил:

«Закоснѣлость нераскаянных грѣхов, как застарѣлая болѣзнь, дѣлает человѣка душевно-больным. Такія души

не способны обновляться ни ясными, ни добрыми мыслями; онѣ неизбежно порождают одни лишь темныя дѣла». Взор Альфонсо стал вдумчивым: «Стараясь быть объективным, я прихожу к убѣжденію, что Бласко постепенно терял разсудок. Он был скопцом; послѣдствіе рака. Мнѣ теперь кажется, что Бласко ненавидѣл женщин, в особенности молодых. Чѣм красивѣе она была, тѣм сильнѣе должны были быть его пытка и ненависть. Бласко был мнѣ просто жалок! Я терпѣл его в память стараго Діего. Но Тереза прилагала не мало стараній, чтобы выправить характер своего крестника». Альда замолк печально.

— «Прозвище Гомункул к нему подходило». В опредѣленіи Ирины слышалась гнѣвная нотка.

— «Перейдем в кабинет», подымаясь со стула предложил он. Сидя на кожаном диванѣ, друзья продолжали бесѣду.

— «Я не представляю без тебя свою жизнь», говорил маркиз. «Этот дом — без сестры, Мадрид—без друзей, Испанія — без короля! Как будто я гляжу на землю с потусторонняго міра! Но уѣхать, чтобы забыться, я не могу; я не хочу вырвать свои корни, крѣпко сидящіе в испанской почвѣ».

— «Я всей душой тебѣ сочувствую», тихо отвѣчала она. Ея скорбные глаза смотрѣли на него с участіем.

— «Старая страница книги-жизни перевернута», со вздохом продолжал он. «То, что запишется на новой — меня мало интересует».

— «Я тебя понимаю. В моей радости увидѣть сына и свекровь, Ольгу и Андрея есть давящая полнота. Как будто наболѣвшее сердце отказывается воспринимать и горе, и счастье!»

— «Это душевное омертвѣніе пройдет. В твои годы нетрудно оставить позади *«la Vallée de Misère»*».

— «Пережить—нужно, но позабыть—нельзя», дрогнувшим голосом возразила вдова. Ея пальцы машинально играли кисточкой подушки. Альфонсо, покрывая свою ея руку, с задушевностью сказал:

— «Воспоминанія, радостныя или грустныя, придают значеніе нашей жизни... И настанет время, когда ты снова пойдешь по Цвѣтущей Равнинѣ, тогда как я останусь потихоньку доживать свой вѣкъ в Юдоли Плачевной». Каріе глаза выражали пониманіе; их глубокий взгляд охватывал то, что было внѣ времени. Истекшіе годы, настоящіе дни, грядущія лѣта вставали перед внутренним

взором Ирины, то подернутое дымкой прошлого, то освещенное яркой действительностью, то зарождающееся во мглах будущего.

— «Бѣдный!» — пожалѣла она мысленно и с ласковостью добавила вслух: «Я буду тебѣ сестрою!»

Альфонсо с любовью на нее смотрѣл.

— «Я стану твоей женою», вдумчиво продолжала Ирина, обращаясь к маркизу. Луч счастья сверкнул в его глазах.

— «Мой друг! Ты будешь моим мужем!» — порывисто закончила молодая женщина. Влажный взгляд Альфонсо выражал глубокую признательность. Но он совладал с волненіем и, нѣжно обнимая ее, замѣтил тихо:

«Le Mariage blanc — статус кво». Впервые за долгіе мѣсяцы его голос звучал давно ей знакомой ласково-дружественной насмѣшливостью. За этой насмѣшливостью пряталось сильное чувство; чувство, наполнявшее старое сердце блаженством.

— «Мы без слов понимаем друг друга», промолвила она не без отвѣтной улыбки. Не то веселая, не то грустная усмѣшка, заигравшая на ея лицѣ, блеснула алмазами слез в глубинѣ чудных глаз. Былое теряло для вдовы свою болѣзненную остроту; будущее переставало тревожить холостяка своим скучным одиночеством. В заключение их знаменательнаго объясненія, Альфонсо, прочувственно и видимо глубоко переживая, прочел наизусть стихи. Эти стихи были посвящены Иринѣ одним близким пріятелем маркиза.

— «Tenia marfileño color
Su alma.
Y tenia la calma
De una acuatica flor
Sobre un lago, su mirada
Apenas se sentian los latidos
De sus sentidos
Tenue aleteo,
Mas ningun impuro deseo
Mancharla pledo;
Y el empuje rudo
De su sino

En el camino
No alteró su marcha.
Ni la alteró el sol ni la escarcha;
Y anda por la vida sin pecado
Con el virgen corazón alzado
Cual blanca flor de azahar
Blanquisima hostia del altar.

Перевод на русскій:

Жемчужной бѣлизны ея душа,
А взор спокоен, как водяной цвѣток,
На озерѣ лежащій одиноко
Едва-ль уловишь ты бѣенье чувств ея,
Вѣрнѣй — их трепетанье.
Но никогда не загрязнит ее нечистое желанье.
И ни суровая судьба, ни солнце, ни мороз,
Не могут измѣнить той поступи дорожной.
Незапятненной идет она сквозь жизнь,
Порывы сердца устремляя в Высь,
Как бѣлоснѣжный цвѣт невѣсты,
Как жертва чистая к престолу алтаря.

К о н е ц .

О Г Л А В Л Е Н І Е

Часть первая

	Стр.
Глава 1. Бѣгство с Кавказа	9
» 2. Афины	12
» 3. Предложеніе	23
» 4. Рим	28
» 5-6. Первый бал	31
» 7. Via Appia	38
» 8. Ссора между Ириною и Луиджи	42
» 9. Приѣзд Андрея Лароша	48
» 10. Раненый Луиджи	55
» 11. Повѣсть бабушки	61
» 12. Ночное приключеніе	72
» 13. Полное разореніе Невских	79
» 14. Бабушка благословляет Ирину	84
» 15. Свадьба	87
» 16. Случайная встрѣча с соотечественниками	92
» 17. Путешествіе в Канаду	104
» 18. Старый дом	108
» 19. Злосчастная верховая прогулка	115
» 20. Русскій	120
» 21. Встрѣча Ирины с Ваней	124
» 22. Испанія	131
» 23. Романтическая повѣсть маркиза	141
» 24. Ссора с Андреем	158
» 25. Обратное путешествіе	163
» 26. Любовь Ирины	169
» 27. Русскій поселок	172

Часть вторая

Глава 1.	185
» 2. Послѣдствія бала	194
» 3. Бесѣды со старой княгиней	201
» 4. Алтарный курган	207
» 5. Смерть бабушки	212
» 6. Отец Михайл	219
» 7. Альда	226
» 8. Гроза	234
» 9. Бѣгство Ирины	242
» 10. Вызовъ на поединок	250

	Стр.
Глава 11. Чудные цветы маркиза	255
» 12. Путешествіе в обратную сторону	261
» 13. Размолвка	265
» 14. Снова Лунджи	270
» 15. Оккультист	278
» 16. Дом с привидѣніями	285
» 17. Болѣзнь Ирины	288
» 18. Похоть и любовь	293
» 19. Страшная ночь в поѣздѣ	298
» 20. Бесѣды Вани с отцом Михаилом	303
» 21. Мадера	307
» 22. Сомнѣнія разсѣиваются	311
» 23. Приятное одиночество	314
» 24. Ваня, Андрей, Ольга и Ирина	319
» 25. Хозяин старого дома	322
» 26. Полное согласіе между мужем и женой	330
» 27. Счастливый Ваня	333
» 28. Двѣ свадьбы	344

Часть третья

Глава 1. Бабушкина былина	341
» 2. Вечерняя бесѣда	355
» 3. Новая жизнь	357
» 4. Убійство	362
» 5. Бесѣдка	366
» 6. Конец безславнаго существованія	371
» 7. Астурія	375
» 8. Кошмарная ночь	382
» 9. Долина легендарнаго рыцаря-мавра	388
» 10. Спящая красавица	396
» 11. Ночь любви	399
» 12. Страдный путь	404
» 12-а. Облава на волка	409
» 13. Юдожь плача	417
» 14. Товарищ юности	422
» 15. Le mariage blanc	427

«Юдоль Плачевная» — роман из жизни русских политических эмигрантов.

Автор, Княгиня Марія Илларионовна, дочь графа Илл. Воронцова - Дашкова и Ирины Васильевны Нарышкиной. Автор «Юдоль Плачевной» покинул Россию в 1920 году. В Париж, в 1922 году, Марія Илларионовна вышла замуж за Князя Никиту Александровича. В изгнании Князь и Княгиня много лет прожили во Франции, в Англии и во время второй мировой войны они находились в Италии и Чехословакии. Около года Никита Александрович с семьей провели в Пришевной Руси, в селѣ Ладомірово, гдѣ пользовались пріютом Обители Преп. Іова Почаевскаго. И вмѣстѣ с монастырской братіей они оставили восточную Словакію, спасаясь в 1944 году от наступающей Красной Арміи. Но полгода спустя Князю с семьей снова пришлось бѣжать на запад от большевиков, — бѣжать уже из Братиславы в Баварію. Автор начал писать свою книгу еще в страннопріемницѣ Обители Іова Почаевскаго. Маріи Илларионовнѣ хотѣлось нарисовать литературный портрет женщины - эмигрантки, ощутившей по волѣ Божіей на чужой землѣ, но сохранившей за рубежом всѣ тѣ основныя качества русской души, которыя особенно ярко выявляются в пору лихолѣтія. Главныя качества, неотъемлемыя от русскаго человѣка — вѣра во Христа Спасителя и любовь к Руси Православной. И эти отличительныя черты характера всегда были одинаково присущи богатому и бѣдному, знатному и убогому.

«Юдоль Плачевная» доступна пониманію каждаго, благодаря своей правдивости и искренности. И чувства, выраженные в этой книгѣ, не могут не дойти до сердца національно - мыслящих людей.

Tipografia

VENIAMIN V. SAPELKIN

Rua Dr. Cesario Motta Junior, 504

São Paulo - Brasil
